

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

2(48)'2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

2(48)'2014

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2014

УДК 09.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2014. – Вып. 2 (48). – 299 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34

ББК Ш107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта №14-04-0268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014

© Политическая лингвистика, 2014

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

2(48)'2014

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	11
--	----

ДИСКУССИИ

Мищук О. Н. Тула, Россия	Аргументативные ошибки как ракурс персуазивного речевого воздействия в публичных политических выступлениях (на материале публичных выступлений Б. Обамы).....	13
Садуов Р. Т. Уфа, Россия	Лингвокультурные особенности речевого воздействия в политических выступлениях Барака Х. Обамы.....	18

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В. Н. Москва, Россия	Сталинские дискуссии: дискурсные параллели	23
Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Прецедентные имена собственные в языковом сознании красноярцев	23
Гридина Т. А. Екатеринбург, Россия	Приколы «Русского радио»: новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры	34
Иванова С. В. Чанышева З. З. Уфа, Россия	Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа.....	39
Коновалова Н. И. Екатеринбург, Россия	В лабиринтах «сакральных фантазий» российских СМИ	50
Купина Н. А. Екатеринбург, Россия	Заложники идеологического авантюризма: испытание войной	55
Лассан Э. Вильнюс, Литва	Колокол как политический символ русской культуры (на материале русского поэтического дискурса)	62
Лукин В. А. Орел, Россия	<i>Становой хребет и раковая опухоль</i> : функции и дисфункции бюрократии в лингвосемиотическом освещении	72
Серегина И. А. Сургут, Россия Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма	89
Синельникова Л. Н. Луганск, Украина	Информационная война ad infinitum: украинский вектор	95
Ян Кэ Гуанчжоу, Китай	Исследования русского политического языка в китайской русистике.....	102

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алёшина Е. Ю. Пенза, Россия	Факторы регуляции речевого общения в ситуации политического конфликта (на материале английского языка).....	108
---------------------------------------	---	-----

Быкова Т. Ю. Челябинск, Россия	Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1945—1954 гг.	114
Галепа М. А. Новочеркасск, Россия	Заголовки текстов парламентской журналистики: специфика и функции концептов	119
Горбачева О. Н. Каменева В. А. Кемерово, Россия	Визуальные стилистические средства в социальной интернет-рекламе, или Зарождение визуальной стилистики текста	124
Зубакина Т. Н. Екатеринбург, Россия	Метафорическое моделирование историко-политического события (на материале текста мемуаров У. Черчилля)	128
Зэмшал П. Торунь, Польша	Несколько замечаний относительно понятия идеологема	138
Карамова А. А. Бирск, Россия	Грамматические средства идеологичности политического дискурса	143
Керимов Р. Д. Федянина Л. И. Кемерово, Россия	Социальная реальность ФРГ как «игра»: метафорический аспект	149
Новаковски А. Кросно, Польша	Образ России в польских авторитетных публицистических еженедельниках «Политика» и «В сети»	164
Островская Т. А. Майкоп, Россия	Дискурсообразующие концепты современной меритократической элиты Британии и Ирландии	173
Столяров А. А. Москва, Россия	Практики современного искусства в российских уличных протестах	180
Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	«Хто не скаче, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны	185
Томова Ю. С. Москва, Россия	Формирование позитивного образа государства в условиях кризисного события	190
Уржумцева А. О. Москва, Россия	Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «Эль паис»	195
Черняк В. Д. Румянцева Н. А. Санкт-Петербург, Россия	Поле «Античность» в современном политическом дискурсе	201

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Голомбек Бартош Краков; Кросно, Польша	Рунет и идентичность постсоветской квазидиаспоры	206
Гукосьянец О. Ю. Пятигорск, Россия	К вопросу о лингвистических маркерах гендерной идентичности женщин в англоязычных чатах и блогах и механизмах самопрезентации женщин в англоязычной компьютерно опосредованной коммуникации	213

Ерманова Б. Б. Павлодар, Казахстан	Коммуникативные стратегии и тактики прерывания речевого общения в английской коммуникативной культуре.....	223
Кудреватых А. Н. Екатеринбург, Россия	Образ Марфы-посадницы как политического лидера в повести Н. М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»	229
Ложкова Т. А. Екатеринбург, Россия	«Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки в контексте ораторской прозы начала XIX века	234
Мальцева И. Г. Екатеринбург, Россия	Амбивалентность культурно-политического мышления Роберта Мюллера: эссе «Большевик и джентльмен».....	241
Мардиева Л. А. Казань, Россия	Коды визуального поведения и прецедентные визуальные феномены в составе семиотически осложненных текстов средств массовой информации	246
Питолин Д. В. Екатеринбург, Россия	Метафорическое моделирование концептуальной диады «свой — чужой» в романе В. Сорокина «Теллурия».....	251
Соловей И. В. Ижевск, Россия	Дискурсивные стратегии в поле риторики власти	254

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Барабаш О. В. Пенза, Россия	Язык. Право. Общество: интегративный подход к изучению	262
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия		

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Альфонсо Герриеро-мл. Нью-Йорк, США <i>Пер. с англ. Н. А. Красильниковой, Ю. К. Саниной, О. И. Михневич, А. С. Березовской</i>	Влияние средств массовой информации на язык мафии	271
---	---	-----

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	Метафорический образ будущего России в политическом дискурсе	279
Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	(Ре)конструируя статус нации в «(не)объединенной Европе» сегодня?	283
Коньков В. И. Санкт-Петербург, Россия	История в дискурсе политики	286
	<i>Рец. на моногр. В. Е. Чернявской и Е. Н. Молодыхенко «История в дискурсе политики: лингвистический образ своих и чужих» (М. : УРСС, 2014)</i>	
Нахимова Е. А. Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Современная лингвополитическая персонология	290
	Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	293

CONTENTS

Editorial principles of the journal "Political Linguistics"	10
---	----

DISCUSSIONS

Mishchuk O. N. Tula, Russia	Argumentative mistakes as means of persuasion in public political addresses (on the text material of Barack Obama's public addresses)	13
Saduov R. T. Ufa, Russia	Linguistic and cultural peculiarities of persuasion in the political speeches by Barack H. Obama.....	18

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Bazylev V. N. Moscow, Russia	Stalin's discussions: the discursive parallels.....	23
Vasiliev A. D. Krasnoyarsk, Russia	Precedent proper names in linguistic consciousness of Krasnoyarsk inhabitants	23
Gridina T. A. Ekaterinburg, Russia	Jokes of „Russkoye Radio“: new genres of media discourse in the light of traditional humorous culture	34
Ivanova S. V. Chanysheva Z. Z. Ufa, Russia	Rumor introducing discursive technologies in mass media political discourse.....	39
Konovalova N. I. Ekaterinburg, Russia	In the labyrinth of "Sacred fantasy" of the Russian mass media	50
Kupina N. A. Ekaterinburg, Russia я	The hostages of the ideological gambling: to be trialled by World War II	55
Lassan E. Vilnius, Lithuania	Bell as a political symbol of Russian culture (on the basis of Russian poetic discourse)	62
Lukin V. A. Oryol, Russia	<i>"Stanovoy khrebet"</i> and <i>"Rakovaya opukhol"</i> : functions and dysfunctions of bureaucracy in linguistic and semiotic aspects	72
Seregina I. A. Surgut, Russia Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical slogans in referendum on the Crimea status discourse.....	89
Sinelnikova L. N. Lugansk, Ukraine	Information warfare ad infinitum: Ukrainian way	95
Yang Ke Guangzhou, China	The study of the Russian political language in Chinese rusistics	102

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Aleshina E. Yu. Penza, Russia	Regulation factors of speech communication in a political conflict situation (on the basis of the English Language).....	108
---	--	-----

Bykova T. Y. Chelyabinsk	Parents and children of the great country: family metaphors in the Soviet political media discourse.....	114
Galepa M. A. Novocherkassk, Russia	Headings of texts of parliamentary journalism: specifics and functions of concepts.....	119
Gorbacheva O. N. Kameneva V. A. Kemerovo, Russia	Visual stylistic means in social internet advertising or the beginning of visual text stylistics	124
Zubakina T. N. Ekaterinburg, Russia	Metaphoric modelling of a historical and political event (in W. Churchill's memoirs)	128
Zemszal P. Torun, Poland	A few words on the term "Ideologeme"	138
Karamova A. A. Birsk, Russia	Grammatical means of political discourse ideology	143
Kerimov R. D. Fedyanina L. I. Kemerovo, Russia	German social reality as "Sports game": metaphorical aspect	149
Novakowsky A. Krosno, Poland	The image of Russia in Polish highly respected weekly newspapers "Polityka" and "V Seti"	164
Ostrovskaya T. A. Maikop, Russia	Discourse forming concepts of modern meritocracy in Britain and Ireland	173
Stolyarov A. A. Moscow, Russia	The practices of modern art in Russian street protests.....	180
Tagiltseva Yu. R. Ekaterinburg, Russia	«Хто не скаче, той москаль»: informational aggression as a component of informational psychological war	185
Tomova Y. S. Moscow, Russia	Outlining of the positive image of the state in case of crisis event	190
Urzhumtseva A. O. Moscow, Russia	Ukraine, Russia, European Union and their relationships in November of 2013: metaphorical models in the Spanish newspaper "El País"	195
Chernyak V. D. Rumyantseva N. A. St. Petersburg, Russia Санкт-Петербург, Россия	The field "Antiquity" in the modern political discourse.....	201

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Golombek Bartosz Krakow; Krosno, Poland	Runet and identity of Post-Soviet quasi-diaspora	206
Gukosyants O. Y. Pyatigorsk, Russia	Revisiting some mechanisms of women's self-presentation in the English computer-mediated communication	213

Yermanova B. B. Pavlodar, Kazakhstan	Communication strategies and tactics of interruption in English communicative culture.....	223
Kudrevatykh A. N. Ekaterinburg, Russia	The image of Marfa the Mayoress as a political leader in the story “Marfa the Mayoress, or the Fall of Novgorod” by N. M. Karamzin.....	229
Lozhkova T. A. Ekaterinburg, Russia	“Letters of a Russian Officer” by F. N. Glinka within the context of the early XIX century oratorical prose.....	234
Maltseva I. G. Ekaterinburg, Russia	The ambivalence of Robert Muller’s political and cultural thinking: essay “Bolshevik and Gentleman”.....	241
Mardieva L. A. Kazan, Russia	Codes of visual behavior and precedent visual phenomenon in the semiotically complicated mass media texts.....	246
Pitolin D. V. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical modeling of the conceptual dyad “One’s own — Alien” in the novel “Telluria” by V. Sorokin.....	251
Solovey I. V. Izhevsk, Russia	Discourse strategies in the rhetoric field of power.....	254

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Barabash O. V. Penza, Russia	Language. Law. Society: integrative approach to research.....	262
Voroshilova M. B. Ekaterinburg, Russia		

PART 5. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Alfonso Guerriero, Jr. New York, USA <i>Transl. by N. A. Krasilnikova, Yu. K. Sanina, O. I. Mikhnevich, A. S. Berezovskaya</i>	The media’s influence on mob language.....	271
---	--	-----

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Budaev E. V. Nizhniy Tagil, Russia	Metaphorical image of Russia’s future in political discourse.....	279
Gavrilova M. V. St. Petersburg, Russia	(Re)construing nationhood in “(Un)doing Europe” today?.....	283
Konkov V. I. St. Petersburg, Russia	History in discourse of politics..... <i>A review of the monograph “History in Discourse of Politics: Linguistic image of own and alien” by V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko (M.: URSS, 2014).</i>	286
Nakhimova E. A. Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia	Contemporary linguistic personology.....	290
Manuscripts requirements.....		293

Научный журнал
**Политическая
лингвистика**

Political Linguistics Journal

В этом году начал работу новый официальный сайт научного журнала «Политическая лингвистика»: <http://politlinguist.ru/>. Наш прежний сайт — <http://cognitiv.narod.ru/> — более 10 лет верой и правдой служил науке, но пришло время использовать иные технологии.

На новом сайте вы, как и прежде, сможете найти актуальную информацию из области политической коммуникации, поучаствовать в обсуждении фундаментальных и прикладных проблем языкознания и смежных наук, а также обсудить вопросы взаимоотношения языка, культуры и общества.

Мы приглашаем лингвистов и политологов, специалистов по информационным технологиям и связям с общественностью, студентов и аспирантов, а также всех, кому интересны проблемы языка и коммуникации, принять участие в обсуждении проблем политической лингвистики.

На нашем сайте создана небольшая онлайн-«библиотека», в которой вы сможете найти все номера нашего журнала в свободном доступе. Также в библиотеке представлены иные научные труды по вопросам политической лингвистики: монографии, учебные пособия и отдельные статьи, в том числе на иностранных языках. Все материалы переданы нам авторами и размещены в свободном доступе. Мы будем рады, если Вы внесете свой вклад в развитие нашей библиотеки, а наши читатели будут рады познакомиться с вашими трудами.

Часть сайта посвящена Уральской школе политической лингвистики. Здесь Вы узнаете, чем мы занимаемся и чего достигли. Молодым ученым, возможно, будет особенно интересна информация об аспирантуре, действующей в рамках нашей школы, и о работе диссертационного совета.

Мы не забыли и о наших научных «друзьях» и представили ссылки на интернет-ресурсы научных журналов и научных сообществ — наших верных партнеров. Нам будет приятно далее развивать и обогащать этот список.

Постоянно на сайте обновляется информация о научных мероприятиях в России и за рубежом, а также представлены материалы ежегодных конференций с элементами научной школы, проводимых нашим коллективом.

И это только начало нашего пути: в планах — создание видеоканала с лекциями ведущих ученых мира по политической лингвистике.

Огромную благодарность мы хотим выразить Стрельникову Александру за рождение идеи нашего первого сайта, за длительное и плодотворное сотрудничество.

Спасибо тем, кто создал наше новое «лицо», Московской свободной интернет-студии «LOLAMAX» (<http://lolamax.ru/>). Ребята не только разработали для нас новый сайт, но и создали логотип в виде лупы, покоящейся на мозаике — той самой метафорической мозаике, с которой многое начиналось.

Нам всегда везло на сотрудничество с талантливыми, умными, эрудированными специалистами. Верим, что это не случайность, а закономерность, своего рода вознаграждение за создание журнала, сайта и научной школы.

Мы открыты для сотрудничества и ждем ваши пожелания по адресу: shinkari@mail.ru.

С надеждой на новые научные контакты и встречи с давними друзьями,

Мария Ворошилова
и Анатолий Чудинов.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим

взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неформальные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследова-

ния» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

ДИСКУССИИ

УДК 81'271

ББК Ш105.551+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

О. Н. Мищук О. N. Mishchuk
Тула, Россия Tula, Russia

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ОШИБКИ КАК РАКУРС ПЕРСУАЗИВНОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПУБЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ (на материале публичных выступлений Б. Обамы)

ARGUMENTATIVE MISTAKES AS MEANS OF PERSUASION IN PUBLIC POLITICAL ADDRESSES (on the text material of Barack Obama's public addresses)

Аннотация. На материале текстов публичных выступлений президента Соединенных Штатов Б. Обамы перед иностранной аудиторией исследуются аргументативные ошибки как способы реализации персуазивного речевого воздействия. Анализ речей позволил выявить различные типы аргументативных ошибок по разработанной классификации (неясность значения, недостаточность довода, сдвиг значения, ложный авторитет и др.). Под аргументом понимается совокупность защищаемого положения (тезиса) и его обоснования (доводов). Делается вывод о том, что американский президент намеренно обращается к чувствам аудитории, чем обусловлены многие аргументативные ошибки.

Abstract. The article is devoted to the research of argumentative mistakes as means of persuasion on the text material of Barack Obama's public addresses before foreign audience. The analysis revealed different types of argumentative mistakes according to the developed classification (vagueness of meaning, lack of argumentation, shift of meaning, false authority). The argument is a unity of the defended statement (thesis) and its bases (argumentation). The conclusion is made that the American president appeals to the listeners' feelings intentionally, which explains the multiple mistakes in argumentation.

Ключевые слова: политический дискурс; конвинсивное и персуазивное речевое воздействие; семантические и прагматические аргументативные ошибки.

Key words: political discourse; convincingness and persuasion; semantic and pragmatic argumentative mistakes.

Сведения об авторе: Мищук Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин.

About the author: Mishchuk Oksana Nikolaevna, Candidate of Philology, Lecturer of the Chair of the Humanities.

Место работы: Российский государственный торгово-экономический университет, Тульский филиал.

Place of employment: Russian State University of Trade and Economics, Tula branch.

Контактная информация: 300041, г. Тула, пр-т Ленина, 53б, к. 29.
e-mail: oksana_mishchuk@yahoo.com.

Политический дискурс как одна из сфер реализации социальной коммуникации в качестве своей важнейшей задачи имеет осуществление речевого воздействия (далее — РВ). Последнее может наблюдаться даже без постановки специальных задач: РВ появляется не только в случае дискурса убеждения, но и в случае, например, информирования, — уже потому, что в последнем с помощью дискурса может произойти изменение одной из составляющих когнитивной сферы адресата. При этом трактовка РВ как убеждения для нас более привычна. На самом же деле информирование обычно сопровождается убеждению, о чем свидетельствуют изыскания в области риторики (особенно западной).

Убеждение рассматривается нами в ракурсе двух составляющих — конвинсивности и персуазивности. Конвинсивное РВ иссле-

дуется с аргументологических (логикорациональных) позиций, персуазивное ориентировано на этосно-пафосный компонент. Этос трактуется как имидж и качества оратора, а также как риторическая ситуация в целом, являющаяся результатом взаимодействия оратора и аудитории. Пафос интерпретируется как эмоциональные характеристики аудитории, сформированные действиями оратора в предложенных ему общественных рамках (т. е. погружение аудитории в необходимую риторику, согласно интенциональному замыслу выступления, речевую эмоцию) [Мищук 2012: 552—561].

Убеждающий дискурс преимущественно демонстрирует комбинаторную вариативность конвинсивного и персуазивного компонентов в зависимости от параметров риторической ситуации, от типа аудитории и от целевой направленности ритора. Таким об-

разом, комплексный подход к анализу убедительности публичных выступлений будет складываться из методов анализа, пригодных для изучения как конвинсивного, так и персуазивного аспектов.

Для понимания методов исследования персуазивности кратко осветим основные особенности конвинсивного анализа языкового материала.

Конвинсивный анализ выполнялся нами на основе наиболее распространенной в лингвистической аргументологии функционально-динамической модели С. Тулмина [Toulmin 1958]. Эта модель предполагает способ анализа аргумента с точки зрения того, какие роли в нем выполняют составляющие. Под аргументом мы понимаем совокупность, состоящую из защищаемого положения (Тезиса) и его обоснования (Доводов). (Термины, обозначающие компоненты аргумента, согласно традиции Калужской аргументологической школы, пишутся с заглавной буквы.)

Разбиение на аргументативные единицы основано на количестве доказываемых Тезисов и Доводов. К единицам относятся Аргументативные Шаги и Ходы. Аргументативный Шаг — это минимальный аргумент, т. е. комплекс аргументативных функций, обладающий аргументационной реализационной и идентификационной самостоятельностью. Аргументативный Ход есть совокупность Шагов; формальной его границей является абзац. Абзац рассматривается здесь в качестве существенного критерия, поскольку анализируются официальные транскрипты, т. е. письменные манифестационные следы аргумента. Ход обычно содержит несколько Шагов (как минимум, один — при совпадении Хода с Шагом, которое маркируется абзацем), т. е. в нем присутствует один или несколько Тезисов.

Далее обратимся к основным положениям персуазивного анализа монологической речи. В настоящем исследовании персуазивный аспект РВ в публичных политических выступлениях рассматривается с точки зрения наличия в речи оратора аргументативных ошибок (далее — АО).

Современное толкование АО не сводится к собственно недочетам в умозаключениях: многие АО вообще не связаны с логической корректностью. К этому можно добавить, что некоторые АО проявляются в качественном и количественном параметрах Доводов, в ясности формулировок, что не имеет отношения к логической валидности. Кроме того, ошибка предполагает обычно наличие параллельного правильного варианта, что в применении к АО не всегда воз-

можно: иногда исправление такой ошибки означает просто отказ от конкретного несовершенного компонента аргумента, а не приведение правильного противочлена.

В соответствии с вышесказанным мы вслед за Ф. ван Еемереном опираемся на следующую дефиницию: **АО суть несовершенные действия в аргументативном дискурсе** [Еемерен 2006: 162], — а термин ошибка (АО) используем в основном как дань аргументологической традиции.

Основой предлагаемой ниже классификации (которая во многом базируется на системе представителей Канадской школы неформальной логики Р. Джонсона — Дж. А. Блэра) является разделение АО на семантические и прагматические. Семантические понимаются как имеющие в своей основе признак [\pm намеренность] (т. е. нельзя наверняка сказать, совершена ли ошибка нарочно). Прагматические соответственно обладают выраженным признаком [$+$ намеренность] и являются уловками.

1. Семантические АО.

- 1.1. *Связь Довода/Доводов и Тезиса.*
 - 1.1.1. Круг в доказывании.
 - 1.1.2. Ошибочная аналогия.
 - 1.1.2.1. Нерелевантность сопоставления.
 - 1.1.2.2. Минус на минус дает плюс.
- 1.2. *Количество и качество Доводов.*
 - 1.2.1. Недостаточность Довода (должны быть и другие Доводы).
 - 1.2.2. Избыточность Довода (его отсутствие не влияет на Тезис).
 - 1.2.3. Сомнительность Довода.
 - 1.2.4. Нерелевантность Довода (в том числе по принципу *post hoc ergo propter hoc*)
- 1.3. *Языковые АО* (как в Доводе, так и в Тезисе)
 - 1.3.1. Сдвиг значения (выбор иного ЛСВ).
 - 1.3.2. Неясность значения.
 - 1.3.3. Встроенная оценка.

2. Прагматические АО.

- 2.1. *АО, отвлекающие внимание.*
 - 2.1.1. Введение отвлекающей темы (Red Herring)
 - 2.1.2. Фиктивный Довод/Тезис.
 - 2.1.3. К личности.
 - 2.1.3.1. Оскорбляющие личность противника.
 - 2.1.3.2. Упреждающая дискредитация личности противника.
 - 2.1.3.3. АО «сам такой» (*tu quoque*).
 - 2.1.3.4. АО по ассоциации (к группе).
 - 2.1.3.5. АО ложного авторитета.

2.2. АО к чувствам.

2.2.1. К устрашению.

2.2.1.1. Наклонная плоскость.

2.2.1.2. К наказанию.

2.2.2. К популярности/обычаю.

2.2.3. К сочувствию.

Проиллюстрируем употребление различных вариантов АО примерами из выступлений президента США Б. Обамы перед иностранной аудиторией: речь «On Nuclear Weapons» в Праге, «Remarks on the Turkish Parliament» в Анкаре, «A New Beginning» в Каире.

Из выступления в Праге:

(T₁) *I've learned over many years to appreciate the good company and the good humor of the Czech people in my hometown of Chicago. (Applause.) (D₂) Behind me is a statue of a hero of the Czech people — Tomas Masaryk. (Applause.) In 1918, (D₃) after America had pledge its support for Czech independence, (D₄) Masaryk spoke to a crowd in Chicago (D₅) that was estimated to be over 100,000. (D₆) I don't think I can match his record — (laughter) — (D₇) but I am honored to follow his footsteps from Chicago to Prague. (Applause.)*

Данный Аргументативный Ход содержит семантическую АО ошибочной аналогии (нерелевантного сопоставления) в Доводе 2, где проводится параллель между выступлением чешского политического деятеля, находящегося в эмиграции в Женеве, Париже, Лондоне, Чикаго, Вашингтоне, Бостоне и выступавшего в борьбе за независимость Чехословакии, и своим выступлением перед чешским народом. Т. Масарик выступал в поддержку своей страны, а Б. Обама обращается к гражданам чужого государства. В Ходе имеется апелляция к авторитету, что не является в данном случае АО — она направлена на завоевание симпатии аудитории с первых фраз выступления.

When I was born, (O₁) the world was divided, (O₂) and our nations were faced with very different circumstances. (D₃) Few people would have predicted that someone like me would one day become the President of the United States. (Applause.) (D₄) Few people would have predicted that an American President would one day be permitted to speak to an audience like this in Prague. (Applause.) (D₅) Few would have imagined that the Czech Republic would become a free nation, a member of NATO, a leader of a united Europe. (T₆) Those ideas would have been dismissed as dreams.

Данный Аргументативный Ход содержит ряд семантических АО. В Основаниях 1, 2 допускается АО 'неясность значения' выра-

жения *our nations were faced with very different circumstances*. Оратором не уточняется и в последующих Аргументативных Шагах не дается каких-либо объяснений относительно подразумеваемых фактов, так как не все слушающие могут быть осведомлены о событиях тех лет.

В Доводе 3 наблюдается АО 'недостоинство Довода', так как Б. Обамой не приводятся дополнительные факты того, почему в 1960-х гг. мысль об избрании афроамериканца на должность главы государства не могла посетить ни одного гражданина Соединенных Штатов. Такая же АО содержится и в Доводе 4, потому что президент не объясняет причины, почему выступление американского президента перед чешским народом казалось столь нереальным в те годы.

Тезис 6 содержит АО 'сдвиг значения': *as dreams*. В словарном значении 'dream' — мечта, греза, в президентской речи — 'нереальные события, неосуществимые желания', хотя мечты бывают вполне реальными и требующими лишь конкретных действий и усилий для своей реализации. В то же время очевидно, что желанием чешского народа было стать свободной страной, но трудно представить, что мечтой американцев было избрание на должность президента афроамериканца.

(T₁) *We are here today because (D₂) 20 years ago, the people of this city took to the streets (D₃) to claim the promise of a new day, (D₄) and the fundamental human rights that had been denied them for far too long. (D₅) Sametová Revoluce — (applause) — the Velvet Revolution taught us many things. (D₆) It showed us that peaceful protest could shake the foundations of an empire, and (D₇) expose the emptiness of an ideology. (D₈) It showed us that small countries can play a pivotal role in world events, (D₉) and that young people can lead the way in overcoming old conflicts. (Applause.) (D₁₀) And it proved that moral leadership is more powerful than any weapon.*

В Доводе 7 имеется семантическая АО 'сомнительность Довода', так как оратором не доказывается бессодержательность идеологии, которая довлела над чешским государством.

В Доводе 9 можно усмотреть АО 'неясность значения': *old conflicts*, так как президентом не дается дополнительных разъяснений, какие именно прежние или настоящие конфликты он имеет в виду. Данная семантическая АО наблюдается и в Доводе 4: *for far too long*, так как не обозначен конкретный период, в течение которого не признавались права человека в Чехословакии.

В данном абзаце совершается прагматическая АО 'наклонная плоскость': *a new day* → *human rights*. Б. Обама акцентирует внимание на том, что чешский народ в акциях протеста требовал не просто начала новой жизни (*a new day*), а признания основных общечеловеческих прав и свобод (*human rights*).

Из выступления в Анкаре:

(D₁) *Now, my country's democracy has its own story.* (D₂) *The general who led America in revolution and governed as our first President was, as many of you know, George Washington.* (D₃) *And like you,* (D₄) *we built a grand monument to honor our founding father — a towering obelisk that stands in the heart of the capital city that bears Washington's name.* (T₅) *I can see the Washington Monument from the window of the White House every day.*

В данном Ходу допускается прагматическая АО 'ложного авторитета', так как для турецкой аудитории упоминание о первом американском президенте Дж. Вашингтоне и его вкладе в становление независимости США не столь значимо и осознаваемо, несмотря на релевантную аналогию с М. Ататюрком.

(T₁) *The United States and Turkey have not always agreed on every issue, and (O₂) that's to be expected — (D₃) no two nations do.* (D₄) *But we have stood together through many challenges over the last 60 years.* (D₅) *And because of the strength of our alliance and the endurance of our friendship,* (T₆) *both America and Turkey are stronger and the world is more secure.*

В Доводе 4 выявлена АО 'недостаточности Довода', так как американскому президенту необходимо было уточнить, по каким вопросам наблюдалось расхождение интересов сторон.

В Тезисе 6 совершается АО 'наклонная плоскость': *both America and Turkey are stronger* → *the world is more secure*.

В Доводе 3 наблюдается прагматическая АО 'к обычаю', так как президенту следовало привести примеры других государств, у которых есть разногласия в постановке и разрешении вопросов и конфликтных ситуаций.

Абзац 6. Аргументативный Ход 6.

(T₁) *It took decades to build.* (D₂) *There were frequent delays.* (D₃) *Over time, more and more people contributed (T₄) to help make this monument the inspiring structure that still stands tall today.* (O₅) *Among those who came to our aid were friends from all across the world who offered their own tributes to Washington and the country he helped to found.*

Оратор совершает прагматическую АО 'введение отвлекающей темы' в Тезисе 1 и Доводе 2.

Из выступления в Каире:

(D₁) *As a student of history,* (T₂) *I also know civilization's debt to Islam.* (T₃) *It was Islam — at places like Al-Azhar University — that (D₅) carried the light of learning through so many centuries,* (D₄) *paving the way for Europe's Renaissance and Enlightenment. It was innovation in Muslim communities that (D₆) developed the order of algebra; (D₆) our magnetic compass and (D₇) tools of navigation; (D₈) our mastery of pens and printing; (D₉) our understanding of how disease spreads and how it can be healed. Islamic culture has given us (D₁₀) majestic arches and soaring spires; (D₁₁) timeless poetry and cherished music; (D₁₂) elegant calligraphy and (D₁₃) places of peaceful contemplation. And throughout history, Islam has (D₁₄) demonstrated through words and deeds the possibilities of religious tolerance and racial equality.*

Аргументативный Ход содержит ряд семантических АО.

Имеется АО 'сомнительность Доводов' (4, 5), так как изначально университет Аль-Азхар был университетом религиозного образования, лишь позднее в нем появились светские факультеты, хотя и в настоящее время это прежде всего религиозный университет, а первые университеты Европы появились уже в XI в.

Тезис 2 содержит языковую АО 'встроенная оценка', так как слово *debt* в данном контексте имеет негативную окраску и пафосность, выражающую тотальную обязанность всего мира исламу.

Довод 6 содержит прагматическую АО 'фиктивный Довод', так как компас был изобретен в Китае гораздо раньше, чем он появился у арабских мореплавателей.

(D₁) *So I have known Islam on three continents before coming to the region where it was first revealed.* (D₂) *That experience guides my conviction that partnership between America and Islam must be based on what Islam is, not what it isn't.* (T₃) *And I consider it part of my responsibility as President of the United States (D₄) to fight against negative stereotypes of Islam wherever they appear.*

Оратор совершает семантическую АО 'недостаточность Довода' (2), так как нет уточняющих объяснений относительно признаков, характеризующих истинность ислама. Это может быть априори понятно представителям мусульманского мира, но американскому и европейскому народу неизвестны критерии, определяющие истинность данной религии.

Прагматической АО является АО 'к устареванию' в Доводе 4, сочетающаяся с семантической АО сомнительности Довода: президентом не уточняется, каким образом

он будет бороться со стереотипами, потому что изменить негативные стереотипы можно только путем изменения ситуации, на основании которой они возникли.

(Т₁) *But that same principle must apply to Muslim perceptions of America. (Д₂) Just as Muslims do not fit a crude stereotype, (Д₃) America is not the crude stereotype of a self-interested empire. (Д₄) The United States has been one of the greatest sources of progress that the world has ever known. (Д₅) We were born out of revolution against an empire. (Д₆) We were founded upon the ideal that all are created equal, and (Д₇) we have shed blood and struggled for centuries (Д₈) to give meaning to those words — within our borders, and around the world. (Д₉) We are shaped by every culture, drawn from every end of the Earth, and (Д₁₀) dedicated to a simple concept: E pluribus unum: “Out of many, one.”*

В Доводе 2 содержится семантическая АО ‘неясность значения’, так как президентом не раскрывается смысл утверждения *a crude stereotype*. Контекст высказывания не обуславливает понимания того, какому именно собирательному «грубому» образу не соответствует мусульманское сообщество.

Прагматическая АО ‘ложный авторитет’ совершается в Доводе 10. Высказывание на гербе США имеет должное значение для американского народа, но не факт, что такое воздействие его смысл может оказать на сознание мусульман Египта.

(О₁) *For we have learned from recent experience that (Д₂) when a financial system weakens in one country, (Д₃) prosperity is hurt everywhere. (Д₄) When a new flu infects one human being, (Д₅) all are at risk. (6) When one nation pursues a nuclear weapon, (Д₇) the risk of nuclear attack rises for all nations. (Д₈) When violent extremists operate in one stretch of mountains, (Д₉) people are endangered across*

an ocean. (Д₁₀) And when innocents in Bosnia and Darfur are slaughtered, (Д₁₁) that is a stain on our collective conscience. (Т₁₂) That is what it means to share this world in the 21st century. (Т₁₃) That is the responsibility we have to one another as human beings.

Аргументативный Ход содержит прагматические АО ‘наклонная плоскость’ (в парах Доводов 2 — 3, 4 — 5, 6 — 7, 8 — 9, 10 — 11) и одновременно ‘к устрашению’ (Доводы 4, 5) и ‘к сочувствию’ (Довод 10).

Анализ речей показал, что оратором чаще совершались семантические АО — ‘недостаточность Довода’, ‘сомнительность Довода’, ‘ошибочная аналогия’, языковые ошибки ‘неясность значения’, ‘сдвиг значения’. Прагматические АО были менее частотны: как правило, президент апеллировал к чувствам аудитории — к устрашению, к сочувствию, к наказанию, к обычаю, а также допускал АО ‘наклонная плоскость’; также допускались АО, отвлекающие внимание — ‘введение отвлекающей темы’ и АО ‘ложного авторитета’.

Оратором фактически были совершены все типы ошибок, связанные с апелляцией к чувствам аудитории, на основании чего можно сделать вывод о том, что Б. Обама намеренно обращался к чувствам слушающих, что, несомненно, способствовало усилению аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишук О. Н. Речевоздействующая функция и риторические параметры исследования дискурса // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». — Тула : Изд-во ТулГУ, 2012. № 3. С. 552—561.
2. Еемерен Ф. Х. ван. Ошибки в аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. — СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2006. С. 162—197.
3. Toulmin St. The Uses of Argument. — London, Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1958.

Статью рекомендует к публикации д-р филос. наук, доц. М. Л. Гельфонд.

Р. Т. Садуов R. T. Saduov
Уфа, Россия Ufa, Russia

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ
БАРАКА Х. ОБАМЫ**

**LINGUISTIC AND CULTURAL
PECULIARITIES OF PERSUASION
IN THE POLITICAL SPEECHES
BY BARACK H. OBAMA**

Аннотация. Рассматриваются культурно обусловленные способы воздействия в политических выступлениях 44-го президента США Барака Обамы. Анализу подвергаются внутри- и внешнеполитические речи политика. Основной акцент сделан на функционировании прецедентных феноменов в текстах речей. Во внутриполитических речах Б. Обама обращается к когнитивной базе американского лингвокультурного сообщества, дабы продемонстрировать свою включенность в него. Основные прецедентные феномены — образы отцов-основателей Америки, основополагающие для американской демократии документы, популярные песни. Во внешнеполитических речах Б. Обама, наряду с американскими прецедентными феноменами, использует и инокультурные.

Abstract. This article investigates culturally specific means of persuasion in the political speeches of the 44th US President Barack H. Obama. It analyses his domestic and foreign political speeches. Stress is being made upon the use of cultural references in political speech texts. In his domestic speeches B. Obama turns to cognitive basis of American lingo-cultural community to manifest his involvement in it. The main precedent phenomena are the images of the Founding Fathers, basic documents of the American democracy, popular songs. In his foreign speeches B. Obama alongside with the American precedent phenomena uses international ones.

Ключевые слова: политическая коммуникация; прецедентные феномены; Барак Обама; воздействие.

Key words: political communication; cultural references; Barack Obama; persuasion.

Сведения об авторе: Садуов Руслан Талгатович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, факультет романо-германской филологии.

About the author: Saduov Rouslan Talgatovich, Candidate of Philology, Senior lecturer of the Chair of English Philology and Intercultural Communication, Faculty of Romance and Germanic Philology.

Место работы: Башкирский государственный университет (Уфа).

Place of employment: Bashkir State University (Ufa).

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
e-mail: rtsf@bk.ru.

Вступление. Политическая коммуникация представляет собой одну из важнейших сфер человеческой деятельности. Борьба за власть, реализация политических амбиций, выстраивание стратегического и нестратегического партнерства, завоевание поддержки и отстаивание самоидентичности — всё это осуществляется посредством политической коммуникации. Важно отметить, что качественные характеристики последней часто определяют успешность или неуспешность соответствующей политической фигуры.

литическую коммуникацию как «речевую деятельность, ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2006: 6]. Действительно, любой политик для достижения поставленных целей вынужден заручиться поддержкой различных политических сил и общества в целом. Представляется, что эта необходимость является залогом наращивания суггестивного потенциала политической речи. Другой отличительной характеристикой политической коммуникации является ее обусловленность языком и культурой того сообщества, в рамках которого она появилась. Причиной тому можно назвать, в первую очередь, происхождение самого политика, а во-вторых, его желание соответство-

Без сомнения, исключительное положение политической коммуникации привело к складыванию особого языка политики, который функционирует в качестве подъязыка по отношению к естественному языку определенного лингвокультурного сообщества [Шейгал 2000: 24]. Одним из ключевых свойств политической коммуникации является ее воздействующий потенциал, что особо подчеркивает А. П. Чудинов, определяя по-

вать нормам общества, которое он представляет или чьего расположения пытается добиться. Другими словами, политик постоянно вынужден «приспосабливать» свои высказывания таким образом, чтобы они были понятны реципиентам и поняты ими.

Цель данной работы состоит в рассмотрении культурнообусловленных способов воздействия во внутри- и внешнеполитических выступлениях 44-го президента США Барака Обамы. В частности, анализу подлежит использование прецедентных феноменов в речах политика.

Оговоримся, что в данной работе вслед за Е. А. Нахимовой прецедентные феномены понимаются как «феномены, 1) известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингвокультурного сообщества» [Нахимова 2004: 173]. Каждый прецедентный феномен при этом обладает собственным набором референтных свойств. По мнению В. В. Красных, прецедентный феномен — это «своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Красных 2002: 48]. Указанные дифференциальные признаки прецедентного феномена являются общими для обширной массы людей, проживающих на определенной территории, объединенных историей, культурой и языком. Таким образом, использование прецедентного феномена позволяет обратиться одновременно к большому количеству людей.

Представляется, что посредством прецедентных феноменов политику удастся эффективно устанавливать контакт с аудиторией. При этом оратор может апеллировать к прецедентным феноменам, характерным для собственной страны, в том случае, если он делает внутривнутриполитическое обращение, либо к характерным для иной культуры в том случае, если в качестве аудитории выступают представители иного сообщества. В последнем случае, однако, политик должен учитывать, что речь, обращенная к аудитории вне его собственной страны, будет оцениваться также и тем сообществом, которое он представляет. Соответственно политик вынужден тщательным образом выстраивать свое выступление, чтобы удовлетворить обе части аудитории и чтобы его речь была близка всем потенциальными слушателям. По этой причине политик мо-

жет проводить аналогии между прецедентными феноменами двух культур, указывая на их возможные сходства. Таким же образом достигается установление связи между тем сообществом, которое представляет политик, и тем, к которому он обращается за пределами своей страны — это важно для нахождения контакта с «чужой» аудиторией и достижения взаимопонимания.

В данной статье анализу подвергаются выступления Барака Обамы, подготовленные для американской, т. е. «своей» аудитории, а также выступления на международной арене — для «чужой» аудитории. На примере речей указанных категорий рассматривается функционирование прецедентных феноменов.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАРАКА ОБАМЫ. Как указывалось выше, использование прецедентного феномена может помочь политику установить контакт с аудиторией, поскольку является частью когнитивной базы лингвокультурного сообщества. Употребление определенных элементов данной базы позволяет продемонстрировать причастность к ней, а значит — к соответствующему лингвокультурному сообществу. Чтобы установить контакт с представителями «своего» лингвокультурного сообщества (и, разумеется, электоратом), Б. Обама, будучи опытным политиком и оратором, часто апеллирует к типичным для американского лингвокультурного сообщества прецедентным феноменам. Так, например, Обама часто обращается к образам отцов-основателей американской демократии и ее выдающихся политических деятелей:

Now, the premise that we're all created equal is the opening line in the American story. And while we don't promise equal outcomes, we have strived to deliver equal opportunity — the idea that success doesn't depend on being born into wealth or privilege, it depends on effort and merit. And with every chapter we've added to that story, we've worked hard to put those words into practice.

It was Abraham Lincoln, a self-described "poor man's son," who started a system of land grant colleges all over this country so that any poor man's son could go learn something new.

When farms gave way to factories, a rich man's son named Teddy Roosevelt fought for an eight-hour workday, protections for workers, and busted monopolies that kept prices high and wages low [Obama 2013a].

В данном примере Обама апеллирует к авторитету двух выдающихся людей в истории Америки — А. Линкольна и Т. Рузвельта, а также к их вкладу в развитие об-

щества. Безусловно, сквозь призму обращения к указанным личностям президент пытается донести собственную идею. Приводя в пример Линкольна и Рузвельта, он подкрепляет свою политическую позицию, пытаясь обосновать свои решения тем, что они соотносятся с решениями людей, которые являлись лидерами нации в сложнейшие для нее периоды. Следует особо отметить, что имя выступает одним из основных объектов прецедентности. На важность прецедентного имени, в частности, указывает М. Б. Ворошилова [Ворошилова 2011: 127].

Кроме того, Обама обращается к основе основ американской демократии — Декларации независимости. Он не называет этот документ напрямую, но цитата из него известна, без преувеличения, каждому американцу (*the premise that **we're all created equal** is the opening line in the American story*). Этот же документ Обама более развернуто процитировал в другой своей речи: *The time has come to reaffirm our enduring spirit; to choose our better history; to carry forward that precious gift, that noble idea, passed on from generation to generation: the God-given promise that **all are equal, all are free, and all deserve a chance to pursue their full measure of happiness*** [Obama 2009a].

Обама также часто цитирует другой документ — преамбулу к Конституции США: ***We, the people**, still believe that every citizen deserves a basic measure of security and dignity* [Obama 2013b].

Упоминание знаковых словосочетаний, выражений и выдержек из основных документов американской государственности также воспринимается как апелляция к основам демократического строя США, ко всем завоеваниям, свободам и к равенству, за которые боролись поколения американцев. В этом смысле Обама, безусловно, обращается к прецедентности, заложенной в этих документах, и тем дифференциальным признакам, которыми они обладают.

Кроме того, в речах Обамы можно обнаружить отсылки к культурным текстам, например к выдержке из известной в США песни «America the Beautiful». Без сомнения, референция к указанному тексту также представляет собой обращение к когнитивной базе американского лингвокультурного сообщества: *...and together, we will begin the next great chapter in America's story with three words that will ring **from coast to coast; from sea to shining sea** — Yes. We Can.* [Obama 2008].

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ БАРАКА ОБАМЫ. В данном разделе рассмотрены выступления Барака Обамы перед ино-

странной аудиторией: речь в Анкаре (2009) и Брюссельская речь (2014). В обеих речах можно найти довольно большое количество прецедентных феноменов. Однако если во внутривнутриполитических выступлениях Барак Обама опирается на чисто американские прецедентные феномены, то во внешнеполитических можно найти ссылки как на американские, так и неамериканские прецедентные феномены (азиатские, исламские, европейские и т. д. — в зависимости от аудитории). При этом Обама умело проводит параллели между прецедентными феноменами «своего» и «чужого» лингвокультурных сообществ.

Так, например, выступая перед турецким парламентом в Анкаре, Обама обращается к прецедентному феномену, характерному для турецкого лингвокультурного сообщества: *This morning I had the great privilege of visiting the tomb of your **extraordinary founder of your republic**. And I was deeply impressed by this beautiful memorial to a man who did so much to shape the course of history. But it is also clear that **the greatest monument to Atatürk's life is not something that can be cast in stone and marble**. His greatest legacy is Turkey's strong, vibrant, secular democracy, and that is the work that this assembly carries on today* [Obama 2009b].

В данном примере речь идет о Мустафе Кемале Ататюрке, выдающемся турецком военачальнике, государственном деятеле и реформаторе, первом президенте Турецкой Республики. В настоящее время Ататюрк почитается как «Отец нации», его изображение висит во всех государственных учреждениях страны, а сама фигура уже давно стала культовой. Безусловно, в данном случае мы можем говорить об апелляции к прецедентному феномену, поскольку Обама не просто упоминает имя одного из самых известных исторических деятелей Турции, но называет те качества, благодаря которым он стал так известен (*a man who did so much to shape the course of history, Atatürk's life is not something that can be cast in stone and marble, his greatest legacy*), т. е. обращается к дифференциальным признакам.

Вслед за обращением к прецедентному феномену турецкого лингвокультурного сообщества Обама сравнивает Ататюрка с личностью, хорошо известной американцам — Джорджем Вашингтоном:

And there is a simple truth to this story: Turkey's democracy is your own achievement. It was not forced upon you by any outside power, nor did it come without struggle and sacrifice. Turkey draws strength from both the successes of the past, and from the efforts of each

generation of Turks that makes new progress for your people.

Now, my country's democracy has its own story. **The general who led America in revolution and governed as our first President was, as many of you know, George Washington.** And like you, we built a **grand monument** to honor our founding father — a towering obelisk that stands in the heart of the capital city that bears Washington's name. I can see the Washington Monument from the window of the White House every day [Obama 2009b].

Обама указывает на значимость вклада Вашингтона в становление американской демократии, как и Ататюрка в становление турецкой (*our first President, our founding father*), однако аналогия проводится и по линии почитания политиков: оба были удостоены мемориала в свою честь.

Таким образом, Обама обращается к прецедентному феномену, являющемуся частью когнитивной базы турецкого сообщества, а затем накладывает его на американскую картину мира, апеллируя к соответствующему прецедентному феномену (Джордж Вашингтон и его мемориал). Аналогичный пример можно найти и в недавнем выступлении Б. Обамы в Брюсселе: *For decades, this vision stood in sharp contrast to life on the other side of an **Iron Curtain**. For decades, a contest was waged, and ultimately that contest was won — not by tanks or missiles, but because our ideals stirred the hearts of **Hungarians who sparked a revolution; Poles in their shipyards who stood in Solidarity; Czechs who waged a Velvet Revolution without firing a shot; and East Berliners who marched past the guards and finally tore down that wall*** [Obama 2009c].

В данном примере политик обращается к объектам и историческим событиям, которые еще свежи в памяти европейцев. Так, он вспоминает о железном занавесе, Берлинской стене и воссоединении Германии, революционных освободительных движениях в Восточной Европе. Безусловно, всё это важнейшие события для европейцев, часть их истории, культуры и наследия.

В следующем примере Б. Обама использует примеры достижений европейцев в борьбе за свободу и права, чтобы рассказать о том, как они повлияли на становление американской государственности: *And it was here in Europe, through centuries of struggle — **through war and Enlightenment, repression and revolution** — that a particular set of ideals began to emerge: The belief that through conscience and free will, each of us has the right to live as we choose. The belief that power is derived from the consent of the governed, and that*

*laws and institutions should be established to protect that understanding. And those ideas eventually **inspired a band of colonialists across an ocean, and they wrote them into the founding documents that still guide America today, including the simple truth that all men — and women — are created equal*** [Obama 2009c].

В данном случае Обама упоминает европейские войны и Просвещение, которые вдохновили колонистов на другом конце Атлантики на написание одного из основополагающих документов американской демократии — Декларации независимости. Документ не называется, однако американцам он известен по широко цитируемой фразе «*all men are created equal*», которая давно стала частью когнитивной базы американского общества и, следовательно, может трактоваться как прецедентный феномен. В данном примере фраза была незначительно модифицирована, однако сути это не меняет. Можно предположить, что далеко не всем европейцам (некоторые из которых к тому же не владеют английским языком) известна эта фраза, столь популярная в США. Следовательно, высока вероятность того, что фраза была включена в текст преимущественно для «своей» (американской) аудитории, которая, безусловно, ее узнает.

Выводы. Рассмотрев внутри- и внешнеполитические выступления Барака Обамы, мы можем с уверенностью заявить, что в обеих категориях речей политик использует прецедентные феномены. При этом во внутривнутриполитических речах используются прецедентные феномены, характерные для американского лингвокультурного сообщества и до конца понятные преимущественно только ему. Очевидно, что посредством прецедентных феноменов Б. Обама занимает позицию члена определенного сообщества, человека, способного общаться со своим электоратом не только в рамках одного языка, но и в рамках одной культуры.

Внешнеполитические речи адресованы «чужой» аудитории — той, что не является частью лингвокультурного сообщества США. Тем не менее Обама вновь обращается к прецедентным феноменам — на этот раз к тем, что характерны для культурных сообществ, которым адресовано сообщение (турецкому и европейскому в приведенных выше примерах). Важно отметить, что помимо «чужих» (по отношению к американским) прецедентных феноменов Б. Обама использует и те, что характерны прежде всего для американского сообщества. Интересно, что некоторые из них могут быть восприняты только американцами (последний пример). Как представляется, данный прием позволя-

ет достичь две цели: 1) осуществить связь между американской нацией и аудиторией, на которую направлена речь, 2) сделать речь понятной и близкой не только аудитории — первоочередному реципиенту, но и «домашней», т. е. американской аудитории. Посредством использования прецедентных феноменов Б. Обама получает возможность обратиться к своей нации в рамках выступления, предназначенного для «чужой» аудитории. В целом прецедентный феномен является эффективным способом приспособления политической речи к культурным ожиданиям реципиентов и ее позиционирования как части когнитивной базы определенного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ворошилова М. Б.* У разбитого корыта: культурный прецедентный текст в политической карикатуре о мировом кризисе // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. Вып. 1 (35). С. 126—129.
2. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М. : Гнозис, 2002.
3. *Нахимова Е. А.* О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика : бюл. Урал. лингвист. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2004. Т. 13. С. 166—173.

4. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.

5. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000.

6. *Obama B.* New Hampshire Primary. 2008, 8 Jan. URL: <http://www.nwprogressive.org/weblog/2008/01/barack-obamas-speech-in-new-hampshire.html> (date of access: 27.04.2014).

7. *Obama B.* Obama Inaugural Address. 2009a. 20 Jan. URL: <http://www.obamaspeeches.com/P-Obama-Inaugural-Speech-Inauguration.htm> (date of access: 27.04.2014).

8. *Obama B.* Remarks by President Obama to the Turkish Parliament. 2009b. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Obama-To-The-Turkish-Parliament (date of access: 27.04.2014).

9. *Obama B.* Remarks by the President in Address to European Youth. 2009c. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/26/remarks-president-address-european-youth> (date of access: 27.04.2014).

10. *Obama B.* Remarks by the President on Economic Mobility // THE WHITE HOUSE. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/12/04/remarks-president-economic-mobility>. 2013a (date of access: 27.04.2014).

11. *Obama B.* Inaugural Address by President Barack Obama. 2013b. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama> (date of access: 27.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. В. Иванова.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42(091)
ББК Ш141.12-03

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

В. Н. Базылев
Москва, Россия

V. N. Bazylev
Moscow, Russia

СТАЛИНСКИЕ ДИСКУССИИ: ДИСКУРСНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

STALIN'S DISCUSSIONS: THE DISCURSIVE PARALLELS

Аннотация. *Анализируются новые данные (архивные документы, воспоминания участников и современников событий), связанные с дискурсными практиками «сталинских дискуссий» 30—50-х гг. XX в.: трех «языковедных дискуссий» и трех «дел врачей». Сталин рассматривается как идеолог, дискурсные практики которого направлены на пересмотр содержания реальности, создание новой картины мира. Прослеживаются параллели между различными инициировавшимися центральной прессой дискуссиями: сквозные образы врагов (врачи-бандиты, филологи-националисты), популярные жанры (обвинение, покаяние в грехах, самооговор, обращение как ответная агональная реплика), дискурсные ходы (принятие мер — «курс решительной борьбы»).*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the new data associated with the discursive practices of “Stalin’s discussions” in the 1930—50-s: three “discussions on the language” and three “cases of physicians”. Stalin is viewed as an ideologist, his discursive practices aim at reconsideration of the content of reality, creation of the new picture of the world. Similar tendencies are found in different discussions initiated by the central press: the images of enemies (doctors-bandits, philologists-nationalists), popular genres (accusation, confession, self-slander, address as the agonial reply), discursive trends (taking measures – “discourse of resolute fight”).*

Ключевые слова: *дискурс; история науки в СССР; советское языкознание; советская медицина.*

Key words: *discourse; history of science in the USSR; Soviet linguistics; Soviet medicine.*

Сведения об авторе: *Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания.*

About the author: *Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics & Russian Linguistics.*

Место работы: *Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва).*

Place of employment: *Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).*

Контактная информация: *117485, г. Москва, ул. Ак. Волгина, 6, к. 235.
e-mail: vladimir@4unet.ru.*

О. Конту принадлежат слова о том, что «человеческое общество — это, прежде всего, общность духа <...> идеи управляют и переворачивают мир <...> весь социальный механизм покоится, в конце концов, на мнениях» [Конт 2011: 19]. По его мнению, «органическое единство человечества или его части гарантируется всеобщим согласием, зиждящемся, прежде всего, на связях морально-эмоционального характера» [Там же: 32]. Развивая идеи О. Конта, современный немецкий философ Ф. Тенбрук предлагает понятие репрезентативной культуры, т. е. производства идей, значений и ценностей, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает все верования, представления, мировоззрения, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение, поскольку они либо активно разделяются людьми, либо пользуются пассивным признанием [Tenbruck 1990: 29]. Репрезентативная культура представляет в сознании членов общества все факты, которые что-либо означают для действующих

индивидов. И означают они для них именно то и только то, что дано в культурной репрезентации. Только это существует для членов общества и только в этом, т. е. в культурной репрезентации, и существует общество. Однако учитываются не все идеи, а только те, которые высказываются, по словам Ф. Тенбрука, агентами изменений, т. е. интеллектуалами или культурными экспертами. Это всегда идеологи, задача которых состоит в изменении господствующих мнений и, следовательно, в изменении общества.

Таким идеологом, без сомнения, являлся также И. В. Сталин. О Сталине как писателе и риторике написано достаточно: серьезные научные исследования начались еще в середине 90-х гг. XX в. [Чудинов 1997]. В одной из последних научных работ говорится, например, следующее: «...подлинная загадка заключается в том, что писатель Сталин немислим без двух качеств: магической убедительности и смехотворного, гунявого словоблудия» [Вайскопф 2001: 27]. При всей не-

однозначности и противоречивости оценок дискурсной практики и самого Сталина, и всей эпохи второй четверти XX в., не подлежит сомнению, что в основании той дискурсной практики лежала идея пересмотра содержания реальности как исходной точки новой картины мира. Реальность при этом воспринималась как культурный акт творения, совершаемый автором. Текст автора, по словам Г. Н. Зверевой, «предстает в данном случае не как конечный результат интеллектуальной творческой деятельности, а как открытое, изменчивое, текучее пространство культурного — вербального и невербального — со-общения <...> это пространство выражено особыми культурными знаками, символами, образами и обусловлено сущностными свойствами культурного бытия, автора текста и адресата» [Зверева 1996: 13]. Реальность, создаваемая и передаваемая автором как культурная реальность, устанавливается в тексте во имя согласования всех дискурсных элементов картины мира. Не последнюю роль в этом играли в первой половине XX в. так называемые научные дискуссии. О лингвистической дискуссии 1950 г., например, писалось много, она часто рассматривалась в контексте других научных «кампаний» послевоенных лет [Pollock 2008].

Пока активно не исследовались интересные фрагменты предвоенных научных дискуссий. В статье мы как сосредоточим внимание на тех дискурсных параллелях, которыми характеризовались следующие дискуссии: три дискуссии о медицине (три «дела врачей») и три дискуссии о языке («поливановская дискуссия» 1929 г., «дело славистов» середины 30-х и «сталинская дискуссия о языке» 1950 г.), проходившие частично, как мы видим, еще в предвоенные годы.

Существует расхожее мнение, что такие понятия, как «врачи-бандиты» и «врачи-убийцы» или «буржуазная контрабанда в языкознании» — это продукт «позднего сталинизма», связанный с печально знаменитыми «сталинской дискуссией о языке» 1950 г. и «делом врачей» 1953 г. На самом деле эти словосочетания вошли в советскую жизнь гораздо раньше, в 1929 г. — в год, который называли «годом великого перелома».

22 ноября 1929 г. в советских газетах появилось сообщение ГПУ УССР о раскрытии «заговора украинских контрреволюционеров и националистов» из так называемого СВУ — «Спілки визволення України» («Союза освобождения Украины»). Это было только начало. А уже в январе—феврале 1930 г. газеты Харькова (тогда —

столицы Украины), Киева, Днепропетровска, Одессы и других городов Украины начали публиковать сообщения об арестованных заговорщиках под характерными, не допускающими иной трактовки заголовками, такими, например, как «Под знаменем контрреволюции». Годом раньше Е. Д. Поливанов в ходе дискуссии о «новом учении о языке» в Комакадемии был назван «идеологическим агентом международной буржуазии», «разоблаченным монархистом-черносотенцем», «кулацким волком в шкуре советского профессора». Примечательно, что материалы этой дискуссии были опубликованы 1 марта 1929 г. в газете «Вечерняя Москва» в рубрике с откровенным названием «Классовая борьба в науке».

Всё это было не причиной, а уже следствием изменения дискурсной практики: «Не относясь, в строгом смысле слова, к классу буржуазии, — писал в 1927 г. нарком просвещения А. В. Луначарский, — профессура в большинстве своем примыкала к слою более или менее квалифицированной и хорошо оплачиваемой интеллигенции, а следовательно — к классам правящим» [Луначарский 1927: 4]. Вот как показательно объяснял, вернее, оправдывал это на склоне жизни в своих мемуарах Н. С. Хрущев: «Тогда вообще было широко распространено недоверие к буржуазной интеллигенции, и отчасти это недоверие было оправданно. В первые дни революции интеллигенция, к сожалению, в большинстве не определила четко свою позицию и раскололась; часть эмигрировала, часть выжидала, часть саботировала, а некоторые активно включились в борьбу с советской властью, организуя даже вооруженное сопротивление... Поэтому в народе, особенно среди рабочих, было сильное „спецееское“, антиспецовское настроение, и партийным организациям приходилось очень много затрачивать усилий, чтобы сдерживать его» [Хрущев 1992: 57].

Сталинская внутренняя политика выдвигала в качестве одной из основных задач поиск врагов, «вредителей», якобы орудовавших во всех сферах народного хозяйства. В 1928 г. состоялся первый публичный процесс «спецов-вредителей» (Шахтинское дело): был дан старт прямым репрессиям против «буржуазной» интеллигенции, вставшей якобы на путь вредительства.

В тот раз перед судом предстали инженеры, работавшие в промышленности. Однако сразу же прозвучали призывы искать вредителей и среди других специалистов, в том числе врачей и филологов. «С социальным составом в медвузах дело обстоит далеко неблагоприятно: партпрослойка там

еще очень слаба, — писала, например, газета «Известия». — Особенно это необходимо подчеркнуть в отношении научных работников... Часто мы имеем перед собой консервативную, а иногда и классово-враждебно настроенную профессуру». Отсюда газета делала вывод: «Мы не можем гарантировать, что в отличие от других отраслей хозяйства в области здравоохранения исключена возможность вредительства. Нужна колоссальная бдительность со стороны органов здравоохранения и наших союзных организаций» [Известия. 1930. 2 марта: 2]. Не лучше обстояло дело и на «языковедном фронте». Здесь речь шла буквально о захвате власти: «Языкфронтовцы в спешном порядке стали захватывать кафедры вузов, научно-исследовательские институты, журналы, даже издательства» [Сумерки лингвистики 2001: 119].

На этом обвинительном фоне зазвучало «покаяние в грехах». Вот фрагмент выступления на суде профессора А. Г. Черняховского: «Я чувствую за собой вину, которая заключается во вредительской политической работе. Я признаю, что был контрреволюционером до последнего времени. Теперь я осуждаю эту мою политическую деятельность. Я полностью сознаю весь тот вред, который я сделал, и особенно меня мучит сейчас то, что я был связан с заграничной эмиграцией» [Пролетарий. 1930. 28 марта: 2]. Приведем также слова «покаяния» филолога Г. Данилова: «Грубейшая ошибка заключалась в моей трактовке национально-языкового вопроса. Эта трактовка, по справедливому замечанию одного из моих критиков, исходила из забвения того простого факта, что „в наших условиях, когда правые элементы стимулируют национальную вражду, вопросы общезыковые приобретают характер в значительной мере политический“. Особенно наглядно сказалась моя ошибка в одном неправильном, как политически, так и методологически положении, которое и дало право обвинять меня в скатывании к великодержавному, вернее, к великорусскому шовинизму» [Данилов 1931: 9].

Тон обвинения, как видно из цитат, был задан: советскому народу было сообщено о преступной деятельности «врачей-бандитов» и «филологов-националистов». И те, и другие в начале 1930-х гг. становятся своеобразным символом скрытых врагов и вредителей. Характерно, что один из лозунгов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1930 г. гласил: «Беспощадная война банде вредителей и шпионов, наемников капитала!» [Комсомольская правда. 1930. 24 апр.: 1]. Не менее выразительной находкой с дискурсной точки зрения

был и заголовок сборника 1932 г. — «Против буржуазной контрабанды в языкознании».

Прошло несколько лет — и в середине 1930-х гг. вновь возникают два «дела»: «дело славистов», «пик» которого пришелся на 1937 г., и «московское дело врачей» 1938 г. На скамье подсудимых большого политического процесса, который проходил в Октябрьском зале Дома союзов, и который вел прокурор СССР А. Я. Вышинский, оказались медики. В начале марта было обнародовано обвинительное заключение, в котором говорилось о подсудимых-врачах. В этом заключении, составленном на основании предварительного следствия, было сказано: «Обвиняемый Плетнев, принявший непосредственное участие в деле убийства Алексея Максимовича Горького и Валериана Владимировича Куйбышева, показал: „Ягода... прямо предложил мне воспользоваться своим положением лечащего врача у Куйбышева В. В. и А. М. Горького и ускорить их смерть путем применения неправильных методов лечения. Я пытался отказаться, но, в конце концов, был вынужден согласиться... Приняв это страшное задание Ягоды, я вместе с доктором Левиным выработал план убийства А. М. Горького и В. В. Куйбышева“» [Судебный отчет... 1938: 128]. Кое-что поменялось, а именно: вместо «покаяния в грехах» присутствует «самооговор». Именно он становится ведущим дискурсным фрагментом. Так это случилось с показаниями Н. Н. Дурново: «В изменение показаний, данных мною на предварительном следствии <...> считаю долгом сообщить следующее: В значительной своей части эти показания неточны или ложны. Я не отрицаю своего несогласия с идеей коммунизма и с тактикой Советской власти, своих связей с профессором Якубовским и Трубецким, некоторыми русскими политическими эмигрантами в Чехословакии и Югославии и членами чехословацкого дипломатического корпуса; признаю, что я не только лично отрицательно относился к Советской власти, но и не скрывал своего отношения и в разговоре с другими лицами, не только гражданами СССР, но и с иностранными учеными, не скрываю того, что на собраниях у акад. М. Н. Сперанского и проф. Гр. А. Ильинского, кроме разговоров на темы, связанные с нашей научной работой, бывали разговоры и на политические темы, в которых и я принимал участие, причем некоторые из присутствующих выражали свое недовольство существующими в СССР порядками...» [Ашнин, Алпатов 1994: 103].

Л. Г. Левин: «Граждане судьи! В своем последнем слове я хочу еще раз подтвер-

дить свою вину... С особой остротой я пережил все только в самые последние дни, в тюрьме еще, за короткое время до начала процесса, когда я впервые имел возможность ознакомиться с обвинительным заключением, когда я впервые из этого обвинительного заключения узнал то, чего я никогда не знал, не предполагал, не мог предположить, не мог себе представить... Мне лично самостоятельно... не могла бы прийти дикая, совершенно нелепая, кошмарная мысль о причинении какого-нибудь самого малейшего вреда кому-нибудь из руководителей партии и правительства, большинство которых я ведь имел счастье лично знать. Мне никогда не могла бы прийти в голову такая же дикая, такая же кошмарная мысль о причинении какого-нибудь вреда, а не то что смерти Алексею Максимовичу Горькому, которого я горячо любил, это все знают, с которым был близко связан, которого я высоко ценил как одного из величайших писателей нашей страны и всего мира...» [Судебный отчет 1938: 689].

Так как речь шла о дискурсивной практике «дискуссии», то ответной, агональной репликой, естественно, становится жанр «обращения». Так, в это же время было опубликовано обращение Народного комиссариата здравоохранения СССР, ЦК профсоюза «Медсантруд» РСФСР и ЦК профсоюза «Медсантруд» УССР ко всем медицинским работникам страны. Это обращение носило характерное для того времени заглавие — «Об уроках и выводах из процесса троцкистского шпионско-диверсионного центра». С этим может сравниться только заголовок в газете «Ленинградская правда» 1935 г. — «Против извращений марксизма-ленинизма в Институте языка и мышления».

В ответ требовалось принимать меры — и к медикам, и к лингвистам. Отсюда сразу же следовал дискурс «решительной борьбы». В соответствии с политической конъюнктурой, выдвигалась задача «решительной борьбы с вредительством»:

— «ни на одну минуту не ослаблять беспощадной борьбы с остатками разгромленных враждебных элементов, притаившимися еще кое-где в органах здравоохранения, с их пособниками — болтунами и разгильдяями... Медицинские работники должны приложить все силы к тому, чтобы до конца очистить органы здравоохранения от остатков притаившихся врагов, быстрее ликвидировать последствия их вредительской деятельности» [Медицинский работник. 1938. 15 янв.: 2];

— «с „даниловщиной“ нужно всячески бороться, и не приходится доказывать, почему. Конференция партийцев и комсомольцев-

словесников в Ленинграде совершенно правильно постановила „послать протест в редакцию ‘Литература и марксизм’ за безответственное печатание статей, лингвистически неграмотных и идеологически вредных“...» [Сумерки лингвистики 2001: 135].

И снова — дискурс обвинения. «Медлительность в ликвидации последствий вредительства», требование «преданной работы» — это были отнюдь не упреки, не критические замечания, а прямые обвинения. Вслед за этим орган Наркомздрава СССР, газета «Медицинский работник», проявив невиданную оперативность, опубликовала одну за другой две передовые статьи. «Пробравшиеся в союзный Наркомздрав враги народа, — говорилось в одной из них, — до самых последних дней всячески использовали беспечность и благодушие части его работников и, прикрываясь шумливыми декларациями о необходимости борьбы с вредительством, фактически исподтишка всеми мерами мешали передовым людям советского здравоохранения полностью и до конца ликвидировать последствия вражеской работы» [Медицинский работник. 1938. 17 июля: 1]. Вторая статья носила символическое название — «Беспощадно корчевать вражеское охвостье». Газета писала, что, «пользуясь слепотой, ротозейством и ослаблением бдительности отдельных руководителей и парторганизации наркомата, троцкистско-бухаринские бандиты творили здесь (в Наркомздраве СССР. — В. Б.) свое подлое дело» [Медицинский работник. 1938. 20 июля: 1]. Фактически все «дело славистов» сводится к формуле обвинения: «Дурново Николай Николаевич... Фашист. Был связан с проф. Якубовским и Трубецким, русскими эмигрантами. Бывая за границей, тесно связался с представителями иностранных государств. Вел контрреволюционную деятельность среди белоэмигрантов. Являлся организатором и руководителем контрреволюционной организации. Имел связь с заграничными фашистскими деятелями...» [Ашнин, Алпатов 1994: 132—133].

Одним из пиков, а может быть, и своеобразным апофеозом послевоенных сталинских «научных дискуссий» стали широко известные «сталинская дискуссия о языке» и «дело врачей»: для населения страны, для научной общественности и та, и другая явились полной неожиданностью. Вдруг выяснилось, что широко известный академик Н. Я. Марр, давно уже покойный, является олицетворением «аркчеевского режима в языкознании», а московские врачи и профессора, составлявшие гордость советской медицины, на самом деле оказались вреди-

телями и шпионами, убийцами и отравителями, презренными агентами иностранных разведок, по их заданиям творившими свои черные дела. О непонимании происходящего свидетельствуют теперь многие документы, ставшие доступными в последние годы. Например, записка секретаря партком МГУ Прокофьева в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

«В Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) тов. Яковлеву М. Д. *Партийная информация*. Статья товарища Сталина, опубликованная в газете „Правда“, „Относительно марксизма в языкознании“ вызвала всеобщее одобрение и громадный политический подъем. В день опубликования статьи очередные экзамены практически начались с того, что экзаменаторы вместе с экзаменуемыми студентами прочли статью товарища Сталина. Следует отметить, что это было сделано без каких-либо особых указаний. Вместе с тем, имеют место отдельные случаи, которые заслуживают внимания. Как заявил заместитель декана филологического факультета, член ВКП (б) тов. Зозуля в личной беседе со мной, он был свидетелем разговора тов. Сердюченко с профессором Чемодановым следующего содержания: профессор Сердюченко сказал, что одно высокопоставленное и компетентное лицо (фамилию которого он не назвал) сообщило ему, что „Правда“ открыла свободную дискуссию для того, чтобы выяснить позицию ученых. После выяснения этих позиций „Правда“ нанесет удар. Таким образом, он дал понять, что „Правда“ организует свободную творческую дискуссию как бы с провокационной целью. Тов. Зозуля подтверждает, что профессор Чемоданов резко дал отповедь такому настроению профессора Сердюченко. Доцент кафедры русской литературы, член ВКП (б) тов. Белкин в разговоре с тов. Зозуля высказал следующее мнение: „Что же, товарищ Сталин не знал раньше об аракчеевском режиме в науке? Ему давно бы надлежало вызвать тов. Кафанова и дать соответствующие указания“. Проявляются настроения и иного рода. Так, профессор Гудзий высказывал мысли о том, что у нас допускался перегиб с критикой веселовщины. „Когда, — заявил профессор Гудзий, — исследователь говорит о влиянии Байрона на Пушкина, это считается чуть ли не предательством. А когда же говорят, что Марлинский влиял на Пушкина, то это признак хорошего тона, признак благонадежности“. В личном разговоре с проф. Чемодановым, который состоялся у меня 30.07., выяснилось, что действительно проф. Сердюченко в период еще до появления статьи тов.

Сталина пришел к тов. Чемоданову и сказал, что ему кажется, что „Правда“ открыла свободную дискуссию для того, чтобы выяснить точки зрения и уничтожить противников. На это проф. Чемоданов, по его словам, ответил, что центральный орган нашей партии не открывает свободных дискуссий с провокационной целью. Метод провокации не метод нашей партии. Проф. Сердюченко прервал разговор. После появления статьи тов. Сталина в газете „Правда“ проф. Сердюченко заявил: „Дело ясное. Надо искать вакансию где-нибудь в Рязани или Воронеже“. Указанные выше высказывания, конечно, являются исключениями. Статья товарища Сталина поставила целый ряд вопросов, которые обсуждаются среди ученых факультета. *Секретарь парткома МГУ Прокофьев. 30 июня 1950 г.*» [Цит. по: Базылев 2014: 24—25].

Репрессии в этот раз, однако, затронули в большей степени не языковедов, а специалистов-медиков. Так, 4 ноября 1952 г. был арестован личный врач Сталина и ведущий терапевт Лечсанупра профессор В. Н. Виноградов. Все разъярилось 13 января 1953 г., когда во всех советских газетах в разделе «Хроника» было опубликовано сообщение ТАСС под леденящим душу заголовком «Арест группы врачей-вредителей» (перед этим, 9 января, высшая элита партии и государства — Бюро Президиума и секретари ЦК КПСС, собравшиеся практически в полном составе, утвердили текст этого сообщения).

В сообщении говорилось: «Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье. Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их. Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А. А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назна-

чили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А. А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А. С. Щербакова, неправильно применили при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти. Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А. М., маршала Говорова Л. А., маршала Конева И. С., генерала армии Штеменко С. М., адмирала Левченко Г. И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы, и преступникам не удалось добиться своей цели. Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентствах у иностранной разведки» [Правда. 1953. 13 янв.: 4].

И в статье, рассчитанной на самого широкого читателя, и в записке секретаря парткома присутствует дискурс комментирования и расширения фактов. Так, среди жертв врачей-преступников назывались не только уже известные из сообщения ТАСС А. А. Жданов и А. С. Щербаков, но и подзабытые уже «жертвы» предыдущего «дела врачей 1938 года» — А. М. Горький, В. В. Куйбышев, В. Р. Менжинский, упоминались прежние «врачи-убийцы» Плетнев, Левин. Таким образом, формировалась единая злодейская линия действий врачей-вредителей, продолжавших безнаказанно орудовать в стране многие годы. То же и в языкознании — парадоксальным образом Сталин в 1950 г. обратился к обсуждению личности Н. Я. Марра, умершего в 1934 г.: «Марр обвиняется в том, что он объективно помогает расизму. Признание сравнительно-исторического метода соседствует с охаиванием А. Мейе, К. Фосслера, Ф. де Соссюра» [Алпатов 1991: 172].

Что касается недоверия к врачам и к языковедам, то оно, не без усилий печати и радио, в это время росло и ширилось. Дискурс бдительности и разоблачения задавался центральным партийным органом и главной газетой страны — «Правдой». В эти дни здесь была опубликована серия статей под характерными заголовками: «Покончить с ротозейством в наших рядах», «Свободные народы повышают бдительность», «Ротозеипособники врага», «Бдительность — наше оружие». Помимо этого, появляется и новый фрагмент дискуссионного жанра — фелье-

тон. На проходившем, например, 12 февраля 1953 г. совещании в министерстве здравоохранения новый министр А. Ф. Третьяков заявил: «Орган нашей партии „Правда“ из номера в номер печатает острые фельетоны, в которых раскрывает каверзность наших врагов, плохую работу, плохое поведение политически беспечных людей и всяких проходимцев. Центральный орган нашей партии при помощи этих фельетонов преподает нам всем поучительные уроки. Из этих фельетонов мы можем черпать указания, как действовать сегодня и завтра» [Правда. 1953. 20 февр.: 2].

Долго еще в советском массовом сознании языковедение будет ассоциироваться с «вражескими происками» и «шпионской агентурой». В 1959 г. А. О. Авдеенко публикует роман «Над Тиссой (из пограничной хроники)» — своего рода бестселлер той эпохи, что неудивительно, ведь это был приключенческий шпионский роман. Так вот, паролем шпионов и предателей в романе был «учебник Булаховского „Введение в языкознание“»:

«— Крыж почтительно склонил голову, приветливо улыбнулся и спросил, чем он может быть полезен. — Есть у вас учебник Булаховского „Введение в языкознание“?... — Пожалуйста, есть. Платите. Пока Крыж заворачивал книгу в бумагу, покупатель заплатил деньги в кассу и вернулся к прилавку с чеком. Он передал чек Крыжу, сказал „спасибо“ и шепотом добавил: „Имею поручение от «Бизона». Приду вечером. Ждите“» [Базылев 2014: 40].

Вяч. Вс. Иванов будет вспоминать, как декан факультета Р. М. Самарин отказался давать ему характеристику, мотивировав свой отказ тем, что он (Вяч. Вс. Иванов) «был связан с американским шпионом Романом Якобсоном» [Базылев 2014: 54].

Разумеется, дискуссия невозможна без веры в то, что можно, в конце концов, обрести истину. «Реакция населения у нас была неоднозначной, — пишет о том времени профессор Я. Л. Рапопорт. — Многие, одурманенные пропагандой, приняли сообщение ТАСС на веру, с озлоблением против извергов рода человеческого. Не забуду перекошенного от ненависти лица моей лаборантки, процедившей сквозь зубы: „Проклятые интеллигенты, кувалдой бы их, кувалдой по черепу“. В учреждениях проходили стихийные и организованные митинги с требованием суровой казни для преступников. Страсти разжигала и печать, буквально неистовствовавшая в обличительном словоизвержении. Карикатурам, которые помещал „Крокодил“, могла бы позавидовать самая черносотен-

ная печать царского времени» [Рапопорт 1995: 287]. Об этом свидетельствуют и письма самому Сталину, например от студентки-филолога Н. Кошкиной: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Вы научили нас любить правду больше жизни. Мы выросли в обществе, которое построено и развивается под Вашим руководством. Каждое Ваше слово мы чтим как святыню. Ваши слова всегда были близки и понятны нам...» [Базылев 2014: 22].

Как это часто бывает, подобные дискуссии и их дискурсные практики завершаются историческим оправданием.

«Правда» в начале апреля 1953 г. писала: «Обвинения, возведенные на целый ряд видных деятелей советской медицины, оказались полностью ложными. Это был гнусный поклеп на честных и уважаемых людей нашего государства» [Правда. 1953. 6 апр.: 1]. Н. С. Хрущев так будет вспоминать о «сталинской дискуссии о языке»: «Очень странная дискуссия была. Она ему не нужна была; он принимал грузина, ученого, с ним беседовал. Тот как-то разбудил у него желание включиться в этот спор. Он начал вести спор, выступал против академика Марра, против его трудов. В конце концов, он выступил и против своего друга грузина. Это близкий к нему человек, он его не раз приглашал, он у него обедал. Таким образом, появился труд Сталина по языкознанию, теоретический труд последнего этапа его жизни» [Горбаневский 1991: 223].

Со времени сталинских дискуссий 50-х гг. прошло более полувека. Другие, предыдущие дискуссии, другие события и факты научной жизни советской страны отделились от нас еще больше. Но все они в той или иной степени были связаны с дискурсными практиками той эпохи. Всё это — риторический и политический урок для настоящего и будущего. Этот урок теперь принадлежит истории, но прежде всего и, пожалуй, больше всего — истории науки современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аллатов В. М.* История одного мифа. — М.: Наука, 1991.
2. *Ашинин Ф. Д., Аллатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. — М.: Наследие, 1994.
3. *Базылев В. Н.* В борьбе за советскую лингвистику: очерк. Антология. — М.: Изд-во СГУ, 2014.
4. *Вайскопф М.* Писатель Сталин. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.
5. *Горбаневский М. В.* В начале было слово... — М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991.
6. *Данилов Г.* Мои ошибки // Революция и язык. 1931. № 1. С. 9—10.
7. *Зверева Г. И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. № 1. С. 11—24.
8. *Известия.* 1930. 20 мар. С. 2.
9. *Комсомольская правда.* 1930. 24 апр. С. 1.
10. *Конт О.* Дух позитивной философии. — М.: Либроком, 2011.
11. *Луначарский А. В.* Редакционная статья // Красная панорама. 1927. № 9. С. 4.
12. *Медицинский работник.* 1938. 15 янв. С. 2.
13. *Медицинский работник.* 1938. 17 июля. С. 1.
14. *Медицинский работник.* 1938. 20 июля. С. 1.
15. *Правда.* 1953. 13 янв. С. 4.
16. *Правда.* 1953. 20 февр. С. 2.
17. *Правда.* 1953. 6 апр. С. 1.
18. *Пролетарий.* 1930. 28 мар. С. 2.
19. *Рапопорт Я. Л.* Человек, медицина, жизнь. — М.: Медицинская газета, 1995.
20. *Судебный отчет* по делу антисоветского «право-троцкистского блока». — М.: Юриздат НКЮ СССР, 1938.
21. *Сумерки лингвистики.* Из истории отечественного языкознания. Антология / сост., коммент. В. Н. Базылева, В. П. Нерознака. — М.: Academia, 2001.
22. *Хрущев Н. С.* Мемуары // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 32—80.
23. *Чудинов А. П.* Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина // Художественный текст: структура, семантика, прагматика: сб. науч. тр. / под ред. Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 201—212.
24. *Pollock E.* Stalin and the Soviet Science Wars. — Princeton: Univ. Pr., 2008.
25. *Tenbruck F. H.* Repräsentative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / hrsg. von H. Haferkamp. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

А. Д. Васильев А. D. Vasiliev
Красноярск, Россия Krasnoyarsk, Russia

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КРАСНОЯРЦЕВ**

Аннотация. Приводится анализ результатов ассоциативного эксперимента, в котором в качестве стимулов использованы прецедентные фамилии отечественных политиков. Для эксперимента использовались фамилии политиков далекого прошлого (Ленин, Сталин) и недавнего периода. Рассматривается специфика собственных имен, указывается на промежуточное положение между собственными и нарицательными прецедентных собственных имен. Все реакции (с определенной долей условности) разделены на содержащие положительную, отрицательную оценку и нейтральные. Отмечается влияние на языковое сознание традиционных штампов советской пропаганды и оценок, транслируемых нынешними СМИ, а также знаний о местных реалиях, например о памятниках родного города.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; имена собственные; Горбачев; Ленин; Сталин.

Сведения об авторе: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
e-mail: vasileva@kspu.ru; rlc_siberia@kspu.ru.

**PRECEDENT PROPER NAMES
IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF KRASNOYARSK INHABITANTS**

Abstract. The article is dedicated to the results of associative experiment in which the precedent family names of home politics were used as stimuli. Family names of the famous politicians of the distant past (Lenin, Stalin) and recent period were chosen for the experiment. Specificity of proper names is studied, the position of precedent names between proper names and common nouns is underlined. All the answers (with certain degree of relativity) are divided into positive, negative and neutral. The influence on the linguistic consciousness of traditional clichés of the Soviet propaganda, which are repeated by the contemporary mass media, as well as the knowledge of the local realia, such as monuments of the city is noted.

Key words: proper names; Gorbachov; Lenin; Stalin.

About the author: Vasiliev Aleksander Dmitrievich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University n. a. V. P. Astafiev.

Хорошо известно определенное своеобразие, отличающее от имен нарицательных имена собственные. Номинативная функция выполняется последними очевидно в несколько иной форме, нежели первыми. Это относится к единицам антропонимиконв многих языков, в том числе и русского: «Имена собственные, как и местоимения, в отличие от имен нарицательных, <...> называют предметы, различные по их предметной отнесенности. Например, имя *Маша* может стать именем любого человека женского пола; именно этот смысл является его лексическим значением, но закрепляется оно за определенным человеком» [Кодоухов 2012: 162] (заметим, что сравнение с местоимениями, данное здесь, далеко не случайно: лишь в определенных коммуникативных ситуациях местоимение, указывающее на конкретный денотат, способно почти называть его; ср.: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала, / Вся

обомлела, запылала / И в мыслях молвила: вот он!» [Пушкин 1978: 61]). Интересны и следующие определения: **«собственное имя <...>** — слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская 1990: 473]; **«существительные собственные** — сущ., которые представляют собой индивидуальное именование объекта с целью его вычленения из класса однородных объектов. <...> С. с. Не способны выражать обобщенное понятие, они называют конкретный предмет (включая лицо), известный участникам речевой ситуации...» [Панова 2010: 67], а также хрестоматийное: **«имя собственное <...>** — слово или словосочетание, специфическим назначением которого является обозначение индивидуальных предметов безотносительно к их признакам, т. е. без

установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или имело) данное слово или словосочетание» [Ахманова 1966: 175].

Таким образом, например, фамилия сообщает о своем носителе информацию, как правило, ничтожно малую (за исключением, может быть, сведений об аристократических корнях или по каким-то иным причинам известных родственниках), а порой и совсем нулевую. Правда, иногда фамилия позволяет узнать половую принадлежность ее владельца, но и это возможно не во всех случаях, даже в рамках русского антропонимикона.

Несомненно, иногда бывает, что «даже в антропонимах (фамилиях) она (т. е. внутренняя форма. — А. В.) не остается полностью нейтральной. Конечно, фамилия Волков не вызывает волчьих ассоциаций, но в жизни имена с живой внутренней формой подчас используются для разного рода стилистических целей» [Комлев 2003: 38] (например, приводимые здесь же «говорящие фамилии» литературных персонажей вроде *Яичница*, *Молчалин*, *Очумелов* и проч.).

Однако, наверное, еще более важно то очевидное обстоятельство, что многие фамилии вполне способны обретать статус символических — ср. хотя бы некоторые отечественные примеры: *Суворов*, *Ломоносов*, *Пушкин*, *Толстой* и др. Поэтому они закономерно являются прецедентными. А ведь «вербальные или вербализуемые прецедентные феномены в наибольшей степени „концентрируют“ в себе культурно значимую информацию и служат для ее актуализации в коммуникативном взаимодействии» [Гудков 2004: 24]. Иначе говоря, «прецедентные имена — это важная часть национальной культуры и языковой картины мира, яркий показатель специфики народного самосознания, рефлексии нации по поводу собственной истории и культуры» [Нахимова 2013: 48]. Закономерно, что среди прецедентных имен нередко оказываются фамилии политиков — как прошлого, так и настоящего.

Всего на фамилию *Горбачев* как стимул получено 72 реакции. Они оказались довольно разнообразными, но при этом могут быть дифференцированы и сгруппированы по ряду критериев, которые выделяются прежде всего на основании более или менее четко эксплицированных в ответах респондентов коннотативных признаков. Последние, будучи представленными в довольно широком диапазоне, подразделяются на нейтральные, положительные и отрицательные. Конечно, нельзя не признавать опреде-

ленной условности этой градации (иногда оценки высказываются совершенно недвусмысленно, иногда же их можно квалифицировать через коннотативные характеристики вербальных реакций — правда, и в таком случае, из-за жестких условий ограниченности реакции всего одним словом, остается лишь предполагать, как оценивает респондент тот или иной социально-исторический факт, в первую очередь по причине некоего индивидуально детерминированного восприятия. Разумеется, это в известной степени противоречит канонической априорной безоценочности термина. Но понятно, что в ряде случаев коннотативный ореол почти неизбежен — ср.: *диктатура пролетариата*, *рабовладельческий строй*, *империализм*, *фашизм*, *тоталитаризм*, *либерализм* и мн. др.).

Количество реакций, которые мы относим к числу нейтральных, составляет 13 единиц. Среди них назовем прежде всего те, которые адекватно отражают прежний иерархический статус М. С. Горбачева и его сегодняшнее положение: *первый президент* (1), *президент* (5), *руководитель* (1), *гос.* (так! — А. В.) *деятель* (1), *деятель* (1), *бывший президент* (1), *политик* (2). Следует отметить, что некоторые ответы оказались весьма лапидарными, например: *Михаил* (5), *Миша* (1), *Мишаня* (1) — два последних примера в оценочном отношении являются амбивалентными, поскольку вряд ли возможно установить со всей определенностью, какая именно оценка воплощается в данных диминутивных формах — мелиоративная или же пейоративная, и отражают ли эти формы глубокую симпатию к именуемой так персоне, либо, напротив, символизируют ее неприятие как субъекта, ни в коей мере недостойного высшего государственного поста. Любопытен также ответ *человек* (1).

Немногим меньше отрицательно-оценочных реакций. Они включают в себя характеристики денотата, представленные в широком диапазоне: от черт внешнего облика номинируемого до упоминания доминант и результатов его деятельности. К первой подгруппе можно отнести следующие реакции: *родинка* (2), *меченый* (1), *плешивый* (1), *болтун* (1), *старый* (1), *старик* (1); ко второй — *разрушитель* (1), *сусанин* (1; именно так, со строчной буквы: по-видимому, это афористически краткая дефиниция непрестанной аморфности внешне часто менявшегося курса движения, навязанного стране, и его плачевного итог), *продажность* (1), г... (1) и ... (1; последний ответ нельзя привести вследствие его явной непечатности). По-видимому, в это число допустимо внести и именованная *горб* (1) и *дура* (1).

Есть и прямые реакции, которые можно отнести к ряду положительно-оценочных. Их сравнительно немного: *молодец* (1) и, может быть, *лёгкий* (1).

Среди полученных ответов присутствуют также носящие выраженный ассоциативный характер. Иногда эти ассоциации являются довольно прозрачными, будучи очевидно индуцированными информацией о тех феноменах общественно-политической жизни, с которыми прочно связывается фамилия *Горбачев*, иногда — как бы периферийными, поскольку опосредованы упоминаниями исторических личностей, по каким-то параметрам сопоставимых с номинацией стимула. К первому ряду принадлежат *СССР* (5), *перестройка* (6; также, вероятно, *престройка* (1), хотя и непонятно, допущена ли здесь орфографическая ошибка, или же это преднамеренное искажение правописного облика слова), *разруха* (1), *развал* (3), *история* (1). Ко второму — *Ельцин* (4; также *Борис* (1)), *Ленин* (3), *Хрущев* (1), *Раиса* (1; имя супруги М. С. Горбачева).

По-видимому, не проясняемыми окончательно с точки зрения коннотативных свойств остаются ответы *кто* (1), *вопрос* (1).

И, пожалуй, самым неожиданным оказался ответ *умер* (2): то ли это фигуральное обозначение финала политической карьеры денотата, то ли следствие отсутствия информации о его благополучно продолжающемся жизненном пути.

Небезынтересно также и отсутствие какой бы то ни было реакции на стимул *Горбачев* в анкетах двух респондентов.

Общее число реакций, полученных на фамилию-стимул *Ленин*, составляет 65. Следует сказать, что при анализе ответов респондентов неизбежно приходится учитывать различие индивидуальных отношений к некоторым социально-историческим событиям: ведь, например, для кого-то *Великая Октябрьская социалистическая революция* — факт в высшей степени позитивный, открывший новую эпоху в жизни человечества, а с иных позиций *октябрьский переворот* — исходный момент катастрофических бедствий, постигших Россию. Естественно, то же справедливо и в аспекте восприятия ролей политических деятелей.

К числу положительных оценок (здесь нельзя, конечно, совершенно исключать влияние пропагандистских стереотипов — впрочем, как и в формировании негативных оценок) можно отнести также: *вождь* (9), *революция* (4), *красный* (2), *партия* (2), *октябрь* (2), *коммунизм* (1; как уже было сказано, последние три ответа можно воспринимать и амбивалентными).

В реакциях, которые трактуются нами как нейтральные, присутствуют имена собственные — топонимы и микропонимы: *Москва* (1), *Мавзолей* (1), а также *мавзолей* (4), *в мавзолее* (1), *красная площадь* (1), *памятник* (5; возможно, имеется в виду памятник В. И. Ленину, поставленный в 1970 г. в центре г. Красноярска на площади Революции), *СибГТУ* (вероятно, подразумевается статуя В. И. Ленина на фасаде главного корпуса Сибирского технологического университета в г. Красноярске). Сюда же можно отнести следующие ответы: *Ульянов* (4), *Ильич* (2), *Владимир* (1). Затруднительным представляется определение оценки, предположительно заключенной в ответе *Сталин* (5): то ли это обозначение преемника денотата, то ли сопоставление (и противопоставление) двух крупных исторических фигур.

Сугубо отрицательных реакций сравнительно немного: *ужас* (1), однако есть и коннотативно примыкающие к этому ответы, авторы которых исходят в основном из внешних характеристик персонажа: *лысына* (2), *гриб* (1), *моргающий* (1), *брови* (1; по-видимому, в последнем случае допущено ошибочное соотнесение с другим известным персонажем, и тоже *Ильичом*, — Л. И. Брежневым). Реакция *шев* (1), вероятно, принадлежит к числу (полу)ироничных, а реакция *лень* (1), возможно, порождена созвучием с фамилией денотата.

Следует считать небезынтересными ответы, в известной степени антонимичные, ср.: *умер* (2), *был* (1), с одной стороны, и *жив* (1), *всегда живой* (1), *живее всех живых* (1) — с другой. Если реакции первой микрогруппы можно считать рационалистически верными констатациями, то реакции второй допустимо рассматривать и как рудименты советских пропагандистских лозунгов, и как экспликации ироничного отношения к последним. Последнее гипотетически приложимо и к ответу *красавчик* (1).

Ответ *детство* (1), вероятно, адресует к определенному периоду жизни респондента, а ответ *ох не знаю* (1) очевидно не нуждается в комментариях.

В двух анкетах данный стимул не получил вообще никакой реакции.

Говоря об общей тональности реакций на стимул *Сталин* (всего — 62), следует прежде всего сказать, что совершенно очевидно место отрицательно-оценочных ответов.

Они представлены таким образом: *репрессия* (2), *репрессии* (1), *казнь* (1), *враг* (1), *диктатор* (1), *грозный* (1), *лагерь* (1; очевидно имеется в виду место лишения свободы), *подонок* (1), *деспот* (1), *зло* (1), *сатрап* (1), *дура* (1), *ГУЛАГ* (1). На ряде примеров можно на-

глядно наблюдать возникновение коннотативных оттенков у слов, которые ранее были терминологически-нейтральными, вроде *репрессия*, по-видимому, прочно связанными в некоем фрагменте общественного сознания с именем И. В. Сталина (ср. устоявшийся, несмотря на явный — «упрямый» — фактологический диссонанс, пропагандистский стереотип **незаконные политические репрессии**).

Среди реакций, которые можно отнести (хотя и с теми или иными оговорками и допущениями) к разряду положительных, присутствуют следующие: *вождь* (12), *отец народов* (2), *предводитель* (1), *революция* (1), *власть народа* (1), *коммунизм* (1), *великий* (1). Впрочем, понятно, что такие вербальные артефакты, как *революция* и *коммунизм* (а точнее, именуемые ими феномены), способны, как и многие подобные им социально-политические термины, вызывать полярно противоположные мнения. Ответ же *отец народов* воскрешает в памяти советский идеологический штамп, который при желании вполне может быть употреблен для выражения отстраненно-иронического отношения к объекту номинации.

В число нейтральных ответов входят: *власть* (2), *история* (2), *руководитель* (1); сюда же можно отнести личное имя денотата *Иосиф* (1), а также его партийную кличку-псевдоним *Коба* (1) — также *кобо* (1). Среди реакций, представленных именами собственными, оказались: *Ленин* (6; вероятно, как упоминание исторического предшественника), *Хрущев* (1; возможно, лишь именование удачливого наследника высшей власти, а может быть, и в значении воплощенной антитезы антропону-стимулу). К этой группе ассоциативно близки ответы *СССР* (1), *Грузии* (1), а также *ВОВ* (1; распространившаяся, особенно активно в последние годы, аббревиатура устойчивого словосочетания «Великая Отечественная война»; как и всякая другая аббревиатура, она, — по крайней мере, частично, — маскирующе скрывает суть обозначаемого явления, а попутно и принижает его историческую роль).

Далее назовем реакции, описывающие внешность денотата либо его известные привычки: *усы* (2), *усики* (1), *трубка* (1).

Наконец, немногочисленные реакции, упоминающие о состоявшемся конце земного существования именуемого, тоже могут быть дифференцированы по выражаемому ими факту, ср.: *мёртв* (1) и *сдох* (1).

На основании вышеприведенного анализа представляется возможным сделать некоторые предварительные выводы.

Прецедентные имена собственные (в данном случае — фамилии известных государственных деятелей прошлого, как далекого, так и относительно недавнего) занимают определенную нишу в языковой картине мира жителей г. Красноярска — коренных носителей русского языка. При этом вызываемые ими ассоциации не являются нивелированными, но довольно разнообразны, более или менее индивидуально окрашены, а в ряде случаев и сугубо эмоциональны. Кроме того, не представляется окончательно допустимым дифференцировать прочные внутренние убеждения респондентов и плоды настойчивого воздействия на их сознание пропагандистских стереотипов, навязываемых прежде всего через каналы средств массовой информации. Тем не менее изыскания в данном направлении приносят очевидные результаты, поскольку позволяют получить документированные сведения не только собственно социолингвистического характера, но и заметно более широкого диапазона. Они оказываются значимыми как в дальнейшем познании общерусской языковой картины мира, так и в диагностировании возможной специфики ее регионального варианта. Поэтому подобные исследования несомненно актуальны и перспективны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. — М., 1996.
2. *Гудков Д. Б.* Проблема изучения и описания русского культурного пространства // Языковое бытие человека и этноса. — Барнаул, 2004. Вып. 8. С. 22—31.
3. *Кодухов В. И.* Введение в языкознание. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2012.
4. *Комлев Н. Г.* Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е, стер. — М., 2003.
5. *Нахимова Е. А.* Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 48—56.
6. *Панова Г. И.* Морфология русского языка : энцикл. словарь-справочник. — М., 2010.
7. *Подольская Н. В.* Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. С. 473—474.
8. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Полн. собр. соч. — Л., 1978. Т. 5. С. 8—184.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Т. А. Гридина Т. A. Gridina
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ПРИКОЛЫ «РУССКОГО РАДИО»:
НОВЫЕ ЖАНРЫ МЕДИАДИСКУРСА
В СВЕТЕ ТРАДИЦИОННОЙ
СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

**JOKES OF “RUSSKOYE RADIO”:
NEW GENRES OF MEDIA DISCOURSE
IN THE LIGHT OF TRADITIONAL
HUMOROUS CULTURE**

Аннотация. Анализируется прикол как жанр современного радиодискурса, транслирующий традиции народной смеховой культуры в вышучивании (дискредитации) расхожих истин. Характеризуются механизмы языковой игры, реализующие стратегию общения с адресатом ведущих канала радиовещания «Русское радио». Предлагается типология приколов в свете обыгрываемых ими социолингвокультурных прецедентов и функциональной оценочной ориентации. Основная функция приколов — развлекательно-аттрактивная; в то же время они транслируют и формируют ценностные установки социума.

Abstract. The joke is analyzed as a genre of modern radio discourse, which transmits traditions of national humorous culture in joking (discredit) about popular truths. The mechanisms of language game that introduce the strategy of communication of the announcers of “Russkoye Radio” with the addressee are characterized. Typology of jokes in the light of socio-cultural precedents and functional evaluative orientation is presented. The main function of jokes is entertaining and attractive; at the same time they transmit and form values of the society.

Ключевые слова: медиадискурс; традиционная смеховая культура; «прикол»; радиодискурс; прецедентный феномен.

Key words: media discourse; traditional humorous culture; joke; radio discourse; precedent phenomenon.

Сведения об авторе: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка.

About the author: Gridina Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of General Linguistics and the Russian Language.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 281.
e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Современная лингвистика ориентирована на **фронтальное** описание речевой деятельности — во всех ее дискурсивных разновидностях, во всей ее уникальности. В этом отношении показательным является интерес к феномену языковой игры (ЯИ) как особой форме лингвокреативного мышления, в основе которого лежат ассоциативные механизмы, позволяющие создавать новые речевые продукты на базе уже существующих в соответствии с коммуникативными потребностями социума и конкретных его представителей. При этом, проявляя способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода, игровой дискурс характеризуется своей функциональной спецификой в разных сферах речевой деятельности и разных жанрах.

Согласно нашей концепции, коды ЯИ моделируются и «считываются» при осознании говорящими возможности многомерной (многовекторной) интерпретации ассоциативного потенциала разных видов вербальных знаков (прежде всего — слова). Общей (основополагающей) стратегией ЯИ является одновременная актуализация и переключе-

ние, ломка ассоциативных стереотипов восприятия, употребления, порождения языковых знаков. Осознание эффекта ЯИ требует от адресата «обнаружения» связи между новым (нестандартным) содержанием и формой игры (продукта, единицы ЯИ) и прототипом, лежащим в ее основе. Операциональные механизмы ЯИ позволяют при помощи специальных конструктивных принципов и лингвистических приемов, нарушающих автоматизм восприятия формы и/или значения вербального знака, создавать соответствующий замыслу говорящего контекст игровой трансформы [Гридина 1996].

Сам характер игровых практик, определенных в речевой деятельности определенного периода, является своеобразным «индикатором» языкового вкуса и культуры представителей разных социальных страт общества (как носителей элитарной, так и носителей массовой речевой культуры). Одна из наиболее востребованных функций ЯИ — комическая, однако ее наполнение, смеховая направленность, может быть различной. При этом комическое начало ЯИ оказывается тесно связанным с рассмотрением смеха как

мировоззренческой, культурно обусловленной категории человеческого «бытия». ЯИ, выступающая особой формой комического, есть одновременно и особая форма коммуникации. Эстетическое переживание комического (смехового эффекта), порождаемого разными способами его создания, свидетельствует «о единомыслии, общности восприятия языка и системы ценностей. На сходстве чувства комического во многом основывается взаимопонимание людей» [Лихачев 2001: 15].

При использовании кодов ЯИ адресант рассчитывает на адресата, способного к считыванию транслируемых игрой смыслов. Важной представляется мысль о нетождественности и множественности функций смехового эффекта, вызываемого разными формами комического. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «смех ... способен постоянно варьировать свой образ, а следовательно, и свою функцию <...> Нейтральное смешное притягательно само по себе, льстивое смешное (например, комплимент) радуется и смешит своего адресата, колкое смешное причиняет боль „уколотому“, ядовитое смешное отравляет душу, **игровое смешное требует ответной реакции** (выделено нами. — Т. Г.), печальное смешное смягчает грусть, интеллектуальное смешное возбуждает мысль, разрушительное и разоблачительное смешное сводит к нулю репутацию человека, опровергает научные и философские доктрины, образное смешное порождает метафоры и т. п.» [Арутюнова 2007: 8].

Комическая составляющая ЯИ может определяться разными интенциями говорящего — от безобидной шутки и каламбура с целью «не быть скучным» (Е. А. Земская), создать комфортные условия для общения до стёба (иронической дискредитации, осмеяния общепризнанных ценностей), эфемизации, граничащей с непристойностью. Так, в частности, карнавализующая направленность комического, восходящая к традициям народной смеховой культуры (Д. С. Лихачев), приобретает в современном социокультурном контексте новые векторы актуализации.

Особый интерес в свете сказанного представляют игровые практики современного медиадискурса.

Предметом нашего рассмотрения являются так называемые «Приколы Русского радио», ставшие частью имиджа данного канала вещания.

В самом общем виде *прикол* можно определить как краткое изречение, построенное с помощью приемов провокативной ЯИ, требующих от адресата дешифровки экст-

ралингвистических и собственно лингвистических импликаций^[1]. Характеризуя данный речевой жанр^[2] более конкретно, подчеркнем следующее: суть *прикола* состоит в том, что некая мысль, передаваемая собеседнику, содержит «подвох», направляющий его по ложному пути, вводящий в заблуждение, вызывающий эффект обманутого ожидания. Такой эффект часто строится на рассогласовании формальной и содержательной сторон речи. Прототипом *прикола* в традиционном игровом (потешном) фольклоре может служить жанр поддевки, нацеленной на розыгрыш собеседника. Например, разговорно-фамильярная реплика «Дай / держи пять!», которая выражает значение приветствия (побуждения собеседника к дружескому рукопожатию), может иметь и иной смысл: «попросить пять рублей займа». Намеренная провокация заключается в возможности подмены значения данной фразы в конкретном акте речи (Скажи: «Дай пять». — Ну, дай пять. — А негде взять). Поддевки «отличаются краткостью и четкостью, строятся исключительно как диалоги, где следует ожидать быть пойманным («поддетым») на слове: Скажи „двести“. — Двести. — Сиди, дурак, на месте. Нередко это острые ответы в рифму. Ср.: Скажи „синица“. — Тебе пора жениться [Skorogovorki.com]. В подобных случаях *прикол* — это своего рода обманка, ставящая адресата в глупое положение, но при осознании намеренности действий партнера, считывании его шуточной интенции эта игра не воспринимается как обидная. Для коммуникантов представляет интерес не только и не столько возможность подстроить «ловушку» собеседнику, сколько занимательность (остроумие) самих кодов ЯИ, нарушающих привычную логику «вещей».

В современном употреблении слово *прикол* выступает как «конденсат» переносных значений единиц словообразовательного гнезда с базовой лексемой *колоть*.

Внутренняя форма лексемы *прикол* отсылает к глаголу *приколоть*, ср. переносный смысл однокоренного *подколоть* «поддеть», а также переносные значения слов *уколоть*, *колкий* (*колкая* острота, сатира, *уколоть* «задеть за живое ироническим замечанием в чей-то адрес»), *говорить колкости* — проявление язвительного остроумия. Ср. также переносные значения дериватов от глагола *приколоть* — *прикалываться*, *приколоться*, *прикол* и *прикольный*. Согласно одной из культурологических версий^[3], развитие значения слова *прикол* в его современном употреблении могло быть связано с традицией вывешивания (*прикалывания*

к стене) **смешных** лубочных картинок. Плотный эксперимент, проведенный нами со студентами и представителями других групп населения (в том числе среди специалистов-филологов) по толкованию приведенных выше слов, показал следующее понимание специфики данного речевого жанра:

1. *Прикол* — это ситуативная шутка, имеющая цель развлечь окружающих (собеседников); обыгрывание какой-либо типовой ситуации для создания эффекта обманутого ожидания; шутка-розыгрыш. 2. *Прикольно* — привлекательно, смешно; синтез значений «здорово» + «оригинально» + «смешно»; это остроумно, нестандартно, неофициозно. 3. *Приколоться* — это пошутить, посмеяться, возможно, даже **поиздеваться над кем-л. или чем-л.; сыронизировать (над чем-л.), подцепить, отчасти уязвить кого-либо, спровоцировать смех; заинтересовать(ся)**^[4].

Особо подчеркнем тот факт, что лексемы *прикол, прикольно, прикольный, прикалываться* в молодежном жаргоне (и не только) обладают положительным оценочным зарядом. Ср., например, выражения «*мне это по приколу / не по приколу*», актуализирующие значение «*интересно, занимательно/неинтересно*».

Таким образом, в сознании современных носителей языка значение слова *прикол* коррелирует с такими традиционными характеристиками речевых жанров смеховой народной культуры, как розыгрыш, обман, издевка, поданные в остроумной словесной «упаковке».

В современной языковой ситуации этот жанр претерпевает существенные изменения: *во-первых*, «обманная» функция «розыгрыша» уступает место функции моделирования игрового парадокса, создающего эффект «шокирующего» воздействия на адресата; *во-вторых*, расширяется сам тематический «репертуар» так называемых приколов, среди которых оказываются разные субжанры: антипословицы [Вальтер, Мокиенко 2005, 2008], озорнушки, посылки (sic! имеются в виду замаскированные неприличные послылы [Кожевников, Тихонова 2010]), политприколы [Гридина 2011], в основе которых лежат намеренно создаваемые механизмами ЯИ импликатуры; *в-третьих*, жанр прикола «легализуется», выходит за рамки традиционных сфер употребления (игрового детского фольклора и разговорного просторечия), проникая в том числе в медиадискурс.

Таковы, в частности, приколы «Русского радио», ставшие приметой игрового стиля общения ведущих этого канала вещания с радиослушателями (в первую очередь это

касается Н. Фоменко — автора смешных выражений, дозированно «вкрапляемых» в радиопередачи развлекательного характера и перемежающихся с трансляцией серьезной официальной информации).

Рассмотрение специфики данного жанра в сфере радиокommunikации позволяет наметить новые аспекты лингвопрагматики ЯИ как особой креативной «стратегии» взаимодействия с адресатом.

Основная функция приколов «Русского радио» — развлекательно-аттрактивная, в то же время эта жанровая форма транслирует и, безусловно, во многом формирует ценностные установки современного социума. Это шутки *ad hoc* (по случаю), которые нарушают вероятностный прогноз, опрокидывая ожидаемые реакции адресата на известный ему предмет речи. Экспрессивный эффект восприятия прикола как парадоксального высказывания, содержащего выводимую импликацию, моделируется при помощи конструктивных принципов и приемов ЯИ [Гридина 1996]. Под конструктивными принципами ЯИ нами понимается техника моделирования ассоциативного контекста игры на фоне актуализируемого прототипа. Это принципы ассоциативной интеграции, ассоциативного наложения, ассоциативной выводимости, ассоциативной идентификации, имитации, ассоциативной провокации. Следует особо оговорить, что выделение конструктивных принципов и приемов ЯИ в «чистом виде» не всегда возможно: это объясняется их изначально тесной спаянностью, а также взаимодополнительностью в выражении интенции говорящего (адресанта).

Отметим некоторые корреляции техники ЯИ и имплицитных с ее помощью смыслов в приколах «Русского радио»:

1. Создание игровых импликаций по принципу **ассоциативной провокации**, который для жанра прикола является базовым. В основе данного принципа лежит эффект обманутого ожидания. Например: *18 лет бывает только раз в жизни, а 81 и того реже*. Обыгрываемым прецедентным прототипом выступает текст известной песни («В жизни раз бывает 18 лет...»). Синтаксическая (темо-рематическая) инверсия первой части фразы по сравнению с прототипом и переключение числовой символики путем смены цифр (81 год — перевернутое число 18) актуализирует смысл «не каждый доживает до преклонного возраста». Слова из песни (прототип игры) имеют переносную символику: 18 лет — пора любви и молодости, которая невозвратима; игровая трансформация содержит указание на биологический возраст человека. Тематический спектр таких

приколов очень широк, так как это, по сути, основной принцип ЯИ в данном жанре. Ср. прикол, построенный на имитации объявления в газете: *Девушка без образования ищет работу по специальности*. В основе прикола — опрокидывание пресуппозиции «работа по специальности предполагает соответствующее образование» (на рынке труда диплом об образовании — это сильная позиция, сильный аргумент для получения престижной работы). В данной фразе иронически сформулирован некий принцип жизненного существования — достижение благ без особых усилий: комический эффект вызывает несоответствие амбиций и реальных возможностей адресанта (подателя) объявления (интонация жеманного типа это подчеркивает). Кроме того, в приведенном тексте «перевернутая» логика создает имплицитур: специальность, на которую претендует девушка без образования, имеет отношение к одной из самых древних женских профессий.

2. Создание игровых имплицатур сексуальной направленности, что составляет стихию современного юмора, например: *Главное, чтобы киндер не был сюрпризом*. В качестве конструктивного принципа ЯИ, создающего эффект двусмысленности, используется **ассоциативное наложение** (ср. контекстуальное ситуативное переосмысление значения второго компонента прототипической номинации *киндер-сюрприз*: буквально ребенок, рождение которого для мужчины, который не хочет обременять себя детьми и узами брака, является «неожиданным» и нежелательным). Выведению имплицатур подобной тематики способствует и образование гибридных фразем (*Баба с возу — потехе час*): в данном случае **ассоциативная интеграция** как конструктивный принцип ЯИ создает смысл «освободившийся от брачных уз мужчина может предаваться развлечениям в свое удовольствие».

3. Ироническая дискредитация символики ономастикона традиционной народной культуры (фольклора). *Вышла Василиса Прекрасная за Ивана Дурака и стала Василиса Дурак*. Имитация комической ситуации смены фамилии при замужестве с опорой на заданный сказочным сюжетом лингвокультурный код и **ассоциативную выводимость** и **идентификацию** оценочной семантики онама и апеллятива.

4. Намеренный эпатирующий цинизм в обращении с прецедентами из сферы «непреходящих» ценностей: *Гагарин был первым проходивцем в космосе* (ложно идентифицирующая парадоксальная подмена паронимов *первопроходец* и *проходимец* с раз-

ными оценочными векторами). Ср.: *А зомби здесь тихие* (ср. прототип — повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие» — о войне и трагической судьбе героинь-девушек); трансформация прецедента переводит его смысл в русло иронизации над современными фильмами ужасов (это, безусловно, остроумно, но допустимо ли этически?).

5. Обыгрывание гендерных стереотипов обыденного сознания: *Мужчины — женитесь, женщины — мужайтесь!* (**ассоциативная провокация**, содержащая намек на характер семейных отношений; императив *мужайтесь* в данном контексте приобретает двойной смысл: буквальный, соотносительный с выражением *выходить замуж*, и переносный, соотносительный с выражением *набраться мужества*). Ср.: *Баба с возу — потехе час* (контаминация фразеологических оборотов *Баба с возу — кобыле легче* и *Делу время — потехе час*). Ассоциативная интеграция как конструктивный принцип ЯИ создает, как уже отмечалось, следующий смысл: свободный от брачных уз мужчина может жить в свое удовольствие, предаваясь развлечениям.

6. Импликация обценного смысла с использованием эвфемизации: *Диктую большими буквами* (завуалированное обозначение типового выражения с использованием мата). Это пример так называемой посыловицы.

7. Создание «осовремененных» афоризмов (сентенций) по принципу ассоциативной провокации с использованием прецедентных прототипов: *В вине — мудрость, в пиве — сила, а в воде — микробы*. Ср. латинское выражение «*In vino veritas*» («Истина в вине»), ассоциативно коррелирующее с первой частью высказывания, и в целом дискредитацию ценности воды «из водопровода» (в противовес якобы полезным свойствам спиртных напитков).

8. Псевдоположительная оценка как средство выражения шуточной иронии: *Хорошая болезнь склероз — ничего не болит, и каждый день новости*. Имплицатура основана на пресуппозиции «склероз — болезнь, при которой происходит потеря памяти, и соответственно любая информация воспринимается как новая для больного».

9. Имитационный принцип в сочетании с эффектом двусмысленности (ассоциативного наложения), например, высказывания, поданные в виде призывов, содержащих политический подтекст, двусмысленность, например, дискредитирующих символику советской эпохи: *Серп и молот — коси и забивай* (см. об этом подробнее здесь: [Гридина 2011]).

Таким образом, источником для создания «Приколов...» нового типа становятся прежде всего явления современной социальной и политической жизни, представленные в виде парадоксальных (афористических) сентенций: псевдолозунгов, псевдофилософов, максим. В основе таких сентенций нередко лежат прецедентные феномены — высказывания, ситуации, тексты, имена собственные, подвергаемые трансформации и оценочной дискредитации, профанизации, шутивому переосмыслению^[5].

Приведенные примеры реализации игровой направленности современного прикола, безусловно, не исчерпывающие его прагматического функционала, тем не менее проявляют «память жанра» традиционной смеховой культуры (в ее карнавализующей ипостаси) в новых условиях коммуникации как особой формы иронической дискредитации расхожих истин, стёба, игры на грани фола, не признающей существования запретных тем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Ср., например: «Прикол — условное название для достаточно разных по своей „установке“ высказываний. Общим для всех единиц такого рода является представление мысли в парадоксальной форме, что побуждает адресата к декодированию содержащегося в ней прямого и косвенного „смысла“, намек, подтекста, отсылки к конкретной или типовой ситуации и более широкому ассоциативному фону, с ней связанному» [Кожевников, Тихонова 2010].

[2]. Ср.: речевой жанр (РЖ) — «относительно устойчивый, тематический и композиционный тип высказывания (текстов). Будучи культурными формами, РЖ характеризуются следующими основными свойствами: они объективны по отношению к индивиду и нормативны; историчны, вырабатываются людьми в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиям социальной жизни; характеризуются особым оценочным отношением к действительности; выполняют функцию интеграции индивидов в социум; многообразны и разнородны; дифференцированы по сферам человеческой деятельности и общения; являются опорой для творчества...» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006].

[3]. Данная версия была высказана в устной беседе И. Я. Мурзиной, профессором, доктором культурологии, зав. кафедрой культурологии Института филологии, культурологии и межкуль-

турной коммуникации Уральского государственного педагогического университета. Ср.: «Встречаясь в каждой крестьянской семье и небогатых мещанских купеческих домах и будучи прикреплены на стены, они (лубочные картинки. — Т. Г.) составляли первое после икон украшение этих жилищ. Содержание этих лубочных картинок чрезвычайно разнообразно. Среди них встречаются ... сцены, заимствованные из ... поучительных или забавных притчей, ... смехотворные сюжеты, карикатуры на современность... . Остроумие <этих лубочных картинок> довольно грубого свойства: оно то и дело прибегает в этих картинках к очень неэстетическим образам, а в пояснительных текстах так и сыплет непечетными словами» (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона).

[4]. Выделенные нами смыслы в наибольшей степени отражают функциональную направленность прикола как жанра современной коммуникации.

[5]. Не все приколы можно признать одинаково удачными в плане их этической, эстетической и лингвистической корректности. В каждой шутке должна быть «мера» шутки. Перцептивная яркость приема ЯИ становится очевидной в том смысле, если шутка имеет осмысленный характер и создает ассоциативное приращение при опознании прототипа. Дискурсивный функционал жанра определяет его использование как в традиционном регистре балагурства и острология (с целью развлечения), так и в регистре манипулятивного речевого воздействия (формирования ценностных установок общества).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Эстетический и неэстетический аспекты комизма // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. — М., 2007.
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. — СПб.: Нева, 2005.
3. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). — М.: Олма-Пресс, 2008.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург, 1996.
5. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47—51.
6. Кожевников А. Ю., Тихонова Т. Б. Энциклопедия отечественных приколов. — М., 2010.
7. Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачев. — СПб., 2001.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М., 2006.
9. Skorogovorki.com. URL: <http://skorogovorki.com/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 81'38
ББК Ш105.551.5

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.04, 10.02.19

С. В. Иванова S. V. Ivanova
З. З. Чанышева Z. Z. Chanyшева
Уфа, Россия Ufa, Russia

**ТЕХНОЛОГИИ ДИСКУРСИВНОГО
ОФОРМЛЕНИЯ СЛУХОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
МАССМЕДИА**

Аннотация. Рассматриваются дискурсивные практики внедрения неподтвержденной информации в массмедийный политический дискурс. Данные практики базируются на ресурсах языка и речи (грамматический, лексический уровни языковой системы, графическая система), особенностях реализации текстовых категорий информативности и модальности. Кроме того, оказываются задействованными жанровые ресурсы новостного дискурса массмедиа. В целом дискурс, использующий дискурсивные практики, в которых оказывается задействована неverified информация, предлагается называть анонимным.

Ключевые слова: слухи; технологии воздействия; дискурсивные практики; политический дискурс; СМИ.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Сведения об авторе: Чанышева Зулфира Закиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: chanyshvazz@yandex.ru.

**RUMOR INTRODUCING
DISCURSIVE TECHNOLOGIES
IN MASS MEDIA
POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. The article is devoted to discursive practices of introducing unverified information in mass media political discourse. These practices are based on language and speech resources (grammatical and lexical strata of the language system, graphic level of speech representation), on the peculiarities of the realization of textual categories of informativeness and modality. Besides genre features of news articles are also exploited. On the whole, the discourse making use of the techniques drawing upon unverified information is defined as anonymous.

Key words: rumors; persuasion technologies; discursive practices; political discourse; mass media.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of English Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Bashkir State University.

About the author: Chanyшева Zulfira Zakievna, Doctor of Philology, English Philology and Intercultural Communication Department, Professor.

Place of employment: Bashkir State University.

Сегодня не возникает сомнений относительно технологичности современной политической, а равно и массмедийной коммуникации. Исследователи отмечают, что технологичность политической коммуникации в СМИ реализуется по нескольким линиям: осуществление воздействия, манипулирование сознанием адресата, субъективизация подачи фактов (в данном случае под субъективизацией понимается скрытое введение авторского личностного отношения в материалах, которые должны быть лишены субъективной оценки (например, жесткая новость), или имплицитная передача оценки, когда эксплицитно автор заявляет о желании оставаться объективно беспристрастным [Иванова, Сподарец 2010: 72]), языковая иг-

ра в использовании вербальных и невербальных средств. При этом технологичность предполагает осознанное «использование совокупности языковых средств речевой манипуляции для целенаправленного управления восприятием действительности массовой аудиторией» [Иванова 2008: 30]. Представляется, что одной из важных технологий, задействованных в политическом дискурсе, является такая подача неподтвержденной или, иными словами, непроверенной, недостоверной, неverified информации, которая заставляет читателя поверить ей.

Наблюдение над эмпирическим материалом показывает, что в настоящее время специалисты по медийной политической

коммуникации отличаются большой изобретательностью в выборе форм языковой упаковки и искусностью в части отбора заведомо ложной и отсева нежелательной информации, что ставит перед вдумчивым читателем или исследователем проблему определения степени достоверности сообщаемых данных. Усилению произвола в обращении с фактами способствует и определенная ревизия традиционной семиотики, в результате чего на первый план выносятся не отношения в диаде «автор — текст», а отношения «автор — аудитория», которой продуцируемый текст адресован.

Судя по медийным публикациям, дискурсивная практика постоянно подталкивает авторов совершенствоваться и находить более эффективные инструменты камуфлирования недостоверных сведений, чтобы не быть уличенными и обвиненными в явной лжи. Одним из наиболее популярных видов непроверенной информации являются слухи, реализующие в средствах массовой коммуникации анонимную информацию. Лингвистический подход к данному жанру политической коммуникации нацелен на исследование национально-культурного потенциала языкового оформления анонимных сведений, на которые удобно ссылаться, используя ресурсы конкретного языка, что позволяет снимать ответственность за их истинность. Проявление указанной тенденции в СМИ, по нашим наблюдениям, стало характерной приметой не только так называемых таблоидов, но и тех англоязычных периодических изданий, которые традиционно принято относить к качественной широкополосной прессе. В содержательном плане это рождает проблему идентификации так называемой непроверенной, а зачастую и ложной информации, что требует необходимости установления языковых средств, выполняющих роль ее маркеров. Не менее актуальной темой в содержательном, формальном и структурном отношении является использование непроверенной информации в качестве мощного средства манипулирования массовым сознанием [Чанышева 2012].

Признание за слухами статуса особой формы коммуникативного поведения, обладающего характеристиками «инонормы», по выражению Г. Г. Почепцова [Почепцов 1998], не снимает задачи исследования ее специфики. В рамках данной публикации хотелось бы остановиться на технологическом компоненте языкового оформления слухов, с тем чтобы выявить дискурсивные практики, нацеленные на распространение непроверенной, а порою и заведомо ложной информации. Материалом для анализа служат статьи

из качественной англоязычной прессы Великобритании и США, методами — семантический анализ в дефинитивном варианте, дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, когнитивный анализ, лингвокультурологический анализ. Предлагаемый подход к продукции дискурса, основанного на непроверенной информации, базируется на учете при анализе двух аспектов в связи с тем, что слухи рождаются и циркулируют в определенном культурном коллективе. Их анализ может быть успешным лишь в контексте языка и культуры, поскольку так можно выявить прагматическую интенцию автора. Цель лингвистического анализа заключается, в частности, в установлении специфики языковых средств, имеющихся в языке и облегчающих процесс упаковки ложной информации в удобоваримую форму. Обращение к культурологическому аспекту анонимной информации позволяет выявить такие знаки и таксоны институциональной культуры в политической коммуникации, опора на которые обеспечивает достаточную базу для доверительного общения с адресатом.

К сожалению, слухи как разновидность так называемой косвенной коммуникации остаются в тени при исследовании медийного дискурса, хотя «именно от цели медиадискурса зависит то, в какой **модальности** он находится по отношению к объективной действительности» [Кожемякин 2010] (выделено авторами. — С. И., 3. Ч.). В зарубежной дискурсологии проблема истинности/ложности информации некоторыми исследователями вообще снимается с повестки дня, так как, поскольку «истина недостижима, то бесполезно спрашивать, является ли что-то истинным или ложным» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 33]. Отмечая крайность подобного мнения, не разделяемого другими учеными, нельзя не согласиться с призывом авторов изучать то, как создается эффект «истинности» информации, участвующей в создании дискурсивной картины мира. В когнитивном аспекте анонимную информацию также необходимо анализировать в более широком контексте, как связанную не только с отражением, сколько с объяснением, толкованием, оцениванием и прогнозированием описываемых событий. Наконец, самым важным качеством любой косвенной информации является ее активное участие в создании смыслового пространства текста. Как известно, любой чужой текстовый фрагмент или цитата, попадая в интертекстуальное пространство, приобретает вторую жизнь и, в зависимости от установки автора, цели дискурса, конкретных условий контекста, может подвергаться существенным смысло-

вым модификациям вследствие неточности в передаче — от несущественных искажений сообщаемой информации до придания ей прямо противоположного смысла. При этом при умелой подаче автором анонимной информации осуществляется не прямое, агрессивное, а завуалированное управление сознанием адресата, т. е. его знаниями, суждениями, ценностями, идеологией, а также эмоциями и настроением. Тем самым обеспечивается главная цель СМИ: управление массовым сознанием через публичный дискурс означает управление действиями адресата [Чудинов 2007: 71; Dijk 2008].

С целью преднамеренного искажения объективного положения дел автор сообщения, работающий в СМИ, прежде всего сталкивается с задачей производства особого дискурса, обладающего набором текстуальных критериев, связанных с опорой на стереотипные модели подачи такой информации. Несмотря на признание бесспорной значимости личностного фактора, проявляющегося в авторском мастерстве облекать непроверенную информацию, а подчас и прямую ложь в искусную и правдоподобную форму, важно учитывать несколько факторов, благодаря которым данные модели подачи неverified информации приобретают свойство технологичности. Представляется, что, во-первых, необходимо выделить языковые факторы, т. е. специфику, характер, грамматический строй и лексико-семантические ресурсы того или иного языка, которые заметно облегчают выполнение указанной установки в речевой практике. Таким образом можно будет выделить дискурсивные практики, связанные с особенностями структуры языка. Во-вторых, необходимо выделить ряд практик, связанных с жанровыми особенностями массмедийного текста. В-третьих, целесообразно обратиться к целому тексту, чтобы проследить за процессом развертывания информации и сменой модальных планов (соответственно следует обратить внимание на текстовые категории информативности и модальности), что позволит говорить о реализации дискурсивных практик на текстовом уровне.

Для подтверждения предположения о нескольких уровнях подачи неverified информации обратимся к медийному дискурсу, прежде всего для установления наиболее популярных основанных на языковых ресурсах стратегий создания текста, типичных для англоязычных изданий.

По нашим наблюдениям, английский язык обладает широким системным диапа-

зоном разноуровневых средств оформления непроверенной информации. В данном случае, помимо специфики системы, необходимо учитывать действие дискурсивных факторов, в частности связанных с практикой использования языковых средств для выражения категории модусной модальности, включающей такие важные параметры коммуникации, как авторство и эвиденциальность. Данные параметры связаны с характером указания на источник сообщаемых сведений, который может обозначать эксплицитированный/имплицитный, прямой/косвенный, личный/опосредованный доступ к информации. Исходя из указанных свойств, эвиденциальность анонимной информации состоит в том, что ее можно представить как получаемую от имплицитируемого непрямого (косвенного) и опосредованного источника. Наблюдения за средствами подачи анонимной информации в политической коммуникации позволяет выделить три их основных вида: основанные на 1) слухах *per se*, 2) пересказывательности и 3) инференциальности информации.

С культурологической точки зрения есть все основания говорить о многих англоязычных изданиях как о создающих особую культуру в обществе — так называемую «культуру политического скандала». По мнению американских социологов, эту культуру можно представить сегодня как феномен, способный к саморазмножению и самовоспроизводству (“self-replicating”, “self-reproducing”). Журналисты и исследователи, работающие в данной сфере [Gelfert], полностью оправдывают использование слухов в СМИ, поскольку, по их мнению, слухи помогают отслеживать новую информацию и представляют собой проявление естественного человеческого любопытства. Более того, существует точка зрения, согласно которой в позитивном ключе могут рассматриваться даже слухи негативного содержания, ибо они служат своего рода лубрикантом в процессе социального взаимодействия людей [См.: Singal 2012]. Представляется, что данный феномен тесно связан с созданием на базе СМИ анонимного дискурса, т. е. дискурса, в рамках которого приемлемыми считаются материалы, основанные на не имеющих установленного авторства сведениях.

Наиболее очевидной формой оформления слухов в анонимном дискурсе являются лексические единицы. Судя по авторитетным словарям, английский язык располагает хорошо развитой системой лексических единиц, обозначающих данный вид информации. Способы подачи непроверенной информации могут различаться не только сте-

пенью указания на подобную информацию, но и мерой смягчения заведомо негативной информации в СМИ (*break the news* — to tell someone some important news, usually bad news; usually said about information that causes sadness or worry). Английские словари приводят достаточно разнообразный список единиц, которые могут быть использованы для оформления анонимной информации: *announce, blab, break the news, breathe, bring word, bruit, bruit about, buzz, canard, chat, circulate, common talk, cry, flying rumor, give a report, give tidings of, gossip, grapevine, hearsay, idea afloat, info, inform, information, intimate, latrine rumor, leak, low-down, make known, mumble, mutter, news, news stirring, noise abroad, on dit, on-dit, pass around, poop, put about, rehearse, relate, report, reveal, roorback, rumble, rumor, say, scoop, scuttlebutt, suggest, susurration, talk, tattle, tell, tidings, tittle-tattle, town talk, unconfirmed report, undertone, whisper, write up* [Moby Thesaurus].

Компоненты словарных дефиниций ядерного в этом ряду лексического репрезентанта *rumor* указывают на основные характеристики данного вида коммуникации, которые дополняют упомянутые раньше признаки: *a currently circulating story or report of uncertain or doubtful truth* [ABBY Lingvo X3]; *a piece of unverified information of uncertain origin usually spread by word of mouth; unverified information received from another; hearsay* [The American Heritage Dictionary...]; *1. information, often a mixture of truth and untruth, passed around verbally. 2. gossip or hearsay (in (obsolete) fame or reputation* [Collins English Dictionary]; *1. talk or opinion widely disseminated with no discernible source; 2. a statement or report current without known authority for its truth; 3. archaic : talk or report of a notable person or event* [Merriam-Webster]; *information received from other people which cannot be substantiated* [ABBY Lingvo X3].

В приведенных выше дефинициях повторяются следующие компоненты, характеризующие рассматриваемый вид передаваемого сообщения: 1) неидентифицируемость (сомнительность) источника информации; 2) невозможность верифицировать, т. е. подтвердить или опровергнуть, истинность передаваемых идей, предположений, оценок, мнений; 3) сложность в установлении авторства сообщения; 4) как правило, широкая распространенность сведений, относящихся к событиям, персоналиям и фактам, актуальным для текущего времени. Однако наиболее важной языковой характеристикой подачи анонимной информации является, на наш взгляд, смысловая составляющая единиц: за счет коннотативного и

ассоциативного компонентов обеспечивается ее аттрактивность для читателя. Вероятно, именно смысловая нагрузка слухов апеллирует к интеллектуальным способностям людей, осуществляет эмоциональное воздействие, в результате чего люди, находясь в неоднозначной ситуации, объединяются, создавая разумную ее интерпретацию [Шибутани 1999].

В последние годы появились новые формы политических слухов, учитывающие изменения в политике, медийных технологиях и культуре. Их взаимодействие привело к созданию нового вида культуры — *convergence culture*, которая обозначает современную форму сближения культур, в чем-то повторяющую «культуру скандала».

В соответствии с жанровыми особенностями СМИ, структура английского медийного дискурса требует в самом начале указывать на источник информации. Упомянутые лексемы используются в политической информации для оформления абсолютных слухов в наиболее очевидной их форме:

(1) *The Ukrainian economy is mired in deep corruption, with Russia-style oligarchs making enormous fortunes in shady deals — such as those **allegedly** made ahead of the Sochi Olympics — while the economy fails to offer better prospects* [NYT. 20.02.2014].

(2) *Macmillan's succession was, according to the **rumour mill**, a 'personal and private effort by the head of the Cecils'* (Collins) [Rumour mill].

(3) *This is not a **new rumor**, we **have heard** this before, **we all know** Batista has trained in Muay Thai in the past and we also recently posted a video of Batista training at the Affliction training center. Batista has used MMA training as a way in the past to stay in shape for his wrestling career and **we have heard** numerous times he was interested in trying his hands at fighting* [NYT. 20.02.2014].

Выделенные в примерах 1—3 единицы недвусмысленно указывают на то, что сообщаемые сведения являются слухами: так, *allegedly* (пример 1) дефинируется как *said, without proof, to have taken place or to have a specified illegal or undesirable quality* (ср. в русском языке *якобы*). В примерах 2, 3 для передачи новостной информации используется ключевая лексема *rumor*, а также эпистемические глаголы *know* (*we all know*, ср. с рус. *знать*) и *hear* в форме Present Perfect (*have heard of*) в значении *be aware of; know of the existence of* [Oxford Dictionary] (ср. русские *услышать, узнать*). Чрезвычайный интерес вызывает не имеющее эквивалента в русском языке устойчивое выражение *rumour mill* (пример 2), использующееся в англоязычной журналистике для обозначения офи-

циально существующей группы людей, в чью обязанность входит распространение толков, слухов (“the people in a particular place or profession who spread rumours” [Rumour mill]). Приведем другой пример употребления того же устойчивого выражения:

(4) *The Washington rumour mill suggests that the president secured his narrow majority only by promising all sorts of concessions* [Там же].

Ко второй группе относим единицы, которые оформляют слухи как относительно достоверные. В подобных случаях автор сообщает об информации, которая, по его убеждению, не является бесспорно недостоверной.

(5) *They wondered where President Viktor Yanukovich, who reportedly tried to leave the country Saturday night, had gone* [Black, Alma-sy, Butenko 2014].

(6) *For eight days after this year’s televised event, however, Mr. Karimov disappeared from public view and a disputed report surfaced that he had suffered a heart attack on the day of the dance, March 19* [Kramer 2013].

Как явствует из примеров 5 и 6, в данной группе распространены так называемые репортажные глаголы, т. е. глаголы, служащие для передачи чужих слов (ср. русские *передавать, сообщать*), и производные от них существительные (ср. русские *сообщение, репортаж*).

Нередко источником информации является представитель институциональных каналов, хотя, по понятным причинам, он не идентифицирован:

(7) *A US diplomat told reporters that the United States would deny visas to about 20 Ukrainian officials considered responsible for, complicit in or responsible for ordering or otherwise directing human rights abuses related to political repression in Ukraine. The diplomat declined to name the Ukrainian officials concerned* [NYT 20.02.2014].

(8) *Angela Merkel should ask Barack Obama to destroy her NSA file when she meets the American president in Washington this week, a leading German opposition politician has told the Guardian* [Oltermann 2014].

(9) *During last December’s visit to Germany by the US national security adviser, Susan Rice, American officials reportedly expressed concerns to their German counterparts that any bilateral anti-spying agreement between the two nations would inevitably trigger similar requests from other countries. “The US is not going to set a precedent,” one German official was quoted as saying. When Germany’s foreign minister, Frank-Walter Steinmeier, and US secretary of state John Kerry met in February, the talk was merely of a future “cyber dialogue”* [Там же].

Для придания сообщаемым сведениям флера официальности авторы упоминают неких (весьма примечательно в данном случае использование английского неопределенного артикля *a* для передачи значения «некий», «один») дипломатов, политиков, чиновников и других официальных лиц (примеры 7—9). С точки зрения создания анонимного дискурса весьма интересен пример 9. В нем содержится двойная отсылка: сначала — на некое неавторизованное германское официальное лицо (*one German official*), а далее на то, что оно, по всей видимости, все же высказалось, так как его слова были процитированы (*was quoted as saying*).

Наконец, анонимная информация может быть оформлена как вполне достоверная, когда она поступает по официальным каналам со ссылками на авторитетные периодические издания, правительственные органы и т. д.

(10) *So far, the US government has refused to allow Merkel access to her NSA file or answer formal questions about its surveillance activities, a recent query to the German Bundestag has shown. According to a report in German magazine Der Spiegel, the NSA kept more than 300 reports on Merkel in a special heads of state databank* [Там же].

(11) *The Ukrainian president had repeatedly pledged not to use force against protesters. According to The New York Times, he changed his mind after meeting with Putin in Sochi* [Ghitis 2014].

В примере 10 передаваемую информацию подкрепляют ссылки на опрос, проведенный недавно бундестагом, и сообщение в германском издании «Шпигель». В примере 11 автор оформляет сообщение, отсылая читателя к американской газете «Нью Йорк Таймс».

Характер достоверности сообщению придает и использование пунктуационных знаков цитирования.

(12) *“The United States view — and I believe this view is shared by our European allies and partners — is that the only viable route back to sustainable economic health for Ukraine goes through the I.M.F.,” said a senior state department official speaking on the condition of anonymity on Friday* [Higgins 2014].

(13) *A Home Office spokesperson told the Guardian that “we do not deport anyone at risk of persecution because of their sexuality”. That would be news to Jacqueline Nantumbwe, a gay asylum seeker whom the Home Office wants to deport back to Uganda, where the crime of homosexuality carries a life sentence* [Penny 2014].

Весьма примечателен в свете проблемы передачи неverified информации пример 12, в котором, с одной стороны, содержится завышенная цитата, чем подчеркивается подлинность информации и точность передачи чужих слов, а с другой стороны, сопровождающие цитирование слова: «...как сообщил высокопоставленный чиновник на условиях анонимности» (здесь и далее перевод наш. — С. И., 3. Ч.).

Наибольший интерес представляет характер дискурсивного развертывания анонимной информации, в ходе которого подключаются разноуровневые средства языка. Варианты их комбинирования определяются выбором модели развертывания информации: 1) либо по принципу камуфлирования недостоверной информации за счет последовательного придания слухам характера достоверного сообщения, 2) либо по принципу поэтапного развертывания модальности предположения за счет подключения системы разноуровневых средств субъективно-модальных значений.

Рассмотрим структуру производства анонимного дискурса с применением процедур, применяемых в рамках первой модели в англоязычной периодике. Для английского языка характерно широкое использование грамматических средств, включающих ряд наиболее популярных форм. С точки зрения частотности использования обращает на себя внимание активное подключение наиболее приспособленных для рассматриваемых сообщений пассивных конструкций, не требующих заполнения агентивной позиции. По данным авторитетных грамматик английского языка, именно на долю таких структур приходится значительное число употреблений в новостных сообщениях (в соответствии с данными академического издания «Longman Grammar of Spoken and Written English», по количеству пассивных конструкций новостной дискурс лишь немногим уступает жанру научной литературы [Biber et al 1999: 476]). Другим действенным средством оформления анонимной информации является формальное подлежащее (empty subject), которое употребляется, когда деятель не важен или неизвестен [Eastwood 2002: 104], а также английский неопределенный артикль, с помощью которого журналист легко может уйти от проблемы реального авторства сообщения, не навлекая на себя обвинения в том, что информации лжива или сфабрикована.

(14) *If anything, Washington and the EU have failed to offer as much backing as they should. Their disagreements have been aired publicly in*

embarrassing leaked recordings — although they are not verified [Ghitis 2014].

В данном примере пассивная конструкция (*they are not verified*) оформляет мысль о том, что телефонные записи переговоров чиновников США и ЕС, преданные огласке в результате утечки информации (*leaked recordings*), не нашли полного подтверждения. Совершенно естественно возникает вопрос: подтверждения с чьей стороны? Однако пассивная конструкция дает возможность опустить деятеля, сосредоточившись на действии и на объекте действия.

Значительная смысловая нагрузка приходится на средства коммуникативной модальности, которая позволяет варьировать разные оттенки предположения (от допустимости возможного до разных степеней вероятности сообщения).

(15) *Fears of a major regional conflict in Crimea pitting Russia against the West intensified on Thursday after pro-Russian gunmen seized the regional government and parliament building in a well co-ordinated military operation, while similar groups were on Friday morning controlling access to the airports of Simferopol and Sevastopol* [Salem, Walker, Harding 2014].

К контекстуально экспрессивно-оценочным единицам (о динамике оценки и способности лексических единиц приобретать экспрессивную оценочность см.: [Якушина 2003]) *fears* (ср. русские *страхи, опасения*) и *pit against* (ср. русские *выставлять (животных на ринг), сразиться, меряться силами; бороться, противостоять, противопоставлять (кого-л. кому-л.), сводить как соперников* [АВВУ Lingvo X3], в данном контексте — буквально «усилились опасения относительно того, что крупный региональный конфликт в Крыму противопоставит Россию Западу») автор статьи в дальнейшем (см. пример 16) подключает цепочку фактуальных усилителей реальности описываемого (*reportedly* — как передают, *witnesses* — свидетели, *Russia Today described* — «Агентство „Russia Today“ описало 50 вооруженных людей как...», *The AFP news agency said* — «Агентство новостей „Франс Пресс“ передало»), при этом включая их в модальные рамки условно непроверенных сведений.

(16) *Early on Friday morning about 50 armed gunman reportedly marched into Simferopol's airport after arriving in Kamaz trucks. They first cordoned off the domestic terminal and then moving on to other areas. Russia Today described them as similarly dressed and equipped to the “local ethnic Russian ‘self-defence squads’” that seized the parliament and government buildings. Witnesses said the men at the airport were bearing Russian navy flags.*

The AFP news agency said the airport was operating as Friday dawned, with passengers checking in for flights [Salem, Walker, Harding 2014].

Следующий пример показывает использование иной дискурсивной практики в процессе конструирования смысла и, следовательно, построения возможной социальной реальности. Фрагмент взят из статьи *Vladimir Putin hints that he could return to lead Russia until 2024* [Vladimir Putin hints that he could...], опубликованной в «The Times» еще в 2009 г. Вся статья, начиная с заголовка, является примером дискурсивного развертывания модальности возможности и придания высказанному предположению статуса реальности. Прежде всего обращает на себя внимание сам заголовок, согласно которому Владимир Путин лично признался в намерении сохранять за собой президентские полномочия вплоть до 2024 г. При этом автор снимает с себя ответственность за собственную инференцию, употребляя глагол *hint* (ср. русское *намекать*): «Владимир Путин намекает, что может возглавить Россию до 2024 года». Однако на самом деле при внимательном знакомстве со статьей выясняется, что данная формулировка далека от реальной действительности, так как речь идет о том, что бывший в то время премьер-министром Владимир Путин высказался об имеющейся между ним и Дмитрием Медведевым договоренности о выдвижении кандидатур на президентские выборы 2012 г. Срок (до 2024 г.) является полным домыслом автора (Richard Beeston), его собственным инференциальным высказыванием, которое журналист тем не менее поместил сразу же после ссылки на слова В. В. Путина о том, что тот собирается вернуться в Кремль.

(17) *Vladimir Putin has given his strongest hint yet that he is considering a return to the Kremlin, a move that could allow the combative Russian leader to stay in power until 2024* [Vladimir Putin hints that he could...].

В процессе развертывания информации автор развивает идею сконструированной им самим возможной реальности таким образом, что она обрастает деталями, и соответственно возможное уже мыслится как действительное. Формы глагольных наклонов (изъявительное наклонение: *has given his strongest hint* — *высказал весьма определенный намек* и *is considering a return to the Kremlin* — *рассматривает возможность возвращения в Кремль*, косвенное наклонение для передачи возможности *could*) и модальные глаголы (в данном случае *could allow* — *может позволить*) оказываются соположенными таким образом, что трудно

различить грань между возможностью и реальной действительностью. По такому же принципу построено и следующее предложение (пример 18), в котором модальность возможности, переданная модальными глаголами, и изъявительное наклонение перемежаются таким образом, что, по сути, действительное оказывается встроено в возможное или возможное порождает действительное:

(18) *If the men complete this revolving-door manoeuvre Mr Putin could, in theory, be in power until 2024, when he would be 72. Although that is a decade older than most Russian men live, Mr Putin looked fit, alert and certainly confirmed what everyone in the country already knew — that he remains the real power in the land* [Там же].

Далее совершенно незаметно для читателя происходит переход к модальности действительности:

(19) *The prospect of Mr Putin dominating politics for another decade and a half will shock the liberal minority in the country where, under his rule, human rights and freedom of speech have been curtailed.*

It would cause concern across Russia's borders, where the Kremlin is in open dispute with Ukraine and Georgia, which is still suffering the effects of its war with Russian forces last year.

Many Russians, however, would be delighted with the prospect of having the most popular post-communist politician leading the country. Mr Putin is credited with restoring self-respect, rehabilitating the economy and restoring order after the chaos of the 1990s [Там же].

Суть авторских утверждений в примере 19 сводится к тому, что перспектива доминирования В. В. Путина в российской политике в последующие пятнадцать лет ужасает либеральное меньшинство. Более того, это породит озабоченность и за пределами российских границ в связи с тем, что Украина и Грузия и сейчас страдают от последствий военных действий с российской стороны. Между тем, рассуждает автор, многие в России были бы довольны таким положением дел, поскольку В. В. Путин связывается в сознании многих граждан России с возвращением чувства самоуважения, а также с возрождением российской экономики после хаоса 1990-х гг. Вероятностный сценарий подробно выписывается автором, при этом даже искушенный читатель не успевает следить за сменой модальных планов. Автором задействованы все средства передачи модальности возможности, начиная от лексики *prospect* (ср. русские *перспектива*, *вероятность*, *возможность*), которая закреп-

ляется рядом форм грамматической косвенной модальности (*would cause — стало бы причиной, породило бы, would be delighted — были бы довольны*) и посредством использования модального глагола *will*, одним из значений которого является прогноз на основе закрепившейся привычки. Грамматисты подчеркивают, что в этом значении конструкция *will* с глаголом приравнивается к настоящему [См.: Eastwood 2002: 101]. Допуская данную возможность, автор уже переходит к развитию идеи озабоченности, которую разделяют различные политические силы по поводу возможного положения дел. В результате наличие политической власти у В. В. Путина до 2024 г. преподносится читателю уже не как возможность, а как действительность. Таким образом, налицо основанная на инференциальности дискурсивная практика конструирования реальности, которая подкрепляется языковыми грамматическими и лексическими средствами, ответственными за передачу модальных значений.

Игра с модальностью возможности, предположения и действительности заполняет пространство не только аналитических материалов, но и новостных статей. Так, в статье *Rumors About Uzbekistan Leader's Health Set Off Succession Debate* [Kramer 2013] («Слухи о здоровье главы Узбекистана породили споры о преемнике») в газете «The New York Times» от 6 апреля 2013 г. автор пускается в догадки относительно руководства Узбекистана в связи с возможной смертью руководителя этой страны. Обращает на себя внимание уже само название статьи, которое содержит слово *rumors*. Автор сообщает о возможной смерти 75-летнего Ислама Каримова, главы Узбекистана, поскольку его исчезновение из публичного пространства после празднования Навруза породило многочисленные слухи о состоянии здоровья лидера страны. Стимулом для слухов стал лихой танец главы государства на празднике (*The president of Uzbekistan, a white-haired man in a suit, rose from his seat at an annual spring festival and swung his hips, clapped his hands and danced a vigorous little jig*) и его возможные смертельные последствия для уже не молодого человека. Смысл заголовка подкрепляется и надписью под фотографией политика: *There was a disputed report that Mr. Karimov, 75, had suffered a heart attack. — Появилось оспариваемое (спорное) сообщение, что г-н Каримов перенес сердечный приступ. Уже во втором абзаце статьи автор развивает неподкрепленную официальными данными новость о сердечном приступе И. Каримова (*disputed report surfaced — всплыло оспари-**

ваемое сообщение): *For eight days after this year's televised event, however, Mr. Karimov disappeared from public view and a disputed report surfaced that he had suffered a heart attack on the day of the dance, March 19.* Буквально в следующем предложении вводится лексема *possibility*, усиленная оценочным прилагательным, и модальный глагол *could*, служащий выражению предположения: *The heightened possibility that a leader who has been in power for more than two decades could suddenly die in office underscored the uncertain politics of succession in Uzbekistan.* — Усилившаяся вероятность того, что лидер, который находится у власти более чем два десятилетия, может неожиданно умереть, высвечивает смутную политическую линию относительно выбора преемника в Узбекистане. Автор не только всячески манипулирует слухом — он признается, что в своих рассуждениях исходит из знаков, симптомов: *State television broadcast archival footage of the leader, never a good sign* (в данном случае прочитывается подтекстовая информация — в информационно закрытом обществе люди умеют «читать» между строк: то, что телевидение показывает архивные съемки главы страны, никогда не было для общественности хорошим знаком). Однако после признания автора в том, что он полагается на политическую симптоматику и доверяется политической интуиции общества, далее, при рассуждении о возможных преемниках, журналист уже переходит к изъясительному наклонению, заявляя, что старшую дочь Гульнару Каримову рассматривают как главную фигуру в развернувшейся, по словам аналитиков, борьбе преемников за власть: *His oldest daughter, Gulnara Karimova, 40, is seen as a leading figure in what some analysts say is a succession struggle already under way.* Однако глагол в изъясительном наклонении используется в пассивной конструкции (*is seen — рассматривается, ее видят*). Кроме того, высказывание содержит ссылку на неназванный источник (*analysts — аналитики*), который введен посредством неопределенного местоимения (*some — некоторые*). Таким образом, возможность приобретает очертания действительности, а действительность неотделима от возможности.

При подаче новостного материала автором задействованы все жанровые ресурсы, а также наличествующие средства лексико-грамматической системы: *Uzbek exiles* (кто именно?) *reported* (лексическая семантика данного глагола дает возможность использовать его для передачи «чужих» слов) *political paralysis, citing* (еще один глагол, специали-

зирванный на передаче чужой речи) *people inside the government* (неавторизованный источник, который вместе с тем позволяет намекнуть на доступ к конфиденциальной информации). Следующее предложение автор начинает со слова *rumor*, но переходит к обсуждению того, чем возможные последствия могут обернуться для тридцатимиллионной страны, обыгрывая модальные смыслы и таким образом реализуя текстовую категорию модальности, совмещающую объективную и субъективную модальность.

(20) *The rumors in the nation of 30 million people highlight a broader, looming political quandary in former Soviet states from Russia to Tajikistan, where the absence of real elections has meant that succession becomes an unpredictable, hair-raising event.*

Пример 20 изобилует как лексическими единицами с отрицательной оценочной семантикой, так и коннотативно нагруженными лексическими единицами: *looming* (согласно словарю «Collins» — *If something looms over you, it appears as a large or unclear shape, often in a frightening way* [Rumour mill], ср. русские переводы *грозящий, надвигающийся*), *unpredictable* (ср. русское *непредсказуемый*), *hair-raising* (ср. русские *внушающий страх, жуткий*), *quandary* (ср. русское *затруднение*). Все данные лексико-семантические средства способствуют передаче субъективной модальности, связанной с негативным восприятием описываемого: слухи, которые распространяются среди тридцати миллионов жителей, высвечивают более значимую угрозу, которая стоит перед всеми бывшими советскими республиками от России до Таджикистана: отсутствие реальных выборов означает, что выбор преемника превращается в непредсказуемое, устрашающее событие. Спекуляции на слухе развиваются далее: автор использует форму Future Simple — в данном контексте в значении предсказания будущего, — утверждая, что нет ясности относительно того, будет ли преемник выбран по династическим соображениям, как в Северной Корее, или власть перейдет к одному из членов правительства: *It is unclear now whether it will have a dynastic succession with the rise of a leader's child, as in North Korea, or whether power will pass to a government insider.* Развивая гипотезы о здоровье или нездоровье Ислама Каримова, о его возможных преемниках, ссылаясь на «людей из правительства» или «людей, приближенных к правительственным источникам», автор не может не использовать и специальные «репортажные» конструкции, например Complex Subject (в русском языке конструкция подобного ро-

да отсутствует и передается посредством неопределенно-личных или безличных предложений типа *говорят / говорится, что...*), которые позволяют вводить чужую речь без ссылки на конкретное лицо, предоставившее информацию: *But the reputed Western-leaning candidate, Rustam Azimov, a deputy prime minister and former banker, is said to have wide support in Tashkent, the capital.*

Статья заканчивается, как и началась, предположениями. Завершающее сверхфразовое единство изобилует всеми лексико-грамматическими маркерами модальности возможности, что, помимо прочего, подкрепляется и оценочными средствами: *One important indicator of the veracity of the disputed report may come in mid-April, when Mr. Karimov is reportedly scheduled to visit President Vladimir V. Putin of Russia in Moscow. If he cancels the trip, it will raise more suspicions.* — *Один важный показатель правдоподобности оспариваемого сообщения может появиться в середине апреля, согласно договоренности, г-н Каримов должен, согласно договоренности, посетить в Москве президента России В. Путина. Если он отменит поездку, это вызовет еще больше подозрений.*

Анализ обеих статей показывает, как журналисты мастерски используют технологию передачи неverified информации, базирующуюся на текстообразующих возможностях категории модальности. Фрейм объективной модальности позволяет автору осуществлять сдвиг модальных планов посредством плавных множественных переходов от модальности возможности и предположения к модальности действительности. Субъективная модальность допускает оценочность и, следовательно, передачу личного отношения автора к сообщаемому. Наряду с категорией модальности, своеобразно проявляет себя и категория информативности текста, которая в анонимном дискурсе предполагает развертывание чужого высказывания о якобы фактуальной информации. В результате развертывания категорий инорформативности и модальности текста автор добивается передачи необходимой концептуальной информации.

Очевидно, используемые в качестве эффективного коммуникативного механизма слухи в массовой коммуникации приобретают качества, многократно повышающие их манипулятивно-суггестивный потенциал, поскольку они демонстрируют такие свойства, как 1) целенаправленность распространения, 2) злободневность тематики, 3) речевое воздействие, 4) использование богатейшего репертуара языковых средств.

Нельзя не согласиться с Т. М. Николаевой в том, что с точки зрения массового феномена анонимные высказывания обладают многими признаками коммуникативных стереотипов, включая свойства мультипликации, неопределенности, преувеличенности и т. д., поддерживаемые особыми лингвистическими средствами [Николаева 2000]. Вместе с тем анализ эмпирического материала показывает, что работающие в массмедиа журналисты целенаправленно пользуются технологией распространения неподтвержденной информации. Технологии распространения слухов как непроверенной, а порою и заведомо ложной информации включают создание анонимного дискурса, т. е. дискурса неподтвержденных данных. Автор такого рода материала может прямо признаться в использовании слухов, прибегая к лексемам, выражающим данное понятие. Если же автор стремится хотя бы внешне соблюсти ту или иную степень достоверности, основными чертами анонимного дискурса становятся ссылки на неназванные источники, что выражается в своеобразной «пересказывательности»; авторские инференции, которые «соседствуют» с фактуальной информацией; игра с модальными планами, включающая переходы от модальности возможности к модальности действительности. Использование данных технологий опосредуется лексико-грамматическими ресурсами языка, жанровыми особенностями массмедийного дискурса, который допускает и даже поощряет такого рода ссылки, а также возможностями информационного развертывания текста.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что на общем фоне снижения качества массовой продукции усиление «желтизны» прессы происходит благодаря растущим объемам «черного рынка» недостоверной информации, которая полноправно начинает циркулировать в массмедийном дискурсе, будучи умело запущенной полит- и ньюстехнологами. Слухи в прессе являются сегодня важным инструментом мифотворчества, чем подтверждается мысль Р. Барта о том, что миф — «это не пережиток архаического сознания, а огромная часть современной культуры» [Барт 1994], в том числе культуры политической и медийной.

ИСТОЧНИКИ

1. *ABBYY Lingvo X3* : электр. данные с программой. / ABBYY. 2008.
2. *Black P., Almasy S., Butenko V.* A new day in Ukraine: Political uncertainty sweeps divided nation // CNN. 2014. 23 Feb. URL: <http://www.cnn.com/2014/02/23/world/europe/ukraine-protests/> (дата обращения: 24.02.2014).

3. *Collins English Dictionary*. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 24.03.2014).

4. *Ghitis F.* 'New' Russia in Sochi: Same old Russia in Ukraine // CNN. 2014. 20 Feb. URL: <http://www.cnn.com/2014/02/19/opinion/ghitis-ukraine-sochi/> (дата обращения: 22.02.2014).

5. *Higgins A.* With President's Departure, Ukraine Looks Toward a Murky Future // The New York Times. 2014. 22 Feb. URL: http://www.nytimes.com/2014/02/23/world/europe/with-presidents-departure-ukraine-looks-toward-a-murky-future.html?_r=0 (дата обращения: 24.02.2014).

6. *Kramer A. E.* Rumors About Uzbekistan Leader's Health Set Off Succession Debate // The New York Time. Asia Pacific. 2013. 6 Apr. URL: <http://www.nytimes.com/2013/04/07/world/asia/rumors-set-off-succession-debate-in-uzbekistan.html> (дата обращения: 22.04.2014).

7. *Merriam-Webster*. URL: <http://www.learnersdictionary.com/> (дата обращения: 22.03.2014).

8. *Moby Thesaurus*. URL: <http://englishtips.org/1150798577-moby-thesaurus.html> (дата обращения: 20.03.2014).

9. *NYT = The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com/> (дата обращения: 21.02.2014).

10. *Oltermann P.* Merkel urged to press Obama on NSA scandal ahead of Washington talks // The Guardian. 2014. 27 Apr. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/apr/27/merkel-obama-nsa-scandal-washington-talks> (дата обращения: 28.04.2014).

11. *Oxford Dictionary (En-En)* // ABBYY Lingvo X3 : электр. данные с программой. / ABBYY. 2008.

12. *Penny L.* Less homophobic than Russia? It's not something to give yourself a medal for // The Guardian. 2014. 13 Feb. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/13/less-homophobic-russia-sochi-medal-lgbt>.

13. *Rumour mill* // English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/rumour-mill> (дата обращения: 22.02.2014).

14. *Salem H., Walker S., Harding R.* Conflict fears rise after pro-Russian gunmen seize Crimean parliament // The Guardian. 2014. 28 Feb. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/feb/24/ukraine-crimea-russia-secession> (дата обращения: 24.02.2014).

15. *Singal J.* How to fight a rumor // Boston.com. 2008. 12 Oct. URL: http://www.boston.com/boston_globe/ideas/articles/2008/10/12/how_to_fight_a_rumor/?page=full (дата обращения: 25.04.2014).

16. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. URL: <http://americanheritage.yourdictionary.com/> (дата обращения: 20.03.2014).

17. *Vladimir Putin* hints that he could return to lead Russia until 2024 // The Times. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/europe/article6831459.ece> (дата обращения: 12.09.2009).

ЛИТЕРАТУРА

18. *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс : Универс, 1994. С. 72—130.

19. *Иванова С. В.* Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 29—33.

20. *Иванова С. В., Сподарец О. О.* Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71—75.

21. *Кожмякин Е. А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2010. Вып. 11. № 2 (73). С. 13—21.

22. *Николаева Т. М.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. — М. : Наука, 2000. С. 112—132.

23. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. — М., 1998. URL: <http://www.nir.ru/socio/articles/poch.htm> (дата обращения: 12.02.2014).

24. *Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. — Харьков : Гуманитарный центр, 2004.

25. *Чаньшьева З. З.* Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакоммуникации // Вестн.

Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер.: Филология. 2012. № 3, т. 1. С. 140—148.

26. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.

27. *Шибутани Т.* Социальная психология. — Ростов н/Д : Феникс, 1999.

28. *Якушина Р. М.* Динамические параметры оценки (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2003.

29. *Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.* Longman Grammar of Spoken and Written English. — Longman Pearson Education Limited, 2000.

30. *Dijk van T. A.* Introduction: Discourse and Domination // Discourse and Power / T. A. van Dijk. — N. Y. : Palgrave Macmillan, 2008. P. 1—26.

31. *Eastwood J.* Oxford Guide to English Grammar. — Oxford Univ. Pr., 2002.

32. *Gelfert A.* Coverage Reliability, Epistemic Dependence, and the Problem of Rumor-Based Belief. URL: <http://www.academia.edu/2141621/Coverage-Reliability-Epistemic-Dependence-and-the-Problem-of-Rumor-Based-Belief#> (дата обращения: 25.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Н. И. Коновалова Н. I. Konovalova
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**В ЛАБИРИНТАХ
«САКРАЛЬНЫХ ФАНТАЗИЙ»
РОССИЙСКИХ СМИ**

**IN THE LABYRINTH
OF "SACRED FANTASY"
OF THE RUSSIAN MASS MEDIA**

Аннотация. Выявляются векторы функционирования лексемы *сакральный* в современном газетном дискурсе. Инструмент их выявления — анализ типовых контекстов и экспликация в них ключевых маркеров сакрального, что при опоре на разного рода внеязыковые и лексические ассоциации позволяет выявить степень осознания и трансформации сакрального содержания. Расширение лексической сочетаемости слова приводит к его семантической диффузности, что демонстрирует два параллельных процесса — десакрализацию сакрального и сакрализацию профанного.

Abstract. The vectors of functioning of the lexeme *sacred* in modern newspaper discourse are studied. The instrument of their identification is the analysis of typical contexts and explication of key markers of sacred in them, this makes it possible to reveal the level of realization and transformation of sacred content with the help of different extra linguistic and lexical associations. The broadening of lexical combinability of words leads to semantic diffuseness, which demonstrates two parallel processes desacralization of sacred and sacralization of profane.

Ключевые слова: газетный дискурс; десакрализация; социальная мифологизация; сакральный locus; сакральный атрибут.

Key words: newspaper discourse; desacralization; social mythologization; sacred locus; sacred attribute.

Сведения об авторе: Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

About the author: Konovalova Nadezda Ilinichna, Doctor of Philology, Director of the Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 282.
e-mail: sakralist@mail.ru.

В настоящее время лексема «сакральный» употребляется в самых разных контекстах, «размывающих» ее исходную семантику. Особенно ярко этот процесс демонстрируют современные российские СМИ: *сакральный знак, сакральный круг, сакральный смысл прощения, сакральная астрология, сакральная Азия, сакральный правитель Евразии, сакральная власть, сакральные кнопки, сакральный характер съезда, сакральный студенческий памятник, сакральный смысл файлообмена, закон о сакральном, русская нефть и русский газ сакральны, сакральная тотальная революция, сакральная шпана, сакральный смысл моих усов* и т. д. Такие лабиринты «сакральных фантазий» медийного дискурса свидетельствуют о необходимости определить прежде всего суть этого понятия и современные представления о нем в сознании представителей российского «потребителя» СМИ, которые определяются как собственно языковыми, так и внеязыковыми (социальными, культурными, территориальными и пр.) факторами.

Еще несколько лет назад слово «сакральный» практически не использовалось в лингвистической литературе, его можно было встретить в работах культурологов и фи-

лософов в связи с исследованиями проблем мифологического сознания и отражения архетипических образов в искусстве. В лингвистическом плане обращение к отдельным сакральным характеристикам отмечается с конца 90-х гг. XX в. В первую очередь это касается работ, посвященных лексике и фразеологии библейского происхождения [Юдин 1992; Ковшова 1996; Телия 1996; Никитина 1998; Бетехтина 1999]. Особое внимание уделяется понятию сакральности исследователями библейских текстов и религиозного дискурса [См., напр.: Карасик 1999; Гриненко 2000].

Можно отметить, что феномен сакрального в основном рассматривается в работах, выполненных на стыке лингвистики и смежных парадигм гуманитарного знания: культурологии, психологии, социологии, этнографии, этнологии и др. Это объясняется потребностью в выявлении национальной специфики отдельных фрагментов языковых систем, особенностей национального менталитета и традиций русской духовной культуры.

В узком смысле «сакральное» связывается с понятием «религиозное». При таком подходе всё сакральное, в том числе и слово, считается «важнейшей составляю-

щей почти любой религии» [Гриненко 2000: 33—74]. Исследователями феномена сакрального в традиционном понимании особо отмечается, что сакральное слово используется в сакральной коммуникации, сакральном дискурсе [Карасик 1999; Михновец 2006].

Заметим, однако, что более детализированные словарные дефиниции сакрального дают основания для **расширительного определения сути** этого понятия, включающего целый спектр содержательных характеристик:

- ‘священный’, ‘обрядовый’, ‘ритуальный’, ‘таинственный’, ‘магический’, ‘сверхъестественный’. В этот ряд включаются как субстанциональные свойства сакрального, так и функциональные — признаки, которые характеризуют форму его проявления (обряд, ритуал, магия). Здесь понятие *религиозное* — лишь один из компонентов, составляющих сверхъестественное, одна из его ипостасей;

- ‘относящийся к существу, персонажу, лицу’, а также ‘к вещи, зданию, действию, таинству’. Данные характеристики демонстрируют воплощение сакрального в некотором персонафицированном или опредмеченном начале. Ср. понимание сакрального как свойства, носителем которого может стать лицо, вещь, пространство, некоторые «моменты времени» и т. п., но не сами по себе, а только если их наделяет этим свойством некая мистическая благодать. Она может представлять как всемогущий Бог, как души умерших, как неопределенно-диффузная сила и т. п., и всё, что кажется вместилищем этой силы, предстает как сакральное, одновременно опасное и драгоценное, завораживающее [См.: Кайуа 2003].

Отмеченные семантические компоненты находят отражение в понимании сакрального представителями Французской социологической школы, которые рассматривали сакральное как психологическую категорию («категорию чувствительности»). Религия при этом является лишь системой управления сакральным, свойства которого используются в обрядах. Вполне закономерно, что при расширительном понимании сути сакрального в фокус интерпретации попадают и языковые единицы религиозного (и, шире, — культового, обрядового) содержания, и демонологическая лексика и фразеология как два полюса одного феномена.

Наблюдения над способами репрезентации сакрального содержания в текстах современных российских СМИ позволяют выделить основные векторы функционирования лексемы *сакральнѳй*. Инструментом их выявления является анализ типовых контекстов и экспликация в них ключевых маркеров сакрального, что при опоре на разного рода

внеязыковые и лексические ассоциации позволяет выявить степень осознания сакрального содержания.

1. Использование лексемы *сакральнѳй*, соотносимое с традиционным (узким) пониманием ее смысла. В сознании современного носителя языка в той или иной степени представлены структуры мифологического сознания, которые дают возможность адекватной интерпретации сакрального содержания. **Вернисаж с сакральным названием. В Москве открылась выставка „Классическое искусство исламского мира IX—XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего** («Азербайджанские известия». 2013. 1 марта); **Форму держит лишь отшлифованный в веках латинский текст литургии: музыкальное же содержание, влитое Берлиозом в этот древний сакральный сосуд, окончательно и бесповоротно порывает с принятыми в мессе риторическими формулами и традиционными типами мелодического движения** (Газета. 2005. 4 июля).

2. Использование лексемы *сакральнѳй*, соотносимое с широким пониманием ее смысла, в том числе применительно к традиционной народной культуре и современным магическим практикам:

а) ритуалы, в том числе различные оккультные практики: **Однако люди пришли сюда не затем, чтобы поклониться святыне. Что происходит за тяжелыми дверьми, до поры до времени неизвестно, но просветленные лица побывавших внутри обещают чудо. Сакральнѳй смысл происходящего подчеркивался ритуальным поведением: нужно было снять обувь, босиком по ледяному каменному полу пройти в центр церкви и лечь на мягкий матрас** (Литературная газета. 2005. 13 июля). Здесь мы видим типичный пример использования сакрального знака с целью воздействия на адресата, которое не предполагает рациональной оценки содержания, принимаемого как нечто данное;

б) сакральная символика: **Сакральнѳй круг. Одна из практик защиты — сакральнѳй круг. Эти круги — начало создания защитной оболочки, которая и предохранит вас от всякого рода болезненных проникновений или магических вмешательств** (Ай, болит. 2012. 10 янв.); **Сакральнѳй знак — вечно синее небо** (о шаманской общине. — Н. К.). **Шаманская община „Тэнгэри“ считается одной из самых известных в России** (Новости Байкальского региона. 2008. 15 окт.); **Это сакральнѳй знак, символ вечности. А рядом написано китайскими иероглифами пожелание добра** (Жизнь. 2005. 5 авг.);

в) сакральные локусы: **Сакральные Жигули. С Жигулями и Самарской Лукой**

связано множество любопытнейших легенд, в том числе и самых неправдоподобных. Это очень интересное место на Земле. Те, кто занимается уфологией и неизведанным, считают, что здесь, как и в Бермудском треугольнике, на Тибете, острове Пасхи, наиболее часто встречаются НЛО и разные необъяснимые явления (Городские ведомости. 2013. 11 авг.). Далее текст газетной заметки насыщен «сакральной» лексикой: миражи, фата-моргана, загадочные записи неземной архитектуры, легенды о свитках с какими-то уникальными знаниями, фантастических предметах, тайных картах, таинственном племени женщин, обладающих волшебной силой, о карликах-старцах с большими горящими глазами — и т. п. Еще пример: „**Сакральная Азия**“. Персональная выставка профессионального путешественника и фотографа Вячеслава Киплюкса „Сакральная Азия. В поисках нового пути“. В экспозиции будут представлены снимки **сакральных мест** и „энергетических центров“ Бурятии, Монголии, Тибета, Индии, Камбоджи, Лаоса и Вьетнама (Областная газета. 2012. 19 марта). Пафос статьи заключается в том, что, увидев сакральные памятники древних цивилизаций, человек освободится от гнета материального мира, откроет духовные ценности и истинный путь в жизни. Другие примеры: **Закон о сакральном**. Депутаты Госсовета Горного Алтая разрабатывают поправки к закону об особо охраняемых природных территориях (ООПТ), которые позволят усилить охрану священных для местного населения ... и других памятников природы. Верования коренного населения Алтая тесно связаны с окружающей природой, большинство водоемов, перевалы, горные вершины для алтайцев священны. Согласно поверьям, там обитают духи-защитники. „Оказывается, в Республике Алтай существуют серьезные проблемы в части реализации правового статуса таких сакральных мест“, — поясняется в сообщении. (Честное слово. 2012. 8 авг.); В четверг, 31 января, на второй встрече Открытой площадки „Новый Николаев“ были представлены доклады на тему „**Сакральный Николаев**“. В результате, прозвучали две точки зрения на один вопрос о „**сакральности**“ нашего города (МК. МК. UA : Николаевская информационно-аналитическая интернет-газета. 2013. 5 февр.); Камень-бык — одно из главных **сакральных мест** у баргузинских бурят [Ленхобоева 2012];

г) сакральная атрибутика: В Ненецком краеведческом музее в конце 2011 года презентовали каталог „**Сакральные предме-**

ты ненцев архангельских тундр“, который содержит описание коллекции предметов ненецкого культа [Ненецкий краеведческий музей... 2012]; **Сакральный хлеб** лучше всего получается у серпуховички. <...> Татьяна Панкратова подтвердила свое реноме лучшего в России специалиста по караваем. Именно она — сотрудница компании „Серпуховхлеб“ — стала на днях победителем в номинации „Выпечка каравай“ на 9-м чемпионате Подмосковья по хлебопечению. <...> Важен и тот момент, что для любого русского, каравай — не просто хлеб. Это, отчасти, **сакральный объект**, национальный **символ** гостеприимства. По русской традиции, дорогих гостей встречают хлебом-солью — ржаным караваем, который выносят на вышитом полотенце. Этот обычай пришел из языческой древности, когда хлеб был божеством [Колыванов 2013];

д) нумерология, астрология: **Сакральная пятница**. Минувшая пятница (2011 год) вновь вызвала ажиотаж у любителей астрологии, суеверных людей и просто верящих в чудеса. Этот день стал сочетанием 11 числа 11 месяца 11 года, да еще и 11 часов 11 минут 11 секунд. Именно в это время нужно было загадать желание, которое обязательно должно было бы сбыться. Ну а тем, кто не успел загадать желание 11.11.11, нынешний календарь предоставит еще один шанс — это грядущее воскресенье, которое станет символическим сочетанием следующих цифр — 20.11.2011. А для пущей верности сокровенную просьбу можно произнести в 20 часов 11 минут (Карсунский вестник. 2011. 21 нояб.).

Можно отметить общую тенденцию в функционировании самого понятия сакральное и сакрального знака — десакрализацию. Это находит отражение в забвении одних и переосмыслении других базовых культурных компонентов, их **социальной мифологизации**, в рождении новых смыслов, ориентированных в значительной мере на сферу профанного. Ср., например:

– **сакрализация власти**: Путину нужна **сакральная власть**? Гражданское общество против клерикализации государства и массовых нарушений свободы совести в России [На пресс-конференции... 2012]; **Русская нефть и русский газ сакральны**, они не должны принадлежать кучке сомнительных олигархов с кривыми, испуганными физиономиями или гладкобедрым чиновникам. Россию спасет только революция, **сакральная, тотальная революция**, сотворенная солнечными земными крайними энергиями пробудившейся души (Литературная газета. 2003. 19—25 марта); *Поэто-*

му наш съезд имеет **сакральный** характер, — подошел к главному лидер „Родины“. — Нам надо убить дракона! (Коммерсант-Daily. 2005. 14 июня). Использована экспрессивная метафора, характеризующая, по мнению политика, основные качества нынешней власти — «бесконечную ложь», «непроходимую серость», «шкурный лоббизм» и «необъяснимую ненависть к своему народу». Другой пример: *Сакральные кнопки. Когда делегации из парламентов европейских стран приезжают к нам и видят, как проходит голосование по законопроектам, то не могут удержаться от того, чтобы не поделиться своим опытом ... у них там „мертвые души“ в зачет не идут: если депутата нет в зале, за него проголосовать никто не имеет права. У нас по-другому... Экскурсанты направились в зал пленарных заседаний, где с балкона могли наблюдать, как с полсотни депутатов по устоявшемуся правилу несли дежурство у кнопок для голосования, успевая нажимать сразу несколько „аккордов“. В это время на всех думских мониторах высвечивалось табло с числом проголосовавших „за“ и „против“ очередного проекта закона, в сумме приближающимся к четырем с половиной сотням. ... Сакральные кнопки неизменно окрашивали экраны думских мониторов в сигнальный красный цвет — „не прошло“* (Правда. 2013. 11 авг.);

– **сакрализация традиционных ценностей**, ностальгическое обращение к прошлому (прежде всего — к духу советской эпохи) как источнику душевных сил: *Перемещать сакральный символ* (о памятнике. — Н. К.) с места ни в коем случае нельзя, — считает Шапошникова (Труд. 2005. 27 июля); *В Брянске, как и в Казани, всего один сакральный студенческий памятник — Ильичу, но уже немолодому* (Новые известия. 2005. 29 июля); *Использование печатного текста в коллаже — свидетельство невероятного уважения к печатному слову. 1920-е годы в СССР — это время, когда газета была не просто новостями, а воспринималась как рупор освобожденного народа. Это сакральное отношение к газете имеет свою историю, напрямую связанную с историей свободы слова и цензуры* (Коммерсантъ. 2011. № 59 (4600), 6 апр.);

– **сакрализация профанного**: *Новая религия придает сакральный смысл файлообмену. Движение „копимизма“, которое в январе официально получило статус религии в Швеции, начинает активно набирать популярность в других странах. Последователи этого сообщества выступают за свободный обмен информацией,*

а нажатие комбинации клавиш CTRL+C и CTRL+V (скопировать и вставить) считается священным действием. Церковь „копимизма“ (образовано от словосочетания соруте — „скопируй меня“) основал шведский студент Айзек Герсон в 2010 году, а 5 января 2012-го она получила официальное признание властей. Те, кто исповедует эту религию, считают копирование информации священным актом, который не может быть ограничен ни одним законом [Новая религия придаст сакральный смысл файлообмену 2012] — новая сакрализация на основе семы «тайное знание» (т. е. знание, изначально существующее для узкого круга посвященных).

Анализ многочисленных контекстов употребления лексемы **сакральный** свидетельствует о возможности неоднозначной (многозначной) интерпретации его содержания, в основном на уровне профанно-бытового осмысления. Часто при этом мы видим смешение паронимов **сакральный** и **сакраментальный** (последний в абсолютном большинстве случаев специализируется на сочетаемости с существительным *вопрос*). Ср., например: *Им нужны средства в основном на лекарства. Ну а на сакральный вопрос: на что бы вы потратили миллион, если бы он на вас внезапно свалился? — ничего вразумительного* (Парламентская газета. 2013. 25 июня).

Сакральность, таким образом, с одной стороны, явление стабильное, с другой — динамичное: в процессе функционирования сакральный знак может десакрализоваться. Анализ контекстов употребления лексемы **сакральный** в российских СМИ показывает, как расширение лексической сочетаемости слова приводит к его семантической диффузности, а далее начинается два параллельных процесса: с одной стороны, десакрализация сакрального, с другой — сакрализация профанного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гриненко Г. В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. — М.: Новый век, 2000.
2. *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. — М.: ОГИ, 2003.
3. *Карасик В. И.* Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной грамматики. — Волгоград, 1999.
4. *Ковишова М. Л.* Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996.
5. *Колыванов Ю.* Сакральный хлеб лучше всего получается у серпуховички // Ока инфо. 2013. 15 апр. URL: <http://oka-info.ru/news/article/17341/>.
6. *Ленхобоева Т.* Сакральная Бурятия // Центральная газета. 2012. 27 июня. URL: <http://>

zentralka.ru/index.php/nashe-obshchestvo/561-sakralnaaya-buryatiya.

7. *Михновец Н. Г.* Варианты бытования сакрального текста как факторы его устойчивости и продуктивности в русской культуре // Филологические науки. 2006. № 6. С. 59—67.

8. *На пресс-конференции* «Путину нужна сакральная власть?» представили доклад о состоянии свободы совести в РФ // Newsru.com : сайт. 2012. 8 февр. URL: <http://newsru.com/religy/08feb2012/doklad.html>.

9. *Ненецкий краеведческий музей* презентовал каталог сакральных предметов // Национальный акцент. 2012. 18 янв. URL: <http://nazaccent.ru/content/>

3561-neneckij-kraevedcheskij-muzej-prezentoval-katalog-sakralnyh.html.

10. *Никитина Т. Г.* Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии. — Псков, 1998.

11. *Новая религия* придает сакральный смысл файлообмену // Вести.Ru. 2012. 10 мая. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=790138>.

12. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки рус. культ., 1996.

13. *Юдин А. В.* Христианский ономастикон в русских заговорах // Русское языкознание : межвед. науч. сб. — Киев, 1992. Вып. 25. С. 130—137.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Гридина.

Н. А. Купина N. A. Kupina
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ЗАЛОЖНИКИ
ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО АВАНТЮРИЗМА:
ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ**

Аннотация. На материале писем с Восточного фронта (1941—1945) немецкого лейтенанта Йоханнеса Баара рассматриваются идеологемы тоталитарного языка Третьего рейха, выявляются механизмы политизации ментально одобряемых идеологических конструктов, определивших мировоззрение молодого человека, ставшего заложником идеологического авантюризма, но сумевшего в послевоенные годы обрести «критический разум», использовать свой талант для распространения русского языка, формирования диалога между Германией и Россией.

Ключевые слова: тоталитаризм; идеологема; сакрализация; идеологическая субституция; аксиологический выбор; мировоззрение.

Сведения об авторе: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

Место работы: Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина.

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312.
e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

**THE HOSTAGES
OF THE IDEOLOGICAL GAMBLING:
TO BE TRIALLED BY WORLD WAR II**

Abstract. On the material of the letters (1941—1945) sent from the Eastern front by Johannes Baar, a German lieutenant, the article observes the ideologemes of the Third Reich's totalitarian language, finds out the mechanisms of mentally approved ideological constructs politization, the latter having defined the young man's creed, who became a hostage of the ideological gambling, but managed to gain "the critical mind" in the post-war period, and to use his talent to spread the Russian language, therefore, forming the dialogue between Germany and Russia.

Key words: totalitarianism; ideologeme; sacralization; ideological substitution; axiological choice; personal creed.

About the author: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetorics and Stylistics of the Russian Language.

Place of employment: Ural Federal University named after Boris Yeltsin.

Тоталитаризм трактуют как особую форму общественно-политического строя, главная особенность которого — полный контроль государства над всеми сферами общественной жизни. Подобное понимание тоталитаризма споров не вызывает. Между тем вплоть до последней четверти XX в. отечественной гуманитарной наукой отрицалась тоталитарная сущность советского государства и стран социалистического лагеря. Общим местом в терминологических словарях было утверждение: «Тоталитаризм используется антикоммунистической пропагандой для клеветы на общественный строй в странах социализма» [Философский словарь 1987: 486]. В новейших российских справочных изданиях в один однородный ряд включаются «различные формы тоталитаризма в фашистской Италии, Германии, коммунистический режим в СССР, франкизм в Испании и др.» [НЭС 2001: 1222].

При всех различиях тоталитарных режимов общим для них является наличие государственной официальной идеологии. Мощный транслятор, проводник идеологических догм — язык, осуществляющий предписательную функцию. Именно с помощью языка вырабатываются нормы идеологически одоб-

ряемого поведения граждан. Предписательность, директивность способствуют формированию особого типа общественного сознания, деформируют мировоззрение, которое в целом характеризуется примитивизмом, представлениями об однонаправленном движении времени, мифологизмом, наличием единой коллективной точки зрения, редукцией человеческой индивидуальности, безальтернативностью ценностного выбора. Операторами коммуникативного взаимодействия становятся идеологемы — вербально оформленные политизированные смыслы. Отбор идеологем, их комбинации не могут рассматриваться в отрыве от культуры народа, прошедшего испытание тоталитаризмом [Вежицка 1993; Klaus 1972; Клемперер 1998; Купина 1995 и др.].

Важным является вопрос о выборе источников, позволяющих выявить специфику тоталитарного языка, его влияние на общественное сознание. Наиболее полно идеологические предписания реализуются в апологетических текстах (партийные документы, речи вождей и общественных деятелей, газетные статьи, песни власти, тенденциозные произведения художественной литературы, киноискусства и др.). Нельзя, однако, ос-

мыслить специфику тоталитарного языка, «не обратившись к его... пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2007: 7]. Особую ценность приобретают мемуары, личные письма, дневники, диалоги и полилоги в разных ситуациях общения (на собраниях, семинарах, в домашних условиях и др.). Эти языковые материалы обнаруживают векторы влияния официальной идеологии на личностное мировосприятие, взаимоотношение общественного и личного, степень влияния предписанного, формы группового и индивидуального «языкового сопротивления» [Купина 1999: 6].

В статье рассматриваются тексты фронтовых писем немецкого лейтенанта (1941—1945), адресованные родителям и невесте [Баар 2005]. Йоханнес Баар родился 7 февраля 1921 г. в немецком городе Люннебурге. Он был призван в армию солдатом артиллерийского полка, после окончания курсов офицерского состава стал лейтенантом <...> в Курляндии попал в плен <...> в 1946 г. отправлен на родину [Баар 2005]. Обращаясь к родителям, адресант мимоходом отмечает, что *письма могут быть вскрыты* (1942) [Там же]. Это неоспоримое обстоятельство обязывало к самоцензуре, и всё же прямые и имплицитные смыслы позволяют судить не только о мировоззренческих, но и об эмоционально-психологических последствиях глобального влияния тоталитарной идеологии и тоталитарного языка.

Солдат вермахта искренне верит в высокое предназначение немецкой армии, военных действий на чужой территории. Он счастлив находиться в гуще событий. Идеология гигантизма рождает чувство личной причастности к великим свершениям: *Завтра снова на передний край <...> Снова предстоят великие решения, всё вокруг бурлит* (1942) [Там же]. Коварство идеологической лжи в том, что исполняют «великие решения» солдаты, слепо верящие каждому слову своего фюрера.

В текстах писем центральной является идеологема врага, выраженная прямыми и метонимическими номинациями (*враг, вражеский, противник, русские, русский народ, Иван, Советы, советские, красные, большевик(и), большевизм, русские/советские танки, штурмовики, бомбардировщики, „шарманка Сталина“*).

Идеология милитаризма толкуется как освободительная: внушается идея освободительной миссии войн, в которых когда-либо участвовала Германия. Солдаты и офицеры должны знать и чтить национальных героев-полководцев, занимающих место рядом с Гёте. Планово формируются

парадигматические сдвиги в мировоззрении: *Вчера у нас была письменная работа — проверка общего уровня знаний, с рядом вопросов типа: „Кто такой Бисмарк, Гёте, Гинденбург, Мольтке?“ „День рождения фюрера?“ „Полководцы освободительных войн?“ и т. п.* (1942) [Там же].

Идеологический авантюризм выступает под маской ментально одобряемой, детально разработанной «гениальным стратегом» программы: *Больше всего я радуюсь тому, что фюрер остается верен своей программе и не собирается щадить большевизм* (1941) [Там же].

Немецкая армия призвана искоренить большевизм. Эта высокая миссия возложена на каждого солдата. Само понятие «большевизм» содержательно не анализируется, но обретает резко негативную коннотацию: *Сегодня вечером всё будет приведено в состояние боевой готовности и затем — в бой! <...> большевизм будет вырывать с корнем, и мы будем принимать в этом решающее участие. Я с теми, кто первый выстрелит в бой* (1941) [Там же]. Идеологическая субституция, суть которой осмысливается в границах суждения, построенного по принципу акротезы (не оккупация чужой страны, а ее освобождение от большевизма), в одном из писем подкрепляется шуточным замечанием, исключая даже мысль о захватнической военной стратегии: *В 10 я встал, во первых строках посмотрел на новейшее изобретение Ивана: он разместил на противоположном берегу вывеску со стереотипной формулировкой „Смерть фашистским оккупантам“. Седьмое ноября — это день захвата власти Лениным. Но этим нас не запугать. Большинство наших солдат и вовсе не знали, что должно было означать слово „оккупанты“* (1943) [Там же].

Беспощадное искоренение большевизма мыслится как неизбежное, но требующее твердости духа и безжалостности. В письмах лишь эпизодически представлены картины зверств, но всё же юноша, с детства впитавший идеи немецкого романтизма, отказывается взять на себя и своих товарищей вину за кровь и страдания ненавистного врага, интуитивно ищет оправдание безжалостности: *<...> мы хотим и должны уничтожить большевизм. А если есть такие намерения, то совершенно ясно, что обе стороны не знают жалости. Только мы не такие звери, как время от времени красные* (1942) [Там же].

Идеологический вирус вызывает рассуждения о мировоззрении врага, который, как представляется Йоханнесу, сражается за

большевистский режим, а не за родную землю. Следует отметить, что слова *фашист*, *фашизм* в лексиконе автора писем отсутствуют. Он скорее ощущает себя носителем немецкого «духа»; собственную идейную позицию интерпретирует как общенациональную, общецивилизационную, а не фашистскую; выносливость, стойкость — как национальный феномен.

Посмотришь на войну с другой стороны. Конечно же, русские выносливее и сильнее немцев в преодолении страданий. Но что значит здесь русский народ? Действительно ли он так крепко держится за свое мировоззрение? <...> Можно ли красного бойца сравнить с немецким солдатом? (1941) [Там же]

Зоркий взгляд юного немца выхватывает внешние приметы, не позволяющие причислить русских к «цивилизированным» народам и одновременно позволяющие найти внутреннее оправдание немецкому присутствию на территории России. Русские неопрятны, их внешний вид не соответствует представлению о чистоплотности, которая «в немецкой культуре занимает особо высокое место» [Жельвис 1997: 117]: *Я сын Плескау* (немецкое название Пскова) *по горло <...> Но опять эти русские! Эти неухоженные люди в засаленных шубах, слишком больших сапогах, небритые, отчасти непричесанные* (1943) [Там же].

Насаждаемая фашистской политической доктриной идеология превосходства отражается в исключении русского народа из ряда цивилизованных. Необходимо отметить, что суждения, подобные приведенному ниже, не являются типичными. Сверхтекст писем не содержит собственно расистских высказываний. Последнее свидетельствует об отсутствии всеохватного влияния государственной идеологии на внутренний мир отдельного человека. Скорее всего, идея цивилизационной общности, выступающая как средство «демонстрации положительной принадлежности» [Жельвис 1997: 117], ближе Йоханнесу, чем идея расового превосходства: *Но взгляни-ка на русских пленных! Конская падаль может здесь валяться хоть три недели — они все равно ее сожрут! Хотя у них хватает еды! Да! война против таких людей всё же ни в какое сравнение не идет с войной между цивилизованными народами* (1941) [Баар 2005].

Поставленная обожаемым фюрером задача уничтожения большевизма определяет вектор движения времени и воспринимается как руководство к действию: *Часть речи фюрера я тоже смог прослушать. „Бить большевистского колосса, пока он не бу-*

дет разбит“ (1941) [Там же]. Голос вождя, интонационный рисунок его речи оказывают гипнотическое воздействие, вызывают эйфорию, возвышают дух: *Сегодня после обеда мы слушали речь нашего фюрера <...> Голос Адольфа Гитлера — это поднимает дух* (1941) [Там же]; *Какое прекрасное чувство испытал я, когда он* (Гитлер) *заговорил* (1941) [Там же]. По словам пережившего нацизм Виктора Клемперера, звуковой строй речи Гитлера действовал, «подобно массовому гипнозу»: «...мы имеем дело с сознательно осуществляемым совращением, суть которого заключается в использовании регистра благочестивой, церковной речи» [Клемперер 1998: 145]. Очевидец утверждает, что «это воздействие принимает в своих высших проявлениях религиозный характер», связанный «с проповеднической интонацией и эмоциональной подачей обширных кусков речи» [Там же]. Не размышляя, Йоханнес с упоением подхватывает программные политические установки, имеющие формульное выражение. Политические императивы срываются с духовно-нравственными и эмоциональными: фюрер — мессия (это принимается на веру); он указывает единственно верный путь к победе над врагом.

Подъем духа сочетается с чувством долга. Модальность долженствования охватывает весь эпистолярный сверхтекст: *Я сегодня утром чуть было не упал духом, но мы должны быть тверды* (1943) [Баар 2005]. Патриотизм в неразрывном соединении с долгом составляют «программу-минимум»: *Любить нашу Германию и исполнять наш долг — этого достаточно, пожалуй, в данный момент* (1943) [Там же]. Личное чувство долга не отделено от коллективного. Действующие субъекты, исполняющие свой долг (*я, ты, мы, каждый, солдаты, нация*), ощущают величие единой задачи. Коллективное подавляет индивидуальное и примитивизирует даже межличностное взаимодействие: *<...> здесь я лучше общаюсь с моими начальниками и подчиненными, если шагаю со всеми в ногу* (1943) [Там же]. Сознательное коллективное реализуется на основе политизированного концепта «нация». Добровольное и при этом одухотворенное подавление собственного «я» рождает уверенность в неукоснительности следования приказу, утверждению «духа нации»: *Следующую зиму мы встретим во всеоружии перед лицом трудностей со снабжением. Об этом говорят чаще всего <...> Кое-кто подавлен, но каждый справляется с тем, чтобы за рамками собственного „я“ увидеть нацию, но каждый так или иначе исполняет свой долг, и, если поступил*

приказ — каждый подчиняется, даже если на обед была похлебка, а на ужин — пара кусков хлеба. В этом именно и проявляется лучший дух наших солдат, и он победит (1942) [Там же].

Немецкий солдат, носитель «духа нации», обязан обладать волей, слепо исполнять приказ, следовательно, — свой долг. Солдат лишен права думать, анализировать ситуацию, сомневаться, ибо «деятельность рассудка, логического мышления... для нацизма... смертельный враг» [Клемперер 1998: 186]. Из личного лексикона изгоняются глаголы интеллектуальной деятельности:

Я вчера пытался каждому солдату разъяснить, что каждый несет личную ответственность за победу и что каждый обязан нести в своем сердце святую непоколебимую волю к победе. А значит, мы не задаем вопросов, закончится ли война в следующем году, и не думаем постоянно о чуде, которое хочется, чтобы произошло (1943) [Баар 2005].

Идеологема единодушия приобретает в тоталитарном языке патетический орнамент (ср.: [Мокиенко 1998: 186]), а само проявление безоговорочной всеобщей поддержки выдвинутых вождем великих задач исключает возможность аксиологического выбора. Сердце Йоханнеса всецело принадлежит фюреру. Определенное влияние на юношу оказывают немецкие газетные издания, пропагандистские радиопередачи. В то же время тексты писем с фронта не содержат сведений о планомерном партийном политическом воздействии.

Активные механизмы сакрализации идеологических конструктов «наш фюрер», «дух нации», «воля», «долг», «победа» подавляют рационально-аналитическое восприятие действительности, порождают фанатизм. Прежде всего это фанатическая ненависть к врагам и фанатическая вера в победу. Фанатизмом заражены не только немецкие солдаты и офицеры, но и те, кто остался в тылу. Фанатизм оценивается как ценностное достоинство нации, основа духовного родства и взаимоподдержки. Поскольку яростная ненависть к общему врагу предполагает его физическое уничтожение, категории духа, сплоченности, воли и долга объективно служат для оправдания агрессии, которая понимается специалистами как любое действие, «любая форма поведения, нацеленного на... причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрн, Ричардсон 1999: 26].

В сознании немецкого лейтенанта происходит идеологическая трансформация (очевидная агрессия трансформируется

в представление о сопротивлении), способствующая укреплению фанатической веры в победу: *Я так рад, что вы на Родине вопреки всем трудностям, гнетущим вас, так надежно верите в победу. Я снова скажу моим людям <...>, что мы спокойно можем войти в пятый год войны, что Родина еще сильнее, чем прежде, будет поддерживать нас в тылу и что теперь от нас зависит не ослабить нашу волю к сопротивлению и нашу фанатическую ненависть к нашим врагам* (1943) [Баар 2005].

Фанатизмом отмечена вербализованная идеологема жертвенности, которая срачивается с идеологемой долга и мыслится как естественное условие победы: *<...> надо жертвовать и жертвовать собой, чтобы победа стала нашей* (1942) [Там же].

Умный, мужественный молодой человек интуитивно начинает ощущать неосуществимость руководящих императивов. Сомнение — первый шаг на пути к объективному анализу происходящего: *Я остаюсь большим мечтателем и оптимистом по большому счету <...> Может быть, мой оптимизм есть лишь недостаток реальной способности мыслить. Мне всё равно* (1944) [Там же]. Наряду с вводными словами, выражающими предположение, в письмах 1944 г. появляется слово *сомнение*, которое включается, однако, в конструкции с уступительными и/или противительными отношениями: *Я всё еще верю в нашу победу, хотя именно здесь, на Северном фронте, возникают сомнения. Но наши дела, может быть, еще не так уж плохи* (1944) [Там же].

«Внутренняя модель внешнего мира» [Клаус 1967: 26] формируется в контексте военных сражений, непосредственным участником которых был Йоханнес Баар. Его искренняя убежденность в незыблемости ценностных констант тоталитарной идеологии проходит испытание жестокой реальностью.

Первоначально действия врага воспринимаются как докучливые помехи, характеризуются с легким юмором: *<...> русский Иван вел себя достаточно разумно, только один противотанковый снаряд разорвался рядом с нами* (1941) [Баар 2005]; *<...> неделя была спокойной, бомбардировщики красных лишь иногда пытались нам помешать* (1941) [Там же].

Постепенно приходит понимание того, что вездесущий враг не так прост: он хитер и непредсказуем. Но и это не принимается всерьез — слишком велика вера в собственные силы: *Мы повидали и пережили уже очень многое и столкнулись уже со всем тем, что может противопоставить нам*

враг, начиная с пехотинца и кончая вражескими танками и бомбардировщиками. Противник может появиться отовсюду (1941) [Там же]; Мне интересно, что получится из русского наступления. Они, говорят, используют всяческие трюки. Но так просто мимо нас они не пройдут (1942) [Там же].

Любой тактический выигрыш вызывает духовный подъем. Наступательные настроения не ослабевают. Не ослабевает и фанатическая вера в победу: <...> враг что-то планирует <...> слышится молотьба советских танков <...> ударные залпы „шарманок Сталина“ <...> несколько часов подряд **мы почти непрерывно ведем огонь по вражеской пехоте** <...> **Вот и еще удар получил большевик** <...> в каждом из нас **чувствуется своеобразное воодушевление** (1942) [Там же]; Враг, как безумный, обстреливает наши огневые позиции <...> появляются танки <...> На следующий день подлетели наши пикирующие бомбардировщики, **мы снова наступаем** (1942) [Там же]; <...> бомбардировщики и штурмовики, которые всегда чертовски низко пролетают над нами и прочесывают местность. Но нанести нам сокрушительное поражение **Советы не смогут** (1942) [Там же].

Неожиданным оказывается упорство врага, который не только удивляет, но и проявляет силу, изобретательность. Всё это расценивается как наглость, но порождает замешательство: Сегодня ночью у нас было –34°. А русские всё время бодро атакуют <...>. Они имели **наглость** обрушиться нам в тыл и перерезать связь <...> **Настроение не очень хорошее. Ведь точно не знаешь, чего дальше-то ждать** (1942) [Там же]; В основном „шарманки Сталина“ выпускали одну серию снарядов за другой, до тех пор, пока перед нами не выросла **черная стена и не закрыла нам какой-либо обзор** (1942) [Там же].

Стремительность и мощь атак русских обескураживают. В письмах появляются экспрессивные дикий, безумно, ужасно, страдание, позволяющие судить об эмоциональном состоянии смятения, но не о страхе (слово страх в текстах отсутствует): Сегодня русские снова сделали передышку, чтобы атаковать вновь. **Дикие перестрелки снова в ходу** (1942) [Там же]; <...> налетели русские штурмовики. Они летали по кривой **безумно** низко, стреляли из бортовых пулеметов и сбрасывали бомбы <...> (1942) [Там же]; <...> неожиданный ураганный огонь русских <...> **Ужасно**. Потом открыли огонь мы, я опять помогал у орудия, две тяжелые гранаты просвистели совсем ря-

дом с нами <...> (1942) [Там же]; Так много **страданий**, так много бед видят глаза... (1942) [Там же]. Власть тотального контроля не беспредельна: глазам невозможно запретить видеть.

Испытанием стойкости, силы духа и воли стали невиданные морозы: **Мы должны дожить до весны! За последний месяц я научился ненавидеть зиму, эту холодную белую смерть в русской глуши** (1942) [Там же]. Оборонительный юмор не может скрыть разочарования и усталости: **Но мы стойко выдерживаем натиск генерала Винтера, ему не победить нас, и это чувство придает нам мужества. Когда-нибудь всё-таки всё закончится** (1942) [Там же].

В тексты писем проникают наполненные тревогой сообщения: Под Москвой **дела тяжелые** (1941) [Там же]; <...> пришел Мёрлинг с последними новостями с озера Ильмень <...> **Сейчас нам совсем худо** (1943) [Там же]; <...> телефонная линия повреждена, **и мы полностью отрезаны от окружающего мира** (1944) [Там же] и т. п.

Неукротимая воля к победе наталкивается на факты превосходства врага: <...> ночные бомбы „кофемолки“ (потрясающий самолет красных, который сбрасывает бомбы каждую ночь) <...> мы снова уходим под землю, оставляем ненавистные дома (1942) [Там же]; Русские танки на передовой! <...> Открывает огонь „шарманка Сталина“ <...> а потом вступает тяжелая артиллерия <...> Пехота отступает <...> Паника, многие бегут назад... (1942) [Там же].

С болью Йоханнес пишет невесте о гибели фронтовых товарищей. В их числе — школьные друзья: **Посылаю три фотографии нашего кладбища героев летней кампании. Оба камрада погибли, когда я командовал ротой, от снайперов. Можешь их помянуть от моего имени** (1943) [Там же]; **Гунтер пропал без вести! Кри, я понимаю твою боль, ты так любишь своего братика!** <...> прочел объявление о гибели смертью храбрых Германа Бинефельдта, а теперь четвертый из класса! (1943) [Там же]; **Бои продолжаются. Недавно погиб лейтенант Штеферен, мы с ним были вместе в котле под Демянском** <...> я, значит, остался единственный из наших переученных артиллеристов (1944) [Там же].

Несмотря на горечь утрат, поддерживаемый пропагандой фанатизм сохраняется. Неотделима от коллективной личная уверенность в победоносном исходе войны под предводительством фюрера: **Интересное было замечание** (в газете „Das Reich“), **что мы... останемся здесь до победы** <...> **ведь для нас, тех, кто воюет с первого дня,**

должно быть делом чести увидеть и конец войны! (1942) [Там же]; *Наше положение серьезно, но мы не сдадимся просто так!* (1942) [Там же]; *Как только могли возникнуть слухи о том, что наш фюрер оставит нас в беде? Мы непоколебимо убеждены, что он приведет нас к победе* (1943) [Там же].

Бесславный финал военной эпопеи не только личная драма, но и крушение гитлеровского идеологического авантюризма. Бывший лейтенант вспоминает день 8 мая 1945 г. в Курляндии: <...> *перед высотой 88,1 оказываются десятки русских — сила, превосходящая нашу в 10 раз <...> Полчаса спустя перед моим бункером стоит русский капитан в сопровождении еще одного мало-го: „Вы капитулировали и должны быть немедленно взяты в плен“ <...> Навстречу нам непрерывно движутся русские войска. Они кричат: „Гитлер капут!“* [Там же: 171—173].

Является ли крах гитлеризма моральным крахом тех молодых людей, которые стали жертвами режима? Жизнь и судьба Йоханнеса Баара дает отрицательный ответ на этот вопрос. Тексты писем обнаруживают ценностные константы, которые позволили лейтенанту сохранить человеческое лицо: Бог, любовь, семья, потребность в интеллектуальных занятиях, жизнерадостность.

Вера в Бога помогает отвлечься от ужасов войны, насладиться минутами покоя, ощутить истинное величие бытия: <...> *лишь долгие ясные, полные звезд ночи заставляют недовольное сердце молчать и благоговейно удивляться величию небес* (1942) [Там же]; *А по ночам и здесь чудесное, полное звезд небо позволяет почувствовать близость Бога* (1941) [Там же].

Любовь преданной Кристель вселяет надежду на возможность реализации внутренних духовных резервов в мирное время. Но и частная жизнь находится под полным контролем государства. Чтобы вступить в брачный союз, молодые должны быть «истинными арийцами», соответствовать сумме требований, причем подтвержденных документами. Характерно, что требования эти молодой лейтенант воспринимает без ожесточения. Долг подавляет эмоции: <...> *еще не знаю, что я здесь есть и что я могу. Но я всё-таки рад, что после победы смогу показать, что и в другой сфере жизни смогу добиться достойного положения. Скажи-ка, Кри, как обстоят дела со свидетельством о браке и письменным заявлением о твоём арийском происхождении?* (1944) [Там же]; *Кстати, о женитьбе и замужестве <...> тебе понадобится: справка о пригодности к браку и о благонадежности в браке,*

справка о политической и полицейской благонадежности, родословная предков, арийское происхождение и немецкая национальность должны быть подтверждены документально. Всё это ты собираешь там, у себя дома, а я подаю здесь мои бумаги, потом должно быть всё ясно (1944) [Там же].

Согревает постоянная моральная поддержка отца и матери: *Приятно читать письма из дома — чувствуешь себя не таким покинутым* (1942) [Там же].

Лейтенант, которому запрещено задавать лишние вопросы, не оставляет интеллектуальных занятий: *Потом до обеда я ревностно изучал финский язык. Это моя самая последняя страсть в целях зарядки для ума* (1943) [Там же]. Впоследствии «программа фюрера» была полностью заменена собственной интеллектуальной программой: «В России он (Баар) выучил русский язык, после войны овладел итальянским, греческим, грузинским, китайским» [Вербицкая 2005: 7].

Активное сопротивление давлению тоталитарной идеологии началось после войны, хотя мысль о личной ответственности зародилась гораздо раньше. Через много лет после поражения Германии он напишет: *Вообще-то 8 мая, в день капитуляции, я был убежден, что русские нас расстреляют. Почему? Был ли я виноват?* [Баар 2005: 177—178]. Обретение личной свободы после плена — это и возвращение отобранного в годы нацизма права на аналитическое осмысление жизни в границах реального времени, осознанный выбор собственного отношения к прошлому, настоящему и будущему: *Я остался жив. Я был свободен, мог начать думать о будущем <...> Я попытался выучить русский язык, познакомиться с людьми этой страны. И уже на протяжении десятилетий я пытаюсь делать всё для распространения этого языка, оптимистично веря, что разговор с людьми другой нации является основой для равноправия, избавляет от комплексов, способствует заботе о ближнем* [Там же: 179].

Вчерашний офицер вермахта выбрал гуманитарную форму идеологического сопротивления. Делом его жизни стало распространение русского языка. В 1965 г. доктор Баар организовал международный семинар русского языка, который и сегодня собирает в Тиммердорферштранде (курортный городок на берегу Балтийского моря) гимназистов и учителей, студентов и переводчиков, многочисленных ценителей русской литературы и культуры. Друзьями семинара стали бывшие участники Второй мировой войны. Йоханнесу Баару удалось соз-

дать уникальную атмосферу духовной близости, взаимопонимания, открытости, интеллектуальной раскрепощенности. «Тиммендорфскую» атмосферу искренне поддерживают коллеги и единомышленники доктора Баара. Гостями семинара становятся русские писатели, поэты, музыканты. Ежегодно, в течение двух недель, в Тиммендорфе не смолкают жаркие споры о прошлом и настоящем Германии и России. На учебных занятиях, которые проводят преподаватели из разных университетов России, участники семинара погружаются в мир русского слова. И всё же главный урок русского, убедительный урок толерантности, дал Йоханнес Баар, сумевший сбросить вериги тоталитарных стандартов, стать самим собой, осмыслить заблуждения прошлого, совершить личный аксиологический выбор: *Меня всю жизнь сопровождала мысль: я пришел в Россию, эта война была и моей войной, это была большая часть моей юности. Может быть, миллионы погибших с той и с другой стороны помогут нашей памяти сохранить не фашистов и большевиков, а немцев и русских, а также тому, чтобы наша молодежь сблизилась, чтобы ей было хорошо в Европе — в общей Европе и общем мире. Лучшего примирения, заставляющего забыть о могилах и окопах, я не могу себе представить* [Там же: 179].

Гитлеровское казарменное государство манипулятивно использовало в своих целях лучшие качества немецкого национального характера, в том числе формируемые с детства чувство долга, склонность к порядку, волю. Закрепленные в языке Третьего рейха идеологические догмы и императивы, идеологическая трансформация, идеологическая субституция, а также регулярные эмоционально-психологические пропагандистские атаки, романтизирующие «победоносный бросок» на Восток — всё это сделало молодых немцев заложниками идеологического авантюризма. Время обнаружило возможности реализации интеллектуального и эмо-

ционально-психологического потенциала человека, в конечном итоге одержавшего личную победу над преступной идеологией нацизма.

ИСТОЧНИК

1. *Баар Й.* Урок русского: фронтовые письма немецкого лейтенанта / предисл. Л. А. Вербицкой ; сост. М. В. Отрадин ; пер. с нем. и примеч. М. П. Клочковского. — СПб. : Филологический фак. СПбГУ, 2005.

ЛИТЕРАТУРА

2. *Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия. — СПб. : Питер, 1999.
3. *Вежбицка А.* Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107—125.
4. *Вербицкая Л. А.* Доктор Баар — почетный доктор Санкт-Петербургского государственного университета // Урок русского: фронтовые письма немецкого лейтенанта / Й. Баар. — СПб. : Филологический фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 7—9.
5. *Жельвис В. И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М. : Ладомир, 1997.
6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
7. *Клаус Г.* Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. — М. : Прогресс, 1967.
8. *Клемперер В.* ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. — М. : Прогресс — Традиция, 1998.
9. *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Пермь : ЗУУНЦ, 1995.
10. *Купина Н. А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.
11. *Мокиенко В. М., Никитина М. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
12. *НЭС* = Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. — М. : Большая Российская энцикл., 2001.
13. *Философский словарь* / под ред. И. М. Фролова. — М. : Политиздат, 1987.
14. *Klaus G.* Sprache der Politik. — Berlin, 1972.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Э. Лассан E. Lassar
Вильнюс, Литва Vilnius, Lithuania

**КОЛОКОЛ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**BELL AS A POLITICAL SYMBOL
OF RUSSIAN CULTURE**

(на материале русского поэтического дискурса)

(on the basis of Russian poetic discourse)

Аннотация. Рассматривается феномен колокола в русской культуре, отраженный прежде всего в поэтическом дискурсе. Поэтический дискурс в силу своей лаконичности и образности позволяет прибегнуть к более широкому обзору трансформаций отображения этого феномена в течение значительных промежутков времени. Автор показывает, что символизация колокола берет начало в поэзии славянофилов, использующих этот образ для своей гражданской и конфессиональной идентичности. И позднее дискурс колокола в той или иной мере всегда содержит выражение гражданской позиции его субъекта, в силу чего такой дискурс может быть отнесен к разновидностям гражданского (политического?) дискурса, утверждающего определенную общественную позицию говорящего.

Abstract. The article deals with the phenomenon of the bell in Russian culture, which is first of all reflected in poetic discourse. The imagery of poetic discourse and its being laconic provide a broader overview on the transformations of the ways this phenomenon was reflected during the significant periods of time. The author claims that the sacralization of the bell originates in the poetry of Slavophiles, who used this image for their civil and confessional identity. And later on, the discourse of the bell always embedded a certain expression of a civil position of its subject, due to which such a discourse could be attributed to a type of civil discourse, where a particular public opinion of the speaker is stated.

Ключевые слова: поэзия колокола; благовест; набат; гражданская позиция; маргинальный политический дискурс.

Key words: "bell poetry", the ringing of church bells; alarm bell; civil discourse; marginal poetical discourse.

Сведения об авторе: Лассан Элеонора, доктор хабилитации, профессор, кафедра русской филологии (Вильнюсский университет); главный редактор журнала «Respectus Philologicus».

About the author: Eleonora Lassar, Habilitated Doctor, Professor in the Department of Russian Philology at Vilnius University; Editor-in-Chief of the "Respectus Philologicus" Journal.

Место работы: Вильнюсский университет.

Place of employment: Vilnius University.

Контактная информация: LT-01513, Литва, Вильнюс, Университето, 5, Вильнюсский университет, филологический факультет, кафедра русской филологии.

e-mail: eleonora-lassan@yandex.ru.

Его набат и тихий звон
Всегда приятны патриоту.
А. Полежаев

Колокол — универсальная культурная ценность, инструмент, звучащий во дни торжеств и бед народных у разных народов, говорящих на разных языках, но в момент тревоги или наивысшей радости обращающихся к звуку, исходящему с колоколен церковей, костелов, кирх или с рукавов шамана, отгоняющего с помощью колокольчиков злых духов. И дискурс культуры магическим образом притягивается к этому культурному артефакту, придавая колоколам и колокольчикам символическое значение, нагружая соответствующими коннотациями обозначающие их слова. Со времен Джона Донна, английского проповедника XVII в., нам стало известно, «по ком звонит колокол». И стало это известно благодаря писателю, бывшему политическим журналистом и написавшему

одноименный роман о гражданской войне в Испании. Интересно, что русского читателя познакомил с Джоном Донном в переводе И. Бродский — человек, как будто бы далекий от политики, но воспринимаемый современниками в качестве диссидента по отношению к советскому режиму. Конечно, политизация дискурса колокола в этом контексте выглядит натянутой, это, безусловно, совпадения (обращение к теме колокола людей, известных своей общественной позицией), и тем не менее данное совпадение позволяет нам начать разговор о политизации дискурса колокола в русской культуре. Современные споры о том, нужно ли встречать поезд «Сапсан» на московском вокзале песней Газманова «Москва, звонят колокола», или уроки патриотизма в школе, неизмен-

ным компонентом которых являются тексты о колокольных звонах, свидетельствуют о том, что колокол как церковный музыкальный инструмент и как объект дискурса вовлекается в политические страсти в российском обществе и выступает союзником или противником в борьбе за определенным образом понимаемые общественные идеалы. Впрочем, колокол «участвует» в современной общественной жизни не только в России. Так, «если звонком на Уолл-стрит объявляют об открытии биржи, то итальянский священник из небольшого северного городка Повельяно вблизи Тревизо ежедневно звонит в колокола своей церкви в 17:30, когда закрывается Миланская биржа. Таким образом, дон Джованни Киршнер, родом из Мerano, решил будить совесть в нынешний момент кризиса» [Итальянский священник бьет во все колокола...], а немецкий священник звонит в Германии в колокол, когда собираются неонацисты, предупреждая общество таким образом о грядущей опасности [Колокольный звон против неонацистов].

«Дискурс колокола», размышление о его роли в жизни общества, появились не в России. Так, широко известно стихотворение Ф. Шиллера «Песнь о колоколе» (1799). Это стихотворение имеет эпиграф «Живых призываю. Мертвых оплакиваю. Молнии ломаю» (на латинском), призванный обозначить функции и роль колокола в бытии^[1] (перевод Д. Е. Мина. Первая публикация — 1856 г.). Немецкий поэт-романтик строит «Песню» как изображение человеческой жизни и жизни общества, важные моменты которой сопровождаются звуком колокола. Эти моменты противопоставлены по признаку радости и печали, добра и зла. Появление ребенка на свет и свадьба оглашаются радостным звуком колоколов, но вот случается всепожирающий пожар — и о нем тоже сообщается звуком колокола, а затем звучит «меди звук», провожая уходящего «в дальний путь могилы». Шиллер не ограничивается описанием моментов индивидуальной человеческой жизни — он обращается к гражданскому звучанию колокола, и здесь также наблюдается антитеза мотивов добра и зла: с одной стороны, колокол звучит, охраняя людей от злых сил, внося в их сердца добро, объединяющее людей в союз «проявленья общих сил», а с другой — звучит во времена разрушительных для государства волнений: *Тогда в руках толпы преступной // Зловещий загудит металл, // И, мира вестник неподкупный, // К насилью первый даст сигнал.*

Примерно те же мотивы спустя полвека зазвучат в американской культуре — в стихотворении Эдгара По, которое в русском

переводе, сделанном К. Бальмонтом, названо «Колокола и колокольчики». Эдгар По описывает веселые звуки дорожного колокольчика, песнь свадебных колоколов, тревожное звучание набата во время пожара и, наконец, звучание погребального колокола, провожающего человека в последний земной путь. Русский дискурс колокола во многом повторяет эти мотивы, что будет показано ниже, однако, на наш взгляд, его серьезное отличие проявляется в том, что в западной культуре роль колокола в жизни человека осмысливается отстраненно: колокол как значимый для жизни человека и общества феномен рассматривается как общечеловеческое достояние, не вовлекаясь в личную сферу говорящего. В российском дискурсе — не сразу — складывается другая традиция: очень личностного размышления о жизни, наполненного страстями и эмоциями, вышанными колокольным звоном: *Когда колокола торжественно звучат, // Веселым звукам их внимаю грустно я* (Ап. Григорьев); *Твердит о счастье необъятном // Далекий звон колоколов* (К. Бальмонт). Мы привели строки из стихотворений поэтов, значительно отстоящих друг от друга во времени, — тема колокола характерна практически для русской поэзии любого общественного периода и эстетических направлений, становится, таким образом, связующей нитью времен. Можно согласиться с Н. С. Каровской, полагающей, что, несмотря на универсальную культурную ценность колокола, существующее осмысление его функции в жизни разных национальных сообществ, для российской истории роль его особенно значительна: «...колокол ... является феноменом русской культуры, воплотившим интеграцию веры; искусства и быта, а потому может рассматриваться в качестве одного из важнейших символов, олицетворяющих духовный мир нации» [Каровская 2000: 4]. Если учесть, что сакрализация колокола свойственна и католическим культурам, можно говорить о том, что русская культура, позиционирующая себя прежде всего культурой православной, широко прибегает к использованию образа колокола для выражения духовного состояния общества.

Попытаемся окинуть взглядом русский «дискурс колокола» с тем, чтобы проверить, насколько сказанное автором выше можно считать обоснованным.

В русской истории колокол одухотворяется, персонифицируется: он получает имена людей («Иван», «Годунов» и т. п.)², рассматривается как союзник или противник в политической борьбе, подвергается наказанию за призыв к «общественным проступ-

кам». У колоколов вырывали «язык», секли их плетью, отправляли в ссылку. Так, в 1591 г. в Угличе пономарь Федот Огурец зазвонил в колокол, чтобы оповестить народ о гибели царевича Дмитрия. История гласит, что этот «набатный колокол, звонивший по убиенному царевичу, сбросили со Спасской колокольни, вырвали ему язык, отрубили ухо, принародно на площади, наказали 12 ударами плетей. Вместе с угличанами отправили его в сибирскую ссылку» [Подлинная история ссыльного углического колокола]. Существовавшая в сознании российского общества базовая метафора «колокол — это человек» проявлялась как в том, что колоколам давали имена людей, так и в собственно языковой метафорике, с использованием которой до сих пор описываются части колокола: «Названия частей русского колокола и его литейной формы как нельзя лучше характеризуют благоговейное отношение к колоколу в сознании русских людей, отождествляющее колокола с живыми существами. У колокола, как у человека, есть свои голова, плечи, уши, губа, шейка, тело (туловище), рубашка и т. д. Как и у человека, есть у колокола свои голос и язык — главный „виновник“ звукоизвлечения» [О сохранении колоколов]. А вот как описывает гибель колоколов в 1930 г. М. М. Пришвин в дневнике под рубрикой «Как умирали колокола»: **«15 января.** 11-го сбросили Карнаухова. Как по-разному умирали колокола. Большой, Царь, как большой доверился людям в том, что они ему ничего худого не сделают, дался опуститься на рельсы и с огромной скоростью покатился. Потом он зарылся головой глубоко в землю. ... Карнаухий как будто чувствовал недоброе и с самого начала не давался, то качнется, то разломает домкрат, то дерево под ним трескается, то канат оборвется. И на рельсы шел неохотно, его потащили тросами...» [Пришвин 1990: 411—422].

Вместе с тем трепетное отношение к колоколам как предметам, входящим в личную сферу говорящего, их сакрализация и символизация складываются не сразу, и запечатленное в фольклорных текстах отношение народа к колоколу не всегда совпадает с выкладками культурологов об освящении колокола и его звона в национальном сознании. Приведем тексты русского фольклора, использующие тему колокола. *Колокол в церковь людей зовет, а сам никогда не бывает. Бездушен колокол, а благовестит во славу Господню. Звони поп в колокола, чтобы попадья не спала. Дан попу колокол, хоть звони, хоть об угол колоти! Дан попу колокол, хоть совсем (хоть разбей) его об угол. Поп за колокол, а мы за ковши. Про*

*глухого попа не разбить колокола; или, на иной лад: Про глухого, попу не разбить колокола. Чужой человек в доме колокол. Чужой человек, что соборный колокол, по вестям. Ваш колокол, хоть разбей об угол. У царя колокол на всю Русь (т. е. рекрутский набор). Стояли люди под колоколами, слышали. Колокола льют (говор. обо всех несбыточных, выдуманных новостях, потому что в отливке колокола, по суеверию, выпускают какую-нибудь небылицу) [Даль 1999]. Здесь колокол не является символом высокой идеи: попу предлагается звонить в него, чтобы разбудить попадью (а не для великих дел), колокол можно расколотить об угол, занятие звонаря противопоставляется более интересному занятию — питию (*поп за колокол, а мы за ковши*), колокол сопоставляется с чужим человеком в доме, в силу чего возникают отрицательные ассоциации, связанные с разносчиками слухов, литье колоколов сравнивается с созданием несбыточных новостей.*

Возможно, презрительное отношение к церковникам, именуемым в народе по их «рабочему инструменту» — колоколу: *колокольного звания* (синонимы: *жеребьячья порода, долгогривый*), — сказало и на отношении к вестнику церковной службы в послереволюционные годы, когда по велению властей рабочие без сожаления (за 8,5 рублей в день) уничтожали колокола [Пришвин 1990: 415]. Вместе с тем революционность, демонстрирующая себя через разрушение колоколов, одновременно подчеркивала их роль как врагов нового режима, олицетворяющих «седую старину», память о которой предстояло преодолеть. Таким образом, колокола в советский период становились политическими врагами, тем более что эта роль исторически не была для них новой. Само имя *колокол* приобрело соответствующие коннотации. Так, журнал Герцена «Колокол» был призван будить российскую мысль, подвергая анализу действия российского правительства и призывая к отмене крепостного права. В сознании последующих поколений название этого журнала связывается со свободной мыслью, оппозиционной по отношению к власти и зовущей к переменам. Спустя более чем полтора столетия «в Пскове <...> объявила о своем рождении еще одна общественная организация: региональный Фонд по защите прав избирателей „Колокол“. Эта организация, по словам ее руководителя С. А. Корсакова, призвана оградить избирателей от публичной лжи. Она будет „напоминать избирателям, что главную роль в процессе выборов играет избиратель и его разум, а не кошельки кан-

дидатов и их непомерные амбиции» [Бобровская 2000]. Представляется весьма показательным название сообщения о создании этой организации: «Набат или благовест для „Колокола“»? И здесь мы подходим к реализации мотива, очень характерного для русской поэзии современности и берущего свои истоки в русской поэзии XIX в.: противопоставление звучания колокольных звонов — благовеста, несущего «благую весть», и набата, звона бедствия, тревоги.

Тема благовеста весьма характерна для поэзии славянофилов, составной частью доктрины которых являлась вера в Православие как единственную спасительную силу христианства. Для них звук колокола воплощает благодать и смирение подлинного христианства:

*Приди ты, немощный,
приди ты, радостный,
Звонят ко Всенощной,
К молитве благодатной.
И звон смиряющий
Всем в душу просится,
Окрест сзывающий,
В полях разносится .*

С. Аксаков. Всенощная в деревне.
1847—1850

В поэзии славянофилов происходит символизация колокольного звона, его «приписывание» именно России: *И многовещий звон колоколов отчизны // Тот чудный гул, идущий от небес, // Он гласом Божиим нисходил к народу... Знакомый звон, любимый звон — // Руси наследие святое...* (Е. Рас-топчина).

В то же время для славянофилов характерна и пафосная патриотическая струя, окрашенная призывом к исполнению христианских заповедей (А. Хомяков) или великой миссии России:

*Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол
В Царьграде ?*

Ф. Тютчев. Рассвет. 1849

Вообще стихотворения славянофильски настроенных русских поэтов о колокольном звоне можно опознать по встречаемости в их текстах слов *душа, Русь, святой, чудный, благодатный*, будь то Ф. Тютчев, С. Аксаков или А. К. Толстой. Гармония, покой или гордое ощущение силы России — вот чувства, наполняющие стихи русских поэтов этого направления мысли при звуке церковного благовеста, который становится фактором их национальной и гражданской самоиден-

тификации. Если учесть, что славянофилы в идейном отношении оказались преемниками уваровской триады «самодержавие, православие, народность», то можно сказать, что их поэзия колокола носила апологетический характер по отношению к существующему положению вещей, несмотря на принципиальные расхождения с самодержавием в вопросе крепостного права.

Тема колокола актуальна в XIX в. не только для славянофильского поэтического дискурса. Однако если у славянофилов звук колокола вызывает сладкие слезы, то в поэзии неславянофильского толка он чаще напоминает об исторических коллизиях прошлого, об утраченном времени новгородского вече.

*Звон медный несется, гудит
над Москвой,
Царь в смиренной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет.
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.*

Милысеев, ок. 1840 г.
Из поэмы «Василий Шибанов»^[3]

Здесь старина отнюдь не безоблачна — звук колокола описывается как несущий тревогу и страх казни. В этом воспоминании — скрытый протест против времен Малюты Скуратова, и колокол находится в синтагматической близости со словами *опричник, кромешная тьма, лютый* (о звонящем в колокол Вяземском). Душа полна гражданским ропотом и у Ап. Григорьева: *Когда колокола торжественно звучат // Иль ухо чуткое услышит звон их дальний, // Невольно думаю печальной объят, // Как будто песни погребальной*. Герой процитированного стихотворения Ап. Григорьева мечтает о «благовесте» свободы, когда колокол возвестит о возрождении вольного духа Новгорода: *И весело тогда на башнях и стенах // Народной вольности завевает красный стяг...* Чем навеяна память о «Новгородской вольности»? Если исходить из того, что историческая память определенным образом питает настоящее в соответствии с его запросами, то, видимо, тоска по временам Новгорода связана с неприятием времени, чей дух противоположен духу древней демократии.

Итак, говоря о мотивах колокольного звона в поэзии XIX в., мы отметили бы две струи в развитии этого мотива: благодатное чувство при звуке колокола, одновременно говорящее о патриотизме воспринимающей души, и гражданское чувство неприятия дес-

потии, сожаление по утраченному времени новгородской вольности. Каждая «струя» имела свой лексический репертуар, свое контекстуальное окружение для слова *колокол*. При этом слово *благовест* могло не употребляться — оно заменялось метонимическим *звон* (эпитеты: *могучий, призывный, радостный, благостный, любимый* — у славянофилов; *дальний, медный, звон колоколов, торжественно-свободный* — у неславянофилов). Таким образом, можно говорить, что фрейм колокола используется в порождении определенных фрагментов поэтического дискурса, который можно интерпретировать как гражданскую лирику, выражающую общественные предпочтения говорящего. **Перед нами в сущности определенным образом организованный гражданский дискурс — с опаской автор назвал бы его маргинальным жанром политического дискурса, который отличается от традиционного политического дискурса как своей формой, так и установкой: нацеленностью не на борьбу за власть, не на участие в межличностном и межпартийном конфликте, а на выражение общественных симпатий, ставших очень личностными.** Такое выражение общественной позиции не предполагает ответной реплики в силу того, что поэтический язык имеет в большей степени эстетическую (Р. Якобсон), а не коммуникативную функцию, если понимать под последней обмен информацией. **Этот дискурс лишен агональности, что принципиально отличает его от традиционного политического дискурса и помещает в разряд маргинальных жанров: субъект и адресат не принадлежат политической сфере, но содержание связано с проблемами, трактуемыми как общественно значимые, связанные с политическими предпочтениями субъекта.** Думается, подобные факты позволяют рассматривать поэтические тексты как политические — в том случае, если автор выражает свою гражданскую позицию, которой может быть противопоставлена другая, или если автор своей позицией вписывается в политическую доктрину. Именно это наблюдается в приведенных выше текстах Е. Растопчиной, Ф. Тютчева, Ап. Григорьева: «звон Отчизны» воспринимается как благостный (консолидация с определенной доктриной) или как напоминающий о зверствах, следующих за этим звоном (протест против исторических коллизий, способных повториться в современности); он может призывать к походу на Царьград для объединения славян под эгидой русского царя (панславизм) или выражать неприятие

самодержавного правления, что придает поэтическому тексту политическое звучание. От традиционной политической поэзии, обычно не включаемой в политический дискурс [Перельгут, Сухоцкая 2013], такие стихотворения отличаются тем, что не являются реакцией на непосредственно переживаемые события. Например, пушкинское стихотворение «Клеветникам России» безусловно является политической поэзией своего времени и отозвалось эхом политических страстей в Литве в период провозглашения независимости в 90-х гг. прошлого века. Стихотворение было воспринято как политический документ, отказывающий Литве в праве на самоопределение, и памятник поэту был перемещен со своего места в центре города на его окраину в поместье сына Пушкина — Г. А. Пушкина. Этот пример показывает, что политическая поэзия есть жанр политического дискурса, а также демонстрирует, как историческая память служит настоящему. Большинство цитируемых стихотворений не относятся к собственно политической поэзии, тем не менее они могут быть рассмотрены как выражение согласия/несогласия с политикой существующего в стране режима. Разумеется, здесь встает вопрос о границах политического дискурса, и автор понимает сложность с формулированием однозначного ответа; единственный критерий, который мы можем предложить — это вероятность ответной «политической реплики», интерпретации стихотворения в школьных учебниках как идеологически выдержанного или непосредственного действия властей по отношению к автору и произведению (запрет, хула, ссылка и т. п.; примером может служить стихотворение Е. Евтушенко «Бабий Яр»^[4]). Трудно и в наши дни не согласиться с высказыванием датского философа: «В нынешние времена — все политика» (С. Кьеркегор).

Гражданские мотивы получили продолжение в поэзии колокола и в последующий период — время Серебряного века, в целом «аполитичного»: для поэзии начала прошлого века в большей степени характерно восприятие колокольного звона как элемента пейзажа, возбуждающего определенные мысли и чувства. Устремленность к небу, обращенность к дольному миру под звон колоколов — характерная черта поэтов-символистов, на фоне которой так резко выделяются стихотворения Ф. Сологуба и Н. Гумилева, изображающих колокол символом грядущих изменений; у этих авторов слово *свобода* не столь уж редкий контекстуальный сосед слова *колокол*: *Порыву гордому послушен // Торжественно-свободный звон* (Ф. Сологуб).

Стихотворение Сологуба «Соборный благовест» написано уже в XX в. — в предощущении революции (1904 г.), — и вот здесь, возможно, впервые в русской поэзии возникает метафора колокольного звона как вестника духа времени — благовест противопоставляется набату.

*Клеветники толпою черной
У входа в город нам кричат:
„Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат“.*

1904

Так благовест в поэзии, включающей, наряду со словом *колокол*, слово *свобода*, начинает совмещаться с набатом, тема которого, как будет показано ниже, прозвучит громко спустя век.

Мотив революции, сопровождающейся смертью, в 1908 г. пророчески реализует и Н. Гумилев в стихотворении «Колокол»:

*Тяжкий колокол на башне
Медным ревом заревел,
Чтоб огонь горел бесстрашной,
Чтобы бешеные люди
Праздник правили на груди
Изуродованных тел.
Звук помчался в дымном поле,
Повторяя слово „смерть“.*

Н. Гумилев тоже рисует многогранное звучание колокола, то «медным ревом» вызывающего огонь и боль, то зовущего к «созидающей борьбе». Пророческое видение Н. Гумилева сказалось и в том, что он предвидел, как умолкнет этот звук (*А потом он умер, сонный*), превратившись для непосвященных «пастушков» в звук свирели, принадлежащий влюбленному богу. Как тут не задуматься о современности, предающей забвению то, что случилось в России в начале прошлого века — стремление к забвению проявляется, в частности, в охоте, с которой переименовываются города и улицы, носящие имена деятелей русской революции. А город, которому присвоено имя создателя ЧК, активно празднует День всех влюбленных, широко оповещая об этом мероприятии через Рунет: «14 февраля 2013 года в Дзержинске пройдут различные тематические программы и вечера, посвященные Дню всех влюбленных. Так куда же пойти дзержинцам, чтобы приобщиться к европейскому празднику?» [Серёгина 2013] (!).

Таким образом, можно констатировать, что в XIX — начале XX в. колокол задает одну из инвариантных тем русской поэзии: он интерпретируется как голос Руси для славянофилов, как глас свободолюбивого прошлого в неславянофильской поэзии, как

предощущение революции в некоторых стихотворениях Серебряного века. Если сопоставить эти мотивы с мотивами Шиллера и Эдгара По, то, очевидно, можно сказать, что русская поэзия колокола отличается большей гражданственностью и личностностью одновременно: колокольный звон воспринимается в ней как желанный голос родины и ее истории или как призыв к протесту и революции, ожидание которой окрашивается то в радостные, то в грозные тона.

Что же происходит с «колоколом» в поэзии советского периода? В ней тема колокола по понятным причинам практически прерывается. Колокол замолкает как источник сакральных звуков, но тема его все-таки не исчезает полностью.

*Видно, вправду скоро сбудется
То, чего душа ждала:
Мне весь день сегодня чудится,
Что звонят колокола.
Только двери в храме заперты.
Кто б там стал трезвонить зря?
Не видать дьячка на паперти
И на вышке звонаря.
Знать, служение воскресное
Не у нас в земном краю:
То звонят чины небесные
По душе моей в раю.*

Дм. Кедрин. Колокола. 1941

Это Дмитрий Кедрин, автор известного стихотворения «Зодчие», в котором возникла тема ослепительной красоты храма, возведенного русскими зодчими, ослепленными «в благодарность» по велению государя, дабы не могли они воздвигнуть церкви краше, чем «храм Покрова». У Кедрина колокола не звонят на земле, их звуки — звуки другого мира. Но когда замолкает колокол на земле и о нем уже не говорят как о символе Руси, возникает заместительная тема — «тема колокольчика»: этот цветок становится символом России-родины, у самых смелых поэтов перекликающимся с колоколом. Так, в творчестве Н. Рубцова колокольный звон сливается со звуком, издаваемым цветком колокольчика:

*Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.*

Н. Рубцов. Левитану. 1960

В поэзии советского периода *колокольчик* достаточно часто находится в контекстуальной близости со словами *родина*, *Россия*:

*Кто же первый сказал мне на свете
о ней.
Может, птица-синица, береза в лесах,*

*Колокольчик с дороги, калитка в саду,
< ... >*

Я не помню, кто мне о России сказал.

С. Орлов.

Серия «Россия — Родина моя». 1960

И у «совсем советского» поэта Ст. Куняева: *Здравствуй, русско-советский пейзаж, то одна, то другая примета. Колокольчик... Приятная блажь ... Здравствуй, родина... Многая лета!* Обратим внимание на определение при слове пейзаж: *русско-советский*. Эта преемственность, подчеркивание того, что пейзаж именно российский (а не, например, молдавский) и включает как элемент цветок колокольчика, а также церковный оборот «многая лета» — всё это отсылает к образу церковного колокола как символа России, наследником которого в атеистические времена становится цветок — колокольчик. Таким образом, и колокол, и колокольчик являются символами практически одного и того же явления — России-родины, а обозначающие их лексемы включаются в дискурс гражданского самосознания.

Традицию использования колокольчика в гражданском дискурсе можно возвести к широко известному стихотворению А. К. Толстого «Колокольчики мои, цветики степные» (1840), которое отнюдь не является «пейзажной лирикой», как это можно предположить, если знакомиться со стихотворением по фрагменту из школьных учебников. Колокольчики в стихотворении Толстого гибнут под копытом коня, несущегося в неизвестное. Что олицетворяет собой этот конь?

*Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает бог единый!*

Разумеется, возникает аллюзия на гоголевскую тройку — Русь, мчащуюся в неизвестное будущее. В стихотворении Толстого возможным конечным пунктом движения коня является град (Москва), где происходит объединение славянских народов, что явно «немцам не по сердцу». В современном общественном контексте стихотворение звучит весьма актуально. И это стихотворение не обходится без упоминания колокола: *Иль влетим мы в светлый град // Со кремлем престольным? // Чудно улицы гудят // Гулом колокольным.*

Эти два феномена — цветок и «конусообразный предмет для различных технических надобностей» (такова дефиниция слова

колокол в словаре С. И. Ожегова) связаны с собой и по легенде: изобретение колокольного звона в Европе принято приписывать святителю Павлину, епископу Ноланскому: «Из жития святого известно, что, возвращаясь как-то домой, святой Павлин прилег отдохнуть на поле, поросшем колокольчиками. Во сне он увидел, как с небес нисходят светлые ангелы, раскачивают колокольчики, и те издают нежные серебряные звуки, сладкие, как ангельское пение. Возвратившись домой, он приказал мастеру отлить большую бронзовую копию полевого цветка. Когда колокол был отлит, епископ ударил по нему, и тотчас вокруг полился полнозвучный и приятный, как глас Божий, звон. Предание гласит, что это событие произошло около 400 г. в Европе» [Степанова и др. 2013: 128]. Не случайно название науки о колоколах (кампанология) и латинское обозначение колокольчика (campana) восходят к одному корню.

Но колокол издает не только звуки, ласкающие слух. У Дм. Кедрина, уже упоминавшегося нами, возникает тема набата, посылающего звук из прошлого в настоящее, в котором живет поэт (1907—1945): некогда звучавший во времена Новгорода, обороняющегося от врагов, набат звучит во время великой войны (*И колокол гудел над головой // Так, словно то сама душа России // Своих детей звала на смертный бой!*). Так через звук колокола осуществляется связь времен между поколениями России — и перед нами вновь гражданский дискурс. Колокольный звон в русском советском дискурсе часто ассоциируется с воспоминаниями о жертвах последней войны: ср. «Бухенвальдский набат», «колокола Хатыни». И в поэзии возникает та же тема, иногда приобретая неожиданное звучание:

*Когда звонят колокола,
то просыпается зола
врагом сожженных деревьев
на распроклятой той войне,
и в каждом колоколе скрыт
набат, который чутко спит,
и в каждом русском скрыт набат —
пусть где-то в самой глубине.*

Е. Евтушенко.

Когда звонят колокола. 60-е гг. XX в.

Е. Евтушенко как будто бы остается в традиционном русле памяти о «врагом сожженных деревьях», но вот заключительные строки приведенной строфы уже требуют интерпретации: о каком набате говорит поэт — не о том ли, который, как у Шиллера, «к насилью первый даст сигнал», когда возникнет бунт проснувшейся души?

Интересно, что тема колокола звучит чаще всего в творчестве поэтов, в той или иной мере не принимаемых официальной культурой. Так, ранний В. Высоцкий начался с колоколов:

*Вот в набат забили:
Или праздник, или —
Надвигается, как встарь,
чума!
Заглушая лиру, звон идет по миру, —
Может быть, сошел звонарь.*
Вот в набат забили. 1971

Здесь, с одной стороны, подобное сологу-бовскому соединению в колокольном звоне звуков тревоги и радости, а с другой — подобное гумилевскому предупреждению о грядущей опасности: *Запах тленья, черный дым и гарь // Звон все глуше: видно, // Сверху лучше видно — // Стал от ужаса седым звонарь.*

В творчестве Высоцкого так же, как у славянофилов, осуществляется «приписанность» колокола России, однако не через ласкающий звон благовеста, а через звук, соединяющий в себе выражение противоречивых эмоциональных состояний (подобно противоречивым началам русской души), звук, свидетельствующий о неблагополучии земли, колющей небо колокольными:

*В синем небе, колокольными
проколотом, —
Медный колокол, медный колокол —
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют
чистым золотом —
Чтобы чаще Господь замечал.*
Купола. 1975

В близком ракурсе — обеспокоенности происходящим и предвидения бурного будущего — тема колокола и колокольчиков, но уже не цветов, зазвучала в русском роке в знаменитой балладе А. Башлачева «Время колокольчиков». Здесь времена разорваны: *звонари по миру слоняются. Колокола сбиты и расколоты.* И тогда наступает время колокольчиков. Поначалу кажется, что поэт говорит об измельчании ценностей: *Если нам не отлили колокол, // Значит, здесь время колокольчиков.* Но это не так: *Эй, братва! Чуете печенками // Грозный смех русских колокольчиков?* Происходит отсылка к легенде о разбившемся на множество колокольчиков новгородском колоколе, отправленном Иваном III из покоренного города в Москву и не захотевшего звучать вместе с московскими колоколами. В этой балладе предвосхищается многое, и прежде всего время «свистопляса». Безобидный и трогательный колокольчик становится

грозной метафорой протеста и «смутного времени»: *Загремим, засвистим, защелкаем, // Прoberет до костей, до кончиков* (можно усмотреть и здесь интертекстуальную связь со стихотворением А. К. Толстого: *Эй! Выводи коренных с пристяжкой // И рванем на четыре стороны*).

Это уже не благовест прошлого и не «колокольчик под дугой» — вечный странник бесконечных русских дорог прошлого. Метафора колокола, издающего тревожный звук набата, разовьется несколько позже: *Не благовест — набат нисходит с колоколен, где столько долгих лет молчала пустота* (Ст. Золотцев. 1989—1990). Обратим внимание на дату написания этих строк: колокола возвращаются на колокольни. И издают не звон-благовест, а звук набата. Этот **набат** — метафорическое обозначение общественного неблагополучия, сложный образ, отсылающий к прошлому и одновременно сигнализирующий о «пожаре» современности, призывающий к противостоянию общей беде. Отметим контекстуальную близость лексем *благовест* и *набат* — она вообще характерна для современной поэзии, где звуки, с одной стороны, противопоставлены друг другу по своей функции, с другой — воспринимаются как единое целое: **Благовест тревожен, как набат** (Г. Онанян. 2001). Если поэзия благовеста — это поэзия гармонии и мысли, то поэзия набата — это поэзия тревоги и призыва. В зависимости от того, что преобладает в поэзии — благовест или набат, мы можем судить о духе времени. В современной поэзии звучит набат.

*Ударили в набат и замолчали
Колокола России в один год.
Иуды веру в господу продали —
И застонал измученный народ.*

Н. Климкин.

Ударили в набат и замолчали. 2013

В этой поэзии *благовест* и *набат* включаются в контекст, который усиливает антитезу ситуаций их звучания и вместе с тем создает оксюморонную метафору «благовест набата», выражающую желательность «общего сбора»: *Преображеньем на Крови взорвется благовест набата.* < ... > *Вчера сорока принесла: льют на Руси колокола...* (Андрей Злой. 2006). Насколько можно судить, перед нами поэзия предупреждения, усиливающегося с каждым днем (см. даты написания приведенных строк). *Лить колокола* в этом контексте отсылает к другому выражению: *лить пушки*, и колокол начинает восприниматься как оружие, точнее орудие мщения. Если *колокол* и *благовест* прошлого не были метафорическими, то со-

временный *набат* — это метафорический призыв к *крови*.

*Нам не впрок молитвы на закат —
вновь придет рассвет
в безбрежной сини,
над врагом истерзанной России
завучит зовущий нас набат.*

В. Патрушев.
Памяти Максима Трошина. 2009

Круг замкнулся: мы возвращаемся к Шиллеру. Возможно, Евтушенко был пророчески прав, когда говорил о живущем в каждом русском набате.

Мотив кротости, характерный для представления о русском христианстве, тоже звучит в современном дискурсе:

*На свете нет нежнее и невиннее,
Милей и краше северных берез.
Моя душа для всех, как небо синее,
Без темных туч, без молний и без гроз.
Так пусть она такую и останется,
Пока над Русью бьют колокола.*

В. Сивер-Чиненый.

Пока над Русью бьют колокола. 2014 —

но он гораздо тише, чем голос мятежности. И сама апелляция к колоколам в поисках нравственной опоры является в известной степени полемической, обращенной против тех «Иуд», что в стихотворении цитировавшегося выше Н. Климкина продали веру в Господа — он придет к ним «творить свой суд суровый». Итак, характеризуя современность, можно сказать, что **благовест сменяется набатом**. Происходит это прежде всего в тех стихотворениях, что стилистически близки к поэзии славянофилов. И выраженное в них неприятие действительности, возможно, канализированное сегодня, в эпоху украинских событий, звучит прямой угрозой современности. Не хотелось бы, чтобы сбывалось замечание редакции к статье А. Янова «Золотой век русского национализма»: «Славянофильство приняло форму панславизма и затем выродилось в черносотенство и далее — в сталинский национал-большевизм... Романтика хороша у студенческого костра, а в качестве государственной идеологии губительна» [Янов].

В качестве итога можно сказать, что в русском дискурсе, прежде всего поэтическом, через обращение к теме колокола выражается гражданская позиция говорящего — социальная память накладывает определенные рамки на характер его звучания: это национальная самоидентификация, память о войне, апелляция к истории, тревога и протест против современности. Поэтому мы склонны рассматривать поэтический дискурс

колокола как разновидность гражданского дискурса (мы осмелились выше назвать его **маргинальным жанром политического дискурса** и в заключении не отказываемся от этого, хотя принятие этого тезиса требует времени).

Если вслушаться в сегодняшнее звучание колокола в стихах Рунета, то хочется вспомнить строки раннего Высоцкого:

*Бей же, звонарь, разбуди полусонных,
Предупреди беззаботных влюбленных,
Что хорошо будет в мире сожженном
Лишь мертвецам и еще нерожденным!*

Набат. 1971 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Эта надпись на латыни («*Vivos voco, mortuos plango, fulgura frango*») сделана на Мюнстерском колоколе в Швейцарии, вдохновившем Шиллера к написанию «Песни о колоколе».

[2]. В западной традиции репертуар имен шире, чем в православии: колоколам дают и женские имена [Оловянишников] или имена святых [Нарожная 2004].

[3]. Шибанов, Василий — «стремянный кн. А. М. Курбского. По одному известию, в мае 1564 г., а по другому 30 апреля 1564 г. бежавший с ним к литовскому королю. Воеводы поймали и отправили его к царю. По другому, Ш. поджидал князя с оседланными конями у Дерпта, и способствовал таким образом его бегству. Впоследствии Ш. привез из Литвы царю „досадительное“ письмо, которое Иоанн слушал, вонзив в ногу верного слуги князя жезл. Ш. пытали в надежде, что он раскроет козни Курбского и его сообщников; но Ш. умер в страшных муках, оставшись верным своему господину» [Шибанов, Василий].

[4]. 19 сентября 1961 года стихотворение было опубликовано в «Литературной газете». Перед публикацией главный редактор Валерий Косолапов сказал, что ему нужно посоветоваться с женой, поскольку после публикации его уволят. Тем не менее, он принял положительное решение [Сарнов 2003].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобровская Н.* Набат или благовест для «Колокола»? // Псковская губерния : газ. 2000. № 4 (4), 7—13 сент. URL: gubernia.pskovregion.org/number_4/10.php.

2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — СПб. : Диамант, 1999.

3. Итальянский священник бьет во все колокола против финансовой несправедливости // Day.az. 2012. 13 янв. URL: <http://news.day.az/unusual/309167.html>.

4. *Каровская Н. С.* Феномен колокола в русской культуре : дис. ... канд. культурологии. — Ярославль, 2000.

5. *Колокольный звон* против неонацистов. URL: http://beteakin.ucoz.com/news/kolokolnyj_zvon_protiv_neonacistov/2013-04-27-128.

6. *Нарожная С.* Новые колокола Фрауэнкирхе Дрездене. 2004. URL: http://www.decorbells.ru/travel_dres_frauenbells.htm.

7. *О сохранении колоколов.* URL: <http://snt.com.ru/o-sohraneni-kolokolov>.

8. *Оловянишников Н. И.* Колокольные имена // История колоколов и колоколотейное искусство / Н. И. Оловянишников // Колокола.com : интернет-журн. о колоколах и звонах. URL: <http://www.kolokola.com/archives/2642>.

9. *Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б.* О структуре понятия «политический дискурс» // Вестн. Нижегородск. гос. гуманит. ун-та. 2013. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs>.

10. *Подлинная история* ссыльного угличского колокола // Колокола.py. URL: <http://www.kolokola.ru/history/uglich1.htm>.

11. *Пришвин М. М.* «Когда били колокола...» (Из дневников 1926—1932 годов) // Прометей : историко-биографический альм. — М., 1990. Т. 16. С. 411—422.

12. *Сарнов Б.* Голос крови // Лехаим : ежемес. литературно-публицистический журн. 2003. Ноябрь. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/139/sarnov.htm>.

13. *Серёгина О.* Куда пойти в День Святого Валентина в Дзержинске? // Информационный портал Дзержинска. 2013. 14 февр.

14. *Степанова Н. В., Мельничук Г. А., Попова О. И.* Колокольная тема в книгах и периодике // Библиография. 2013. № 1. С. 125—136.

15. *Шибанов, Василий* // Большая биографическая энциклопедия // Словари и энциклопедии на Академике : сайт. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/119470/Шибанов.

16. *Янов А.* Золотой век русского национализма. URL: <http://www.rubezh.eu/Zeitung/2014/02/25.htm>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

**СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ
И РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ:
ФУНКЦИИ И ДИСФУНКЦИИ БЮРОКРАТИИ
В ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОМ
ОСВЕЩЕНИИ**

Аннотация. Описывается механизм отражения феномена бюрократии в словах, метафорах и текстах. Особое внимание уделено семиотическому контексту проблемы бюрократии в философии, социологии и экономике. Показана роль лингвистических и семиотических факторов в исследованиях института бюрократии, определяется сущность бюрократических функций и дисфункций.

Ключевые слова: бюрократия; коммуникация; текст; функция; дисфункция.

Сведения об авторе: Лукин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Орловский государственный университет.

Контактная информация: 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 41, корп. 3, к. 317.
e-mail: lucerby@yandex.ru.

**“STANOVOY KHREBET”
AND “RAKOVAYA OPUKHOL”:
FUNCTIONS AND DYSFUNCTIONS
OF BUREAUCRACY IN LINGUISTIC
AND SEMIOTIC ASPECTS**

Abstract. The paper describes the mechanism of the reflection of bureaucratic phenomenon in words, metaphors and texts. Special attention is paid to semiotics context of the problem of the bureaucracy in philosophy, sociology and economy. The role of linguistic and semiotic factors in developments of bureaucracy is shown in the article and the essence of bureaucratic function vs. dysfunction is considered.

Key words: bureaucracy; communication; text; function; dysfunction.

About the author: Lukin Vladimir Alekseevich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Oryol State University.

Бюрократия, если ее понимать широко — как институт профессионального управления различными общественными сферами, организациями, учреждениями или предприятиями — существует не одну тысячу лет.¹ Формирование бюрократии и само ее появление обусловлено двумя взаимосвязанными обстоятельствами — становлением феномена государства и изобретением письма с последующим распространением письменной коммуникации.

Тот факт, что основой бюрократического управления всегда были документ и письменная коммуникация, предопределяет не только правомерность, но и необходимость лингвистического и семиотического подходов к исследованию бюрократии. Поэтому несложно найти в работах философов, со-

¹ Класс профессиональных управляющих приобретает к XVII—XVIII вв. новое качество в связи с развитием капитализма и сопутствующей ему эволюцией налоговых систем и денежного хозяйства. Поэтому только в середине XVIII в. появляется слово *бюрократия* (*bureaucratie*), придуманное французским экономистом Винсентом де Гурнэ для обозначения управляющих, которые назначаются на должность, гарантирующую стабильный доход, имеют чин, отделены от права собственности на объекты управления... циологов, экономистов и политологов, изу-

чавших многогранный феномен бюрократии, семиотические идеи, скрытые в той или иной мере специальной терминологией. Наша задача-минимум — дать им непосредственно лингвосемиотическую интерпретацию.

Основная цель заключается не в том, чтобы семиотическими средствами решить социологические или экономические проблемы, а в том, чтобы ответить на достаточно общие вопросы, которые либо просто интересны лингвисту и семиотику, либо не могут получить никакого другого ответа, кроме лингвосемиотического. Например:

— Наши соотечественники как раньше, так и в настоящее время воспринимают бюрократию исходя из презумпции виновности, едва ли не как абсолютное зло [Чевтаева 2009]. Но ведь бюрократия — неотъемлемая часть современного общества, и раз так, то не само ли общество предопределяет неизбежность бюрократии именно как зла?

— Если российское общество (≈носители русского языка) расколото на бюрократию и «трудящихся», то было бы логично ожидать положительной оценки бюрократии соответствующей частью носителей русского языка. Почему же ни в словарях, ни в статьях, ни в лингвистических монографиях не представлен языковой или речевой (слова, фразеологизмы, тексты, коммуника-

ция) материал, свидетельствующий о положительных аспектах бюрократии и о ее положительной оценке (пусть бы даже самими бюрократами)?¹

— К бюрократии относятся резко отрицательно во всех странах. Но что имеют в виду люди, ругая *бюрократию*? Экономист Л. Мизес справедливо замечал, что «обычно это слово употребляется весьма вольно. Большинство людей оказались бы в затруднительном положении, если бы их попросили дать скольнибудь четкое определение или объяснение. Как же они могут осуждать бюрократию и бюрократов, если даже не знают, что означает этот термин?» [Мизес 2006]. Получается, что возмущены, не зная толком, чем, и ругают, не зная, за что. Но, может быть, знают? — О чем молчат или умалчивают носители русского языка, говоря о бюрократии?

— Социологи, философы и экономисты единодушны в том, что бюрократию нельзя понять и определить, не рассматривая во взаимосвязанном единстве ее положительные и отрицательные черты; и те и другие несут имманентный, структурообразующий характер. Что бы плохого и хорошего ни делала бюрократия, она это делает только с помощью языка, текста и письменной коммуникации. Значит ли это, что текст и письменная коммуникация — средства бюрократической деятельности, — подобно самой бюрократии, должны иметь отрицательные, дисфункциональные аспекты, присущие им на тех же правах, что и хорошо известные положительные?

В поисках ответов на эти и другие вопросы, целесообразно обратиться к конкретному материалу. С одной стороны, это — слова, сверхсловные метафоры, тексты и коммуникация (в основном, электронная) носителей современного русского языка, в которых отражается их отношение к бюрократии; с другой стороны, это — документы (текстовые и нетекстовые) и письменная коммуникация, с помощью которых осуществляет свою деятельность бюрократия. Анализ языковых, текстовых, коммуникативных явлений и процессов имеет, помимо прочих, собственно лингвистические цели, но всегда проводится с учетом и в тесной связи с социальными и экономическими условиями существования и функционирования бюрократии. Такой подход, скорее всего, не имеет альтернативы, потому что экономика и со-

циальная реальность в целом оказывают на тексты и коммуникацию столь же существенное влияние, сколь тексты и коммуникация — на экономику и общество [Серль 2007; Луман 2005].

Зеркало русской бюрократии

Для иллюстрации очевидного тезиса о сугубо негативном образе бюрократа, сложившегося у носителей русского языка, неоднократно использовались данные Русского ассоциативного словаря (РАС).² Однако структура ассоциативно-вербального негодования так и не стала предметом системного описания. Между тем эта структура хотя и проста, но не так уж очевидна и из нее (при надлежащем дополнении) могут быть извлечены нетривиальные выводы относительно не только и не столько образа бюрократа и бюрократии, сколько портрета носителей русского языка «как зеркала» бюрократии.

Среди вербальных ассоциаций слова-стимула *бюрократ* (других стимулов с тем же корнем в РАС нет) преобладают оценочные (далее обозначаются буквой **С**; из 106 реакций на стимул *бюрократ* 31 **С**-реакция, то есть 29 %): *гад 3, волокитник 1, враг 1, вредный 1, дураки они 1, злостный 1, канцелярская крыса 1, козел 1, махровый 1, мошенник 1, ненужный 1, плешь пузатая 1, плохо 1, плохой человек 1, поганый 1, подлец 1, проклятый 1, сволочь 1, скотина 1, совок 1, страшный 1, тупой 1, тупость 1, устаревший 1, хам 1, ханыга 1, хапуга 1, человек, плохо исполняющий обязанн 1, чертов 1, чинуша 1, чуждый 1.*

Слов-реакций, содержащих смысл 'власть' (далее — **Р**), в два раза меньше (15 **Р**-реакций из 106 — 15 %): *чиновник 10, бюрократ 1,³ власть 1, ВЛКСМ 1, деканат 1, демократ 1, демократия 1, директор 1, из госаппарата 1, партаппарат 1, партийный 1, партком 1, партократ 1, секретарь 1, СССР 1.*

Чуть меньше реакций со значением внешних атрибутов бюрократа (далее — **А**; **А**-реакций 14 из 106 — 13 %): *толстый 2,*

² См., например, [Михайлов 2010].

³ Включение реакций *бюрократ* и *чиновник* на те же слова в качестве стимулов в группу **Р** «власть» обусловлено тем, что объект оценки не должен сам фигурировать в качестве оценки (**С**). Кроме того, бюрократия — слово и понятие — в России ассоциируется с властью (во всей ее полноте) в общественном мнении [Бюрократия 2005], а бюрократия как социальный институт обладает чрезвычайно большими властными полномочиями.

¹ Даже в книге и статьях лингвиста М. Н. Пановой [2004, 2006], написанных на материале по преимуществу устной коммуникации «государственных служащих», притом не без симпатии к ним, примеров такого рода мало.

в кресле 1, в нарукавниках 1, жирный 1, лысый 1, лысый за столом 1, нарукавники 1, очки 1, перхоть 1, пиджак 1, сидит 1, стол 1, толстый мужик, похожий на Г. Попова 1, хороший костюм 1.

Очевидно, во-первых, преобладание исключительно негативных ассоциаций-оценок (**С**); во-вторых, большое внимание к чисто внешним атрибутам бюрократа: в группе **А** нет ни одной лексемы, обозначающей или характеризующей явление или институт бюрократии; все **А**-реакции имеют референтом единичного представителя «класса», все вещественны, конкретны, обозначают зрительно воспринимаемые свойства и объекты; в-третьих, почти полная безглагольность — точнее говоря, только один **А**-глагол *сидит*; за рамками выделенных групп встретились два глагола — *отдыхай 1* и *ушел 1*, которые, как и *сидит 1*, не обозначают действий, ситуаций и состояний, свойственных именно бюрократу.

Что касается стимула *чиновник*, то тут распределение по группам несколько иное:

Р (17 реакций из 104 — 16 %): *бюрократ 19, государственный 2, деньги 2, академики 1, богатый 1, в суде 1, верхушка 1, высокопоставленный 1, главный 1, из министерства 1, мелкий 1, мелкий начальник 1, министерства 1, министерство 1, парламента 1, руководить 1, сановник 1*;

С (15 из 104 — 14 %): *вор 2, барин 1, берет взятки 1, буржуй (без дела сидящий человек) 1, взяточник 1, глупый 1, гордый 1, жулик 1, занудство 1, козел 1, морда 1, пан 1, скупердяй 1, скучный 1, хапуга 1*;

А (8 из 104 — 8 %): *нос 2, стол 2, толстый 2, контора 1, лысый 1, перхоть 1, портфель 1, пыль 1*.

Группа **А** демонстрирует те же свойства, что и соответствующая ей из словарной статьи *бюрократ*, но появляется одно новое слово *контора 1*, которое обозначает уже не атрибут конкретного бюрократа или его рабочего места, а подразделение в составе учреждения или предприятия, где работают только бюрократы. Группы **Р** и **С** практически равновесны, оценочный момент не столь силен, в количественном отношении он сопоставим с указанием на близость к властным структурам. Группа **Р** включает глагол *руководить 1*, который соотносится с сутью бюрократической работы, но не отличает бюрократа (и бюрократию) от политика, государственного деятеля, предпринимателя, режиссера и т. д. Глагол (словоформа) в со-

ставе словосочетания *взятки берет 1* из группы **С** не передает специфику дисфункциональной деятельности бюрократа. В целом *чиновник* и *бюрократ* отличаются мерой интенсивности общего признака — большей в слове-стимуле *бюрократ*.

Примечательно отсутствие в словарных статьях *бюрократ* и *чиновник* предикатов (особенно глаголов — прототипических предикатов), обозначающих какие-либо виды деятельности, свойственные только бюрократии. Есть лишь одно **С**-существительное *волокижник 1* (стимул *бюрократ*), которое обозначает дисфункциональную роль, исполняемую исключительно бюрократами. В остальном семантика всех **С**-ассоциаций в обеих словарных статьях не позволяет утверждать, что их совокупным референтом является именно бюрократ. Совокупная семантика **Р**-ассоциаций более однозначна, что в немалой степени обусловлено присутствием среди них реакций *чиновник* и *бюрократ*. В то же время **А**-реакции стимулов *бюрократ* и *чиновник* (порознь и вместе) точно передают то чисто внешнее, карикатурное и, скорее всего, навязанное литературной традицией, что отличает бюрократа от других людей, занятых интеллектуальной деятельностью, осуществляемой посредством письменной коммуникации (ученый, журналист, писатель).

Все предложенные обобщения могут быть подвергнуты сомнению по той причине, что реакции были обусловлены характером стимулов. Это были существительные — *бюрократ(S)*, *чиновник(S)*, — а среди реакций на стимулы-существительные нередко преобладают также существительные (отсюда безглагольность), кроме того, будь существительные-стимулы более абстрактными — *бюрократия*, *бюрократизм*, — возможно, и реакции были бы ориентированы не на то единичное и внешнее, что отражено в рассмотренных **А**-ассоциациях.

Картина станет более достоверной, если дополнить реакции на стимулы *бюрократ* и *чиновник* из первого тома РАС множеством тех стимулов из второго тома, которые вызывают словоформы-реакции с корнями — *бюрократ*— и *чин*—. Объединение слов-стимулов и -реакций (из обоих томов РАС) позволяет определить лексические знаки, наиболее типичные для ассоциативного портрета бюрократа (бюрократии). Расположим их от наиболее частотных к наименее частотным, повторяющимся не менее трех раз в качестве S и/или R:

КОЛИЧЕСТВО ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВОФОРМ-СТИМУЛОВ И -РЕАКЦИЙ		
I	ЧИН, ЧИН, ЧИНОВНИК, ЧИНОВНИК, ЧИНОВНИК, ЧИНОВНИКА, ЧИНОВНИКИ, ЧИНОВНИКОВ, ЧИНОВНИКУ, ЧИНУША ЧИНУША, ЧИНУШИ	12
	БЮРОКРАТ, БЮРОКРАТ, БЮРОКРАТ, БЮРОКРАТ, БЮРОКРАТ, БЮРОКРАТА, БЮРОКРАТИЗМ, БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ, БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ, БЮРОКРАТИЯ, БЮРОКРАТОВ, БЮРОКРАТЫ	
II	ВЫСОКИЙ, ВЫСОКИЙ, ВЫСОКОМЕРНЫЙ, ВЫСОКОМЕРНЫЙ, ВЫСОКОМЕРНЫЙ, ВЫСОКОМЕРНЫЙ, ВЫСОКОМЕРНЫЙ, ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЙ, ВЫСОЧАЙШИЙ, ВЫСШИЙ	9
III	бумага, бумага, бумага, бумага, бумага, бумага, БУМАГОМАРАКА АППАРАТ, АППАРАТ, АППАРАТ, АППАРАТ, АППАРАТ, АППАРАТ, [ПАРТ]АППАРАТ	7
IV	СЛУЖАЩИЙ, СЛУЖАЩИЙ, СЛУЖАЩИЙ, СЛУЖБА, СЛУЖБА, СЛУЖИТЕЛЬ	6
V	ПАРТ[АППАРАТ], ПАРТИЙНЫЙ, ПАРТИЯ, ПАРТКОМ, ПАРТОКРАТ ВЗЯТКА, ВЗЯТКА, ВЗЯТКА, [берет] ВЗЯТКИ, ВЗЯТОЧНИК	5
VI	ВАЖНЫЙ, ВАЖНЫЙ, ВАЖНЫЙ, ВАЖНЫЙ	4
	кресло, кресло, кресло, в кресле	
	САН, САН, САН, САНОВНИК ТОЛСТОПУЗ, толстый, толстый, толстый [мужик, похожий на Г. Попова]	
VII	ДЕМОКРАТ, ДЕМОКРАТИЯ, ДЕМОКРАТИЯ контора, контора, контора лысый, лысый, лысый [за столом] МЕЛКИЙ, МЕЛКИЙ, МЕЛКИЙ [НАЧАЛЬНИК] МИНИСТЕРСТВО, МИНИСТЕРСТВО, ИЗ МИНИСТЕРСТВА СОВЕТСКИЙ, СОВЕТСКИЙ, СОВОК ХАПУГА, ХАПУГА, ХАПУГА человек, человек, ЧЕЛОВЕК [ПЛОХО ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ],	3

Этот список, составленный на материале абсолютно всех S-R-словоформ, с небольшим остатком делится на **Р**-, **С**- и **А**-группы: **Р**-словоформы выделены в таблице прописными буквами, всего их 59, то есть 56 %; **С**-словоформы, которых 25 (23 %), выделены малыми прописными; **А**-словоформы, их 13 (12 %), выделены полужирным шрифтом; словоформы, не вошедшие ни в одну из групп, никак не выделены (их 10, или 9 %).¹

Отличительной чертой итогового списка является снижение доли оценочных слов. Их

всего 25 против 31 при одном только стимуле *бюрократ*. Причем большая часть реакций на стимул *бюрократ* не вошла в итоговую **С**-группу (остались только *хапуга*, *человек*, *плохо исполняющий обязанности* и *чинуша*; не вошли *гад*, *вололитник*, *враг*, *вредный дураки они*, *злостный*, *канцелярская крыса*, *козел*, *махровый*, *мошенник*, *не нужный*, *плешь пузатая*, *плохо*, *плохой человек*, *поганный*, *подлец*, *проклятый*, *сволочь*, *скотина*, *страшный*, *тупой*, *тупость*, *устаревший*, *хам*, *ханыга*, *чертов*, *чуждый*). Члены итоговой **С**-группы в целом характеризуются семантикой, не столь интенсивно окрашенной негативными коннотациями; слов с положительной оценкой бюрократии по-прежнему нет.

¹ *Партокрлат*, *партаппарат*, *бумагомарака* и *человек [плохо исполняющий обязанности]* включаются в две группы.

Наиболее многочисленна **P**-группа (даже если из нее исключить все словоформы с корнями *чин-* и *бюрократ-*, она останется самой большой).

Безглагольность становится абсолютной. Из неглагольных предикатов, передающих специфику бюрократической деятельности, остался только один — **A**-метафора *бумагомарака*. В свою очередь, *бумагомарака* включается в ряд *бумага, бумага, бумага, бумага, бумага, бумага*, значимый в том отношении, что указывает на письменную коммуникацию — основное средство осуществления бюрократической деятельности (доля этих слов в итоговом списке скромна — 7 %, но выше, чем среди реакций на стимулы *бюрократ* и *чиновник* — там их всего 2 %).

В целом S-R-члены итогового списка сближают свой совокупный референт с властью, характеризуют его более сдержанно и более неопределенно. И, напротив, как мы видели, слова-реакции на стимулы *бюрократ* и *чиновник* характеризуют свой референт в определяющем отношении негативно, указывая при этом более точно на его отличительные

признаки (при всей их поверхностности). Носители русского языка как будто отделяют сферу бюрократии (институт) от бюрократа — представителя социального института, подвергая образ отдельного бюрократа более разнообразной и детальной языковой разработке.

От дальнейших выводов о бюрократии и бюрократе на материале РАС целесообразно воздержаться, поскольку в нем отражен материал более чем двадцатилетней давности. За это время сам центр бюрократической деятельности получил новое имя: сейчас это *офис*, а не старое *бюро*. Вербальная ненависть носителей русского языка теперь обрушивается на офисного сотрудника. Наиболее ярко об этом свидетельствует процесс создания метафор с одной общей структурой¹, которые разделяются на три группы в зависимости от лексико-грамматической семантики существительного, кодирующего смыслы области-источника:

¹ Метафоры были отобраны из интернет-источников (электронные СМИ, порталы, сайты, форумы, блоги) с использованием поисковика Google (март 2014 года).

‘БЮРО’

ЕДИНИЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

1. *бумажная душа*
2. *бумажный червь*
3. *канцелярская крыса*
4. *приказная крыса*
5. *приказная строка*
6. *приказной крючок*
7. *чернильная душа*
8. *чернильная крыса*

МНОЖЕСТВО ЛЮДЕЙ, ОБЪЕДИНЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫМ ИНСТИТУТОМ

1. *белые воротнички*
2. *канцелярские чернорабочие*
3. *крапивное семя*
4. *лютное отродье*
5. *чернильное дворянство*

‘ОФИС’

1. *офисная вошь*
2. *офисная гнида*
3. *офисная крыса*
4. *офисная моль*
5. *офисная планктонина*
6. *офисная свинья*
7. *офисная тля*
8. *офисный глист*
9. *офисный клоп*
10. *офисный ленивец*
11. *офисный паразит*
12. *офисный планктоныш*
13. *офисный раб*
14. *офисный таракан*
15. *офисный трутень*
16. *офисный хомяк*
17. *офисный червь*

1. *офисная мошकारа*
2. *офисная мразь*
3. *офисная плесень*
4. *офисная саранча*
5. *офисная слизь*
6. *офисная шваль*
7. *офисное быдло*
8. *офисное рабство*
9. *офисный гнус*
10. *офисный планктон*
11. *офисный пролетариат*

‘БЮРО’

‘ОФИС’

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КАК ЦЕЛОЕ

1. организм-паразит
2. раковая опухоль
3. бюрократический монстр

∅

Для сравнения слева — ‘БЮРО’ — даны «старые» метафоры, представленные по большей части в словарях, хотя некоторые имеют индивидуально-авторский характер: *канцелярские рабочие* и *чернильное дворянство* принадлежат А. И. Герцену, *лютное отродье* — К. Ф. Рылееву, *организм-паразит* — К. Марксу. Справа — «офисные» метафоры, все они — новообразования, однако авторство установить не удастся, что объясняется спецификой интернет-коммуникации; в словарях они по большей части не отражены, список их открыт и постоянно пополняется.

Первое, что бросается в глаза при сравнении «старых» и «офисных» метафор, — контраст между явным перевесом новых метафор в количественном отношении¹ и одновременно, что особенно примечательно, полное отсутствие «офисных» метафор бюрократии как целого, как социального института.

Из тенденций, определенных на материале РАС, в метафорах находят свое подтверждение две. Во-первых, явственно преимущественное внимание к фигуре единичного представителя класса при полном отсутствии, как было отмечено, метафорических знаков того целого (бюрократия, чиновничество), к которому он относится. Негативная оценочность «офисных» метафор в максимальной мере интенсивна: против *крысы*, *червя* и *отродья* (кодируют смыслы области-источника) в «старых» метафорах в новых появляются *гнида*, *моль*, *свинья*, *тля*, *глист*, *клоп*, *трутень*, *мразь*, *плесень*, *саранча*, *слизь*, *шваль*, *быдло*, *гнос*. Во-вторых, семантика существительных проецирует на область мишень смыслы, не дающие ни малейшего представления

о специфике деятельности *офисного планктона* (производные — глагол *планктонировать*, существительные *планктонирование* и *планктонин*). Глаголов-новообразований, как входящих, так и не входящих в состав метафор, которые бы обозначали отличительные особенности офисной работы бюрократа, найти не удалось. Существительные *ленивец*, *паразит*, *глист*, *трутень* имеют семантику способа существования, предполагающего безделье, преднамеренное использование чужого труда, жизнедеятельность, основанную на поглощении жизненных сил другого организма.

Не находит параллелей в ранее проанализированном материале то, что область-источник метафор задается словами, проецирующими на область-мишень семантику ‘нерасчленимого множества мелких существ, лишенных индивидуальности’ (*планктон*), ‘нерасчленимого множества мелких вредителей (возможно, кровососущих), лишенных индивидуальности’ (*мошкара*, *саранча*, *гнос*), ‘множества микроорганизмов, существующих только как одно целое, которое обычно вызывает у человека отвращение, омерзение’ (*плесень*, *слизь*).

Гиперонимом для большинства метафор является *офисный планктон* — через него обычно определяются все остальные, например: *Хомячок — это офисный планктон, который не дал себя сожрать и хорошо питался сам* [Открытка №243369]

Сам же *офисный планктон* определяется через лексему *менеджер* — еще одно слово, которого нет в РАС (о *менеджере* и других см. ниже).

Противоречит предыдущим наблюдениям отсутствие смысла ‘власть’ во всех «офисных» метафорах. Более того, подчеркивается социальная ничтожность и несправедливость совокупного референта «офисных» метафор: *планктоныш*, *раб*, *червь*, *шваль*, *быдло*, *рабство*, *пролетариат*.

Не будем спешить с выводами. Единственно достоверное и надежное заключение состоит в том, что бюрократ и бюрократия воспринимается носителями русского языка исключительно негативно, со временем негативность становится все более ожесточенной и все менее конструктивной: семантика деятельности, отличающей бюрократию

¹ Создание «офисных» метафор — живой продуктивный процесс, нередко приобретающий форму языковой игры. Ср., например, название театрального сериала «Офисное б...ство. Восстание хомячков», поставленного в московском «Театре.doc»: «“Белые воротнички” на сцене и в зрительном зале вполне подходят под определение “офисное братство”. Впрочем, расшифровывать названия проекта публика может на свое усмотрение: от серии к серии офисное “бунтарство” и “беспутство” перетекает в “блаженство” и “беспамятство» [Деменцова 2013] и, разумеется, далее.

и составляющей суть ее работы, никак не выражается. В то же время бюрократы — часть носителей русского языка и неотъемлемая часть современного общества. Люди не могут не знать об этом. Почему же бюрократия — социальный институт, который необходим, потому что в существе своем полезен, и, следовательно, не может быть во всем вреден — вызывает одну только вербальную злобу? — О чем и почему молчат люди, когда говорят о бюрократах и бюрократии?

Функция

Чтобы найти ответы на вопросы о «зеркале» русской бюрократии, нужно выяснить, чем она должна быть. Это вопрос о функции. Для определения функции бюрократии нужно указать на среду ее существования, установить социальную структуру, от которой зависит бюрократия, и, выяснив характер этой зависимости, сформулировать цель или цели, которым бюрократия служит. В принципе, это не так уж сложно: бюрократия является составной частью государства и общества (**среда**), она зависит от воли верховной власти — государственной, законодательной, политической (**обуславливающая структура**), которая руководит бюрократией, ставя перед ней **цель** информационно-документационного управления отдельными социальными институтами, сферами общественной жизни, учреждениями... Суть бюрократии — управление под руководством.

Руководить и управлять — ключевые слова.

Управлять под руководством

Вопрос в том, почему *управлять под руководством*, а не *руководить под управлением*?

Глагол *управлять* — гипероним, гипонимом которого является *руководить*. Для дальнейшего анализа нужно сформулировать инвариант значений глагола *управлять*. Примем следующее решение:

управлять — '[ситуация, в которой] некоторый **субъект** обладает возможностью организовывать и регулировать взаимодействие, работу кого- или чего-либо (**объект**) для достижения заранее определенной цели'.

Если семантическая валентность объекта (пациенс) замещается словами, обозначающими людей или сложные агрегаты, со-

стоящие из людей и механизмов, то такое управление есть *руководство*. Поэтому можно *управлять самолетом, тепловозом, трамваем* (механизмы, машины), но нельзя **руководить самолетом, тепловозом, трамваем*.

Если объект управления — природный процесс или организм, то возможно употребление только глагола *управлять* 'влиять на организмы или природные процессы с целью получения нужного результата':

Нарушения касались самых малых капиллярных сосудов, и интересовали они Павла по той причине, что он тогда носился с идеей воздействия на процессы в периферических областях кровеносной и нервной системы, считая, что ими легче управлять, чем более высокими разделами. Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [НКРЯ].

Однако позволительно ли манипулировать, управлять природой человека, изменить генетическую оснастку будущих поколений? М. С. Гусельцева. Философские горизонты психологических исследований [НКРЯ].

Идею, как управлять климатом и как в кратчайшие сроки восстановить потерянные плодородные почвы Земли, высказал Орановский в России еще в 1994 году. Артем Тарасов. Миллионер [НКРЯ].

В одних и тех же контекстах с объектом, выраженным лексемами, обозначающими сложные агрегаты из людей и механизмов, могут употребляться и *управлять*, и *руководить*, но при этом субъектная валентность (агенс) глагола *управлять* будет заполняться лексемами, обозначающими лицо с более низким социальным (должностным) статусом, соответственно, лексемы при глаголе *руководить* обозначают лицо с более высоким социальным статусом: *руководить заводом* → **директор**, *управлять заводом* → **управляющий**; *руководить космической станцией* → **командир**, *управлять космической станцией* → **пилот, бортинженер**. Обратное распределение статусов нигде не обнаружено, хотя во многих словосочетаниях оно либо неясно, либо субъектная валентность (агенс) может быть замещена одной и той же лексемой. В последнем случае следует предположить: чем больше контекстов в которых лексема, заполняющая валентность агенса, сочетается с глаголом *руководить*, тем выше социальный статус ее объекта обозначения, и, наоборот. На материале [НКРЯ] это предположение в целом подтверждается, например:

АГЕНС	<i>руководить</i>	<i>управлять</i>
<i>вождь</i>	11	6
<i>политик</i>	25	14
<i>лидер</i>	10	6
<i>начальник</i>	39	47
<i>глава</i>	23	35
<i>министр</i>	24	50
<i>президент</i>	16	38
<i>император</i>	7	17
<i>государь</i>	8	25
<i>заместитель</i>	14	44
<i>председатель</i>	11	37
<i>чиновник</i>	9	32
<i>директор</i>	14	68
<i>помощник</i>	11	54
<i>правитель</i>	1	16
<i>хозяин</i>	2	26
<i>менеджер</i>	0	22

В графах *руководить* и *управлять* указывается количество контекстов с соответствующим актантом, заполняющим валентность агенса данных предикатов. Поиск в НКРЯ проводился по основному корпусу и был ограничен контекстами, в которых расстояние от существительного-актанта до предиката *руководить* или *управлять* не превышало пяти словоформ, а минимальное количество контекстов хотя бы с одним из предикатов было не меньше десяти. Поэтому в таблице нет *бюрократа* (0 vs. 2).

Дополнительное обоснование более высокого статуса лица, обозначенного актантом предиката *руководить*, дает обращение к именам собственным, заполняющим валентность агенса в контекстах с названными предикатами. Выбор здесь ограничен тем, что не следует ожидать достаточного количества контекстов с именами «выдающихся» менеджеров, хозяев, помощников или чиновников, тогда как выдающиеся политики, лидеры и тем более вожди общеизвестны. Стало быть, имена собственные известных политиков будут преобладать в контекстах с *руководить*, а не с *управлять*. В НКРЯ имена иностранных политиков XX—XXI вв. (Чемберлен, Черчилль, Гитлер, Брандт, де Голль, Рузвельт, Кастро, Рейган, Тэтчер...) в интересующих нас контекстах практически не встречаются. Среди отечественных политиков и вождей на первом месте *Сталин* (24 контекста с *руководить* vs. 5 с *управлять*), затем *Ленин* (20 vs. 9) и остальные, контекстная статистика по которым бедна, но демонстрирует тенденцию, в целом подтверждающую наше предположение: *Берия* (3 vs. 0), *Хрущев* (4 vs. 0), *Брежнев* (5 vs. 0), *Андропов* (2 vs. 1), *Горбачев* (0 vs. 1), *Ельцин*

(7 vs. 1), *Черномырдин* (5 vs. 0), *Путин* (1 vs. 1).

Статусная дифференциация особенно регулярно проявляется при гипониме *командовать* 'руководить, обладая правом единолично принимать решения и отдавать приказы', когда объектом является автономный сложный агрегат, состоящий из людей и механизмов: *командовать кораблем, подводной лодкой, авианосцем* → *капитан*; *управлять кораблем, подводной лодкой, авианосцем* → *лоцман, рулевой*; *командовать танком* → *командир*, *управлять танком* → *водитель-механик*; *командовать бронепоездом* → *командир*, *управлять бронепоездом* → *машинист*.

Краткая форма *управляем* в значении 'послушен, готов к подчинению' предполагает в качестве объекта управления (пациенс) либо животное *Зачастую для воспитания пса лучше пригласить специалиста-кинолога для того, чтобы он был управляем и не представлял опасности для вас и окружающих*. Дай, Джим, на счастье лапу мне! // Аграрный журнал, 2002.02.15 [НКРЯ], либо человека с более низкими интеллектуальными и волевыми качествами, нежели у того, кто не управляем *Он ответил хмуро: «Курчатова был управляем, а Вернадский и Хлопин никому бы не позволили собой управлять»*. Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода [НКРЯ]; *управляем* в значении 'предсказуем, контролируем' употребляются по отношению к неодушевленным объектам: *Хаос, который окружал его эти годы, был управляем*. Александр Проханов. Господин Гексоген [НКРЯ]; *Мы управляем этими механизмами — и нам кажется, что мы управляем своим хаосом. Или — что наш хаос управляем. Но машины те же са-*

мые управляемы оказываются настолько, как и не управляемы. Валентин Курбатов. Дорога в объезд [НКРЯ]. Краткая форма *руководим* в аналогичных значениях и контекстах не используется.

Замещение валентности пациенса словами, обозначающими множество животных или неорганизованное, стихийно собравшееся множество людей, возможно только при глаголе *управлять*: *В конечном счете религию оседлали те, кто хотел управлять толпой и жить за ее счет.* Георгий Бурков. Хроника сердца [НКРЯ]; ср.: **руководить толпой, *руководить отарой, стадом, сворой, упряжкой.*

Чем менее организовано множество людей как объект управления, тем легче процесс управления:

Проще управлять толпой бухгалтеров, юристов и менеджеров, которые самостоятельно себя прокормить не могут и полностью зависят от государства. Владимир Антипин, Наталья Телегина. Гаражная экономика [НКРЯ].

А ведь массой управлять значительно легче (если знать, как это делается), чем сборищем отдельных персон. Flash-mob // Театральная жизнь, 2004.02.23 [НКРЯ].

Электоратом, не ставшим до конца народом, управлять легко. Владимир Рекшан. Гражданином быть обязан [НКРЯ].

Генералы и дальше будут зубами держаться за призыв: в профессиональной армии им места нет, ведь ничего другого, кроме как управлять многомиллионными массами плохо обученных солдат, они не умеют. Военная хитрость (2003) // Ежедневный журнал, 2003.04.28 [НКРЯ].

Замещение валентности пациенса лексемами, обозначающими множество людей, занятых интеллектуальной деятельностью и объединенных общностью цели, типично для глагола *руководить* (*руководить кафедрой, лабораторией, конструкторским бюро, семинаром*) и возможно для *управлять*, который в этом случае приобретает дополнительный смысл 'достигать целей, намеренных субъектом, но не осознаваемых коллективом (объект) и не совпадающих с теми, что были публично заявлены'. В этом случае *управлять* — синоним *манипулировать*; *управлять* ('манипулировать') тем легче, чем ниже интеллектуальные характеристики, культурный и образовательный уровень объекта управления (а это всегда люди):

Отучили людей работать руками. Дураками управлять легче, — грустно улыбается Ставичек. Владимир Антипин, Наталья Телегина. Гаражная экономика [НКРЯ].

Так что ПОКА можно спать спокойно. Тупыми управлять проще. Коллективный ЕГЭ. Я плакаль (2009) [НКРЯ].

Невежественными людьми проще управлять. Уж больно организовано подлость и глупость сейчас заняли все высокие места... Отсюда вся эта ставка на массовую культуру, развал образования... и так далее» Розалия Черепанова. Интеллигенция и «тайное знание» [НКРЯ].

Таким образом, лексема *управлять* обозначает как ситуацию симметричной коммуникации (адресант и адресат периодически меняются ролями), так и асимметричной (адресант и адресат не меняются ролями). Лексема *руководить* обозначает ситуацию симметричной коммуникации (хотя не исключено, что может употребляться в контекстах с презумпцией асимметричной коммуникации).

В итоге совокупный субъект деятельности, обозначаемой глаголом *руководить*, имеет более высокий социальный статус (более высокую должность), в ряде случаев правомочен приказывать и принимать решения единолично, но при этом так или иначе находится в диалоге с теми, кем он руководит, а это всегда организованные множества людей, возможно, механизмов и людей, объединенных общностью цели, осознаваемой людьми.

Совокупный субъект деятельности, обозначаемой глаголом *управлять*, при прочих равных условиях, имеет более низкий социальный статус (должность), объект и сфера его деятельности шире — это люди, животные, люди и механизмы, только механизмы, природные процессы; управляя людьми, он может преследовать собственные цели, не известные и не осознаваемые теми, кем он управляет; может быть заинтересован в снижении степени организованности людей, в снижении их интеллектуальных способностей, культурного и образовательного уровня.

Бюрократ, следовательно, при прочих равных условиях должен не руководить, а управлять — управлять под руководством. В реальности, конечно, все может быть иначе.

Идеальная бюрократия

Желая уточнить функции бюрократии, мы обращаемся к бюрократу, каким он должен быть. Нет сомнения, в том, что немало бюрократов соответствуют своему назначению. Доброе слово о них можно найти в текстах, которые содержат не мнение (разговорная речь, СМИ), а знание

о бюрократии — это прежде всего философские, социологические и экономические сочинения.

Знание отличается от мнения: «В периодической печати высказано много резких, и, в общем-то, верных суждений по поводу бюрократии. Вместе с тем настораживает обилие критики при малом внимании к глубинным корням бюрократизма. То, что ее время от времени демонизируют, что она из рук вон плохо работает, это понятно. Но суть

вопроса не в том, что она плохо работает, а в том, почему она плохо работает и кому выгодно время от времени ее демонизировать» [Шевченко 2008: 107].

Естественно, рациональная позиция обуславливает формы и способ выражения — периодически употребляются не только метафоры с негативными коннотациями, но и с положительными. В данном случае они взяты из двух философских статей [Осипова 2008; Шевченко 2008]:

НЕЙТРАЛЬНЫЕ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ

армия чиновников
бюрократический аппарат
вертикаль трансляции решений
моновласти
инструмент проведения реформ
инструмент проведения экономической политики
инструмент реализации реформ
механизм перераспределения
надежный приводной ремень власти
несущая опора государства
политическое тело правления
ресурс реализации реформ
социальное тело
становой хребет государственности
управительная машина
хребет государства,
эффективная модель решения проблем
цивилизованного общества

НЕГАТИВНЫЕ

внутреннее иго
демонический монстр
замкнутая и надменная каста
особая каста
очередное издание дворянства
тормоз реформ
царство некомпетентности

Все метафоры имеют объектом своего обозначения феномен бюрократии в целом, причем среди них явно преобладают те, что либо нейтральны, либо обладают положительными коннотациями. Заметим, что последние конструктивно характеризуют бюрократию, сообщая о ее сути и функции; метафоры с отрицательными коннотациями, наоборот, в большей мере оценивают, а не характеризуют.

Область-источник большинства всех метафор — ‘механизм, механическое средство’, то есть БЮРОКРАТИЯ — ЭТО МЕХАНИЗМ (механическое средство для достижения каких-либо целей): *бюрократический аппарат, инструмент проведения реформ, инструмент проведения экономической политики, инструмент реализации реформ, механизм перераспределения, надежный приводной ремень власти, несущая опора государства, тормоз реформ, управительная машина.*

Целеуказание осуществляется обуславливающей структурой, руководством — *властью, государством, моновластью, экономической политикой* (государства).

Дисфункциональные черты бюрократии задаются разными областями-источниками. Лишь часть метафор характеризуют дисфункции бюрократии через неявное указание на приобретение ею статуса высшей власти — областью-источником является высшая власть или власть в родовом смысле: *государство в государстве, матрица русской власти, незримая власть, символ системы русской власти.* Эти метафоры остались вне приведенного списка, потому что они не могут быть на надежных основаниях отнесены к тем, что несут в своей семантике отрицательные коннотации, но их восприятие и интерпретация в условиях современной российской действительности, несомненно, окрашены в негативные тона.

В целом тезис о функциональности «управления под руководством» и дисфункциональности обратного положения дел подтверждается. В данном случае это закономерно, поскольку следует из концептуальных предпосылок: «Прежде всего, необходимо развести понятие государства именно как высшую государственную власть, принимающую государственные политические ре-

шения, от понятия управленческой власти, принимающей управленческие властные решения» [Шевченко 2008: 110].

Требование «управлять под руководством» является необходимым, но не достаточным для определения идеальной бюрократии. Следовало бы уточнить условия реализации бюрократической функции. Впервые это было сделано немецким социологом М. Вебером. Он формулирует «идеальный тип бюрократии», но прибегает не к четкой дефиниции, а предлагает рассуждения, чередующиеся с множеством списков и перечней [Weber (1922): III, §7]. Поэтому его последователи и критики предпочитают не цитировать Вебера, а предлагать сжатые реконструкции «идеального типа». Например:

«Идеальный тип бюрократии включает следующие свойства: управленческая деятельность осуществляется постоянно; установлена сфера деятельности и компетенции каждого уровня и индивида в аппарате управления; иерархия образует основной принцип контроля за чиновником; последний отделен от собственности на средства управления, а должность отделена от индивида, выполняющего административные функции; управленческая деятельность становится особой профессией; существует система образования по подготовке чиновников; управленческие функции документируются; в управлении господствует принцип безличности» [Макаренко 1988: 212].

«Идеальный тип» в высшей степени рационален, потому что построен под знаком метафоры БЮРОКРАТИЯ — ЭТО МАШИНА. Но люди — не машины. Будучи так близки к власти и деньгам, как бюрократы, они не могут избежать соблазна воспользоваться и тем и другим, по той причине, что они — люди. Поэтому «управлять организацией, обращаясь к чисто технологическим критериям рациональности, нерационально, так как при этом игнорируются иррациональные аспекты человеческого поведения» (Blau P. *Bureaucracy in modern society*. Chicago, 1966, p. 58. [Цит. по: Чаликова 1970]). Иррациональность рационального должна быть включена в перечень свойств идеального типа бюрократа, по Веберу, хотя бы в качестве вывода [Ретцер 2011: 80].

На этом основании следовало бы заключить, что идеальная бюрократия есть либо управление без людей, либо чудесное открытие чего-то такого в людях, что позволило бы им управлять самими собой так же точно, предсказуемо и эффективно, как механизмами.

Логично, что не социолог или философ, а физик А. М. Ампер (1834) заявил о необходимости создать науку об управлении людьми, подобную ремеслу управления кораблями (плавучими механизмами), предложив назвать ее *cybernetique* от др.-гр. κυβερνητική 'искусство управления кораблем, искусство кормчего'. С лингвистической точки зрения любопытно, что еще Платон употребляет κυβερνητική в переносном значении 'искусство управления людьми'. В свою очередь, «греческое κυβερνήτης было переделано римлянами в *gubernator*. Отсюда французское *gouverneur*, английское *governor*, итальянское *governatore*, русское "губернатор". Аналогично κυβερνώ через *guberno* дало *gouverner*, *govern*, *governare*. Следовательно, современная политическая лексика западных народов носит на себе отпечаток древнего общения. Между прочим, латинское *gubernator* первоначально тоже означало кормчего и только затем — правителя» [Поваров 1977: 48—49]. В системе классификации наук, разработке которой А. М. Ампер посвятил последние десятилетия своей жизни, он как раз и предлагает понимать под кибернетикой практическую политику (отделяя ее от политики как таковой), общие указания для которой дает теория власти [Там же: 46—47].

Проект Ампера был забыт, но в середине XX века была создана другая кибернетика — «наука управления и связи в машинах и живых организмах» [Винер 1983: 57]. В отличие от схематичной идеи Ампера кибернетика Винера и его коллег с самого начала была основана на практике, подкрепленной затем теорией. Ее центральные понятия — сообщение и обратная связь.

Для простоты сообщение можно понимать в семиотическом смысле; обратная связь — сообщение субъекту управления от объекта управления, вследствие которого субъект изменяет организацию управления. Наиболее эффективно «управление с помощью информирующей обратной связи», когда имеет место процесс коррекции управления вследствие постоянного обмена сообщениями между субъектом и объектом. Н. Винер приводит пример управления автомобилем на обледенелой дороге: «Поведение водителя (**субъект управления** — В. Л.) полностью определяется его знанием, что дорога скользкая, т. е. знанием рабочих характеристик автомобиль—дорога (**объект управления** — В. Л.). Если он будет ждать, пока найдет эти характеристики, ведя автомобиль обычным способом, то машину занесет, прежде чем водитель опомнится. Поэтому он дает рулю последовательные

быстрые толчки (**сообщения субъект → объект** — В. Л.) — не такие сильные, чтобы вызвать большое скольжение, но достаточные, чтобы его кинестетические ощущения дали ему знать (**сообщения субъект←объект** — В. Л.), не грозит ли автомобилю забрасывание, соответственно этому он регулирует (**коррекция управления субъектом** — В. Л.) свое вождение» [Винер 1983: 183].

Управление, таким образом, — это коммуникация, все субъекты управления (люди, животные, машины) — «коммуникативные организмы» (Н. Винер). В известном смысле социальные институты тоже являются «коммуникативными организмами», но кибернетика не обладает возможностью моделировать их поведение. Н. Винер предупреждал, вопреки набравшей силу моде, о неправомерности попыток экстраполировать кибернетические модели на социальные феномены. Причин как минимум две: субъект управления является частью той же системы — общества, — что и объект, равно как и наблюдатель, моделирующий процесс управления, поэтому наблюдатель, субъект и объект, постоянно взаимодействуя друг с другом, друг друга изменяют в ходе как управления, так и моделирования; в итоге создается высокая степень неопределенности, исключающая возможность применения математического аппарата, без которого кибернетика как таковая не существует [Там же: 246—248].

Реальная бюрократия — не кибернетический организм. Будучи намного сложнее, она выстраивает процесс управления одновременно и учитывая обратные связи с обществом, объектом управления, и преднамеренно блокируя их, использует и специально создает ситуации информационной неопределенности, чтобы извлекать «бюрократическую ренту» из коммуникации с асимметричной информацией [Лебедева 2011]. Идеальное управление не является целью реальной бюрократии.

Резервы бюрократии

Реальная бюрократия — часть общества, народа, носителей русского языка. «Народ vs. бюрократия» представляет собой противопоставление, ни одна часть которого не может существовать без другой (дихотомия): народ, население нуждается в управлении; бюрократия воспроизводит себя и растет за счет

рекрутирования из народа своих новых солдат. Значит, какая-то часть небюрократических слоев населения готова и хочет стать бюрократией. Странно, что данные «Русского ассоциативного словаря» не свидетельствуют об этом факте: либо эти данные неполны, либо носители русского языка — осознанно или неосознанно — не хотят обнаруживать свое желание стать бюрократами.

Чтобы сделать выбор в пользу одной из альтернатив, целесообразно обратиться к результатам социологических опросов. Они органично дополняют обобщения, сделанные на материале РАС, существенно конкретизируя их.

Н а с е л е н и е

Наиболее полное социологическое исследование современной российской бюрократии и отношения к ней небюрократической части общества было проведено в 2005 году [Бюрократия 2005]. Из него следует, в частности, что наши сограждане независимо от своего социального положения считают, что благополучие и высокий социальный статус в России обеспечивают в первую очередь деньги (51 % респондентов), затем — власть (40 %) [Бюрократия 2005: 36; далее цитируется только с указанием страниц]. Бюрократы и небюрократы единодушны во мнении о том, что если политическая власть сосредоточена в руках В. В. Путина, то решающее влияние на экономику оказывает бюрократия [12]. И при этом 30 % бюрократов и 56 % населения согласны с тем, что «любой, даже самый маленький чиновник, имеет власть над людьми» [38].

В такой ситуации одна четвертая часть трудоспособного населения России желает получить доступ к власти и деньгам, пополнив ряды бюрократии. Основной резерв бюрократии — студенты, 48 % которых хотят работать в системе государственного управления, за ними следуют «предприниматели и самозанятые» — 31 % [42]. Вместе с тем представители этих социальных групп — высокообразованная, наиболее молодая и экономически наиболее активная часть населения — имеют отнюдь не лестное представление о бюрократии, согласующееся с мнением тех, кто не планирует стать бюрократом, а также с данными РАС.

Представления населения о деловых и нравственных качествах современного российского чиновника среди респондентов различных возрастных групп (в %)				Их отражение в языке	
№	Деловые и нравственные качества	Население в целом	До 25 лет	Метафоры	РАС
I	Равнодушие к людям, формализм	63,7	52,2	<i>бумажная душа, бумажный червь, канцелярская крыса, приказная крыса, приказная строка, приказной крючок, чернильная душа, чернильная крыса</i>	<i>бездушный, бумагомарака, волокитник, высокомерный, заносчивый, канцелярская крыса спесивый чванливый</i>
II	Продажность	58,5	63,1	∅	<i>берет взятки, взятка взяточник, вор, жулик, мошенник, хануга</i>
III	Безразличие к интересам своей страны	41,1	37,4	<i>замкнутая / надменная каста</i>	∅
IV	Безответственность	32,0	30,0	∅	∅
V	Низкие деловые качества, некомпетентность	31,0	28,1	∅	<i>бездельник, буржуй (без дела сидящий человек), лодырь человек, плохо исполняющий обязанности</i>
VI	Необразованность, бескультурье, грубость	25,9	25,6	∅	∅
VII	Деловитость, компетентность	20,4	23,6	∅	∅
VIII	Косность, узость мышления	20,0	26,1	∅	<i>безмозглый, глупый дураки они, тупой, тупость, устаревший</i>
IX	Культура, образованность	15,7	18,2	∅	∅
X	Способность использовать зарубежный опыт	14,8	14,8	∅	∅
XI	Творческий потенциал, способность к инновациям	14,1	13,3	∅	∅
XII	Ответственность, надежность	5,7	6,4	∅	∅
XIII	Патриотизм, чувство долга	4,6	6,9	∅	∅
XIV	Способность опереться на национальные традиции	2,6	2,5	∅	∅
XV	Неподкупность	1,9	0,5	∅	∅

Таблица была составлена на основе данных социологического исследования [Бюрократия 2005] (статистика по возрастным группам, кроме людей до 25 лет, не учтена, потому что нас интересовал только основной резерв бюрократии) с добавлением к ним материала из РАС и нашего анализа метафор бюрократии (в двух правых колонках).

Знак «∅» означает, что то или иное «Деловое и нравственное качество» не выражается в языковых метафорах, однако имеются метафоры, характеризующие людей по соответствующим качествам, хотя

бюрократ не является их единственной областью-мишенью; одновременно создаются и активно употребляются индивидуально-авторские метафоры аналогичной семантики с областью-мишенью 'бюрократ'. Например, рассмотренные ранее метафоры *надежный приводной ремень власти, несущая опора государства, стеновой хребет государственности, эффективная модель решения проблем цивилизованного общества* и др. («XII. Ответственность, надежность»), обнаруженные в специальных текстах (философских, социологических и экономических), бы-

ло бы некорректно рассматривать на общих основаниях с данными РАС и социологических опросов всех групп населения.

Основной резерв бюрократии, как и население в целом, **«на первое место среди человеческих качеств, которыми... наделены сегодня работники многочисленных бюрократических учреждений,... значительным большинством голосов (почти 2/3) поставили равнодушие к людям, на втором месте оказалась продажность (это мнение 58,5 % опрошенных), на третьем — безразличие к интересам страны (41,1 %)**. Вообще, вся верхняя часть таблицы в данном случае оказалась занята сугубо отрицательными характеристиками» [69; здесь и далее курсив авторов — В. Л.]. С ними хорошо коррелируют описанные выше языковые метафоры и соответствующие стимулы и реакции из РАС, которые также сосредоточены в верхней части таблицы.

Встает неизбежный вопрос: почему, относясь к бюрократии явно отрицательно, люди хотят влиться в ее ряды? Можно было бы думать, что основной резерв бюрократии тем отличается от других респондентов, что его представители уверены в своей способности, став бюрократами, управлять без формализма, искоренить продажность, преодолеть косность и узость мышления, руководствуясь чувством долга и патриотизмом. Но это не так. Наоборот, оказывается, **«действующие чиновники относительно чаще возможных претендентов на их место заявляют об альтруистических мотивах своей работы в госсекторе — возможности приносить пользу людям, проявить себя, быть в курсе всех новостей. Потенциальный же резерв для пополнения или обновления госаппарата чаще называет наличие льгот, возможность сделать карьеру, решить личные задачи, завести нужные знакомства»** [44].

Здесь целесообразно вернуться к S-R-словам из РАС, образующим ассоциативный портрет бюрократа. Их совокупный референт представлен верхней частью таблицы (от I. «Равнодушие к людям, формализм» до VIII. «Косность, узость мышления»). Тогда как совокупный референт молчания — того, о чем предпочитают молчать, говоря о бюрократии, — соотносится не с нижней частью той же таблицы, а с причинами, по которым люди из основного резерва хотят стать бюрократами.

В самом деле, если среди таких причин чаще других называют «Надежность работы,

заработка» (55 % опрошенных [44]), то ведь это не лучшим образом характеризует тех же респондентов, которые одновременно и в еще большей степени уверены в продажности бюрократии (63 %). «Более того, они позитивнее по сравнению со всем населением страны относятся к госслужащим и почти в двух третях случаев полагают, что из них незаслуженно делают «козлов отпущения». Иначе говоря, неэффективность работы госаппарата для россиян, желающих работать в госаппарате, вполне легитимна и не является основанием для критики чиновников. Это означает, что ожидать от них качественно иного поведения по сравнению с нынешними чиновниками, включая снижение коррупции, не приходится» [44—45]. Естественно, лучше умалчивать о неприглядных противоречиях.

С другой стороны, 35 % желающих работать в системе управления называют такую причину своего желания, как «Возможность приносить людям пользу», 27 % — «Возможность работать на благо страны» [44]. В то же время лишь 7 % процентов основного резерва допускают, что аналогичными побуждениями руководствуются действующие чиновники. Следовательно, они не могут сказать о бюрократах то, что свойственно только им и будет им свойственно, когда они станут бюрократами.

В целом основной резерв бюрократии, говоря о ней, молчит по преимуществу об исключительно корыстных мотивах своего желания стать бюрократами и в меньшей мере о своих альтруистических и патриотических побуждениях, которым реальной бюрократии он отказывает.

Оба референта — ненависти и молчания — в решающем отношении сходны. Они соотносятся либо с дисфункциональными, либо с нефункциональными аспектами бюрократии, никак не касаясь ее функции. Отсюда безглагольность S-R-слов, практически полное отсутствие среди них предикатов, представляющих специфику бюрократической деятельности: носители русского языка, говоря о бюрократии, не думают и не говорят об «управлении под руководством», о предназначении бюрократии и средствах достижения ее целей.

* * *

Понятно, что если людям основного резерва удача не улыбнется, их отношение к бюрократам станет более негативным, вербальные (и невербальные) реакции более ожесточенными, чем до этого. А поскольку число желающих сделать бюрократическую карьеру увеличивается, увеличивается и число ожесточенных неудачников.

Скорее всего, желание стать бюрократом и ненависть к бюрократии будут и далее расти, подпитывая друг друга.

О ф и с н ы й п л а н к т о н

Еще одним специфическим резервом бюрократии является часть населения, занимающая промежуточное положение между бюрократией и небюрократическими слоями общества. Это мелкие служащие, как правило, негосударственные, которые никем не управляют, лишены социальных гарантий и уверенности в обеспеченном будущем. Речь идет о так называемом *офисном планктоне* — менеджерах низшего звена.

Противоречие в том, что менеджер (manager) по определению есть тот, кто управляет кем-либо, управляющий. В основе противоречия лежит российская (но не только) практика использования слова *менеджер* для номинации любого офисного служащего вплоть до уборщицы.¹

В результате лексема *менеджер* приобрела неопределенность значения и как следствие денотативную неопределенность: кого включать в экстенционал данной лексемы, теперь неясно. Этому способствует и неопределенность «языка менеджмента», по крайней мере, русского. Оказывается, большую часть лексико-семантического поля «Менеджмент» составляют не термины, а терминоиды, которые образуют, кроме того, «его ядерную и околядерную части» [Борщевская 2012: 12]. В основном терминоиды представлены сверхсловными обозначениями-метафорами, например, *выпуск пара, крысиные бега, прыжок дохлой кошки, упасть с кровати, эффект питона...* Все они — заимствования: в сфере менеджмента «почти нет собственно русских обозначений, а присутствуют лишь номинации, созданные путем заимствования, соотносимого с калькированием» [Там же: 20].

Семантическая неопределенность, сочетающаяся у носителей русского языка с прочной ассоциацией менеджера с бюрократом, привела по принципу обратной связи к игровым искажениям формы: *манагер, менагер, менагерё, монагер, монахер*. Варианты несут отрицательные коннотации, которые достигают максимума в оскорбительно-злобной метафоре *минетжер*:

¹ Уборщицей быть стыдно, а менеджером по клинингу не стыдно.

Если серьезно, то стыдно воровать и объедать кого-то. <...> И вообще, все профессии нужны, все профессии важны. Как бывший менеджер по продажам бигмаков говорю :-) [Менеджер по клинингу — стыдно?].

Правильно говорить — минетжер. Патамушта присосался!! [А вот Герман Греф на линии].

Рома! Сосут страну минетжеры, досасывают! Добро бы они своевольничали, дерзили! Нет, с начальством они почти-тельные, службу понимают [Успенский М].

Сейчас правит бал серость, чиновник и “эффективный минетжер”:-) [Демисhev 2013].

Область-источник метафоры *минетжер* характеризует область-мишень — ‘профессия офисного служащего’ — как презренное занятие (предполагающее деятельность оральную) людей, занимающих подчиненное положение. *Минетжер* — квазиантоним лексемы *менеджер* в ее основном значении.

Существует версия, что *офисный планктон* — самоназвание менеджеров низшего звена: «самоназвание — “офисный планктон”, ироническое название — “лемминги”, оскорбительное название — офисное быдло» [Данилин 2006]. По крайней мере, они так сами себя охотно называют: *Я что ни наесть офисный планктон))) Работаю в продажах, тем самым перславутым менеджером, сижу в офисе с 9 до 6, ищу клиентов, в перерывах сидя в интернетике и крася ногти. И мне совершенно наплевать ...* [Офисный планктон, писи-менеджеры, бумажные крысы...]. Ср. также: *Я офисная вошь, которая паразитирует на организме обычных налогоплательщиков* [Я — менеджер среднего звена].

Ирония здесь, скорее всего, является защитной реакцией. Ведь быть офисным планктоном — удел молодых. Они, как правило, имеют высшее образование, но занимаются не тем, чему учились. Их цель — стать бюрократом, то есть настоящим менеджером, покинув среду планктона. Заранее ясно, что это удастся не каждому, между тем пребывание в статусе офисного планктона ограничено возрастными рамками. Речь, таким образом, идет о социальной группе, находящейся в состоянии перманентного кризиса.

Последнее обстоятельство делает офисный планктон резервом оппозиции. Это не политическая оппозиция, офисный планктон аполитичен, у него нет идеологической программы, а оппозиция протеста — протеста управляемой толпы: «При условии целенаправленного управляемого раскачивания общества, но без эксцессов, “офисный планктон” вполне способен стать *шестеренкой в оранжевом проекте* (курсив мой — В. Л.)» [Данилин 2006]. Так и было на Украине в 2013 г. Информационно-аналитический портал «Inpress.ua» писал тогда: «протес-

тующие делятся на две части, на два течения: одна радикальная националистическая часть, которая готова идти на штурмы — это меньшая часть; а вторая либеральная, проевропейская — **“офисные хомячки”**, которые вышли **“пофестивалить”** (курсив мой — В. Л.)» [Чаленко 2013].

Именно потому, что офисный планктон бесправен и никем не управляет, он не МАШИНА и не МЕХАНИЗМ, а только ШЕСТЕРЕНКА в оранжевом проекте. В феврале 2013-го, когда украинский «проект» поменял оранжевый цвет на коричневый, эта ШЕСТЕРЕНКА стала не нужна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *А вот Герман Греф на линии.* URL: http://ilja.su/forum/view_topic/16/1/929/.

2. *Балацкий Е. В.* Диссертационная ловушка // Свободная мысль. 2005. № 2. С. 92—104.

3. *Борцовская Т. С.* Термины и терминоиды в лексико-семантическом поле «Менеджмент» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2012.

4. *Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов : аналитический доклад.* — М. : Ин-т социологии РАН, 2005. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html (дата обращения: 17.03.2014).

5. *Васильева Е.* Социальные эффекты фальсификации документов: анализ современных российских практик // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? — М. : НЛЮ, 2013. С. 103—124.

6. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. — М. : Наука, 1983.

7. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М. : Советская Россия, 1991.

8. *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 1—3. — М. : Художественная литература, 1967.

9. *Данилевич Я. Б., Коваленко С. А.* Имидж ученого: современные PR-технологии в экономике знаний // Известия РАН. 2005. № 1. С. 32—35.

10. *Данилин П.* «Офисный планктон» как политическая угроза // Взгляд : деловая газета. 2006. 26 сент. URL: <http://vz.ru/politics/2006/9/26/50437.html> (дата обращения: 17.03.2014).

11. *Деменцова Э.* «Идеальный корпоратив» провели на премьере в Театре.doc // Российская газета. 2013. 29 нояб. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/29/teatrdoc-site.htm> (дата обращения: 17.03.2014).

12. *Демисhev С.* Кот Шредингера и собачка Гете // Блог / Эхо Москвы : сайт. 2013. 17 сент. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/demishev/1159196-echo>.

13. *Калимуллин Т. Р.* Российский рынок диссертационных услуг. — М. : ГУ ВШЭ, 2006.

14. *Кузнецов Д. И.* Бюрократические механизмы воздействия государства на экономические процессы: пути оптимизации : автореф дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2004.

15. *Лебедева Ю. Н.* Информационная асимметрия как условие бюрократизации отношений бизнеса и власти : автореф дис. ... канд. экон. наук. — Волгоград, 2011.

16. *Лукин В. А.* Блокирование информации как функция текстов // Текст и подтекст: поэтика эксплицитного и имплицитного. — М. : Азбуковник, 2011. С. 23—32.

17. *Лукин В. А.* Кризис и текст // Русское слово в русском мире — 2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян. — М. : Азбуковник, 2006. С. 126—167.

18. *Лукин В. А.* Художественный текст: основы лингвистической теории. Аналитический минимум. — М. : Ось-89, 2005.

19. *Лукин В. А.* Элегантная эвристика для определения не-текста // Urbi et academiae. СПб., 2012. № 1 (3). С. 101—110.

20. *Луман Н.* Медиа коммуникации. — М. : Гнозис, 2005.

21. *Макаренко В. П.* Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера). — Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1988.

22. *Менеджер по клинингу — стыдно?* URL: <http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/4311891/>.

23. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — М. : АСТ, 2006.

24. *Мизес Л. фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. — Челябинск : Социум, 2006. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_buero1 (дата обращения: 17.03.2014).

25. *Михайлов А. П.* Моделирование концепта «ВЛАСТЬ» в русской языковой картине мира : автореф дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2010.

26. *Михайлов О. В.* Блеск и нищета индекса цитирования // Известия РАН. 2004. № 11. С. 1025—1029.

27. *Мэйнстринг Дж.* Гениальный «хиршер» // Terra economicus. 2011. № 4. С. 142—144.

28. *Нисканен В. А.* Бюрократы и политики // Вехи экономической мысли. — СПб. : Экономическая школа, 2004. Т. 4 : Экономическое благосостояние и экономический выбор. С. 494—535.

29. *НКРЯ = Национальный корпус русского языка.* URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 17.03.2014).

30. *Осипова Е. В.* Бюрократия: «идеальный тип» и реальность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. — М. : ИФ РАН, 2008. С. 63—100.

31. *Открытка № 243369.* URL: <http://atkritka.com/243369> (дата обращения: 17.03.2014).

32. *Офисный планктон, писи-менеджеры, бумажные крысы...* URL: <http://kmpls.diary.ru/p180486463.htm>.

33. *Панова М. Н.* Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования. — М. : Изд-во РУДН, 2004.

34. *Панова М. Н.* Языковая личность современного чиновника как субъекта государственного управления // Русское слово в русском мире — 2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян. — М. : Азбуковник, 2006. С. 168—174.

35. *Плешкевич Е. А.* Понятие «реквизит документа»: к постановке вопроса // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2004. № 10. С. 1—7.

36. *Поваров Г. Н.* Ампер и кибернетика. — М. : Сов. радио, 1977.

37. *РАС* = Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М. : АСТ, 2002.

38. *Ретцер Дж.* Макдональдизация общества. — М. : Практик, 2011.

39. *Серль Дж.* Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5—27.

40. *Успенский М.* Райская машина. URL: books.google.ru/books?isbn=5425012055.

41. *Хазагеров Г. Г.* Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 5—21.

42. *Хайтун С. Д.* Номенклатура как «разумная система» // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 97—112.

43. *Чаленко А.* «Евромайдан» — это «офисные хомячки», вышедшие «пофестивальить» // Inpress.ua : информационно-аналитический портал. 2013. 12 дек. URL: <http://inpress.ua/ru/politics/21778-evromaydan-eto-ofisnye-khomyachki-vyshedshie-pofestivalit-chalenko> (дата обращения: 17.03.2014).

44. *Чаликова В. А.* Концепция рациональной организации в социологии Макса Вебера и в современ-

ных буржуазных теориях бюрократии : дис. ... канд. филос. наук. — М., 1970. URL: <http://chalikova.ru/dissertacija-maks-veber-koncepcziya-racziionalnoj-organizaczi.html> (дата обращения: 17.03.2014).

45. *Чевтаева Н. Г.* Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие и современность // Мир России. 2009. № 3. С. 85—113.

46. *Шевченко В. Н.* Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни. — М. : ИФ РАН, 2008. С. 101—149.

47. *Я — менеджер среднего звена.* URL: <http://aleksisf.livejournal.com/38168.html>.

48. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М. : Республика, 1994.

49. *Niskanen W. A.* Nonmarket decision making the peculiar economics of bureaucracy // The American Economic Review. 1968. Vol. 58. № 2. P. 293—305.

50. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. 1922. URL: http://www.textlog.de/weber_wirtschaft.html (дата обращения: 17.03.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

И. А. Серегина
Сургут, Россия

I. A. Seregina
Surgut, Russia

А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

A. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СЛОГАНЫ
В ДИСКУРСЕ РЕФЕРЕНДУМА
О СТАТУСЕ КРЫМА**

**METAPHORICAL SLOGANS
IN REFERENDUM
ON THE CRIMEA STATUS DISCOURSE**

Аннотация. Выявлены ведущие метафорические модели, репрезентирующие референдум в Крыму (март 2014 г.). Среди них преобладают домашняя метафора, представляющая Россию как родной дом для бывших граждан Советского Союза, и метафора пути, обозначающая присоединение Крыма и Севастополя как дорогу из негостеприимной чужбины в родные края. Охарактеризован прагматический потенциал слоганов «16 марта — домой — в Россию!» и «Чемодан — вокзал — Россия», репрезентирующих полярные позиции по проблеме самоопределения Крыма. Рассмотрены особенности восприятия образных обозначений избирателями, относящимися к различным возрастным и национальным группам.

Abstract. The main metaphorical models are revealed, which represent the referendum in the Crimea (March 2014). Pragmatic potential of the slogans "16th March – back home in Russia!" and "Suitcase – railway station – Russia", which represent polar position of the problem of self-identification of the Crimea, is characterized. The peculiarities of perception of the figurative signs by the electors who belong to different age and national groups are shown.

Ключевые слова: теория кризисной коммуникации; политическая метафора; сферы-источники метафоризации; кризисная метафора; метафорическая репрезентация; Крым; референдум; слоган.

Key words: theory of crisis communication; political metaphor; metaphorical source-domain; crisis metaphor; metaphorical representation; the Crimea; referendum; slogan.

Сведения об авторе: Серегина Ирина Александровна, аспирант.

About the author: Seregina Irina Alexandrovna, Post-graduate Student.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Place of employment: Surgut State University.

Контактная информация: 628412, г. Сургут, пр-т Ленина, 1.
e-mail: seregina_ira@inbox.ru.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Дискурс референдума, который состоялся в Крыму и Севастополе 16 марта 2014 г., вызвал ожесточенную дискуссию, и еще долго будет обсуждаться политиками, дипломатами, журналистами, учеными (социологами, юристами, лингвистами, психологами и др.) и рядовыми гражданами России, Украины и других государств. Наше исследование посвящено лингвистическим аспектам изучения дискурса названного референдума и в первую очередь — прагматическому потенциалу его ведущих метафор и слоганов.

Будучи филологами, авторы данной статьи не берутся оценивать юридические, ди-

пломатические, исторические и иные экстралингвистические аргументы сторонников и противников проведения референдума, а также последствия этого события, однако при анализе метафор и слоганов важно учитывать ситуацию, в которой проходила политическая кампания. Как известно, гражданам Крыма и Севастополя (который географически является частью Крымского полуострова, но юридически представляет собой отдельный субъект) были предложены два вопроса: «Вы за воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации?» и «Вы за восстановление действия

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Серегина И. А., Чудинов А. П., 2014

Конституции Республики Крым 1992 года и за статус Крыма как части Украины?». В соответствии с официальными результатами, в автономной республике Крым за присоединение к России проголосовало 96,77 % избирателей при явке 83,1 %; в Севастополе за присоединение к России проголосовало 96,6 % избирателей при явке 89,5 %. При рассмотрении вопроса о данном референдуме в Совете Безопасности ООН тринадцать его членов поддержали проект резолюции, которая квалифицировала референдум как не имеющий юридической значимости, однако Россия наложила вето на эту резолюцию, а Китай воздержался.

В современной политической лингвистике существует два полярных подхода к исследованию и интерпретации материала. При первом из них ученый открыто заявляет о своих политических симпатиях и антипатиях, при этом ведущей задачей его исследования становится защита соответствующей позиции с привлечением филологических методов (А. Д. Васильев, Р. Водак, Т. ван Дейк, Э. Лассан, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, М. Пеше, Н. Фэрклаф и др.). По словам Рут Водак, «критическая лингвистика и критический анализ дискурса имеют своей целью анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке. Иначе говоря, критический анализ дискурса нацелен на критическое изучение социального неравенства, выраженного (сигнализируемого, конституируемого, законодательно закрепленного и т. д.) в языке или дискурсе [Водак 2011: 291].

При другом подходе филолог стремится воздержаться от открытого выражения своей политической позиции, более осторожен в оценках и ограничивается детальным рассмотрением конкретных средств и приемов воздействия адресанта на своих сторонников, политических оппонентов, электорат и общественное мнение (Р. Андерсон, У. Бенуа, Э. В. Будаев, М. В. Гаврилова, А. В. Стрельников, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Учитывая политическую остроту соответствующего конфликта и другие дискурсивные факторы, авторы настоящего исследования не считают целесообразным высказываться в данном тексте свою оценку соответствующих политических событий.

Методология нашего исследования основана на методах и принципах когнитивной метафорологии. При таком подходе метафора в политической коммуникации — это не просто декоративный компонент риторической деятельности, но особый способ мышления и его вербализации, инструмент

построения картины мира, обладающий сильным прагматическим эффектом (Р. Водак, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, П. Чилтон, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Э. Лассан, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.).

Исследования по теории и практике кризисной коммуникации (Р. Андерсон, Х. де Ландтсхеер, Д. Фертессен, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, С. В. Иванова, Е. А. Чурашова и др.) свидетельствуют, что активизация метафорического моделирования политической действительности регулярно обнаруживается в периоды политических кризисов, а нередко даже предшествует этим кризисам и способствует их обострению. Как показывает специальное исследование, для политической коммуникации характерно постоянное чередование периодов бурного развития метафорических систем и периодов их относительной стабильности. Во внешнеполитическом дискурсе метафорические «бури» особенно характерны для периодов максимального обострения международной обстановки и часто служат вестником приближающихся войн и революций; поиск выхода из политических кризисов закономерно порождает метафорическое видение мира [Чудинов 2013: 124].

Опыт исследования метафоры свидетельствует, что в период политических кризисов максимально активизируются метафорические модели со значительным агрессивным потенциалом, которые последовательно порождают милитарные, криминальные и зооморфные образы (Э. В. Будаев, А. Б. Ряпосова, А. П. Чудинов и др.). Например, исследование А. О. Уржумцевой показывает, что осенью прошлого года в испанской прессе при обсуждении взаимоотношений России, Украины и Евросоюза доминировала милитарная метафора [Уржумцева 2014]. В период максимального обострения политической обстановки милитарная метафора нередко дополняется криминальной: в этом случае политические соперники образно представляются не просто врагами, а уголовными преступниками, которые заслуживают сурового наказания.

Вместе с тем для каждой кризисной ситуации характерен особый, только ей присущий арсенал метафорического представления действительности. С этой точки зрения значительный интерес представляют метафорические модели, которые оказались доминантными в период политического кризиса, связанного с отстранением от власти президента Виктора Януковича и воздействием «майданной революции» на юго-восточную Украину, Крым и Севастополь.

В российских и крымских СМИ ведущим способом образного представления воссо-

единения с Россией стало метафорическое изображение Крыма и Севастополя как своего рода странников, которые после долгих скитаний возвращаются в родные места, в отчий дом, к родным пенатам. В этом случае используется домашняя (от латинских слов *domus, domesticus* — дом, домашний) метафора, представляющая Россию как родной дом для бывших граждан Советского Союза и их потомков. Названная модель часто взаимодействует с годической (от древнегреческого *godos* — путь, дорога) метафорой, которая образно обозначает события, связанные с присоединением Крыма и Севастополя, как путь, дорогу из негостеприимной чужбины в родные края, к отчужденному дому.

Две названные модели объединяет слоган «**16 марта — домой — в Россию!**», который широко использовался сторонниками объединения с Россией накануне референдума 16 марта 2014 г. в Крыму и Севастополе. Этот слоган употреблялся как синоним выражения «возвращение на подлинную родину, в родительский дом из чужой, негостеприимной страны».

В рекламных материалах (билборды, листовки и др.) сторонников воссоединения активно использовались и другие метафорические образы со сферами-источниками «Дом» и «Дорога»: *Референдум: Крым — в Россию; 16 марта. Референдум. Вместе с Россией; Севастополь, Крым — Россия; Референдум: домой, в Россию*. Подобные слоганы представляют референдум как отправную точку, начало пути Крыма из чужбины в родной дом, в Россию.

Разнообразные варианты развертывания рассматриваемых моделей используют также самые различные СМИ пророссийской направленности. Ср.: *Если говорить о лозунгах, звучавших здесь, то многие избиратели, покидая участки говорили: „Крым возвращается домой“* (Телеканал «Россия»). *Возвращение домой. В Крыму обсуждают, как именно произойдет вступление в РФ* (газета «Аргументы и факты»). Жители Крыма говорят *„Мы хотим домой в Россию“* (С. М. Миронов, лидер партии «Справедливая Россия» // Российская газета). *По словам главы правительства Сергея Аксенова, принятие основного закона является знаковым событием последних лет. Крым вернулся домой, в Россию, и для его населения это большой праздник* (PRгазета). *Руководители меджлиса не заметили, как Крым вернулся домой, в Россию* (Regnum.ru).

Метафора дальнего пути обнаруживается и в слогане «**Чемодан — вокзал — Россия**» (использовался также его расширенный вариант: **«Коль заела ностальгия —**

чемодан, вокзал, Россия»), который объединял сторонников сохранения полуострова в составе Украины и по существу предлагал «русофилам» переселиться на территорию Российской Федерации. Слоган часто дополняет изображение поезда, на котором «москальи» и прочие «украинофобы» отправляются в Москву.

В Интернете можно обнаружить множество переосмыслений данного слогана: например, сообщается, что русские, отправляясь на историческую родину, прихватили с собой не только чемодан, но и вокзал, железную дорогу и весь Крым. В другом случае использован видеобраз: на вагончиках поезда, следующего в Россию, написаны названия крупнейших городов юго-восточной Украины — Донецк, Харьков, Луганск, Одесса, Николаев.

Президент России В. В. Путин, выступая 18 марта на многочисленном митинге в Москве, несколько иначе развивает рассматриваемую метафорическую модель: *После тяжелого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань — Россию, к родным берегам, в порт постоянной приписки* (Комсомольская правда. 19.03.2014). В данном контексте легко обнаруживаются аллюзии, связанные с базированием в Севастополе военно-морского флота России и героической историей этого города. Вместе с тем президентская метафора несет и домашние смыслы: для кораблей родная гавань — это и есть их родной дом, т. е. место, где корабли укрыты от опасностей, моряки ощущают близость родного берега и поддержку самых близких людей.

Годическая метафора во взаимодействии с антропоморфным образом использована президентом В. В. Путиным в его выступлении, посвященном Дню России 12 июня 2014 г.: *В Россию, к себе на Родину, возвратились Крым и Севастополь*. В этом случае новые субъекты Федерации образно представлены как путники (антропоморфный образ), которые возвращаются (годическая метафора) в родные края.

При несколько ином варианте использования домашней метафоры родным домом для жителей Крыма представляется Крымский полуостров, освобожденный от враждебного влияния. В своем внеочередном послании к Федеральному собранию президент России метафорически говорит о дальнейшей судьбе народов Крыма и их взаимоотношениях в новых исторических условиях: *Крым будет родным домом для всех живущих там народов. Крым останется и русским, и украинским, и крымско-*

татарским. Но никогда не будет бандеровским (Комсомольская правда. 19.03.2014). Эти слова президента отчетливо разграничивают «своих», к которым относятся все жители полуострова, и «чужих», к числу которых относятся сторонники идеологии Степана Бандеры и его последователей.

Изучение самых разнообразных печатных и электронных СМИ в РФ и ее новых субъектах свидетельствует о том, что домашняя метафора стала образом, объединяющим всех, кто поддерживает вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Сторонники такого развития событий в своей аргументации делают основной акцент на идеологическую, историческую и эмоциональную близость народов Крыма и России.

Обращает на себя внимание последовательная внутритекстовая поддержка рассматриваемой метафоры, которая осуществляется путем использования лексики с позитивными смыслами: *взаимовыручка, отзывчивость, честность, общие интересы, братство, терпимость, понимание, открытость, готовность пренебречь личными амбициями ради общего блага, ответственность за свои поступки, трезвость мыслей и поступков, способность прогнозировать свои действия, доброта.*

Важной стилиевой особенностью материалов, касающихся крымской ситуации, стала максимальная доступность изложения информации. Авторы стремятся не использовать сложную терминологию, развернутые синтаксические конструкции, многоступенчатую аргументацию. Легкость и простота подачи материала, с одной стороны, позволяет расширить круг потенциальных читателей и увеличить количество сторонников, а с другой — избавляет читателя от необходимости искать информацию по данной теме в других источниках, анализировать аргументацию новых украинских властей и поддерживающих их лидеров США и Европейского союза. В рамках рассматриваемых моделей всё, кажется, чрезвычайно просто, ответ буквально лежит на поверхности: если Россия — родной дом, значит, возвращению Крыма будут рады как долго отсутствовавшему, но долгожданному и любимому родственнику. В рамках этой логики противоестественными кажутся и всякие сомнения в стремлении человека вернуться в родной дом, а кораблей — в родную гавань.

Доместические и годические образы создают максимально благоприятный фон для восприятия политики России. Страна готова встретить крымчан как родственников, проявить радушие, помочь обездолен-

ным соотечественникам, возвращающимся домой после долгого путешествия. Радушие издревле ценится как самая положительная и благоприятная характеристика для любого дома и его хозяев. Навестить такой дом и тем более вернуться в него всегда приятно, и это особенно относится к людям, для которых это родной дом, покинутый ими не по своей воле. А что можно сказать о стране, которая представляет собой родной дом для всех русских и — шире — для всех, кто родился (или чьи родители родились) в Советском Союзе? Разумеется, в такую страну захочется возвращаться вновь и вновь, а еще лучше навсегда в ней поселиться, не покидая вместе с тем Крыма как своей «малой родины».

Возможно, для многих жителей Крыма метафорическое «возвращение домой» — это избавление от негативных последствий политического и социального кризиса, охватившего Украину, обретение покоя, защита от опасностей. В дискурсе перманентного украинского кризиса безопасность тесно связана с представлениями о стабильности, которой отличалась жизнь в Советском Союзе при всех ее проблемах. Поскольку СССР прекратил свое существование всего лишь два десятилетия назад, жители Крыма среднего и старшего возраста прекрасно помнят все положительные стороны прежней жизни в единой державе. В этом контексте они воспринимают лозунг «домой в Россию» как чудесное перемещение в молодость, как своего рода реинкарнацию страны, где они родились и выросли, где прошли их лучшие годы.

При оценке эффективности рассматриваемых образов необходимо учитывать, что метафорические модели со смысловыми сферами-источниками «Дом» и «Путь (дорога, путешествие)» с давних пор широко распространены в политическом дискурсе России и Украины, т. е. воспринимаются электоратом как традиционные, естественные, привычные. Далекое не случайно в конце прошлого века одна из ведущих политических партий называлась «Наш дом — Россия», а политические лидеры России вместе с представителями других европейских государств говорили о необходимости демонстрации «железного занавеса», о сближении, о движении навстречу друг другу и построении «общеевропейского дома» [Drulák 2006; Musloff 2004; Чудинов 2001 и др.]. Как показывает монография «Непевний об'єкт бажанья: ЄВРОПА в українському політичному дискурсі», метафорические образы пути (дороги) и общеевропейского дома активно использовались при обсуждении прошлого, настоящего и будущего родной страны

и в Украине [Яворьска, Богомолов 2010]. Однако, как показано в монографии, в последние годы украинские политики, говоря об общем доме, обычно имели в виду не постсоветское пространство, а объединенную Европу. Доместические и годические образы активно используются и в современном американском политическом дискурсе [Рябкова 2010].

При оценке прагматического воздействия слогана «16 марта — домой — в Россию!» нельзя забывать и о различиях в его восприятии людьми разного возраста. Возможно, новое поколение, родившееся и выросшее на Украине (в Украине?) в условиях роста национального (националистического?) самосознания и мощного идеологического воздействия киевских властей и «бандеровской» идеологии, уже не всегда воспринимает Советский Союз как общую Родину для всех граждан СНГ. Поэтому эта молодежь может сомневаться в том, действительно ли путь в Россию — это путь домой, она может быть в меньшей степени уверена в том, что ее будущее должно быть связано именно с Россией.

Важно учитывать и национальный аспект восприятия доместической метафоры. В антироссийских агитационных материалах в качестве «родного дома» для жителей полуострова часто выступала Украина, а действия России обозначались как аннексия, оккупация, грабеж и разбой. Такие образы предназначались, в частности, гражданам Крыма, которые считают себя этническими украинцами. Что касается крымско-татарского населения, то многие его представители искренне считают своим «домом» именно Крым, а поэтому не воспринимают доместические метафоры, которые оказывают воздействие на русских и украинцев.

Показательно, что СМИ Великобритании и США даже при информации об основном лозунге референдума в Крыму и Севастополе стремятся не использовать метафорический образ возвращения в родной дом. Ср.: *Crimeareferendum: Voters 'backRussiaunion'*. / *Крымский референдум: избиратели „за возвращение к российскому союзу“*. (BBCNews). *Crimea: Russia's return*. / *Крым: российское возвращение* (Financial Times).

Американская газета «New York Times» пишет о судьбоносном решении парламента Крыма с нескрываемым осуждением: *SIMFEROPOL, Ukraine — The pro-Russian regional Parliament in Crimea voted behind closed doors on Thursday to secede from Ukraine and become part of Russia — an aspirational, even quixotic, gesture that had no immediate practical effect but deepened the politi-*

cal crisis here, drawing swift denunciations from the West and from the fledgling national government in Kiev. / Симферополь, Украина. — Пророссийский региональный парламент в Крыму проголосовал за закрытой дверью за отделение от Украины и за то, чтобы стать частью России — стремительный и далекий от реальности жест, не имеющий немедленного практического эффекта, но углубляющий политический кризис, вызывающий осуждение Запада и недавно созданного правительства в Киеве. В рассматриваемом фрагменте, с одной стороны, сухо сообщается об итогах референдума, подчеркивается, что решение принято «за закрытой дверью», а с другой — дается негативная оценка и сущности принятого решения, и особенно его последствий. В тексте подчеркивается негативная реакция Запада и киевского правительства, но не говорится о восприятии рассматриваемого решения жителями Крыма.

Казалось бы, максимальную сдержанность должны демонстрировать дипломаты, однако постоянный представитель США в ООН Саманта Пауэр на официальном заседании Совета Безопасности сочла возможным использовать по отношению к России криминальную метафору: *A thief can steal property, but that does not confer the right of ownership on the thief. / Вор может украсть собственность, но это не значит, что он имеет право владеть ею* (vlasti.net. 30.03.2014).

Представитель России в ООН Виталий Чуркин в ответ решительно заявил: *Мы категорически не приемлем оскорбительных высказываний в отношении нашей страны. Если делегация США рассчитывает на наше сотрудничество в Совете Безопасности по другим вопросам, то госпоже Пауэр следует твердо это усвоить»* (vlasti.net. 30.03.2014). Следует признать, что использование в ООН криминальной метафоры (вор, украсть) по отношению к действиям великой державы не соответствует дипломатическому этикету и возвращает мир к эпохе холодной войны.

Итак, рассмотрение материалов российских и крымских СМИ свидетельствует, что доместическая метафора стала ведущим средством образного представления политических процессов вхождения Крыма и Севастополя в состав России. Метафорическое представление вхождения новых регионов как ВОЗВРАЩЕНИЯ после долгой дороги ДОМОЙ, к родной семье обладает мощным прагматическим потенциалом и вполне соответствует российским традициям. Слоган «16 марта домой — в Россию!» способствует преодолению психологического барьера,

связанного у некоторых жителей Крыма и Севастополя с представлениями о России как «другой» стране. Вместе с тем следует учитывать, что далеко не все крымские избиратели (особенно украинцы и крымские татары) воспринимают современную Россию как родной дом, в который всегда хочется возвратиться. Для более полного осмысления рассмотренных материалов будет полезным их сопоставление с репрезентацией событий в Крыму и Севастополе в украинских СМИ, а также в СМИ других государств.

Р. С. Данная статья была в основном завершена в марте 2014 г., когда казалось, что наиболее острая фаза противостояния закончилась. Однако политический кризис в Украине продолжался, и вслед за крымским референдумом 11 мая последовало голосование в Донецкой и Луганской областях. В дискурсе этих референдумов активно использовались слоганы, заимствованные в Крыму, и лозунги, которые развивали идеологию крымского референдума («Крым — Донецк — Россия», «Нам с Россией по пути»). Соответствующий материал будет представлен в наших последующих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. — Нижний Тагил, 2011.
2. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4.

3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.

4. Рябкова И. П. Средства актуализации понятийного компонента «направление движения» в рамках концептов «Путь» и «Way»: сопоставительно-переводческий аспект (на материале речей современных российских и американских политиков) // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2010. № 5.

5. Уржумцева А. О. Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «Эль пайс» // Политическая лингвистика. 2014. № 2.

6. Чудинов А. П. Очерки по политической метафорологии. — Екатеринбург, 2013.

7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

8. Чурашова Е. А. Обвинительный дискурс в постэлекторальной коммуникации // Вестн. Перм. ун-та. Политология. 2013. № 1.

9. Яворська Г. М., Богомолов О. В. Непевний об'єкт бажання: ЄВРОПА в українському політичному дискурсі. — Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010.

10. Drulák P. Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration // European Journ. of International Relations. 2006. Vol. 12, No. 4.

11. Lakoff G. Metaphor and War, Again. 2003. URL: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414.

12. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm.

13. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.

Статью рекомендует к печати канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Л. Н. Синельникова
Луганск, УкраинаL. N. Sinelnikova
Lugansk, Ukraine**ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА
AD INFINITUM: УКРАИНСКИЙ ВЕКТОР****INFORMATION WARFARE AD INFINITUM:
UKRAINIAN WAY**

Аннотация. Показано, как разделение во взглядах, переходящее в разобщенность, фиксируется 1) в характере интерпретации событий и в оценке их исполнителей (модальность предположительности вместо объективной модальности, аргументы, способствующие дискредитации позиции оппонента, рост употребления инвектив и другое); 2) в специфике процесса семиозиса — формирования значений слов на основе оценок идеологического характера; 3) в факте гетерономинативности — функционировании в политических текстах оценочно не совместимых номинаций акторов политических действий. Понятия «правда», «справедливость» в условиях информационной войны оказываются продуктом и результатом дискурсивного конструирования и дискурсивного давления.

Abstract. It is shown how differences in views, turning into disunity, can be identified 1) in the character of interpretation of events and assessment of their performers (the modality of presumptions instead of objective modality, arguments, growth of invectives and others); 2) in the peculiarities of semiosis of words formation, based on estimations of ideological nature; 3) in the fact of heteronominative functioning of political communications; incompatible nominations of actors of political actions. The concepts of «truth», «justice» in the conditions of information warfare are the product and the result of a manipulative discursive construction.

Ключевые слова: лингвистика дискурса; информационная война; политическая коммуникация; акторы коммуникации; фейк; семиозис; социальная фасилитация; гетерономинативность; гетеротопия; аномия.

Key words: discourse linguistics; information warfare; political communication; actors of communication; fake; semiosis; social facilitation; heteronominativity; heterotopia; anomie.

Сведения об авторе: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий.

About the author: Sinelnikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Head of the Department of Russian Linguistic Studies and Communicative Technologies of Lugansk National University (Ukraine).

Место работы: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Place of employment: Lugansk Taras Shevchenko National University.

Контактная информация: 91011, Украина, г. Луганск, ул. Оборонная, 2, к. 1-325.
e-mail: larnics@luguniv.edu.ua.

Информационные войны — составная часть политических коммуникаций. В любой период власть утверждает себя в конкурентной борьбе, которая в относительно мирном политическом противостоянии связана с деятельностью по «возвышению» собственного имиджа и «снижению» имиджа оппонентов. В кризисный период с любым названием: революция, переворот, мятеж и т. д. — политические коммуникации переходят в формат острой информационной войны. Аудит такого рода коммуникаций с позиций лингвистики дискурса требует внимания к сказанному, написанному, к стилю общения, к ключевым словам, фразам, т. е. ко всему тому, что имеет безусловную значимость для идентификации противостоящих сторон и для определения их возможности влиять на общественное сознание. Лингвистическое знание в соединении с дискурсивным подходом нацеливает на понимание языковых проявлений и свидетельств

в когнитивно-психологическом и прагматическом аспектах.

Специалист по информационным войнам Г. Г. Почепцов в последних по времени размещении в Интернете статьях справедливо акцентирует факт экспансии информационной войны во всех социально значимых сферах как инструмента конкурентной борьбы: «Информационная война стала сегодня в центре политики, экономики и военного дела. „Мирные“ применения этого инструментария давно вышли за пределы его военного использования. Принятие решений существует во всех областях, и в случае конкурентного столкновения начинается борьба за единственность одного решения и против решений альтернативных» [Почепцов 2014].

В политических коммуникациях транзитного общества, к числу которых относится Украина, разделение информационной и психологической войны перестает быть значимым: в активной фазе политического проти-

воборства система информации организуется таким образом, чтобы не просто влиять на мнения, эмоции и поведение людей, но и оказывать на них сильнейшее психологическое воздействие. «Дискурс консолидации» и «дискурс разобщения» в условиях информационной войны интегрируются в некий общий конгломерат «дискурса конфронтационного реагирования», и эта взрывоопасная интеграция фиксируется в несовместимой разнородности и разновекторности коммуникаций. «Час икс» в политике — время, когда сообщающиеся сосуды «власть — оппозиция» перестают действовать с оглядкой на некие нормативные предписания, сложившиеся в международной практике, в результате чего (воспользуемся понятиями из характеристики сообщающихся сосудов в физике) «разность уровней» пребывания в информационном пространстве увеличивает «напор», сносящий перегородки в виде журналистской этики, политкорректности и подобного.

Дискурс информационной войны может быть квалифицирован как дискурс особого вида реагирования на события разного формата и значимости. В содержание понятия «реагирование» заложено другое, сложное в психологическом отношении понятие — реакция. *Реакция* (от лат. *re* — против, *action* — действие) — акт поведения, инициируемый неким событием внешнего мира, поведением другого человека, других людей, с которыми вступаешь во взаимодействие. Реакция связана с целым спектром состояний: ощущениями, представлениями, мыслями, эмоциональными переживаниями, с настроением. Реакции могут быть произвольными и непроизвольными, но в любом случае они возникают в ответ на стимул из внешнего, событийного мира и проявляют отношение к такому стимулу. *Реагировать* — отзываться каким-нибудь образом на раздражение, воздействие извне; проявлять свое отношение к чему-либо.

Как реакция, так и реагирование связаны с событием, т. е. с определенным положением вещей, являющимся частью бытия человека или общества в целом. Но только реагирование делает возможным включение события в интерпретирующий медийный контекст, т. е. в контекст, в котором семантика, прагматика и векторы интерпретации оказываются взаимообусловленными [Демьянков 1983]. Происходит движение от события к его переработке общественным сознанием [Харламов 2010], и далее (если событие имеет социальную значимость или если такая значимость приписывается ему СМИ) начинаются ответные действия. Поскольку информационная война нуждается в собы-

тиях, любое значительное или незначительное действие может быть (по умолчанию или по ситуативной договоренности) превращено в событие политического ранга.

Политический дискурс, как и любой другой, отражает и вербально обеспечивает органическую связь между текстом и контекстом. Стремление создать негативный контекст реализуется в соответствующих текстах, и между контекстом и текстом в этом случае создаются особые корреляционные отношения: негативный текст начинает принимать участие в создании негативного контекста. В условиях интенсивно организованной информационной войны происходит «раскручивание спирали» событий, возрастает степень неконтролируемой информационной вариативности. Одна интерпретация влечет за собой другую, поддерживающую или опровергающую предыдущую. Увеличение объема интерпретаций одного и то же события при одновременном снижении ответственности за объективность неизбежно повышает уровень провокативности в «ленте событий». Нарративная цепочка «кто / что? — где? — когда?», которая в своей целостности должна быть носителем фактологичности и конкретности, перестает свидетельствовать о совпадении с действительностью. Отличить события от псевдособытий по признакам объективной модальности (применения категории наклона, времени, персональности, детерминации, соотношения репродуктивного и информативного сегментов) далеко не всегда представляется возможным.

В дискурсе информационной войны действуют две основные коммуникативные установки: *вытеснение* (убрать любые аргументы оппонентов) и *замещение* (заменить своими, придав им максимально убедительную, вызывающую доверие адресата форму). Информационная война — это прежде всего вербальная война [Романова 2012], война языковых знаков как война дискурсов. Событие превращается в событийную среду, в которую включаются всё новые и новые аргументы «замещения». В результате интерпретация сама становится событием. Информационная война сопровождается избыточностью одних новостей и их интерпретаций и игнорированием других. Критерий выбора универсален — ценностные идеологические предпочтения.

В условиях политического кризиса вербальная подача события в полной мере соответствует «определенным соглашениям» по поводу контента канала или издания. Именно в условиях информационной войны может происходить резкая смена речевого

облика журналиста в сторону категоричности и безальтернативности оценок, порой — неполиткорректного поведения, неуважения к мнению собеседника «с другой стороны». Связанная со свободой слова формула «журналисты без границ» в условиях жесткой информационной войны модифицируется в вариант «журналисты без этических ограничений и норм». Изменения ролевых регистров журналистов — от профессиональной ответственности к конъюнктурному поведению — порой основываются не только на естественном для современной журналистики желании угодить целевому адресату, но и угодить «хозяину».

В условиях нацеленности на новостную информацию по теме главного события происходит сужение интерактивных действий журналистов, ограничение жанрово-стилистического регистра, поскольку каждая привязанная к каналу или изданию журналистская корпорация, формируя повестку дня, работает преимущественно со своим адресатом, т. е. с теми людьми, которые разделяют декларируемую позицию. Точка зрения оппонентов или вообще не учитывается, или (что еще хуже) учитывается избирательно и искаженно. В угоду целевому адресату с обеих сторон происходят безальтернативные квалифицирующие обобщения положения вещей: экстремизм, радикализм, мирный процесс, освободительное движение и т. д. Преувеличения («игра масштабами») в дискурсе информационной войны сопровождаются односторонними оценками политических событий. Понятия «правда», «справедливость» в условиях информационной войны оказываются продуктом и результатом дискурсивного конструирования.

Стрессогенность становится частью сознания общества в том случае, если правдивая информация микшируется с ложной, если теряются критерии, позволяющие отличать правду (неполную правду) от лжи. Полуправда еще не ложь, но в условиях политического противостояния она становится благодатной почвой для лжи.

Информационному шуму способствуют сенсации, изготовление которых поставлено на поток. Новостная лента включает как реальные новости, так и фейк-новости (от англ. *fake* — подделка; употребляется для маркировки незаконных коммуникативных действий в пространстве Интернета, создания поддельных сайтов, которые почти невозможно отличить от настоящих). Фейк-новости могут поддерживаться, а то и просто заменяться фейк-видео, фейк-фотографиями, подлинность которых нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Отсутствие подтверждающих ин-

формацию фактов (фейк-контроля), по нормам журналистской этики, должно быть маркированным и как минимум сопровождаться дискурсивными вводами: *из непроверенных источников, информация не получила подтверждения, вызывает сомнения, из серии слухов* и т. п., — но этой международной этической установке противоборствующие стороны, как правило, перестают следовать. Впрочем, монтаж событий, согласованный с доминирующим политическим тезисом, сопровождает пропагандистские действия любого рода и в любой стране.

Реакция не может предшествовать событию. Для нарративных историй периода информационной войны характерна «агрессия по заданию». Особый случай — появление интерпретаций до события, т. е. до его оформления в темпорально-топическом и деятельностном наполнении. Асинхронность отношений между событием и фактом («Факты» никогда полностью не идентифицируются с «событиями»). Относясь к наблюдаемому миру, факты не могут стать объектом наблюдения: можно быть свидетелем события, но нельзя быть свидетелем факта» [Арутюнова 1999: 505]) позволяет широко эксплуатировать специфическую модальность — модальность предположительности, маркируемую словами *как будто, якобы, по всей вероятности* и подобными. Слухи сопровождают информационную войну, а «слухмейкеры» выполняют свою миссию — контролировать и изменять «температурный режим» общества в сторону его последовательного повышения. Возникает вполне оправданное представление о жестком управлении информационной средой.

Информационная война приспособливает систему аргументов к тезисам, доминирующим в идеологии противоборствующих сторон. Аргументы к факту, к цифре, к свидетельствам очевидцев демонстрируют тенденциозный выбор эпизодов, свидетелей событий, произвольный подсчет и т. п. Выгодные аргументы опираются на соответствующее языковое употребление, поддерживаются технически — формами движения камеры, оптикой подачи материала (субъективная фокусировка), повторами кадров и т. д.

Создание образа врага как персуазивная стратегия политического дискурса в полной мере проявляет себя в условиях информационной войны. Образ врага и образ благодетеля (мнимого, гипотетического, но всегда положительно оцениваемого) создают идеологический фундамент информационной войны. Политическая информационная война сопровождается обострением фобий.

Публичные русофобские и украинофобские высказывания объединяют единоверцев, но разделяют общество.

Баланс между присутствием в пространстве СМИ «своих» и «чужих» перестает соблюдаться — возникает когнитивный диссонанс как отсутствие «точки согласия» хотя бы в варианте обсуждения возможностей. В связи с резкой «перезагрузкой» отношений в пространстве «свои/чужие», «мы/они» увеличивается степень эксплицированной речевой агрессии в виде инвектив, выходящих за пределы политкорректности. Растабуированность в выборе оценочных средств также можно отнести к особенностям информационной войны в эпоху экстремальных перемен: отношения между эксплицитностью и имплицитностью изменяются в пользу первого признака. Принципы лингвистики полностью игнорируются. Более того, всё чаще в дискурс вводятся отрицательные ценностные знаки, приписываемые обыденным сознанием той или иной национальной культуре. Политическое изменение культурных различий — один из признаков дискурса информационной войны.

Показательны примеры «тропологической суггестивности» (М. Р. Желтухина): *поза двувекторности, социальная турбулентность, веерный захват, токсичная информация, котел революции, пиар-угар, идеологическая яма, политические камикадзе, амортизационная подушка, санкционный зуд, передвыборная сага, интеллектуальный файсфуд, газовый шантаж, политические судороги*. Замечен словообразовательный креатив, нередко сопровождаемый иронией: *еврогости, евроморковка, евроутро, евроночь, еврообстановка, евронадежды, европровокация, еврокапризы* и даже *евромусор*. Неологизмы выступают в роли дискурсивных маркеров — знаков событий, интерпретация которых включается в пространство информационной войны (например, *ленинопад* — снос памятников Ленину). В быстротечности событий рождаются новые виды манипулятивных приемов, которые еще предстоит понять и систематизировать.

Дискурс-анализ — это не только структурно-семиотическое исследование текстов, но и анализ реакции общественности. Свою лепту в сценарий информационной войны вносят блогеры, профессиональные и любительские интернет-комментаторы, политологи разного уровня квалификации. Качество формируемого в Сети идеологического продукта трудно верифицировать по признаку объективности, а вот по признаку психологического воздействия стрессогенного характера, игры на политических рефлексках, пре-

жде всего молодежи, вполне возможно. Без трудоемких социологических опросов можно узнать, какой политик в тренде и что о нем говорят люди, находящиеся в разных ценностных измерениях.

Тенденции к избирательности форм обратной связи в официальных СМИ противостоит интернет-коммуникация во всем разнообразии ее жанровых форм. Любая новость получает в Сети разносторонний комментарий. Сленговым словом «сабж» именуется предлагаемая на ресурсе тема для обсуждения, участники которой проявляют противостояние на уровне обыденного сознания. Для оценки состояния общественного сознания имеет значение информация о том, какие темы и как обсуждаются. Комментология (наука о комментариях) может существенно пополнить свои методологические резервы за счет изучения языка, стиля, особенностей диалога в интернет-комментариях как типе текста.

Для понимания сути информационной войны важно представление о майдане как гетеротопии. Гетеротопия — другое место, место иного течения времени (по М. Фуко [См.: Русакова 2014], это место, которое значимо как для разных повседневных практик, так и для фиксации духовных (сакральных) ценностей [Харламов 2010]). Гетеротопический подход вполне согласуется с дискурсивным: социально значимое пространство диктует сценарии, формы поведения, в том числе коммуникативного. Майдан — это место, которое отсылает к определенным политическим, этическим и национально-культурным кодам (так же, как Москва, Кремль, Вашингтон, Белый дом и др.). Интерпретация майдана как гетеротопии не однородна, так как, с одной стороны, оценочные признаки накапливались постепенно и поэтапно, согласовываясь с движением и результатом происходивших на этом месте событий, с другой — в условиях информационной войны происходила (и происходит до сих пор) жесткая дифференциация характеристик этого топоса. С одной стороны, это место надежды, освободительная деятельность, средоточие признаков национальной идентичности и языковой общности, трагедия и счастье, место изменения самосознания народа, сакральное место («небесная сотня» — погибшие на Майдане активисты), с другой — политический перформанс, основанный на политтехнологиях и артефактах (палатки, баки для обогрева, брусчатка как «продукт двойного назначения», «подножное» оружие, автомобильные шины, названные «колесами истории», маски, булочки г-жи Нуланд и другие инсталляции в полити-

ческую реальность), ритуализованные коммуникации, активность фасцинативных сигналов [Григорьева 2004], [Пастухов 2013], музификация и прочее. Дискурсивная интенсификация символов проявляет суггестивную природу информационной войны.

Показательно расширение гетеротопии «майдан», которое также проходило по сценариям информационной войны — знаковость майдана как протестного политического тренда утверждается новыми топосами: детский майдан, евромайдан в Мадриде, брюссельский евромайдан, литовский майдан, автомайдан и т. д.; топос «антимайдан» («стопмайдан») формировался менее активно и практически был ограничен пределами Украины. Новый виток развития гетеротопии «майдан» связан, с одной стороны, с тенденцией превращения места в зону туристического внимания, с другой — с требованием сохранить Майдан как место возможных активных действий.

На основе гетеротопии «майдан» сформировался и продолжает развиваться в варианте «сабжа» самостоятельный дискурс — «Уроки Майдана», междисциплинарный анализ которого позволит понять колоссальный межнациональный и межличностный продуцирующий потенциал этой специфической гетеротопии. Модели поведения, рожденные Майданом, получают распространение: рождаются новые гетеротопии политического характера, например, Юго-Восток Украины.

Приведем любопытный пример рассуждения о трех событийных уроках Майдана: 1) представление о Майдане как точке бифуркации, проявленной в форме баррикад (*Великое событие упрощает социальную реальность; Иногда хороша определенность баррикады: или с той стороны — или с этой; Для того чтобы продвинуться вперед, обществу иногда следует упроститься*); 2) обязательное наличие результата (*Событие должно привести к какому-либо ощутимому изменению социальной реальности*), 3) конец эпохи бессобытийности (*Главный событийный урок Майдана таков: не следует бояться событий. Не следует стремиться увести страну в болото бессобытийности. В ближайшем будущем событийники будут одерживать верх над бессобытийниками* [Ерёменко 2014]). Вполне естественно, что каждый событийный урок по-своему преломляется в дискурсе информационной войны: в воззваниях, публичных выступлениях, в интервью, комментариях и т. д.

Медийные события политической тематики транспонируются в проблемы организации высказывания, т. е. в языковую про-

блему. «Властвование посредством производства значений», по теории Грамши [Русскова 2006], — одна из основных когнитивных установок политического дискурса. Модусы истины, перцепции («переживаемость» события), оценки, мнения, знания и т. д. [Плотникова 2009] проявляет язык информационных «вбросов» как сенсационных новостей.

Коммуникация — движение смыслов в социальном времени и пространстве. Политическая культура, как и культура вообще, семиотична. Специфика семиозиса (процесса формирования значения) в условиях информационной войны становится особо ощутимой. Дискурс информационной войны демонстрирует движение смыслов, возникающих в результате вовлеченности многих социальных акторов в медийное инсценирование политического события. Самодостаточность и самооценность приобретают номинации, закрепленные за конкретными акторами политических действий.

Гетерономинативность (множественность номинаций, идентифицирующих субъектов действий) в варианте стилистической несовместимости является проявлением информационной войны как борьбы дискурсов. Номинации маркируют факт непримиримости противоборствующих сторон и определяют риторику медийного текста как в письменной, так и в устной форме: *мирные протестующие, митингующие, участники массовых демонстраций, активисты, правозащитники, бойцы революции, герои майдана* — с одной стороны, и *оппозиционеры, штурмовики, террористы, преступники, бандиты, провокаторы, бунтовщики, погромщики, оголтелые экстремисты, неонацисты, радикалы, радикально настроенные участники протеста, захватчики, пророссийские активисты* — с другой. Тенденциозная заданность номинаций очевидна: культивируется и считается единственно справедливым только собственное видение проблемы, признается только своя система ценностей. Когда значение слова сводится к оценке, поднимается уровень влияния названий на поведение людей. Более того, навязываемый разновекторными СМИ дискурс, основывающийся на тенденциозном выборе номинаций, разделяет общество.

В условиях информационной войны происходит челночное движение — от событий к их фиксации в словесно-знаковых формах и от утвержденных в сознании общественности номинаций к новым дискурсивным применениям. При этом для обеих сторон характерна активность дискурсивного ввода «так называемые» как знака отторжения (дистанцирования) от неприемлемой номи-

нации и импульса для взаимных упреков в неправильном (несправедливом) атрибутировании друг друга. Кавычки пополнили список политически маркированных средств (такую маркировку давно имеют предлоги «в» / «на»): закавычиваются те названия, которые представляют «чужой» дискурс. Политический детектив на Украине организует собственное ономастическое поле, в котором номинации оказываются носителями интриги и императивами оценки: *мятеж* или *борьба за свои права*, *наемные провокаторы* или *народные представители* и т. д.

Активность семиозиса соответствует быстроте событий, и та номинация, которая в спокойных условиях могла не оставить следа в политическом лексиконе, дискурсивно утверждается, принося с собой набор идеологических установок и отражаясь на ближайшей «дорожной карте» (*автомайда новцы*, *правый сектор*, *левый сектор*, *красный сектор* и др.). Номинации в условиях информационной войны — это свернутые модели социально-политических действий, определяющие сценарии поведения и характер взаимодействия с другими политическими акторами. Предпочитаемые номинации вписывают группы людей и отдельных личностей в определенные политически маркированные сценарии действий и в сформированную в условиях информационной войны норму их вербального представления. Медианарратив Украины строится на бинарных оппозиционных контекстах и текстах. Бинарная оппозиция оказывается стимулом и принципом расширения дискурса информационной войны.

Предпочитаемые тем или иным информационным каналом номинации субъектов политических действий позволяют успешно решать задачи аффилиации (от англ. *affiliation* — соединение, связь) с определенными группами населения. Ср.: *Бунтари орудут на баррикадах* и *Силовики выполняют свои обязанности по защите порядка*; *Запад поддерживает мирных демонстрантов* и *Мирные демонстранты с „коктейлями Молотова“ в руках*. В диаметральнойности такого рода информации «с места событий» можно усмотреть характерное для информационных войн дискурсивное давление.

В применении определенного типа номинаций можно усмотреть действие принципа социальной фасилитации, влияющей на коммуникативное поведение участников политических действий. Социальная фасилитация (от лат. *socialis* — общественный, *facilitare* — облегчать) — это процесс и результат усиления доминантных реакций в присутствии других, усиление активности дейст-

вий, в том числе оценочно-речевых. Фасилитация как социально-психологический феномен имеет специфическое когнитивно-языковое измерение. Журналисты стремятся создать эффект «своего поля» через специфический комплекс риторических средств. В результате более резкой становится оппозиция «мы/они» (с обеих сторон доминирует вариант «только мы»). В других ситуациях — вне своего поля — политики и журналисты могут использовать другие номинации и другую риторику, что можно считать проявлением конформизма, не чуждого информационным войнам [Майерс 2007].

Холодная война в горячем дискурсе — так можно определить характер информационной войны в Украине «времени икс» как времени революции, переворота, «точки невозврата» и других возможных характеристик, каждая из которых также является носителем признаков информационной войны.

Затянувшаяся, построенная на непримиримости сторон информационная война способствует развитию социальной аномии (от фр. *anomie* — беззаконие, безнормативность) как девиантного состояния, для которого характерен ряд признаков: падение нравов; состояние отчуждения человека или группы лиц; распад норм, регулирующих социальное взаимодействие; чувство потери ориентации в жизни, когда индивид ставится перед необходимостью выполнения противоречащих друг другу норм; диссонанс между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать и подобное. Аномия возникает и развивается не без помощи выбираемого противоборствующими сторонами стиля общения. «Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию», — это фундаментальное суждение Г. Померанца (которое можно ассоциативно объединить со знаменитой фразой диссидента Андрея Синявского, прозвучавшей в 1966 г. на судебном процессе, о том, что его разногласия с властью стилистические) значимо для выявления сути дискурса информационной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Факт // Язык и мир человека. — М. : Языки русской культуры, 1999.
2. Григорьева О. Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2004.
3. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста. URL: http://www.infolex.ru.IZV4_83.html (дата обращения: 25.03.2014).

4. *Ерёменко А.* Событийные уроки Майдана. URL: <http://www.ostrovok.lg.ua> (дата обращения: 28.02.2014).

5. *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб. : Питер, 2007.

6. *Пастухов А. Г.* Документация, оценка и классификация фасцинативных реакций в медиа // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. — Орёл : ФГБОУ ВПО «ОГИиК» : ООО «Горизонт», 2013. Вып. 1. С. 158—174.

7. *Плотникова С. Н.* Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 104—109.

8. *Почепцов Г. Г.* Информационная война: определения и базовые понятия. URL: <http://osvssita.mediasapiens.ua/material/27807> (дата обращения: 16.02.2014).

9. *Романова Т. В.* Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии // Журналистика и культура русской речи. — М. : Изд-во МГУ, 2012. Т. 62. № 2. С. 56—68.

10. *Русакова О. Ф.* Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Политэкс: политическая экспертиза. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. № 3. URL: <http://www.politex.info/content/view/267/40> (дата обращения: 17.04.2014).

11. *Харламов Н.* Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества // Журнальный клуб Интелрос «Синий диван». 2010. № 15. С. 189—197. URL: http://www.intelros.ru/pdf/siniy_divan/15/15/pdf (дата обращения: 16.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Ян Кэ Yang Ke

Гуанчжоу, Китай Guangzhou, China

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОЙ РУСИСТИКЕ

Аннотация. Представлен обзор работ, позволяющий судить о современном состоянии исследования проблемы русского политического языка в китайской русистике. Охарактеризовано основное содержание исследований данной проблематики, основные исследовательские подходы и методы, указываются перспективные направления дальнейшего исследования. Главным образом политический язык рассматривается китайскими учеными в трудах, посвященных политической метафоре и функциональным стилям речи. Только недавно стали употребляться термины «политическая коммуникация», «политический язык», «политическая лингвистика», что свидетельствует о росте интереса к данной проблематике и ее осознании на более глубоком уровне.

Ключевые слова: русский политический язык; современное состояние изучения; перспективы исследования; политический дискурс; китайская русистика.

Сведения об авторе: Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор, замдиректора Института европейских языков и культур, ГУИЯ и МТ; руководитель Русского центра при ГУИЯ и МТ (создан при поддержке фонда «Русский мир»).

Место работы: Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли (ГУИЯ и МТ, Гуанчжоу).

Контактная информация: 510420, КНР, пров. Гуандун, г. Гуанчжоу, Байюньдадао Бэй № 2, ГУИЯ и МТ, Институт европейских языков и культур.
e-mail: mashayang1963@aliyun.com.

THE STUDY OF THE RUSSIAN POLITICAL LANGUAGE IN CHINESE RUSISTICS

Abstract. This article presents an overview of the current state of research problems in the Russian political language Chinese Rusistics. It discusses the main content of the research of this problem, basic approaches and research methods, also highlighted as well as prospects for further study. Political language is primarily studied by the Chinese scientists from the point of view of political metaphor and functional styles. The terms “political communication”, “political language”, “political linguistics” have been recently introduced, which proves the growth of interest to this problem and its consideration on a more serious level.

Key words: Russian political language; current state of research; prospects of research; political discourse; Chinese Rusistics.

About the author: Yang Ke, PhD, Professor, Deputy Director of the Faculty of European Languages and Cultures; Director of the Russian Centre at the Russky mir Foundation.

Place of employment: Guangdong University of Foreign Studies (Guangzhou).

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

«Формулировка „политический язык“ до сегодняшнего дня является спорной как в российской лингвистике, так и в лингвистике за рубежом России, в том числе и среди китайских ученых-лингвистов. Ученые, которые выступают за данное выражение, считают, что понятие „политический язык“ так же, как и понятия „официально-деловой язык“, „научный язык“ или „разговорный язык“, имеет право на существование. Сторонники противоположной точки зрения полагают, что „собственно языковые черты своеобразия политической коммуникации немногочисленны и малосущественны, что они не выходят за рамки грамматических и даже лексических норм русского языка“ [Чудинов 2006: 32]. Поэтому, употребляя термин «политический язык», А. П. Чудинов

подчеркивает, что «это, конечно, не особый национальный язык, а ориентированный на сферу политики вариант национального (русского, английского или иного) языка» [Там же: 32]. В лингвистике под речью (речевой деятельностью) понимается процесс употребления языка — результатом, продуктом речевой деятельности является текст; таким образом, «политическую речь» можно рассматривать как процесс создания политического текста средствами национального языка.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ

История исследований политического языка берет начало еще в Античности. Однако отдельную, специфическую сферу языкознания такие исследования составили лишь в XX в. В 90-е гг. XX в. в России поя-

вился ряд важных лингвистических работ, посвященных проблемам данного направления [Алтуляян 1993, 1999; Проскуряков 1999, Шейгал 2000 и др.]. В конце XX — начале XXI в. сформировалась политическая лингвистика как самостоятельная научная дисциплина. В 2003 г. было опубликовано первое в России учебное пособие по данной проблематике — «Политическая лингвистика» [Чудинов 2003]. В России так же, как и в других странах мира, объем исследований политической коммуникации заметно вырос, более того, продолжают появляться новые важные работы, постоянно возникают новые аспекты исследований. Всё это требует комплексного осмысления истории, современного состояния, законов развития исследований политической коммуникации, а также взаимодействия данного научного направления со смежными науками. В таком контексте на стыке лингвистики и политологии развивается политическая лингвистика — область языкознания, которая тесно связана с другими современными отраслями науки о языке, особенно с прагматикой, коммуникативной лингвистикой и когнитивной лингвистикой.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОЙ РУСИСТИКЕ

На фоне исследовательского бума в политической лингвистике в России считаем необходимым провести аналитический обзор исследований политического языка в рамках китайской русистики. Как уже сказано выше, в России политическая лингвистика как самостоятельное направление в науке стала развиваться сравнительно недавно (20—30 лет назад), в связи с чем в китайской русистике до этого также не было специальных исследований, посвященных политическому языку, или, скорее, не сформировалось осознанное представление о целенаправленном изучении политического языка. К тому же исследования политической коммуникации нередко «представляются читателям как бы „в маске“, то есть без акцентирования собственно лингвополитической сущности публикации» [Чудинов 2009: 24]. В связи с этим А. П. Чудинов справедливо отмечает: «Во-первых, некоторые авторы часто представляют свои результаты как относящиеся к современному русскому языку в целом. Во-вторых, материалы по исследованию политической коммуникации часто представляются как результаты изучения языка средств массовой информации» [Там же: 24].

1. Тип журналов, в которых публикуются статьи, посвященные вопросам изучения политического языка. Анализ изданий,

где были опубликованы статьи интересующей нас тематики, позволяет сделать вывод, что поначалу соответствующие исследования были представлены в основном в непрофильных или неакадемических журналах. Например: «Об общественно-политической лексике русского языка новой эпохи и изменении ее употребления» [Ло Маньжун 2005], «Новые языковые особенности публицистического стиля современного русского языка» [Сюй Сяодан 2007]. Первая статья опубликована в журнале «Высшее сельскохозяйственное образование», который явно не является авторитетным изданием в области филологических наук, а вторая — в журнале «Ход истории», который представляет собой ежемесячное издание, посвященное политическим и историческим вопросам. За 30 лет — с 1980 по 2010 г. — в наиболее авторитетном для китайских русистов научном журнале «Русский язык в Китае» (вестник КАПРЯЛ) были опубликованы только четыре статьи, в которых в той или иной степени затрагивается интересующая нас проблематика, а именно: «Об особенностях публицистического языка Ленина» [Цао Гоцюань], «Об изменениях газетно-публицистического языка» [Сунь Ханьцзюнь 2000], «Диалогичность публицистического текста русского языка и ее языковые средства выражения» [Ван Синьи 2007], «О прагматических особенностях и средствах языкового выражения газетно-политического медиатекста русского языка» [Ван Цзиньлин, Ма Цзяньгуан 2008].

Только совсем недавно в специализированных научно-исследовательских журналах начали появляться работы китайских русистов, рассматривающие различные аспекты политического языка, например «Критический анализ русских политических текстов» [Ван Цзиньлин 2009] и др. Проект данного автора даже финансируется государством (Комитет по исследованиям в области гуманитарно-социальных наук при Управлении образования провинции Цзилинь оказал финансовую поддержку исследованию «Критический анализ русских политических текстов»).

2. Основное содержание исследований политического языка в китайской русистике. Вопросы, связанные с политическим языком, рассматриваются в основном в диссертациях молодых китайских русистов, в работах магистрантов и докторантов — прежде всего в работах, посвященных проблемам политической метафоры, функциональных стилей речи, в первую очередь публицистического стиля, а также политических текстов: «Язык русской публицистики новой эпохи» [Чжао Цзе 2002], «Политическая метафора

в современных российских СМИ» [Дуань Доцзяо 2006], «Политическая метафора в российском газетном тексте» [Хуан Цюфэн 2007], «Диффузная тактика в русском политическом тексте» [Цзян Хунцзюань 2007], «Изучение риторических фигур в политических текстах» [Цао Яньвэй 2007], «Анализ культурно-когнитивных особенностей политической метафоры в русском и китайском языках» [Фэн Цзиньфэн 2008], «Политические метафоры в русских публицистических текстах» [Чжу Лэй 2009], «„Диалогизация“ языка публицистики в постсоветский период» [Чжао Цзе 1996], «Об особенностях метафоры в русской публицистике» [Ли Юпин 2000], «Функции концептуальной метафоры в русских политических текстах» [Ван Сюцин 2002], «Основные черты современной российской публицистики» [Янь Чжи Кэ 2003], «О функциях и употреблении метафоры цвета в политических текстах» [Лу Янь 2006], «Функции метонимии в русских политических текстах» [Сюй Цуньян, Сунь Лэй 2009], «Исследование жанровой интертекстуальности в газетно-публицистическом стиле русского языка» [Вэй Минь 2009], «Исследование прецедентных феноменов в русских политических анекдотах» [Лю Ся 2011].

Анализ содержания работ также показывает, что внимание китайских исследователей сосредоточено на изучении общественно-политической лексики и политической метафоры русского языка, особенно на изучении данных лингвистических объектов в период трансформации российского общества — см., в частности: «Изменения в лексической системе современной российской публицистики» [Чжао Дзе, Ли Яцюнь 2004], «Психологическая ориентация русского народа в интерпретации политической лексики» [Сюй Хайянь 2007]. Проблемы развития политической лексики обсуждались в работах таких китайских русистов, как Чжан Хуйсэн, Чэн Цзяцзюнь, Ван Янчжэн.

Однако необходимо заметить, что в перечисленных выше работах политическая лексика и политическая метафора не рассматриваются в аспекте взаимоотношений языка и политики. Или, по крайней мере, такое рассмотрение не является осознанным, то есть авторы работ проводят свои исследования, не опираясь на ставшее сегодня базовым положение о том, что язык имеет особо важное значение для политики.

3. Методы и подходы, использующиеся в исследованиях политического языка в китайской русистике. Что касается подходов и методов, используемых китайскими учеными в исследованиях русского политического языка, то они различаются в зависи-

мости от конкретных объектов рассмотрения. Так, исследования общественно-политической лексики русского языка осуществляются главным образом в лексикографическом, стилистическом и семантическом аспектах, а вопросы политической метафорологии рассматриваются в основном с когнитивной точки зрения. Можно найти, хотя их сравнительно мало, работы сопоставительного характера, работы, посвященные вопросам перевода политических текстов, и работы, содержащие лингвокультурный анализ текстов политического характера.

4. Новейшие достижения в области исследования политического языка в китайской русистике. До 2010 г. в исследованиях китайских русистов не употреблялись такие термины, как «политическая коммуникация», «политический язык», «политическая лингвистика».

Монографию молодого китайского исследователя Тянь Юань «Русский речевой этикет в общественно-политической сфере общения (функционально-прагматический подход)» [Тянь Юань 2010] можно считать одной из самых первых работ, касающихся вопросов политической коммуникации на русском языке. В монографии рассматриваются особенности функционирования русского речевого этикета в общественно-политической сфере общения. Научная новизна работы заключается в том, что в ней представлен опыт исследования закономерностей употребления русского речевого этикета в общественно-политической сфере общения на основе анализа его средств, стратегий и тактик речевого поведения; дается трактовка рассматриваемых объектов с точки зрения социо- и психолингвистики. Выявлена специфика ситуаций, ролей коммуникантов и моделей речевого этикета для установления, поддержания и завершения успешного политического общения с учетом разнообразных стратегических и тактических речевых действий. В ряде работ данного автора, опубликованных в российских журналах и сборниках, употребляется термин «общественно-политическая сфера общения», например: «Обращение к В. В. Путину как средство выражения речевого этикета в общественно-политической сфере общения» [Тянь Юань 2006], «Обращение к народу как средство адресации в общественно-политической сфере общения» [Тянь Юань 2007а], «Ироническое использование речевого этикета при нарушении толерантности общения (на материале политических теледебатов)» [Тянь Юань 2007б].

Что касается новейших исследовательских достижений китайских русистов в об-

ласти политической лингвистики, то нельзя не упомянуть статьи другого молодого ученого, Лу Диндин: «О создании политической лингвистики как дисциплины — обзор и отзыв о „Политической лингвистике“» [Лу Диндин 2011]. Именно данная статья дала китайским читателям возможность познакомиться с одной из наиболее важных работ российских ученых в области исследования политического языка — с учебным пособием проф. А. П. Чудинова «Политическая лингвистика». В статье Лу Диндин подробно проанализировано основное содержание работы А. П. Чудинова. Автор статьи высоко оценивает данное учебное пособие, считая, что его выход в свет имеет важное значение как для изучения вопросов взаимоотношения языка и политики, так и для оформления политической лингвистики в качестве самостоятельной дисциплины. В конце своей статьи Лу Диндин с уверенностью отмечает, что хотя в России как самостоятельная научная дисциплина политическая лингвистика пока признана далеко не всеми учеными-лингвистами, как правильно заметила российский исследователь Е. О. Опарина, рано или поздно появится и политическая лингвистика, подобно тому как появились в свое время психолингвистика, социолингвистика и юридическая лингвистика.

Почти одновременно с работой Лу Диндин вышла в свет статья-обзор, которая знакомит китайских читателей с историей и современным состоянием исследований политической коммуникации в России — «Исследование политической коммуникации в России: история и современность» [Ян Кэ 2011]. С тех пор в работах китайских русистов встречаются такие термины, как «политическая коммуникация», «политический дискурс», «политическая лингвистика». Работа «Обзор исследований речи российских политиков с точки зрения политической коммуникации» [Ян Кэ 2012а] дает возможность китайским ученым получить общую информацию о новейших достижениях в изучении речи российских политиков в России. Статья «Современная политическая лингвистика — новое междисциплинарное направление» [Ян Кэ 2012б], опубликованная в вестнике КАПРЯЛ «Русский язык в Китае», одном из авторитетных журналов в сфере китайских русистов, является первой попыткой описания появления и развития политической лингвистики как самостоятельного научного направления. В «Обзорной информации об исследованиях культуры речи политиков в России» [Ян Кэ 2012в] описывается современное состояние исследований одной из важных проблем, волнующих многих рос-

сийских ученых, может быть, и не только ученых, — культуры речи современных российских политиков. В статье «Изучение политического дискурса — новое направление в российских лингвистических исследованиях» [Ян Кэ 2013] прежде всего говорится о том, как понимается политический дискурс российскими учеными, представлены узкое и широкое понимания данного термина. Автор статьи также стремился познакомить своих читателей с главными подходами российских ученых к изучению политического дискурса. В 2012 г. в Китае вышел перевод одного из фундаментальных исследований русского политического языка — «Политической лингвистики» А. П. Чудинова [перевод Ян Кэ, Гуо Ли, Ху Жун Чжэ 2012]. Вниманию китайского читателя предлагается по существу новый учебник. Значительно расширено содержание глав, написаны новые разделы, уточнены многие теоретические положения, подобраны новые примеры, отражающие своеобразие политической коммуникации последних лет.

Если в перечисленных выше работах внимание акцентируется на вопросах, относящихся к теоретическим основам политической лингвистики, теории политической коммуникации, дается обзор исследований в этой области, то статья «Жаргонизация в современной российской политической коммуникации» [Ян Кэ 2011] представляет собой попытку анализа конкретного материала, взятого из политических текстов. Примечателен и тот факт, что были переведены наиболее значимые статьи, посвященные интересующей нас проблематике: «Когнитивная теория метафоры: новый подход» (автор А. П. Чудинов, перевод: [Ху Жун Чжэ 2011]), «Дискурсивные характеристики политической коммуникации» (автор А. П. Чудинов, перевод: [Фэй Цзюньхуй 2013]). Такие работы помогают китайским ученым получить информацию о ходе исследований проблем взаимоотношения политики и языка в России, а также способствуют исследовательской деятельности китайских лингвистов вообще и китайских русистов в особенности.

Очевидно, что основную часть публикаций китайских русистов о политическом языке составляют работы, посвященные изучению политической лексики и политической метафоры. Однако в подобных работах политическая лексика и политическая метафора исследуются главным образом с собственной лингвистической точки зрения, а не с позиций политической лингвистики; по крайней мере, китайские исследователи пока еще не рассматривают данные объекты в аспекте взаимоотношений языка и полити-

ки, часто не учитывают, что многие языковые проблемы — это проблемы с особой политической значимостью.

В настоящее время в связи с заметной активизацией разнообразных контактов между Россией и зарубежными странами, а также с усилением демократизации и открытости российского общества значительно расширился состав жанров политического дискурса и моделей политической коммуникации в России. Все эти факты — лингвистические и экстралингвистические — служат стимулом для быстрого развития исследований, в том числе междисциплинарных, политического языка и политической коммуникации. Хотя долгое время в соответствующих работах китайских русистов не наблюдалось никаких признаков того, что их авторы относятся к русскому политическому языку как к особому объекту изучения и что это принципиальный, сознательный подход, фактически данные работы вполне можно отнести к сфере исследования политического языка, то есть по сути это работы по политической лингвистике, но как бы в своеобразной «маске» (по словам А. П. Чудинова). Следовательно, можно условно считать, что обсуждаемые научные работы положили начало изучению политического языка в китайской русистике.

К сегодняшнему дню китайскими русистами уже многое сделано в области исследования политического языка, но этого еще не достаточно. Считаем, что нам предстоит долгий и нелегкий путь в этом плане: с одной стороны, актуальным для нас будет систематический анализ основных теорий и методов, применяемых российскими учеными в этой области, а с другой стороны, не менее важным будет проведение соответствующих собственных практических исследований, анализ огромного количества политических текстов. Кроме того, важное место должно занимать и сопоставительное исследование китайского и русского политического языка.

Надеемся, и в то же время есть все основания для уверенности, что всё больше и больше китайских ученых будет обращаться к исследованию политического языка. Теоретические достижения, новые методы исследований, а также практический опыт в этой области будут осваиваться китайскими учеными и использоваться в их исследовательской деятельности. Всё больше и больше китайских специалистов будет уделять внимание данной проблематике. Одновременно мы должны в полной мере учитывать сложность изучения политического языка. Кроме того, следует подчеркнуть,

что изучение политического языка не только способствует развитию лингвистики в целом, но и играет очень важную роль в преподавании русского языка как иностранного: оно помогает китайским студентам повышать уровень риторической и общей грамотности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Синь. Диалогичность публицистического текста русского языка и ее языковые средства выражения // Русский язык в Китае. — Пекин, 2007. № 1.
2. Ван Сюцинь. Функции концептуальной метафоры в русских политических текстах // Вестн. пед. ун-та Внутренней Монголии. Сер. : Педагогические науки. — Хух-Хото, 2002. № S1.
3. Ван Цзиньлин, Ма Цзяньгуан. О прагматических особенностях и средствах языкового выражения газетно-политического медиатекста русского языка // Русский язык в Китае/ — Пекин, 2008. № 4.
4. Ван Цзиньлин. Критический анализ русских политических текстов // Изучение иностранных языков. — Харбин, 2009. — № 3.
5. Вэй Минь. Исследование жанровой интертекстуальности в газетно-публицистическом стиле русского языка : магистерская дис. / Хунаньский пед. ун-т. — Чанша, 2009.
6. Дуань Доцзяо. Политическая метафора в современных российских СМИ : магистерская дис. / ГУИЯ и МТ. — Гуанчжоу, 2006.
7. Ли Юпин. Об особенностях метафоры в русской публицистике // Вестн. Ин-та иностранных языков НОАК. — Лоян, 2000. № 5.
8. Ло Маньжун. Об общественно-политической лексике русского языка новой эпохи и изменении ее употребления // Высшее сельскохозяйственное образование. — Шэньян, 2005. № 2.
9. Лу Диндин. О создании политической лингвистики как дисциплины — обзор и отзыв о «Политической лингвистике» // Современные исследования иностранных языков. — Шанхай, 2011. № 1.
10. Лу Янь. О функциях и употреблении метафоры цвета в политических текстах : магистерская дис. / Цзилиньский ун-т. — Чанчунь, 2006.
11. Лю Ся. Исследование прецедентных феноменов в русских политических анекдотах : магистерская дис. / Северо-Восточный китайский пед. ун-т. — Чанчунь, 2011.
12. Сунь Ханьцзюнь. Об изменениях газетно-публицистического языка // Русский язык в Китае. — Пекин, 2000. № 3.
13. Сюй Сяодан. Новые языковые особенности публицистического стиля современного русского языка // Научно-техническая информация (научные исследования). — Цзинань, 2007. № 30.
14. Сюй Хайянь. Психологическая ориентация русского народа в интерпретации политической лексики // Ход истории. — Пекин, 2007. № 5.
15. Сюй Цуньян, Сунь Лэй. Функции метонимии в русских политических текстах // Изучение иностранных языков. — Харбин, 2009. №4.
16. Тянь Юань. Обращение к В. В. Путину как средство выражения речевого этикета в обществен-

но-политической сфере общения // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик : материалы 1-й Междунар. науч. конф. (28 нояб. — 1 дек. 2006 г.).

17. Тянь Юань. Обращение к народу как средство адресации в общественно-политической сфере общения // Русский язык за рубежом. — М., 2007а. № 3.

18. Тянь Юань. Ироническое использование речевого этикета при нарушении толерантности общения (на материале политических теледебатов) : доклад на 8-х Кирилло-Мефодиевских чтениях (М., Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 15 мая 2007 г.). — М., 2007б.

19. Тянь Юань. Русский речевой этикет в общественно-политической сфере общения (функционально-прагматический подход). — Ухань : Изд-во Ухан. ун-та, 2010.

20. Фэй Цзюньхуй. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Вестн. Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли. — Гуанчжоу, 2013. № 6.

21. Фэн Цзиньфэн. Анализ культурно-когнитивных особенностей политической метафоры в русском и китайском языках : магистерская дис. / Хунаньский пед. ун-т. — Чанша, 2008.

22. Ху Жунчжэ. Когнитивная теория метафоры: новый подход // Вестн. Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли. — Гуанчжоу, 2011. № 6.

23. Хуан Цюфэн. Политическая метафора в российском газетном тексте : магистерская дис. / Цзилиньский ун-т. — Чанчунь, 2007.

24. Цао Гоцюань. Об особенностях публицистического языка Ленина // Русский язык в Китае. — Пекин, 1989. № 4.

25. Цао Яньвэй. Изучение риторических фигур в политических текстах : магистерская дис. / Цзилиньский ун-т. — Чанчунь, 2007.

26. Цзян Хунцзюань. Диффузная тактика в русском политическом тексте : магистерская дис. / Цзилиньский ун-т. — Чанчунь, 2007.

27. Чжао Дзе, Ли Яцюнь. Изменения в лексической системе современной российской публицистики // Вестн. Хэйлунцзянского ин-та образования. — Харбин, 2004. № 4.

28. Чжао Цзе. «Диалогизация» языка публицистики в постсоветский период // Исследования преподавания иностранных языков : сб. 10-й ежегод. конф. Ассоциации исследования иностранных языков провинции Хэйлунцзян. — Харбин, 1996.

29. Чжао Цзе. Язык русской публицистики новой эпохи : докторская дис. / Хэйлунцзянский ун-т. — Харбин, 2002.

30. Чжу Лэй. Политические метафоры в русских публицистических текстах : магистерская дис. / Харбинский пед. ун-т. — Харбин, 2009.

31. Ян Кэ. Жаргонизация в современной российской политической коммуникации // Вестн. Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли. — Гуанчжоу, 2011. № 5.

32. Ян Кэ. Исследование политической коммуникации в России: история и современность // Русский язык и литература во времени и пространстве : 12 конгр. Междунар. ассоц. преподавателей русского языка и литературы / под ред. Вербицкой Л. А., Лю Лиминя, Юркова Е. Е. — Шанхай, 2011.

33. Ян Кэ. Обзор исследований речи российских политиков с точки зрения политической коммуникации // Современные проблемы славянской филологии — глобализация и обучение русскому языку : сб. ст. 4-й Междунар. науч. конф. — Тайбэй, 2012а.

34. Ян Кэ. Современная политическая лингвистика — новое междисциплинарное направление // Русский язык в Китае. — Пекин, 2012б. № 1.

35. Ян Кэ. Обзорная информация об исследованиях культуры речи политиков в России // Речеведческие исследования в русистике : сб. ст. Междунар. конф. — Хайкоу : Изд-во «Нанфан», 2012в.

36. Ян Кэ. Изучение политического дискурса — новое направление в российских лингвистических исследованиях // Вестн. Гуандунского ун-та иностранных языков и междунар. торговли. — Гуанчжоу, 2013. № 6.

37. Ян Кэ, Гуо Ли, Ху Жун Чжэ (пер.). Политическая лингвистика : пер. на кит. яз. / А. П. Чудинов. — Хайкоу : Изд-во «Нанфан», 2012.

38. Янь Чжи Кэ. Основные черты современной российской публицистики // Вестн. Хунаньского пед. ун-та. Сер. общественных наук. — Чанша, 2003. № 1.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'271
ББК Ш143.21-55

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.27
Е. Ю. Алёшина Е. Yu. Aleshina
Пенза, Россия Penza, Russia

Код ВАК 10.02.04

ФАКТОРЫ РЕГУЛЯЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В СИТУАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА (на материале английского языка)

Аннотация. Рассмотрены особенности речевого общения в ситуации политического конфликта — холодной войны — на материале выступлений американских политиков XX в. Факторы речевого общения соотнесены со структурой конфликтной ситуации. Политический конфликт представляет собой противодействие субъектов политики, происходящее из несовместимых политических интересов, целей и ценностей. В политический конфликт входят следующие компоненты: участники, объект (предмет) конфликта, косвенные стороны, третья сторона (посредники, арбитры), окружающая социальная среда. Две основные стратегии конфликта — партнерства и напористости.

Ключевые слова: конфликтная ситуация; речевое общение; политический дискурс; диктема.

Сведения об авторе: Алёшина Екатерина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка и методики преподавания английского языка.

Место работы: Педагогический институт им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, корп. 11, к. 474.
e-mail: alcatherine@yandex.ru.

REGULATION FACTORS OF SPEECH COMMUNICATION IN A POLITICAL CONFLICT SITUATION (on the basis of the English Language)

Abstract. The article considers speech communication in a situation of political conflict as based on public speeches of the 20th century American politicians. Regulation factors of speech communication correlate with the structure of a conflict situation. Political conflict is a contradiction of politicians which is caused by incompatible political interests, aims and values. Political conflict includes the following components: participants, object (subject) of the conflict, indirect parties, the third party (mediator, arbiter), social environment. Two main strategies of the conflict are partnership and aggressiveness.

Key words: conflict situation; speech communication; political discourse; dicteme.

About the author: Aleshina Ekaterina Yuryevna, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of English and ELT Methodology.

Place of employment: V. G. Belinsky Pedagogical Institute, Penza State University.

В современных условиях политической, экономической и культурной глобализации исследования политического дискурса не только не теряют своей актуальности, но и постоянно обогащаются новым спектром проблем, изучение которых проходит на стыке научных дисциплин и методологий. Политический конфликт — сложное явление, присущее любой политической системе и самому феномену власти. Детального лингвистического изучения требуют функционально-коммуникативная сфера политической системы в целом и вербальное выражение конфликта в частности. По определению Т. ван Дейка, «воспроизводство политической информации, как правило, является также воспроизводством политического дискурса по причине тесной взаимосвязи между политическими действиями, участием в политических процессах, с одной стороны, и коммуникацией и дискурсом, с другой» [Ван Дейк 2013: 192]. Исследование регуляции

речевого общения в ситуации конфликта представляет интерес как для филолога, так и для социолога-конфликтолога, поскольку методология политической конфликтологии может пополниться лингвистическими методами, выявляющими речевую обусловленность и выраженность конфликтных противоречий.

Исследованию политической коммуникации посвящено множество работ, которые можно отнести к трем основным направлениям [Будаев, Чудинов 2008]: риторическому (Р. Айви, Р. Д. Андерсон, Р. Карпентер и др.), когнитивному (Дж. Лакофф, М. Джонсон, П. Друлак и др.), дискурсивному (Т. ван Дейк, Н. Фэрклау, Р. Водак и др.). Различные аспекты и проблемы политического дискурса активно разрабатываются отечественными исследователями (В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, Г. Г. Почепцов, В. Е. Чернявская и др.). Вербальные аспекты конфликта были рассмотрены представителями критического

дискурс-анализа, направленного на изучение злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства (Т. ван Дейк, Н. Фэрклау, Р. Водак и др.).

Наше исследование текста конфликтной ситуации основано на теории факторов речевого общения, выдвинутой М. Я. Блохом [Блох 2013: 8—9]. Определяя акт речевого общения как тесный сплав культуры (системы интеллектуальных ценностей) и языка (системы вербальных инструментов создания этих ценностей), М. Я. Блох выделяет семь факторов речевого общения, открытых для изучения в культурно-контекстной синтагматике, системно-языковой парадигматике и психосоциоповеденческой прагматике.

Конфликт можно определить как противодействие интересов сторон, находящее выражение в некоторых действиях, направленных сторонами друг против друга. В зависимости от природы конфликта действия могут быть речевыми, общественными, политическими, военными. В социокультурном смысле конфликт составляет необходимую характеристику любого сообщества, которое консолидируется, противопоставляясь другим, поскольку дихотомия «друг» — «враг» является определяющей для самой природы человека. Политический конфликт представляет собой противодействие сторон — субъектов политики, причиной которого являются несовместимые политические интересы, цели и ценности, связанные с политической властью, которая, в свою очередь, является основным объектом политического конфликта.

Рассмотрев несколько моделей конфликта, Г. И. Козырев предлагает следующую описательную статичную структуру политического конфликта как «идеального типа» явления (по М. Веберу):

- две или более стороны (субъекта) конфликта (участники, сторонники, внутренняя оппозиция, пятая колонна);
- объект (предмет) конфликта;
- косвенные стороны конфликтов (организаторы-сценаристы, провокаторы);
- третья сторона (посредники, судьи-арбитры);
- окружающая социальная среда [Козырев 2008: 189—190].

Каждый из этих элементов имеет сложную структуру с несколькими составляющими и отношениями между ними.

Специфика конфликта определяется социально-историческими условиями, в которых он возникает, ситуацией. Ситуация, в нашем понимании, представляет определенный временной срез, является составной

частью события. При этом конфликтную ситуацию можно определить как совокупность обстоятельств, в которых проявляется противодействие интересов сторон, что, в свою очередь, находит выражение в направленных ими друг против друга действиях. В процессе развертывания конфликтной ситуации можно выделить несколько этапов: 1) возникновение и формирование конфликтной ситуации; 2) развитие конфликта; 3) разрешение конфликта; 4) послеконфликтная стадия [Козырев 2008: 257]. Формы проявления конфликтной ситуации могут быть различными: словесная агрессия, физическая агрессия, скандал, бойкот, саботаж, забастовка, бунт, война, революция [Козырев 2008: 273].

Наше понимание конфликтной ситуации как феномена, отражаемого на стыках наук, в котором, наряду с социально-психологическими и историко-политическими составляющими, важное место занимает ситуация речевого общения, позволяет рассмотреть факторы речевого общения в контексте политического конфликта. В данной статье рассмотрены факторы регуляции речевого общения в ситуации политического конфликта холодной войны, в котором противостояние сторон имело яркое вербальное выражение.

По М. Я. Блоху, первый фактор регуляции речевого общения — целевое содержание речи (высказывания), определяющий, **что говорится и для чего говорится** — эти два начала формируют своеобразную рамку коммуникативного смысла высказывания [Блох 2013: 8]. В соответствии с нашим пониманием политического конфликта как противодействия сторон, определяемого властными отношениями, можно выделить основной прагматический мотив в дискурсе политического конфликта: утверждение власти, стремление к доминированию. Этот мотив, в свою очередь, реализуется в широком спектре речевых актов — от логически аргументированного выражения своей позиции до высказывания с выражением агрессии по отношению к оппоненту. Степень агональности речевого акта зависит от этапа, формы конфликта и отношений между участниками конфликтного взаимодействия. Раскрытие фактора целевого содержания речи (высказывания) в конфликтной ситуации может быть связано с изучением текста-дискурса, который, по утверждению М. Я. Блоха, является непосредственным результатом каждого акта речевого общения [Там же: 5]. Информационная структура текста обнаруживается в процессе его диктменного развертывания. Диктема как единица тематизации текста обеспечивает формирование речевой последовательности. Аспекты речи, выражаемые

диктемой (номинация, предикация, тематизация, стилизация), определяют значимые текстовые характеристики [Блох 2000].

Политический дискурс — текст, определенный тематикой утверждения и выражения интересов субъектов политики и рассмотренный в ситуации общения, в которой этот текст разворачивается, — в ситуации борьбы за власть и действий по формированию общественного мнения.

Различные типы информации актуализируются в диктеме политического текста-дискурса в речевых актах различной степени агональности, получая конкретное выражение в элементах «коммуникативного треугольника» — коммуникативных типах предложения: заявления, побуждения, вопросе. Проиллюстрируем сказанное отрывком из обращения американского президента Дж. Ф. Кеннеди к американскому народу во время Карибского кризиса 22 октября 1962 г. Данное выступление представляет собой реакцию американского президента на факт размещения Советским Союзом оружия на Кубе, является ярким образцом текста конфликтной ситуации и свидетельствует об этапе эскалации конфликта.

But this secret, swift, extraordinary buildup of Communist missiles -- in an area well known to have a special and historical relationship to the United States and the nations of the Western Hemisphere, in violation of Soviet assurances, and in defiance of American and hemispheric policy — this sudden, clandestine decision to station strategic weapons for the first time outside of Soviet soil — is a deliberately provocative and unjustified change in the status quo which cannot be accepted by this country, if our courage and our commitments are ever to be trusted again by either friend or foe. — Но это тайное, быстрое, внеплановое размещение советских ракет на территории, которая, как известно, имеет особую историческую связь с США и государствами Западного полушария, ставшее нарушением советских гарантий и пренебрежением к политике Америки и полушария, — это внезапное, скрытое решение разместить стратегическое оружие впервые вне советской территории, является преднамеренно провокационным и необоснованным изменением в статус-кво, которое не может быть принято нашей страной, если в наше мужество и наш долг смогут когда-либо поверить вновь и друг, и враг.

Данное высказывание-диктема характеризуется высокой степенью импрессивности. Импрессивная информация актуализируется в тексте с помощью комбинации тропов и стилистических фигур речи: параллельных

синтаксических структур, эпитетов *sudden, clandestine, swift, deliberately provocative, unjustified*. Это высказывание-заявление представляет также и речевой акт обвинения-предостережения.

Рассматриваемая диктема позволяет выявить такой важный элемент конфликтного политического дискурса, как саморепрезентация конфликтующей стороны. Дж. Ф. Кеннеди ассоциирует США с другими государствами Запада, противопоставленными Советскому Союзу, и подчеркивает разделение мира «железным занавесом» холодной войны (*to the United States and the nations of the Western Hemisphere, in defiance of American and hemispheric policy*). Отрицательная репрезентация противника-оппонента противопоставлена саморепрезентации, положительное начало которой можно вывести с помощью имплицатуры «Мы (США), вместе с другими государствами Запада, не поступаем таким вероломным образом, как СССР, и вынуждены защищаться».

Таким образом, целевое содержание высказывания в ситуации политического конфликта может быть определено путем анализа текста-дискурса конфликтной ситуации с выявлением значимых речевых актов и информационных характеристик текста.

Второй фактор регуляции речевого общения по М. Я. Блоху — личностный статус говорящего. В личностный статус входят характеристики, которые формируют «языковую личность» участника конфликтной ситуации (субъекта, сторонника, члена оппозиции, члена пятой колонны). Личностные характеристики включают нравственный облик, темперамент, общественное положение, род занятий, образовательный уровень, умственные способности и др. Ситуация политического конфликта предполагает, что поведение участника — субъекта политики определяется объективными дипломатическими нормами. Однако, на наш взгляд, стиль поведения «языковой личности» в ситуации политического конфликта находится в соответствии со стилями поведения, содержащимися в двухмерной модели К. У. Томаса и Р. Х. Килменна. Согласно этой модели, выделяются две основные стратегии поведения в конфликте: стратегия партнерства и стратегия напористости. Внутри стратегий существует пять основных тактик поведения в конфликте:

- избегание (уход, уклонение) — стремление не видеть разногласий, отрицать конфликт, считая его безопасным;
- уступка (приспособление) — стремление сохранить или наладить благоприятные отношения путем сглаживания разногласий;

- **противоборство** (соперничество, конкуренция) — стремление настоять на своем путем открытой борьбы за свои интересы, жесткая позиция борьбы в случае сопротивления;

- **компромисс** — доминирует стремление урегулировать разногласия путем частичных уступок в ответ на уступки оппонента;

- **сотрудничество** — поиск решений, полностью удовлетворяющих интересы обеих сторон, в ходе открытого обсуждения [Морозов 2002: 93—94].

Стратегия партнерства может быть проиллюстрирована речевым поведением президента Дж. Ф. Кеннеди, на время правления которого пришелся период эскалации серьезного политического конфликта (холодной войны). Напряженность выразилась в Берлинском кризисе 1961 г. и Карибском кризисе 1962 г. Соблюдая каноны международной дипломатии даже в самые тяжелые моменты кризиса, Дж. Ф. Кеннеди стремился к компромиссному решению внешнеполитических проблем. Стремление к сотрудничеству в отношениях с СССР становится более очевидным с 1963 г. Публичные политические выступления президента Кеннеди содержат многочисленные высказывания о необходимости установления взаимопонимания между двумя странами.

So let us begin anew — remembering on both sides that civility is not a sign of weakness, and sincerity is always subject to proof. Let us never negotiate out of fear, but let us never fear to negotiate.

Let both sides explore what problems unite us instead of belaboring those problems which divide us.

Let both sides, for the first time, formulate serious and precise proposals for the inspection and control of arms, and bring the absolute power to destroy other nations under the absolute control of all nations.

And, if a beachhead of cooperation may push back the jungle of suspicion, let both sides join in creating a new endeavor — not a new balance of power, but a new world of law — where the strong are just, and the weak secure, and the peace preserved. — Так начнем же заново, памятуя с обеих сторон, что вежливость не является признаком слабости, а искренность всегда нужно доказывать. Давайте не будем договариваться из-за страха, и давайте не будем страшиться переговоров. Пусть обе стороны выяснят, какие проблемы нас объединяют, вместо того, чтобы твердить о разъединяющих нас проблемах. Пусть обе стороны впервые сформулируют серьезные и конкретные предложения по экспертизе и контролю над

вооружениями, чтобы абсолютную власть, направленную на уничтожение других стран, поставить под абсолютный контроль всех государств. И если плацдарм сотрудничества сможет отодвинуть дебри подозрений, пусть обе стороны вновь попытаются совместно создать не новое политическое равновесие, но новый мир закона, в котором сильные справедливы, а слабые в безопасности, и мир сохранен.

Приведенные установочные диктемы инаугурационной речи Дж. Ф. Кеннеди (1961 г.) отличаются высокой импрессивностью, которая создается посредством стилистических фигур и тропов, в частности, синтаксического параллелизма и повтора структуры *let us*, синтаксического хиазма (*Let us never negotiate out of fear, but let us never fear to negotiate*), контраста (*not a new balance of power, but a new world of law — where the strong are just, and the weak secure*).

Стремление к мирному урегулированию конфликта и компромиссу ярко выражено в следующем отрывке из обращения Дж. Ф. Кеннеди в американском университете (1963 г.). Определяющая данному диктету импрессивность выражена с помощью сочетания синтаксического параллелизма и гиперболы в заключительных предложениях:

So let us not be blind to our differences, but let us also direct attention to our common interests and the means by which those differences can be resolved. And if we cannot end now our differences, at least we can help make the world safe for diversity. For in the final analysis, our most basic common link is that we all inhabit this small planet. We all breathe the same air. We all cherish our children's futures. And we are all mortal. — Итак, давайте не будем закрывать глаза на наши разногласия, но давайте также обратим внимание на наши общие интересы и на средства, с помощью которых наши разногласия могут быть устранены. И если мы окажемся сейчас не в состоянии положить конец нашим разногласиям, мы можем, по крайней мере, сделать мир безопасным для многообразия. Поскольку, в конечном счете, самым главным является то, что мы все живем на этой маленькой планете. Мы все дышим одним и тем же воздухом. Мы все заботимся о будущем наших детей. И мы все смертны.

Президент Р. Рейган придерживался иной политической стратегии в отношении с СССР. В его президентский срок происходит обострение холодной войны, усиливается борьба с коммунистическими режимами, обоснованная доктриной Рейгана, разворачивается Стратегическая военная инициатива (проект, известный как «Звездные вой-

ны»). Ярко выраженная антикоммунистическая направленность обусловила тактику противоборства, которая стала определяющей в политической конфликтной ситуации противостояния США и СССР. Проиллюстрируем сказанное примером из первой инаугурационной речи Р. Рейгана (1981 г.).

As for the enemies of freedom, those who are potential adversaries, they will be reminded that peace is the highest aspiration of the American people. We will negotiate for it, sacrifice for it; we will not surrender for it — now or ever. Our forbearance should never be misunderstood. Our reluctance for conflict should not be misjudged as a failure of will. When action is required to preserve our national security, we will act. — Что же касается противников свободы, а также потенциальных врагов, им нужно напомнить, что мир является главным устремлением американского народа. Мы будем вести переговоры о нем, мы пойдем на жертвы ради него, но никогда не сдадимся. Нашу терпимость не следует понимать неправильно. Наше нежелание конфликта не должно расцениваться как слабость воли. Когда потребуются действовать, чтобы сохранить национальную безопасность, мы будем действовать.

Судя по приведенной диктете, риторика Р. Рейгана отличается более резкими высказываниями в адрес противников демократии. Поведенческая стратегия противостояния в конфликте актуализируется в речевом акте угрозы.

Высокой импрессивностью отличается и следующая диктета. Компромисс ассоциируется для оратора с отказом от идеала свободы. Высказывание основано на контрасте «мы» — «они», выразительность которого усиливается гиперболизированными утверждениями с повторением наречия *never* в параллельных синтаксических структурах.

At the same time, however, they must be made to understand we will never compromise our principles and standards. We will never give away our freedom. We will never abandon our belief in God. And we will never stop searching for a genuine peace. — В то же время, однако, их нужно заставить понять, что мы никогда не пойдем на компромисс в наших принципах и нормах. Мы никогда не предадим нашу свободу. Мы никогда не откажемся от веры в Бога. И мы никогда не прекратим стремиться к истинному миру.

Третий фактор регуляции речевого общения — личностный статус слушающего. По определению М. Я. Блоха, этот статус имеет те же характеристики, что и личностный статус говорящего. В то же время одинаковые характеристики реализуют разные

регулятивные следствия в разных коммуникативных позициях (говорящего и слушающего). В ситуации политического конфликта на позиции слушающего периодически оказывается говорящий, что можно хорошо проиллюстрировать, например, политическими дебатами. В случае публичного политического выступления участников конфликта на позициях слушающих оказываются сторонники, организаторы, посредники, сторонники оппонента и широкий круг других заинтересованных лиц.

Четвертый фактор регуляции речевого общения — присутствие или наличие посторонних лиц, которые слышат речь говорящего, но не являются участниками общения. К данной категории можно отнести как «невольно слышащих» речь, так и «прослушивающих» ее. Политик — участник конфликта постарается соблюсти все принципы политкорректности и дипломатического этикета, произнося публичную речь, которая будет транслироваться по телевидению и радио. В случае наличия данных о прослушивании участник политического конфликта будет регулировать свою речь таким образом, чтобы обеспечить неразглашение определенной информации, а также выражение пропозиций, необходимых и возможных в данной ситуации. При этом свойства канала связи выделяются в отдельный фактор регуляции общения.

Шестой фактор регуляции речевого общения — пресуппозиция. М. Я. Блох определяет пресуппозицию как предположение говорящего о фонде релевантных знаний и самой личности слушающего. Образ слушающего, к которому обращается говорящий, может не соответствовать действительной личности слушающего. В связи с этим регуляция общения может быть либо пресуппозиционно оправданной, продуктивной, либо пресуппозиционно неоправданной, непродуктивной [Блох 2013: 8].

С пресуппозицией также связан седьмой фактор регуляции речевого общения — предположение слушающего о личности его речи (постсуппозиция). Постсуппозиционно неоправданное, непродуктивное общение может стать следствием разнящихся представлений слушающего о фонде релевантных знаний говорящего. Такие ситуации нередки в политическом дискурсе и получили название *gaffes* — ошибки, оплошности. Такие дискурсивные оплошности могут иметь негативные последствия для карьеры политика. Последствия ошибок становятся более серьезными в ситуации политического конфликта. Проиллюстрируем сказанное при-

мером из политической риторики президента США Дж. Форда, участвовавшего в президентской предвыборной гонке в 1976 г. Во время предвыборных дебатов с Дж. Картером Форду был задан вопрос о внешней политике США в отношении Восточной Европы и Советского Союза. Вопрос казался вполне актуальным в условиях «разрядки международной напряженности» и стремления к ядерному паритету США и СССР. Ответ президента Форда оказался неожиданным как для его противника, так и для аудитории слушателей и зрителей:

There is no Soviet domination of Eastern Europe and there never will be under a Ford Administration. — В Восточной Европе нет советского господства, и его никогда не будет при администрации Форда.

Модератор дебатов Макс Франкель поспешил уточнить:

I'm sorry, what? ... did I understand you to say, sir, that the Russians are not using Eastern Europe as their own sphere of influence in occupying most of the countries there and making sure with their troops that it's a communist zone? —

Простите, что? ... правильно ли я понял, что Вы сказали, сэр, что русские не используют Восточную Европу в качестве своей сферы влияния, оккупировав там большинство стран и с помощью своих войск поддерживая коммунистический режим?

Президент Форд не стал опровергать сказанное им ранее, более того, повторил свою мысль о том, что Польша, Румыния и Югославия были свободны от коммунистического режима. Очевидно, слушателям и зрителям данное заявление показалось неправдоподобным на фоне многолетней словесной битвы холодной войны. Более того, это заявление негативно сказалось на исходе предвыборной кампании Дж. Форда, проигравшего Дж. Картеру [Crain 2009: 276].

Таким образом, можно утверждать, что особенности речевого общения в ситуации политического конфликта могут быть раскрыты с помощью теории факторов речевого общения, в которой определяющим является фактор целевого содержания высказывания. Структура конфликтной ситуации соотносима с факторами регуляции речевого общения, социопсихологические стратегии

поведения в конфликте находят речевое выражение в политическом тексте, реализации намерения говорящего способствует информационный комплекс диктемы. Развитие конфликтной ситуации может быть спровоцировано препозитивно/постпозитивно неоправданным общением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56—67.
2. Блох М. Я. Язык, культура и проблема регуляции речевого общения // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 2. С. 5—9.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008.
4. Ван Дейк Тён А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М. : Либроком, 2013.
5. Козырев Г. И. Политическая конфликтология : учеб. пособие. — М. : Форум: Инфра-М, 2008.
6. Морозов А. В. [ред.]. Социальная конфликтология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. — М. : Академия, 2002.
7. Crain A. D. The Ford Presidency: A History, McFarland & Company, 2009.
8. Kennedy J. F. Commencement address at American University (delivered 10 June 1963, Washington D. C.) // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkamericanuniversityaddress.html> (дата обращения: 11.01.2014).
9. Kennedy J. F. Inaugural Address (delivered 20 January 1961) // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <http://www.jfklibrary.org/AssetViewer/BqXIEM9F4024ntF17SVAjA.aspx> (дата обращения: 11.01.2014).
10. Kennedy J. F. Cuban Missile Crisis Address to the Nation (delivered 22 October 1962) // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkcubanmissilecrisis.html> (дата обращения: 11.01.2014).
11. Reagan R. First Inaugural Address (delivered 20 January 1981) // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/ronaldreaganandfirstinaugural.html> (дата обращения: 11.01.2014).
12. Reagan R. Remarks at the Annual Convention of the National Association of the Evangelicals (delivered 8 March 1983, Orlando, Florida) // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/ronaldreaganevilempire.htm> (дата обращения: 11.01.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. Я. Блох.

Т. Ю. Быкова Т. Y. Bykova
Челябинск, Россия Chelyabinsk

**ОТЦЫ И ДЕТИ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ:
МЕТАФОРА РОДСТВА
В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ 1945—1954 ГГ.**

Аннотация. Социальная реальность описывается в советском политическом дискурсе посредством концептуальных метафор. В статье рассматривается послевоенный период в Советском Союзе сквозь призму семейной концептуальной метафорической модели. Показано манипулятивное воздействие метафор на человека. Изучение концептуальных метафор, отраженных в советской идеологии, показало, что человек в СССР испытывает нехватку чувства независимости и ответственности. Все описанные метафоры родства обладают сильным прагматическим потенциалом. Они выражают суть советского тоталитарного режима. Метафоры проникают в советский медийный политический дискурс, что демонстрирует их значимость.

Ключевые слова: концептуальная метафора; метафорическая модель; медийный политический дискурс; советская пресса; метафора родства.

Сведения об авторе: Быкова Татьяна Юрьевна, старший преподаватель, кафедра делового иностранного языка.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, к. 349.
e-mail: bykova74@mail.ru.

**PARENTS AND CHILDREN
OF THE GREAT COUNTRY:
FAMILY METAPHORS IN THE SOVIET
POLITICAL MEDIA DISCOURSE**

Abstract. The soviet political discourse describes the social reality of the country in the comprehension of soviet political figures by the use of conceptual metaphors. This article deals with the review of the post-war period of the Soviet Union through the conceptual metaphorical model of the family. The manipulative influence metaphors produce on people is shown. The study of conceptual metaphors reflecting the soviet ideologies showed that a person in USSR lacks the feeling of independence and responsibility. All the described family metaphors have a strong pragmatic potential. They express the main ideas of the Soviet totalitarian state. The metaphors penetrate into the soviet political media discourse, showing their significance.

Key words: conceptual metaphor; metaphorical model; political media discourse; Soviet media, metaphor of relationship.

About the author: Bykova Tatiana Yurievna, Senior Lecturer of the Department of Business Foreign Language.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Родство во многих культурах является одним из важнейших классификаторов человеческих ценностей. Сквозь призму родственных связей можно охарактеризовать отношение человека к окружающему его абстрактному и реальному миру. Категория родства вооружает советского человека сильнейшим поведенческим и категориальным инструментом в борьбе за идеологию. Она выступает в роли основополагающей социально-организационной парадигмы. Крайне важно осознавать значимость метафоры родственных отношений в советской прессе послевоенных лет.

Отнесение категории родства к наивысшим человеческим ценностям обусловлено не только ее биологическим наполнением, но и социальным, психологическим, культурным, языковым, ритуальным и мифологическим содержанием [Толстая 2009].

Изучению метафоры родства посвящены публикации как отечественных, так и зарубежных лингвистов [Балашова 1999; Багичева 2008; Лютянская 2009; Geary 2011; Labovitz 2009].

При всем своем превосходстве человек слаб без семьи и родственных связей. Люди метафорически называют землю матерью, а страну, в которой проживают, — отчизной. Это обусловлено принципами категоризации окружающей действительности. Как утверждает О. Ю. Артемова, родство является одной из немногих универсалий, обладающих сквозным характером, проходящих сквозь границы времени, пространства, цивилизаций [Артемова 2006].

Семейная метафора была реализована в концептуализации и категоризации деловых отношений между экономическими и политическими партнерами [Тулап 1997]. Как справедливо отмечает А. П. Чудинов, метафоры родственных связей прошли путь от Российской империи сквозь советскую эпоху и до сих пор остаются востребованы и популярны в политическом дискурсе [Чудинов 2001, 2003].

Целью нашего исследования является обобщение метафорического образа СССР в советском и американском медийных по-

литических дискурсах. Данная статья не ставит перед собой задачу дать полную характеристику послевоенного политического медиадискурса. Мы попытаемся выделить некоторые особенности категории родства, отраженные советской прессой 1945—1954 гг.

Советский политический медиадискурс первых послевоенных лет пронизан метафорами, относящимися к метафорической модели «Советский Союз — семья». Действительно, кто заботится о нас с самого детства и хранит теплые искренние чувства долгие годы? Как человек выстраивает свою модель поведения и какие отношения являются прототипическими? Какие образы ассоциативно связаны у нас с близкими вещами, кто составляет тесный круг общения и где человек чувствует себя желанным и любимым? При ответе на эти вопросы невольно выходит на первый план понятие родства. Семейная метафора была настолько сильна в послевоенные годы, что имплицитно настраивала советских людей на мысль о единстве нации и целостности страны. Речи первых партийных лиц насыщены примерами метафорических выражений, относящихся к сфере-источнику «Родство». Принимая во внимание обстановку, сложившуюся в стране в послевоенные годы, правительство видело свою задачу в создании дружной крепкой *семьи*, которая смогла бы помочь *осиротевшему* советскому народу залечить раны, нанесенные войной.

Примечательно, что высокая частота представленной метафорической модели не обуславливает высокую степень ее продуктивности. Как следствие, фрейм-словотворческая структура отличается сравнительно низкой разветвленностью. Анализируя языковой материал, мы выделили два фрейма в составе описываемой метафорической модели — «Кровное родство» и «Отношения в семье».

1. ФРЕЙМ «КРОВНОЕ РОДСТВО»

Слот 1.1. «Семья в целом». Анализ семейных отношений в политическом дискурсе показывает очевидную объединяющую роль метафор: *Под Вашим мудрым руководством большевистская партия сплотила народы нашей Отчизны в единую нерушимую братскую семью* [Тихоокеанская звезда. 1946. № 9 (6230), 11 янв.]; *В братской семье советских народов ранее угнетенные нации добились невиданного политического, хозяйственного и культурного расцвета* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.].

Метафора кровного родства используется советскими политиками планомерно и

направленно: они имплицитно призывают народ объединиться в одну большую семью. Здесь высвечивается способность метафоры не только менять отношение людей к окружающей действительности, но и направлять коллективное сознание в нужное для правящей элиты русло. Пенсионеры, крестьяне, рабочие, учащиеся — все советские граждане без исключения поддерживают друг друга, помогают преодолевать последствия войны и работают для достижения единых целей: *Эта великая братская семья народов строит новую культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию, строит коммунизм* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.]; *Вырос могучий фронт мира, демократии и социализма, соединивший вокруг Советского Союза свободные народы в дружную, братскую демократическую семью* [Труд. 1948. № 109 (8289), 9 мая].

Абсолютным политическим лидером и главой большой семьи является И. В. Сталин. Глава государства концептуализируется в советской прессе как незаменимый член семьи, обладающий всеми чертами, присущими главе семейства (отметим, что о преемственной роли метафоры кровного родства в тоталитарном дискурсе советской эпохи упоминала еще К. Кларк [Кларк 1992]): *Товарищ Сталин вынес на своих плечах всю тяжесть формирования и укрепления наших национальных республик и областей, сплочения народов Советского Союза в единую братскую семью вокруг русского рабочего класса* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.].

Акцентируется авторитетная роль главы семьи, но в то же время прослеживается мысль о тотальном контроле, осуществляемом над членами дружной семьи. За этим скрывается идея о создании жесткой иерархической структуры внутри государства. Таким образом, мнение правительства является приоритетным в решении семейных вопросов.

Все многонациональные народы связываются кровными узами. Стираются территориальные границы, и понятие родины становится единым для всех граждан страны: *Крепок, нерушим союз многонациональной семьи нашей матери-Родины* [Литературная газета. 1950. № 4 (2595), 11 янв.]; *Мы вернулись в дружную семью народов великого Советского Союза* [Вечерняя Москва. 1953. № 53 (8875), 4 марта]; *Дружной семьей живут у нас казахи, русские, дунгане, украинцы, татары и узбеки* [Британский союзник. 1949. № 38 (371), 18 сент.]; *Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот,*

рот, сплавивает все нации и народности нашей страны в единую **братскую семью** [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.].

Советская семья настолько крепка и нерушима, что способна противостоять любым обстоятельствам. В противоположность начальному периоду XX в., начиная с 30-х гг. семья уже не противопоставляется целому государству как отдельная ячейка. Роль семьи заключается в активной помощи правящей власти.

Никто не в силах вызвать вражду в братской семье советских народов [Известия. 1950. № 197 (10346), 19 авг.].

Слот 1.2. «РОДИТЕЛИ И ДЕТИ». Одно из центральных мест в культуре нашей страны занимает вопрос взаимоотношения детей и родителей. Это явление находит свое отражение и в советском политическом медиадискурсе. Советская пресса символически представляет граждан страны *сыновьями* и *дочерьми*. *Отцами*, как правило, являлись крупные политические лидеры, деятели культуры. Их задачи заключались в перевоспитании советских граждан, а также в передаче опыта и знаний, накопленных за долгие годы: *Завтра, 21 декабря 1947 года, трудящиеся Российской Федерации, Украины, Армении, Молдавии, Карело-Финской ССР изберут своих лучших сынов и дочерей в местные Советы депутатов трудящихся* [Культура и жизнь. 1947. № 35 (54), 20 дек.]; *Советские женщины дают клятву неуклонно идти по пути, указанному им, быть преданными дочерьми партии, Родины, народа* [Вечерняя Москва. 1953. № 57 (8879), 8 марта].

Отцом советского народа является И. В. Сталин. Его *отцовская* любовь и забота красной нитью проходят через речи политических деятелей и всю советскую прессу: *Отеческая забота товарища Сталина о советских людях обеспечила в короткий срок резкий подъем материального благосостояния нашего народа* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.]; *Народы нашей страны растут и крепнут как одна дружная семья и славят товарища Сталина — отца и друга всех народов СССР* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.].

Часто перед читателем предстает известная триада ипостасей политического лидера страны. Стоит заметить, что последовательность и содержательная сторона постоянно меняются. Самыми любимыми *сыновьями* становятся лучшие члены партии: *Будем до конца беззаветно преданными сынами своей родины, нашему отцу и другу, нашему великому полководцу товарищу Сталину!* [Тихоокеанская звезда.

1946. № 9 (6230), 11 янв.]; *Нас ведет вперед величайший из великих, мудрейший из мудрых, наш вождь, наш учитель, наш родной отец* [Труд. 1948. № 109 (8289), 9 мая].

Можно предположить, какое чувство всепоглощающей скорби вызвала у советских людей утрата *кормильца*. Метафора *сиротства* профилирует идею одинокой страны, оставшейся без внимания и заботы родителей. Здесь также улавливаются нотки эмоционального состояния народа: *Осиротели трудящиеся мира. Ушел великий гений, любимый отец, к которому все обращались за советом, помощью, ушел тот, кто был первым и наивысшим судьей наших дел, тот, чье одобрение было для нас счастьем* [Литературная газета. 1953. № 31 (3060), 12 марта].

С образом матери мы сталкиваемся на страницах советской печати послевоенных лет значительно реже. В основном в выстраивании семейных отношений четко прослеживается отцовская линия. Как правило, Советская страна и Коммунистическая партия как связующее ее звено наделены *материнскими* качествами. Подобное вертикальное выстраивание семейных отношений отражает политическую ситуацию внутри страны: *Они пытаются оторвать советскую молодежь от ее великой матери — Всесоюзной Коммунистической партии* [Молот. 1945. № 92 (6984), 10 мая]; *Наша социалистическая страна — мать талантливых и стойких* [Тихоокеанская звезда. 1953. № 58 (8428), 9 марта].

Слот 1.3. «БРАТЯ И СЕСТРЫ». Проанализировав собранный материал, мы обнаружили, что *братские* отношения лежат в основе концептуализации связей многочисленных народов Советского Союза: *Народы нашей многонациональной Родины неизменно укрепляют свое братское сотрудничество и взаимопомощь* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.]; *Независимые национальные советские республики, объединившиеся добровольно, по-братски в великий нерушимый и могучий Советский Союз* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.]; *Посланцы наших братьев и сестер* [Известия. 1945. № 107 (6718), 9 мая].

По сравнению с предыдущим периодом существования Советского Союза наблюдаются изменения во временном аспекте семейных отношений. Происходит переход с горизонтальной оси родственных связей к вертикальной. С появлением номинации *предков* и *прародителей* общество стало больше интересоваться своим прошлым, появились отсылки к великим создателям, *отцам* мировой революции.

2. ФРЕЙМ «ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ»

Говоря о продуктивности исследуемой метафорической модели, следует упомянуть, что описываемый фрейм включает в себя достаточно большое количество метафор. Несмотря на это, мы не выделили ни одного слота внутри фрейма, что связано со слабой способностью модели образовывать новые смыслы и значения. Для советского политического медиадискурса характерно употребление метафор, символизирующих заботу, ласку, любовь, бесконечную преданность своей семье: *Это мудрое постановление является новым ярким свидетельством неустанной заботы большевистской партии и советского правительства о подъеме материального благосостояния трудящихся, об укреплении мощи социалистического государства* [Культура и жизнь. 1947. № 35 (54), 20 дек.]; *Эти небольшие сравнения отражают экономический и культурный рост национальных республик Советского Союза, достигнутый в результате проведения ленинско-сталинской национальной политики, в результате отеческой заботы товарища Сталина о процветании народов многонационального Советского Союза* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.]; *Славная армия железнодорожников отвечает товарищу Сталину на его отеческую теплоту и заботу о железнодорожном транспорте горячей любовью, преданностью, ростом и улучшением перевозок* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.]; *Коммунистическая партия, Советское правительство по-отечески заботятся о шахтерах* [Комсомольская правда. 1953. № 55 (8535), 6 марта]; *Отеческая любовь его к народу видна во всем: в малом и в большом деле, в его заботе о советских людях — „от мала до стара“, как говорят в народе* [Правда. 1949. № 355 (11462), 21 дек.].

Каждый пример выражает только теплые чувства, которые испытывают советские граждане к своей стране, партии и великому вождю. *Отеческой заботой и любовью окружены граждане Советского Союза.*

Несомненно первостепенной функцией семьи является *воспитание* здорового и крепкого поколения: *Воспитывать здоровых, закаленных строителей коммунизма* [Московский университет. 1949. № 10—11 (973—974), 18 февр.]; *Для достижения высшей фазы коммунизма нужно пройти ряд этапов экономического подъема и культурного перевоспитания общества* [Вечерняя Москва. 1953. № 55 (8877), 6 марта].

В последнем примере упоминается процесс *перевоспитания* поколения в традици-

ях советской идеологии. Это подтверждает наличие определенной модели общественного поведения и выстраивания жесткой линии взаимоотношений внутри семьи. Каждый проступок или отклонение от общепризнанных правил поведения карается суровым *наказанием*.

Анализ метафоры родства показал, что в первые послевоенные годы образ Советского Союза изображался на страницах советской печати сквозь призму семейных отношений. Это обусловило высокую частотность метафор, относящихся к семейной концептосфере. Метафор кровного родства в два раза больше, чем метафор, представляющих семейные отношения. Проведя параллели с предыдущими периодами, рассмотренными в наших исследованиях, мы видим четкую систему взаимоотношений внутри страны: родители — дети, братья — сестры. Эта модель семьи демонстрирует ограниченность общения. В узкий семейный круг не допускаются *дяди, тети, сводные братья и сестры* и т. д. Доминирование метафор кровного родства объясняется тем, что только близкие связи способны изображать построение гармоничной общественной жизни.

Метафорический анализ показал, что при выстраивании образа СССР имплицитно сквозь все тексты статей проходит идея о прототипической идеальной модели семьи. В рамках этой модели все отношения между членами семьи идеализируются: каждый стремится помогать ближнему, нет намека на ссоры и конфликты, предательство и измена остаются в стороне. Таким образом, метафора родства в советском медийном политическом дискурсе первых послевоенных лет выявляет лишь положительные коннотации, выражая смыслы близости отношений, доброты, взаимопомощи, тесной связи, столь необходимые советскому народу в послевоенный период реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемова О. Ю.* Гармония родства // Алгебра родства. — СПб., 2006. № 11. С. 117—145.
2. *Багичева Н. В.* Мы рождены, чтоб сказку сделать былью или быль сказкой? («Семейная» метафора и менталитет) // Лингвокультурология / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2008. Вып. 2. С. 21—28.
3. *Балашова Л. В.* Когнитивный тип метафоры в диахронии (на материале перцептивной лексики русского языка) // Вестн. Омск. ун-та. 1999. № 4. С. 81—84.
4. *Кларк К.* Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 72—96.
5. *Лютянская М. М.* Языковая реализация концептосферы «родственные отношения» в англий-

ской языковой картине мира новоанглийского периода : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009.

6. Толстая С. М. Категория родства в языке и культуре. — М. : Индрик, 2009.

7. Geary J. I Is an Other: The Secret Life of Metaphor and How it Shapes the Way We See. 1st ed. — New York : Harper Collins Publishers, 2011.

8. Labovitz G. S. Marriage and metaphor: constructions of gender in rabbinic literature // Rowman & Littlefield. 2009.

9. Tynan C. A review of the marriage analogy in relationship marketing // J. Mark Manag. 1997. № 13. P. 695— 703.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 81'42
ББК Ш105.551.5

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19; 10.02.01

М. А. Галепя М. А. Galepa

Новочеркасск, Россия Novocherkassk, Russia

ЗАГОЛОВКИ ТЕКСТОВ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ:

СПЕЦИФИКА И ФУНКЦИИ КОНЦЕПТОВ

Аннотация. Анализируются принципы построения заголовков и их функции в парламентской журналистике, предпринята попытка выявить специфику воздействия заголовков на адресата политических текстов. Нередко в заголовки включаются ключевые концепты языка. Концептуальность заголовочного комплекса служит средством выражения отношения автора текста к объективной реальности. Заголовкам-концептам свойственны различные функции (номинативная, информативная, оценочно-экспрессивная, аксиологическая и др.). В текстах парламентской тематики особое значение приобретает такая подфункция аксиологической функции, как ироничность.

Ключевые слова: парламентаризм; идеологизированный дискурс; заголовок; концепт; публицистическая риторика; языковая личность журналиста.

Сведения об авторе: Галепя Марина Анатольевна, соискатель кафедры средств массовых коммуникаций Южного федерального университета.

Место работы: Законодательное Собрание Ростовской области, Ростов-на-Дону.

Контактная информация: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150.
e-mail: galepa1@rambler.ru.

HEADINGS OF TEXTS OF PARLIAMENTARY JOURNALISM: SPECIFICS AND FUNCTIONS OF CONCEPTS

Abstract. The principles of writing headings and their functions in parliamentary journalism are analyzed; an attempt is made to reveal the specificity of influence of the headings on the addressees of political texts. Headings usually contain key concepts of the language. Conceptual character of the heading unit is the means of expression of the attitude of the text author to reality. Headings-concepts have different functions (nominative, informative, evaluative-expressional, axiological etc.). Irony has an important function in the parliamentary texts.

Key words: parliamentarism; ideologized discourse; headline; concept; publicistic rhetoric; linguistic identity of the journalist.

About the author: Galepa Marina Anatoliievna, Post-graduate Student of Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Place of employment: Legislative Assembly of Rostov region, Rostov-on-Don.

В апреле 2014 года исполнилось 20 лет Донскому парламенту, официальное название которого — Законодательное собрание Ростовской области. Аналогичный юбилей с конца 2013 г. отметили представительные органы и других субъектов Российской Федерации. Двадцатилетний юбилей — это достаточный период и отличный повод для того, чтобы не только обобщить исторические и юридические аспекты становления российского парламентаризма, но и попытаться ответить на некоторые вопросы, относящиеся к сферам политической лингвистики и коммуникативистики.

Целью статьи является анализ приемов композиционного объединения компонентов заголовочного комплекса (ЗК) в парламентских текстах. Мы попытались охарактеризовать роль заголовочного комплекса в выполнении когнитивно-прагматической задачи, связанной с достижением перлокутивного эффекта.

Теория заголовков газетно-журнальных текстов разработана в отечественной коммуникативистике достаточно основательно [Лазарева 1989; Прохорова 2005; Руженцева 2012].

К. В. Прохорова дает определение совокупного заголовочного текста в узком и широком понимании. В узком смысле это совокупность заголовков какого-либо издания как самостоятельное речевое произведение, а в широком — совокупность заголовочных комплексов периодического издания в рамках определенного временного отрезка [Прохорова 2007: 179—180]. В данной работе мы придерживаемся узкого определения совокупного заголовочного комплекса.

К. В. Прохорова выделяет следующие составляющие элементы заголовочного комплекса: «тематическое название полосы; рубрика (предваряет конкретную публикацию); подзаголовок; внутренние заголовки (журналисты иногда называют их главками); шапка (заголовок в верхней части первой полосы, набранный крупным кеглем); лид (лид в качестве элемента ЗК рассматривается в случае его шрифтового выделения и возможной композиционной обособленности от текста); предтексты (к ним относятся эпиграфы, посвящения, анонсы); вставки (врезки в текст, имеющие обычно графическое выделение); подписи к фотографиям.

В состав ЗК включают также иногда подпись» [Прохорова 2005: 14—15].

При анализе заголовочных комплексов парламентских текстов обязательно учитываются три составляющие: 1) идеологическая установка автора; 2) композиционная цельность частей; 3) влияние дискурса на речевую структуру парламентского сообщения. Мы сознательно обратились только к заголовку как к центральному компоненту заголовочного комплекса, попытавшись проследить принципы комплексного объединения заглавия, самого текста с его тематикой и концептуальной идеей и соответствующих выводов, которые, по мысли автора, должны стать достоянием читателя, изменить или скорректировать его восприятие сообщения.

По определению Л. Е. Кройчика, композиционная схема такого целого осуществляется «в векторе постижения сущности мира». Оно происходит непрерывно в информационно-коммуникативном представлении, включающем взаимодействующие элементы: «деятельность», «автор», «произведение», «аудитория». Именно в такой схеме и содержится «„смысловая энергетика“ отдельных звеньев информационно-коммуникативной системы, их доминирующая этапность» [Кройчик 2009: 49], что и будет включаться в сложную дискурсивную сферу, с которой соотносится парламентский текст.

Заголовок рассматривается как предопределяющая структура идейно-содержательной организации последующего материала. Заголовок учитывает идеологическую установку автора и ее текстовую репрезентацию. Заголовок содержит указание или намек на проблему, которая получит освещение и определенную интерпретацию в самом тексте. Учитывая сущность дискурса как «речи, погруженной в жизнь» (Н. Д. Арутюнова), заголовок отражает, помимо темы и идеи текста, субъективную авторскую оценку, которая достигается эмоционально-экспрессивными средствами.

Для усиления воздействующего эффекта идеологизированного дискурса (подробнее об этом см.: [Галепа 2014]) творческая энергия автора направлена на активное использование стилистических приемов, акцентирующих новизну проблематики, подчеркивающих ее злободневность и убеждающих потенциального адресата прочитать текст.

Так, заголовок «Нулевая точка развития» (в рубрике «Дела бюджетные») [Акиндинова 2013] актуализирует критическую оценку нового трехлетнего бюджета, представленного на рассмотрение в Государственную думу. Само название свидетельствует о неэффективном подходе к составле-

нию бюджета при «отсутствии макроэкономической ситуации». Сказанное является нулевой точкой отсчета в оценке роста доходов и свидетельствует о понижении стабильности жизни общества. Такая форма заголовка эксплицирует крайне неодобрительную оценку, соотносимую с основной мыслью публикации. В такой же стилистической тональности написана и сама статья.

Идейно-смысловая основа текста, озаглавленного «Диалог между властью и обществом» [Соколова 2013], — поиски согласия общества с властью. И заголовок, и текст подчеркивают необходимость единения между властью и гражданским обществом. Идея текста — необходимость общности «мировоззренческих установок», «конструктивных решений», «реальных каналов общения власти с народом». Основная концептуальная установка соотносится с заголовком. Сравним высказывания участников клуба: «...для устойчивого развития страны нет другой альтернативы, кроме создания широкой коалиции»; «диалог — это лучший способ выработать конструктивное решение». Общий вывод также демонстрирует соответствие основной мысли заголовка и содержания текста: «Власть не просто готова сотрудничать с массовыми общественными объединениями, она готова к «совместному написанию программы развития страны».

«Русский дух нуждается в букве закона» [Агумова 2013]. И текст, и заголовок отражают проблему преподавания русского языка в школе: раскрывается основная идея острой дискуссии о роли языка в формировании общественного сознания и патриотизма. Речь идет о законодательной защите родного языка от «контркультурных наслоений» с целью сохранения «нетленности русского языка», который нужно уберечь от засорения и избытка иностранных слов, у которого необходимо «защитить естественные границы», для которого требуется «разработать новые формы преподавания» и т. п. Эта мысль повторяется в выводах и предложениях пропагандировать поэзию и литературу как ценность, релевантную для сохранения «богатства русского языка». Утвердительный пафос заголовка имеет в известной степени императивный и апеллятивный характер: заголовок обращен к аудитории и побуждает ее к быстрой реакции.

Примечателен заголовок к материалу о принятии федерального закона, упрощающего процедуру получения российского гражданства соотечественниками, владеющими русским языком, родственники которых ранее проживали на территории Российской Федерации, бывшей Российской им-

перии или СССР [Макаров 2014]. Публикация вышла под названием «*В Россию, домой хочу*», что является почти дословной цитатой из песни Михаила Ножкина к кинофильму «Освобождение», благодаря чему заголовков не только ставит проблему законодательных изменений, необходимых для получения гражданства, но и формирует лояльность читающей аудитории к тем соотечественникам, которые ранее проживали «вне дома», а теперь возвращаются на Родину. Заголовки такого типа, несущие не только сжатую информацию о последующем тексте, но и заключающие в себе гораздо более широкое понимание происходящего и настраивающие читателя на определенное восприятие текста публикации и самого события, отраженного в ней, можно назвать **заголовками-концептами**.

Заголовок-концепт «*Безымянные могилы лишены права голоса*» [Горелик 2014] привлекает внимание читателя своей парадоксальностью, основанной на одновременном употреблении близких по смыслу слов, которые становятся контекстуальными антонимами: *безымянный* (т. е. неозначенный, не названный) — *право голоса*. Материал посвящен законодательным вопросам, связанным с неидентифицированными солдатскими захоронениями. Стилистический прием, употребленный в заголовке, привлекает внимание, является своеобразным ай-стоппером и побуждает читателя ознакомиться с текстом статьи.

В систему заголовков идеологизированного дискурса входят ключевые концепты языка, соотносимые с формами отдельных слов, словосочетаниями, предложениями со значением утверждения или отрицания того или иного факта, события. Ключевые концепты являются центром всего заголовочного комплекса публикации. Концептуальность заголовочного комплекса — это своеобразное средство выражения отношения автора к объективной реальности, а также средство репрезентации текстовой модальности и трансляции авторской точки зрения для ее группового осмысления.

Обратимся к концептуальным носителям в текстах парламентской журналистики. В какой бы части заголовочно-текстуального комплекса они ни употреблялись, они всегда нуждаются в разъяснении, так как формируют ведущую идею публикуемого материала. Можно выделить следующие **типы концептов** по их структурной организации: простые по форме, состоящие из одного слова, или сложные, представляющие собой соединение нескольких лексем. Общей семантической основой для концептов является

тематика парламентских обсуждений. Одни концептуальные структуры содержат позитивную оценку, другие относятся к числу критических, включающих иронические или пародийные оценки.

Концепт — объективно-субъективная форма журналистского творчества. Он помогает реконструировать имеющиеся у человека знания об определенном факте, событии и явлении в соответствии с ситуацией, в рамках которой рассматривается тот или иной вопрос. Ввиду концентрации понятийного содержания и заключенных в нем ассоциаций, концепт цементирует компоненты заголовочного комплекса и может использоваться в различных частях текста. Если концепт употребляется в заголовке, то он нацеливает на нужное автору понимание текста, а если в самом тексте — акцентирует наиболее значимые идеологические положения и подводит к выводу.

При наличии общей схемы репрезентации концептуальных структур каждая из них имеет свою неповторимую форму, так как концепты по-разному входят в контекст публикации. Индивидуальность творчества требует своеобразия речевых приемов. Композиционно такие структуры могут быть использованы и в заголовке, и в самом тексте. Именно в них заключена основная мысль публикации. Наиболее интересные формы концептуальных структур создаются с помощью оценочно-экспрессивной эмоционально окрашенной лексики.

Обратимся к некоторым из них.

«*Свободовластие*» [Камышев 2011]. Данный заголовок-концепт нацеливает читателя на критическую оценку результатов выборов в Государственную думу шестого созыва, когда партия «Единая Россия» набрала свыше 50 % голосов и вышла на первое место. По мнению политического обозревателя, «популярность партии власти вновь вернулась на траекторию спада». Автор намекает на фальсификацию результатов выборов. Эта основная мысль подчеркивается обличительным подзаголовком («Преступление без наказания») и аргументацией текста.

Острую саркастическую характеристику содержит концепт, характеризующий предвыборную кампанию М. Прохорова в 2011 г., — «*Либеральная дворницкая*» [Либеральная дворницкая 2011]. Ядовито-критическая оценка в этой форме заголовка поддерживается содержанием и пародийными элементами: над партией «Народный фронт» «уже витал алмазный дым».

Такого же типа концепты в заголовках публикаций по поводу уже известного всем правительственного «реформирования» Рос-

сийской академии наук встречаются в статье «*Академический роспуск*» [Сухомлин 2013]. В публикации, подготовленной В. Сухомлиным, собраны высказывания на эту тему академиков, политиков, руководителей предприятий. Мысли автора о новой модели реформирования Академии наук подталкивают читателя к вопросу: «Не станет ли она „РАНпохоронсервисом?“»

Нередко в заголовках авторы применяют перефразированные крылатые выражения и афоризмы, что не только привлекает внимание читателя, но и многократно усиливает воздействие материала на аудиторию. Заголовок «*Шумит реклама, шумит*» [Степанова 2014] явно отсылает читателя к реплике Репетилова «Шумим, братец, шумим» (комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»). В публикации подробно излагаются перипетии обсуждения в Государственной думе пакета законопроектов, касающихся регулирования рекламной деятельности. При этом один из них, как следует из публикации, депутаты вовсе не стали рассматривать, а еще три были отклонены профильным комитетом. Перлокутивный эффект заголовка — ответ Чацкого на реплику Репетилова: «Шумите вы и только?», т. е. намек на то, что от слов пора переходить к делу. Возможен и еще один дополнительный смысл — звуковая реклама будет и в дальнейшем создавать ненужный гул в и без того шумных мегаполисах.

Ироничность, сарказм и скептицизм в целом свойственны текстам парламентской тематики. Ироническую оценку какого-либо события в политической или законодательной жизни общества часто содержат концептуальные структуры в форме предложения.

«*Виктор Янукович впал в украинности*» [Колесников 2013]. Политический кризис на Украине, связанный с евроинтеграцией, вызвал массу вопросов в правительственном и парламентском сообществе разных государств. Скептический настрой по поводу того, что Украина и европейские страны «теперь будут идти параллельными курсами», подтверждается опасением «обнулить» большую часть доходов в «общей зоне свободной торговли Украины». Такая политика вряд ли «будет пользоваться успехом в нестройных рядах украинского руководства». Ирония в заголовке достигается деформацией фразеологического оборота («впасть в крайности» — «впал в украинности») в сочетании с отсылкой к месту действия (Украина — «украинность»).

Концепт в форме предложения также встречается в заголовке «*Блогеру закон написан!*» [Блогеру закон написан! 2014]. Публикация посвящена вопросам законодательного регулирования блогосферы, а именно давно обсуждаемому «закону о блогерах». Заголовок ассоциативно отсылает читателя к известной русской пословице «дураку закон не писан», что во многом предопределяет дальнейшее восприятие текста публикации. Несмотря на то, что в материале утверждается: «Совет Федерации поддержал думских коллег и одобрил закон», у читателя остается сомнение в исполнении данного закона, возникшее на этапе прочтения заголовка. Кроме того, пословица настраивает читающую аудиторию на смысловую параллель между «блогером» и «дураком», чем тоже снижается доверие к блогерам как таковым. В целом же данный заголовок, обыгрывающий известную пословицу, придает иронический характер всей публикации.

Заголовки-концепты в текстах парламентской проблематики многофункциональны. Так же, как и в заголовках публикаций иной тематической направленности, у заголовков-концептов можно выделить следующие функции: номинативную, графически-выделительную, информативную, рекламную, оценочно-экспрессивную, интегративную, композиционную, закрепительную [Лазарева 1989], текстообразующую, текстозаместительную [Прохорова 2005], аксиологическую [Руженцева 2012]. Если рассматривать аксиологическую функцию в широком понимании, в связи с формированием системы ценностей, то заголовкам-концептам парламентской журналистики свойственна еще и такая подфункция, как ироничность. Ироничный заголовок ставит под сомнение не только суть текста публикации, но и целесообразность описываемых событий, что снижает уровень доверия к деятельности парламента в целом, как бы заранее «программирует» аудиторию на неуважительное, негативное отношение к любым его действиям.

Перспективным направлением дальнейшей работы является исследование всего заголовочного комплекса в его идейно-тематическом и лингвопрагматическом единстве, что позволит внести вклад в досконально не изученную, однако актуальную область — российскую парламентскую журналистику начала XXI в.

ИСТОЧНИКИ

1. Агумова Ф. Русский дух нуждается в букве закона // Парламентская газета. 2013. 13 июля.
2. Акиндинова Н. Нулевая точка развития // Новая газета. 2013. 14 окт.
3. Блогеру закон написан! // Парламентская газета. 2014. № 16с, 29 апр.
4. Горелик А. Безымянные могилы лишены права голоса // Парламентская газета. 2014. № 13, 10 апр.

5. Камышев Д. Свободовластие // Власть. 2011. Дек.

6. Колесников А. Виктор Янукович впал в украинности // Коммерсантъ. 2013. 26 окт.

7. Либеральная дворницкая // Московский комсомолец. 2011. 21—28 сент.

8. Макаров Роман. «В Россию, домой хочу» // Парламентская газета. 2014. № 16с, 29 апр.

9. Соколова М. Диалог между властью и обществом // Парламентская газета. 2013. 15 июля.

10. Степанова Т. Шумит реклама, шумит // Парламентская газета. 2014. № 17, 15 мая.

11. Сухомлин В. Академический роспуск // Литературная газета. 2013. 10—16 июля.

ЛИТЕРАТУРА

12. Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов. — Ростов н/Д : Книга, 2001.

13. Галена М. А. Парламентская журналистика: идеологизированный дискурс в композиционной схеме контекста // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 140—143.

14. Гавра Л. П. Основы теории коммуникации : учеб. пособие для бакалавров и специалистов. — СПб., 2011.

15. Кирсанова А. В. Толковый словарь крылатых слов и выражений. — М. : Мартин, 2014.

16. Кройчик Л. Е. Ценностные ресурсы публицистического произведения // Современные проблемы журналистской науки : ежегод. сб. науч. ст. — Воронеж, 2009.

17. Лазарева Э. А. Заглавие и начало газетного текста // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. — Свердловск, 1989. С. 121—132.

18. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. — Свердловск, 1989.

19. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия : учеб. пособие. — М., 2004.

20. Прохорова К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005.

21. Прохорова К. В. Совокупный заголовочный текст // Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. С. 179—202.

22. Руженцева Н. Б. Базовые ценности межнационального дискурса в заголовках первой русской газеты в Африке // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 34—39.

23. Сыроватская Н. С. Языковые средства управления вниманием аудитории аналитического журналистского текста // Изв. Рос. гос. ун-та им. А. И. Герцена. 2011. № 130. С. 102—108.

24. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. 2009. № 5. С. 41—54.

25. Туркова Т. А. Способы выражения авторской позиции журналиста в контексте объективности // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 388—391.

26. Хагушев И. Н. Парламентаризм и СМИ: аспекты взаимодействия // Журналистика-2005. Трансформация моделей СМИ в постсоветском информационном пространстве. — М., 2006.

27. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 53—60.

28. Ширина Е. В. Языковой портрет русских публицистов 60-х годов XIX века (творчество А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева). — Ростов н/Д, 2007.

29. Шилина М. Г. Корпоративная интернет-коммуникация в системе связей с общественностью // Вестн. Моск. ун-та. Сер.10 : Журналистика. 2012. № 1. С. 87—100.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

О. Н. Горбачева **O. N. Gorbacheva**
В. А. Каменева **V. A. Kameneva**
Кемерово, Россия Кемерово, Russia

**ВИЗУАЛЬНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ
ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЕ,
ИЛИ ЗАРОЖДЕНИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ
СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА**

**VISUAL STYLISTIC MEANS
IN SOCIAL INTERNET ADVERTISING
OR THE BEGINNING
OF VISUAL TEXT STYLISTICS**

Аннотация. Затрагивается вопрос об обоснованности выделения визуальных стилистических средств. Охарактеризованы основные подходы к анализу визуальной метафоры: сравнительный и субституциональный. На основании проведенного исследования текстов социальной интернет-рекламы были выявлены наиболее частотные визуальные стилистические средства, сформулированы определения визуальной метафоры, визуального сравнения и визуальной аллюзии. Среди визуальных метафор наиболее частотны зоонимическая, а также отсылающая к сфере убийств, войн, преступлений. Визуальное сравнение может содержать два противопоставляемых образа или представлять два объекта, напрямую ассоциируемых с акцентируемой социальной проблемой. Визуальные аллюзии отсылают к актуальным для целевой аудитории образам (для молодежи это персонажи сказок и комиксов).

Abstract. This article deals with the question of the credibility of the identification of visual stylistic means. On the basis of the analysis of social Internet advertising the most frequent visual stylistic means were determined and the definitions of such terms as "visual metaphor", "visual allusion" and "visual simile" were given. The most frequent visual metaphors are zoonymic and those referred to the spheres of murders, wars, crimes. Visual comparison may contain two opposed images or present two objects associated with the underlined social problem. Visual allusions refer to important images for the addressees, like characters of fairytales and comics for young people.

Ключевые слова: социальная реклама; визуальная стилистика; визуальная метафора; визуальная аллюзия; визуальное сравнение.

Key words: social advertising; visual stylistics; visual metaphor; visual allusion; visual simile.

Сведения об авторе: Горбачева Ольга Николаевна, учитель иностранного языка (средняя общеобразовательная школа № 19, Кемерово), соискатель кафедры общего и славянского языкознания (Кемеровский государственный университет).

About the author: Gorbacheva Olga Nikolaevna, Teacher of Foreign Languages (School № 19, Kemerovo, Competitor for Scientific Degree of the Department of General and Slavonic Linguistics at Kemerovo State University).

Место работы: МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 19» (г. Кемерово).

Place of employment: Comprehensive School № 19, Kemerovo.

Контактная информация: 650001, г. Кемерово, ул. Назарова, 8.
e-mail: olga-go2005@yandex.ru.

Сведения об авторе: Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии № 1.

About the author: Kameneva Veronika Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of English Philology № 1.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6413.
e-mail: russia_science@mail.ru.

Воздействующий потенциал визуального компонента креолизованных текстов различной коммуникативной направленности уже длительное время находится в центре исследовательского внимания не только лингвистов, но и культурологов, политологов, психологов и историков. На каждом новом этапе исторического развития эти вопросы приобретают новое звучание, ставя перед исследователями новые актуальные цели и задачи.

Проблемы, связанные с креолизацией текстов и спецификой их воздействия, разнообразны. В последнее время начал привлекать исследовательский интерес вопрос о правомерности выделения визуальных стилистических средств в креолизованных текстах. Обзор работ, посвященных этой теме, позволяет говорить о признании исследователями визуальной метафоры. Было установлено, что визуальная метафора,

в отличие от вербальной, в современной научной литературе трактуется с позиций двух подходов, традиционно выбираемых для определения данного стилистического средства: сравнительно и субституционального, причем остается неиспользованным широко известный интеракционный подход.

В рамках сравнительного подхода метафора рассматривается как соотнесение двух зрительных образов, которые следует рассматривать как иконические знаки, напрямую отождествляемые с объектами визуализации. С таких позиций рассматривают визуальную метафору Л. С. Большакова и А. Сарна [Большакова 2004; Сарна 2005].

При субституциональном подходе визуальная метафора рассматривается как визуальное представление одного понятия посредством другого, как некая графическая структура, которая эксплуатирует графические форму легко идентифицируемого объекта окружающей действительности с целью оптимизации понимания визуализируемой информации или акцентирования смысловых доминант сообщения. В таком ракурсе описывается визуальная метафора в работах А. Г. Рапуто, В. Л. Авербуха и С. Н. Панкиной [Рапуто 2011; Averbukh 2001, 2006].

На материале своего исследования мы выявили ряд визуальных стилистических средств, применяемых в креолизованных текстах социальной интернет-рекламы, адресованной глобальному реципиенту. Подавляющую часть материала мы взяли с сайтов, которые позволяют установить страну создания рекламы (США, Австралия, Новая Зеландия, Польша, Чехия, Таиланд, Великобритания, Ирландия, Индия, Канада, Филиппины, Греция, Германия, ЮАР, Бразилия, Франция, Бельгия, Испания, Швейцария, Швеция, ОАЭ, Нидерланды, Финляндия, Ливан, Хорватия, Грузия, Израиль, Россия, Украина, Словакия, Румыния, Чили, Мозамбик, Сербия, Турция, Ирак, Португалия, Венгрия, Аргентина, Малайзия, Уругвай, Испания, Италия, Сингапур, Кения, Колумбия, Венесуэла, Египет). В результате направленной выборки было отобрано более тысячи текстов социальной интернет-рекламы.

Проведенный анализ визуальных средств на материале социальной интернет-рекламы позволил выделить и разграничить визуальную метафору и визуальное сравнение. По нашему мнению, визуальная метафора, объективируемая в текстах социальной рекламы, может рассматриваться как субституция визуальной информации, напрямую представляющей социальную проблему визуальным образом, который передает оценку последствий социального бездействия

или игнорирования актуализируемой социальной проблемы. В тексте социальной интернет-рекламы присутствует один визуальный образ — образ той сферы, в понятиях которой, по мнению общественных организаций или государства, реципиенты должны воспринимать, оценивать и, соответственно, корректировать свое поведение.

Визуальное сравнение — это визуальный комплекс, инкорпорирующий два образа в одном тексте социальной рекламы. Один образ визуализирует социальную проблему, другой — возможные последствия бездействия или игнорирования актуализируемой социальной проблемы. В тексте обязательны оба образа, наглядно объясняющие реципиенту, как эта социальная проблема должна восприниматься, оцениваться им.

Визуальная метафора применяется в текстах социальной интернет-рекламы, призывающих к решению таких социальных проблем, как несоблюдение правил поведения в общественных местах, загрязнение окружающей среды, нарушение автомобилистами правил дорожного движения, курение, алкоголизм, неправильное питание, ВИЧ и СПИД, отсутствие заботы о пожилых. Метафорические образы в рекламных текстах социальной интернет-рекламы разнообразны и заимствованы из различных сфер. Рассмотрим несколько примеров.

1. Согласно полученным данным, в текстах социальной интернет-рекламы для визуализации призыва соблюдать правила поведения в общественном транспорте активно эксплуатируется зоонимическая метафора. Так, в визуальной части одного из проанализированных рекламных текстов изображен человек с головой лягушки, который перепрыгивает турникет в метро, так как не купил билет. Соответственно у реципиентов актуализируются ассоциации с таким поведением, которое свойственно представителям животного мира и не отвечает требованиям к современному человеку, живущему в цивилизованном мире.

В тексте социальной интернет-рекламы, цель которого — сообщить или закрепить правила поведения в общественном транспорте, изображена девушка с головой курицы, громко разговаривающая по телефону в общественном транспорте. Эксплуатация данного образа позволяет реципиенту наглядно увидеть оценку подобного поведения в общественном транспорте, поскольку демонстрирует социально неодобряемую модель поведения.

2. Визуальная метафора, объективирующая проблему борьбы с пассивным курением, эксплуатирует чаще всего образы, отно-

сящиеся к сфере преступлений, убийств и самоубийств. В данных рекламных текстах разрушающее влияние сигаретного дыма или беспечного отношения к этой проблеме показывается через такие образы, как пистолет, череп, виселица, петля, нож, рогатка, игральные карты, настольная игра.

3. В текстах интернет-рекламы, призывающих к защите окружающей среды, также активно используются оценочные образы из сферы убийств, войн и преступлений. Так, в визуальной части рекламы, освещающей проблему нехватки чистой питьевой воды, изображен водяной пистолет, приставленный к виску ребенка. Подобный образ позволяет передать «сообщение» о том, что грязная питьевая вода — это не забава, не игрушки, а вопрос жизни и смерти в странах, где нет достаточного количества чистой питьевой воды.

Визуальное сравнение чаще всего используется в текстах интернет-рекламы, нацеленных на привлечение внимания к таким социальным проблемам, как курение, нетерпимость и агрессивное отношение к людям других рас, помимо европеоидной, жестокость в семье, несоблюдение правил дорожного движения. Как показало исследование визуальной части таких текстов, визуальное сравнение может объективироваться двумя способами.

1. Визуальное сравнение содержит два противопоставляемых образа, обрисовывающих социальную проблему в целом. Например, в визуальной части одного из текстов интернет-рекламы против жестокости и насилия в семье даны образы двух семей. В одной все прекрасно и гармонично, во второй в семье царят жестокость, страх, беспомощность.

Подобная визуализация сравнения наблюдается и в визуальной части интернет-рекламы, посвященной привлечению внимания к проблеме несоблюдения правил дорожного движения. Реципиенту предъявляются одновременно два образа: человек на мотоцикле и человек в инвалидной коляске. Это позволяет провести сравнение и выстроить логическую цепь: несоблюдение правил дорожного движения неизбежно ведет к печальным или трагическим событиям.

Очевидна эффективность применения визуального сравнения и для привлечения внимания к проблеме загрязнения окружающей среды. Например, в визуальной части одной рекламы приведены два изображения, объединенные в песочных часах. Первое демонстрирует образ чистой планеты Земля, второе — образ Земли в состоянии экологической катастрофы.

2. В визуальном сравнении может не полностью иллюстрироваться социальная проблема, а делаться упор на сравнении двух объектов, напрямую ассоциирующихся у реципиентов всего мира с акцентируемой социальной проблемой и сферой, в рамках которой таким способом дается социальная оценка. Например, визуальное сравнение, объективирующее проблему борьбы с курением, чаще всего содержит изображение сигареты и пули, сигареты и пистолета, сигареты и черепа, сигареты и виселицы с петлей, сигареты и гроба, сигареты и могилы. Как следует из визуальной части текста интернет-рекламы, направленной на привлечение внимания к проблеме курения, изображение сигареты рядом с изображением пули позволяет реципиенту сделать однозначный вывод о губительном вреде курения и заставляет взглянуть на эту проблему в рамках такой понятийной сферы, как самоубийство.

Также к одному из наиболее частотных в текстах социальной рекламы приемов нами была отнесена **визуальная аллюзия**. Анализ материала позволил нам сформулировать следующее определение визуальной аллюзии: визуальная аллюзия — употребление широко известного в глобальном мире образа (культуры, политики, экономики (торговли) и т. д.), личности (писателя, деятеля науки или политики и т. д.) или персонажа (книг, сериалов, комиксов и т. д.) в текстах социальной интернет-рекламы как для привлечения внимания к определенной социальной проблеме, так и для аргументации даваемой оценки социальной проблемы. Полученные данные позволили выявить, что при помощи данного визуального приема затрагиваются следующие темы: борьба с ВИЧ и СПИДом, борьба с курением, борьба с неграмотностью. Анализируемое визуальное стилистическое средство также широко привлекается и для пропаганды донорства.

Была установлена следующая закономерность. В текст социальной рекламы для апелляции к требуемой возрастной группе желателен включать актуальные и интересные для нее образы, известных личностей или персонажей. Наличие таких персонажей, как Спящая красавица, Рапунцель, Принц Чарминг в текстах социальной рекламы, направленной на борьбу с курением, позволяет яснее донести информацию о вреде курения именно детской целевой аудитории. Образ Супермена на больничной койке под капельницей в рекламе по борьбе с распространением ВИЧ и СПИДа, скорее всего, будет для молодежи ярким подтверждением того, что подобные болезни не по-

щадят никого, кто не заботится о своем здоровье, употребляет наркотические средства или имеет беспорядочные интимные связи.

В заключение отметим, что в социальной интернет-рекламе вследствие ее направленности на глобального реципиента, который может принадлежать к различным лингвокультурам, для усиления воздействующего потенциала и сокращения или минимизации потери информации начинают активно создаваться и тиражироваться визуальные стилистические средства. К наиболее частотным визуальным стилистическим средствам в рассматриваемых текстах были отнесены визуальная метафора, сравнение и аллюзия. Их характеристика представлена в данной статье. Отметим, что анализ текстов социальной интернет-рекламы позволил также установить и проанализировать такие визуально объективируемые стилистические средства, как синекдоха, гипербола, графон, олицетворение, градация и овеществление. Это позволяет сделать предположение о начале становления новой области стилистики текста — визуальной стилистики текста.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большакова Л. С.* Метафора в англоязычном поликодовом тексте на материале британских и американских музыкальных видеоклипов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2008.
2. *Панкина С. Н.* Анализ языковых средств коммерческой рекламы в печатных СМИ Германии // Вестн. ИГЛУ. Вып. 4. С. 190—196.
3. *Рануто А. Г.* Дескриптивное моделирование образного мышления при репрезентации дидактических объектов // Ученые записки. М., 2011. Вып. 34. С. 114—116.
4. *Сарна А.* Визуальная метафора в дискурсе идеологии // Інститут палітычных даследаванняў «Палітычная сфера». 2005. № 4. С. 55—60.
5. *Averbukh V. L.* Towards the Conceptions of Visualization Language and Visualization Metaphor // Proceedings of IEEE Symposia on Human Centric Computing Languages and Environments: Sept. 5—7, 2001. — Stresa, Italy : IEEE, 2001. P. 390—391.
6. *Averbukh V. L.* The Specialized Systems of Scientific Visualization // AIP Conference Proceedings (Zababakhin Scientific Talks — 2005: International Conference on High Energy Density Physics). Aug. 3, 2006. Vol. 849. P. 481—486.

УДК 81'42
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.01.09; 16.21.33 Код ВАК 10.02.04; 10.02.20; 10.02.19

Т. Н. Зубакина Т. N. Zubakina

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ
(на материале текста мемуаров У. Черчилля)**

Аннотация. Историко-политическое событие моделируется метафорой У. Черчилля. Автор статьи описывает процесс индивидуального метафорического моделирования. Объектом анализа являются концептуальные метафоры военных мемуаров У. Черчилля. Метафора рассматривается в аспекте когнитивной лингвистики как результат ментальной деятельности человека.

Ключевые слова: событие; метафора; метафорическая модель (М-модель); метафорическое моделирование; денотативный и сигнификативный дескрипторы.

Сведения об авторе: Зубакина Татьяна Николаевна, старший преподаватель факультета международных отношений.

Место работы: Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620002, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.
e-mail: zoubakina@mail.ru.

**METAPHORIC MODELLING
OF A HISTORICAL AND POLITICAL EVENT
(in W. Churchill's memoirs)**

Abstract. An attempt is made to describe an event in the history with the help of Churchill's individual metaphor models. The object of this analysis is the conceptual metaphors from W. Churchill's war memoirs. Metaphor is treated from the cognitive linguistics point of view as the result of human mental activity.

Key words: event; metaphor; metaphorical model; M-modelling; denotative and significative descriptors.

About the author: Zubakina Tatyana Nikolaevna, Senior Lecturer of the Faculty of International Relations.

Place of employment: Ural Federal University (Ekaterinburg).

28 июля 2014 г. исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны. Это событие нашло свое отражение в мемуарах Уинстона Черчилля, который был его непосредственным участником.

Работа посвящена описанию этапного процесса метафорического моделирования военной действительности на текстовом материале нобелевского лауреата в области литературы 1953 г. У. Черчилля. Британский политик был удостоен этого звания «за высокое мастерство произведений исторического и биографического характера». С целью выявления особенностей метафорического осмысления автором историко-политической действительности мы изучили I том мемуаров «The Second World War». Предметом исследования было содержание метафорических моделей, соответствующих конкретным этапам развития исторического события.

Актуальность изучения метафорического моделирования на материале мемуаров Уинстона Черчилля обусловлена экстралингвистическими и собственно лингвистическими причинами. В экстралингвистическом плане события войны по-прежнему стоят в центре внимания исследователей многих научных направлений, включая лингвистику. Описание Первой мировой войны средствами английского языка позволяет выявить тенденции авторского, т. е. субъективного видения конкретного события. В фокус лин-

гвистических исследований картин мира попадают проблемы метафорического моделирования. Изучение индивидуальных авторских метафорических моделей позволяет максимально полно представить характер мышления человека, воспринимающего конкретные исторические события. Рассмотрение метафоры на материале английского языка продолжает традиции метафороведения, заложенные в трудах английских исследователей (Блэк, 1955; Лакофф, Джонсон, 1980; Фоконье, Тернер, 1984, 1998, 2002; Чартерис-Блэк, 2004 и др.).

Объектом исследования является система метафорических моделей англоязычного текста, репрезентирующего индивидуальное видение конкретного историко-политического события — «Поражение Германии в Первой мировой войне».

Материалом для исследования послужил I том («The Gathering Storm») мемуаров «The Second World War», написанный У. Черчиллем в 1948 г.

Исследования исторической картины мира, закрепленной в языковых метафорических выражениях, предполагают рассмотрение англоязычной метафоры с точки зрения отражения взаимосвязи языка и мышления при метафорическом представлении реальности определенного периода истории (White, 1956; Ankersmit, 1989; Wrzosek, W., 1991 и др.).

По мнению Ф. Анкерсмита, «metaphor has been remarkably effective in organizing knowledge in ways that that may serve our social and political purposes (and this also explains why the social and the political and, hence, the historical world is metaphor's favorite domain). Metaphor arguably is the most powerful linguistic instrument we have at our disposal for transforming reality into a world that is adaptable to human aims and purpose» [Ankersmit 1994: 13]. Называя метафору самым мощным лингвистическим инструментом, которым обладает человек в процессе трансформации реальности в мир, приспособляемый для задач и целей автора метафор, ученый акцентирует прагматический потенциал метафорического моделирования исторической реальности в историческо-политическом тексте.

Войцех Вжозек (Wrzosek, 1991), называя историографию игрой метафор, отмечает, что изучаемое историками прошлое постигается «в свете категорий, данных им культурой, в границах которой им суждено существовать и мыслить» [Вжозек 1991: 60]. Прошлое, по мнению ученого, «заколдовано человеческим видением мира», оно «становится объектом антропоморфизации, ибо исследуется культурой» [Там же: 60]. Антропоморфизация мира в историческом тексте проявляется в «человеческом насыщении его метафорами».

Действительность фактографического прошлого историка-повествователя — это прежде всего рассказ личности о событиях. В. Вжозек считает, что «изменчивость или устойчивость метафор той или иной культуры обуславливает ее исторические образы, характер исторического мышления и как следствие природу историографических образов мира» [Там же: 61]. Можно сделать вывод о том, что авторское метафорическое моделирование историко-политического события, представляя исторические образы участников реальных военных событий, влияет на формирование историографической картины мира.

Предлагаемая нами комплексная методика анализа метафорического моделирования предполагает несколько этапов исследования метафорического словоупотребления в историографическом потенциале: на первом этапе происходит выявление в англоязычных текстах метафорических словоупотреблений и формирование корпуса метафорических моделей; на втором этапе идет систематизация найденных моделей с построением фреймо-слотовой системы, ориентированной на «сферу-источник» при метафорическом описании историко-полити-

ческой картины события; на третьем этапе проводится статистическая обработка материалов и выявление доминантных метафорических моделей; на четвертом этапе происходит описание и интерпретация фреймо-слотовой структуры авторской метафоры при концептуализации событийной картины мира с ориентацией на текстовую последовательность; на пятом этапе историографический потенциал интерпретированной индивидуальной образной системы метафорических моделей сверяется с историческим справочным англоязычным материалом из «Encyclopedia Britannica» и подкрепляется им.

Персонификация мира в историко-мемуарном тексте У. Черчилля предполагает его насыщенность антропоморфными («Anthropomorphic») метафорическими моделями. При этом количественный анализ моделей метафоры выявил пять доминантных тематических сигнификативных областей: «Person», «Society», «Nature», «Artifact» и «Exact Science». Семантические поля концептов из этих областей образуют соответственно «Anthropomorphic», «Sociomorphic», «Naturemorphic», «Artifact» метафорические модели и «Exact sciences metaphor» модели.

В составе метафор историко-политического текста доминируют и задают им сюжет классическая антропоморфная метафорическая модель «The Nation/State — A Person», а также вариации социоморфных метафорических моделей «The Nation/State — A Criminal/Friend/Enemy/Victim». Остальные фреймо-слотовые разновидности метафорических моделей выступают как дополнительные звенья в моделировании истории военных событий.

Метафорическое описание исторического события и интерпретация метафорических моделей предполагает три компонента: рассмотрение событийного плана, описание языковой репрезентации авторской метафоры и фреймо-слотовое определение метафорических моделей.

В соответствии с выработанной нами методикой анализа метафорической репрезентации исторического события рассмотрим последовательно событийный план первого сюжета, который включает исторический факт подписания Версальского мирного договора 1919 г., официально завершившего Первую мировую войну. В марте 1918 г. Россия заключила с Германией сепаратный мир и не участвовала в подписании договора в Версале. Договор имел целью закрепление передела мира в пользу держав-победительниц: Великобритании и Франции. По условиям договора Германия возвращала Франции Эльзас-Лотарингию, признавала

и обязывалась строго соблюдать независимость Австрии, Польши и Чехословакии. Вся германская часть левобережья Рейна и полоса правого берега шириной в 50 км подлежала демилитаризации. Германия лишалась всех колоний, которые позднее были поделены между главными державами-победительницами на основе мандатов Лиги Наций. Германии запрещалось иметь многие современные виды вооружения. Она обязывалась возмещать в форме репараций убытки, понесенные правительствами и отдельными гражданами стран Антанты в результате военных действий.

Поражение Германии в Первой мировой войне представлено в мемуарах У. Черчилля с помощью восьми текстовых метафорических фрагментов. Отметим, что описание исторического сюжета автором с помощью метафор связано с индивидуальной характеристикой участниц события. Именно описание характера стран-участниц (Германии, Франции, Британии, России, США и Японии) составляет основу анализа событийного сюжета «*Поражение Германии в Первой мировой войне*». Можно предположить, что историографическая функция метафоры позволит репрезентировать авторское неоднозначное отношение к участникам этого событийного сюжета.

Рассмотрим текстовый фрагмент, связанный с первым событийным сюжетом:

(1) «In the summer 1919, the Allied armies stood (1. AM) along the Rhine, and their bridgeheads *bulged* into (2. CM) *deeply* (3. PM) into *defeated* (4. CM), *disarmed* (5. CM), and **hungry** (6. AM) **Germany**. The chiefs of the victor (7. CM) Powers (8. TH) debated and disputed the future in Paris. Before them lay the map of Europe to be redrawn almost as they might resolve. After fifty-two months of *agony* (9. AM) and *hazards* (10. CM) the Teutonic Coalition lay at *the mercy* (11. AM) and not one of its four members could *offer* (12. AM) the slighters *resistance* (13. TH) to their *will* (14. AM). **Germany, the head** (14. AM) and *front* of the *offence* (15. CM), regarded by all as the prime course of the *catastrophe* (16. CM) which had fallen upon world, was at the *mercy* (17. AM) of discretion of *conquerors* (18. CM), themselves **reeling** from (19. AM) **the torment** (20. AM) they had **endured** (21. AM). Moreover, this had been a war, not of government, but of peoples. The whole **life** (22. AM) — *energy* (23. TH) of the greatest **nations** had been *poured out* (24. PM) in *wrath* (25. AM) and *slaughter* (26. CM). The war leaders assembled in Paris had been borne thither upon the strongest and most furious *tides* (27. PM) that have ever *flowed* (28. PM) in human history» [Churchill 1948, I: 4].

Как видно из приведенного текста, основными моделями метафорической проекции, которые передают авторское восприятие стран-участниц событийного сюжета, являются модели «Germany — a Person / A Victim»; «Germany — a Person / A Criminal»; «England and France — Persons/Conquerors». Данные модели представляют собой метафоры персонификации. Германия, Англия и Франция осмысляются как люди, при этом в метафорической модели «Victim/Жертва» сигнификативные дескрипторы *defeated* (4), *disarmed* (5) and *hungry* (6) изначально создают образ Германии как «побежденной, обезоруженной и голодающей» персоны. С помощью следующей метафорической модели автору удается создать криминальный образ Германии. В метафорической модели «A Criminal / Преступник» сигнификативный дескриптор *the offence* (17) представляет Германию главарем и предводителем преступных сил. Метафорические образы Германии, Англии и Франции осмысляются во временных рамках послевоенных событий 1919 г. England and France — *Conquerors / Завоеватели* (18), которые сами еле *держались на ногах* (19) после *пережитых* (21) ими *мучений* (20). Автор описывает эти страны как персонифицированных участников и показывает, что они живут (22), проявляя свои чувства в *гневе* (25). Их жизненная энергия *изливается* (24) в этом гневе. Жестокость и ужас военных действий, в которых они принимают участие, отражены с помощью метафоры *slaughter* (26) / *избиение, резня*.

Как видим, дескрипторы *power, energy* сигнификативной понятийной сферы *Physics*, используемые автором, акцентируют мощь/силу участников и передают героический пафос исторического события.

Автор описывает стихию войны с помощью динамики природоморфной метафорической модели *воды*. Эта динамика движения репрезентируется сигнификативными дескрипторами *poured out* (24), *tides* (27), *flowed* (28). У. Черчилль использует данные образы с целью создания стихийной картины военного времени. Военных руководителей стран — участниц войны выносит на своем гребне самая мощная и самая яростная *волна* (27), когда-либо *вздымавшаяся* (28) в истории человечества. В авторской метафоре присутствует событийная оценка, которая передает масштаб, отражает стихию и ужасы Первой мировой войны.

Текстовый фрагмент описывает изнеможение противоборствующих в войне сторон, горе, страдания и ненависть людей по отношению к своим врагам. Историографическая функция метафоры проявляется в создании

образов участников событий кровавой Первой мировой войны после подписания ими Версальского договора 28 июня 1919 г. через авторское восприятие исторических событий. Целевая установка автора, на наш взгляд, состоит в живой характеристике участников исторического события.

Осмысление текста и интерпретация авторской метафоры с позиции когнитивного анализа соотносится со смысловыми ассоциациями выделенных в тексте фреймо-словых разновидностей метафорических моделей четырех сигнификативных понятийных сфер — антропоморфной, социоморфной, природоморфной и сферы точных наук:

- **Антропоморфные модели (AM).** Personal action/ability (1, 12, 19, 22). Disease/health (6, 9, 20, 21). Body parts (14). Feelings/Emotions/Senses (11, 14, 17, 25).
- **Социоморфные модели (CM).** Military action (2). Victim (4, 5). Victor (7). Criminal (10, 15, 26). Destruction (16). Conqueror (18).
- **Природоморфные модели (ПМ).** Water (3, 24, 27, 28).
- **Модели точных наук (ТН).** Physics (8, 13, 23).

Обратимся к анализу следующего событийного фрагмента, в котором особый исследовательский интерес представляет описание У. Черчиллем образа Германии с помощью употребления антропоморфной и социоморфных метафорических моделей:

(II) «But the future was *heavy* (1. ТН) with foreboding. The population of France was less than two-thirds that of Germany. The French population was stationary, while the German grew. In a decade or less the annual *flood* (2. ПМ) of German youth *reaching* (3. CM) the military age must be double that of France. **Germany** had *fought* (4. CM) nearly the whole world. Almost *single-handed* (5. AM) and *she* had almost *conquered* (6. CM). Those who knew the most knew best the several occasions when the result of Great War had *trembled* (7. AM) in the *balance* (8. ТН), and the accidents and chances which had turned the *fateful* (9. CM) *scale* (10. АФ)» [Там же: 5].

Как видим из приведенного текста, основной моделью метафорической проекции в представлении автором Германии является следующая: «Germany — a *Person* / a *Conqueror*». Сигнификативные дескрипторы социоморфной метафорической модели *fought*, *conquered* семантически дополняются смыслами сигнификативного дескриптора *single-handed* антропоморфной морбиальной метафорической модели. Смысловое взаимодействие метафорических моделей этой метафоры не только способствует персонификации при создании образа Германии, но и

передает авторское отношение. У. Черчилль отмечает недюжинную силу воевавшей на два фронта страны, которая лишилась после Версальского мирного договора армии, авиации и флота. Метафорически автор передает исторический факт возрождения нацистской Германии после поражения в Первой мировой войне, чем подтверждает историографический потенциал этой метафоры.

Первые две метафоры можно сопроводить информацией из «Encyclopedia Britannica», подтверждающей историографическую корректность авторских метафор [Treaty of Versailles].

Выявленные нами метафорические модели, связанные с описанием исторической ситуации после поражения Германии в Первой мировой войне, можно отнести к четырем сигнификативным областям: *Person*, *Society*, *Nature* и *Science*. Семантические поля сигнификативных дескрипторов из этих областей образуют соответственно антропоморфные, социоморфные, природоморфные метафорические модели и метафорические модели точных наук:

- **Антропоморфные модели (AM).** Disease/health (7). Body parts (5).
- **Социоморфные модели (CM).** Military action (4, 6). Myth/Faith (9). Travel/Roads (3).
- **Природоморфные модели (ПМ).** Water (2).
- **Модели точных наук (ТН).** Weight (1, 8, 10).

Остановимся на характеристике следующего фрагмента текста, который дополняет видение У. Черчиллем Германии после ее поражения в Первой мировой войне — автор выражает свою оценку, представляя Германию *жертвой*:

(III) «On Armistice Day, the German armies had marched homeward in good order. “They fought well”, said Marshal Foch, Generalissimo of the Allies, with the *laurels* (1. ПМ) bright upon his *brow* (2. AM), speaking in soldierly mood: “let them keep their weapons”. But he demanded that the French frontier should henceforth be the Rhine. Germany might be *disarmed* (3. CM); *her* military system (4. АФ) *shivered* (4. AM) in *fragments* (5. АФ); *her* fortresses dismantled: Germany might be *impoverished* (6. CM); *she* might be *loaded* (7. CM) with measureless indemnities; *she* might become a *prey* (8. CM) to internal feuds; but all this would *pass* (9. CM) in ten years or in twenty» [Churchill 1948, I: 6].

Историографическая функция метафоры позволяет автору моделировать событийную действительность в индивидуальных вербальных репрезентациях образных представлений основной участницы события.

Основная модель метафорической проекции («Germany — a Person / a Victim») объединяет фреймо-слотовые разновидности метафорической модели персонификации и социоморфной метафорической модели. Новый смысловой акцент в историко-политический портрет Германии вносят метафорические модели этой авторской метафоры. Индивидуальное видение автором основного участника сюжета — Германии — в образе возможной *жертвы* (8) репрезентируется в ментальных связях, закрепленных в метафоре. Персонификация Германии усложняется социоморфной метафорической моделью (3). Образ Германии воспринимается персоной, которую можно не только *disarmed* (3) / *разоружить*, но и *impo-verished* (6) / *разорить* и *loaded* (7) / *обложить* неограниченной контрибуцией. Сигнификативные дескрипторы *system* и *fragment* добавляют некую структурность в представление образа страны. Дескрипторы *disarmed u shivered* размещают метафорический образ в повествовательной рамке военного периода, периода разрушения. Историкографическая функция метафоры проявляется в создании автором смысловых представлений с помощью сигнификативных дескрипторов *disarmed* (3), *impo-verished* (6), *a prey* (8) образа Германии после ее поражения в Первой мировой войне.

Интерпретация авторской метафоры [Там же: 6] соотносится с выделенными в тексте фреймо-слотовыми разновидностями метафорических моделей четырех сигнификативных понятийных сфер — «Человек», «Общество», «Природа», «Артефакт». Семантические поля сигнификативных дескрипторов этих областей образуют соответственно антропоморфные, социоморфные, природоморфные и артефактные метафорические модели:

- **Антропоморфные модели** (AM): Face/ Appearance (2). Human Action (4).
- **Социоморфные модели** (CM): Economy (6, 7). Military action (3). Victim (8). Travel/ Roads (9).
- **Природоморфные модели** (PM): Plants (1).
- **Артефактные модели** (AF): System/Construction (4).

В языковой репрезентации [Там же: 9] событийного сюжета «*Поражение Германии в Первой мировой войне*» основной ее участник, Germany, представлен автором как должник:

(IV) «Germany only *paid* (1. AM), or was only *able* (2. AM) *to pay*, the indemnities later *extorted* (3. CM) because the United States was profusely *lending* (4. CM) money to Europe and especially *to her*. In fact, during the

three years 1926 to 1929 the United States was *receiving back* (5. CM) in the form of debt-instalment indemnities from all quarters about one-fifth of the money which *she* was *lending* (6. CM) to Germany with no chance of *repayment* (7. CM). However, everybody seemed *pleased* (8. AM) and appeared *to think* (9. AM) this might go on forever» [Там же: 9].

Основные модели метафорической проекции: «German — a Person / a Debtor». В языковой репрезентации [Там же: 9] Германия, Европа и Соединенные Штаты персонифицируются системой сигнификативных дескрипторов. В моделях метафорической проекции «Germany/Europe — a Person / a Debtor» и «the United States — a Person / a Lender» образы стран описываются средствами сигнификативных дескрипторов *to pay*, *lending money*, чем предлагается осмысливать картину в экономических понятиях. Действие, которое метафорически связано с образом Германии, описание ориентирует нас увидеть в исходном понятийном пространстве *Crime*. Контрибуция, которую уплатила Германия — *extorted* («добытая вымогательством»). При этом создатель метафоры представляет США как щедрую персону, которая ссужает деньги Европе. Метафорическое осмысление военной действительности мудрым политиком в понятиях слота *Crime activity* и *Money* социоморфных метафорических моделей предполагает историко-политическую осведомленность автора сложной метафоры. Справка из «Encyclopedia Britannica» конкретными цифрами подтверждает эту образную картину события [Treaty of Versailles].

Из энциклопедической справки следует, что невозможно подсчитать точную сумму, которую необходимо было уплатить в качестве репараций за ущерб, нанесенный Германией, особенно во Франции и в Бельгии, ко времени подписания Версальского договора, но назначенная в 1921 г. комиссия оценила потери, понесенные гражданским населением, в размере 33 млрд долларов. Несмотря на утверждения экономистов того времени о невозможности собрать когда-либо такую огромную сумму денег без расстройства международных финансов, союзники настаивали на том, чтобы заставить Германию платить, и договор позволял применить к Германии санкции, если она задержит платежи.

Фреймо-слотовые разновидности метафорических моделей этого фрагмента событийного сюжета представлены в антропоморфных и социоморфных видах:

- **Антропоморфные модели** (AM). Human Action / Ability (1, 2, 9). Feelings/Emotions/ Senses (8).

- **Социоморфные модели** (CM). Money/Finance (3, 4, 5, 6, 7). Crime (3).

У. Черчилль метафорически описывает Британию и французскую нацию в следующем текстовом фрагменте:

(V) «When again would *peaceful* (1. AM), *careless* (2. AM), *anti-militarist* (3. AM) **Britain tramp** (4. CM) the plains of Artois and Picardy with armies of two million men? When again would the ocean *bear* (5. AM) two millions of the splendid manhood of America to Champagne and the Argonne? **Worn down** (6. AM), *doubly decimated* (7. TH), but undisputed *masters* (8. CM) of the *hour* (9. TH) **the French nation peered** (10. AM) *into* the future in *thankful* (11. AM) *wonder* (12. AM) and *hunting* (13. CM) **dread** (14. AM). Where then was that Security without which all that had been gained seemed *valueless* (15. CM), and life itself, even amid the rejoicings of victory, was almost unendurable? The mortal need was security at all *costs* (16. CM) and by all methods, however *stern* (17. AM) or even *harsh* (18. AM)» [Churchill, 1948, I: 6].

Основные модели метафорической проекции: «Britain — a Peaceful Person»; «the French nation — a Frightened Person».

Модель метафорической проекции «Britain — a Peaceful Person» представляет образ Британии в виде мирной и беззаботной особы, которая не любит воевать и бродит по равнинам Франции, при этом читатель может ощущать озабоченность, тревогу и досаду автора. Персонификация осуществляется рядом антропоморфных сигнификативных дескрипторов: *peaceful* (1), *careless* (2), *anti-militarist* (3).

Следующая модель метафорической проекции («the French nation — a Frightened Person») представляет образ *the French nation* с нотками авторской симпатии и сопереживания. Персонификация осуществляется большинством антропоморфных сигнификативных дескрипторов: *worn down*; *undisputed*; *thankful*; *wonder*; *dread*. Это образ госпожи момента, которая истощена, но при этом вглядывается в будущее со смешанным чувством благодарного удивления и гнетущего страха. Сигнификативные дескрипторы фреймов метафорических моделей точных наук и природоморфной метафорической модели вносят детальность. Историографичность метафоры проявляется в образной корректности исторической действительности. Британский экспедиционный корпус действительно вел военные действия во французских провинциях (Artois and Picardy), и военные операции Антанты унесли жизни сотен тысяч солдат с обеих сторон. Однако основное бремя ответственности на

Западном фронте в ходе Первой мировой войны легло на Францию, и она понесла значительные людские потери, что подтверждается данными из «Encyclopedia Britannica» [World War I]. Согласно этой энциклопедии, победа далась Франции огромной ценой. Из 8 млн мобилизованных французов 1,3 млн человек были убиты и почти один миллион покалечен. Обширные площади северо-восточной Франции, наиболее развитые в индустриальном и сельскохозяйственном плане, были разорены. Промышленное производство упало до 60 % от довоенного уровня, экономический рост стал невозможен в течение десяти лет. Огромная цена военных действий серьезно подорвала франк и предопределила его неустойчивость на многие годы.

Осмысление текста и интерпретация авторской метафоры [Churchill 1948, I: 6] с позиции когнитивного анализа соотносится с выделенными в тексте фреймо-слотовыми разновидностями трех метафорических моделей — антропоморфной, социоморфной и метафорической модели точных наук:

- **Антропоморфные модели** (AM). Character traits (1, 2, 3, 17, 18). Personal Action (5, 10). Disease/health (6). Feelings/Emotions/Senses (11, 12, 14).
- **Социоморфные модели** (CM). Travel/Roads (4). Social classes (8). Hunting (13). Money/Finance (15, 16).
- **Модели точных наук** (TH). Mathematics (7). Physics (9).

Особый интерес в описании исторического сюжета «Поражение Германии в Первой мировой войне» в аспекте языковой репрезентации [Там же: 6—7] представляет метафорическое изображение Франции в образе воина:

(VI) «The *indestructible* (1. CM) *might* (2. TH) “of all the German tribes” would rise once more and the unquenched *fires* (3. PM) of **warrior** (4. CM) **Prussia glow** (5. PM) and *burn* (6. PM) again. But the Rhine, the broad, deep, *swift-flowing* (7. CM) Rhine, once held and *fortified* (8. CM) by the French Army, would be a *barrier* (9. CM) and a *shield* (10. CM) behind which **France could dwell** (11. AM) and **breathe** (12. AM) for generations. Very different were the *sentiments* (13. AM) and *views* (14. AM) of **the English-speaking world**, without whose *aid* (15. AM) **France must have succumbed** (16. AM)» [Там же: 6—7].

С учетом смысла текста, основными моделями метафорической проекции авторской метафоры являются следующие: «Prussia — A Person / a Warrior»; «France — A Person / a Warrior»; «Rhine — a France shield, the English-speaking world — A Person».

Первая модель метафорической проекции («Prussia — A Person / a Warrior») репрезентирована с помощью дескриптора *warrior* (4) и рисует метафорический образ воинственной Пруссии в совокупности с метафорической моделью *Fire* во фреймо-слотовом наборе сигнификативных дескрипторов *fires* (3), *glow* (5) и *burn* (6).

С опорой на уже построенную модель метафорической проекции «Prussia — A Person / a Warrior» и сигнификативный дескриптор *a shield* (10) выстраивается персонифицированная социоморфная метафорическая модель «France — A Person / a Warrior». Щит — это атрибут воина, поэтому Франция тоже воспринимается в образе воина. У Черчилль стремится представить Францию в образе былинного героя.

Франция персонифицируется с помощью сигнификативных дескрипторов фреймов *Person actions* и *Human ability* антропоморфных метафорических моделей. Возможность Франции спокойно жить и дышать (*live* и *breathe*) концептуализируется в совокупности с восприятием в этой сложной метафоре образа *the Rhine*. Рейн метафорически моделируется набором сигнификативных дескрипторов (9; 10). Рейн — это «*a barrier*» (9) и «*a shield*» (10), он защищает фигуру Франции на картографированном фрагменте военно-исторической картины. Выгодное историческое месторасположение в военных действиях — стратегический объективный фактор — передан У. Черчиллем средствами сложной метафоры [Там же: 7]. В метафорической репрезентации этого фактора проявляется историографический потенциал метафоры.

Осмысление текста и интерпретация авторской метафоры с позиции когнитивного анализа соотносится с анализом функционирования выделенных в тексте фреймо-слотовых разновидностей метафорических моделей четырех сигнификативных понятийных сфер — антропоморфной, социоморфной, природоморфной и сферы точных наук:

- **Антропоморфные модели** (AM). Character traits (1, 2, 3, 17, 18). Person Action (5, 10, 15, 16). Disease/health (6). Feelings/Emotions/Senses (13). Human ability (11, 12, 14).
- **Социоморфные модели** (CM). Destruction (1). Victor/Hero (4). Travel/Movement (7). Military building (8, 9). Weapons (10).
- **Природоморфные модели** (PM). Fire (3, 5, 6).
- **Модели точных наук** (TH). Physics (2).

В сюжете текстового фрагмента находим метафорическое описание отношений между

США, Британией и Японией в исследуемый событийный период.

(VII) «**The United States made** (1. AM) it clear **to Britain** that the continuance of *her alliance* (2. CM) with Japan, to which the Japanese had *punctiliously* (3. AM) conformed, would *constitute* (4. AM) *a barrier* (5. АФ) in Anglo-American relations. Accordingly this alliance was brought to *an end* (6. CM). This annulment caused a profound expression in Japan, and was *viewed* (7. AM) as **the spurning** (8. AM) of an Asiatic Power (9. TH) by the Western world. Many links were sundered which might afterwards have proved of decisive value to peace. At the same time, **Japan could console** (10. AM) **herself** with the fact that the **downfall** (11. AM) of **Germany and Russia** had, for a time, raised *her* to the third place among the world's naval Powers (12. TH), and certainly to the highest rank» [Там же: 14].

Основные модели метафорической проекции, представляющие образы стран — «Britain / the United States / Japan — Persons / new (old) allies».

В сюжетной линии языковой репрезентации [Там же: 14] три основных образа: Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Япония. Персонифицированные метафорические модели (выделенные полужирным в языковой репрезентации метафоры) переносят международные отношения в плоскость человеческих отношений. Отношения в этом «треугольнике» за счет антропоморфных метафорических моделей (1, 3, 4, 7, 8, 10, 11) представляются непростыми. Поскольку Соединенные Штаты против сохранения союза «Britain — Japan», союз аннулируется. Дескриптор *the spurning / пощечина* может быть осмыслен в области-источнике «*Person action*». При этом смысловая составляющая лексемы *the spurning* не нейтральна в восприятии — она и агрессивна, и унизительна в смысловой совокупности взаимодействия метафорических моделей, передающих историко-политическую ситуацию. Образная индивидуальность метафоры отражает авторское восприятие военной действительности и демонстрирует ее историографическую функцию.

Реконструкция авторского концептуального моделирования события и отношений стран в этот период оказалась возможной с помощью интерпретации семантики фреймо-слотовых структур авторской метафоры. Фреймо-слотовые разновидности метафорических моделей метафоры [Там же: 14] таковы:

- **Антропоморфные модели** (AM). Character traits (3). Person Action (1, 4, 8, 10, 11). Person Ability (7).

- **Социоморфные модели** (СМ). Social classes/groups (2). Travel/Movement (6). Military building (5).

- **Модели точных наук** (ТН). Physics (9, 12).

В следующем текстовом фрагменте историко-политического события «Поражение Германии в Первой мировой войне» У. Черчиллем метафорически осмысливается образ России:

(VIII) «What prospect was there in the future that the Great Allies would once again appear in their millions upon the battlefields of France or in the East? *Russia* was in *ruin* (1. СМ) and *convulsion* (2. АМ), *transformed* beyond (3. АФ) all semblance of the past. Italy might be upon the opposite side. Great Britain and the United States were separated by the seas or oceans from Europe. The British Empire itself seemed *knit* (4. АФ) together by ties which none but its citizens could understand» [Там же: 6].

Из содержания текста следует, что основной моделью метафорической проекции, представляющей Россию, является модель «*Russia — a Diseased Person*».

Фреймо-слотовое моделирование отражает авторское метафорическое видение историко-политической картины. Смысловая нагрузка слотовой разновидности метафорической модели *Destruction* говорит о потрясениях и разорениях, переживаемых Россией после Первой мировой войны. Образ умирающей России (*in convulsion*), созданный автором средствами персонифицированной морбиальной метафорической модели, представлен в начале главы «The Follies of the Victors» и изменяется в динамике исторических событий текста У. Черчилля. Историкографичность авторской метафоры в индивидуальном образном отражении послевоенной ситуации в России подтверждается тем, что Первая мировая война действительно ослабила страну и понизила престиж России. Об этом свидетельствует справка из энциклопедии «Encyclopedia Britannica» подтверждает [The February Revolution].

Из энциклопедического фрагмента видно, что Первая мировая война ослабила царизм. Унизительные поражения, понесенные Россией от Германии, которая выдавила соперничающую страну из Польши, еще более понизили престиж монархии. Хотя Россия производила продовольствия более, чем достаточно, чтобы прокормить себя, плохое экономическое управление вкупе с развалом перевозок привели на третий год войны к резкому повышению цен и нехватке продуктов в городах.

Описание индивидуального концептуального моделирования У. Черчиллем исто-

рической ситуации в России в этот период оказалось возможным за счет интерпретации смысловых взаимодействий фреймо-слотовых структур авторской концептуальной метафоры. Фреймо-слотовые разновидности метафорических моделей метафоры [Churchill, 1948: 6] таковы:

- **Антропоморфные модели** (АМ). Disease (2). Person Ability (7).

- **Социоморфные модели** (СМ). Dstruction (1).

- **Артефактные модели** (АФ). Mechanism (3). Crafts (4).

Анализ авторского метафорического моделирования историко-политического события «Поражение Германии в Первой мировой войне» выявил ряд моделей метафоризации: «*Germany — A Criminal / Conqueror / a Debtor / a Victim*»; «*Britain — a Peaceful Person*»; «*Russia — a Diseased Person*»; «*the United States — a Lender*»; «*France — a Warrior / Frightened Person*»; «*England and France — Conquerors*». Интерпретация основных метафорических моделей позволяет увидеть отношение У. Черчилля к странам — участникам историко-политического события. Историкографическая функция метафоры проявляется в осуществлении ей образной индивидуальной интерпретации исторического прошлого. Историкографический потенциал метафор проявляется в создании метафорического образа поверженной Германии после ее поражения в Первой мировой войне, а также образов стран, участвующих в этом историко-политическом событии. Победившая преступную Германию Антанта представлена У. Черчиллем метафорическими образами миролюбивой Англии, заболевшей революцией и большевизмом России, трусливой, но сражающейся Франции, далекой и богатой Америки — союзника Антанты.

Все образы репрезентированы в историческом развитии. Примером может служить текстовое постраничное продвижение от языковой репрезентации образа Германии (I) до репрезентации (IV). Этот образ, изначально представленный автором метафорически, дополняется новыми смысловыми ассоциациями.

В языковой репрезентации I [Там же: 4] Германия представляется за счет метафорических проекций побежденной, разоруженной и голодающей жертвой, которая в прошлом была главарем преступных сил:

- «*Germany — a Person / a Victim*» (авторские метафорические модели *defeated* (4. СМ), *disarmed* (5. СМ) and *hungry* (6. АМ) Germany);

- «*Germany — a Person / a Criminal*» (метафорические модели «*Germany, the*

head (14. AM) and *front* of the *offence* (15. CM)»).

Во фрагменте языковой репрезентации II [Там же: 5] образ Германии детализируется и обретает новые характеристики военного превосходства в мире с помощью следующей метафорической проекции: «Germany — *a Person / a Conqueror* (три метафорические модели: «Germany had *fought* (4. CM) nearly the whole world. Almost *single-handed* (5. AM) and *she* had almost *conquered* (6. CM)»).

У. Черчилль, представляя Германию жертвой в языковой репрезентации III [Там же: 6] с основной моделью метафорической проекции «Germany — *a Person / a Victim*», дополняет описание разоруженной по окончании Первой мировой войны Германии указанием на факт полного уничтожения военной системы страны: Германия разоружена / *disarmed* (3. CM), ее военная система полностью разбита / *her military system* (4. AF) *shivered* (4. AM) in *fragments* (5. AF).

В языковой репрезентации IV [Там же: 9] Германия представляется автором в метафорической проекции «Germany — *a Person / a Debtor*» не просто должником, а человеком, способным уплатить контрибуцию: «Germany only *paid* (1. AM), or was only *able* (2. AM) to pay».

Таким образом, историографический потенциал авторской метафоры помогает читателю с позиции когнитивного анализа определить неоднозначность и динамику авторского отношения к основному участнику историко-политического события «Поражение Германии в Первой мировой войне» — от неприятия и осуждения преступной сути политики Германии до признания ее силы, как экономической, так и военной.

Образ Британии в первых событийных сюжетах представлен автором в двух метафорических проекциях:

- «Britain — *a Peaceful Person*» (в языковой репрезентации V);
- «Britain / the United States / Japan — *Persons / new (old) allies*» (в языковой репрезентации VII).

Отметим, что к образу «миролюбивой» Англии (*peaceful* (1. AM), *careless* (2. AM), *anti-militarist* (3. AM)), хотя исторические факты свидетельствуют об обратном, У. Черчилль добавляет наполненную уже неприкрытой иронией метафору, касающуюся двухмиллионной британской армии, которая бродит (а не сражается): «Britain *tramp* (AM) the plains of Artois and Picardy» — во время Первой мировой войны по равнинам Артуа и Пикардии во Франции.

Что касается треугольника союзников — США, Великобритании и Японии, — то исто-

риографическая функция метафоры передает озабоченность У. Черчилля, для которого, исходя из интерпретации метафорического моделирования, внутри этого треугольника неприемлемо как неравноправие, так и гегемония США. Доказательством этого может служить авторская антропоморфная метафорическая модель *пощечины / the spurning* (AM), которая «дается» союзнику — Японии.

В языковых репрезентациях историко-политического события «Поражение Германии в Первой мировой войне» репрезентированы авторские метафорические проекции, помогающие представить видение У. Черчиллем другого участника этого события в историческом развитии — Франции.

Союзник по Антанте изображен У. Черчиллем в языковом фрагменте I как держава-победитель / *victor* (7. CM) *Powers* (8. TH). В текстовом фрагменте V Франция предстает в образе истощенной, с поредевшим вдвое населением / *worn down* (6. AM), *doubly decimated* (7. TH). В этом же событийном сюжете У. Черчилль с помощью метафоры и ее историографической возможности завуалированно упрекает в трусости французских солдат, так как термин «децимация» (казнь каждого десятого по жребию в римской армии) к храбрым солдатам не относится. При этом Франция чувствует себя госпожой момента — *masters* (8). Таким образом, противоречивый образ Франции, представленной автором историографическими средствами метафоры в качестве трусливого союзника-победителя, выглядит для читателя не схематичным, а чрезвычайно убедительным.

Бывший союзник по Антанте — Россия, подписавшая с Германией сепаратный мир в марте 1918 г., — в языковой репрезентации VII представляется как потерпевшая, наряду с Германией, поражение в войне: «...*downfall* (11. AM) of Germany and Russia», а в текстовом фрагменте VIII — как больной человек: «...in *ruin* (1. CM) and *convulsion* (2. AM), *transformed* beyond (3. AF)».

Итак, проанализированные с позиций когнитивной лингвистики фрагменты исторического описания события подтверждают выдвинутое нами предположение об историографической функции метафор. Метафорическое моделирование историко-политического события «Поражение Германии в Первой мировой войне», репрезентируя авторские модели метафорических проекций, дает возможность представить видение У. Черчиллем участников этого события в историческом развитии.

Доступная для восприятия текстовая метафора, представленная в своем фреймо-

слотовом модельном разнообразии, позволяет осуществлять интерпретационные выводы на базе смысловых составляющих структуры. Определение принципов интерпретации смысловой структуры метафорической модели текста, исходя из его экстралингвистических оснований, на наш взгляд, является открытым. Принципы анализа, которые могли бы отразить единство поверхностно-языкового и глубинно-смысловых составляющих авторского метафорического моделирования экстралингвистического событийного основания, являются перспективным направлением когнитивного исследования авторской концептуальной англоязычной метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вжосек В.* Историография как игра метафор: судьбы новой исторической науки // *Одиссей: человек в истории* / АН СССР, Ин-т всеобщей истории. — М. : Наука, 1991. С. 60—74.
2. *Ankersmit F.* *History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor.* — Berkeley, California : Univ. of California Pr., 1994.
3. *Churchill Winston S.* *The Second World War. The Gathering Storm.* — Boston : Houghton Mifflin Company, 1948.
4. *The February Revolution.* URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/614785/Union-of-Soviet-Socialist-Republics/42039/The-February-Revolution>.
5. *Treaty of Versailles* // *Encyclopedia Britannica.* URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/626485/Treaty-of-Versailles>.
6. *World War I* // *Encyclopedia Britannica.* URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/215768/France/40454/World-War-I>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

П. Эмшал П. Zemszal
Горунь, Польша Torun, Poland

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
ОТНОСИТЕЛЬНО ПОНЯТИЯ
ИДЕОЛОГЕМЫ**

Аннотация. Понятие идеологемы кажется, особенно польским языковедам, достаточно загадочным и употребляется крайне редко. С одной стороны, оно представляется близким по значению к таким метафорическим определениям и терминам, которые называются *słowa sztandarowe* — это слова, появляющиеся на знаменах, коллективные символы, социально-политические понятия, фундаментальные лозунги, пароли, доминирующие символы. С другой стороны, идеологема — более точный термин, так как относится к определенному типу дискурса. Слишком широкая трактовка этого термина ставит под сомнение необходимость его использования, в связи с чем целесообразно сузить, уточнить его значение. Кроме того, предлагается методика выявления идеологемного характера отдельных лексических единиц.

Ключевые слова: идеологема; советский идеологизированный дискурс; новояз; социологические и политические термины.

Сведения об авторе: Эмшал Петр, кандидат филологических наук, адъюнкт, кафедра славянской филологии.

Место работы: Университет Николая Коперника в Торунь.

Контактная информация: 87-100, Poland, Torun, Fosa Staromiejska 3.
e-mail: pietruszka@wp.pl.

**A FEW WORDS
ON THE TERM
“IDEOLOGEME”**

Abstract. The term “ideologeme” seems to be close to phrases and terms such as banner words, collective symbols, social and political terms, constitutive slogans, key words or dominant symbols. Indirectly it refers to a specific type of a discourse, i.e., the ideological discourse. Too wide approach to any term questions the relevance of its use. Therefore, its meaning should be precisely specified, or at least, criteria for classifying terms as belonging to the ideologeme group should be established. The article proposes a method which by assuming a relatively narrow understanding of the term itself prevents intuitive dividing of the lexis into ideologemic and non-ideologemic.

Key words: ideologeme; soviet ideological discourse; newspeak; social and political terms.

About the author: Piotr Zemszal, Ph.D., Assistant Professor, Department of Slavonic Philology.

Place of employment: Nicolaus Copernicus University.

Одной из наиболее существенных характеристик идеологического дискурса советской эпохи является однозначность выражаемых оценок. В текстах так называемого новояза наблюдается идеологически мотивированная поляризация лексики. Андрей Романенко усиливает это положение тем, что оценка в советском дискурсе имеет гипертрофированный характер, т. е. она охватывает всю знаковую систему [Романенко 2000: 74]. Использование языка как орудия воздействия на социум основывается именно на его аксиологической функции, а цель отправителя сообщения — заставить получателя принять желаемую точку зрения [Fidelius 1984: 76].

Второй немаловажной чертой советской идеологизированной коммуникации является своего рода смешение двух типов аксиологических категорий — идеологических и универсальных. Категории, которые принято называть идеологическими, являлись доминантными. Хорошим, красивым и верным должно было быть все, что соответствовало

господствующим идеологическим установкам, плохим, уродливым, вредным и неверным оказывалось все, существующее вне этой парадигмы.

Идеологическая оценка часто выражается прямо, с помощью идеологически маркированных лексических единиц, которые иногда определяют как идеологемы. Функции этого понятия соотносимы именно с теми единицами дискурса, которые определяют его идеологический характер. Понятие идеологемы, особенно польским языковедам, кажется достаточно загадочным, оно употребляется крайне редко. С одной стороны, оно кажется близким по значению к таким метафорическими определениями и терминам, как *słowa sztandarowe* (это слова, появляющиеся на знаменах [Pisarek 2002], коллективные символы [Fleischer 2003], социально-политические понятия [Molas 2007], фундаментальные лозунги [Wróblewski 2006], пароли [Бодрийяр 2006], доминирующие символы (key symbols [Turner 1967])). С другой стороны, термин «идеологема» точнее, так

как относится к конкретному типу дискурса. В течение последних двух десятилетий понятие идеологема, которое восходит к работам М. Бахтина [Малышева 2009: 32], прочно обосновалось в русской политической лингвистике и стало чуть ли не ключевым термином в исследованиях идеологизированной коммуникации.

Е. Н. Ширяев вслед за Н. А. Купиной определяет идеологема как единицы, «которые подчиняют семантику группирующихся вокруг них слов» [Ширяев 1997: 18]. Примером так понимаемой идеологема является прилагательное *большевистский*, которое в идеологизированных высказываниях доминирует над другими словами в словосочетаниях типа *большевистская бдительность*, *большевистская мобилизованность*, *большевистские темпы работы*. В свою очередь, Г. Ч. Гусейнов определяет идеологема с точки зрения ее функции как минимальную значимую единицу, которая организует идеологическое сознание, придерживаясь вслед за Н. А. Купиной мнения о том, что идеологема является «знаком или устойчивой совокупностью знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного — правильного мышления и безупречного поведения — и предостерегающих их от недозволенного» [Гусейнов 2003: 12]. О словах-идеологемах А. П. Романенко пишет: «Единицы нашего описания — это не слова, а семантические гнезда: объединенные одной семьей разные формы, разные части речи, однокоренные и неоднокоренные слова» [Романенко 2000: 75]. Наконец, Михаил Эпштейн определяет идеологема как слова, содержащие неразделимые комбинации дескриптивных и оценочных смыслов, которые нельзя интерпретировать вне контекста [Epstein]. Этому подходу к идеологема близки взгляды Тимура Радбиля, который воспринимает идеологема как средство аксиологизации сообщения [Цит. по: Малышева 2009: 34]. Сходную точку зрения высказывает Виктор Тёрнер, говоря о доминирующих символах как основном факторе, формулирующем сознание [Turner 1967].

Языковеды нередко определяют идеологема как класс лексических единиц, непосредственно связанных с идеологией [Малышева 2009: 34]. Тем не менее целесообразным кажется воспринимать их как единицы довольно абстрактные, о чем свидетельствует тот факт, что они могут проявляться во множестве других, неязыковых форм (графические символы, музыкальные произведения и т. п. [Гусейнов 2003; Малышева 2009]). С лингвистической точки зрения идеологема лишь проявляется как языковая

реализация единицы высшего уровня [Купина 2008]. К категории ценностей (т. е. явлений сверхлингвистических) относит идеологема А. Мирошниченко [Мирошниченко 2008: 179—180], предлагая также разделить когнитивную и языковую сферу через употребление разных терминов — идеологема и относящейся к языку лингвемы. Стоит подчеркнуть, что исследователь воспринимает идеологема как аксиологизированную единицу вообще, т. е. идеологемами, по его мнению, являются такие понятия, как *забота*, *благополучие*, *закон*, *сотрудничество*, *время* [Мирошниченко 2008: 179—180] (ср. «идеологема» *Олимпиада*, *спорт* [Малышева 2009: 34]).

Слишком широкая трактовка термина, на наш взгляд, ставит под сомнение его необходимость. В связи с этим целесообразным представляется точное определение объема его значения. Мы предлагаем трактовку идеологема и ее языковых проявлений не как единиц, «отсылающих» к идеологии или просто «связанных» с ней, а как единиц, определяющих идеологическую специфику мышления и текста, их своего рода дистинктивные признаки. Связанными с идеологией могут считаться многие понятия, которые сами по себе не являются идеологическими, например в советском дискурсе — слова *болтун* («тот, кто разглашает тайну, секретные сведения» [Мокиенко, Никитина 1998]), *бдительность* (в первую очередь — *большевистская, революционная*), *колхоз* (как элемент советской действительности, а не колхозная система как понятие, содержащее идеологическую составную коллективизма). В свою очередь, слова типа *большевик*, *коммунизм*, *марксизм* обозначают фундаментальные понятия идеологии. Именно такие понятия (не лексемы, которые являются лишь их языковыми проявлениями) я предлагаю считать идеологемами. Остальные единицы, которые лишь «отсылают» к идеологии, следовало бы тогда определить как идеологизированные, или идеологически маркированные. Альтернативным выходом могла бы стать классификация широко понимаемых идеологема по признаку степени идеологической нагрузки. В таком случае понятия *болтун* и *коммунизм* уже на первый взгляд принадлежат к совершенно разным классам. Однако такая классификация являлась бы совершенно интуитивной (о других попытках классификации идеологема см.: [Малышева 2009: 36—37]). Следует подчеркнуть, что предложенный подход не так уж сильно ограничивает общий набор идеологема, поскольку любое более или менее абстрактное понятие обладает способно-

стью становиться идеологемой в определенном контексте существующей или даже возможной идеологии.

Однако, как бы ни интерпретировали анализируемое понятие, большинство исследователей одним из его основных признаков считают оценочность. Следует добавить, что языковые репрезентации идеологем в речи сторонников той или иной идеологии всегда положительно маркированы, а в речи их антагонистов — отрицательно. Сошлемся на классификацию идеологем А. П. Чудинова, который считает, что есть идеологемы, которые проявляются лишь в высказываниях сторонников данной идеологии [Чудинов 2007: 93]. Эти же идеологемы в цитатах могут приобретать ироническую, отрицательную оценочную окраску. Автор приводит пример парной пары: *страны народной демократии и советские сателлиты*, причем первое из названных понятий приписывается советскому политическому дискурсу, а второе — языку диссидентов. Об этом явлении писал в свое время польский лингвист Л. Беднарчук, который определил его как *бинарную эмоциональную квалификацию*, ср.: *партизан vs бандит* [Bednarczuk 1985: 31].

Возможно, предположение о том, что одни и те же идеологемы могут проявляться в разных идеологических дискурсах, меняя при этом свою оценочность, даст возможность исключить интуитивность в идентификации единиц данного типа [См.: Pisarek 1989: 40] или, по крайней мере, станет основой методики проверки интуитивных решений исследователя. Прежде всего идеологии взаимно антагонистичны. Оценка, выражаемая идеологемой, зависит от мировоззрения отправителя, которое оказывает сильное влияние на аксиологию его высказываний. Ежи Молас предлагает следующую формулировку этой проблемы: «Вещи, явления, объекты подвергаются изменениям, которые сторонники идеологии X оценивают положительно. Я — сторонник идеологии Y, и в рамках моей ценностной системы я оцениваю эти изменения и/или их поддержку отрицательно» [Molas 2007: 60].

Перейдем к примерам, демонстрирующим практическое применение предлагаемой методики. В воспоминаниях Нестора Махно (Н. Махно. Воспоминания. 1929) [Цит. по: НКРЯ] лексема *большевицкий*, которую интуитивно считают идеологемой, приобретает отрицательную оценочную окраску^[1]: *Не все собрались: самого главного не было — большевика Лепика, которому уже тогда, за кулисами, в большевицких кулуарах^[2], был предназначен пост предсе-*

дателя чеки, но от нас это пока скрывалось. Однако очевидно, что в высказываниях членов партии и сторонников большевиков эти слова однозначно положительно маркированы, например: *Транспортная общественность до сих пор слабо мобилизована, не взяла еще большевицских темпов в работе, не чувствует всей важности задачи, стоящей перед транспортом* (Боевые задачи транспорта // Знамя. 1930) [НКРЯ]. Похожие изменения оценочности наблюдает Андрей Соколов в случае словарных статей *коммунизм* и *социализм*, которые в дореволюционной официальной лексикографии имели негативно-оценочную маркировку [Соколов 2000: 235].

Возможно, сравнение одних и тех же позитивно и негативно окрашенных лексем является простым способом дать предварительную интерпретацию лексемы как идеологемной. Но есть слова, которые нельзя проверить таким способом. К ним относится, например, лексема *колхоз* (как реальный компонент советской действительности, а не колхозная система вообще), которая может употребляться как с положительной, так и с отрицательной окрашенностью (ср.: *Кто раньше вступил в колхоз, тот лучше живет* (Я. Фоменко. Хутор за Третьяковцами // Огонек. 1956. № 49) [НКРЯ] и *В Татарии — глушь, колхоз, грязь и т. д.* (Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 1. 1941) [НКРЯ]). Но интуитивно мы ощущаем существенное снижение идеологической нагрузки по сравнению с такими словами, как *коммунизм*, *социализм* и под.

Как говорилось ранее, одной из бесспорных характеристик идеологемных слов является их оценочность. Она позволяет определить идеологемный или неидеологемный характер лексемы и в рассматриваемом случае. Идеологемные единицы, употребляемые сторонниками или противниками идеологии, всегда или положительны, или отрицательны. Трудно представить, что идеологемное слово, будучи своего рода ценностным ориентиром, способно менять свою оценочность или даже сочетаться с не соответствующим оценочным определением. Так, в советском идеологическом дискурсе немислимы формулировки типа *плохой коммунизм* или *гнусный социализм*. Такие системы просто не считаются коммунизмом или социализмом. В свою очередь, оставаясь в рамках этого дискурса, нельзя, кроме иронически окрашенных высказываний, говорить о *честных империалистах*, *хороших фашистах* и т. д.

Сказанное обуславливает второй шаг предлагаемой методики тестирования. Этот шаг сводится к проверке, возможны ли, кро-

ме положительно окрашенных, нейрониче-ские и нецитатные употребления негативно-оценочных лексем в рамках одного и того же дискурса. Если они возможны и засвидетельствованы в источниках, тогда исследуемому лексему нельзя считать идеологемным словом, потому что идеологема, как часть определенной и относительно стабилизированной парадигмы мышления, не меняет своей аксиологической маркированности, а идеологемные слова не способны выступать в словосочетаниях типа *гнусный социализм*, оставаясь в пределах родного дискурса.

В случае рассматриваемой лексической единицы *колхоз* возможны употребления обоих типов. Положительную маркированность мы наблюдаем в следующем примере:

Познавайте свою страну, свой край, свой колхоз, свою горушку или речонку! (А. Е. Ферсман. Воспоминания о камне. 1940) [НКРЯ].

Однако вполне возможны и такие употребления, при которых денотатам, манифестируемым с помощью исследуемой лексемы, приписываются отрицательные качества: *Но, товарищ Кузькин, почему у вас такой плохой колхоз?* (Б. А. Можяев. Живой. 1964—1965) [НКРЯ]; *Учитель приезжает в разваливающийся колхоз, разоблачает окопавшихся там врагов...* (И. Гринберг. Новые пьесы. «Учитель» С. Герасимова // Советское искусство. 1939. № 11 (591)) [НКРЯ].

Подобные употребления в рамках идеологического дискурса советского периода невозможны в случае таких лексем, как *социализм* или *коммунизм*. Нам представляется, что это различие может быть основой деления лексем на идеологемные и неидеологемные.

Изложенная выше методика базируется в первую очередь на довольно узком понимании идеологемы не как когнитивной единицы, «связанной» с идеологией или «отсылающей» к ней, а как фундаментальной единицы идеологического мышления, отражающей мировоззренческую идентичность сторонников данной идеологии. Она опирается и на предположение о том, что отдельные идеологии противопоставлены друг другу, т. е. представляют собой разные ценностные системы, имеющие речевые и текстовые репрезентации посредством идеологемных единиц. Явления, которые определяются с помощью этих единиц, оцениваются по-разному в зависимости от идеологической принадлежности отправителя сообщения, но в рамках одного и того же дискурса они становятся аксиологическими константами. Такой подход может показаться слиш-

ком ограниченным, однако он позволяет уменьшить долю интуиции при делении лексик на идеологемную и неидеологемную.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Предположение об отрицательной оценочности в случае приведенного примера является следствием принятия точки зрения Я. Пузыниной, которая выделяет два основных вида оценочности слов — оценку, содержащуюся в семантической структуре слова, и оценочность коннотативного характера [Puzynina 1992: 119—120]. Возможность менять выражаемую данной единицей оценку (в зависимости от контекста) обусловлена отсутствием аксиологических сем в их семантической структуре; ср.: *Вид ваше превосходительство, подозрительный, большевистский, нельзя доверять, может быть, там в букете бомбы* (А. С. Сорокин. Сибирь — не Черное море. 1920—1927) [НКРЯ].

[2]. Употребление слова *кулуары* указывает на отрицательно оцениваемую скрытость действий, которая, как кажется, в приведенном примере приписывается именно большевикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. — Екатеринбург : У-Фактория, 2006.
2. *Гусейнов Г. Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2003.
3. *Купина Н. А.* Вербализованные идеи новейшего времени: актуальные тенденции и познавательные знаки советского идеологического кода. URL: <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1847/1/Part2+2008-01.pdf> (дата обращения: 07.10.2011).
4. *Мальшева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30), URL: http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling30/ling_30_3.pdf (дата обращения: 08.11.2011).
5. *Мирошниченко А. А.* Конструирование предвыборного лозунга: идеологемы и ценности // *Slowo i tekst*. — Katowice : Wydawnictwo UŚ, 2008. Т. 1 : Funkcjonowanie języka.
6. *Мокиенко Б. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
7. *НКРЯ* = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
8. *Романенко А. П.* Образ риторика в советской словесной культуре. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
9. *Соколов А. Н.* Терминология социального утопизма в опыте русской лексикографии // *Философский век. Русская утопия. От идеологического государства к современному обществу*. — СПб. : St.Petersburg Center for History of Ideas, 2000. URL: <http://ideashistory.org.ru/pdfs/a12.pdf> (дата обращения 12.11.2011).
10. *Ширяев Е. Н.* Общие процессы в развитии русского языка в 1945—1995 гг // *Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Русский Язык. — Opole : Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 1997.
11. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2007.

12. *Bednarczyk L.* Nowo-mowa. Zarys problematyki i perspektywy // Nowo-mowa : materiały z sesji naukowej poświęconej problemom współczesnego języka polskiego odbytej na Uniwersytecie Jagiellońskim w dniach 16 i 17 stycznia 1981. — Londyn : Polonia, 1985.

13. *Epstein M.* Relativic Patterns in Totalitarian Thinking: an Inquiry into the Language of Soviet Ideology. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/ideolanguage1.html>. (07.11.2011).

14. *Fidelius P.* O myśleniu totalitarnym // *Aneks*. 1984. Z. 35.

15. *Fleischer M.* Polska symbolika kolektywna. — Wrocław : Dolnośląska Szkoła Wyższa Edukacji Towarzystwa Wiedzy Powszechnej, 2003.

16. *Molas J.* Problemy opisu konfrontatywnego pojęć społeczno-politycznych // *Lingwistyka a polityka : słownik pojęć politycznych i społecznych krajów Europy Środkowej i Wschodniej*. — Warszawa : Elipsa, 2007.

17. *Pisarek W.* Inauguracja Okrągłego Stołu jako akt medialnej komunikacji politycznej // *Zeszyty Prasoznawcze*. 1989. № 4.

18. *Puzynina J.* Język wartości. — Warszawa : PWN, 1992.

19. *Turner V.* The forest of symbols: Aspects of Ndembu ritual. — Ithaca, NY : Cornell Univ. Pr., 1967.

20. *Wróblewski R.* Hasła konstytutywne tekstów politycznych z lat 1989—95 // *Oblicza komunikacji I. Perspektywy badań nad tekstem, dyskursem i komunikacją*. — Kraków : Tertium, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р гуманитар. наук, проф. С. Гжибовский.

А. А. Карамова A. A. Karamova
Бирск, Россия Birska, Russia**ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ИДЕОЛОГИЧНОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА****GRAMMATICAL MEANS
OF POLITICAL DISCOURSE IDEOLOGY**

Аннотация. Рассматриваются такие грамматические (семанτικο-грамматические) средства создания идеологичности политического дискурса, как местоимения «мы», «наш». Выявляются идеологические смыслы, которыми наполняются данные местоимения в политических контекстах. Анализируются значения местоимений «мы» («мы-партия», «мы-партия + народ»), «наш» («принадлежащий мы-партии», «принадлежащий мы-партии + народу», «мы-партия + народ»). Выявляются идеологические функции рассматриваемых местоимений.

Abstract. Grammatical (semantic-grammatical) means of political discourse ideology such as pronouns “we”, “our” are discussed. Ideological meanings are revealed which add to the above mentioned pronouns certain connotations in different contexts in political texts. Meanings of the pronoun “we” (“we are a party”, “we are a party + people”), “our” (“belonging to “we are a party”, belonging to “we are a party + people”, “we are a party + people”) are analyzed. Ideological functions of these pronouns are studied.

Ключевые слова: политический дискурс; идеологичность политического дискурса; грамматические средства идеологичности; местоимения.

Key words: political discourse; political discourse ideology; grammatical means of ideology; pronouns.

Сведения об авторе: Карамова Айгуль Айратовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, методики преподавания русского языка и литературы, факультет отечественной филологии и иностранных языков.

About the author: Karamova Aigul Airatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Literature, Methodology of the Russian Language and Literature Teaching, Faculty of Russian Philology and Foreign Languages.

Место работы: Бирский филиал Башкирского государственного университета.

Place of employment: Birska Branch of Bashkir State University.

Контактная информация: 452453, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10, к. 12.
e-mail: Kar_AA@mail.ru.

Идеологичность, на наш взгляд, является основным свойством политического дискурса, поскольку, во-первых, идеологичность — специфическое свойство политического дискурса, во-вторых, все тексты политического дискурса идеологически окрашены, в-третьих, идеологичность обуславливает другие важнейшие свойства политического дискурса (оценочность, экспрессивность, манипулятивность).

идеологии [Министерство юстиции Российской Федерации].

Несомненно, что роль основного средства выражения идеологии в политическом дискурсе принадлежит идеологеме как языковой репрезентации идеологического концепта, как лексико-фразеологической единице, «в значение которой входит идеологический компонент» [Чудинов 2007: 92].

Думается, что интересующим нас грамматическим средством прежде всего выступает **местоимение первого лица множественного числа мы** в позиции агенса, поскольку оно обозначает субъекта идеологии, следовательно, посредством него выражается позиция идеологии, выдается, высказывается идеологически значимая информация. Предположительно местоимение *мы* в роли субъекта идеологии будет наполнено особым смыслом, и его изучение позволит сделать некоторые дополнительные выводы, значимые для изучения идеологичности в политическом дискурсе. Рассмотрим конкретное наполнение местоимения *мы*.

В связи с этим понятно, что грамматические средства являются лишь вспомогательными, дополняющими, усиливающими, маркирующими идеологические смыслы, выраженные идеологемами.

1. «Мы» эксклюзивное» в значении «мы-партия». В высказывании подобное «мы» наиболее активно употребляется в семантической позиции агенса в следующих случаях:

Рассмотрим данные грамматические средства на примере официальных программ политических партий, в которых во всей полноте излагаются принципы той или иной

1) **определение идейной платформы, позиции, идейных убеждений:**

– при глагольных сказуемых с семантикой отношения (*находимся в оппози-*

- ции, отличаемся): **Мы** заявляем, что **находимся в последовательной оппозиции** к авторитарно-бюрократическому режиму, установленному в России на олигархическом фундаменте, заложенном в 90-е годы («Яблоко»); **Мы** принципиально **отличаемся** от любых видов так называемых партий власти («Патриоты России») и др.;
- при сказуемых с семантикой уверенности (глагольных типа *верим*, именных типа *уверены, убеждены*): **Мы верим** в себя и в Россию! («Единая Россия»); **Мы** твердо **убеждены** в том, что модель развития, заложенная либеральными реформами, доказала свою полную несостоятельность и не может быть доминантой хозяйственного уклада в России («Справедливая Россия») и др.;
 - при сказуемых с семантикой полагания, мнения (*считаем* (особенно часто), *утверждаем*): **Мы считаем**, что каждый гражданин страны лично отвечает за ее будущее («Рожденные в СССР»); **Мы утверждаем**: потенциал человека раскрывается не в жестких условиях выживания, а в разумно организованных экономических и социальных отношениях, основой которых является справедливость («Справедливая Россия») и др.;
 - при глагольных сказуемых со значением притягивания (*выступаем* (за...), *боремся* (за...)) / непритягивания (*не считаем*, *отрицаем*, *отвергаем*, *не приемлем*): **Мы выступаем за** проведение новой социальной политики: „Счастливым человеком — счастливая страна“... («Патриоты России»); **Мы не считаем**, что путь к социальной справедливости вымощен всё возрастающими государственными доходами. **Мы отрицаем** уравниловку («Справедливая Россия») и др.;
 - при именных сказуемых с характеризующим значением типа *патриоты, партия патриотов, интернационалисты, партия интернационалистов* в конструкции «Pron — N»: **Мы — партия** российских патриотов («Яблоко»); **Мы патриоты** своего Отечества, стремящиеся к возвращению России статуса великой мировой державы... («Коммунисты России») и др.;
 - при именных сказуемых со значением качественной характеристики в именных конструкциях типа «Pron — Adj»: **Мы солидарны** с антиимпериали-
- стической борьбой коммунистических, левых, пролетарских и национально-освободительных движений и организаций всех стран («Коммунисты России»); в именных конструкциях типа «Pron — Part»: **Мы открыты** для равноправного сотрудничества и совместных действий во имя Российского Отечества... («Патриоты России») и др.;
- 2) **определение целей, задач, планов:**
- при глагольном сказуемом в форме настоящего времени типа *предлагаем, видим, обещаем, ставим цель, выдвигаем цель* и т. п.: **Мы предлагаем** не абстрактные идеи, не строительство эфемерных общественных систем, а вполне конкретные, осуществимые задачи... (ЛДПР); **Мы видим** свою задачу в укреплении институтов гражданского общества... («Справедливая Россия») и др.;
 - при глагольном сказуемом в форме будущего времени типа *сделаем, будем делать, выполним, будем выполнять, построим, будем строить* и т. п. с общим смыслом обещания: **Мы разработаем и предложим** российскому народу и обществу для обсуждения модели политической, экономической, социальной и правовой систем России, которые способны объединить людей («Патриоты России»); **Мы преодолеем** разобщение и консолидированными силами сбросим диктатуру буржуазии только на основе современного марксизма («Коммунисты России»);
 - при составном глагольном и именном сказуемом со значением намерения, желанья (особенно активные единицы — *намерены выполнить, намерены отстаивать, намерены превратить, намерены развивать, намерены бороться, намерены уделить внимание, хотим построить, хотим сберечь и приумножить*), необходимости (считаем необходимым), долженствования (*должны работать, должны объединить, считаем своим долгом*) и т. п.: Наша программа — это ориентиры для практических дел, которые **мы намерены выполнить** во имя России («Единая Россия»); **Мы хотим построить** в России справедливое общество, основанное на сильной социальной политике государства... («Единая Россия») и др.;

3) **создание картины будущего России.** Местоимение употребляется при глагольных сказуемых типа *видим, хотим видеть: Великая, сильная, влиятельная в мире, процветающая Россия, в которой обеспечены духовное развитие, благополучие и счастье всех граждан — вот будущее, которое **мы видим** для нашей страны* («Патриоты России») и др.;

4) **определение социальной основы** — граждан (слоев граждан), на которые опирается партия, выраженное глагольными сказуемыми типа *представляем интересы, учитываем интересы, опираемся (на...), ориентируемся (на...): **Мы представляем интересы** российских граждан и несем перед ними ответственность за свои действия* («Яблоко»); *Наша программа основана на мнениях большинства граждан нашей страны, **мы постарались учесть пожелания** всех возрастных групп и затронули большую часть наиболее проблем в обществе* («Российская социалистическая партия») и др.;

5) **взятие на себя прямой ответственности за выполнение обязательств**, сопровождаемое глагольными сказуемыми *ответим, готовы ответить, несем ответственность: Если граждане сочтут деятельность партии неубедительной и решат, что мы не оправдали их надежды, **мы готовы ответить** за каждое наше слово!* («Российская социалистическая партия»); ***Мы** представляем интересы российских граждан и несем перед ними ответственность за свои действия* («Яблоко») и др.;

6) **призыв к совместным действиям** посредством перформативных глаголов типа *призываем: **Мы призываем** всех трудящихся встать в ряды творцов и создателей будущего* (КПРФ) и др.

Итак, проведенный анализ позволяет выявить наиболее значимые идеологические области политической сферы. Кроме того, «мы» в роли агенса (по сравнению с «партия») в данном случае демонстрирует заинтересованность партий в определенных проблемах, необходимость личного, активного участия в их решении, реализации, а также определяет зоны ответственности партии.

Судя по активности употребления «мы» в определенных контекстах, партии предпочитают принимать личное, активное участие в определении идейной платформы (46 % употреблений от общего числа), в постановке задач, в том числе и в виде обещаний (38 %). В меньшей степени они озабочены видением образа будущего России (10 %). Практически вне зоны их внимания оказывается определение социальной основы (опо-

ры) своей платформы (2 %), ответственность за данные обещания (2 %), призыв к совместным действиям (2 %). (Предположительно данная картина изменится в условиях предвыборной борьбы).

Семантическая роль агенса в синтаксической позиции подлежащего (сильное «мы-партия») — наиболее типичный статус «мы» эксклюзивного. Гораздо реже наблюдаем использование «мы» в других синтаксических позициях, в роли пациенса (слабое «мы-партия»): *Но **нам** нужно большинство не только в Парламенте* (ЛДПР); *Главное **для нас** — люди!* («Российская социалистическая партия») и др.

«Мы» эксклюзивное в программных заявлениях политических партий — это не «я + некто еще (партия, сопартийцы)», а скорее «я + я + я...», то есть много близких по идейным взглядам личностей («я»), составляющих вместе совокупность членов партии, объединенных общими идеями, целями. «Мы» произносится от имени членов партии, каждого по отдельности и в совокупности.

Этим употребление в значении «мы-партия» отличается от упоминания о партии в третьем лице — «она-партии» (*КПРФ видит свою задачу; партия „Патриоты России“ уверена; в своей деятельности ЛДПР руководствуется; партия борется; по мнению партии; коммунисты видят свою задачу; российские коммунисты обращаются; коммунистическая партия видит свой долг; она (ЛДПР) отвергает; ее (ЛДПР) социальной опорой являются; она (КПРФ) берет из предшествующего опыта и т. д.*), где «партия», «она», «КПРФ (ЛДПР и др.)» — это монолитная, нерасчлененная совокупность «я», в которой «я», собственно, и нет, оно растворено в совокупности, поскольку третье лицо по определению не может содержать «я», ср.: *КПРФ видит свою задачу и **мы** намерены* (КПРФ); *в своей деятельности ЛДПР руководствуется идеями и **мы** предлагаем не абстрактные идеи* (ЛДПР).

Частотность употребления *мы* в значении «партия» может, наверное, также свидетельствовать о наличии/отсутствии авторитетного лидера. Ведь не случайно, на наш взгляд, в программах партий, возглавляемых признанно сильными лидерами, редко употребляется «мы» в данном значении. Так, в Программе КПРФ отношение употребления «мы» для указания на партию к употреблению с аналогичным смыслом местоимения «она» составляет приблизительно 1:23 (4 % и 96 % соответственно от всех обозначений партии), в Программе ЛДПР — приблизительно 1:35 (3 % и 97 %). Вместе с тем

в предвыборный период частотность употребления «мы-партии» значительно возрастает. Так, в предвыборных теледебатах лидеров указанных партий с другими претендентами на пост президента «мы-партия» практически полностью вытесняет «она-партию». И это подтверждает воздействующую силу местоимения «мы» в значении «партия», а также его манипулятивный потенциал.

Кроме того, в упоминании о партии в третьем лице чувствуется некоторое отчуждение, связанное с возведением ее на пьедестал, приданием статуса неукоснительного авторитета.

2. «Мы» инклюзивное в значении «мы-партия + народ».

Многие исследователи указывают на манипулятивную сущность *мы* инклюзивного, в котором субъект объединяется с объектом, совпадает с ним [Чернявская 2006: 48—50; Михалёва 2009: 82—84 и др.]. Уточнённое нами значение *мы* инклюзивного в виде «мы-партия + народ» наглядно демонстрирует манипулятивную природу этого слова. Субъект политической коммуникации («мы-партия») позиционирует себя как единое целое с адресатом («народом») с целью установления контакта.

В контексте подобное *мы* приобретает разные смыслы:

1) **«мы-партия» — свои, из народа, вместе с народом.** Этот смысл проявляется в случаях, когда «мы-партия» приобщается к народу:

- путем определения «мы» как объединения граждан: ***Мы граждане одной страны!*** («Российская социалистическая партия»);
- путем отсылки к общему прошлому «мы-партии» и народа: ***За нашими плечами — богатейший опыт тысячелетней истории нашей страны. За нами — родная земля и вдохновляющий пример наших героических предков...*** («Патриоты России»);
- путем указания на общность будущего «мы-партии» и народа: ***Между тем, героический опыт наших великих предков предвещает России великое будущее. И для этого у нас имеются все необходимые условия*** («Патриоты России»); ***Мы в ответе за наше будущее!*** («Российская социалистическая партия»);

2) **«мы-партия» — во имя народа,** поскольку задачи партии — народные задачи. Это попытка «мы-партии» приобщить народ к решению своих задач, сделать его своим соратником за счет демонстрации необходимости решения именно названных задач и

именно указанным способом: ***Для укрепления статуса страны мы должны начать кормить другие страны не только нефтью!*** («Российская социалистическая партия»); ***Нам необходимо прийти к общественному согласию в отношении прошлых, современных и будущих ценностей*** («Рожденные в СССР») и др.

Во всех рассмотренных случаях употребления «мы» в значении «мы-партия + народ» явно усматривается попытка «партии» привлечь народ на свою сторону в результате либо приобщения к нему, его заботам, чаяниям, демонстрации того, что «мы-партия» — тоже народ с теми же интересами, проблемами («мы-партия» — свои, из народа, вместе с народом — 42 % употреблений), либо приобщения народа к своим идеям, привлечения к решению своих задач (которые делаются общими), возведения народа в ранг соратника («мы-партия» — во имя народа; 58 % употреблений). Употребление «мы» в таких случаях, на наш взгляд, — это внушение народу-адресату мысли о его сопричастности миру политики, решению важных государственных задач, о том, что его интересы учитываются, что всё, что ни делается в политике — во имя него и блага России.

Итак, основное значение местоимения *мы*, помещенного в контекст идеологических программ политических партий — это «мы» инклюзивное, «мы-партия» как «я + я + я + ...». Целесообразность отнесения «мы» инклюзивного в значении «мы-партия» к основному идеологическому средству подтверждается наибольшей активностью его употребления в текстах партийных программ по сравнению с «мы» инклюзивным в значении «мы-партия + народ» (приблизительно 3:1, т. е. соответственно 73 % и 26 % от общего числа употреблений).

Помимо местоимения *мы*, важным грамматическим средством выражения идеологической позиции служит **притяжательное местоимение *наш***: *мы* предполагаем, что оно соотносительно по идеологическому наполнению и выполняемым функциям с местоимением *мы*. Основное значение местоимения *наш* — «принадлежащий нам». Оно предполагает сочетание с именем — объектом принадлежности, в соответствии с семантикой которого приобретает конкретное смысловое наполнение. В применении к политическому дискурсу это предположительно будут идеологически значимые объекты.

1. «Принадлежащий нашей партии, „мы-партии“».

Базовым сочетанием, точкой отсчета в этой группе является сочетание «наша партия» (≈ «мы-партия»), которое чаще все-

го (в 70 %) выступает в семантической роли агенса. Несмотря на то что данное сочетание представляет собой упоминание о партии в третьем лице, в нем, благодаря местоимению *наша*, отсутствует отчуждение, что максимально семантически сближает его с местоимением в значении «мы-партия»: **наша партия** *глубоко озабочена положением дел в стране...* («Справедливая Россия»); *великая миссия нашей партии состоит в том...* («Рожденные в СССР») и др.

Базовое сочетание *наша партия* становится основой метонимического образования сочетаний с общим значением «принадлежащий нашей партии» (типа *наши цели, наши принципы*): *наша партия* → *цели нашей партии* → *наши цели*.

В группе «принадлежащий „мы-партии“» наиболее заметными являются следующие значения:

- **«наши цели»**. Наиболее активно используется в конструкции «N — N», где слово *цель* выполняет функцию подлежащего: **Наша цель** — *богатая и культурная страна, обеспечение каждому гражданину России достойной жизни* (ЛДПР) и др.;
- **«наши принципы»**. Наиболее активно используется в конструкции «N — N», где слово *принцип* выполняет функцию подлежащего: **Наш принцип** — *государство для человека, а не человек для государства* («Патриоты России») и др.;
- **«наша программа»**. Наиболее активно используется в конструкциях «N — N», где *программа* выполняет функцию подлежащего: **Наша Программа** — *это ориентиры для практических дел, которые мы намерены выполнить во имя России* («Единая Россия») и др.;
- **«наши союзники/противники»**: **Нашими соратниками** *станут многие молодые люди из студентов, учащихся...* («Коммунисты России») и др.

2. «Принадлежащий „мы-партии + народу“. Эти обозначения, вбирая в себя семантику приобщения к народу местоимения *мы* в значении «мы-партия + народ», также становятся средством манипулятивного идеологического воздействия и употребляются в следующих конкретных значениях:

- **«наша страна»**: *Вдохновителями антисоветских сил в нашей стране были США и их союзники, западные спецслужбы* (КПРФ); *История вновь поставила народы нашей Родины перед тем же выбором, что и в 1917, и в 1941 ...* (КПРФ) и др.;

- **«то, что имеет отношение к нашей стране»**: *Однако наша экономика еще продолжала отставать от экономики ведущих капиталистических государств* (КПРФ); *...в силу климатических условий, когда себестоимость нашей продукции всегда будет выше зарубежной, государство должно поддерживать национального товаропроизводителя...* (ЛДПР) и др.;
- **«наши действия»**: **Нашими общими усилиями XXI век должен стать веком величия и процветания России** («Единая Россия»); **В нашей совместной борьбе** — *залог победы над силами глобального капитализма* («Коммунисты России») и др.

3. «Мы-партия + народ». В данном случае местоимение *наш* синонимично *мы* инклюзивному (субъект мыслится как часть народа, присоединяется к нему); это проявляется в сочетании *наш народ*: *Только одни эти мероприятия смогут резко повысить уровень жизни нашего населения в течение ближайших 2-3 лет* (ЛДПР).

Таким образом, рассмотрение местоимения *наш* показало его семантическую соотносительность с местоимением *мы*. *Наш* вбирает в себя семантику *мы*. Употребления первого местоимения разделяются на две главные группы: «принадлежащий „мы-партии“» и «принадлежащий „мы-партии + народу“». Кроме того, в отдельных случаях *наш* может выступать эквивалентом *мы* в значении «мы-партия» (сочетание *наша партия*) и *мы* в значении «мы-партия + народ» (сочетание *наш народ*).

Местоимения *мы, наш* в значениях «мы-партия», «принадлежащий „мы-партии“» объединены общей семантикой выражения идеологической позиции; *мы, наш* в значениях «мы-партия + народ», «принадлежащий „мы-партии + народу“» — семантикой выражения общности партии и народа.

В плане анализа идеологичности политического дискурса главным образом интересно прямое, открытое выражение идеологической позиции посредством местоимений *мы, наш*, нежели их манипулятивный потенциал. Поэтому в фокусе особого внимания при анализе идеологичности оказываются местоимения *мы* в значении «мы-партия» и *наш* в значении «принадлежащий „мы-партии“, нашей партии».

В свете выявленной соотносительности этих местоимений закономерно, что зоны наиболее активного распространения местоимения *мы* и *наш*, в принципе, коррелируют. Ср. употребление *мы* при определении идейной платформы в 46 % случаев от

общего употребления и употребление *наш* в сочетаниях *наши принципы, наша программа* в 53 % случаев употребления; употребление *мы* при постановке задач — в 38 % случаев и употребление *наш* в сочетании *наши цели* — в 38 % случаев.

Всё это наводит на мысль, что местоимения *мы, наш* выполняют в политическом дискурсе (в большей или меньшей степени проявления) одни и те же идеологические функции. Во-первых, они выражают идеологическую позицию, открыто (аргументативно либо эмоционально) воздействуя на адресата. Во-вторых, они являются показателем активной идеологической позиции партии и каждого ее члена (особенно в позиции агенса). В-третьих, они маркируют наиболее значимые для субъекта идеологические сферы. В-четвертых, они, маркируя значимые сферы, закрепляют за ними зоны своей ответственности (особенно в позиции агенса).

Как мы убеждаемся, применительно к анализу идеологичности политического дискурса речь идет об особых, семантико-грамматических средствах, когда местоимения *мы, наш* наполняются специфическим идеологически значимым смыслом. И именно в этом плане их целесообразно считать средствами выражения идеологии, наряду с основными лексико-фразеологическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Михалёва О. Л.* Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. — М. : Либроком, 2009.
2. *Министерство юстиции* Российской Федерации : сайт. URL: <http://minjust.ru/>.
3. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.
4. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. Ш. Абдуллина.

УДК 811.112.2'243
ББК Ш143.24-5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04; 10.02.19

Р. Д. Керимов **R. D. Kerimov**
Л. И. Федянина **L. I. Fedyanina**
Кемерово, Россия Кемерово, Russia

**СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ФРГ КАК
«ИГРА»: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Статья посвящена когнитивно-семантическому исследованию метафоры «Политика — это игра» в современной немецкоязычной социально-политической коммуникации. Слотирование исходной понятийной сферы способствует как установлению структурно-семантических и функциональных связей метафорических единиц, так и их всестороннему анализу с использованием лингвокогнитивных методик.

Ключевые слова: метафора; понятийная сфера-источник; социально-политическая коммуникация; языковая картина мира; немецкий язык.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаванширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, кор. 6, к. 6412.
e-mail: kerimovrus@mail.ru.

Сведения об авторе: Федянина Любовь Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, кор. 6, к. 6412.
e-mail: fedianina@inbox.ru.

**GERMAN SOCIAL REALITY AS “SPORTS
GAME”: METAPHORICAL ASPECT**

Abstract. The paper describes the cognitive semantic metaphor “Politics is a sports game” in the present-day socio-political German communication. Slotting the source domain helps to establish the structural semantic and functional relations between metaphors as well as to carry out a comprehensive cognitive linguistic analysis of metaphors.

Key words: metaphor; conceptual source domain; socio-political communication; linguistic worldview; the German language.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhavanshirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German Philology, Assistant Professor.

Place of employment: Kemerovo State University.

About the author: Fedyanina Lyubov Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the German Philology, Associate Professor.

Place of employment: Kemerovo State University.

В современную эпоху массовой политической общественной деятельности исследования в области социально-политической коммуникации приобретают особую актуальность ввиду вовлеченности крупнейших государств мира в геополитические «игры» однополярного мира. Германия после «поглощения» ГДР и финансового подчинения себе Европейского союза в XXI в. выдвинулась на место одного из ведущих «игроков» в ЕС, Европе и мире. В связи с этим комплексный анализ концептуальной метафорики может способствовать как выявлению собственно языковых спецификаций ее номинантов, так и моделированию механизмов концептуализации социальной реальности, установлению роли и степени участия в этих процессах таксонов разных когнитивных структур [см.: Будаев, Ворошилова, Дзюба и др. 2011; Будаев, Чудинов 2008; Чудинов 2012, 2013], в том числе на материале немецкого языка [Керимов 2012, 2013; Jäkel 1997; Liebert 1992; Rigotti 1994 и др.], включая отдельные фрагменты социальной картины мира современной Германии [Ке-

римов 2008; Керимов, Федянина 2014; Федянина 2008; Varanov, Dobvol'skij 2003; см. также обзор в работе: Керимов 2011].

Как показывают проведенные изыскания [Керимов 2012, 2013; также обзор в работе: Керимов, Федянина 2013], вербальной основой метафорической системы немецкоязычной социальной картины мира выступают узуальные единицы социально маркированного пласта лексики, в том числе идиомы и паремиологический фонд языка, а окказиональные креативные образы, равно как и традиционные политические символы, в полной мере реализуют свой образный потенциал в дискурсивном пространстве политической коммуникации, при этом активно взаимодействуя с единицами других групп.

Немецкий язык от других германских, а также от славянских языков отличает окказиональная креативность. Главными критериями идентификации немецких окказиональных элементов (выделенных в текстах СМИ), по мнению И. П. Савицкого, являются следующие пять факторов: неузуальность, функциональная одноразовость, принад-

лежность к единицам речи, нахождение вне языковой нормы и контекстуальная прикрепленность [Савицкий 2014: 153].

Фрейм «Игра» является семантически активным в современной немецкоязычной политической культуре. Как правило, данный сегмент соотносится со сферой-источником «Спорт» [Керимов 2012], хотя некоторые авторы это понятийное поле выделяют в самостоятельный культурно значимый таксон [Гажева 2000]. Спортивная метафорика и некоторые ее частные аспекты уже становились предметом изучения, в том числе на материале немецкого политического языка [См., напр.: Керимов 2005а, 2005б; Kerimov 2004].

Ключевыми узлами, значениями исходного концепта «Спорт/игра», вслед за А. П. Чудиновым, можно считать следующие: (1) забава, развлечение; (2) интриги, тайные замыслы; (3) занятие, обусловленное совокупностью определенных правил, приемов; (4) особый род спортивных состязаний; (5) одна из форм обучения [Чудинов 2001: 121]. В подобной трактовке «игра» выступает как некоторый общекультурный феномен, связанный сразу с несколькими социально значимыми сферами.

В социально-политической коммуникации современной Германии «Игра» в большей степени детерминирована именно своей спортивной составляющей. Игра в целом как состязание, соревнование, борьба двух или нескольких игроков и отдельные виды спорта в частности служат активным, продуктивным источником для политической метафорики и объективируют различные социально-политические и экономические явления и процессы.

Германия — страна с богатыми спортивными традициями, где развиваются многие зимние и летние виды спорта. В связи с этим в немецкой политической коммуникации актуализируются многие виды спорта: футбол, легкая атлетика, лыжный спорт и прыжки с трамплина, гимнастика, велоспорт, бокс и борьба, альпинизм, парусный спорт, плавание, охота, автоспорт, скачки, азартные и карточные игры. При этом, как правило, каждый из представленных видов спорта передает какой-то определенный аспект социальных реалий, который у немцев ассоциируется именно с данным видом состязания.

Ввиду подобного разнообразия эксплицируемых в социально-политической коммуникации ситуаций данная субсфера является наиболее детализированной (по количеству представленных слотов) во всей современной немецкоязычной политической риторике.

СЛОТ 1. «ИГРА В ЦЕЛОМ»

Само понятие «игра» („das Spiel“), как уже отмечалось выше, многозначно. Так, с одной стороны, оно имеет значение «обман», «притворство». Это проявляется в том числе в словосочетании „das alte Spiel“ («старая (прежняя) игра»), ср., например:

- *Nur, das Spiel ist leicht zu durchschauen: Allen wird alles versprochen. Das Motto lautet: Bloß nicht konkret werden* [Waigel 1998: 4].
- *Ich sage aber den Wählerinnen und Wählern: Wenn die F.D.P. weiterhin in der Koalition bleibt, wird daraus nichts. Das alte Spiel würde dann wieder beginnen* [Lafontaine 1998: 5].

С другой стороны, «игра» — это риск, азарт, страсть, что эксплицируется, в частности, выражением „etwas aufs Spiel setzen“ («поставить на кон / на одну карту»; соответствующее выражение есть в русском языке), которое помимо игры в целом может быть отнесено и к сфере карточных игр (где приходится рисковать наиболее часто), ср.: „etwas aufs Spiel setzen“ — „etwas einer Gefahr aussetzen, etwas riskieren“ [CUGDR].

В сфере экономической деятельности риск воспринимается негативно, ибо неудачный исход способен поставить под удар стабильность всей системы, подорвать экономические основы государства: *Man stelle sich einmal vor, die Europäische Zentralbank müßte mit massiven Interventionen den Yen-Wechselkurs stützen und würde dabei die Preisstabilität im Euro-Raum aufs Spiel setzen* [Waigel 1998: 4].

Сема риска в полной мере реализуется в биржевом термине „das Spiel an der Börse“ («игра на бирже»), которым номинируется работа биржевых брокеров и маклеров, постоянно рискующих вверенными им активами.

«Игра» — это также и соревнование, состязание, конкуренция двух игроков, команд, каждая из которых стремится к победе. В этом значении слово, обозначающее игру, синонимично лексемам „der Wettbewerb“ и „der Wettlauf“ («состязание, соревнование»), например: *Damit ist das entscheidende Stichwort genannt, das die gegenwärtige Situation von vermeintlichen historischen Parallelen unterscheidet: Nicht das freie Spiel konkurrierender Mächte darf darüber entscheiden, in welchen Ländern oder Regionen welche Einflüsse dominieren und zu neuen Konfrontationen führen* [Rau 2002a: 469].

Положительная оценка «игры» возникает при честных и взаимовыгодных отношениях, что в профессиональном спорте бывает очень редко (обычно кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, но иногда и проигрывает

благоприятен): *Damit dieses Zusammenspiel auch in Zukunft erfolgreich funktioniert, brauchen wir aber nicht nur leistungsfähige und erfolgreiche Unternehmen, wir brauchen auch handlungsfähige Gewerkschaften* [Rau 2001b: 123].

В некоторых контекстах слово „das Zusammenspiel“ обозначает наличие и одновременное сочетание многих факторов для проведения определенного рода деятельности, как это представлено в отрывке, в котором речь идет об экологии: *Sicherheit in einem sehr umfassenden Sinne werden wir nur erreichen in einem Zusammenspiel von materieller, sozialer, ökologischer und rechtlicher Sicherheit und auch nur in einem Klima der Behauptung unterschiedlicher und differenzierter kultureller Identitäten* [Schröder 2003b].

В игру можно кого-либо втянуть, игру можно проиграть, игра имеет начало и в определенный момент заканчивается:

- „j-n, etwas ins Spiel bringen“ — „j-n, etwas mit einbeziehen“ [CUGDR]: *Die angepeilte Gründung der neuen Partei im Oktober soll aber möglichst in größerem Rahmen stattfinden. Als „Wunschvorstellung“ bringt Neubauer dazu Berlin ins Spiel, befürchtet aber, dass wegen der zu erwartenden Proteste „die Polizei hier unsere Sicherheit nicht gewährleisten kann“* [BZ 1991]. *Deshalb ist man an diesem Tag dankbar für klare Worte an die Adresse der CSU. — Die treffen namentlich Michael Glos, den Chef CSU-Landesgruppe im Bundestag. Der hatte erst kürzlich den früheren CDU-Vorsitzenden Wolfgang Schäuble als weiteren Anwärter für die Kanzlerkandidatur ins Spiel gebracht* [BZ 2001];
- „das Spiel ist aus“ — „die Sache ist verloren“ [CUGDR];
- „das Spiel zu weit treiben“ — „es mit einer Sache übertreiben, die Grenze des Zulässigen überschreiten“ [CUGDR];
- „auf dem Spiel stehen“ — „in Gefahr sein“ [CUGDR]: *Wir stehen an einem Scheideweg“, verkündet Angela Merkel mit schneidender Stimme. „Wir müssen uns entscheiden, ob jeder jeden Tag alles sagen darf“. Entscheiden auch darüber, „wie wir mit unseren eigenen Beschlüssen umgehen“. Nicht nur in der Frage, wie und wann über die Kanzlerkandidatur entschieden werde. Es stehe mehr auf dem Spiel. „Es geht um die Existenz der Union als mehrheits- und bündnisfähige Partei in dieser Bundesrepublik“* [BZ 2001];
- „j-n, etwas aus dem Spiel lassen“ — „j-n, etwas nicht mit hineinziehen“ [CUGDR];
- „aus dem Spiel bleiben“ — „nicht einbezogen werden“ [CUGDR].

В сфере политики также активно вовлечены такие спортивные понятия, как „der

Wettbewerb“ («соревнование»), „der Wettlauf“ («эстафета», «забег», а в переносном смысле — любое (не только беговое) состязание, соревнование).

Популярность и частое использование этих понятий в немецкой политике можно объяснить двухблоковой партийной системой, когда две основные силы — блок ХДС/ХСС и партия СДПГ — вынуждены вести постоянное «состязание» за голоса и симпатии избирателей как в преддверии выборов на федеральном и земельном уровнях, так и в повседневной политической «борьбе» в парламенте.

Таким образом, христианские демократы и социал-демократы находятся в состоянии перманентного политического и идеологического «состязания»: *Ob dies der Fall ist oder nicht, entscheidet der demokratische Wettbewerb* [Repnik 1998b: 3].

Помимо этого, «соревнование» за принятие/непринятие решений и законов касательно всех аспектов внешней и внутренней политики ФРГ вербализируется с помощью указанных терминов практически в любом контексте при обсуждении законопроектов, например:

- *Drittens: Eine leistungsfähige öffentliche Infrastruktur, die im Interesse der Bürger liegt, die im Interesse von Handwerk, Gewerbe und Industrie liegt, die lässt sich weder schaffen noch erhalten, wenn in der Politik der Steuersenkungswettlauf zum Modesport wird* [Rau 2002a: 259];
- *Als Vorwurf empfinde ich das aber nicht. Wenn ein Unternehmen Gutes tut, dann darf es auch darüber sprechen. Wenn dann der Umsatz steigt, dann ist das nicht schädlich, im Gegenteil: Ich wünsche es ihm sogar. Vielleicht gäbe es dann sogar einen Wettlauf der guten Taten; das wäre ja kein Schade* [Rau 2002a: 357];
- *Moderne Steuerpolitik darf nicht zum Steuersenkungswettlauf werden — weder zwischen Parteien noch zwischen Staaten* [Rau 2002b: 364];
- *Das gilt auch für den StartUp-Wettbewerb, dessen Schirmherr ich bin* [Rau 2002b: 460];
- *Wir leisten zu wenig für die Bildung. Das hängt aber auch damit zusammen, dass all Parteien dazu neigen, Wahlkämpfe zu einem Wettbewerb über Steuersenkungen zu machen* [Rau 2002b: 591].

Понятие «соревнования» может охватывать даже целые культуры, религии и т. п.: *Er muss seine Glaubensüberzeugung, seine politische Einsicht einbringen, damit im Wettbewerb der Kulturen, in der Auseinandersetzung auch der Weltreligionen das Richtige und*

das Falsche unterschieden werden können [Rau 2001a: 392].

Негативный оттенок присущ метафоре „das Überspielen“ («переигровка»), объективирующей ситуацию отказа с чьей-либо стороны от своих прежних обязательств либо изменение самой ситуации, что ведет к изменению текущей деятельности (хода «игры») или к отмене прежней «игры» и началу новой: *Auch innerhalb der Parteien muss breit und kontrovers diskutiert werden. Das verträgt sich nicht mit dem ständig wiederholten beschwörenden Ruf nach „Geschlossenheit“, mit dem Überspielen innerparteilicher Kontroversen, der Ausgrenzung von „Querdenkern“, mit aller Art von Kanalisierung und Egalisierung im Interesse einer glatten Parteifassade* [Rau 2002b: 640].

Помимо этого, существительное „das Spiel“ реализуется в значении «дело», «занятие» в разнообразных устойчивых выражениях с метафорическим смыслом, которые могут быть задействованы в политической коммуникации, например:

- „j-m das Spiel verderben“ («испортить (кому-либо) всё дело»);
- „aus dem Spiel bleiben“ («остаться в стороне (непричастным к чему-либо); быть отстраненным от участия в каком-либо деле»);
- „j-n, etwas aus dem Spiel lassen“ («оставить в стороне, не привлекать, не принимать в расчет кого/что-либо; воздержаться от применения чего-либо»);
- „lassen Sie mich (bei dieser Sache) aus dem Spiel“ («не впутывайте меня (в это дело), оставьте меня (с этим делом) в покое»);
- „sich aus dem Spiel halten“ («не участвовать в игре; устраняться»);
- „sich in ein Spiel einlassen“, „sich ins Spiel mengen“ («ввязаться в какое-либо дело»);
- „j-n ins Spiel ziehen“ («втянуть (впутать) кого-либо в какое-либо дело»);
- „die Hand im Spiel haben“, „(mit) im Spiel sein (bei)“ («быть замешанным, участвовать в чем-либо»);
- „Ehrgeiz ist dabei im Spiel“ («тут затронуто честолюбие»);
- „der Teufel ist mit im Spiel“ («лукавый попутал»; ср.: в русском языке — «бес попутал», т. е. буквально «опутал», «связал путами», в немецком — буквально «черт также в игре»);
- „Verrat war hier im Spiel“ («здесь имело место предательство, здесь не обошлось без предательства», буквально — «предательство было в игре/деле»).

Устойчивое выражение „im Spiel sein“ («быть замешанным в чем-либо», «касаться, иметь отношение к чему-либо») может рас-

пространяться лексемой „das Geld“ («деньги»), что в политическом тексте указывает на наличие при обсуждении, принятии или выполнении определенных решений чьих-либо корыстных (финансовых) интересов: *Die Grünen plädieren statt dessen für Dialog und Selbstkontrolle. Das sind zwar löbliche Ansätze; in der Praxis aber — das wissen auch Sie — funktioniert das selten und besonders dort nicht, wo Geld im Spiel ist* [Mertens 1998: 12].

СЛОТ 2. «ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА»

Легкая атлетика представлена такими дисциплинами, как прыжки в длину и высоту, бег (включая бег с барьерами и эстафету). Прыжковые дисциплины ассоциируются с ситуацией резкого, неожиданного, большого повышения каких-либо экономических показателей или перехода показателей одной сферы в другую:

- „einen (großen) Sprung (nach vorn vorwärts / nach oben) machen“ — „in seiner Laufbahn überraschend weit vorankommen“ [CUGDR]: *Er hat einen großen Sprung gemacht und ist hessischer Innenminister geworden. Nach der Wende folgte die Arbeitslosigkeit, dann das Bürgermeisteramt in dem Städtchen Lenzen. 1994 schaffte Ziegler den Sprung in den Landtag* [BZ 2000 / 2001];
- *Aber nehmen Sie doch bitte seitens der SPD zur Kenntnis, daß dieses vom Export getragene Wachstum längst auf den Binnenmarkt übersprungen ist. Wir haben im ersten Vierteljahr dieses Jahres in der Investitionsgüterindustrie einen Zuwachs von 10,7 Prozent. Das heißt, das Wachstum ist auch im Binnenmarkt verankert* [Repnik 1998a: 3].

Прыжок в длину представляет переход в другую экономическую систему, выход на новые рынки сбыта, по отношению к некоей государственной системе — резкую или постепенную смену политической системы, идеологии: *Darauf haben deutsche Unternehmen mit Investitionsentscheidungen in manchmal dreistelliger Millionenhöhe reagiert. Ich freue mich ebenso, dass auch mittelständische Unternehmen den Sprung nach Südafrika gewagt haben* [Rau 2002b: 80]. Так, по мнению немецких политиков, изменения в политической системе Чехии (переход от социалистической государственной системы конца 1980-х гг. в Чехословакии к якобы «демократической» системе середины 1990—2000-х гг. в независимой Чехии) представляют собой «образцовый прыжок в демократию»: *Also, Tschechien hat den Sprung in die Demokratie vorbildlich geschafft* [Rau 2002b: 584].

В другой идиоме в сочетании с образом «холодной воды» представлена ситуа-

ция «неизвестности» („ein Sprung ins kalte Wasser“ — „die Auseinandersetzung mit etwas völlig Unvertrautem“ [CUGDR]): *Wir müssen das Experiment mit der Jugend riskieren. Es ist so eine Art **Sprung ins kalte Wasser. Vor dem Sprung ins kalte Wasser — Sportvereine sollen ihre Bäder selbst betreiben*** [BZ 2002].

Комплексные метафорические структуры создают сложные образы: *20 Jahre haben wir gebraucht, um den Ladenschluß zu reformieren. Die zentralen Herausforderungen unserer Zeit werden mit diesem Tempo ganz gewiß nicht bewältigen. Wer **100 Meter Anlauf nimmt, um dann zwei Meter weit zu springen, der braucht gar nicht anzutreten*** [Herzog 1997: 23].

Лексема „der Staffellauf“ («эстафета, эстафетный бег») выражает разные смыслы: с одной стороны — дух соревновательности, с другой — комплекс мер: *Innovationskraft wächst **in einem komplexen Staffellauf** von anregender Motivation, richtigem Wissen, aufregender Debatte und der Naivität „erster Einfälle“* [Clement 2002: 67].

Традиционной в немецком языке стала спортивная метафора „die Hürde“ («препятствие», «барьер»), которая проецируется практически в любую сферу человеческой жизнедеятельности в значении «проблема», «трудности» („eine Hürde nehmen“ — „eine Schwierigkeit überwinden“ [CUGDR]): *Wenn die Regierung **diese Hürde genommen hat**, wird sich die Wirtschaft schnell erholen; Mit dieser Prüfung **hat er die letzte Hürde genommen***.

В социально-политической сфере эта метафора описывает, как правило, трудности, связанные с ведением коммерческой деятельности представителями среднего и мелкого бизнеса, у которых (особенно у начинающих бизнесменов) всегда встречаются различные проблемы, как бюрократического характера, так и связанные с финансовыми вопросами. При этом в контекстах этот образ часто дополняется образом «старта» („der Start“), причем хороший старт никак не гарантирует отсутствия препятствий в пути. Кроме того, трудности могут возникнуть сразу же, при старте, т. е. в самом начале коммерческой деятельности, ср.:

- *Heute stehen Existenzgründer vor anderen Schwierigkeiten: Wo finden sie geeignete Räume, wer finanziert **den Start**, welche öffentlichen Stellen passen, welche sind nützlich, wie überwindet man **die Hürden auf dem Weg** zu den nötigen Genehmigungen, ohne zu straucheln, wie und wo findet man Kunden und Abnehmer* [Rau 2000b: 90];
- *Die **nächste Hürde nach einem gelungenen Start** ist oft fehlendes Beteiligungskapital*

oder eine nicht ausreichende Kredit- und Darlehensversorgung, um das neue Unternehmen zu konsolidieren, Produktionsanlagen zu finanzieren oder neue Produkte bekannt zu machen [Clement 2002b: 4];

- *Manchmal bekomme ich zu diesen Briefen auch eine Unternehmenschronik. Wenn man darin blättert, kann man viel lesen über **die Startschwierigkeiten, die es gegeben hat, über die Hürden, die die Unternehmer früher überwinden mussten*** [Rau 2002b: 459].

В контекстах, представляющих уменьшение количества трудностей на пути предпринимателя, возникает перекоцептуализация объектов, связанная с предикацией ключевого слова „die Hürde“ глаголом „senken“ («опускать», «углублять») в значении «уменьшать», что вполне возможно (и имеет место) в метафорической системе, но невозможно в реальной действительности (никто не убирает барьеры с беговой дорожки, по которой бегут спортсмены, во время состязания), например: *Das erhöht die Planungssicherheit für die Betriebe und senkt **die Hürde** für Neueinstellungen* [Schröder 2003a: 25].

СЛОТ 3. «ЛЫЖНЫЙ СПОРТ»

Лыжные гонки представляют ситуацию честного соревнования, когда один из политиков (кандидатов на выборах) может в любой момент обойти другого политика (второго кандидата), что соответствует духу соревнования (ценностям свободного демократического общества). Подобный подход передается в речи образом «лыжни для обгона» („die Überholspur“), которой в любой момент может воспользоваться каждый из кандидатов: *Die noch nicht verhandelnden Kandidaten müssen eine faire Chance erhalten, zu den anderen aufzuschließen. **Die Überholspur muß frei bleiben*** [Fischer 1999: 14].

СЛОТ 4. «ПРЫЖКИ С ТРАМПИНА»

«Трамплин» („das Trampolin“) — традиционный для современной немецкой лингвокультуры образ, выражающий благоприятные стартовые условия для определенной деятельности. В социально-политической сфере это прежде всего экономические условия: *Das soziale Netz muß nach unserer Auffassung zu **einem Trampolin** werden. Von **diesem Trampolin** soll jeder, der vorübergehend der Unterstützung bedarf, rasch wieder in ein eigenverantwortliches Leben zurückfedern können* [Schröder 1999: 25].

СЛОТ 5. «ФУТБОЛ»

Футбол — это самый популярный вид спорта в Германии. Окациональная футбольная метафорика создает очень яркие и

наглядные политические образы, связанные, как правило, с актуализацией противоборства двух команд: правительства и оппозиции, — которые в разных контекстах «играют» друг против друга с большим или меньшим успехом:

- *Wenn sich zwei Städte um den Austragungsort eines Fußballspiels bewerben, kann die Konkurrenz nicht dadurch geschlichtet werden, daß die eine Mannschaft in Berlin und die andere in Bonn spielt* [Schily 1999];
- *Und das Bild von zwei Fußballmannschaften ist gänzlich falsch: Keine Parlamentsmehrheit stürmt gegen das eigene, d. h. das Regierungstor* [Laufs 1999].

Протекание социальных процессов соотносится также с ситуациями обращения с футбольным мячом. Так, «владение мячом» („am Ball bleiben“) характеризует активную гражданскую позицию, разрешение важных общественных проблем и задач, работу на благо германской экономики в ее разных сегментах:

- „am Ball sein“ — „aktiv sein, handeln (können)“ [CUGDR];
- „am Ball bleiben“ — „aktiv bleiben, etwas weiterverfolgen“ [CUGDR]: *Die Arbeitswelt wandelt sich ständig, Wer am Ball bleiben will, muss in Weiterbildung investieren. Das Institut der deutschen Wirtschaft (IW) schätzt den Aufwand für Fortbildungsmaßnahmen auf weit über Milliarden Mark im Jahr* [ND 2001];
- „sich (gegenseitig) die Bälle zuspielen [zuwerfen]“ — „sich durch Fragen, Bemerkungen geschickt im Gespräch verständigen; sich begünstigen, Vorteile verschaffen“ [CUGDR]: *Schade, dass es sich beim Thema Zuwanderung um so ein gravierend wichtiges handelt für Deutschland. Man könnte sonst mit größerem Vergnügen den kunstvollen Balztänzen der beteiligten Parteien folgen. Beispiel Union: Mit ihrem ungewöhnlich inszenierten Rückzug aus dem an sich ungewöhnlichen „außerparlamentarischen“ Gespräch im Innenministerium, den sie letztendlich mit Nichtigkeiten begründeten, haben sie Otto Schily geschickt den Ball zugespielt, ohne sich selbst vollends von der Partie zu verabschieden* [BZ 2002];
- *Heute wollen wir Menschen würdigen, die gegen solche Trends arbeiten, Menschen, die nicht nur einmal hinschauen, sondern die sich auf Dauer einmischen, Menschen, die nicht wegsehen, sondern die handeln und die am Ball bleiben* [Rau 2001a: 165].

Метафорически переосмысливаться может футбольное понятие „das Klein-Klein“

(«играть в мелкий пас, на ограниченной (своей) части поля»), которое получает негативные коннотации, обозначая, например, бюрократию и т. п.:

- „das Klein-Klein“ (Sport Jargon) — „zu kurzes Zuspiel, Zuspiel auf zu engem Raum“ [DGWDS]: *die Hoffnungen auf den großen Durchbruch ... waren im Klein-Klein des politischen Alltags längst versandet* [Spiegel 1978];
- „klein-klein“ <Adv.> (in der Wendung „klein-klein spielen“) — „(Sport Jargon) sich den Ball immer wieder auf zu engem Raum zuspielen“ [DGWDS].

СЛОТ 6. «ГИМНАСТИКА»

Понятия из сферы гимнастики представлены ключевым словом «шпагат» („der Spagat“), сочетающимся с другими словами, которые создают либо узкий метафорический контекст („der politische Spagat“), либо расширяют созданный метафорический образ („einen ... Spagat machen“, „der schwierige Spagat“).

Данное понятие манифестирует определенные решения, действия, которые очень трудно или невозможно осуществить на практике, и для их продвижения политикам иногда приходится идти на различные ухищрения, уловки, ср.:

- *Ich habe hier das Problem, in meinem kurzen Beitrag den politischen Spagat zu machen als einer, der im Innersten davon überzeugt ist, daß auf lange Sicht Berlin als Hauptstadt natürlich auch Sitz von Regierung und Parlament sein wird* [Lühr 1999];
- *Dabei muss die Volkshochschule einen schwierigen Spagat leisten. Einerseits ist sie eine Bildungseinrichtung, die allen Gruppen der Bevölkerung den Zugang zum Wissen ermöglichen soll, andererseits soll sie mit dem spezialisierten Angebot von kommerziellen Instituten konkurrieren können, die auf eine kleine und zahlungskräftige Klientel zielen* [Rau 2002a: 250—251].

Лексема „der Klimmzug“ («подтягивание на руках в гимнастике») входит в состав идиомы „Klimmzüge machen (müssen)“ — „etwas mit großer Anstrengung machen“ [CUGDR].

СЛОТ 7. «ПЕРЕТЯГИВАНИЕ КАНАТА»

В настоящее время «перетягивание каната» („das Tauziehen“) в большей степени воспринимается как молодецкая забава, чем как серьезный вид спорта, хотя еще в начале XX в. оно входило в программу летних Олимпийских игр.

Данный вид спорта прививает своим участникам ловкость, быстроту, силу, воспитывает в них дух товарищества и командного взаимодействия (внутри своей команды) и дух соперничества (между разными коман-

дами). В политике данный образ репрезентирует ситуацию принятия решения, когда имеются две альтернативы, и политики, поддерживающие один из двух вариантов, образно состоят в одной из двух команд, пытающихся протолкнуть свое решение (перетянуть канат на свою сторону).

Подобная ситуация возникла, например, в 1991 г., во время дебатов по поводу выбора столицы единой Германии (сохранения Бонна или переезда в Берлин), когда все немецкие политики (вне всякой зависимости от партийной принадлежности) разделились на два условных «лагеря», каждый из которых отстаивал один из городов, ср.: *Ich finde es interessant, einmal der Frage nachzugehen, warum dieses Thema eigentlich auch so viele nicht unmittelbar Betroffene so tief aufwühlt. Das kann nicht nur sportliches Interesse am Tauziehen zwischen zwei Städten sein, wie wir es gelegentlich erleben, wenn man sich über Industrieansiedlungen oder den Sitz eines Finanzamts streitet* [Verheugen 1999].

В толковый словарь немецкого языка попало также и переносное значение имени существительного „das Tauziehen“ — „das Hin und Her“ („vielfältiger Wechsel der Meinung[säußerung]en, Tendenzen, [Entwicklungs]richtungen“ [DGWDS]): „ein Tauziehen um die Besetzung des höchsten Staatsamtes“.

Лексема „der Strang“ («канат, веревка») входит в состав фразеологизма „an einem Strang ziehen“ — «делать общее дело» („am gleichen [am selben] Strang ziehen“ — „in der gleichen Lage sein und das gleiche Ziel verfolgen“ [CUGDR]): *Freunde waren Schlauch und Kuhn natürlich immer auch, weil sie politisch an einem Strang zogen* [BZ 2000]; *Gerhard Schröder versprach, einem Parteichef Lafontaine würde er sich fügen, mit dem könne er an einem Strang ziehen* [Stern, 1995]; *Dafür gab es keinen Grund, denn wenn es um die Förderung der Landeshauptstadt geht, der „Boom-City“ Deutschlands, ziehen Bürgermeister und Landesvater an einem Strang* [BZ 2002].

В следующем контексте данная идиома дополняется словосочетанием, которое активизирует внутреннюю форму фразеологизма (буквально — «тянуть один канат»), поскольку оно поясняет действие, обозначаемое во внутренней форме, указывая на направление («тянуть канат в одну сторону»). За счет подобного уточнения из фразеологизма заново развертывается метафорический образ: *Jedenfalls sollten Politik, Gewerkschaften und Arbeitgeber in dieser Frage an einem Strang ziehen — und zwar möglichst oft in die gleiche Richtung* [Rau 2002a: 298].

Противоположной является ситуация, когда «канат тянут в разные стороны», т. е.

действия не согласованы, есть разногласия и т. п.: „an zwei verschiedenen Strängen ziehen“ («действовать вразброд; тянуть в разные стороны»).

Тематически сюда примыкает ситуация, когда «прикладывают все силы»: „er hat sich in die Stränge gelegt“ («он приложил все усилия»).

СЛОТ 8. «БОРЬБА И БОКС»

Борьба и бокс — это силовое противостояние двух спортсменов, при котором на первый план выходят профессиональная подготовка и сила характера каждого участника.

Образ борьбы/бокса представлен в идиоме с ключевым словом „der Ring“ («ринг»): „in den Ring klettern [steigen]“ — „sich an einer Auseinandersetzung (öffentlich) beteiligen“ [CUGDR]. Например: *Scharping kann den Wahlkampf nur mit einem politischen Arm bestreiten. Den anderen hat die Partei gefesselt. Scharping ist zu einem Eiertanz gezwungen, während Kohl nach der Rückkehr aus dem Urlaub mit neuem Elan in den Ring steigen konnte* [Spiegel 1994].

Личный силовой поединок („der Zweikampf“) наглядно изображает политическую борьбу между двумя силами (политиками, партиями), например в рамках предвыборной кампании в бундестаг в следующем примере, описывающем «схватку» действующего федерального канцлера Г. Шрёдера и кандидата от оппозиции А. Меркель в 2003 г.: *Es darf aber nicht dazu kommen — ich will dies jedenfalls nicht —, dass der Bundesrat als ein Ort missbraucht wird, an dem ein Zweikampf zwischen dem Kandidaten und dem Bundeskanzler stattfindet; darum geht es nicht* [Schily 2003].

В некоторых контекстах в роли «борцов» выступают не отдельные политики, а целые государства. Так, богатая, насчитывающая более тысячи лет история взаимоотношений между Германией и Польшей, включавшая сложные и кровавые периоды, по мнению Й. Рау, не должна восприниматься только как непрерывная, «тысячелетняя борьба» („das tausendjährige Ringen“): *Wir werden im nächsten Jahr Gelegenheit haben, an ein Symbol tausendjähriger Zusammenarbeit und nicht eines tausendjährigen Ringens zwischen Deutschen und Polen zu erinnern* [Rau 2000: 269—270].

Продолжение, возобновление схватки образно представляется как переход в следующий раунд. Например, в следующем контексте речь идет о виртуальном конфликте между Востоком и Западом, который, по мнению президента Германии, мог быть возобновлен в XXI в.: *Als diese Einsicht endlich*

wieder durchsetze, ging der Ost-West-Konflikt in zweite Runde [Rau 2001a: 395].

Интересный образ получается при переосмыслении ситуации из бокса, когда помощники поверженного на ринге боксера выкидывают на ринг белое полотенце, чтобы прекратить бой; при метафорическом переосмыслении это отражает ситуацию прекращения борьбы, ухода в отставку (со своего поста): „das Handtuch werfen [schmeißen]“ — „etwas resignierend aufgeben; eine Arbeit, der man sich nicht gewachsen fühlt; resignierend aufgeben“ [CUGDR], например: *Finanzminister Polens wirft das Handtuch* [BZ 1992]; *Gohlke war im Sommer auf den Chefsessel der Ost-Berliner Treuhandanstalt gewechselt, hatte dort aber schon bald das Handtuch geworfen* [Stern 1990]; *Weil er „als Bündniskandidat bei PDS und Bündnis 90 / Die Grünen offensichtlich nicht die notwendige Zustimmung findet“, warf Nolle das Handtuch. Die für morgen angesetzte endgültige Nominierung durch den SPD-Stadtausschuss wurde kurzfristig abge-sagt* [ND 2001].

Как считает итальянская исследовательница Ф. Риготти, метафоры борьбы („der Kampf“, „kämpfen“), восходящие к области спорта, в настоящее время имеют тенденцию к употреблению для обозначения «военного соперничества» и потому постепенно переходят в разряд военной лексики [Rigotti 1994: 53].

С боксом связана также метафорически переосмысленная ситуация, зафиксированная в устойчивом выражении «удар ниже пояса» („ein Schlag unter die Gürtellinie“ — „eine unfaire Attacke“ [CUGDR]): „Die Schmach war noch in den Köpfen. Von der Kritik ging viel unter die Gürtellinie, es war deprimierend für jeden Spieler“, sagte Toppmöller [BZ 2001].

СЛОТ 9. «ТЯЖЕЛАЯ АТЛЕТИКА»

Тяжелая атлетика в политической коммуникации представлена группой слов с лексической доминантой „das Schwergewicht“ («тяжелая весовая категория (спортсменов)»), от которой образуются производные как морфологическими способами, так и с помощью семантической деривации.

В языке политики «тяжеловесами» именуют авторитетных и известных политических деятелей. В то же время «тяжелый вес» обозначает сферу, которой уделяется основное внимание, на которую делается основной упор, которая имеет важное значение. Эти значения отмечены в толковом словаре:

- „das Schwergewicht“ — „3. <о. Pl.> Hauptgewicht (das auf etwas liegt, gelegt wird)“ [DGWDS], ср.: *das Schwergewicht der Arbeit hat sich verlagert*;

- „der Schwergewichtler“ — „Schwergewicht“ (1 b) [DGWDS].

Тот же образ реализуется в выражении „das Schwergewicht liegt auf etwas (Dat.)“ («главное (основное) внимание уделено (чему-либо)»).

СЛОТ 10. «ВЕЛОСПОРТ»

Из терминологии велоспорта в политическую риторику попало понятие „das Handicap“ («гандикап, фора»), выражающее такие стартовые условия для начала осуществления какой-либо деятельности, которые являются не совсем благоприятными, неравными (для действующих субъектов), обусловленными некоторыми внутренними или внешними факторами:

- *Es ist ihr nämlich gelungen, das Trauma der Vergangenheit zu bewältigen und wieder Ansehen und einen gewissen Stolz zu erlangen, trotz Handicap des geteilten Deutschland, mit dem man eben leben mußte* [Hilsberg 1999];
- *Die Vier kamen zu dem Ergebnis, Ostdeutschland habe ein ausgesprochen gutes Entwicklungs- und Aufholpotential, es sei ein "Wirtschaftstiger" auf dem Sprung. Jedes Potential müsse aber zunächst einmal mobilisiert werden, und das stoße in Ostdeutschland auf ein psychologisches Handicap: Das weitverbreitete Gefühl der Enttäuschung über die bisherige Entwicklung sei ein Hindernis für den Wachstumsprozess. Die Blockade in den Köpfen hindere den Tiger am Sprung* [Rau 2002b: 428].

СЛОТ 11. «СКАЧКИ»

Бега, скачки („das Wettrennen“) — очень древний вид спорта, входивший в программу еще античных Олимпийских игр. Лошадиные бега являются также самым первым видом гонок на земле (в XX в. появились автомобильные гонки, водно-моторный и парусный спорт, гонки на байдарках и каноэ, гонки на самолетах и т. д.). Соответственно понятие „das Wettrennen“ отражает ситуацию конкуренции между разными социально-экономическими реалиями, проектами, технологиями и т. п.: *Sie warnen ja immer, dass man den Menschen nie unter die Marktwirtschaft stellen darf, also den Menschen nie vergessen darf im ganzen Technologie-Wettrennen* [Rau 2002b: 584].

Переносное значение слова («гонка; состязание; соперничество») уже закрепилось в словаре немецкого языка и синонимично лексеме „der Wettlauf“.

СЛОТ 12. «АВТОСПОРТ»

Автогонки в классе автомобилей «Формула-1» — один из популярнейших видов спорта в современной Германии (наравне с футболом), что связано в первую очередь

с огромными успехами в последние два десятилетия немецких гонщиков (М. Шумахер, Х.-Х. Френтцен, Р. Шумахер, С. Феттель, Н. Розберг). В частности, М. Шумахер, самый богатый спортсмен в мире, неоднократно становился рекордсменом «Формулы-1», а также семь раз выигрывал титул чемпиона мира (1994—1995; 2000—2004), что также является действующим рекордом. В 2010 г. в гонки вернулась и немецкая команда «Мерседес». Четыре последних чемпионата мира подряд в личном зачете выиграл немецкий гонщик Себастьян Феттель за рулем австрийской машины «Ред Булл» (сезоны 2010—2013).

Автоспортивная метафорика описывает различные социальные процессы, которые оцениваются ораторами в зависимости от передаваемого содержания то положительно, то отрицательно. Самыми частотными из понятий автоспорта являются „der Boxentopp“ («остановка в боксах, пит-стоп»), „stop and go“ («стоп-энд-гоу»), „der Turbokapitalismus“ («турбокапитализм»).

«Остановка в боксах» в автомобильной гонке происходит довольно часто. Она проводится для обслуживания гоночного болида (смены колес, доливания топлива, замены сломавшихся в ходе гонки конструктивных элементов). При предикации в социальной сфере данное понятие выражает негативное отношение немецких политиков к сложившейся в ФРГ системе взаимодействия высшей школы и сегментов экономики, когда высшая школа рассматривается абитуриентами и студентами как промежуточный этап на пути к успешной карьере в бизнесе, экономике, промышленности и т. п.:

- *Aber ich glaube nicht, dass sich die Funktion von Schulen und Universitäten darin erschöpfen darf, **Boxenstopp** für Blitzkarrieren zu sein* [Rau 2001a: 40];
- *Da wird vom „multiplen Selbst“ geredet, einer Art Patchwork-Biographie, die angesichts der immer kürzeren Verfallszeiten des vorhandenen Wissens ein ständig „geupdatetes“ Wissen braucht. Dann werden Hochschulaufenthalte nur noch „**Boxenstopps**“ für immer neue Blitzkarrieren und „**Start-ups**“* [Rau 2002b: 197].

«Стоп-энд-гоу» (от *англ.* „stop and go“, что можно перевести на русский язык как «стой и езжай») — это вид наказания (штрафа), применяемого в ходе гонки за мелкие нарушения и нарушения средней тяжести, которое состоит в заезде в свои боксы и остановке там на 10 сек без права обслуживания машины, из-за чего гонщик теряет много времени и, как правило, теряет места в пелотоне [DGFW].

В сфере политики данное понятие, причем без какой бы то ни было ассимиляции, в виде англоязычной фразы („das stop and go“), хотя в немецком языке есть и онемеченный вариант из сферы дорожного транспорта („der Stop-and-go-Verkehr“), выражает отрицательную оценку политики правительства, которая, по мнению выступающего, хотя и приносит некоторые улучшения в экономике и финансовой системе страны, но тем не менее неравномерна и непостоянна, т. е. приводит к тому, что удачные периоды сменяются периодами стагнации (это и определяется как «заезды в боксы», т. е. отсутствие движения, прерывание гонки остановкой): *Die Volkswirte der Dresdener Bank führen die jüngste Aufhellung am Arbeitsmarkt in erster Linie auf die Bonner Politik des stop and go zurück* [Schreiner 1998: 8].

Очень интересный метафорический образ передается сложным словом „der Turbokapitalismus“ («турбокапитализм») — компонент «турбо-» (самый мощный автомобильный мотор) привносит сему быстроты, динамики:

- *Die Substanz unserer Wirtschaftsordnung ist die soziale Marktwirtschaft. Wenn sie nicht mehr sozial ist, entsteht ein **Turbokapitalismus** oder ein **Kasino-Kapitalismus**, der nur noch Shareholder-Value sieht, und bei dem noch viel mehr Arbeitsplätze verloren gehen* [Rau 2002b: 562];
- *Darum glaube ich, dass Deutschland mit seiner sozialen Marktwirtschaft eine Mitte ist zwischen dem, was es an gescheiterter Planwirtschaft gibt und an scheiterndem **Turbokapitalismus*** [Rau 2002b: 562].

С помощью понятия «гонки» („das Rennen“), представленного в сети устойчивых выражений с переосмысленной, метафорической семантикой, концептуализируется небольшой фрагмент политической реальности. Различные ситуации, встречающиеся на автомобильных гонках, проецируются в сферу политики. Так, участие в гонке означает надежду, шансы на успех; отправить кого-то на гонку значит выставить своего кандидата на выборы; сход с дистанции описывает политический проигрыш (в выборах и т. п.); приезд первым и завершение гонки репрезентирует победу (в выборах и пр.); «мертвая» гонка образно номинирует ничем не завершившееся (безрезультатное) дело, например:

- „(noch) gut im Rennen liegen [sein]“ — „(noch) Aussichten auf Erfolg (in einem Wettbewerb o. Ä.) haben“ [CUGDR];
- „j-n ins Rennen schicken“ — „j-n für den Kampf nominieren“ [CUGDR]: *Und wenn im Jahre 1997 die allgemeine Lage entsprechend ist, kann niemand einflussreiche Gruppen daran hindern, doch Schröder*

oder Lafontaine oder wen sonst auch immer **ins Rennen zu schicken** [ND 1995]; Seit Kohl vor Jahresfrist im Bundestag mit nur zwei Stimmen Mehrheit wiedergewählt wurde, ist CDU / CSU und FDP klar, dass die Wahl eines Nachfolgers vor 1998 purer Leichtsinn wäre. Andererseits kann Kohl auch nicht bis Wahlsamstag 1998 amtieren und dann am Sonntag einen Kronprinzen **ins Rennen schicken**. Dessen absehbare Niederlage wäre seine eigene, der Abgang des Kanzlers der Einheit in den Geschichtsbüchern mit dem Machtverlust der Union verbunden [Stern 1995]; Die Sozialdemokraten **schicken** in 21 Städten einen Kandidaten für das Bürgermeisteramt **ins Rennen**. Elf davon werden bislang von einem SPD-Politiker angeführt [BZ 2002];

- „das Rennen machen [gewinnen]“ — „gewinnen“ [CUGDR]: Vor zehn Jahren sei die Frage, wen sich Berliner als Regierenden Bürgermeister wünschten, 70:30 für Diepten ausgegangen, aber Momper **machte das Rennen** [Tagesspiegel 1999];
 - „das Rennen ist gelaufen“ — „die Entscheidung ist gefallen, die Sache ist erledigt“ [CUGDR];
- „j-n aus dem Rennen werfen“ — „j-n (aus dem weiteren Wettbewerb) ausschalten; j-n besiegen, übertreffen“ [CUGDR]: Auf Platz 2 landete der stellvertretende Landesvorsitzende Markus Löhning. Löhning **hat vier Kandidaten aus dem Rennen geworfen...** [BZ 2002];
- „ein totes Rennen“ — „ein unentschiedener Ausgang“ [CUGDR].

СЛОТ 13. СЛОТ «АЛЬПИНИЗМ»

Альпинизм представляет такой вид политического состязания, в котором особенно важны совместная деятельность в группе (одиночный альпинизм — явление крайне редкое) и слаженность работы коллектива. В политических контекстах встречается образ «связанных одной веревкой альпинистов» — „die Seilschaft“ (имеется в виду группа единомышленников, соратников и пр.). При упоминании партийных функционеров бывшей ГДР из ныне не существующей СЕПГ оратор явно выражает негативную оценку:

- *Gestatten Sie mir bitte noch ein Wort zu den alten SED-Seilschaften, damit diese nicht glauben, wir hätten sie schon ganz vergessen; darauf warten sie ja nur. Wir brauchen eine Demokratische und verlässliche Verwaltung, und zwar jetzt in diesen schweren Zeiten* [Wetzel 1999];
- *Wir dürfen das Versprechen, gegen die alten Seilschaften und für die Menschen zu arbeiten, nicht brechen* [Wetzel 1999].

Образно переосмысливается ситуация подстраховки веревками в альпинизме, например: „wenn alle Stränge [Stricke] reißen“ — „im Notfall; wenn alles andere nicht klappt; wenn es keine andere Möglichkeit mehr gibt“ [CUGDR] («в самом крайнем случае; в случае крайней необходимости»); „alle Stränge anziehen“ («пустить в ход всё (все средства)»).

СЛОТ 14. «ПАРУСНЫЙ СПОРТ»

Представления, связанные с парусным спортом, не являются частотными в немецкой политической метафорике. Морская тематика возникает прежде всего в рамках концептосферы «Транспорт».

В следующем фрагменте выступления восьмого президента ФРГ Й. Рау представлен сложный, развернутый метафорический образ при описании трудностей, подстерегающих молодых людей во взрослой жизни при начале собственной карьеры. При этом оратор скомпилировал две метафорические системы — одну и ту же ситуацию он охарактеризовал одновременно в терминах парусного спорта и терминах альпинизма, что приводит к синонимии не отдельных слов-метафор, а целых метафоросистем: *Wie sollte das auch funktionieren in einer Zeit, in der nichts beständig scheint außer dem Wandel? Jeder Segler weiß doch: Je rauer die See, desto wichtiger ist es, dass der Kompass funktioniert. Jeder Kletterer weiß doch: Je schwieriger die Bergwand ist, desto wichtiger ist die Sicherung. Dass muss die Bildung den Menschen auch geben, vielleicht sogar in erster Linie: einen Kompass, der ihnen hilft, sich in einer Welt des raschen Wandels zu orientieren und die innere Sicherungsleine, die sie hält, wenn einmal alle Stricke reißen* [Rau 2001b: 303].

СЛОТ 15. «ОХОТА, РЫБАЛКА»

К спортивным состязаниям примыкает и охота с рыбалкой, хотя они и не относятся к официальным видам спорта. На территории Германии охота и рыбалка являются распространенным способом времяпрепровождения. Со спортом охоту и рыбалку объединяют азарт борьбы (с добычей), соревновательности (между охотником и его добычей), память о которой еще жива в сознании немецкого народа, и то, что это способ развлечения, забавы (хоть раньше он был доступен лишь очень богатым и титулованным особам).

В современной немецкой политической речи посредством терминов охоты создаются крайне негативные образы, отражающие разные аспекты социальной реальности. Так, традиционный образ „der Sündenbock“

(«козел отпущения») в устах Й. Рау дополняется мотивом охоты, чем передается негативное отношение к популярному у политиков и граждан ФРГ поиску виноватых в неудачах вместо занятия конкретными делами: *Viele Kritik an Europa macht sich an der Kommission fest: Manchmal zu Recht, häufig wird die Kommission aber nur zum Sündenbock gemacht. Und die Jagd auf Sündenbocke ist bekanntlich die beliebteste Jagd überhaupt!* [Rau 2001b: 184].

В следующем контексте за счет неожиданной дистрибуции слов возникает яркая наглядно-образная картина. Оратор выражает негативное отношение к популистским высказываниям отдельных политиков, а также развивает мысль о «козле отпущения», представляющем уже в виде «свиньи» („die Sau“), на которую тоже можно охотиться, а в случае отсутствия реальной цели ее можно заменить муляжом („die Attrappe“): *Dann schrieb er auf, was in seiner Zeitung in den letzten zehn Tagen jeweils dran war. Das war BSE, das war Joschka Fischer, das war die Zwangarbeiter-Frage. Das hatte eine wellenförmige Entwicklung, und jeweils war die Aufregung ganz groß. Das Ergebnis ist natürlich Abstumpfung. Das Ergebnis ist die Suche nach der nächsten Sau, die durchs Dorf gejagt wird. Und wenn dann keine Sau da ist, dann wird eine Attrappe durch die Gegend gehetzt. Das ist gefährlich* [Rau 2001b: 420].

Отрицательное отношение к германским печатным СМИ президент ФРГ объясняет стремлением печатных и электронных изданий к постоянному поиску сенсаций, тем, что газеты, журналы и телевидение перестают освещать события объективно и беспристрастно: *Und weil sich das nicht alle Medien leisten können, gibt es die Jagd nach Schlagzeilen* [Rau 2001b: 420].

Интересно следующее узуальное выражение, в котором ситуация успешной охоты описывается с указанием на добытый трофей: „den Vogel abschießen“ — „(bei einer Sache) den größten Erfolg haben“ [CUGDR] («иметь успех (в каком-либо деле)», буквально: «подстрелить дичь (птицу/птичку»).

Мотив рыбалки реализуется в нескольких идиоматичных выражениях, объективирующих ситуацию заманивания кого-либо («закинуть удочку») и ситуацию обмана, когда кто-то позволяет себя обмануть (как рыба обманывает рыбу наживкой; ср. в русском языке: «попасться на удочку»):

- „die Angel nach etwas / j-m (Dat.) auswerfen“ («закидывать удочку (на счет чего-либо); расставлять сети (кому-либо); заманивать, завлекать (кого-либо); стараться заполнить (кого-либо)»);

- „j-m an die Angel gehen“ — „анеиßen, j-m auf den Leim gehen“ [CUGDR];
- „j-m auf den Leim gehen [kriechen]“ — „auf j-n, auf etwas, auf j-s List hereinfallen“ [CUGDR].

Неудача в чем-либо описывается с помощью выражения, указывающего на ситуацию, когда собака на охоте догоняет зверя, но тот прячется в норе, и собака не может его оттуда достать, в результате чего охотник остается ни с чем (без трофея): „in die Röhre schauen [sehen/gucken]“ — „(ugs.) bei der Verteilung leer ausgehen, das Nachsehen haben (wohl vom Hund, der in den Bau hineinsehen, aber nicht hineinkriechen kann)“ [DGWDS] (буквально — «смотреть в нору», т. е. видеть в норе дичь, но не иметь возможности ее достать).

СЛОТ 16. «ПЛАВАНИЕ»

К данной сфере можно отнести обобщенную ситуацию «купания, принятия ванны», которая получила образное переосмысление в устойчивых выражениях, например:

- „Bad in der Menge“ — „unmittelbarer Kontakt mit den Menschen in einer (positiv eingestellten) Menschenmenge“ [CUGDR]: *Messdiener haben zwischen der gotischen Kathedrale und dem geparkten Dienst-Mercedes eine Gasse gebildet. Wenn Meisner wollte, könnte er in zwei Minuten beim Wagen sein. Doch der Gottesmann mit dem roten Kardinals-Käppchen hat es nicht eilig. Er genießt das **Bad in der Menge**, ist dankbar für jede Geste von Sympathie und Zuwendung. Wie ein Polit-Profi auf Wahlkampf-Reise durchbricht er immer wieder das Spalier, um auf Menschen zuzugehen* [BZ 1992];
- „baden gehen“ — „keinen Erfolg mit etwas haben; hereinfallen (und enttäuscht sein)“ [CUGDR]: *Albaniens Präsident Berisha konnte **baden gehen**. Bei den Parlamentswahlen ist nun die Gefahr groß wie nie für den Wendehals, dass er endgültig **baden geht*** [ND 1996].

Плавание представлено и окказиональным контекстом с ярким образом, возникающим в речи оратора о принципах работы системы образования ФРГ: *Manche Träger von Volkshochschulen erwarten wohl auch, dass die Volkshochschulen mit ihren Angeboten die öffentlichen Haushalte entlasten. Das ist falsch. Natürlich wird Weiterbildung, so wie sie von den Volkshochschulen und von anderen angeboten wird, immer von einzelnen Menschen nachgefragt. Man kann — das stimmt auch — von jemandem einen eigenen materiellen Beitrag erwarten, der einem persönlichen Bedürfnis, einem Interesse oder einer Neigung*

nachgehen möchte. Es gibt wohl einen Anspruch darauf, dass jeder in der Schule Schwimmen lernt, aber es gibt keinen Anspruch darauf, dass jeder, nachdem er einmal die Schule verlassen hat, immer gratis die Badehose dazu bekommt, die er braucht oder die ihm gefällt [Rau 2002a: 252].

СЛОТ 17. «ФЕХТОВАНИЕ»

Фехтование в социальной коммуникации упоминается в выражениях с компонентом „die Parade“ (в значении «парирование удара»): „j-m in die Parade fahren“ — „j-m energisch entgegentreten, widersprechen“ [CUGDR], например: *Verständnis oder gar offene Zustimmung hat Glos für seinen kalkulierten Vorstoß nicht gefunden. Aus der eigenen Partei wie aus der CDU fuhren ihm Kritiker in die Parade* [BZ 2001]; *Ein Glück, dass unser Bundespräsident den Deutschrütern vom Schlage eines Meyer, Merz, Goppel oder auch Westerwelle in die Parade gefahren ist* [ND 2001].

СЛОТ 18. «АЗАРТНЫЕ ИГРЫ И КАРТЫ»

Сравниваемые с политикой виды спорта дополняют азартные игры на основе присущих им азарта и того, что это способ развлечения. Наиболее распространены среди азартных игр, конечно же, карточные, фигурирующие в описаниях экономических и политических процессов как в Германии, так и в Европейском союзе.

Общая номинация азарта в немецком языке, „das Hasard“ («1) азартная игра»; «азарт»), вербализуется в устойчивом выражении „Hasard spielen“ — „leichtsinig sein, leichtfertig sein, sein Glück aufs Spiel setzen“ [CUGDR] («безрассудно поставить что-либо на карту»).

В следующем случае дана авторская интерпретация выражения „der blaue Brief“ («письмо с уведомлением об увольнении или плохой успеваемости (в школе)»), которое при экспликации негативных для экономики Германии последствий ее членства в Евросоюзе трансформировалось в выражение „die ‚blaue‘ Karte“ (прилагательное закавычено в оригинале): *Von der Europäischen Union hätte die Union bereits so viele „blaue“ Karten erhalten, dass sie damit problemlos Poker spielen könnte* [Müller 2003].

Неправильная, с точки зрения оратора, финансово-экономическая политика правительства, способствующая росту государственных долгов, представляет собой игру с «невыигрышными, неудачными картами» („ein Spiel mit falschen Karten“), например: *Dies entspricht der alten, rückwärtsgewandten Politik, die zu einer Verschuldung des Bundes von 1,5 Billionen DM geführt hat. Aber Schulden zu Lasten der nachfolgenden Generation*

zu machen, ist ein Spiel mit falschen Karten [Müller 2003].

Помимо окказиональных словоупотреблений, в словаре немецкого языка зафиксировано много выражений в переносном значении с ключевым словом „die Karte“, которые используются в политической коммуникации. В частности, к ним относятся образные переосмысления различных действий в карточных играх:

- „auf die falsche Karte setzen“ — „sich verrechnen, die falschen Mittel wählen“ [CUGDR];
- „die letzte Karte ausspielen“ — „mit dem letzten Mittel noch einmal versuchen, ein Ziel zu erreichen“ [CUGDR];
- „alles auf eine Karte setzen“ — „bei einer einzigen Chance alles riskieren“ [CUGDR];
- „schlechte Karten haben“ (буквально — «иметь плохие карты») — „keine guten Erfolgsaussichten haben“ [CUGDR], например: *Ob Landesregierung oder Stadtverwaltung — wer Bauvorhaben absprechen, das Aufgebot bestellen oder seinen Pass verlängern lassen wollte, hatte schlechte Karten: Besetzt waren meistens nur die Telefonzentralen, wo liebliche Stimmen die Anrufer auf Montag verträsteten* [BZ 1991];
- „gute Karten haben“ (буквально — «иметь хорошие карты») — „gute Erfolgsaussichten haben“ [CUGDR]: *Denn in der Welt von morgen wird es hauptsächlich darum gehen, seine Vertriebspartner vom eigenen Angebot zu überzeugen. Ich glaube, die Axa wird da auch bei Bank 24 sehr gute Karten haben* [BZ 2000];
- „die [seine] Karten aufdecken“ / „die [seine] Karten offen auf den Tisch legen“ — „seine wahren Absichten erkennen lassen“ [CUGDR]: *Die Experten der Opposition — so der stellvertretende Fraktionschef Rudolf Dreßler — erwarten nämlich, dass kurz nach dem Wahltermin die Karten auf den Tisch gelegt werden* [BZ 1992];
- „sich nicht in die Karten sehen [schauen / ugs.: gucken] lassen“ — „seine Absichten geheimzuhalten wissen“ [CUGDR];
- „mit gezinkten Karten spielen“ — „seine Pläne, Ziele mit unlauteren Mitteln verfolgen“ [CUGDR];
- „alle Karten in der Hand haben [behalten]“ (буквально — «иметь все карты в руках») — „die entscheidende Position innehaben, alle Machtmittel behalten“ [CUGDR];
- „j-m die Karten legen [schlagen]“ — „j-m aus den Spielkarten wahrsagen“ [CUGDR];
- „eine Karte ausspielen“ («пойти с карты; решиться на что-либо», перен. «сделать шаг»);

- „die Karten mengen“ («мешать карты»; *перен.* «спутать карты»);
- „eine Karte schlagen [übertrumpfen]“ («бить карту (также *перен.*)»);
- „seine Karten nicht verraten“ («не открывать своих карт (также *перен.*)»);
- „in die Karten sehen [gucken]“ («смотреть в чьи-либо карты; видеть чьи-либо махинации»);
- „mit offenen Karten spielen“ («играть в открытую»; *перен.* «действовать в открытую, открыто»);
- „mit verdeckten Karten spielen“ («играть втемную»; *перен.* «действовать исподтишка»);
- „die Karte sticht“ («карта берет (взятку)»; *перен.* «этот ход достигает цели»).

Только в переносном значении употребляются следующие выражения:

- „das paßt in meine Karten“ (*перен.* «это меня устраивает; это мне на руку» (буквально — «это подходит для моих карт»));
- „so einfach liegen die Karten nicht“ (*перен.* «дело обстоит не так просто» (буквально — «так просто карты не ложатся (подобным образом)»));
- „das ist eine angelegte Karte“ (*перен.* «это дело решенное» (буквально — «это уже выложенная/открытая карта»)).

Еще одно понятие из карточных игр — „die Hinterhand“ («вторая рука (игрок)») — присутствует в идиоматичных выражениях:

- „etwas in der Hinterhand haben“ — „etwas in Reserve haben“ [CUGDR]: *Er hatte noch ein paar starke Argumente in der Hinterhand;*
- „in der Hinterhand sein [sitzen]“ — „den Vorteil haben, als letzter mit etwas an der Reihe zu sein, und in Kenntnis dessen, was andere getan haben, handeln zu können“ [CUGDR].

Из карточной игры «фараон» в политический язык пришло выражение с компонентом „das Paroli“ («двойная ставка») в следующем значении: „j-m, einer Sache Paroli bieten“ — „j-m, einer Sache wirksam entgegentreten“ [CUGDR], например: *Allerdings kann der Saar-Premier dem Kanzler im Parlament nur von der Bundesratsbank aus Paroli bieten. Er wird dort häufig präsent sein. Nicht immer, aber immer öfter* [Spiegel 1995]; *Vielen im Osten fehlte nach der Wende ganz einfach das Startkapital, um der Konkurrenz Paroli zu bieten* [BZ 2002].

Реалии карточной игры «скат» представлены в следующем устойчивом выражении, основанном на одной из игровых ситуаций «ската»:

- „der Schneider“ — 2. „(Skat) Punktzahl 30“ [DGWDS]: „Schneider ansagen“ — „ankündigen, dass der Spielgegner keine 30 Punkte bekommen wird“; „Schneider/im Schnei-

der sein“ — „weniger als 30 Punkte haben“; „aus dem Schneider sein“ — „mehr als 30 Punkte erreicht haben“; „aus dem Schneider sein“ — „1. (ugs.) eine schwierige Situation überwunden, das Schlimmste überstanden haben; 2. (ugs. scherzh., selten) über dreißig Jahre alt sein“ [DGWDS];

- „aus dem Schneider (heraus) sein“ — „eine schwierige Situation überwunden, das Schlimmste überstanden haben; über 30 Jahre alt sein“ [CUGDR].

Помимо этого, азартные игры возникают в индивидуально-авторских метафорах с ключевым компонентом „das Kasino“ («казино»), описывающих различные (как правило, негативные) аспекты современной рыночной системы экономики Германии и других стран Запада.

Так, метафора „der Kasino-Kapitalismus“ отражает возможные риски, спекуляции в капиталистической экономике, вызванные тем, что целью бизнесменов является не честный труд, а легкая и быстрая нажива, ср.: *Die Substanz unserer Wirtschaftsordnung ist die soziale Marktwirtschaft. Wenn sie nicht mehr sozial ist, entsteht ein Turbokapitalismus oder ein Kasino-Kapitalismus, der nur noch Shareholder-Value sieht, und bei dem noch viel mehr Arbeitsplätze verloren gehen* [Rau 2002b: 562].

Прямая предикация в двучленной метафоре „die Börse“ ← „das Spielcasino“ также отражает негативное отношение Й. Рау к тенденции коммерциализации немецкого общества посредством указания на быструю и легкую наживу при игре на бирже: *Man könnte fast den Eindruck gewinnen, die Deutschen seien ein Volk wohlhabender Aktionäre geworden oder sie hatten die Börse als Spielcasino entdeckt* [Rau 2002a: 339].

Фраза крупье при игре в рулетку «Ставки сделаны, ставок больше нет» в немецком политическом языке также используется образно, причем в заимствованном из французского виде („Rien ne va plus!“ — „jetzt ist Schluss, es ist nichts mehr zu machen“ [CUGDR]): *Rien ne va plus — Nichts rollte mehr im öffentlichen Verkehr, als Busse, Straßenbahnen und Müllfahrzeuge das Stadtzentrum von Gera blockierten. Rund 1500 Beschäftigte legten am Mittwoch in einem Warnstreik ihre Arbeit nieder. Sie protestierten damit gegen die Haltung der Arbeitgeber bei den Tarifverhandlungen und gegen das Sparpaket der Bundesregierung* [ND 1996].

К данной группе метафор примыкают также обозначения жеребьевки, в том числе с помощью коротких/длинных предметов, ср.:

- „der Würfel ist [die Würfel sind] gefallen“ — „eine Entscheidung wurde getroffen, jetzt gibt es kein Zurück mehr“ [CUGDR];

- „den Kürzeren ziehen“ — „benachteiligt werden, (im Kampf) unterliegen [CUGDR].

СЛОТ 19. «ШАХМАТЫ»

Из шахматной игры в социальную коммуникацию пришли следующие выражения:

- „j-n in Schach halten“ — „j-n nicht gefährlich werden lassen, j-n niederhalten“ [CUGDR];
- „j-n matt setzen“ («заматовать (короля)»); в переносном смысле стало означать «победить кого-либо; поставить кого-либо в безвыходное положение»);
- „im Zugzwang sein [unter Zugzwang stehen / in Zugzwang geraten]“ — „gezwungen sein, sich zu einem bestimmten Zeitpunkt zu entscheiden, etwas Bestimmtes zu unternehmen oder zu erreichen“ [CUGDR].

СЛОТ 20. «НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ»

В немецком языке встречается устойчивое выражение, апеллирующее к игровой комбинации в настольной игре «мюле» („die Mühle“):

- „die Zwickmühle“ [zu mhd., ahd. zwi- (in Zus.) = zwei-, also eigtl. = Zweimühle, Zwiemühle, nach der Möglichkeit im Mühlespiel, durch den gleichen Zug eine Mühle zu öffnen u. eine zweite zu schließen]: „1. Stellung der Steine im Mühlespiel, bei der man durch Hin- u. Herschieben eines Steines jeweils eine neue Mühle hat“. „2. (ugs.) schwierige, verzwickte Lage, aus der es keinen Ausweg zu geben scheint“ [DGWDS]: *in einer Zwickmühle sein, sitzen, stecken; Diese Anlage war der Ausweg aus der Zwickmühle, in die viele Energiesparer bislang gerieten* [natur 1991];
- „in der Zwickmühle sein [sitzen]“ / „in die Zwickmühle geraten“ — „in der schwierigen Lage sein, in die schwierige Lage geraten“ [CUGDR]: *„Wir sind in einer Zwickmühle“ — IG-Metall-Chef Franz Steinkühler über die Probleme der Gewerkschaften in der DDR* [Spiegel 1990].

В целом, как показывает представленный обзор, корпус спортивной метафоры с архисемой «Игра», репрезентирующей социальную реальность современной Германии, сложился как обширное когнитивно-семантическое поле, конститuentами которого являются как узואльно закрепившиеся лексические элементы (слова и сочетания, идиомы, паронимы), так и окказионально-креативные образы, существенно расширяющие понятийно-смысловое пространство политических образов. Детальная сегментированность данной концептосферы обусловлена экстралингвистическими факторами, а ее семантическая насыщенность связана с активными внутриязыковыми процессами в социально-политической коммуникации.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЧИ

1. *Clement W.* Perspektiven für Deutschland: Unsere Strategie für eine Nachhaltige Entwicklung. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002.

2. *Fischer J.* Zentrale Aufgaben des deutschen Ratsvorsitzes in der EU: Rede vor dem Europäischen Parlament (am 12. Januar 1999 in Straßburg) // IN-Press: Sonderthema. 1999. ST 18. S. 10—20.

3. *Herzog R.* Bundespräsident der Bundesrepublik Deutschland im Zitat // IN-Press: Portrait. 1997. Nr. 3.

4. *Hilsberg S.* Rede in der Berlin-Debatte. 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_079.html.

5. *Lafontaine O.* Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. № 38. 11. Sept. S. 4—6.

6. *Laufs P.* Rede in der Berlin-Debatte. 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_024.html.

7. *Lühr U.* Rede in der Berlin-Debatte. 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_064.html.

8. *Mertens A.* Empfehlungen schnell umsetzen // Das Parlament. 1998. № 34—35. 14—21 Aug. S. 12.

9. *Müller W.* Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. № 2002-17-1.

10. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1.

11. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1.

12. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2.

13. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1.

14. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2.

15. *Repnik H.-P.* Innovation nur bei guter Ausbildung // Das Parlament. 1998a. Nr. 31. 24. Juli. S. 3.

16. *Repnik H.-P.* Prinzip der Proportionalität wahren // Das Parlament. 1998b. Nr. 45. 30. Okt. S. 3.

17. *Schily O.* Rede zum Entwurf eines Zuwanderungsgesetzes in der Debatte der 222. Sitzung des Deutschen Bundestages (Berlin, den 1. März 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. № 2002-14-2.

18. *Schreiner O.* Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. 1998. № 31. 24. Juli. S. 7—8.

19. *Schröder G.* Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. Nov. 1998). — Bonn : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1999.

20. *Schröder G.* Mut zum Frieden und Mut zur Veränderung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 14. März 2003). — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2003a.

21. *Schröder G.* Rede beim World Economic Forum (New York, den 1. Feb. 2002) // Bulletin 1996—2002. CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und

Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003b. № 2002-06-1.

22. *Verheugen G.* Rede in der Berlin-Debatte. 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_037.html.

23. *Waigel Th.* Deutschland steht mitten im Aufschwung! // *Das Parlament*. 1998. № 38. 11. Sept. S. 3—4.

24. *Wetzel K.* Rede in der Berlin-Debatte. 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_071.html.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

25. *BZ*: Zeitung. — Berlin (Deutschland).

26. *Natur*: Zeitschrift. — München (Deutschland).

27. *Spiegel, der*: das deutsche Nachrichtenmagazin. — Hamburg (Deutschland).

28. *Stern, der*: Zeitschrift. — Hamburg (Deutschland).

29. *Tagesspiegel, der*: Zeitung. — Berlin (Deutschland).

СЛОВАРИ

30. *Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung* = CUGDR / Chefred. A. Sendlinger. — München: Compact Verlag, 2007.

31. *Duden*, Das große Fremdwörterbuch: Herkunft und Bedeutung der Fremdwörter = DGFW / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., überarb. Aufl. — Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2003.

32. *Duden*, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bd. = DGWDS / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. — Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

33. *Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Дзюба Е. В., Красильникова Н. А.* Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.

34. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Метафора в политической коммуникации: моногр. — М.: Флинта: Наука, 2008.

35. *Гажева И. Д.* Опыт концептуального анализа имени *игра* // Филологические науки. 2000. № 4. С. 73—81.

36. *Керимов Р. Д.* Немецкая политика в зеркале спортивной метафоры // Изв. УрГПУ. Лингвистика / отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2005a. Вып. 15. С. 79—85.

37. *Керимов Р. Д.* Спортивная метафора в немецком политическом дискурсе // *Welt in der Sprache* / hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. — Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005b. S. 343—362. (Reihe „Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik“; Bd. 11).

38. *Керимов Р. Д.* О перспективах политической германистики // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сент. — 6 окт. 2011 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. С. 118—120.

39. *Керимов Р. Д.* Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации: моногр. / Кемеров. гос. ун-т. — Кемерово: Офсет, 2012.

40. *Керимов Р. Д.* Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: моногр. / Кемеров. гос. ун-т. — Кемерово: Офсет, 2013.

41. *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Источники метафоры в немецкоязычной социальной коммуникации // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24—26 сент. 2013 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. С. 147—154.

42. *Керимов Р. Д., Федянина Л. И.* Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 157—170.

43. *Савицкий И. П.* Критерии идентификации окказиональной лексики (на материале немецких печатных СМИ) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2014. № 1 (57). Т. 2. С. 151—159.

44. *Федянина Л. И.* Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: учеб. пособие / Кемеров. гос. ун-т. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008.

45. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

46. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2012.

47. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.

48. *Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O.* Metaphern im deutschen und russischen öffentlichen Diskurs // *Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 2003* / hrsg. von M. Vollstedt. — Moskau: Deutscher Akademischer Austauschdienst, 2003. S. 11—44.

49. *Jäkel O.* Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997.

50. *Kerimov R.* Sportmetaphorik auf dem Gebiet der Politik: Kognitive Untersuchung eines metaphorischen Herkunftsbereiches der deutschen Politikerrede // *Ethnohermeneutik und Anthropologie* / hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. — Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. S. 225—242. (Reihe „Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik“; Bd. 10).

51. *Liebert W.-A.* Metaphernbereiche der deutschen Alltagssprache: Kognitive Linguistik und die Perspektiven einer kognitiven Lexikographie. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1992.

52. *Rigotti F.* Die Macht und ihre Metaphern: Über die sprachlichen Bilder der Politik. — Frankfurt am Main; New York: Campus, 1994.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Ю. В. Кобенко.

А. Новаковски A. Novakowsky
Кросно, Польша Krosno, Poland

**ОБРАЗ РОССИИ В ПОЛЬСКИХ
АВТОРИТЕТНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКАХ
«ПОЛИТИКА» И «В СЕТИ»**

**THE IMAGE OF RUSSIA
IN POLISH HIGHLY RESPECTED
WEEKLY NEWSPAPERS “POLITYKA”
AND “V SETI”**

Аннотация. Представлены результаты исследования образа России на материале самых читаемых польских авторитетных публицистических еженедельников — «Политика» и «В сети» — за 2013 г. Доказано, что эти образы в разных изданиях значительно расходятся и зависят от идеологического направления журнала. «Политика» пользуется репутацией авторитетного журнала для интеллигенции, для которого характерна в основном левоцентристская направленность. Журналисты издания «В сети», ссылаясь на свободу слова, создают агрессивные тексты, нередко нарушающие журналистскую этику; издание имеет консервативную направленность. В первом издании Россия предстает как страна высокой культуры, влиятельная на международной политической арене, большой сосед и возможный партнер Польши, во втором — как авторитарная страна, стремящаяся к конфликту и представляющая угрозу для всего мира.

Abstract. The paper presents the results of the study of the image of Russia in Polish biggest selling weekly magazines “Polityka” and “W Sieci” published in 2013. It is proved that the image is highly differentiated, depending on ideological positions of magazines. “Polityka” has the reputation of a highly respected publication for people of culture, which is characterized by the centre-left orientation. The journalists of the weekly “W Sieci”, appealing to the freedom of speech, create aggressive texts, often violating journalistic ethics; the newspaper is conservative. The first of the above mentioned newspapers presents Russia as a country of culture, influential on the international political arena, big neighbor and a possible partner of Poland, the second newspaper shows Russia as an authoritative country, that is seeking a conflict and threatens the whole world.

Ключевые слова: Польша; Россия; анализ прессы; польская газетная публицистика; польско-русские отношения.

Key words: Poland; Russia; press analysis; Polish newspapers; Poland-Russia relations.

Сведения об авторе: Новаковски Адам, магистр, преподаватель русского языка, кафедра русской филологии.

About the author: Novakowsky Adam, Master's Degree Student, Teacher of Russian, Department of Russian Philology

Место работы: Государственная высшая профессиональная школа имени Станислава Пигоня в Кросно.

Place of employment: S. Pigon State Higher Vocational School in Krosno.

Контактная информация: 38-400, Polska, Krosno, Rynek 1.
e-mail: adam.e.nowakowski@gmail.com.

ВВЕДЕНИЕ

В начале далекого 1925 года лидер поэтической группы краковских авангардистов Тадеуш Пейпер выступил в родном городе с докладом о поэзии, в котором предсказывал: «Есть факт, перед лицом которого заклятия защитников старины значат столько, сколько значило бы их желание остановить течение реки коралловыми бусами. Этот факт — постепенная космополитизация мира. Осуществление сновидений техники уменьшает расстояния. После открытия радиокинематографа мы сможем почти одновременно с жителями Парижа или Нью-Йорка переживать события в их городах. Мир понемногу становится таким маленьким,

что скоро мы сможем поместить его в кармане жилета» [Peiper 1972: 365] (здесь и далее перевод с польского наш. — А. Н.).

Можно предложить далеко идущую интерпретацию, что таким образом Пейпер предсказал сотовый телефон с доступом к Интернету. Действительно, современный мир тесен, и в нем можно легко следить за происходящими повсюду событиями. В таких условиях всё более ответственной становится профессия журналиста — того, кто отвечает за подбор и освещение информации.

Средства массовой информации играют весомую роль в формировании представлений о какой-либо стране, а они, в свою очередь, непосредственно отражаются на меж-

Статья публикуется по итогам международного симпозиума «Межкультурный диалог: на перекрестке наук», состоявшегося 22 января 2014 года в Институте психологии Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

государственных отношениях. Позитивный образ способствует сближению и развитию контактов, негативный может послужить препятствием для взаимопонимания. Объективные представления стран друг о друге важны не только на уровне частных лиц, но и на международном уровне, поскольку от этого в немалой степени зависит эффективность государственной политики и сохранение мирных отношений. Значит, журналисты обязаны следить за соблюдением принципов профессиональной этики, которые сводятся главным образом к правдивости информации, ее точности и объективности. Это особенно важно в контексте отношений между Россией и Польшей, которые всегда были напряженными, но в последние годы успешно нормализовались. Это доказывают данные польского Института публичных дел за 2013 г., согласно которым постепенно растет уровень симпатии и одновременно падает уровень антипатии поляков к россиянам [Łada 2013: 20—21]. Анализ прессы показывает, однако, что образ России в различных польских СМИ абсолютно не совпадает и зависит от политического направления изданий.

Данное исследование посвящено различиям описаний России в двух авторитетных польских публицистических еженедельниках: левоцентристской «Политике» и правом «В сети». Выбор именно этих изданий объясняется тем, что, по данным Союза контроля дистрибуции прессы [Polityka nr 1: 91], в 2013 г. «Политика» восьмой раз под ряд заняла первое место в рейтинге по продаже среди авторитетных еженедельников (со средним значением продаж 127 500 экземпляров в месяц), а «В сети» — третье место (94 400). Второе место получил польский «Ньюсуик» (126 200), но, поскольку это журнал либеральной направленности, для большей наглядности мы решили его в данном исследовании не рассматривать.

«ПОЛИТИКА»

Еженедельник «Политика» был основан в феврале 1957 г. на волне польской «оттепели» как общественно-политический журнал нового времени. Несмотря на близость издания к правящей Польской объединенной рабочей партии, на его страницах печатались также статьи, критикующие коммунистические власти, благодаря чему журнал ценился читателями за независимую точку зрения. В 1958—1982 гг. должность главного редактора занимал Мечислав Раковски, под руководством которого еженедельник достиг новых вершин: в нем работали самые талантливые журналисты, а тираж вырос до 400 тыс. экземпляров [Łoynek, Myśliński: 178].

«Политика» получила мировое признание после публикации в 1961 г. дневников Адольфа Эйхмана в шести частях, выкраденных у его брата антифашистами и переданных редакции [Passent 2012: 138—139].

Самой сильной стороной журнала всегда были фельетоны и репортажи, которые писали такие мастера слова, как Рышард Капуцинский, Ян Бияк, Зыгмунт Калужинский, Януш Ролицки, Ежи Урбан, Даниэль Пассент.

До сих пор, несмотря на системную трансформацию в Польше, «Политика» пользуется репутацией авторитетного журнала для интеллигенции и подкрепляет ее, охотно сотрудничая с учеными разных специальностей. Несмотря на левоцентристскую направленность издания, на страницах «Политики» печатаются также журналисты, представляющие другие идеологические направления.

Средний объем номера — 100 страниц. Есть постоянные разделы: «Темы недели», «Разговор», «Политики» (интервью), «Страна», «Мир», «Экономика», «История», «Наука», «Культура», «Люди и стили», «Собственными глазами» (репортажи), «Фельетоны». В каждом номере также дается подборка кратких новостей о событиях в Польше и остальном мире. К самым частотным темам относятся политическая обстановка в Польше и за границей, проблемы современного общества, новейшая литература и культура.

«В СЕТИ»

Журнал «В сети» был основан в ноябре 2012 г. Этому предшествовала череда событий. Сначала в выпуске влиятельной газеты «Жечпосполита» от 30 октября 2012 г. появилась статья Цезария Гмыза «Тротил на обломках Туполева» [Gmyz 2012: 1], который утверждал, что польские прокуроры и пиротехники обнаружили на потерпевшем катастрофу под Смоленском 10 апреля 2010 г. президентском ТУ-154 следы взрывчатых веществ. Однако текст Гмыза не опирался на надежные, подкрепленные документами факты, а он сам, вопреки первоначальным заверениям, не представил никаких подтверждений. В такой ситуации Совет директоров компании «Пресспублика», которой принадлежит газета, принял 6 ноября решение об увольнении Гмыза и руководства «Жечпосполиты». Это решение и саму «Пресспублику» публично критиковал Павел Лисицки, главный редактор журнала «Уважам же», издаваемого той же компанией. Впоследствии, 28 ноября, Лисицки был отстранен от должности за свою критику и за отказ печатать на страницах журнала статьи Гмыза.

В знак протеста подавляющее большинство сотрудников «Уважаем же» уволилось. Многие из них начали печататься в новом издании — «В сети», первый номер которого вышел 26 ноября и содержал материалы разных авторов, в том числе Гмыза.

Во вступительной статье к первому номеру «В сети» главный редактор Яцек Карновски, объясняя, зачем решился с коллегами создать новый журнал, ссылаясь на «цензуру», которая есть в СМИ, но не в Интернете, и которой не будет на страницах «В сети» [Karpowski 2012: 2]. На практике это приводит к тому, что журналисты часто создают агрессивные тексты, которыми нарушают профессиональную этику.

Средний объем выпуска журнала — приблизительно 100 страниц. Имеются следующие постоянные разделы: «Тема недели», «Страна», «Мир», «Экономика», «История», «В сети культуры», «Мнения» и «Фельетоны». С марта по август 2013 года журнал издавался под сокращенным названием «Сети».

Несмотря на то что журнал официально не связан ни с какой партией или идеологией (он рекламируется как «Смелый еженедельник молодой Польши»), в нем печатаются исключительно авторы консервативного направления, такие как братья Яцек и Михал Карновские, Марек Пыза, Петр Заремба, Мацей Павлицки, Петр Сквецински.

В журнале критике подвергаются прежде всего правительство премьер-министра Дональда Туска, а также любые признаки либерального мышления и его пропаганды. Регулярно поднимается тема катастрофы президентского самолета под Смоленском, поскольку журналисты «В сети» пытаются доказать, что она произошла в результате покушения, организованного Туском и Владимиром Путиным. Показательно, что политики, у которых берут интервью журналисты, почти исключительно представляют оппозиционную консервативную партию «Закон и справедливость», известную антироссийскими и антигерманскими взглядами. Только в 2013 г. журналисты «В сети» трижды брали интервью у лидера этой партии Ярослава Качинского, трижды — у его заместителя Антони Мацеревича, несколько раз у других депутатов той же партии.

Горько об этом говорить, но агрессивная журналистика дает ожидаемые плоды. Первоначально «В сети» выходил каждые две недели, но поскольку он быстро завоевал большую популярность, уже с четвертого номера превратился в еженедельник, а в 2013 г. стал самым читаемым правым журналом в Польше, тираж которого достигал 250 тыс. экземпляров.

АНАЛИЗ

Материалом данного исследования послужили все номера «Политики» и «В сети», вышедшие в 2013 г. Выбор данного периода объясняется тем, что, во-первых, именно в 2013 г. указанные журналы возглавляли рейтинг авторитетных публицистических еженедельников по продаже, что сказывалось на распространенности сформированного ими среди своих читателей образа России, а во-вторых, 2013 г. не изобиловал важными для польско-российских отношений событиями, которые обязательно требовали комментария. Другими словами, на подбор тем статей влияли не текущие происшествия, а скорее желание журналистов «Политики» и «В сети» показать Россию определенным способом. В обоих журналах регулярно печатались касающиеся России тексты, но их тематика значительно отличалась.

Принятый нами метод исследования предполагал ознакомление со всеми касающимися России статьями, опубликованными в «Политике» и «В сети», с заострением внимания на следующих аспектах:

- иностранной политике;
- внутренней политике;
- экономических отношениях;
- проблемах российского общества;
- широко понимаемой культуре;
- истории польско-российских отношений.

Исследование было проведено методом количественного и качественного анализа прессы. В 2013 г. вышли 52 номера «Политики» и 50 номеров «В сети». В 31 номере первого журнала и 41 — второго были опубликованы касающиеся России статьи (соответственно 51 и 66 материалов). Следует подчеркнуть, что наш подбор текстов субъективен. Во внимание принимались только те статьи, в которых Россия являлась главным или одним из главных объектов анализа. При этом игнорировались статьи, в которых Россия только упоминалась или служила отправной точкой рассуждений.

УСПЕШНЫЙ ИГРОК ИЛИ ПОСТОЯННАЯ УГРОЗА?

Иностранной политике России было посвящено шесть статей, опубликованных в журнале «Политика». В них подчеркивалась эффективность российской дипломатии. Она не осуждалась, даже когда политические интересы Польши и России расходились.

В новостях из заграничной информировалось об июньской встрече «Большой восьмерки», на которой обсуждался военный конфликт в Сирии и на которую «Путин ехал один, но уверенным в себе» [Sedmiu na jednego: 6]. Группа не приняла ожидаемого

решения о необходимости снятия с поста президента Башара аль-Асада для сохранения мира в стране, чего добивались все члены, кроме России. На волне кризиса на Ближнем Востоке сообщалось также, что Россия воспользовалась отказом США оказывать Египту военную помощь и будет продавать туда свою военную технику [Rosja wraca do Egiptu].

Отдельная статья посвящена министру иностранных дел Сергею Лаврову, автор которой описывал его жизнь и карьеру, хвалил за дипломатические достижения и рационализм, хотя и задавался вопросом, сам ли Лавров формирует иностранную политику России, или только исполняет планы «политбюро» Путина [Ostrowski 2013].

О самом президенте и его дипломатических способностях журналисты писали после того, как он почти на час опоздал на встречу с Папой Римским Франциском, добавляя, что Путин опаздывал также на встречи с главами других стран. Автор предполагал, однако, что президент России делает это нарочно, демонстрируя таким образом свое влияние в мировой политике [Czekaj, czekaj].

В «Политике» писалось также об ухудшающихся российско-американских отношениях. Одной из причин называлось «отсутствие химии» между главами государств, другой — так называемое «Дело Магнитского». Как отмечал Енджей Винецки, «этот конфликт позволяет и дальше делать вид, что раз Россия является целью атак супердержавы, значит, она тоже супердержава» [Wińiecki 2013: 46].

Значительное количество статей, а именно двадцать три, опубликованных на страницах «В сети», затрагивало тему иностранной политики России. Может удивлять, но примерно половина из них (десять) была посвящена польско-российским отношениям, причем упор делался на предполагаемую деятельность российских шпионов в Польше, а также на ответственность России за крушение президентского самолета под Смоленском и попытки скрыть «правду».

Поскольку «каждое правительство России за последних 400 лет стремилось к доминированию над Польшей» [Karnowski J., Karnowski M. 2013: 26], критике подвергалось правительство Туска, которое с первых выигранных выборов в 2007 г. пытается налаживать отношения с Россией, в отличие от являвшейся в 2006—2007 гг. правящей партии Качинского «Закон и справедливость». Для журналистов «В сети» подход Туска равняется предательству. Критике подвергались также «полезные идиоты» — русофилы [Król 2013] — и Центр польско-россий-

ского диалога и согласия, поскольку хорошие отношения между Польшей и Россией, борьба с русофобией и стремление к взаимопониманию грозят, по мнению журналистов, потерей суверенитета [Fedyszak-Radziejowska 2013b]. Удивляет, что в других текстах именно Россия обвинялась в попытках выставить поляков русофобами, предлогом для чего выступают такие происшествия, как нападение 11 ноября польских националистов на посольства Российской Федерации в Варшаве, хотя на самом деле это россияне — полонофобы [Janeski 2013].

Самой популярной темой являлись, однако, империалистические стремления России, проявляющиеся в проведении крупных военных учений, увеличении количества военных баз, ядерного арсенала, в деятельности шпионов и укреплении своего влияния среди стран СНГ. В результате журналисты с горечью отмечали, что, «несмотря на очередные недвусмысленные знаки со стороны Кремля, кажется, что Западная Европа все еще преуменьшает российскую угрозу» [Piechal 2013: 69], но с радостью писали про военные учения стран НАТО, в которых войска защищали Центрально-Восточную Европу от агрессии России [Skwieciński 2013i].

ОППОЗИЦИЯ, ОЛИГАРХИ И ТАЙНЫЕ АГЕНТЫ

Журналистов «Политики» внутренние дела России интересовали больше, чем иностранные. За рассматриваемый период появилось двенадцать статей данной тематики. В центре внимания оказывались падающий рейтинг популярности президента Путина и поиски его возможного преемника.

Подробно описывалась деятельность антипутинской оппозиции во главе с Алексеем Навальным, в связи с чем журналисты задавались вопросом, насколько она сильна и имеет ли какие-нибудь шансы на победу [Wojciechowski 2013a, 2013b]. Освещались также судьбы российских олигархов. Стремящемуся к независимости от правительства Борису Березовскому противопоставлялся, между прочим, Арам Габрелянов, который «ходит в растянутых свитерах, галстук надевает только на встречи с акционерами. Не задирает нос и не выставляет напоказ свое богатство» [Kwiatkowska 2013: 51].

В «Политике» печатались также новости об интересных фактах, приближающих читателям жизнь в России: о введении правительством высоких штрафов за спекуляцию билетами на зимних Олимпийских играх в Сочи [Soczi pod lupą], об отказе Российской армии от портянок [Zegnajcie opuce] и регу-

лировании численности волков президентом Якутии [Wilcze echa].

Что касается журнала «В сети», то внутренней политике России посвящены семь его статей. Самой важной темой считалась подготовка к зимним Олимпийским играм в Сочи: она затрагивалась в трех статьях, причем все они совсем не связаны со спортом. Авторы двух насмеялись над тем, что олимпийский огонь трижды погас [Makowski 2013; Narbutt 2013] — это интерпретировалось ими как признак слабости страны. Автор третьей, в свою очередь, связывал убийство вора в законе Аслана Усояна с борьбой мафиозных группировок за строительные контракты на олимпийские объекты [Górski 2013].

Две статьи касались смерти Бориса Березовского, хотя в них продолжала развиваться шпионская тема. В данных материалах описывалась карьера бизнесмена, но также сообщалось, что, когда она только начиналась, Березовский был доносчиком КГБ, и его убили, возможно, тайные агенты [Chodakiewicz 2013]. Как ни странно, даже в хорошо написанной статье про Навального отмечалось, что он на самом деле тоже может быть тайным агентом [Skwieciński 2013f].

Интересно, что хорошо о России писалось лишь в контексте «борьбы с гомосексуальной агитацией». Это объясняется идеологическим направлением журнала и тем, что, по мнению автора, согласие между Россией и западными странами по вопросу прав для гомосексуалистов заставило бы Польшу ввести похожие либеральные законы, чего журналист опасается [Skwieciński 2013h].

ПАРТНЕР В БИЗНЕСЕ ИЛИ ВРАГ?

Мы считаем, что только две статьи из «Политики» прямо касались экономических отношений России с другими странами. Автор первой, Янина Сольска, затрагивала тему усиления контроля Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору над польской свининой из-за попытки ввезти 20 тонн шпика контрабандой. По мнению Сольской, развитию сотрудничества между польскими и российскими предпринимателями мешает только политика. Она напоминала, что при антироссийском правительстве Качинского Россия ввела эмбарго на поставки польского мяса, но с 2007 г. экспорт в Россию постепенно увеличивается. Сольска ссылалась на мнение польского предпринимателя Михала Ровецкого, который «очень доволен сотрудничеством с российскими контрагентами. И гораздо меньше — польскими политиками. Он считает, что такого хорошего

клиента, как Россия, они должны больше баловать» [Solska 2013: 42].

Следует также отметить статью Яенки Вильчак о жителях Калининградской области. Благодаря существующему с 2012 г. местному приграничному передвижению экономические отношения между областью и Польшей бурно развиваются. Россияне пересекают границу как с деловыми, так и с туристическими целями, что способствует формированию хороших взаимоотношений [Wilczak 2013].

На страницах «В сети» к экономической тематике относились четыре статьи. Петр Сквецински, в отличие от журналистов «Политики», говорящих о желательности развития деловых отношений между польскими и российскими предпринимателями, писал, что Польша категорически не должна допускать российский капитал до своего рынка, чтобы не оказаться под угрозой экономического шантажа [Skwieciński 2013d].

Журналисты предостерегали также от экономических отношений с инвесторами, в какой-нибудь степени связанными с Россией. Строительство газового порта в Свиноуйсьце компанией, связанной с итальянским партнером «Газпрома», представлялось как угроза [Mamoń 2013], так же как покупка военной техники у Израиля. Сквецински писал, что она может быть саботирована, поскольку «в Израиле большую роль играет община российских евреев, которая все еще тесно связана с Россией. И ностальгией, и нередко бизнесом» [Skwieciński 2013g: 95], причем, по его мнению, «если Войско польское когда-нибудь будет сражаться с каким-то противником, это по всей вероятности будет Россия» [Там же: 95].

ПУТИН И РОССИЯНЕ

Российское общество и его многообразие читателей «Политики» делали понятнее четыре статьи, причем половина из них касалась развода Владимира и Людмилы Путиных. В первой говорилось, что всё больше супругов разводится, чему хочет противостоять комитет Госдумы по вопросам семьи во главе с Еленой Мизулиной [Podatek od rozwodu], а во второй — что президент РФ «самый завидный жених страны», за которого «пошла бы замуж любая» [Kawaler Putin].

Объемная статья посвящена массовой российской эмиграции на испанское побережье Коста-дель-Соль, которое постепенно становится «малой Россией», и следующим за ней значительным инвестициям [Okraszewski 2013]. Совершенно других россиян показывал репортаж о работающих в Ко-

лымском крае дальнобойщиках, преодолевающих тысячи километров, чтобы доставить груз в место назначения [21].

Тему российского общества затрагивали всего две статьи из газеты «В сети». Сквецински, отталкиваясь от развода Путиных, описывал общий кризис в российских семьях, причиной которого, по мнению журналиста, является избалованность мужчин, которых в России намного меньше женщин и которые поэтому могут больше себе позволить [Skwieciński 2013e]. В другой, довольно хорошей статье Сквецински описывал возрождающийся в России культ Иосифа Сталина, но при этом несколько раз справедливо замечал, что «это не касается всех» [Skwieciński 2013a: 79].

ЛИТЕРАТУРА, ТЕАТР И АННА ГЕРМАН

Самое большое тематически связанных с Россией статей из «Политики» (18) касалось культуры, практически все виды которой освещались на страницах издания. Это демонстрирует большой к ней интерес и стремление укрепить образ России как высококультурной страны.

Литературные критики писали рецензии на новейшие книги современных российских авторов (Владимира Сорокина, Александры Марининой, Захара Прилепина, Виктора Пелевина), а кинокритики — на показываемые в польских кинотеатрах фильмы («Высоцкий. Спасибо, что живой» Петра Буслова и «Утомлённые солнцем 2: Цитадель» Никиты Михалкова).

Самое большое внимание уделялось, однако, театру. Театральные критики не только писали отзывы о постановках российских пьес в Польше («Женитьба» Николая Гоголя и «Вишневый сад» Антона Чехова), но и брали интервью у выдающихся драматургов — Ивана Вырыпаева и Константина Богомолова. Музыкальные критики писали о сотой годовщине постановки «Весны священной» Игоря Стравинского, в связи с чем вспоминали ее скандальную историю.

Особо следует упомянуть отклик на премьеру российско-польского биографического сериала «Анна Герман» на польском телевидении, которая повлекла за собой не только рецензию, но также крупное интервью с режиссером сериала Вальдемаром Кшистеком. Он пытался объяснить феномен огромной популярности Герман в СССР и России, которой та никогда не добилась в Польше. Как ни парадоксально, сериал объединяет обе нации, хотя «это рассказ о самых трудных моментах в новейшей истории Польши и России» [Urbanek 2013: 17].

Показательно, что на страницах «В сети» статей, затрагивающих тему культуры, меньше (8). Среди них — рецензии на спектакли по произведениям русской литературы («Братья Карамазовы» Федора Достоевского и «Маскарад» Михаила Лермонтова), короткие статьи о «Дневнике Мастера и Маргариты» Булгаковых и единственном частном музее Владимира Высоцкого за пределами России, который находится в польском городе Кошалин, а также о феномене популярности поэта в Польше [Ciesielski 2013].

Журналисты «В сети» по случаю премьеры сериала «Анна Герман» тоже посвятили ряд статей его героине. Показательно, однако, что лишь в двух говорилось о феномене популярности певицы в СССР и России. Йоланта Гайда-Задворна справедливо замечала, что «личность Анны Герман была сформирована смесью культур, национальностей и мест» [Gajda-Zadworna 2013: 54]. Остальные четыре статьи на эту тему не рассматриваются в данном исследовании, поскольку Россия в них практически не упоминалась.

Явно антироссийский характер носил текст, борющийся с образом России как культурной страны, написанный на основе книги французского политолога Алена Безансона «Sainte Russie», в котором писалось, что «Россия царей, Пушкина, Православной церкви, Достоевского, но и Россия Брежнева, Ленина, Сталина, Путина и Медведева — это одна и та же Россия, сутью которой является ложь» [Koehler 2013: 49], а также: «Многие европейцы безнадежно пытаются истолковать Россию, потому что не верят или не хотят верить в российскую ложь» [Там же: 50].

ВОЙНА И МИР

В «Политике» опубликовано девять исторических статей на интересующую нас тему. Заметно, что журналисты не избегали в них сложных моментов в российско-польской истории, но стремились к объективному изложению фактов и подчеркиванию того, что объединяет поляков и россиян.

Подробно описана судьба Елены Ивановны, дочери Ивана III Васильевича, которая стала любимой женой польского короля Александра Ягеллончика [Besala 2013a]. В связи с 400-летием восшествия на престол Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых, в обширной статье описаны обстоятельства, в которых началось его правление [Besala 2013b]. К теме Романовых возвратилась Александра Весоловская, обвинившая Николая I в антипольской политике, которая привела к восстанию 1830 г., но при

этом попытавшаяся принять «точку зрения царя», который поляков не любил за стремление к бунтам [Wesołowska 2013]. Зато в статье о польском восстании 1863 г. напоминалось, что Ромуальд Трауггут, диктатор восстания, был капитаном царской армии, ветераном двух войн и кавалером ордена Св. Анны 3-й степени, а до того, как перешел к повстанцам, долго колебался [Kańska 2013].

В положительном свете показывали Россию статьи о бывших советских солдатах, квартировавших до 1993 г. в городе Легница (известном как Малая Москва) и сейчас тоскующих по Польше. Они объединяются благодаря социальным сетям, обмениваются воспоминаниями и фотографиями. В сентябре 2013 г. Яцек Гломб, директор легницкого театра, организовал даже встречу «Двадцать лет спустя», на которую были приглашены бывшие советские жители города [Henzel 2013].

Истории России касалось на удивление много статей, опубликованных на страницах «В сети», — 22. Отбор и освещение тем, однако, совершенно не совпадали с тем, что можно было наблюдать в «Политике». Освещались прежде всего вооруженные конфликты России с Польшей, причем авторы статей даже не пытались принимать другие точки зрения.

В текстах о Смутном времени с гордостью подчеркивалось, что «наша (польская — А. Н.) армия — единственная в Европе, которая четыре раза квартировала в Кремле» [Potocki 2013a: 68], но выражалось сожаление о том, что сегодня в Польше об этом не вспоминают, в то время как в России День народного единства, приуроченный к капитуляции польского гарнизона, по мнению одного из авторов, «самый важный государственный праздник» [Potocki 2013b: 74]. Лжедмитрий I изображался как любимый народом царь, которого с престола свергли только лживые сплетни Василия Шуйского [Potocki 2013a 69]. С пафосом описывалась присяга Шуйского и его братьев польскому королю Сигизмунду III [Pawlicki 2013].

Польские восстания 1830 и 1863 гг. становились темой недели, и им был посвящен ряд статей. Историк Анджей Новак не соглашался со все более распространяющимся в Польше мнением, что польские восстания были пагубными и ненужными, и писал, что восстание 1863 г. было «реакцией людей, которые сохранили честь и личное достоинство. Реакцией на порабощение» [Nowak 2013: 14]. Артур Ягнежа в этом же номере призывал молодых помнить о повстанцах 1863 г. и «российском терроре» тех лет, ведь они считают Россию открытой, реформирующейся страной, хотя

нельзя забывать о том, что, по мнению автора, она «всегда представляет собой угрозу для мира» [Jagnieža 2013: 18].

Авторы «В сети» часто обращались к теме Второй мировой войны. В интересной статье Анджей Потоцки описывал огромные людские потери Красной армии, однако заканчивал свой текст следующими словами: «Я не ставлю под вопрос мужество обычных солдат Красной армии. Они безусловно заслужили достойного захоронения. Но заслужили ли они того, чтобы воздвигать им памятники?» [Potocki 2013c: 68].

Отдельной темой стала Вторая мировая война в контексте советско-польских отношений. Убийству польских офицеров в Катыни посвящены две статьи. Автор одной из них, Барбара Федышак-Радзейовска, предложила выстраивать польскую национальную и гражданскую идентичность именно на конфликте с СССР [Fedyszak-Radziejowska 2013a: 63]. Братья Карновские взяли развернутое интервью у Януша Заорского, режиссера в некоей степени антироссийского фильма «Польская сибиряда», рассказывающего о судьбе жителей деревни Красный Яр, отправленных советским правительством в ссылку в Сибирь. Режиссер объяснял, что в фильме столько злых русских, потому что он, «как поляк, не мог потерять основного послания фильма о геенне моих соотечественников» [Karnowski J., Karnowski M. 2013: 25].

Несколько статей носило явно антироссийский характер. Сквецински, который по крайней мере дважды заверял в своих текстах, что он «не русофоб» [Skwieciński 2013a: 79; Skwieciński 2013d: 21], анализируя российско-польские отношения, писал, что «России совсем нельзя доверять» [Skwieciński 2013b: 87], а также следующее: «...страх, чувство первенства и заодно некая симпатия. Это три основные эмоции, которые поляки (не все, но, пожалуй, подавляющее большинство) испытывают, когда появляется тема России» [Skwieciński 2013c: 77]. Томаш Лысяк в продолжение подобных размышлений написал: «Ложь являлась главным политическим оружием Советского Союза уже на его заре. Речь идет даже не о размере основательной лжи, послужившей его истоком, корнем зла, но о лжи как орудии, при помощи которого ведется международная политика. Ложь великого масштаба — такая, в которой все эпохальные исторические события, альянсы и интервенции в других странах становятся очередными элементами обманной игры. Игры, которую советское государство вело десятилетия и ведет ее, несомненно, до сих пор» [Łysiak 2013: 87]. Показательно, что для Лысяка СССР и нынешняя Россия тождественны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное на материале еженедельников «Политика» и «В сети» исследование образа России позволяет констатировать, что он в разных изданиях совершенно не совпадает. На наш взгляд, нельзя назвать «Политику» пророссийским журналом, поскольку не все статьи, которые печатались на ее страницах, содержали исключительно позитивную информацию о России. Это связано со стремлением журналистов к объективизму. Не теряя его, однако, они показывают Россию как страну высокой культуры, играющую одну из ведущих ролей в мировой политике, соседа и возможного партнера Польши. Несмотря на сложную историю польско-российских отношений, авторы делают упор на то, что объединяет обе нации, а когда их интересы расходятся, пытаются объяснить читателям российскую точку зрения.

Совершенно другой образ России создается в еженедельнике «В сети». Россия описывается в нем как авторитарная страна, стремящаяся к конфликту и представляющая собой угрозу для всего мира. В контексте польско-российских отношений она представлена как бывший и нынешний враг Польши. В исторических статьях акцент делается именно на вооруженные конфликты. Показательно также, что часто поднимается тема деятельности могущественных российских тайных служб, поскольку такие статьи по сути не опираются на доказательства, но успешно эксплуатируют ощущение угрозы. Кроме того, отвергается возможность формирования какого-либо диалога между поляками и россиянами. Поэтому, по нашему мнению, «В сети» можно назвать даже антироссийским журналом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Besala J.* Helena z Rurykowiczów — piękna rosyjska żona polskiego króla // *Polityka*. 2013a. № 3.
2. *Besala J.* Romanowów droga na tron // *Polityka*. 2013b. № 8.
3. *Chodakiewicz M. J.* Tajemnica śmierci w Londynie // *Sieci*. 2013. № 13.
4. *Ciesielski A.* Nasza pamięć o słynnym rosyjskim bardzie // *W Sieci*. 2013. № 2.
5. *Czekaj, czekaj* // *Polityka*. 2013. № 49.
6. *Fedyszak-Radziejowska B.* Niemodny patriotyzm // *Sieci*. 2013a. № 10.
7. *Fedyszak-Radziejowska B.* Testowanie suwerenności // *Sieci*. 2013b. № 18.
8. *Gajda-Zadworna J.* Człowieczy los białego anioła na małym ekranie // *W Sieci*. 2013. № 6.
9. *Gmyz C.* Trotyl na wraku tupolewa // *Rzeczpospolita*. 2012. № 254.
10. *Górski A.* Rosyjska mafia i igrzyska w Soczi // *Sieci*. 2013. № 13.

11. *Henzel M.* Żołnierze Armii Czerwonej tęsknią za Polską // *Polityka*. 2013. № 33.
12. *Jagnieža A.* Zapomniani bohaterowie 1863 r. // *W Sieci*. 2013. № 2.
13. *Janecki S.* Dymy nad ambasadą // *W Sieci*. 2013. № 46.
14. *Kalicka M.* Romuald Traugutt — bohater z przypadku // *Polityka*. 2013. № 1.
15. *Karnowski J.* Na powitanie // *W Sieci*. 2012. № 1.
16. *Karnowski J., Karnowski M.* Rozmowa z Januszem Zaorskim o „Syberiadzie” // *W Sieci*. 2013. № 9.
17. *Karnowski J., Karnowski M.* Rozmowa z Piotrem Naimskim // *Sieci*. 2013. № 21.
18. *Kawaler Putin* // *Polityka*. 2013. № 28.
19. *Koehler K.* „Święta Ruś” i Gerard Depardieu // *W Sieci*. 2013. № 4.
20. *Król M.* Nieużyteczni idioci // *Polityka*. 2013. № 40.
21. *Książek M.* Ciężarówką przez krainę mrozów // *Polityka*. 2013. № 34.
22. *Kwiatkowska K.* Aram Gabrielianow — król tabloidów // *Polityka*. 2013. № 8.
23. *Lada A.* Barometr Polska—Niemcy 2013. Wizerunek Niemiec i Niemców w polskim społeczeństwie po dziesięciu latach współczesnego członkostwa w Unii Europejskiej. — Warszawa : Instytut Spraw Publicznych, 2013.
24. *Łojek J., Myśliński J., Władyka W.* Dzieje prasy polskiej. — Warszawa : Interpress, 1988.
25. *Łysiak T.* Smoleńsk w nożycach Golicyna // *W Sieci*. 2013. № 46.
26. *Makowski R.* Zgaśnię, nie zgaśnię // *W Sieci*. 2013. № 41.
27. *Mamoń M., Litka P.* Gazprom w Świnoujściu // *Sieci*. 2013. № 28.
28. *Narbutt N.* Prawdziwa Rosja // *W Sieci*. 2013. № 41.
29. *Nowak A.* Sens powstania styczniowego // *W Sieci*. 2013. № 2.
30. *Okraszewski M.* Costa del Sol — mała Rosja // *Polityka*. 2013. № 33.
31. *Ostrowski M.* Minister Ławrow — szykowny Wielkorus // *Polityka*. 2013. № 38.
32. *Passent D.* Passa. — Warszawa : Czerwone i Czarne, 2012.
33. *Pawlicki M.* Podbój symboliczny // *Sieci*. 2013. № 25.
34. *Piechal T.* Rozmowa z Edwardem Lucasem // *Sieci*. 2013. № 19.
35. *Peiper T.* Tędy. Nowe usta. — Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1972.
36. *Podatek od rozwodu* // *Polityka*. 2013. № 24.
37. *Polityka* nr 1. Lider sprzedaży wśród tygodników opinii // *Polityka*. 2014. № 4.
38. *Potocki A. R.* Jak Polacy Moskwę zajmowali, cz. I // *W Sieci*. 2013a. № 1.
39. *Potocki A. R.* Jak Polacy Moskwę zajmowali, cz. II // *W Sieci*. 2013b. № 2.
40. *Potocki A. R.* Jak walczył Iwan // *W Sieci*. 2013c. № 7.
41. *Rosja wraca do Egiptu* // *Polityka*. 2013. № 49.
42. *Siedmiu na jednego* // *Polityka*. 2013. № 26.
43. *Skwieciński P.* Skąd w Rosji kult potwora // *W Sieci*. 2013a. № 9.
44. *Skwieciński P.* Tupolew jak akta Kościuszki // *Sieci*. 2013b. № 16/17.

45. *Skwieciński P.* Rosja czyli kot // *Sieci. 2013c.* № 20.
46. *Skwieciński P.* Racja stanu, a nie fobia // *Sieci. 2013d.* № 21.
47. *Skwieciński P.* Życie prywatne Putina // *Sieci. 2013e.* № 24.
48. *Skwieciński P.* Nawalny: wróg numer jeden // *Sieci. 2013f.* № 30.
49. *Skwieciński P.* Nie kupujmy izraelskiej broni // *W Sieci. 2013g.* № 33.
50. *Skwieciński P.* Rosja i geje, czyli nasz dysonans // *W Sieci. 2013h.* № 34.
51. *Skwieciński P.* NATO: Pierwsze takie manewry // *W Sieci. 2013i.* № 45.
52. *Soczi pod lupą* // *Polityka. 2013.* № 2.
53. *Solska J.* Tajemnice świńskiej wojny // *Polityka. 2013.* № 37.
54. *Urbanek M.* Rozmowa z reżyserem serialu „Anna German” Waldemarem Krzystkiem o wspólnej pamięci Polaków i Rosjan // *Polityka. 2013.* № 12.
55. *Wesołowska A.* Antypolska polityka Romanowów // *Polityka. 2013.* № 48.
56. *Wilczak J.* Rosjanie, do których nam najbliżej // *Polityka. 2013.* № 39.
57. *Wilcze echa* // *Polityka. 2013.* № 5.
58. *Winiński J.* Po co Putinowi wojna z Ameryką? // *Polityka. 2013.* № 12.
59. *Wojciechowski M.* Aleksy Nawalny — dobry nacjonalista // *Polityka. 2013a.* № 20.
60. *Wojciechowski M.* Mer Moskwy zastępcą Putina? // *Polityka. 2013b.* № 36.
61. *Żegnajcie onuce* // *Polityka. 2013.* № 4.

Статью рекомендует к публикации проф. Г. В. Пшебинда.

УДК 811.111'42
ББК Ш143.21-003

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Т. А. Островская Т. A. Ostrovskaya
Майкоп, Россия Maikop, Russia

**ДИСКУРСООБРАЗУЮЩИЕ
КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОЙ
МЕРИТОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
БРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ**

**DISCOURSE FORMING
CONCEPTS OF MODERN
MERITOCRACY IN BRITAIN
AND IRELAND**

Аннотация. Исследуются особенности актуализации концептов элитарного образования, социальной мобильности, непотизма, протестантской этики труда, онтологичности элиты в меритократическом дискурсе современной Британии. Материалом исследования послужили тексты форумов в Интернете. Разводятся понятия «элитарное образование» (существующее для узкого круга знатных людей) и «элитное образование» (высококачественное образование открытого типа для представителей всех социальных слоев). Участники обсуждения актуализируют концепт онтологичности элиты, опираются на протестантскую этику труда, но отмечают снижение возможностей социальной мобильности в последнее время. Снижение уровня образования отражается в концепте «люмпенизации» элит.

Abstract. Peculiarities of the concepts of elite education, social mobility, nepotism, Protestant ethics of labour, ontology of the elite in meritocratic discourse of modern Britain are studied. The texts from Internet forums are the material for research. The notions of "elitist education" (that exists for the aristocracy) and "elite education" (high quality education of the open type for all the social groups). The participants of discussion use the concept of elite ontology, Protestant ethics of labour, they mention little possibility for social mobility. The decline of education level are reflected in the concept of "lumpenization" of the elite.

Ключевые слова: концепт; элитарное образование; меритократия; дискурс; элита.

Key words: concept; elitist education; meritocracy; discourse; elite.

Сведения об авторе: Островская Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.

About the author: Tatiana Aleksandrovna Ostrovskaya, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of English Philology.

Место работы: Адыгейский государственный университет (г. Майкоп).

Place of employment: Adigeya State University (Maikop).

Контактная информация: 385012, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.
e-mail: ostrovska.t@mail.ru.

Среди дискурсообразующих концептов элиты [См.: Островская 2013: 137] значительное место занимают концепты, которые актуализируют понятия, напрямую или косвенно связанные с образованием: концепт профессионализма, концепт компетентности, концепт успеха, концепт целеустремленности, концепт репродукции элит и др.

Концепт сакральности элиты, один из базовых в эпоху аристократии («элиты крови» по Д. Беллу) в индустриальную эпоху (эпоху «твердой современности» — термин З. Баумана) отступает на второй план, уступая место концепту образованности, наличие которого давало возможность пополнять ряды элиты, на сей раз «элиты знания».

Повышение качества элиты в большой степени зависит от получаемого образования. Особую значимость образование приобрело в постиндустриальном, информационном обществе эпохи «текущей современности», когда от гибкости мышления и знаний индивидуума зависит правильность и оперативность принимаемых решений.

В современном мире существует два близких, но не тождественных термина, применимых к высококачественному образованию: элитное образование и элитарное образование. Понятие элитарного образования подразумевает образование отличного качества (high quality education), при этом ориентированное на подготовку всех типов классической элиты. Его целью является воспроизводство элиты естественным путем, и оно предназначено для выходцев из элитных семей (концепт репродукции элиты). Эта система закрытого образования обрекает элиту и само элитарное образование на постепенную деградацию, поскольку элита как социальная группа представляет собой замкнутую систему со всеми характеристиками, присущими системам такого рода, в том числе с действием закона возрастания энтропии в замкнутых системах, который описывает увеличение степени беспорядка в этих системах. Возрастание энтропии (т. е. хаоса) в замкнутой системе ведет к ее постепенному разрушению.

Во избежание этого необходимо прежде всего, чтобы система не была замкнутой, в случае элиты — избегать социальной изолированности путем кооптации новых членов за счет формирования меритократической элиты. В связи с этим в противовес закрытому образованию предлагается открытая система элитного образования, целью которой является создание отборной в интеллектуальном и этическом плане новой элиты.

В то время как элитарное образование существует для узкого круга выходцев из знатных («элита крови») и наиболее состоятельных семей («элита богатства»), элитное образование подразумевает высококачественное образование открытого плана и предназначено для выходцев из любых социальных слоев, классов и групп, при котором критерием отбора являются не знатность, богатство или связи, а именно интеллектуальные и иные качества личности, ее таланты [Ашин 2001: 83]. История элитного образования в Европе восходит к XII—XIII вв., т. е. ко времени появления первых университетов, в которых в то время богатые студенты платили за свое образование, а бедные отработывали плату обслуживающим трудом. Прогрессивную роль университетов трудно переоценить — быстрое развитие наук в этих образовательных центрах предопределило становление сначала индустриального, а затем и постиндустриального общества.

Собственно, и сам термин «элита» возникает в определенных условиях, когда рекрутирование в элиту как макросоциальную группу имеет тенденцию определяться исходя не из происхождения, а из личностных качеств, интеллекта, таланта, подкрепленных волей и целеустремленностью, т. е. в период формирования элиты в меритократическом обществе.

Исследование роли образования в дискурсе элиты дает большие возможности для понимания процесса формирования и селекции элит. Элитарное образование не только определяет академический уровень, но, что еще более значимо, «формирует стиль жизни студентов и предопределяет их жизненные возможности» [Persell, Cookson 1986: 116].

Когда бывшие студенты элитарных учебных заведений занимают ведущие социальные позиции, они склонны лукаво утверждать, что все их успехи обусловлены исключительно их одаренностью и личными заслугами, игнорируя факт дорогостоящего обучения в элитарных учебных заведениях [Bourdieu 1998].

Проведенное недавно в Соединенном Королевстве исследование выявило сле-

дующее: несмотря на то что всего 7 % населения Великобритании посещают частные школы, 70 % финансовых директоров, 75 % судей, около 70 % барристеров и каждый третий член парламента обучались в частных школах [См: Kennedy, Power 2012 : 230].

Рассматривая роль образования в процессе селекции элит, ирландские исследователи М. Кеннеди и М. Дж. Пауэр в работе с «говорящим» названием «*“The Smokescreen of Meritocracy”: Elite Education in Ireland and the Reproduction of Class Privilege*» («*Дымовая завеса меритократии: элитарное образование в Ирландии и воспроизводство классовых привилегий*») [Kennedy, Power 2012: 225] обращают внимание на важные функции образования, актуализирующиеся в научном дискурсе:

- Образование является движущей силой формирования меритократии.
- Частное (элитарное) образование призвано сохранять классовые привилегии определенных социальных групп.
- Элитарное образование оказывает огромное влияние на формирование экономического и культурного капитала.
- Элитарное образование способствует созданию и поддержанию закрытого общества и социального капитала.

Следовательно, научный меритократический дискурс элиты является доменом для концептов успешности, социальной мобильности, привилегий, политического влияния, власти, социального капитала, репродукции элит, целеустремленности, профессионализма, компетентности, признания.

Поскольку концепт образованности является центральным концептом меритократического дискурса, представляется целесообразным исследовать актуализацию этих и смежных с ними концептов также и в наивном дискурсе, т. е. в обыденном сознании носителей языка.

В данной статье в качестве иллюстративного материала наивного дискурса меритократической элиты мы рассматриваем тексты британского форума, представляющие интерес как с точки зрения широкого социального охвата аудитории, так и с точки зрения жанра [Островская 2014: 147].

Участникам форума [Elitist UK more elitist than ever...] изначально предлагалось обсуждать идею элитизма, но уже после нескольких реплик дискуссия вошла в русло обсуждения проблем образования как одного из важнейших концептов процесса рекрутирования элиты и связанных с ним проблем социальной мобильности, социальной справедливости, nepotизма и др.

Один из участников форума пишет: *I find it interesting that this thread has turned into one about education. Probably because education is seen as the main issue with regard to **social mobility**.* / Интересно, что нить нашей дискуссии привела нас в область образования. Возможно это из-за того, что образование — главный фактор **социальной мобильности**.

По мнению участников форума, получение качественного образования способствует реализации одного из базовых понятий эпохи «текучей» современности — концепта «социальная мобильность».

Обозреватель Би-би-си по вопросам образования Шон Коглан в статье, озаглавленной «Closing the opportunity gaps», пишет: «Доклад по проблемам социальной мобильности демонстрирует, что, несмотря на все усилия, пропасть между богатыми и бедными становится все глубже. Бывший министр Алан Милбурн должен был предоставить правительству доклад, содержащий меры по обеспечению доступа к высокооплачиваемым работам. Однако доклад Милбурна свидетельствует о том, что такого рода должности становятся все более **закрытыми**. Это говорит о том, что общество поляризуется, богатые семьи имеют больше возможностей для социального продвижения своих детей. Врачи и юристы, принадлежащие к поколению 30-тилетних, — это выходцы из более обеспеченных семей, чем их коллеги поколения 50-тилетних. Поскольку медицина и юриспруденция традиционно являются высокооплачиваемыми областями, можно сделать вывод о том, что элитизм становится все более выраженным. Доклад наводит на размышления: в нем содержатся выводы, свидетельствующие о том, что закрываются возможности не только для беднейших слоев, но и для представителей среднего класса в Англии» [Koglan].

Участники форума разделяют мнение Ш. Коглана относительно расширения пропасти между бедными и богатыми. Мы определяем это явление как концепт «социальная мобильность со знаком минус»: *Some of us have been saying this for a long time. The claim that the UK is a land of opportunity, and that all one has to do to succeed is work hard, is a lie. The UK is an elitist, immobile society, where generally the poor stay poor and the rich stay rich.* / Об этом говорится уже долгое время. Заявление о том, что Соединенное Королевство — это страна возможностей и что для достижения успеха нужно просто усердно трудиться — это ложь. СК — элитистское, ригидное общество, где бедные остаются бедными, а богатые — богатыми. *The more Labour have attempted to*

remove wealth from the wealthy, the better the wealthy have become at retaining it. / Чем больше лейбористы пытаются отобрать богатство у богатых, тем успешнее богатые его сохраняют.

Традиционный здравый смысл британцев позволяет отметить онтологичность элиты как социального феномена. Концепт онтологичности элиты актуализирован многими участниками обсуждения: *I'm not sure why or how the term 'elitist' has become a slur in some parts though, surely it's just a reflection of human nature and life in general?* / Не понимаю, почему термин «элитист» стал ругательным? Разве он не является просто отражением человеческой природы и жизни в целом? *There is nothing wrong with elitism — I want my doctors, airline pilots and Olympic athletes to be there because they are the best — not because of some equal opportunity scheme.* / Нет ничего дурного в элитизме — мне нужны доктора, пилоты, олимпийские чемпионы потому, что они лучшие, а не из-за какой-то программы равных возможностей. *There will always be winners and losers, whatever the system we have in place. The real problems start when we try and pretend that isn't the case.* / Всегда будут победители и проигравшие, какой бы ни была система. Настоящие проблемы возникают, когда мы начинаем притворяться, что это не так. *Some people will always be 'better' than others, however you define the criteria for being 'better'. The simple fact is that those who are 'best' will always be the ones able to dictate what those criteria are.* / Некоторые люди всегда будут лучше, чем другие, как бы вы ни толковали понятие «лучше»! Все очень просто — «лучшие» всегда будут диктовать вам критерии того, что называется «лучшее».

Среди участников обсуждения присутствует, с одной стороны, традиционная точка зрения с опорой на протестантскую этику труда, особенно очевидная в репликах людей, чья молодость пришлась на 60—70-е гг. прошлого века. С другой стороны, многие отмечают снижение возможностей социальной мобильности в последние десятилетия: *We can't all be astronauts, captains of industry, brain surgeons, solicitors or Prime Minister. In any case, people's aspirations vary as well — some may be perfectly happy being a dustman or a gardener. And that's perfectly okay. As a general rule though, people with a bit of get-up and go, determination and work ethic stand a far better chance of achieving their goals (whatever those goals may be).* / Считаю, мы не можем все стать космонавтами, руководителями крупных компаний, нейрохирургами, юристами или премьер-минист-

рами. В любом случае, у людей разные устремления — некоторые вполне счастливы быть мусорщиком или садовником. И это прекрасно. Но в большинстве своем люди целеустремленные, с протестантской этикой труда имеют намного больше шансов достичь своей цели, какой бы она ни была. *Humanity divides into those who do useful things; scaffolders, airline pilots, teachers etc and those who don't; tramps, members of the aristocracy etc. So, this is now a discussion of the UK class system. My OH is a good example of class mobility in that case. Her father started life as a butcher's boy in Birmingham, she is the CEO of a 200 mill/annum public body. Hard work, education, and a great deal more hard work (she's still there now, 8.05, she left at 0600 this AM) That is how glass ceilings are broken through. I brought up the kids, she worked as hard as any man.* / Человечество делится на тех, кто делает полезные вещи — строители, летчики, учителя, — на тех, кто не делает — бродяги, аристократы и пр. Касательно классового деления в Соединенном Королевстве: моя жена — хороший пример социальной мобильности в этом случае. Ее отец начал работать помощником мясника в Бирмингеме, она генеральный директор корпорации с годовым оборотом в 200 млн ф. с. Упорный труд, образование, еще более упорный труд (сейчас 8 час. вечера, а она все еще на работе, хотя ушла в 6 утра). Вот как пробираются „стеклянный потолок“ (т. е. преодолевают невидимые преграды; имеется в виду неофициальный запрет на продвижение по должностной лестнице женщины или представителя национального меньшинства. — Т. А.). Я воспитал детей, она трудилась не меньше любого мужчины. *A recent study by the London School of Economics reports that social mobility for the bottom 20 % of society has not improved in the last thirty years. Tragic.* / Недавнее исследование, проведенное Лондонской школой экономики, свидетельствует, что за последние 30 лет социальная мобильность для 20 % бедных слоев населения осталась на прежнем уровне. Трагично. *I'm referring to British education in the 1940s and 1950s, which produced one of the most talented-ever generations in British history which came to flower in the 1960s, even though many of them came from extremely ordinary backgrounds.* / Я помню, какое образование было в Британии в 1940-х и 1950-х гг. Благодаря его уровню в Британии возникло одно из самых талантливых поколений в истории Британии, достигшее своего расцвета в 1960-х гг., хотя многие в этом поколении — выходцы из самых простых

семей. *I was able to go because I got a full grant. Yes, money was tight (so it should be for students!) but I came to the end of my course with a degree and an overdraft of only a few hundred pounds. Today, "m not sure that the 17 year old me would want to bother with University if it meant starting the world of work with over £10,000 around my neck.* / Мне удалось поступить в университет, потому что я получил полный грант. Да, денег было мало (так и должно быть у студентов), но я получил диплом, будучи должен банку всего несколько сотен фунтов. Не уверен, что будь мне сейчас 17 лет, я бы задумался об университете, зная, что по окончании его я бы имел долг в 10 000 ф. с. *I'm in an 'elitist' profession after working my way up from the bottom six years ago — no degree either just a willingness to apply and learn, although I know I'm a rarity.* / У меня элитная работа, я ее получил после трудного восхождения с самых низов шесть лет тому назад. У меня нет университетского образования, просто я очень старался узнать новое. Я понимаю, однако, что моя ситуация — это редкость. *Attitudes need to change, and all this talk of elitism is utterly self defeating. It gives kids the idea that uni is for rich kids, and it's just not so. My family were far from rich, but I went. However, that was in the days of grammar schools and grants, and an 'intellectual elite' went to uni to do real subjects, not sport science, tourism, and embroidery, which a friend's daughter has just graduated in, if such a thing is possible. I have no quick solution, but something has to change, the country is wasting resources. The unis themselves should be active in this, they should be out there recruiting the bright ones, wherever they can find them.* / Необходимо менять свое отношение, все эти разговоры об элитизме — просто самооправдание. Это наводит детей на мысль, что университеты — только для богатых, а это не так. Моя семья была совсем не богатой, но я поступил в университет. Правда, это было во времена грамматических школ и грантов, а интеллектуальная элита поступала в университет изучать настоящие предметы, а не спорт, туризм, вышивание, диплом по которому получила только что дочь моих друзей, — как такое возможно? У меня нет быстрых решений, но нужно что-то делать, страна теряет свои ресурсы. Университеты сами должны выискивать одаренных детей, где бы то ни было.

Самым существенным фактором, позволяющим людям подниматься по социальной лестнице, по мнению большинства участников форума, является качественное, элитное

образование. При этом подвергается критике существующая система школьного образования, в результате которой в Англии и Уэльсе практически не осталось средних классических школ: *The question is how you enable people to become elite regardless of their background. As far as I am concerned, the worst thing which happened that stopped this social mobility is the attack (by *all* parties) on Grammar Schools.* / Вопрос в том, как предоставить людям возможность влиться в элиту независимо от их происхождения. На мой взгляд, худшее, что было сделано для уничтожения социальной мобильности — это нападки (всех партий) на средние классические школы. *Now entry to a good secondary school is mainly dependant on your parents being able to afford a house in the catchment area. House prices rise around good schools which prices out those from poorer backgrounds. A single good grammar school in a town selecting purely on academic ability from a wider area suddenly opens up a world of opportunity for those able to take advantage.* / Теперь поступление в хорошую среднюю школу главным образом зависит от того, могут ли родители позволить себе дом в данном районе. Цены на дома в районах вокруг хороших школ растут быстрее, чем в более бедных. Единственная хорошая средняя классическая школа в городе, поступление в которую проводится путем отбора по способностям детей, независимо от района проживания, дает море возможностей для тех, кто ими воспользуется. *I was fortunate — I went to a Comprehensive, but it had previously been a Grammar until a few years before I started so the school and most of the staff still had a grammar school philosophy where the most able in each subject were pushed and encouraged as far as they could go. The biggest crime against social mobility is holding those back who have the ability to get on in life in the interests of.* / Мне повезло — я ходил в единую среднюю школу, которая лишь несколько лет назад была средней классической школой, поэтому преподаватели, как и в средней классической школе, всячески поощряли способности и упорство учеников. Самое большое преступление против социальной мобильности — это „придерживать“ способных во имя „справедливости“ и „равенства“.

Большое место в обсуждении уделяется такому явлению, как непотизм (семейственность, связи, кумовство). Концепт непотизма тесно связан с концептом социального капитала: *One thing that shocks me after graduating, is just how much of the job market and your breaks in life depend on nepotism.* / Одна вещь

потрясла меня после окончания университета — огромная зависимость карьеры и успеха от связей и семейственности! *I know loads of people who have got jobs through a friend of a family, someone putting in a good word, or someone knowing someone who a guy high up in this/that company.* / Я знаю множество людей, которые получили работу благодаря друзьям или тому, что кто-то знал кого-то, занимающего высокое положение в компании. *I also know of several cases where people got an edge in being accepted by a uni, purely because someone their father knew who was pretty senior in education circles, wrote a letter of recommendation that took no more than 10 minutes.* / Я тоже знаю несколько случаев, когда поступали в университет только потому, что родители имели связи с руководством в образовании: те писали рекомендательные письма — на все уходило 10 минут. *Put it this way. Would Stella McCartney be regarded as a high end designer if she wasn't Macca's daughter??? Would George W Bush have got into Harvard if he wasn't in the Bush dynasty????* / Давайте поразмышляем. Стала бы Стелла Маккартни таким знаменитым дизайнером, если бы она не была бы дочерью Пола??? Поступил бы Джордж Буш в Гарвард, если бы он не принадлежал к династии Бушей??? Remember, it's not WHAT you know, it's WHO you know. / Помните: не важно, ЧТО вы знаете, важно, КОГО вы знаете.

Неожиданно, что взгляд изнутри не совпадает с широко распространенным идеализированным видением классического британского университета: *I am from Oxford, and the biggest myth is that 'you've got to be pretty clever to go there'. In essence that is true for most, people who got in who are from a state school, or average public school background do have to work very hard, and i'm taking nothing away from them. If these guys have a poor report/grade etc. then the uni comes down hard and says 'if you're not upto standard we will drop you'. But there is also a vast chunk of students who underperform, and according to my friend (who has worked his bum off to go to Oxford uni) aren't really that bright. They party, mess about.....but are never threatened with expulsion because 'daddy' makes a lot of 'donations'.* / Я учусь в Оксфорде, и это величайший миф, что здесь учатся только очень умные. Действительно, большинство — да. Те, кто поступил после окончания государственных школ, обычных частных школ, действительно вкалывают, и я ничего против них не имею. Но если у этих студентов плохие оценки, то им говорят: „Раз вы не дотягиваете до стандартного

уровня — мы вас отчисляем». Однако есть огромное количество неуспевающих студентов и, по мнению моего друга, который пришел к выводу, что он не будет поступать в Оксфорд, они не блещут умом. Они развлекаются на вечеринках, тусуются, но им не грозит отчисление, потому что „папочка“ делает большие пожертвования университету. *At a lot of these prestigious unis, massive amounts of blind eyes are being turned and a lot of wink-winks are going on, because they are happy to accept poor students with very generous parents. I know it's effectively bribery, they know it....but they write it off as 'donations'. It's a corrupt form of a symbiotic relationship.....the uni get a new computer suite for their science lab, and the playboy son gets his Oxford Degree.* / Во многих престижных университетах закрывают глаза и смотрят сквозь пальцы на то, что происходит — они рады принять слабого студента, у которого щедрые родители. Я знаю, это фактически взятки, и они это знают... но это называется „пожертвование“. Своего рода коррупционный симбиоз — университет получает комплект компьютеров для научной лаборатории, а сын-плейбой — степень Оксфордского университета. *'Donations' culture is rife at Cambridge and Oxford.* / Традиция денежных пожертвований — обычное дело в Кембридже и Оксфорде.

Интересно, что британцы также отмечают изменение отношения к образованию и формирование новых ценностных ориентиров у молодых людей: *Being labelled "elitist" because people have brains and are productive is really insulting. Youth today are more keen on being "famous" at any cost, rather than study for degrees.* / Просто оскорбительно вешать ярлык элитизма на людей, у которых есть мозги и энергия. В наше время молодежь больше стремится стать знаменитой, чем получить диплом в университете.

Выводы по материалам британского форума

1. В анализируемом материале наиболее полно отразились актуальные концепты и признаки дискурса *elite/elitism*: онтологичность, социальная мобильность, селекция элит, деньги, циничность, закрытость элиты, nepotism.

2. Особое место в анализируемом материале принадлежит концепту «социальная мобильность». Его реализация соотносится со смежным концептом «социальная справедливость». Однако участники дискуссии ясно осознают, что этот концепт является антагонистом концепта «онтологичность элиты».

3. Участники форума наглядно отразили качества, необходимые для того, чтобы

стать элитарной личностью (т. е. реализовать концепт «социальная мобильность»): хорошее образование (один из базовых концептов данной дискуссии), наличие способностей, трудолюбие, целеустремленность, приверженность протестантской этике труда, наличие связей и протекции.

4. Основное внимание в дискуссии было уделено трем концептам: социальная мобильность, социальная справедливость, качественное образование. Именно реализация этих «трех китов», по мнению участников обсуждения, способствует селекции элит, продвижению в ее ряды, т. е. формированию элитарных личностей.

5. Участники форума отметили снижение уровня образования в Великобритании даже в элитных университетах, что косвенно свидетельствует об опрощении элит (концепт «люмпенизация элит»).

6. Употребленная одним из участников метафора «стеклянный потолок» (*glass ceiling*), т. е. невидимая преграда, свидетельствует о том, что до сих пор реально существует неофициальный запрет на продвижение по должностной лестнице женщины или представителя национального меньшинства (возникновение метафоры датируется 1984 г.).

7. Язык дискуссии отражает достаточно высокий образовательный и социальный уровень участников. Стиль обсуждения — умеренно эмоциональный. Наиболее эмоциональные моменты в дискуссии связаны с явлениями социальной несправедливости (примеры Стеллы Маккартни, Дж. Буша и пр.) и nepotism (семейственности, блата).

8. В дискуссии не отмечены попытки классифицировать элиту или приводить примеры «настоящих» элитарных личностей. На наш взгляд, в британском обществе концепт «элита» представляет собой сформированную сущность, в отличие от аналогичного российского феномена [См.: Островская 2014].

9. Дискурсивный анализ социальных практик участников форума показал, что на протяжении всей дискуссии прослеживалась связь концепта образования и концепта протестантской этики труда («трудись и получишь все, что заслужил»). При этом все большее число британцев считают этот последний концепт менее актуальным, чем в прошлом столетии — мы наблюдаем динамику разрушения одного из базовых концептов англосаксонского лингвокультурного общества. Этот концепт не входит непосредственно в концептосферу дискурса элиты, но является субконцептом дискурсообразующего концепта элиты — селекции элит, поэтому также заслуживает включения в данный анализ.

10. Отдельно хочется отметить метафоричность языка (некоторые метафоры входят в полный текст форума): *wit old mickey mouse subject* — несерьезный, недостойный высшего образования предмет; *people with a bit of get-up and go* — напористые, «пробивные» люди; *glass ceiling* — невидимая преграда (дискриминация по гендерному или национальному принципу); *OH* — *other half (a wife or a husband)* — вторая половина (жена или муж); *put in a good word* — замолвить словечко; *nanny state* — государство-нянька; *a random pikey* — бродяга, бомж; *one-dimensional people* — примитивные люди; *pushy parenthood* — наглые, беспардонные родители (как явление.)

11. Контент-анализ текста форума позволяет выделить следующие единицы: *determination and work, class mobility, a terrible state education system, background, hard work, education, bribery, 'donations', nepotism, social mobility, new elite, "fairness" and "equality", grammar schools, grants, an 'intellectual elite', elitism*. Это показывает озабоченность респондентов плохим состоянием государственного школьного образования, исчезновение популярных в 1960-х гг. грантов для одаренных студентов, вследствие чего у молодого поколения уменьшаются шансы продвижения по социальной лестнице. Несмотря на упорный труд, в «новую элиту» (меритократию) пробивается значительно меньше выходцев из низших сословий, чем прежде, а те, кому это удается, прикладывают непомерные усилия. Наряду с этим, взяточничество, протекционизм, финансовые пожертвования состоятельных родителей приводят

к тому, что репутация лучших университетов, «кузницы» интеллектуальной элиты, далека от их былой славы.

12. Дискурсивный анализ текстов британских форумов свидетельствует о прагматичном, аналитическом подходе пользователей к проблеме элитарной личности: респонденты четко выделили ключевые концепты, отражающие процесс селекции элит Британии — социальная мобильность, средство рекрутирования элит (элитарное образование), закрытость (непотизм), снобизм (элитизм).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашин Г. К. Элитное образование // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 82—99.
2. Островская Т. А. Особенности актуализации концепта «элитарная личность» в наивной картине мира // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — Тамбов : Грамота, 2014. № 3 (33). Ч. 2. С. 146—152.
3. Островская Т. А. Поведенческий дискурс элиты: признаки и функции // *Политическая лингвистика*. 2013. № 4 (46). С. 136—140.
4. Bourdieu P. *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Powre*. — Stanford : Stanford Univ. Pr., 1998.
5. *Elitist UK more elitist than ever...* URL: <http://forums.digitalspy.co.uk/showthread.php?t=1077501>.
6. Kennedy M., Power M. J. "The Smokescreen of Meritocracy": Elite Education in Ireland and the Reproduction of Class Privilege // *Journ. for Critical Educational Policy Studies*. 2012. Vol. 8, № 2. P. 225.
7. Koglan S. Closing the opportunity gaps. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/education/8159687.stm>.
8. Persell C. H., Cookson P. Chattering and battering: elite education and social reproduction // *Social Problems*. 1986. № 33. P. 114—129.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

А. А. Столяров
Москва, Россия

A. A. Stolyarov
Moscow, Russia

**ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА
В РОССИЙСКИХ УЛИЧНЫХ ПРОТЕСТАХ**

**THE PRACTICES OF MODERN ART
IN RUSSIAN STREET PROTESTS**

Аннотация. Современный протест зарождается не на собраниях активистов политических сил, не на фабриках или заводах и не в университетах среди студентов. Пространством для генерации протеста сегодня начали выступать социальные сети и микроблоги, а первыми активистами стали интернет-пользователи. Протест теперь строится вокруг информационных поводов, возникающих в Интернете, и в медиасреде, он полностью управляется законами медиaprостранства. В заданный момент успешно развивающийся протест переходит грань между виртуальной и реальной средой и выходит на улицы городов. Митингующие стараются овладеть уличным пространством не только с помощью силы, но и с помощью символических средств. Поэтому значительную роль начинают играть практики современного искусства, представители которого стремятся с помощью художественных методов преобразовать городскую среду, тем самым не просто декорируя уличный протест, но и генерируя его.

Abstract. Modern protest arose not among activists of different political forces, which organize the meetings and not at factories or plants and not at universities - among students. Social networks and microblogging are the platform for modern protest. The first protests activists are the internet users. The protest nowadays is generated by the creation of informational events in internet or media. The laws of mass media market control modern protest. Successfully growing protest can pass the line between virtual and real world and come in the streets of the cities. The protestors try to get street-space not only by force but using symbolic means. This is the reason why the practices of modern art began to play a very important role: the artists who use it try to transform surroundings by generating street protest.

Ключевые слова: современное искусство; протест; постмодернизм; политические технологии; выборы.

Key words: modern art; protest; postmodernism; political technologies; election.

Сведения об авторе: Столяров Александр Андреевич, аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики.

About the author: Stolyarov Alexander Andreevich, Post-graduate Student of the Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Place of employment: Lomonosov Moscow State University.

Контактная информация: 125009, г. Москва, Моховая, 9.
e-mail: ambiguos@mail.ru.

**ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ФИЛОСОФСКОЕ
ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА**

Первые критики зародившейся в конце 60-х гг. прошлого столетия философии постмодернизма описывали ее как сеть противоречий. Построенное на отрицании «супероснований» уходящей «эпохи модерна», — субъекта, прогресса, развития, — данное течение, казалось, не имело общей методологической базы и представляло из себя хаос разнородных концепций отдельных авторов.

Вместе с тем философов-постмодернистов, как показали дальнейшие исследования, всё же объединял ряд общих идей. Правда, как правило, они основывались на низвержении старых философских категорий. Однако следом за данным демонстративным разрывом с философским наследием шла новая интерпретация базовых философских понятий, которая и легла в основу новой картины окружающего.

Первый удар нового философского течения приняла на себя категория бытия — одна из основных категорий в классической философии. Постмодернисты считали, что бытие в современном мире теряет свои абсолютность и единство. Действительность находится в постоянном движении, ее преследуют бесконечные метаморфозы. Познанию не удастся угнаться за данными изменениями. Предмет противостоит попыткам его осознания, реальность отказывается преобразовываться под воздействием воли субъекта, переходит из состояния непознанного в состояние «знания». В результате мир становится открытым для различных интерпретаций — в концепциях постмодернистов это обозначается метафорой «мир как текст», — в нем воцаряется тотальный плюрализм.

Бытие превращается в так называемое «трансцендентальное означаемое» — нечто

существовавшее до появления языка, а следовательно, и до субъекта. Будучи опосредованным субъектами, оно становится не более чем «лингвистическим трюком» — конструкцией индивидуального сознания.

Понятие «бытие» в традиционных философских системах всегда было тесно связано с понятием субъекта. Именно субъект, присваивающий себе при помощи сознания реальность, превращал бесформенное и непознанное пространство вокруг себя в бытие. Постмодернисты уничтожают и его: в их представлении субъекта в традиционном понимании не существует. Субъект настолько плотно вписан во внешний порядок, что полностью подчиняется правилам и законам, на которых зиждется окружающее. Фактически он низводится до уровня объекта.

Окружающий мир доминирует над субъектом посредством нормативов. Одним из них являются «дискурсивные практики» [Фуко 2004] — структуры языка. Под их воздействием субъект становится «децентрализованным» [Лакан 1995] — размышление и существование оказываются нетождественными, так как между ними пролегает чуждое, внешнее по отношению к сознанию пространство языка. Структуры языка полностью детерминируют индивидуальное сознание, которое растворяется в них так, что ему не удается анализировать окружающую реальность, а получается лишь выстраивать некие сверхидеализированные модели и проводить бессмысленную языковую игру.

Общим между бытием и субъектом традиционно считалось время. Данная категория была связующим звеном, позволяющим включить субъект в окружающее пространство. Неудивительно, что постмодернисты решились пересмотреть и это понятие. Философы-постмодернисты считали, что имманентное сознание (сознание индивида) не соприкасается с трансцендентным (внешним по отношению к субъекту) бытием [Деррида 2000]. Таким образом, возникает философская апория — совмещение пространства и времени: происходящее в сознании, в результате которого человек осознает, воспринимает окружающий мир, не совпадает с реальным совмещением пространства и времени в мире. Выход из этого парадокса философы-постмодернисты находят, включая мир человеческого существования в пространство бытия. Данный мир, который является не чем иным, как суммой индивидуальных существований, также становится трансцендентным по отношению к сознанию отдельно взятого индивида. Вместе с тем по отношению к окружающему миру, бытию, он становится имманентным. Остается совмес-

тить пространство и время индивидуального сознания и мира человеческого существования в целом. Соприкосновение данных двух миров происходит с помощью знака. Знак является способом конструирования индивидом имманентного знания, он является, по сути, мгновенным актом сознания. Но в то же время знак не зависит от одного индивидуума, а является достоянием всего мира человеческого существования, так как каждый может его повторить и полностью воспроизвести.

Философия постмодернистов, как видим, породила свой специфический мир: в данной Вселенной нет места однозначным трактовкам, а за самым банальным на первый взгляд происшествием таится некий неведомый индивидууму смысл.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СРЕДА

Принципы философии постмодернизма воплотились в идеологии «современного искусства». Художники нового поколения (1960-е гг. — настоящее время) в своем творчестве ознаменовали отрыв от всего искусства модерна, начав строить произведения на основе новых принципов. Произошел сдвиг от изображения объекта к процессу, от принципа «мимесиса» (подражания реальности) в творчестве к принципу «пойесиса» (создания новых реальностей). Современное искусство начало отвергать естественность, в нем стало теряться отличие от объектов «не-искусства». Вместе с тем связь с творчеством прошлого у представителей современного искусства не была утрачена. Наоборот, их произведения взаимодействуют с искусством прошлого, в них смешиваются традиции разных эпох, порождая совершенно новые смыслы. Неудивительно, что и само по себе современное искусство как явление разнородно, в нем выделяют множество направлений: «Современное искусство отличается многообразием художественных подходов, где каждый художник стремится к утверждению своего личностного подхода на уровне его признания локальной и/или международной арт-средой» [Прилашкевич 2008: 370]. Среди направлений современного искусства можно выделить следующие: поп-арт (в рамках течения образы, заимствованные из массовой культуры, помещаются в определенный контекст, в котором они приобретают совершенно новое значение), перформанс (художественное действие художника в определенное время и в определенном месте; такие произведения лишены предметности, это чистая зрелищность, «искусство действия» — заранее

спланированные акции перед собравшейся публикой), хеппенинг (художественная ситуация, которая создается автором, но не контролируется им до конца, в отличие от перформанса, включает в себя импровизацию и активное вовлечение зрителей), видеоарт (визуальные произведения искусства, создающиеся с помощью новых компьютерных технологий: состоит из видеоряда, сюжета, монтажа, спецэффектов), инсталляция (пространственная композиция, созданная из различных, подчас разнородных элементов, которые, будучи совмещенными в целом, становятся художественным произведением), граффити (нанесение на здания рисунков с помощью аэрозольной краски), концептуализм (концепции в данном направлении ставятся выше, чем сама форма искусства, художественное произведение может состоять из отдельных предметов, схем, графиков, жестов), боди-арт (использование тела, прежде всего самого художника, как средства выражения и пространства художественного произведения), ленд-арт (в качестве материала используется природная среда; создаются скульптуры, сделанные из земли), гиперреализм (техника живописи, при которой художник максимально прорисовывает в своей картине детали, стараясь сделать ее сходной с фотографией, используется беспристрастный подход к изображению), арте-повера, или «бедное искусство» (использование художниками нетипичных для художественного творчества простых материалов — свинца, терракоты, неона, тряпки, пластмассы, овощей), и т. д.

Вместе с тем исследователи признают, что, несмотря на противоречивость новых методов и видов искусства, в них есть много общего. Каждое произведение данного направления открыто для свободных авторских трактовок. Расширилось само пространство искусства, которое начало затрагивать новые области, ранее не привлекавшие внимания художников: «Тенденцией развития искусства в XX в. явилось его расширительное действие: масштабность арт-практик выразилась в стремлении „охватить все сферы человеческого бытия: от религиозного экстаза и далее до самых ‘неэстетических’ областей нашего существования» [Жевак 2013].

Ряд арт-критиков и культурологов считают, что ключевой проблемой, которую ставят представители современного искусства, является проблема репрезентации. Как отмечает Николя Буррио, на первый взгляд современные художники отказались от репрезентации реальности в своих произведениях: зачем отражать окружающий мир или

реализовывать какую-то идею в искусстве, когда можно просто воплотить ее в реальных параметрах, взять часть реальности и представить ее как художественное произведение? «Предмет может „функционировать“ в пространстве реальной действительности и в то же время являться объектом для созерцания, что есть, по сути, критическая инверсия промышленного дизайна: утилитарный объект более не приукрашивают, а, наоборот, эстетический объект преподносят как утилитарный» [Буррио 2004]. Однако, по его мнению, это не означает, что искусство и реальность стали одним и тем же. Искусству свойственна дистанция по отношению к реальности, в нем действует принцип репрезентации. Даже в рамках практик современного хеппенинга или перформанса реальность, которая по сути и становится произведением искусства, формализуется, она кодируется. Таким образом, это позволяет сделать вывод, что репрезентация не погибла, а всего-навсего произошло расширение ее границ.

Российская исследовательница Екатерина Лазарева считает, что репрезентацию в эпоху искусства постмодерна надо понимать иначе: если раньше репрезентацию трактовали как представление об окружающем мире, пропущенное сквозь призму искусства, то сегодня она превратилась просто в художественную практику, осуществляемую в публичном пространстве [Лазарева 2009]. Раньше произведение искусства должно было быть воплощением художественными методами части какой-либо действительности. Теперь же произведением может стать что угодно, любой предмет, однако при одном условии: он должен быть выставлен или опубликован. Другими словами, раньше искусство репрезентовало действительность, сегодня зачастую оно стало репрезентовать искусство, т. е. само себя. Данное утверждение приводит к вопросу: не произошла ли в новую эпоху «смерть искусства»?

Исследователи приходят к выводу, что «смерть искусства» действительно произошла, но уточняют, что само словосочетание «конец искусства» никогда не понималось в прямом смысле и никогда не означало остановку творческого процесса, прекращение создания произведений [Форстер 2007]. «Смерть искусства», считают исследователи, подразумевает разрушение инновационного потенциала в творчестве, обращение к готовым, уже имевшим место в истории художественным формам, разрушение исторического нарратива, в который раньше вписывалось каждое произведение. Искусство потеряло связь с окружающим,

трансформировалось в новые формы, которые ознаменовали отрыв современного искусства от творчества предыдущих эпох. Художественное творчество в современном искусстве начало выходить за пределы собственно искусства: «Искусство пытается проникнуть в сам ход повседневности, не стоять в стороне, полностью избавиться от роли декоративной кулисы» [Мукаржовский]. Данные изменения привели к тому, что современное искусство породило новое понимание художественной оригинальности. Оригинальность современного искусства устанавливается не посредством его собственной формы, но через включения в определенный контекст. Это позволяет превратить копии в оригиналы, поставив их в тот или иной предметный ряд. Таким образом, открываются возможности порождения оригинальности с помощью репродукции: «Циркулируя сквозь различные контексты, копия становится серией различных оригиналов. Каждое изменение контекста, каждое изменение медиа может быть интерпретировано как отрицание статуса копии как копии — как сущностный разрыв, как новый старт, открывающий новое будущее. В этом смысле копия никогда в действительности не является копией — но скорее новым оригиналом в новом контексте» [Гройс 2006]. Современные художники создают произведения, поддающиеся обоснованию исключительно в их собственных категориях. Произведения представляются как нечто данное, независимое от смыслов и оригиналов: «Содержание должно быть растворено в форме настолько полно, чтобы работу художника или литератора нельзя было свести, в целом или по частям, к чему-то, что не было бы самой сущностью произведения искусства» [Гринберг 2005]. Данное утверждение относится в первую очередь к абстрактным и авангардным направлениям современного искусства, в которых форма становится своеобразным каналом коммуникации, передающим зрителям определенную информацию.

Современное искусство не декларирует автономии искусства, снимая таким образом конфликт искусства и общества. Современное искусство — это «творчество, которое живет в обществе, имея больше социальное и информативное измерение, чем собственно эстетическое». [Турчин 1993: 240]. Произведения современного искусства являются продуктами, которые соединяют искусство и жизнь. Неудивительно, что появление современного искусства повлекло за собой усиление социальной направленности искусства вообще. Многие художественные практики перенесли из мастерских в ре-

альную городскую среду, в которой каждый мог стать соучастником творческого процесса. Искусствоведы подметили, что последние 10—15 лет начало активно распространяться групповое и социально ангажированное творчество. Среди художников сформировалось убеждение, что «аутентичность укоренена в социальном, что внешняя, иная по отношению к доминирующей идеология обнаруживает себя в социальных связях, которые лишь одни способны противостоять атомизирующему воздействию современного капитализма» [Бишоп]. Неудивительно, что искусство начало тесно сплетаться с политической сферой, превращаясь в инструмент коллективной мобилизации, несогласия, протеста и демонтажа политических авторитетов.

Слияние искусства и политики довольно отчетливо начало проследиваться с развитием Интернета. Представители «политического нет-арта» [Фикс 2003] продекларировали гибель художественного протеста на пространствах городских улиц и призвали начать развивать искусство в виртуальной среде. К примеру, группа «EDT», называющая себя представителем «радикального искусства», организует виртуальные демонстрации в поддержку сапатистов в Мексике. Одним из методов акций представителей этой арт-группы являются хакерские атаки на страницы поддерживающих сапатистов структур.

Критика пока не выработала единых подходов к анализу современного искусства. Однако ясно одно: в последнее время проследивается слияние современного искусства с новыми явлениями виртуальной среды, с политической сферой и новейшими методами пиар-технологов. Именно на пересечении данных сфер и рождаются современные произведения художников, воплощающих в своем творчестве принципы постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бишоп К. Социальный поворот в современном искусстве. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/58-59/povorot/>.
2. Бобринская Е. Концептуализм. М., 1994.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
4. Буррио Н. Современное искусство и репрезентация // Художественный журнал. 2004. № 55. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/55/13/>.
5. Вирильо П. Машина зрения. — СПб.: Наука, 2004.
6. Гниренко Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства. URL: http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenko-diplom/city_266/fah_348/#first.
7. Гринберг К. Авангард и китч // Художественный журнал. 2005. № 60, дек.

8. *Грицанов А.* Новейший философский словарь. — Минск : Скакун, 1999.
9. *Гройс Б.* Топология современного искусства // Художественный журнал. 2006. № 61/62, май.
10. *Делез Ж., Гваттери Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург : У-Фактория, 2007.
11. *Делез Ж., Гваттери Ф.* Ризома. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm.
12. *Деррида Ж.* О грамматологии. — М. : Ad Marginem, 2000.
13. *Жевак А.* Социокультурные тенденции развития современного искусства. URL: <http://teoria-practica.ru/-1-2013/philosophy/zhevak.pdf>.
14. *Кибервойна, бог и телевидение* : интервью с Полем Вирильо // Ctheory : журн. URL: <http://www.chaos.info/хаос/cyberwar.html>.
15. *Кобо Абэ.* Человек-ящик. — М. : Правда, 1988.
16. *Лазарева Е.* Авангард vs репрезентация // Художественный журнал. 2009. № 73/74, авг. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/73-74/lazareva/>.
17. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М. : Гнозис, 1995.
18. *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна. — СПб. : Алетейя, 1998.
19. *Мокшев А.* Лингвистическая критика субъекта в философии постмодернизма. URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/8060-2013-05-28-07-16-18>.
20. *Мукаржовский Я.* Основные принципы авангарда // Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. — М. : Искусство, 1994.
21. *Пыркина Д.* Искусство действия. URL: <http://www.ncca.ru/publications.text?filial=2&id=160>.
22. *Рансьер Ж.* Этический поворот в эстетике и политике // Критическая масса. URL: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ra8.html>.
23. *Турчин В.* По лабиринтам авангарда. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993.
24. *Фикс Е.* Сетевое искусство протеста // Художественный журнал. 2003. № 51—52. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/51-52/iskusstvo-protesta/>.
25. *Фостер Х.* Похороны подставного тела // Художественный журнал. 2007. № 64, февр. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/64/foster/>.
26. *Фуко М.* Археология знания. — СПб. : Гуманитарная Академия, 2004.

Окончание статьи будет опубликовано в следующем номере.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 811.161.2'42
ББК Ш141.14-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Ю. Р. Тагильцева Ю. R. Tagiltseva
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**«ХТО НЕ СКАЧЕ, ТОЙ МОСКАЛЬ»:
ИНФОРМАЦИОННАЯ АГРЕССИЯ
КАК КОМПОНЕНТ
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ВОЙНЫ**

**«XTO HE SKACHE, TOY MOSKAL'»:
INFORMATIONAL AGGRESSION
AS A COMPONENT
OF INFORMATIONAL
PSYCHOLOGICAL WAR**

Аннотация. В контексте проблемы информационно-психологической войны рассмотрена информационная агрессия со стороны новой Украины по отношению к России. Дается определение информационной агрессии, перечисляются ее цели (вызвать недоверие у населения к правительству, нанести ущерб международному имиджу страны, поставить под сомнение традиции, культуру, ценностные ориентации). На конкретном материале исследуется развитие представления России в виде образа врага, широко репрезентируемого в украинских средствах массовой коммуникации. Этот образ формировался не стихийно, а целенаправленно и поэтапно, в соответствии с теорией американского социолога Дж. Овертона.

Abstract. In the context of the problem of informational war informational aggression of new Ukraine towards Russia is discussed. The definition of informational aggression is given, its aims are enumerated (to cause distrust of people to the government, to harm international image of the country, to cast doubt on traditions, culture, values). The development of the image of Russia as an enemy widely used in the Ukrainian mass media is studied. This image was not formed spontaneously, it was purposeful and developed according to the theory of American sociologist J. Overton.

Ключевые слова: информационно-психологическая война; информационная агрессия; манипулирование; общественное сознание.

Key words: informational psychological war; informational aggression; manipulation; social consciousness.

Сведения об авторе: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

About the author: Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Advertising and PR.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 402.
e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Развитие информационного общества, глобальное распространение средств массовой коммуникации и наличие в них «медийных шумов» становятся отправной точкой развертывания информационно-психологических войн и информационной агрессии. Поскольку информация играет в обществе доминирующую роль и приобретает порой деструктивный характер, это дает возможность заинтересованным кругам использовать информацию для достижения своих целей. Подобное утилитарное отношение привело к дальнейшему развитию таких феноменов, как «информационно-психологическая война» и «информационная агрессия».

Несмотря на то что информационная агрессия как явление существует достаточно давно, на сегодняшний день не сформулировано единого определения этого понятия.

Слово «агрессия» происходит от латинского «aggressio», означающего нападение, и используется для обозначения самых разных форм и видов поведения.

Так, в психологии под агрессией принято понимать «целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные переживания, состояние напряженности, ... страха, подавленности и т. д. А. объединяет такие разнообразные акты поведения, как злые шутки, сплетни, враждебные фантазии, деструктивные формы поведения, вплоть до убийств и самоубийств» [Большая психологическая энциклопедия]. Если рассматривать агрессию как психологическое явление, то оно

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

© Тагильцева Ю. Р., 2014

содержит в себе несколько компонентов. Н. Д. Левитов в агрессии выделяет познавательный, эмоциональный и волевой компоненты [Левитов 1972: 169]. Познавательный компонент включает в себя понимание угрожающей ситуации, видение объекта для нападения. Эмоциональный компонент агрессии заключается в выражении отрицательных чувств человека, таких, как гнев, ярость. Волевой компонент агрессивного состояния проявляется в целеустремленности, настойчивости, решимости, инициативности.

С точки зрения юриспруденции, агрессия «в международном праве любое противоправное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы. Общую формулировку понятия А. дает принятое 14 декабря 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН „Определение агрессии“, согласно ст. 1 которого „агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций“. Понятие А. включает в качестве обязательного признак первенства или инициативы применения вооруженной силы» [Большой юридический словарь]. Точно такое же определение встречаем и политологии.

С точки зрения коммуникативистики, агрессия — «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. п.) у объекта речевого воздействия» [Седов 2003: 200].

Таким образом, во всех определениях говорится о разрушении (физическом или психологическом) чего-либо.

Если говорить об информационной агрессии, то, согласно Е. С. Ермаковой, под ней «стоит понимать манипулирование информацией, провоцирующее нарушение целостности общества, его стабильного, в том числе и эмоционального, состояния, подрыв целей, взглядов и мировоззрения населения, а также разжигание конфликтов (межличностных, этнических, международных)» [Ермакова]. Именно манипуляция становится обязательной технологией управления не только информационными потоками, но и массовым сознанием, причем в нужном для агрессора направлении. За счет правильно выстроенной тактики подачи информации становится возможным:

- « – вызвать негативное (агрессивное) отношение населения к руководству страны, лишить общество доверия правительству;
- вызвать у населения — жертвы агрессии — страх или панику, чтобы внести дезорганизацию в обычный порядок жизни;
- нанести ущерб международному имиджу страны, ее престижу;
- поставить под сомнение традиции, культуру, ценностные ориентации народа в интересах манипуляторов и стоящих за ними сил или элит» [Там же].

Подобное, как показывают события, происходит на территории современной Украины. Для создания «демонического» образа России активно используется как открытая, так и закрытая информационная агрессия, цели, предметы и источники которых соответствуют общим формулировкам Е. С. Ермаковой (см. табл.).

Таблица. Открытая и закрытая информационная агрессия

Вид информационной агрессии	Цель	Предмет	Источники
Открытая	Формирование негативного образа того или иного политического лидера, правительства какой-либо страны, этнической группы, явления социальной действительности	Чувство страха и негативное отношение к отдельным личностям, группам, странам, национальностям, явлениям политической или социальной действительности	Публичные выступления первых лиц государства, медийных лиц (публицисты, журналисты, деятели науки, бизнесмены, политики), новостные блоки в СМИ
Закрытая	Незаметный, постепенный подрыв целей, взглядов и мировоззрения социума, традиций целых народов	Те компоненты общественного уклада, на которые манипулятор стремится оказать деструктивное воздействие: международный престиж страны, ее идеология, ценности, культура	Развлекательные ток-шоу, сериалы, аналитические программы, молодежные журналы, кинофильмы, т. е. совокупность информационных потоков

В ситуации с современной Украиной можно однозначно сказать, что главным ее врагом является Россия, поэтому в информационном пространстве государства делается всё, чтобы внедрить и закрепить в сознании граждан Украины этот образ.

Во-первых, активно используется такой метод манипулирования, как формирование «образа врага», за счет которого искусственно создается угроза и, как следствие, накал страстей, в результате чего массы погружаются в состояние, схожее с измененным состоянием сознания. В печатных и электронных украинских СМИ активно муссируется образ России как террориста и оккупанта, ведущего войну против Украины не по правилам.

Этот образ строился не спонтанно, грубо, а достаточно мягко, гибко, поэтапно: от стадии «не братья» до стадии «террористы». Это можно описать посредством технологии, предложенной американским социологом Дж. Овертоном (так называемые «окна Овертона»), суть которой связана с «окнами возможностей» и поэтапным сдвижением границ смысла, в результате чего можно пере моделировать отношение к явлению с «плюса» на «минус» и наоборот. Как следствие, некогда чуждая общественной морали идея, изначально отвергаемая, принимается массами и закрепляется в ее действиях.

Пере моделирование украинского сознания шло постепенно — от плавных разрывов «братских уз» славянских народов, союзных отношений Украины и России, постепенного разделения на «своих» и «чужих» к категорическому неприятию русских — «москалей», «колорадов», — сопровождаемому насильственными действиями.

Задолго до недавних трагических событий украинские ученые занимались поисками генетических и ментальных отличий украинцев от русских, доказывали близость своего народа с европейцами и даже тюрками. Подобные идеи дали обильные всходы во время последнего Майдана, в том числе в творчестве молодых поэтов, например в стихотворении украинской поэтессы Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями», которое прочитали миллионы пользователей Интернета.

Дальше антагонизм распространяется, переходит из сферы радикального в область возможного. Так, в марте 2014 г. в средствах массовой коммуникации появляется запись телефонного разговора Ю. Тимошенко с Н. Шуфричем, в котором на взволнованный вопрос последнего: «А что же будет с 8 млн русских в Украине, которые стали изгоями?» — Ю. Тимошенко дает недвусмысленный четкий ответ: «Их надо расстреливать из атомного оружия». И как отмечают эксперты, «неграмотное построение фразы — не применение атомного оружия, а „расстреливать“, говорит о подсознательном стремлении Тимошенко. Расстрелять. Налицо явный прогресс. Раньше она хотела обнести весь Донбасс колючей проволокой, а теперь хочет расстрелять. Причем Тимошенко ни секунды не колеблется» [Тимошенко угрожает: полная версия разговора].

В рядах участников организации, известной под названием «Правый сектор», всё сильнее звучат «знаменитые националистские кричалки» типа «Москалей на ножи», «Москаль, кацап!», «Хто не скаче, той москаль», «Москаляку — на гілляку!». Поначалу всё это выглядит веселой игрой. Затем происходит переход от слова к делу: идет публичное закрепление с «завуалированной подачи» киевской власти истребления «сепаратистов» и «террористов» Луганска, Донецка, Славянска, Одессы («Акция от Приватбанка — 10.000 \$ за москаля»).

Таким образом, ненавязчиво снимается табу на лишение жизни человека, прежде всего «москаля», который подлежит, в случае необходимости, ограничению в правах, изгнанию или даже уничтожению.

Во-вторых, для усиления сложившегося в сознании украинских граждан образа России как врага используется и языковая демагогия, репрезентируемая через коммуникативный принцип деления мира на «своих» и «чужих», что дает возможность говорящему формировать фантомный социум, к которому относится он сам. Подобный эффект создается за счет использования личного местоимения «мы» и его притяжательных и указательных форм:

*Никогда **мы** не будем братьями
ни по родине, ни по матери.
Духа нет у вас быть свободными —
нам не стать с вами даже сводными.*

*Вас так много, а, жаль, безликие.
Вы огромные, **мы** — великие.*

*да, у **нас** в сердце кровь горячая,
что ж вы **нам** за „родня“ незрячая?*

*А у **нас** всех глаза бесстрашные,
без оружия **мы** опасные.*

*У вас Царь, у **нас** — Демократия.
Никогда **мы** не будем братьями.*

В-третьих, идет сознательное дезинформирование украинского общества, сопровождаемое приемами манипулирования

(«экспрессивный удар», «правда — наполовину», «односторонность освещения события», «эффект правдоподобия», «будничные рассказы») для создания ложных страстей, эмоционального возбуждения в массах и управления ими в соответствии с необходимой для манипулятора тактикой. Так, в украинских СМИ появляется информация о том, что «процесс „отказа от гражданства России“ в Крыму превратился в механизм выявления и преследования крымчан, не лояльных к Москве» [В Крыму начались преследования отказников от паспортов РФ], что «после оккупации Россией Автономной Республики Крым полуостров покинуло более 7 тыс. крымских татар из-за „давления со стороны оккупантов“» [После оккупации Россией Крыма беженцами стали более 7 тыс. крымских татар], что «в Крыму в мечетях сидят эфэсбэшники, активистов Евромайдаана вызывают на допрос, а на улицах разгоняют малейшее подобие митингов» [Осауленко].

В-четвертых, российские и некоторые зарубежные СМИ отмечают, что на Украине идет мощнейшая пропагандистская кампания, сопровождаемая театрализованной шествиями молодых активистов-«националистов».

Всё это создает особые антироссийские настроения в массах, которые выплескиваются в журналистских текстах печатных украинских СМИ. Этим примечательна статья Юрко Космина «Росія їхньої мрії», в которой сформулирована основная мысль: «Росія — від вищих бюрократів до народних мас — хоче справжньої крові, справжнього нацизму зразка Сталіна-Гітлера. І в яких би думках не мріяв про це сам Владімір Владімірович, він за мільйонами своїх дбайливих учнів уже не встигає. Йому ще досі хочеться ручатися з іноземними лідерами, продавати газ Європі та вболівати за збірну Російської Федерації на олімпіадах та чемпіонатах світу з футболу — а росіяни вже готові відмовитися від усього цього заради теплого від крові мороку середньовіччя. І щойно це кухонне військо збагне, що фюрер їх зрадив, а омріяний російський рейх продовжує вабити своєю недосяжністю лише з телеекранів, вони неодмінно згадають простий рецепт витворення раю від Кісєльов-ТВ та донбаських „ополченців“.

Рейх почнуть будувати й без Путіна — принаймні, на відділки поліції з арсеналами вогнепальної зброї безкраї простори Російської Федерації багаті не менше, ніж на склади горілки та георгіївських стрічок» [Космин].

Как видим, приемы и методы информационно-психологической войны, правильно

используемые «самопровозглашенным» правительством Украины, и экстремистская риторика некоторых высокопоставленных лиц (А. Турчинова, А. Яценюка, Ю. Тимошенко, А. Гриценко) лишь усиливают экстремистские настроения по отношению к России. В итоге уже политики оказываются в какой-то мере заложниками сформированных настроений масс и собственной экстремистской риторики.

В заключение можно отметить, что на сегодняшний день на сайте Белого дома в США выставлена «Петиция об официальном признании России государством — спонсором терроризма». В этом документе говорится, что «Россия ведет необъявленную войну против Украины и организует тайные операции, которые попадают под определение „международного терроризма“ в уголовном законодательстве США» [Петиция о признании России спонсором терроризма досрочно набрала 100 тыс. голосов]. На 20 мая петиция собрала уже 100 028 голосов.

Как видим, именно в рамках информационно-психологической войны, проводимой Украиной по отношению к России на фоне вооруженного конфликта в Луганской и Донецкой народных республиках, информационная агрессия представляет собой угрозу эмоциональному и психологическому состоянию украинского общества, поскольку используемые приемы манипулирования, дезинформирования и пропаганды создают «демонический» образ России и провоцируют социальные, политические и этнические конфликты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая психологическая энциклопедия / под ред. Н. Дубенюк. — М.: Эксмо, 2007 // Словари онлайн: сайт. URL: http://slovarionline.ru/bolshaya_psihologicheskaya_entsiklopediya/page/agressiya.110/.
2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Инфра-М, 2007. URL: <http://pravo-slovar.narod.ru/a.htm>.
3. В Крыму начались преследования отказников от паспортов РФ — эксперты. URL: <http://fakty.ua/181992-v-krymu-nachalis-presledo-vaniya-otkaznikov-ot-pasportov-rf-eksperty> (дата обращения: 20.05.2014).
4. Горжалцан Е. Как заставить общество полюбить каннибализм. URL: <http://polemika.com.ua/article-136241.html> (дата обращения: 19.05.2014).
5. Ермакова Е. С. Информационная война как атрибут информационного общества: активизация медиафункции насилия над сознанием // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики : сайт. URL: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--gn12-02/403-a>.
6. Космин Ю. Росія їхньої мрії. 21.05.2014. URL: <http://lb.ua/news/2014/>

05/21/267176_rosiya_ihnoi_mrui.html (дата обращения: 21.05.2014).

7. Левитов Н. Д. Психологическое состояние агрессии // Вопросы психологии. 1972. № 6. С 168—173.

8. Осауленко М. «Когда я в интернате сказала, что хочу остаться гражданкой Украины, мне ответили: „Ты никто и зовут тебя никак“». URL: <http://fakty.ua/181647-kogda-ya-v-internate-skazala-chto-hochu-ostatsya-grazhdankoj-ukrainy-mne-otvetili-ty-nikto-i-zovut-tebya-nikak> (дата обращения: 20.05.2014).

9. Петиция о признании России спонсором терроризма досрочно набрала 100 тыс. голосов. 2014. 20 мая. URL: [http://nr2.com.ua/index.php/content/83-](http://nr2.com.ua/index.php/content/83-ukraina-i-evropa/475-petitsiya-o-priznanii-rossii-sponsorom-terrorizma-dosrochno-nabrala-100-tysyach-golosov)

[ukraina-i-evropa/475-petitsiya-o-priznanii-rossii-sponsorom-terrorizma-dosrochno-nabrala-100-tysyach-golosov](http://nr2.com.ua/index.php/content/83-ukraina-i-evropa/475-petitsiya-o-priznanii-rossii-sponsorom-terrorizma-dosrochno-nabrala-100-tysyach-golosov) (дата обращения: 20.05.2014).

10. После оккупации Россией Крыма беженцами стали более 7 тыс. крымских татар. URL: <http://fakty.ua/181794-posle-okkupacii-rossii-kryma-bezhenkami-stali-bolee-7-tys-krymskih-tatar> (дата обращения: 20.05.2014).

11. Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. статей. — Саратов : Колледж, 2003. С. 200—208.

12. Тимошенко угрожает: полная версия разговора. URL: <http://crimemalists.ru/archives/49104-noncrime> (дата обращения: 19.05.2014).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Ю. С. Томова
Москва, Россия

Y. S. Tomova
Moscow, Russia

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО
ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ
КРИЗИСНОГО СОБЫТИЯ**

**OUTLINING OF THE POSITIVE IMAGE
OF THE STATE
IN CASE OF CRISIS EVENT**

Аннотация. Вопрос формирования позитивного образа государства актуален с точки зрения внутренней и внешней политики каждой страны. Цель данной статьи заключается в сопоставлении образов России, Германии и США, формируемых в дискурсе лидеров этих государств. Методом исследования является сопоставление публикаций официальных сайтов президентов по поводу трагических событий, соотносимых по своей социальной значимости (два теракта и массовая давка на фестивале). Президенты Германии и США выступали с публичными обращениями, находили в событии положительную составляющую, связанную с утверждением традиционных ценностей и сплочением народа. Президент России не делал по поводу теракта публичного обращения, на своем сайте представлял ситуацию нейтрально, без явных призывов к сплочению на основе традиционных ценностей.

Abstract. The issue how to create the positive image of the state stays relevant both for the internal and the foreign policy of each government. The aim of this investigation is to compare the images of Russia, Germany and the USA that were created in the presidential discourses. The method of the study includes comparative analysis of the publications from the presidents' official Internet sites concerning three similar accidents (two acts of terrorism and fight at the festival). In their public addresses the presidents of Germany and the USA tried to find in the events positive elements usually connected with the manifestation of traditional values and the unity of people. The president of Russia did not make a public statement on the act of terrorism, on his web site he presented the situation neutrally without any appeals to unity on the basis of the traditional values.

Ключевые слова: образ государства; образ России; образ США; образ Германии; интернет-СМИ; президентская риторика.

Key words: image of the state; image of Russia; image of the USA; image of Germany; online mass-media; presidential rhetoric.

Сведения об авторе: Томова Юлия Сергеевна, аспирант, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, филологический факультет.

About the author: Tomova Yulia Sergeevna, Post-graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Philological Faculty.

Place of employment: Moscow State University.

Место работы: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Контактная информация: 119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й ГУМ, к. 955.
e-mail: yuliatomova@gmail.com.

Кризисная риторика как разновидность публичных выступлений президента начала активно развиваться в Америке в XX в., особенно в связи с возрастанием роли СМИ в общественной жизни (так, в период с 1945 по 1975 г. количество публичных речей увеличилось почти на 200 %) [Тазмина 2001: 33, 105]. Со временем роль риторики в представлении кризисного события укрепилась, и стало возможным говорить о том, что само кризисное событие создается риторически [Там же: 64].

Аргументация кризисной риторики ориентирована на объединение народа вокруг той политики, которую объявляет президент [Там же: 72]. Основной целью публичного выступления президента является снижение тревожности общества. Достижению данной цели способствует обращение к позитивному образу государства, который, помимо прочего, может удовлетворять информационные потребности людей, задавать систему

ценностей и формировать картину мира [Федякин 2009: 60].

На первый взгляд позитивный образ государства кажется второстепенным для выступлений по поводу кризисного события. Однако кризисные обращения являются составным элементом систематической государственной политики, для которой формирование позитивного образа государства является основной целью.

Задавшись целью проанализировать образы России, США и Германии, формируемые лидерами этих стран, мы отобрали материалы, в которых раскрываются три кризисных события, сопоставимых по общественной значимости:

1) взрывы в московском метрополитене 29 марта 2010 г., в результате которых погиб 41 человек, 88 были ранены;

2) массовая давка 24 июля 2010 г. на «Параде любви» в г. Дуисбурге (Германия),

в результате которой погиб 21 человек, пострадало более 500;

3) взрывы на финише бостонского марафона в США 15 апреля 2013 г., в результате которых погибли 3 человека, пострадали 264.

Являясь, безусловно, трагичными, данные события различаются по тональности: с одной стороны, перед нами террористический акт, являющийся выражением определенного политического протеста или фактом необоснованной жестокости (в России и США), с другой — массовая давка, ставшая следствием неэффективной организации мероприятия (в Германии). Подобное различие предполагает расстановку разных информационных акцентов.

Все три события произошли в период политической стабильности. Статистические данные показывают относительно равные показатели доверия к президентской власти: уровень доверия к президенту РФ Д. А. Медведеву — между 53 и 48 % (март — апрель 2010 г.), к президенту США Б. Обаме — 49—50 % (апрель 2013 г.), к президенту ФРГ К. Вульффу — 51 % (август 2010). Приведенные показатели доверия, одобрения являются относительными величинами, полученными в ходе исследований разными социологическими центрами в разных странах, и мы не сопоставляем эти данные между собой.

Источником материалов для анализа стали официальные интернет-страницы президентов. Выбор источника обусловлен следующими соображениями.

1. В условиях доступности большого объема информации создается «информационный шум», возникает проблема поиска достоверного источника информации. Именно характер содержания СМИ является решающим при выборе того или иного ресурса [Лукина 2013: 22].

2. Среди электронных источников политического дискурса официальный сайт президента является наиболее авторитетным, он служит для информирования аудитории об официальной позиции власти относительно того или иного события. Для нас важно, что материалы официального сайта президента государства позволяют проанализировать образ государства, свободный от комментариев и мнений журналистов, т. е. тот образ государства, который создает сама власть.

Отобранные материалы характеризуются жанровым разнообразием. Среди них есть обращения президентов, новости, интервью, стенограммы совещаний. Особое внимание мы уделяли наличию выступления президента перед широкой аудиторией, так

как своим выступлением он повышает значимость ситуации для общества.

Тема взрывов в московском метрополитене на официальном сайте президента России раскрывается в восьми публикациях: в пяти новостях, двух стенограммах совещаний и тексте одного документа (Указ Президента). С публичным обращением по поводу трагического события президент России Д. А. Медведев не выступал. То есть все его высказывания по теме произошедшего трагического события являются неподготовленными репликами. На сайте приводятся цитаты от первого лица, являющиеся ответными реакциями президента на доклады о происходящих событиях. Приведем несколько примеров: *Предотвращение таких террористических актов — это сложное дело, как и обеспечение безопасности на транспорте. Нужно существенно усилить то, что делается, посмотреть на эту проблему в государственном масштабе.* Кризисная ситуация описывается при помощи нейтральных знаков (*сложное дело*). В данном высказывании проявляется также стремление представить действия власти. Однако отсутствие деталей проводимой политики (не сказано, что конкретно делается и как это усилить), а также синтаксический строй предложения вместе с его лексической неполнотой (кем делается, кому нужно) препятствуют созданию какого-либо образа.

Стремление отразить деятельность органов власти присутствует и в других высказываниях президента: *Линия на подавление террора в нашей стране и борьбу с терроризмом будет продолжена. Мы продолжим и операции против террористов без колебаний и до конца.*

Данное высказывание построено с использованием классической для политического дискурса оппозиции «свой — чужой». Позиция «чужого» оформлена однородными членами, предполагающими перечисление. Однако однородными членами являются существительные *террор* и *терроризм*, близкие по лексическому значению, что делает синтаксическую распространенность избыточной.

Оппозиция «свой — чужой» развивается при помощи анималистической метафоры (*это просто звери*) и поддерживается эмоциональными обещаниями их наказать: *мы их найдём и всех уничтожим; дотла*. Стоит отметить, что подобные эмоциональные высказывания встречаются только в одной публикации, посвященной посещению президентом места событий.

Публикации из раздела «Новости» формируют о состоявшихся телефонных

разговорах или совещаниях. Эти сообщения нацелены на отражение процесса функционирования власти (руководители государственных структур докладывают, а президент дает поручения).

С точки зрения стилистики обращает на себя внимание частое использование клишированных выражений в информационно насыщенных предложениях, следующих сразу после заголовка публикации: Глава государства **поручил** <...> **держат** расследование терактов **на постоянном контроле** и **докладывать** <...>; Правительству **поручено оказать** необходимую **помощь** <...>; Дмитрий Медведев также **поручил усилить меры** безопасности <...>; Ранее руководители <...> **доложили** главе государства **о мерах по оказанию помощи** раненым и **ходе расследования** терактов в метро.

Большое количество устойчивых смыслообразующих компонентов приводит к содержательной предсказуемости новостных текстов. В рамках данного кризисного события коммуникацию президента России можно охарактеризовать как ритуальную в том смысле, что сам факт публикации имеет большее значение, чем ее содержание.

В целом официальный сайт президента России функционирует как информационное агентство: обновление новостей происходит оперативно; сами публикации краткие; ситуация оценивается преимущественно нейтрально (*сложное дело; расследование; меры безопасности; проблема*); при оформлении информационно насыщенных предложений используются клишированные выражения; высказывания от первого лица приводятся только в стенограммах совещаний; обращение президента отсутствует. Характер трагической ситуации требует от руководителя государства коммуникации, и она осуществляется, но ее содержание не способствует укреплению позитивного образа государства. Свидетельством неэффективности данной коммуникации могут являться и социологические показатели: уровень одобрения деятельности президента РФ существенно снизился с 53 % в марте до 48 % в апреле (по данным Левада-центра).

Для представления о вариативности реализации образа государства в рамках кризисного события обратимся к материалам официального сайта президента Германии.

Трагическая тема давки на музыкальном фестивале в Германии отражена в десяти публикациях, среди которых пять новостей, три интервью и два публичных выступления президента. Официальный сайт президента Германии в рамках анализируемого события функционирует как многожанровый ресурс: на

сайте представлены и нейтральные по модальности новости, и перепечатки интервью президента, опубликованных в других изданиях, и тексты его официальных обращений.

Большая часть высказываний президента реализует основную функцию кризисной риторики — снижение тревожности общества. Ритуальные по содержанию и разнообразные по форме выражения утешения основаны на идее сплочения: *...in der Not stehen wir **zusammen**. Ihr seid in eurer Trauer **nicht allein**. — ... в беде мы **объединяемся**. В вашем горе вы **не одиноки**.*

Идея сплочения подкрепляется идеей общей ответственности. С одной стороны, ответственность представляется как необходимость поиска виновных в происшествии: *...ich auf eine **lückenlose Aufklärung** hoffe, und diejenigen, die **Fehler gemacht haben**, sollten dafür auch die **Verantwortung übernehmen**. — ...я надеюсь на **исчерпывающее расследование**, и те, кто совершил ошибку, должны будут **взять на себя ответственность**.* В данном примере мы можем наблюдать, что президент опасается проявлять активную агональность в отношении виновных в происшествии и осторожно определяет их как тех, «кто совершил ошибку».

С другой стороны, ответственность определяет сплочение граждан для оказания помощи пострадавшим: *Trauerarbeit braucht **Gemeinschaft**. — **Скорбь требует единения**.*

С точки зрения функциональной типологии знаков политического дискурса в данном случае мы наблюдаем проявление семиотической интеграции, которая обладает положительной эмотивностью. Однако сами высказывания реализуют ритуальную функцию и являются ожидаемой реакцией на трагическое событие. Обратим внимание на те особенности президентской коммуникации, которые способны повлиять на формирование позитивного образа государства.

Трагедия на фестивале оценивается как катастрофа, но при этом отсутствует нагнетание оценок с негативным смыслом. Вместо этого в оценке произошедшего события акцентируется роль помощников, оказавших первую помощь пострадавшим, а само происшествие президент предлагает обозначить синонимом добровольной помощи: *Es wäre richtig, wenn Duisburg auch zum **Synonym für spontane und rettende Hilfe vieler Hunderter Menschen würde**. — Было бы верным, если бы Дуисбург стал **синонимом спонтанной и спасительной помощи сотням людей**.*

Этой параллелью стремление переориентировать аудиторию на положительные эмоции не ограничивается. Президент

Вульффф часто обращается к традиционным ценностям: национальной культуре и традициям, толерантности, философскому осмыслению жизни и смерти. Подобная регулярность в обращении к ценностям свидетельствует о положительной эмотивности высказываний президента и его нацеленности на сплочение аудитории. Таким образом, можно заключить, что коммуникация президента Германии в связи с кризисным событием реализует функцию интеграции общества.

Как показали примеры, высказывания президентов по поводу кризисного события могут быть по-разному организованы и начинаться разным намерением. Однако представление о вариативности кризисной президентской коммуникации было бы неполным без анализа речевой деятельности президента США. Как было указано выше, американская президентская риторика давно использует понятие кризиса для провозглашения президентской политики. Проследим, какие лингвистические особенности характеризуют высказывания президента Б. Обамы по поводу взрывов на финале марафона в Бостоне.

Данная тема послужила поводом для пяти публичных выступлений президента США. На официальном сайте эти выступления анонсируются и цитируются в форме авторского блога, в других разделах можно ознакомиться с текстом, аудио- или видеозаписью самого выступления.

Комплексное представление информации с учетом разных каналов восприятия (визуального, аудиального, аудиовизуального) позволяет сделать ее доступной для максимального количества людей. Эта особенность соотносится с разнообразными запросами интернет-аудитории.

Принцип организации и представления информации позволяет нам предположить наличие большего потенциала для привлечения внимания аудитории по сравнению с официальными ресурсами президентов РФ и ФРГ. Для того чтобы понять, как реализуется этот потенциал, обратимся к содержанию выступлений.

В обращениях Б. Обамы произошедшее событие представляется через призму личного опыта: *Like you, Michelle and I have walked these streets. Like you, we know these neighborhoods. And like you, in this moment of grief, we join you in saying: Boston, you're my home. For millions of us, what happened in Monday is personal. It's personal.* — *Как и вы, я с Мишель ходил по этим улицам. Как и вы, мы знаем эти окрестности. Как и вы, в горестные минуты мы вместе говорили: „Бостон, ты мой дом“. Для миллионов*

из нас то, что случилось в понедельник — личное. Это личное.

При помощи анафоры президент соотносит себя с обычными людьми, а сложная синтаксическая структура подчеркивает, что траур по жертвам взрывов — его личное переживание. Несмотря на то что данное высказывание нацелено на утешение, оно отличается от традиционных ритуальных формул.

Будучи представителем не только американского народа, но и американской власти, Б. Обама не ограничивается выражением эмоциональных переживаний и сочувствия, он дает обещание найти и наказать по закону виновных: *...we will get to the bottom of this. And we will find out who did this; we'll find out why they did this. Any responsible individuals, any responsible groups will feel the full weight of justice.* — *...мы доберемся до сути. Мы узнаем, кто это сделал, мы узнаем, почему они это сделали. Любое ответственное лицо, любые ответственные группы ощутят всю тяжесть правосудия.* Президент не отделяет себя от представителей власти, которые должны осуществлять расследование: многократное использование личного местоимения 1 л. мн. ч. подчеркивает вовлеченность всех представителей власти в расследование и их общую ответственность.

We continue to mobilize and deploy all appropriate law enforcement resources to protect our citizens, and to investigate and to respond to this attack. — *Мы продолжаем мобилизовать и использовать все соответствующие ресурсы для того, чтобы защитить наших граждан, провести расследование и ответить на эту атаку.*

При помощи однородных глаголов передается деятельность, осуществляемая властью как реакция на произошедшее событие. При этом выбрана такая форма представления информации, что президент сам сообщает о проводимых действиях своей аудитории — народу. Вовлеченность президента в деятельность по расследованию произошедшего и защите граждан также выражается личным местоимением «мы».

Произошедшее событие Б. Обама определяет как *гнусный и малодушный акт (a heinous and a cowardly act), акт терроризма (an act of terrorism).*

Президент Б. Обама положительно оценивает деятельность полиции, ФБР и представителей местной власти (*величайшие подвиги — the tremendous acts of heroism*), он поощряет не только деятельность в рамках конкретного происшествия, а вечные ценности: доброту, щедрость и любовь (*kindness, generosity and love*).

Отдельное выступление президента посвящено чествованию волонтеров: *The main message... is just to say how proud the whole country is of you... how grateful we are...* — *Основной посыл... — просто сказать, как сильно вся страна гордится вами... как мы благодарны...*

Таким образом, количество знаков агрессии (агональности) по отношению к преступникам существенно уступает количеству знаков интеграции, используемых для характеристики традиционных ценностей, описания действий власти и волонтеров. Основными ценностями, актуализируемыми при реакции на кризисное событие, являются независимость государства, его безопасность, справедливость (обоснованная не только юридически, но и морально — с опорой на Священное Писание), а также высшая ценность — патриотизм и национальное единение.

Как показало исследование, несмотря на различные смысловые акценты трагических событий, произошедших во время фестивалей в Германии и марафона в США, президенты этих государств придерживаются сходной модели формирования образа государства в условиях кризиса. В обоих случаях находится положительная составляющая события (деятельность волонтеров, государственных служащих), которая акцентируется в восприятии трагической ситуации как проявление лучших человеческих качеств — традиционных ценностей общества. Оба президента выступали с публичными обращениями, что также повышает статус события.

Схожая кризисная ситуация в России не стала поводом для обращения президента,

поэтому анализ осуществлялся на материале новостей, спонтанных высказываний президента в ходе совещаний и других мероприятий. В целом на официальном сайте президента России кризисная ситуация представляется с помощью нейтральных знаков; обращение к традиционным ценностям и проявление намерения сплотить аудиторию в явной форме не представлены.

ИСТОЧНИКИ

1. *Официальный сайт президента Германии*. URL: <http://www.bundespraesident.de/> (дата обращения: 01.09.2013).
2. *Официальный сайт президента России*. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 01.09.2013).
3. *Официальный сайт президента США*. URL: <http://www.whitehouse.gov/> (дата обращения: 01.09.2013).
4. *Социологические исследования Левада-центра*. URL: <http://www.levada.ru/> (дата обращения: 01.05.2014).
5. *Социологические исследования Infratest Dimap*. URL: <http://www.infratest-dimap.de/> (дата обращения: 01.05.2014).
6. *Социологические исследования Gallup*. URL: <http://www.gallup.com/> (дата обращения: 01.05.2014).

ЛИТЕРАТУРА

7. *Лукина М. М.* Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2013.
8. *Тазмина А. Т.* Проблемы современной американской президентской риторики. — Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2001.
9. *Федякин А. В.* Зарубежный опыт политики формирования позитивного образа государства: сравнительный анализ теории и практики. — М. : МИИТ, 2009.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. Н. Кузнецов.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27; 16.41.21

Код ВАК 10.02.05

А. О. Уржумцева А. O. Urzhumtseva
Москва, Россия Moscow, Russia

**УКРАИНА, РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ
В НОЯБРЕ 2013 ГОДА:
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СТРАН
И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В ИСПАНСКОЙ ГАЗЕТЕ «ЭЛЬ ПАИС»**

Аннотация. Рассматриваются материалы электронной версии крупнейшей испанской газеты «Эль паис» (*El País*) за ноябрь 2013 г. Выявляются и анализируются метафоры, создающие образ Украины, России и Европейского союза и их взаимоотношений в связи с обсуждением возможности подписания Украиной «Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС». Отношения между Россией и Евросоюзом характеризуются как война, холодная война, столкновение, битва, сражение, борьба за Украину. Украина при таком взгляде оказывается за счет человеческих и природных ресурсов трофеем или желанной невестой. Инициатором столкновения, оказывающим давление и устраивающим экспансию, называется Россия.

Ключевые слова: Украина; Россия; Евросоюз; метафора; образ; политическая лингвистика.

Сведения об авторе: Уржумцева Анна Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иберо-романского языкознания, филологический факультет.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Контактная информация: 119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ, 1-й ГУМ, к. 1058.
e-mail: aurzhumtseva@yahoo.com.

**UKRAINE, RUSSIA, EUROPEAN UNION
AND THEIR RELATIONSHIPS
IN NOVEMBER OF 2013:
METAPHORICAL MODELS
IN THE SPANISH NEWSPAPER “EL PAÍS”**

Abstract. The article discusses the use of metaphors in publications on Ukraine by top Spanish newspaper *El País* in November of 2013. The metaphors analyzed are the ones that helped to create certain public images of Ukraine, Russia, and the European Union during negotiations related to Ukraine-EU Association Agreement. The relationships between Russian and the EU are characterized as war, cold war, conflict, fight, battle, fight for Ukraine. Ukraine appears to be a trophy or a wanted bride because of the human and natural resources. Russia is presented as the party initiating the conflict, pushing and seeking expansion.

Key words: Ukraine; Russia; European Union; metaphor; public images; political linguistics.

About the author: Urzhumtseva Anna Olegovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Ibero-roman Linguistics, Philology Faculty.

Place of employment: Moscow State University.

Метафора является одним из способов обозначения объекта, и еще Аристотель обращал внимание на неизбежность метафоры в непоэтической речи, выделяя тем самым ее номинативную, а не экспрессивную роль: «Слова общеупотребительные, принадлежащие родному языку, метафоры — вот единственный материал, полезный для стиля прозаической речи» [Аристотель 2013: 270].

Вместе с тем известно, что тот или иной способ именованного объекта адресантом способен создавать специфический образ этого объекта в сознании адресата, формировать отношение последнего к обсуждаемой теме и, следовательно, влиять на его поступки. И здесь также нельзя не вспомнить Аристотеля: «...неверно утверждение Брисона, будто нет ничего дурного в том, чтобы одно слово употребить вместо другого, если они значат одно и то же. Это ошибка, потому что одно слово более употребительно, более подходит, скорей может представить дело перед глазами, чем другое. Кроме того, и разные слова представляют

предмет не в одном и том же свете, так что и с этой стороны следует предположить, что одно [слово] прекраснее или безобразнее другого» [Аристотель 2013: 272—273].

При метафорическом обозначении объекта ему могут быть приписаны новые свойства, поскольку «если обычный контекст детерминирует слово внутри его значения, то детерминация при метафорическом контексте происходит вне значения» [Вайнрих 1987: 67]. Дж. Лакофф и М. Джонсон в связи с этим пишут: «Системность, благодаря которой мы можем осмысливать некоторые аспекты одного понятия в терминах другого понятия, <...> по необходимости затемняет другие аспекты данного понятия. Позволяя нам сосредоточиться на одном аспекте понятия, <...> метафорическое понятие может мешать сосредоточиться на других аспектах этого понятия, несовместимых с соответствующей метафорой» [Лакофф, Джонсон 1990: 392].

Таким образом, метафорическое обозначение объекта способно а) изменять и дополнять окружающее его понятийное по-

ле, б) выделять определенные аспекты связанного с ним понятия и скрывать другие. А поскольку «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Лакофф, Джонсон 1990: 387], эти свойства метафоры используются в политической речи для создания у адресата определенного образа интересующего адресанта объекта и стимулирования соответствующей деятельности адресата.

Материалом настоящего исследования стали публикации электронной версии крупнейшей испанской газеты «Эль паис» (El País) за ноябрь 2013 г., а объектом — 1) метафоры, концептуализирующие отношения Украины, России и Европейского союза в связи с обсуждением возможности подписания Украиной «Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС» на Вильнюсском саммите Восточного партнерства 28—29 ноября 2013 г., а также последовавших событий на Украине; 2) языковой образ Украины и России, формируемый испанскими журналистами. Такое исследование позволяет проследить динамику языковых образов России, Украины и ЕС, создаваемых в испанской прессе, а также сопоставить различные стадии развития политической ситуации с коммуникативными задачами, которые решают испанские журналисты.

В ноябре 2013 г. на официальном сайте газеты «Эль паис» появилось 24 материала, отмеченных ключевым словом «Украина» / «Ucrania» (еще в октябре был всего один такой материал). Автор четырнадцати материалов (одного — в соавторстве с Г. Тихим) — корреспондентка газеты в Москве Пилар Бонет (далее — Р. В.). Три материала принадлежат перу Андреа Рицци (А. Р.) и по одному — агентству ЭФЕ (EFE), политическому обозревателю Жорди Вакеру (J. V.), корреспондентке в Брюсселе Лусии Абельян (L. А.), спортивным обозревателям Эдуардо Родригалваресу (E. R.) и Жорди Кицано (J. Q.), а также автору письма в разделе «Письма главному редактору» Алексу де Дьос Лонгасу (А. Д.). Кроме того, на сайте газеты в это время был размещен фоторепортаж с митингов в Киеве. Сразу отметим, что рассмотрение спортивных материалов оказалось нерелевантным для наших выводов, поскольку в заметке Ж. Кицано о футбольном матче между командами Украины и Франции упоминаний о политике не было вовсе, а параллели между политикой и спортом, которые пытался провести Э. Родригалварес, освещая футбольную встречу донецкого «Шахтера» и испанского «Реал Сосьедад», представляются неясными.

В остальных проанализированных материалах отношения России и Евросоюза в связи с возможностью подписания Украиной Вильнюсского соглашения называются «войной», «холодной войной» (guerra, guerra fría), «столкновением» (pulso), «битвой / сражением / борьбой (за Украину)» (batalla / pelea / pugna por Ucrania; liza). Приведем примеры: *Россия и ЕС развязывают новую **холодную войну** / Rusia y la UE libran otra guerra fría* [Р. В., 01.11.13]; *обе стороны утверждают, что варианты развития ситуации, за которые идет **борьба**, несовместимы / ambas partes afirman que las opciones en liza son incompatibles* [Р. В., 01.11.13]; *в Киеве слышится критика в адрес Евросоюза из-за того, что в ЕС не сумели понять стратегический характер **битвы за Украину** / en Kiev se alzan voces críticas con la UE por no haber sabido comprender el carácter estratégico de la batalla por Ucrania* [Р. В., 28.11.13]; *Россия выигрывает у ЕС **битву за Украину** / Rusia gana a la UE la batalla de Ucrania* [А. Р., 29.11.13]; *столкновение двух миров происходит в эти дни в Вильнюсе, столице Литвы... Но то, что должно было стать дипломатическим праздником по случаю нового продвижения границ Запада, превратилось в **бескровную битву** между Россией и ЕС / Un choque de mundos se produce estos días en Vilna, la capital de Lituania... Pero la que iba a ser una fiesta diplomática que saludaría un nuevo avance de la frontera del Oeste se ha convertido en una incruenta batalla entre Rusia y la UE* [А. Р., 29.11.13].

Соответствующим образом описываются действия сторон: «бороться» (luchar), «сражаться» (pugnar), «победить» (triunfar, ganar, sumar una victoria), «отвоевать» (reconquistar), «пробить брешь» (abrir una brecha), «проиграть» (perder), «пасть, сдаться» (sucumbir, ceder), «капитулировать» (capitular): *Москва и Брюссель **сражаются** за влияние на постсоветские страны / Moscú y Bruselas pugnan por proyectar su influencia sobre países postsoviéticos* [Р. В., 01.11.13]; *ЕС **борется** за **отвоевание Востока** / La UE lucha para **reconquistar** el Este* [А. Р., 29.11.13]; *Украина захлопнула дверь перед ЕС и **пробила брешь** в европейской внешней политике / El portazo ucranio a la UE abre una brecha en la política exterior europea* [L. А., 22.11.13]; ***победа** Владимира Путина в этой битве ставит в затруднительное положение всю европейскую дипломатию / la victoria de Vladímir Putin en esta batalla pone en aprietos a la diplomacia europea* [L. А., 22.11.13]; *за последние два месяца Кремль одерживает очередную значительную политическую **победу** на международной арене*

не / el Kremlin suma otra gran victoria política en la escena internacional en cuestión de tan solo dos meses [A. R., 29.11.13]. В других примерах, приводимых ниже, также выделены военные метафоры.

Какая роль в этой метафорической войне отводится Украине? Оказывается, что Украина ценна своими людскими и природными ресурсами: *Последние сражения в регионе, в котором проживают 75 миллионов человек (Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина) и который очень важен в отношении энергоснабжения, не были удачными для ЕС. Но война еще не проиграна / Las últimas batallas — en una región que agrupa a 75 millones de personas (Armenia, Azerbaiyán, Bielorrusia, Georgia, Moldavia y Ucrania) y muy importante en la estrategia de suministros energéticos— no han ido bien para la UE. Pero la guerra no está perdida todavía* [A. R., 29.11.13]. Другие журналисты отмечают и символическую ценность Украины: *Самой желанной целью для обеих сторон, России и ЕС, является Украина, не только из-за своих размеров и стратегического положения, но и из-за неоценимого символического значения / El objetivo máspreciado por ambos lados, Rusia y UE, es Ucrania, no solo por su tamaño y posición estratégica, sino también por su incomparable valor simbólico* [J. V., 11.11.13]. Еще один пример: *Расположенная в сердце Европы, Украина на сегодняшний день — желанная для Брюсселя и Москвы земля. Для начала, ее 45 миллионов жителей, среди которых большое число высококвалифицированных специалистов, и ее площадь более чем в 603 тысячи квадратных километров — два весомых аргумента в войне, в которой экономические факторы (большой рынок и основная страна транзита газа и нефти из России в Европу, среди прочих) смешиваются с политическими и геополитическими, культурными и психологическими интересами участников в не всегда простых для определения мерах / Situada en el corazón de Europa, Ucrania es hoy una pieza codiciada por Bruselas y por Moscú. Para empezar, sus 45 millones de habitantes, entre los que abundan los especialistas altamente cualificados, y su superficie de más de 603.000 kilómetros cuadrados son dos argumentos de peso en una pugna donde los factores económicos (gran mercado y principal país de tránsito de gas y petróleo de Rusia a Europa, entre otros) se mezclan con los razonamientos políticos y geopolíticos, culturales y psicológicos de los diferentes actores, en dosis no siempre fáciles de analizar* [P. B., 25.11.13].

Из анализа испанских текстов явствует, что в описываемом столкновении интересов России и Евросоюза Украине отводится пассивная роль, роль награды. Как видно из приведенных выше примеров, Украина практически не участвует в активных действиях, но действия ведутся ради нее («битва за Украину»). Украина (или, по метонимическому переносу, Киев) называется *самой желанной землей Востока / la pieza más codiciada del Este* [P. B., 25.11.13], *самым лакомым куском бывшей империи / el más jugoso pedazo del antiguo imperio* [A. R., 29.11.13], *жемчужиной Востока / Kiev, la perla del Este* [A. R., 29.11.13], *самой желанной целью в столкновении, в котором меляются силами и выясняют свою влияние две державы континента / Ucrania es el objeto máspreciado de un pulso que mide la fuerza de las dos potencias del continente y su capacidad de proyección* [A. R., 29.11.13].

Стоит отметить, что П. Бонет несколько раз называет Украину центрально-, а не восточноевропейским государством, тем самым словно приближая ее к Западной Европе: *Соглашение об ассоциации с Украиной, укладываемое в рамки политики Восточного соседства Брюсселя, предполагает компромисс Киева с ЕС не только в экономических и торговых вопросах, но и в вопросах работы политических институтов и развития демократии в этой важной центральноевропейской стране, соседствующей с Россией и имеющей 46 миллионов жителей / el Tratado de Asociación con Ucrania, que se enmarca en la política de vecindad oriental de Bruselas, supone un compromiso de Kiev con la UE, no solo en lo económico y comercial, sino también sobre el funcionamiento de las instituciones políticas y el desarrollo de la democracia en este importante país centroeuropeo vecino de Rusia y poblado por 46 millones de habitantes* [P. B., 07.11.13]; *Отголоски Холодной войны еще порождают дилеммы в Центральной Европе. Куда хотят идти украинцы? / Los vestigios de la Guerra Fría aún plantean dilemas en Centroeuropa. ¿Adónde quieren ir los ucranios?* [P. B., 22.11.13]. Эти географические обозначения можно соотнести с планами по продвижению границ Запада на восток, о которых пишет А. Рицци (см. цитату выше) и, следовательно, смещению географического центра Евросоюза.

Украина уподобляется также завидной невесте, чьей благосклонности добиваются многие и которая сбежала с венчания прямо перед алтарем: *политик, летом принимавший в гостях Владимира Путина, когда тот приезжал в Киев, чтобы соблазнить*

Украину / *un político que en verano fue anfitrión del presidente ruso Vladímir Putin, cuando este acudió a Kiev a seducir a Ucrania* [P. B., 22.11.13]; **Канцлер Германии Ангела Меркель** *заверила накануне саммита, что Европа по-прежнему протягивает руку Украине, хотя та не слишком дипломатично застыла в нескольких метрах от алтаря* / *la canciller alemana, Angela Merkel, aseguró en declaraciones en vísperas de la cumbre que la mano seguirá tendida hacia Ucrania pese al poco diplomático plantón a pocos metros del altar* [A. R., 28.11.13]; **На прошлой неделе Украина** *решила заморозить подписание соглашения, которое привязало бы Киев к Западу без гарантий присоединения к ЕС. Самая желанная невеста* *остановилась в нескольких метрах от алтаря* / *La semana pasada, Ucrania decidió congelar la firma de su acuerdo, que habría anclado Kiev al Oeste sin llegar a prometer la adhesión a la UE. La novia más deseada se paró a pocos metros del altar* [A. R., 29.11.13].

По мнению испанских журналистов, от такого брака Украины и Евросоюза выиграет не только последний, но и Россия: **Для самых восточных стран ЕС, таких, как Польша или страны Балтии, включить Украину в свой клуб — значит заклясть опасность, которая, по их мнению, еще исходит из России, потому что интеграционные проекты Москвы будут хромать без Украины. В дальнейшем Украина, которая разовьет демократические институты и гарантирует независимость судей, сможет влиять на Россию и способствовать ее модернизации** / *Para los países más orientales de la UE, como Polonia o el Báltico, tener a Ucrania en el club es una forma de conjurar desde su punto de vista el peligro que todavía creen percibir en Rusia, porque una asociación integradora de Moscú se queda coja sin Ucrania. A la larga, una Ucrania que desarrolle instituciones democráticas y garantice la independencia de los jueces podría influir en Rusia y contribuir a la modernización de este país* [P. B., 25.11.13].

Антагонистом стран Евросоюза в метафорической борьбе на страницах испанской газеты является, как становится ясно из приведенных примеров, Россия. Ж. Вакер определяет причины противостояния так: **Для русских связь с этими странами существует не только на уровне чувств или как фактор международной значимости, она важна и для внутренней политики: в частности, плюралистическая Украина — это окно, через которое во все более авторитарную Россию постоянно будут сквозить ветры открытости. Любой ценой**

заставить сойти с рельсов европеизацию этих стран, в особенности Украины, — это вопрос выживания в долгосрочной перспективе для выстроенной Путиным системы / *Para los rusos el vínculo con estos países no es solo sentimental o un factor de peso internacional, sino también política doméstica: una Ucrania plural, en particular, es una ventana por la que nunca dejarán de colarse vientos de apertura en una Rusia cada vez más autoritaria. Hacer descarrilar a toda costa la europeización de estos países, en particular de Ucrania, es cuestión de supervivencia a largo plazo para el sistema que Putin ha puesto en pie* [J. V., 11.11.13].

Россия описывается как амбициозное империалистическое государство (*el gigante ruso* — «русский гигант», по определению Л. Абельян), желающее подчинить себе соседей: **феодалное давление России — это лишь геостратегическая сторона проблемы, как ее понимает Кремль** / *la avasalladora presión rusa es solo la faceta geoestratégica del problema tal como es percibido por el Kremlin* [P. B., 07.11.13]; **пока Евросоюз готовит на 28 и 29 ноября в Вильнюсе саммит Восточного партнерства (Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина), Москва пытается всеми средствами расстроить отношения ЕС с каждой из этих стран и привлечь последних к своему новому проекту гегемонии, Евро-Азиатскому экономическому союзу** / *mientras la Unión Europea prepara para el 28 y 29 de noviembre una cumbre en Vilna con los países de la Asociación Oriental (Armenia, Azerbaiyán, Bielorrusia, Georgia, Moldavia y Ucrania), Moscú intenta por todos los medios hacer descarrilar las relaciones de la UE con cada uno de esos países y atraerles a su nuevo proyecto hegemónico, la Unión Económica Euroasiática* [J. V., 11.11.13]; **у Москвы есть глобальные амбиции, она пытается изменить правила игры, которые обернулись против нее при распаде советской империи. Украина считает себя региональной державой и пытается противостоять „старшему брату“, который зачастую рассматривает ее не как независимый объект, но как собственную часть тела** / *Moscú tiene ambiciones globales y trata de redefinir las reglas de juego que se volvieron en contra de ella al desmembrarse el imperio soviético; Ucrania se ve a sí misma como una potencia regional y se autoafirma ante las presiones del “hermano mayor”, que a menudo no la considera un ente independiente, sino como una parte de su propio cuerpo* [P. B., 22.11.13]; **восстановление связей между странами Советского**

Союза — приоритет внешней политики Путина, вписывающийся в традиции царской России. Из-за своего географического положения, размера и уровня развития Украина является базовым элементом этого **неоимпериалистического** проекта / *el restablecimiento de los vínculos entre los territorios de la Unión Soviética es la gran prioridad de la política exterior de Putin, que se inscribe en las tradiciones de la Rusia zarista. Por su situación geográfica, su tamaño y su nivel de desarrollo, Ucrania es un elemento clave en este proyecto neoimperial* [P. B., 28.11.13].

Отношение России к Украине многократно характеризуется на страницах газеты «Эль паис» как «интенсивное/растущее давление» (*intensas presiones, creciente presión*), «жесткое и унижающее давление» (*duras y humillantes presiones*), «возможные репрессии» (*posibles/probables represalias*), «серьезные/экономические/торговые репрессии» (*serias represalias, represalias económicas/comerciales*), «угрозы» (*amenazas*), «ограничение» (*restricción*), «навязывание» (*imponer*): *Митинг... продолжился после саммита ЕС в Вильнюсе, на котором президент Украины, Виктор Янукович, отступил перед давлением России, не подписал Соглашение об ассоциации и Договор о свободной торговле, которые несколько лет обсуждались Украиной и ЕС / el mitin... había continuado después de la cumbre de la UE en Vilna, en la cual el presidente de Ucrania, Víctor Yanukóvich, sucumbiendo a las presiones rusas, no firmó el tratado de asociación y el acuerdo de libre comercio negociados durante años por Ucrania con la UE* [P. B., 30.11.13]; *Россия оказала растущее давление на страны, которые она претендует удержать в своей орбите, посредством установления препятствий торговле, ужесточения своей позиции по энергоснабжению или напоминая о партнерстве в военной сфере / Rusia ha aplicado una creciente presión sobre los países que pretende retener en su órbita en forma de trabas al comercio, endureciendo su posición en materia de suministros energético o haciendo valer su condición de socio en el sector armamentístico/militar* [A. R., 28.11.13]; *вероятно, ЕС, принимая во внимание предсказуемые репрессивные меры со стороны России, должен бы был предложить Киеву большие гарантии / quizá la UE podría haber ofrecido a Kiev mayores garantías ante las previsibles represalias rusas* [A. R., 29.11.13].

Россия представляется испанскими журналистами как инициатор столкновения: *Россия предприняла беспрецедентную кампанию для удержания Украины в своей*

сфере влияния / Rusia ha emprendido una campaña sin precedentes para retener a Ucrania en su ámbito de influencia [P. B., 01.11.13]; *Ангела Меркель ... пригласила Россию преодолеть исключющую логику холодной войны / Angela Merkel... invitó a Rusia a superar las lógicas excluyentes de la guerra fría* [A. R., 28.11.13]. Интерес Москвы к бывшим советским республикам представляется испанскими журналистами как неестественный и рассматривается как попытка вмешаться в не касающиеся ее политические процессы: *Москва пытается заставить сойти с рельсов отношения ЕС с бывшими советскими республиками в Азии / Moscú intenta hacer descarrilar las relaciones de la UE con las repúblicas exsoviéticas de Asia* [J. V., 11.11.13]. Политические действия России в ноябре 2013 г. представляются как нечестные и незаконные, они называются «шантажом», «маневрами», попытками «закогтить» добычу, «нападением» (*chantaje, maniobras, zarpazos, ofensiva*): *Страны-члены востока Евросоюза, естественно, более остро реагируют на попытки русских закогтить добычу / los miembros del Este de la UE interiorizan naturalmente con mayor intensidad los zarpazos rusos* [A. R., 29.11.13]; *Европа непобедима в переговорах в шелковых перчатках, но с трудом ориентируется в области шантажа / Europa es imbatible en las negociaciones de guante de seda, pero se maneja con dificultad en el chantaje* [L. A., 22.11.13]. В таком контексте противодействие России должно представляться естественным и справедливым: *Данный эпизод обязывает страны ЕС пересмотреть одну из главных наметившихся политических задач — укрепление связей с восточными соседями и консолидацию перед лицом российской тирании / el episodio obliga a los Estados miembros a reconsiderar uno de los principales retos internacionales que se habían marcado: estrechar lazos con los vecinos del Este y consolidarse como alternativa a la tiranía rusa* [L. A., 22.11.13]. Испанские журналисты полагают, что Украину от России нужно «спасать»: *президент Янукович назвал цену за спасение Украины от России / el presidente Yanukóvich pone precio a rescatar a Ucrania de Rusia* [P. B., 28.11.13]. Притязания на особые отношения с Украиной в случае России представляются на страницах испанской газеты как неоправданные и несправедливые, а в случае Евросоюза — как естественные и законные: *Евросоюз прибыл на саммит раненым, и борется здесь за то, чтобы вернуть потерянное / la Unión llegó a la cita malherida,*

y lucha aquí para recuperar el terreno perdido [A. R., 29.11.13].

Итак, отношения России и Евросоюза в ноябре 2013 г. концептуализируются журналистами газеты «Эль паис» преимущественно в метафорах войны. Украина метафорически описывается как награда победителю в этой войне (богатые земли, драгоценность, невеста), России отводится роль агрессора, который руководствуется империалистическими амбициями, а Евросоюзу — благородного защитника. Интересы Евросоюза представлены в газете в идеологическом и практическом планах. С одной стороны, из статей должно становиться понятно, что включение Украины в сферу влияния Евросоюза будет способствовать прогрессу Украины и даже России, с другой стороны, испанские

журналисты объясняют своим читателям и практическую пользу такого включения для ЕС, неоднократно упоминая о богатых природных и людских ресурсах Украины.

ИСТОЧНИКИ

1. *El País*. URL: <http://www.elpais.com>.

ЛИТЕРАТУРА

2. *Аристотель*. Риторика // Поэтика. Риторика / пер. с др.-греч. В. Апеллерота, Н. Платоновой. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2013.

3. *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М. : Прогресс, 1987. С. 44—87.

4. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. С. 387—415.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

В. Д. Черняк, Н. А. Румянцева
Санкт-Петербург, Россия

V. D. Chernyak, N. A. Rumyantseva
St. Petersburg, Russia

**ПОЛЕ «АНТИЧНОСТЬ»
В СОВРЕМЕННОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**THE FIELD "ANTIQUITY"
IN THE MODERN
POLITICAL DISCOURSE**

Аннотация. Рассматривается использование элементов лексико-семантического поля «Античность» в современном политическом дискурсе. На материале Национального корпуса русского языка показаны особенности метафорического использования слов-мифологем, давно получивших в русском языке переносное значение, фразеологизмов, связанных с античностью (в том числе с мифами Древней Греции), и прецедентных имен собственных. Высокая частотность использования соответствующих слов способствует превращению их в штампы газетного стиля. На конкретных примерах показано, как в контексте реализуется когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая функции политической метафоры.

Abstract. The article covers the elements of the lexico-semantic field "ANTIQUITY" and their usage in the modern political discourse. Being based on the material of the Russian National Corpus the article presents the metaphorical usage of mythologemas, which got their figurative meaning in Russian, idioms and proper nouns related to Antiquity (including Ancient Greece myths) and precedent proper names. The frequency of their usage contributes to the process of making these words clichés of the newspaper style. The examples show how different functions of political metaphor are actualized in the context, they are: cognitive, communicative, pragmatic and aesthetic.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; политический дискурс; мифологемы; прецедентные имена; метафора.

Key words: lexico-semantic field; political discourse; mythologemas; precedent proper nouns; metaphor.

Сведения об авторе: Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

About the author: Chernyak Valentina Danilovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language.

Место работы: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Place of employment: Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg.

Контактная информация: 199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-ая Луния, д. 52.
e-mail: vdcher@yandex.ru.

Сведения об авторе: Румянцева Наталья Алексеевна, соискатель кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена.

About the author: Rumyantseva Natalya Alekseevna, a applicant for a candidate degree of the Russian language department of the Herzen State Pedagogical university of Russia

Место работы: преподаватель, Некрасовский педколледж № 1.

Place of employment: Nekrasov State Pedagogical college № 1, lecturer.

Контактная информация: 196247, Санкт-Петербург, ул. Кубинская, 32.
e-mail: rumyantseva_nata@mail.ru.

М. Л. Гаспаров, говоря о «золотой рамке» исторических событий, подчеркивал, что она «учит людей понимать друг друга: когда мы говорим „Нерон“, то это одним коротким словом рисует весьма сложный образ, одинаковый для всех, кто воспитан на европейской культуре» [Гаспаров 2012: 112]. Культурное пространство «Античность» — «это склад прецедентов, которые полезны при встрече с будущим» [Там же: 118]. В некоторых случаях журналисты непосредственно соотносят эпизоды современной политики с историческими событиями древности. Ср.: Так члены КПРФ, ЛДПР и СР, видя свое приниженное положение в системе госвласти, вспомнили древнюю историю и решили подражать плебейам, удалившимся на Авентинский холм в знак протеста против де-

мократии V в. до Р. Х., о недостатках которой писал еще Тит Ливий: „Аппий Клавдий сбросил маску и показал свое истинное лицо“... (Известия. 2009. 16 окт.).

Для осмысления современной, часто нестабильной политической ситуации авторы, как это было на протяжении веков, обращаются к античным образам, которые занимают особое место в лексиконе человека и в культурном пространстве современника [Гудков 2003: 90]. Вполне закономерным является активное использование в современном политическом дискурсе большого количества лексических единиц, входящих в лексико-семантическое поле «Античность» и приобретших в нем разнообразные семантические приращения.

Материалом для анализа явились тексты 2000—2013 гг. основного и газетного под-

корпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Отметим, что античная мифология (и, шире, история и культура античности) как источник политической метафоры [Будаев, Чудинов 2006] до сих пор специально не рассматривалась.

Классическое наследие в политическом дискурсе представлено тремя группами словоупотреблений. Первую группу составляет достаточно широкий круг лексем, этимологически связанных с античностью и давно приобретших переносные значения. Таковы, например, слова *вакханалия* — «крайняя степень беспорядка, неистового разгула», *оргия* — «разнузданное пиршество», *ареопаг* — «(книжн. ирон.) собрание авторитетных лиц [первонач. название верховного суда в Древних Афинах]», *оракул* — «2. перен. О том, чьи суждения признаются непрерываемой истиной (ирон.)» [СШ]. Ко второй группе относятся различного рода фразеологизмы, этимологически соотносимые с античностью, в том числе с мифами Древней Греции (*прокрустово ложе*, *сизифов труд* и т. п.). Третья группа — прецедентные имена (*Фемиды*, *Герострат*, *Брут* и т. п.). Эта лексическая мозаика, дошедшая до нас со времен Древней Греции и Рима, позволяет реализовать различные функции политической метафоры — когнитивную, коммуникативную, прагматическую и эстетическую [Чудинов 2003].

Прежде всего, обратимся к функционированию метафор — имен нарицательных. Лексика, соотносимая с античностью, существенно меняет свое значение. Как иронически писал М. Л. Гаспаров, «„олигархи“ в наших газетах — это совсем не то, что „олигархи“ в греческой древности. Там это были хозяева политической жизни, а у нас — хозяева экономической жизни: просто капиталисты. <...> От экономической власти до политической им бывает очень далеко. Так что ни Платон, ни Аристотель за наших олигархов не в ответе» [Гаспаров 2012: 196].

Одна из наиболее обсуждаемых тем в политическом дискурсе — вседозволенность и безнаказанность в различных сферах политической и общественной жизни, в том числе во время избирательных кампаний. Активно используется при этом лексема *вакханалия*: *Получаем экономические потери. Потом ослабляем режим — получается вакханалия. Мы боимся, что ситуация может выйти из-под контроля и привести к страшным последствиям* (Комсомольская правда. 2007. 9 янв.); *Ведь страна огромная, и если власть ослабляет вожжи, то начинается азиатская вакханалия бюрократии на местах* (Труд-7. 2006. 27 дек.);

Если бы я не знал, что это религиозный праздник, ни за что не подумал бы, настоящая вакханалия (Комсомольская правда. 2011. 20 янв.); *Вакханалия завершилась логично задержанием виновных, стенаниями партийных боссов оппозиции о своем бессилии перед ею же организованной толпой и беспардонными заявлениями румынских политиков* (РИА Новости. 2009. 16 апр.); *Как сообщил РБК daily один из авторов законопроекта Геннадий Гудков, сейчас в сфере регулирования доступа депутатов к СМИ „царит полная вакханалия“ и у СМИ есть возможность под любым предлогом отказать депутату обратиться к электорату непосредственно через телекамеру* (РБК Daily. 2007. 3 июня). Использование слова позволяет осмыслить конкретное общественно-политическое событие или общую ситуацию как нечто нерегулируемое, не подчиняющееся каким-либо законам или установленным правилам. В сходном значении употребляется и слово *оргия*: *Потом развязалась оргия демократии под названием „конституционная реформа и выборы в парламент“* (Новый регион 2. 2006. 4 мая).

Актуализация мифологического образа *гидры*, «многоголовой змеи, у которой на месте отрубленных голов вырастают новые», используется в политическом дискурсе для того, чтобы выразительно обозначить чрезвычайную трудность борьбы с общественно осуждаемыми явлениями (например, с коррупцией): *„Это — стоголовая гидра, которая выходит из-под контроля“, — сказал Соколов, после чего призвал „все отраслевые министерства“ этой гидрой как следует заняться* (Эксперт. 2004. 20 дек.); *И все же гидра коррупции проникла в партийные ряды* (Комсомольская правда. 2001. 28 июня); *Поистине масхадовско-басаевско-хаттабское воинство — гидра о ста головах!* (Труд-7. 2000. 30 сент.).

Весьма активной в политическом дискурсе оказывается лексема *Олимп*. Ей в уже цитированном толковом словаре соответствуют две словарные дефиниции: 1. «В древнегреческой мифологии гора, на которой обитали боги, а также собрание богов»; 2. «Избранная верхушка какого-н. общества» [СШ]. Примечательно словарное указание на написание слова с прописной буквы, что подчеркивает сохраняющуюся актуальность «античного» семантического компонента, связывающего с мифологическим топонимом. Многочисленные словоупотребления *вскарабкаться на Олимп*; *перебраться на Олимп*; *восшествие на Олимп*, как правило, используются для иронического представления тех, кто добрался до властных вершин. Ср.: *За*

исключением недолго занимавших „кресло номер 1“ Андропова и Черненко, все кремлевские вожди, едва вскарабкавшись на политический **Олимп**, с упоением отдавались строительным работам («Вслух о...». 2003. 9 июня); При чем на этот раз, судя по всему, у чеченских боевиков есть все шансы из категории боевиков местного масштаба перебраться на террористический **Олимп** (Российская газета. 2003. 15 мая); Вчера, 11 марта 2003 года, состоялась вторая крупная перестановка в силовом блоке правительства РФ со времен восшествия Путина на президентский **Олимп** (Политком.ру. 2003. 12 марта).

В полном соответствии со словарным толкованием и коммуникативно значимой пометой *ирон.* используется и слово *ареопаг* — «(книжн. ирон.) Собрание авторитетных лиц [первонач. название верховного суда в Древних Афинах]» [СШ]: *Впрочем, другие высокопоставленные чиновники Белого дома в неформальных беседах весьма скептически отнеслись к перспективе вхождения в **ареопаг** ЕР Кудрина и Грефа* (Независимая газета. 2003. 31 марта). *С другой стороны, вхождение Алешина в **ареопаг** партии власти может быть не только предвыборным ходом, но и маневром с прицелом на будущее* (Светлана Офитова. Приемник. 2003).

На политическом **Олимпе**, куда удается проникнуть ироничному журналисту, располагаются *атланты* и *титаны*: *Но до каких же пор этот **атлант** Зюганов может один нести на своих плечах или прикрывать своей богатырской грудью все дрожащее здание российского капитализма?* (Время МН. 2003); *Но тогда Россию спихнули с рельс в исключительных военных условиях, это сделал такой **титан**, как Ленин* (Известия. 2004. 1 июня).

Отметим, что при метафорическом употреблении лексем, входящих в поле «Античность», происходит расширение границ их лексической сочетаемости: *идеологическая вакханалия; оргия демократии; гидра коррупции; ползучая гидра капитализма; политический Олимп; террористический Олимп; президентский Олимп; кремлевский оракул; внешнеполитическая химера; химера многопартийности*. Тиражируемость подобных словоупотреблений в политическом дискурсе способствует их превращению в штампы публицистического стиля.

Как отмечает А. П. Чудинов, «усилению значимости метафоры в тексте способствует ее использование в условиях максимального „текстового напряжения“, в условиях, когда эта метафора привлекает особое внимание

адресата» [Чудинов 2003б: 120]. Такое текстовое напряжение создается, например, при одновременной актуализации в тексте нескольких мифологем, требующей от читателя для адекватного восприятия текстовой метафоры активизации соответствующего участка лексикона, определенного напряжения культурной памяти. Ср., например: *Кремль — это мифологический Олимп. Лубянка — исторический Тартар. А Тверская с прилегающими к ней переулками — вполне современная вотчина бога Диониса* (РИА Новости. 2005. 17 авг.); «Сила метафоры <...> заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью» [Чудинов 2003а].

Чрезвычайно распространены в политическом дискурсе фразеологизмы, этимологически соотносимые с античностью. Высокая частотность их употребления позволяет говорить о том, что этот пласт фразеологизмов оказывается исключительно востребованным именно в газетно-публицистических текстах. Так, бесконечные *гордиевы узлы* проблем, кризисов, долгов, конфликтов политики пытаются или разрубить, или распутать: *Собянин — опытный аппаратчик и понимает, что, если резко разрубит этот **гордиев узел** проблем столицы, Москва может просто встать*. (Комсомольская правда. 2010. 16 окт.); *Правительство губернатора Московской области Бориса Громова, похоже, уже устало распутывать **гордиев узел** долгов своих „дочек“, погрязших в судебных делах и коррупционных скандалах* (РБК Daily. 2009. 13 авг.); *Леонид Грач, лидер самой крупной, крымской организации КПУ, попытался разрубить **гордиев узел** по крымскому примеру* (Новый регион 2. 2010. 18 июня); *Ни текущая экономическая политика правительства, ни „умеренная“ среднесрочная программа Минэкономразвития не решают, а скорее уклоняются от крупной постановки проблем, которые и образуют **гордиев узел** кризиса* (Завтра. 2003. 17 июля); *Летом 1999 года Совет национальной безопасности США, обдумывая, как бы разрубить **гордиев узел** непрекращающихся вооруженных конфликтов в Западной Африке, санкционировал электронное прослушивание* (Совершенно секретно. 2003. 9 авг.).

Ср. также использование других характерных для политического дискурса фразеологизмов: *С другой стороны, переход к новому сроку (что, в общем, не так плохо) — это целый политический процесс, который открывает **ящик Пандоры**, открывает дорогу к поправкам в Конституцию* (Неза-

висимая газета. 2003. 11 июня); *Однако Госдепартамент продолжает свой сизифов труд: вчера посол США в Багдаде Райан Крокер встречался с послом Ирана* (Новый регион 2. 2007. 29 мая); *Китай — что двуликий Янус: одно лицо его смотрит в будущее, другое пристально вглядывается в прошлое* (Труд-7. 2007. 3 апр.); *Прокрустово ложе демократии. Откровенно негативная реакция Запада на андijanские события показывает, что смена режимов для республик Закавказья и Центральной Азии действительно поставлена Соединенными Штатами на повестку дня* (Комсомольская правда. 2005. 12 июля); *„На мой взгляд, продажа россиянам украинской металлургии — это Троянский конь, дары данайцев“*, — подчеркнул политолог (Новый регион 2. 2010. 25 авг.) — «В подобных фразеологизмах происходит „опредмечивание“ общих понятий, имена которых, выступая в несвободных сочетаниях, оказываются метафорически и метонимически связаны с конкретными лицами или вещами» [Гудков 2003: 193].

Остановимся на прецедентном высказывании *«Карфаген должен быть разрушен»*. На протяжении длительного времени слова, приписываемые Катону Марку Порцию Цензорию (Старшему), римскому политическому деятелю, приверженцу республиканских идеалов и врагу Карфагена (этими словами Катон с фанатичным упорством заканчивал любую свою речь в сенате), означают настойчивый призыв к борьбе с врагом или преодолению препятствия. В современном политическом дискурсе это крылатое выражение используется для обозначения объекта, который становится главной целью той или иной политической деятельности: *Команда Гайдара видела задачу в том, что „Карфаген должен быть разрушен“ — собственность должна быть приватизирована, в то время как Явлинский, критикуя правительство, формулировал задачу иначе — „собственность должна быть приватизирована эффективно“* (Неприкосновенный запас. 2003. 12 сент.); *Я подробно изложил содержание „теоретической“ части статьи г-на Березовского с тем, чтобы показать, как шаг за шагом, увлеченный идеей разрушения Карфагена, ее автор приходит фактически к тому, что, во-первых, Карфаген не может быть разрушен, а во-вторых, что он сам (Карфаген, то есть Путин) имеет силы для разрушения других* (Российская газета. 2003. 3 апр.). В обоих случаях объект деятельности поясняется. В первом — *«собственность должна быть приватизирована»*. Во втором наблюдается двойная трансформация прецедентного высказывания: *«Кар-*

фаген не может быть разрушен»; *«Карфаген имеет силы для разрушения»*, при этом метафора Карфаген — Путин позволяет представить политического лидера как человека, постоянно отражающего выпады недоброжелателей, способного дать им отпор.

В процессах когнитивной обработки политической сферы современной действительности особое место принадлежит прецедентным именам собственным, связанным с полем «Античность». Издавна мифологемы — имена собственные, а также имена реальных политических деятелей (*Нерон, Калигула, Брут, Юлий Цезарь* и мн. др.) используются при обсуждении острых проблем политической жизни, актуальных для разных исторических эпох. Несмотря на существенное обновление корпуса прецедентных имен, эти лексические единицы остаются неизменной составляющей политического дискурса. «Метафоричность персониферы состоит в способности более близкое схватывать через более далекое и поэтому более однозначное, несущее определенность» [Хазагеров 2002: 135]. Имя собственное, специфика которого заключается в референтном характере его значения, создает богатые возможности для образной номинации. Ономастическая метафора является одной из разновидностей смыслового варьирования онима [Нахимова 2011: 31]. Многовековые культурные ассоциации, связанные с пантеоном собственных имен античности, обеспечивают их непреходящую функцию «языковой трансляции культуры» [Воронцов 2012: 12].

Прецедентные имена семантического поля «Античность» относятся к универсально прецедентным феноменам, т. е. известным «любому современному полноценному homo sapiens» [Гудков 2003: 104]. Мифологемы — имена собственные (ср.: *российская Фемиды, английская Фемиды, латвийская Фемиды, военная Фемиды, израильская Фемиды, британская Фемиды*) и имена реальных лиц античного мира становятся своего рода ориентирами, по которым оценивают личностные и политические качества, общественную деятельность наших современников. Приведем примеры: *Можно сказать, что умер Нерон XXI века, потому что нязовский режим даже со сталинским нельзя сравнить — он скорее северокорейский* (Комсомольская правда. 2006. 22 дек.); *Ельцин — талантливый разрушитель, Герострат XX века. Он брал нахрапистостью и бесшабашностью характера* (Труд-7. 2007. 25 апр.); *Известный и квалифицированный Цицерон — коммунист Сергей Доренко, но его вряд ли Зюганов поперек себя пустит на экраны телевизоров* (РИА Ново-

сти. 2007. 26 окт.); *Роль осла в карикатуре отводилась газете „Нью-Йорк Геральд“, писавшей о том, что президент-республиканец генерал Улисс Грант — это современный Цезарь, добивающийся третьего президентского срока* (Известия. 2008. 23 окт.).

Д. Б. Гудков отмечает, что характеристика, осуществляемая с помощью прецедентных имен, «отличается аксиологичностью и экспрессивностью, представляя собой всегда вторичную номинацию» [Гудков 2003: 151]. Сильный ассоциативный потенциал прецедентных имен используется для выражения оценок в ситуациях, когда прямая оценка нежелательна, а иногда и невозможна. Метафора выполняет «интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева 2001: 134].

Интересный игровой симбиоз прецедентного высказывания и поговорки наблюдается в следующем газетном заголовке: **Один старый Брут лучше двух новых** (О том, как оппозиция агитирует против конституционных реформ в Армении) (РИА Новости. 2005. 1 нояб.). Средством апелляции к известной прецедентной ситуации является оним *Брут*, воспринимаемый как символ предательства. В данном предложении он выступает в качестве «свернутой» метафоры, в лаконичном виде представляющей сложные отношения между оппозиционными и консервативными политическими силами.

Прецедентные онимы в сравнительных конструкциях погружают читателя в игровой контекст: *„Демократическая Россия“ вышла из МДГ, как Афина Паллада из головы Зевса, бряцая оружием против первого президента СССР, оказавшегося во многом благодаря ей и последним руководителем единого союзного государства* (Время МН. 2003); *Ну как не усмехнуться при виде революционного плаката, где обнаженный пролетарий верхом на Пегасе, аки мифический Персей, и с факелом в руке, подобно Прометею, спускается с небес к страждущим?* (Известия. 2007. 28 нояб.). Метафоры и сравнения, берущие начало в античной мифологии и истории, создают «у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую, субъект речи может более

успешно вносить в сознание адресата не-общепринятые мнения» [Кобозева 2001: 135]. При этом следует иметь в виду, что рассмотренная актуализация мифологем и прецедентных онимов в средствах массовой информации связана со сложными ментальными процессами и предполагает обращение к проблемам понимания. Лингвоментальная компетенция наших соотечественников, вызывающее тревогу снижение уровня общей культуры современного носителя языка, потребителя продукции СМИ, со всё большей остротой ставит вопрос о взаимоотношениях автора и читателя [Козырев, Черняк 2010]. Полноценное восприятие активно используемых в современном политическом дискурсе элементов поля «Античность» возможно лишь при соответствующем уровне культурной грамотности читателя, достаточном интертекстуальном тезаурусе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / УрГПУ. — Екатеринбург, 2006.
2. Воронцов Р. И. Ономастическая метафора в русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2012.
3. Гаспаров М. Л. Филология как нравственность. — М. : Фортуна ЭЛ, 2012.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М. : Гнозис, 2003.
5. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9 : Филология. 2001. № 6.
6. Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация и речевая культура. — М. : Флинта, 2012.
7. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / УрГПУ. — Екатеринбург, 2011.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов = СШ / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2008.
10. Хазагеров Г. Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1.
11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / УрГПУ. — Екатеринбург, 2003а. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm> (дата обращения: 02.12.2013).
12. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / УрГПУ. — Екатеринбург, 2003б.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 10.02.01

Код ВАК 13.11.21

Бартош Голомбек
Краков; Кросно, Польша

G. Bartosz
Krakow; Krosno, Poland

РУНЕТ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ КВАЗИДИАСПОРЫ

Аннотация. Демонстрируется влияние новейших интернет-технологий на взаимные связи постсоветской квазидиаспоры в ближнем и дальнем зарубежье с русскоязычной культурой. Выдвигается тезис, что интернет-связь дает возможность создания своего рода новой идентичности, основанной на элементах прошлого, для постсоветской квазидиаспоры, разбросанной по всему миру. Описываются исторические предпосылки становления постсоветской квазидиаспоры с такими уникальными чертами, как отсутствие родины и надэтничность (поощряемые и направляемые государством миграционные потоки, формирование советской идентичности). Диаспора, появившаяся без изменения места проживания, нацелена на прошлое не в топографическом, а в сентиментальном, ностальгическом измерении.

Ключевые слова: Интернет; идентичность; диаспора; постсоветский; культура.

Сведения об авторе: Голомбек Бартош, кандидат филологических наук.

Место работы: Ягеллонский университет в Кракове; Государственная высшая профессиональная школа имени Станислава Пигоня в Кросно.

Контактная информация: Polska, Kraków, ul. Gołębia 24 31-007.
e-mail: b.golabek@gmail.com.

RUNET AND IDENTITY OF POST-SOVIET QUASI-DIASPORA

Abstract. The paper presents the influence of new internet technologies on contacts of modern post-soviet quasi-Diaspora with Russian language culture. The author presumes, that internet communication can create a new identity, based on sociological and cultural elements of the soviet past, which can concern the post-soviet quasi-Diaspora all over the world.

Historical prerequisites of the appearance of the post-soviet quasi-Diaspora with such unique features as the absence of motherland and ethnicity (migration streams, formation of the Soviet identity stimulated by the state) are described. Diaspora that appeared without the change of residence is directed to the past not in the topographic dimension but in the sentimental and nostalgic.

Key words: Internet; identity; diaspora; post-soviet; culture.

About the author: Bartosz Golombek, Candidate of Philology.

Place of employment: Jagiellonian University in Krakow, S. Pigon State Higher Vocational School in Krosno.

Выражение «ближнее зарубежье» закрепилось в словаре политических терминов благодаря российской концепции. Придуманное для нужд российской дипломатии, активно действующей на территории бывшего Советского Союза, оно объединяет все страны (как признанные международным правом, так и непризнанные^[1]), которые возникли в результате распада Союза Советских Социалистических Республик. С географической точки зрения эта близость является, конечно, условной. В некоторых случаях эти страны непосредственно не граничат с современной Россией^[2], таким образом, указанная формула во многом обусловлена традицией сосуществования определенных территорий в рамках одного государственного организма, который был заинтересован созданием мифа о «близости» наций.

Распад Советского Союза в 1991 г. породил совсем новый социальный порядок на территории бывшей империи. В относительно открытом до этого времени для граждан СССР, условно федерализированном и состоящем из многих республик пространстве появились границы, которые отделили друг от друга множество сосуществующих и взаимодействующих этнических групп. Конечно, не везде, как уже упоминалось выше, этот процесс проходил без конфликтов. Для нейтрализации слишком жестоких и непредсказуемых последствий дефектов системы и общей инфраструктуры, Беловежские соглашения предполагали создание нового субъекта международного права, которым является Содружество Независимых Государств. Для многих наблюдателей это решение подавало надежду на утраченную во время глубокого кризиса 90-х гг. возмож-

Статья публикуется по итогам международного симпозиума «Межкультурный диалог: на перекрестке наук», состоявшегося 22 января 2014 года в Институте психологии Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург).

© Голомбек Бартош, 2014

ность возрождения Советского Союза. Однако в действительности ничего подобного не произошло и произойти не могло. СНГ на начальном этапе его существования должен был обеспечить мирный процесс распада. Сегодня это просто символ, поскольку все потенциальные проекты реинтеграции, в том числе последний из них — Евразийский таможенный союз — формируются вне его структуры.

Появление в 1990-х гг. межгосударственных границ на территории бывшего СССР вызвало много трудностей, связанных с налаживанием социальных взаимоотношений в новых геополитических реалиях в бывших советских республиках. Одним из самых сложных новых явлений, с которым столкнулось общество СССР, было возникновение многочисленных национальных диаспор, разбросанных по территории огромной страны вследствие социальной инженерии Иосифа Сталина и его преемников. Вдали от родных мест оказались многочисленные представители народов СССР, которых часто жесточайшим образом принуждали покинуть свою малую родину. Если, к их счастью, они не оказывались в числе политических заключенных, их распределяли для выполнения различных профессиональных задач. Наиболее ярким примером подобной политики уже в послевоенные годы была история семей военнослужащих, дислоцированных в соответствии с геостратегическими соображениями и приказами, исходящими из Генерального штаба в Москве. В то время никого не удивляло, что армяне служили в белорусском Бресте, россияне — в польском Бжеге на Одре или Борном-Сулинове, грузины и чеченцы^[3] могли нести караульную службу по охране стратегических бомбардировщиков в прибалтийской Эстонии, а латыши и украинцы где-то в Центральной Азии охраняли советскую границу с Китаем. Многие из них после распада СССР имели право выбрать свою родину и часто оставались в месте несения службы или выполнения работы, тем самым усложняя себе возвращение на нередко весьма далекую малую родину.

Тем не менее спустя несколько лет после травмирующих событий, связанных с окончанием истории СССР, особенно в 2000-х гг., на территории этого бывшего государства началось бурное развитие в области компьютерных технологий, сопровождавшееся освоением коммуникационных возможностей Интернета. Начальная сетевая инфраструктура, как мы знаем, была построена еще в советское время, и основы вступления в новую цифровую эпоху на этой территории были заложены коммунистической идеологией

милитаризма, высоким напряжением холодной войны и повсеместной во всех постсоветских государствах великой революцией в сфере технологии и связи, которая, вероятно, послужила катализатором перемен.

История российской культуры насыщена событиями, которые приводили к многочисленным миграциям населения, в основном из-за политических изменений, совершающихся в центре империи. Санкт-Петербург и Москва, где принимались решения относительно судьбы всей империи, вызвали у народов империи Романовых и, позже, Советского Союза специфическое ощущение функционирования в непрерывном вынужденном движении. Кроме того, неуклонно насаждалось в качестве всеобщего и социально приемлемого осознание необходимости обслуживания огромной территории посредством монолитного, сильного государства, размеры которого часто объяснялись именно этим фактором. И в Российской империи, и в СССР всегда существовали опасения того, что служебное распоряжение, политические репрессии или чрезвычайно тяжелое финансовое и социальное положение семей разрушит отношения с друзьями и установленные, часто временные, связи, приведя к перемещениям в границах империи и за ее пределы. В XX в. политические изменения вызвали три основные волны эмиграции из Советской России за пределы области ее политического контроля. Это характерно для периода после революции 1917 г., эпохи Великой Отечественной войны (после 1941 г.) и 1970-х гг.

Тем не менее кажется, что по-прежнему мало места уделяется разрыву общественных связей и миграции в границах огромного государства и его сферы влияния, которые обусловлены его идеологическими амбициями. Солдаты, инженеры, специалисты, врачи по приказу преодолевали просторы Советского Союза, прибывали к отдаленным от их родных мест точкам, часто безвозвратно теряя связь с родными краями, имея возможность только мысленно возвращаться к своим корням. Многие люди, чье советское детство характеризовало непрерывное перемещение, сегодня не идентифицируют себя в географическом смысле со своей малой родиной, чего ожидали от них в момент совершеннолетия, когда распадался Советский Союз (поколение середины 70-х гг. XX в.). Многочисленные переезды, странствия по мультикультурным и мультирелигиозным центрам и окраинам империи фактически определили имперскую идентичность, которая практически не ограничена пространственно. Только те, кто в XX в. были вынуж-

дены покинуть пределы страны, могли почувствовать реальный дискомфорт, связанный с чуждостью окружающей среды, языка, другого общественного и морального строя.

По сей день российская и постсоветская историческая память считает проблему эмиграции одним из важнейших элементов самоидентификации нации. Это демонстрируют изменения в общественном дискурсе: ранее практически не использовавшееся таким образом выражение *диаспора* в настоящее время начало употребляться по отношению к россиянам и другим народами империи. Этот термин греческого происхождения означает *рассеяние* и применяется по отношению к представителям определенного народа в других, чуждых для него культурных структурах. В семантическом поле слова «диаспора» не содержится оттенка слабости нации, наоборот, подразумеваются некие постоянные черты народа, которые дают возможность однозначной идентификации с местом происхождения в пространстве иной культуры и в чужой среде. Слово *диаспора* содержит в себе свидетельство силы и стабильности нации, а также надежду на реинтеграцию с родиной. Российская и постсоветская традиция диаспоры в XX в. основана на двух контекстах ее понимания: колониализма и эмиграции. В результате обоих политических процессов масса граждан СССР разных национальностей оказались далеко от своей родины.

Традиционная русская диаспора связана с процессом эмиграции в страны Западной Европы и США, который начался в XX в. и продолжается с различной интенсивностью по сегодняшний день. Самыми популярными центрами притяжения эмиграции были и остаются США, Германия, Канада, Израиль. «Старая диаспора» определяется особыми периодами интенсификации потока эмиграции, называемыми волнами. «Новая диаспора», в свою очередь, связана с распадом СССР и тем, что за пределами политических границ современной Российской Федерации, в том числе в странах бывшего Советского Союза^[4], осталось большое (хотя трудно определить, насколько) количество россиян. Часто явление новой диаспоры демонстрирует парадоксальную ситуацию, при которой без изменения места жительства граждане распадающегося СССР вдруг стали его экспатами^[5]. Для членов диаспоры, согласно теории Робина Козна, в традиционном понимании характерны следующие признаки [Ctrl+Shift 2006: 122]:

1. Рассеяние за пределами истинной родины, часто связанное с травмой и страданием (принуждением).

2. Отдаление и рассеяние по экономическим или политическим причинам из-за колониальных амбиций.

3. Сообщество памяти и миф родины.

4. Идеализация родины предков.

5. Неопределенное и не институализированное желание вернуться на родину.

6. Сильное и длительное этническое и групповое самосознание.

7. Часто непростые отношения с жителями стран поселения.

8. Чувство солидарности с согражданами (соотечественниками) в других местах поселения.

9. Возможность создания и обогащения местной культуры в толерантных местах поселения.

Доступность высоких технологий, прежде всего новых СМИ, вносит поправки в приведенный выше список параметров, описывающих феномен жизни в диаспоре. Ослабляются факторы, которые часто лежали в основе потребностей эмиграции — желание вернуться на родину и мифологизация ее образа. В случае с русским примером стоит заметить, что никогда раньше русская диаспора, добровольно или по принуждению разбросанная по всему свету, не имела возможности столь регулярного, близкого и всестороннего (посредством текста, звука и образа) электронного контакта со своей родиной и культурой. Изменения заметны также в сфере мифологизации родины, потому что и здесь происходит определенная эволюция. Информация о текущих событиях и процессах, происходящих в стране, может быть сейчас очень точной. Благодаря возможности быстрого общения в Интернете, заинтересованным доступен целый ряд сведений о текущих вопросах, касающихся страны происхождения. Эти знания могут быть дополнены прямыми, непосредственными онлайн-контактами с близкими, которые остались жить на родине и, вероятно, понимают происходящее в стране намного лучше. Поэтому всё труднее представить себе идеализированный образ родного дома, поскольку, благодаря новым СМИ и технологиям, очень легко почти мгновенно откорректировать это представление. Эти явления приводят к «укоренению» так называемой квазидиаспоры. Квазидиаспора не проявляет реального желания вернуться в страну происхождения, не ощущает так сильно, как диаспора раньше, отсутствия контакта с близкими, а благодаря современным технологиям может сохранять свои культурные традиции и делать их непосредственно доступными за счет литературной, музыкальной или художественной деятельности.

Ситуация находящаяся в диаспоре граждан бывшего Советского Союза после его распада является, однако, уникальной. Она противоречит традиционному пониманию среды диаспоры по многим причинам. Во-первых, из-за отсутствия родимой земли — политической родины, которой многие советские граждане считали эту великую страну. Во-вторых, постсоветская диаспора имеет надэтнический характер, лингвистически разнородный, поскольку сама система СССР была гетерогенной. Здесь нет стремления к сообществам, базирующимся на национальных традициях, людей объединяют только сентиментальные чувства, часто называемые ностальгией (такие чувства чаще всего появляются с течением времени и связаны с тоской по молодости). В результате мы нередко сталкиваемся с особой диаспорой, которая очутилась вне пределов родины, хотя место ее проживания не изменилось. Эта диаспора может стремиться вернуть прежние, сложившиеся в эпоху СССР реалии жизни, но в чисто ностальгическом, сентиментальном, а не топографическом измерении.

В качестве великих ценностей и достижений СССР российские респонденты обычно указывают экономическую стабильность, восприятие империи в мире, свободу контактов между республиками, относительный социальный мир и, как ни парадоксально, политическую стабильность, которую многие до сих пор ассоциируют с застоём и кризисом. В 90-х гг. XX в. в России, которые в этой стране в связи с политической и экономической нестабильностью называли *лихими девяностыми*, не хватало именно спокойствия. Трудно, однако, культивировать или визуализировать миф о советском прошлом, так как, в отличие от существующих диаспор, которые имеют хотя бы электронный контакт с родиной, в случае с СССР это, конечно, невозможно. Из этого несуществующего политического пространства не поступает никакой новой информации. Сообщества диаспор, как отмечают авторы работы «Альтернативные медиа», в связи с социализацией, подкрепляемой событиями, озвученными СМИ, в некоторой степени существуют именно благодаря самим СМИ [Guedes, Cammerts, Carpentier 2012: 69]. Таким образом работают над созданием и поддерживают транснациональные сообщества и диаспорные группы, особенно там, где они являются меньшинствами. Основными пользователями диаспорных СМИ, включая Интернет, являются люди, находящиеся в процессе непрерывного культурного обмена, т. е. живущие двойной жизнью мигранты, которые часто владеют более чем одним языком. Диаспорные ме-

диа, особенно транснациональные электронные, по мнению исследователей, создают платформу, в рамках которой формируются эмоциональные связи и чувство принадлежности к особому «придуманному» транснациональному сообществу [Там же: 73].

Частичная идентификация стран СНГ с бывшим СССР может происходить на основе специальной проекции прошлого, а обеспечить ее может, например, информационный канал «Мир 2», обслуживающий СНГ. Эти чувства поддерживают также традиционные медиа, примером чего является спутниковый телеканал «Ностальгия», в эфире которого транслируются советские фильмы, публицистические программы 1960—1991 гг. и современные материалы на тему советского прошлого^[6].

Ностальгический характер различных видов интернет-инициатив задал тон идее объединения вокруг русского языка и общего культурного наследия и прошлого. В конце 90-х гг. и в 2000-х многие из подобных ресурсов появились за пределами России и бывшего СССР. Одним из таких интернет-сервисов первого, литературоцентричного этапа развития Рунета, стал функционирующий доныне интернет-журнал «Крещатик (перекресток). Международный литературный журнал»². Это на самом деле традиционная литературная интернет-лаборатория, хотя и обладающая международной спецификой. Основанный иммигрантами из бывшего Советского Союза в 1998 г. сервис имеет четкое кредо, которое изложено на сайте: *Мы — в неустанном поиске новых имен, неизвестных авторов, где бы они ни жили — в Киеве, Петербурге, Иерусалиме, Нью-Йорке или Мюнхене, мы — перенесенная в ментальное пространство великая киевская улица, где когда-то завязывались великие дружбы, писались великие стихи, происходили знаменательные встречи...* [Kreschatik].

Редакторы интернет-журнала живут в разных городах России, Украины и Германии. Сайт украшают фотографии старинного и современного Киева, которые, как в калейдоскопе, через равные промежутки времени меняются в небольшой рамке. Гравюры и фотографии города девятнадцатого века перемешаны с современными снимками, что является своего рода комментарием к тому, как в историческом контексте воспринимается русскоговорящая диаспора на протяжении своей истории с девятнадцатого века до современности. Это замечают и об этом пишут авторы эскиза: *Virtual (Re)Unification? Diasporic Cultures on the Russian Internet* [Ctrl+Shift 2006: 128]. В их интерпретации

упомянутого визуального послания подчеркивается, что для присоединения к команде журнала и авторам, которые в нем публикуются, надо отправиться в метафорическое путешествие назад во времени, в *ментальное пространство*, которое составляют рассеянные по миру русскоязычные писатели. Виртуально объединяется несколько столетий, благодаря технологиям XXI в. сочетаются традиционная диаспора Российской империи с фигурами ее постсоветского квазиразвития. Парадокс первого этапа развития Рунета состоит в том, что, за счет улучшения доступа к технологической инфраструктуре, нередко диаспора на Западе становилась движущей силой развития русскоязычных сайтов и социальных сетевых сервисов.

Примером этого является интернет-журнал «Крещатик»: некоторые из инициаторов его создания — представители русскоговорящей диаспоры в Германии. Однако, кроме Берлина, редакторы также живут в Уфе, Москве, Сыктывкаре в Республике Коми, Новосибирске и Киеве. Названное издание содержит также дополнительный элемент, иллюстрирующий особую форму культурного воссоединения в рамках Рунета. Мы имеем в виду символическую отсылку названия сервиса не на центр империи — Москву, не на московский Арбат или петербургский Невский проспект, а на украинский, в некотором смысле периферический, но все же насквозь русскоязычный Киев и ассоциирующийся с ним проспект.

Возможность встретится вновь в виртуальном пространстве привлекает людей разнообразных групп. Сегодня, в сущности, кроме базовых знаний по информатике и соответствующего компьютерного оборудования эта возможность ограничивается только желаниями пользователей Интернета. Выше был приведен пример культурной акции в рамках русскоязычного литературного процесса. Можно также отметить сентиментальные виртуальные возвращения на рубежи империи детей офицеров и военнослужащих, дислоцированных в границах сферы ее влияния. Это относится также к Польше, послевоенная территория которой в постъялтинских реалиях являлась важным элементом системы безопасности Восточного блока. Интересный пример воссоединения такого типа представляет собой несколько российских интернет-форумов, посвященных воспоминаниям советских детей и молодежи из Бжега в Нижнесилезском воеводстве. Бывший немецкий аэродром Бжег-Скарбимеж был занят после Второй мировой войны Красной армией и до 1991 г.

функционировал как часть Северной группы войск Советской армии.

Вот что пишут об этом месте интернет-пользователи: *Город офицерской юности. В мою бытность три авиаполка размещались в этом уютном городке. 164-й Отдельный гвардейский, Ордена Красного Знамени керченский разведовательный авиационный полк. Дислоцировался на базе в период с 31 декабря 1958 по 1 августа 1990 года. На вооружении полка стояли самолеты следующих типов МиГ-25РБ, МиГ-25БМ, Су-24МР. Штаб, солдатские казармы, продовольственные и склады, склады воинского имущества, квартирно-эксплуатационная часть (КЭЧ) столовые, автопарк, военторг, военная комендатура военная автоинспекция, медпункт полка, гарнизонный дом офицеров, спорткомплекс размещались в г. Бжег по улице Вольности и составляли собой военный городок, известный в городе, как „Красные казармы“. <...> А у моей жены там прошли школьные годы. Бжегская школа № 28 [Авиация Северной группы войск], — можем прочитать в воспоминаниях пользователя под псевдонимом «Шмаков» на форуме «Авиация Северной Группы Войск 1945—1991». Этот форум является средством поиска старых знакомых, которые служили в Бжеге, после распада СССР, а точнее после вывода войск Красной армии из Польши в 1993 г.*

В дополнение к онлайн-форуму для документирования и представления истории гарнизона созданы также специальные сайты. Один из них — это указанный ниже сайт средней школы № 28 для детей российских офицеров^[7]. Чтобы продемонстрировать картину ностальгического, лишенного идеологических оттенков воссоединения благодаря виртуальному пространству, приведем полностью вступительное слово на сайте этого сервиса: *Время неумолимо движется вперед, взрослеют наши дети. Отсчет уже пошел на десятилетия с тех пор, как мы покинули стены ставшей нам за несколько лет родной школы. Мысленно возвращаясь в прошлое, каждый из нас вспоминает те годы, как одни из самых счастливых в своей жизни, и не имеет значения, выпали они на детство или юность. Скажите, кому из нас, хоть на час не хотелось приехать в город наших снов, пройти по знакомым улицам, постоять у своего дома, заглянуть во двор нашей школы? А парк „Вольности“? где бы не ступала нога „радецкого“ (вековые буки тому живые свидетели). Мы по праву можем считать себя счастливыми, ведь у нас действительно были счастливое детство и романтическая юность в отлучаи от многих наших*

сверстников в Союзе. Те кто учился после Бжега в СССР со мной согласится. Единственное, чем мы были обделены все последнее после Польши время, так это возможностью каждую первую субботу февраля собираться в стенах своей школы, встречаться с одноклассниками, учителями. Шагнувший далеко вперед технический прогресс со своими высокими технологиями предоставляет теперь такую возможность, нам же остается только ею воспользоваться. Создатели сайта не претендуют на роль организаторов в проведении всевозможных встреч одноклассников, мы только хотим стать тем небольшим маяком, который поможет нам отыскать друг друга в этом бурном водовороте именуемом — жизнью [Город наших снов].

Основателем этого сайта является проживающий в Германии Сергей Кифяк, юношеские годы которого прошли в Бжеге. Количество подписчиков, участвующих в обсуждениях, впечатляет, форум живет, а территориально, по данным пользователей, охватывает Германию, Казахстан, Латвию, Калининград и другие регионы постсоветского пространства. Для поддержки подобных проектов в середине 2000-х гг. были созданы социальные сетевые платформы «ВКонтакте» (vkontakte.com) и «Одноклассники» (odnoklassniki.ru). Продуманная система регистрации с многоуровневой идентификацией биографии пользователя и возможностью мгновенной мультимедийной коммуникации дали новый толчок такого рода инициативам. В связи с очевидной социальной необходимостью прототипы социальных сетей, построенных в основном за пределами России или бывших советских республик, были адаптированы к нуждам современных сервисов интересующей нас направленности.

Ностальгия в Сети выражается также на других сайтах, которые носят иной характер и ближе к информационным порталам. Это основанные на передаче личного опыта отдаленного прошлого порталы «www.20th.su» [Музей «20й век»] и «www.22—91.ru» [Ваш год рождения 1922—91], благодаря которым можно ознакомиться с повседневными реалиями советской эпохи через тех, кто помнит их с детства и юности: *Есть что вспомнить об СССР и людях, его населявших? Не дайте своим воспоминаниям кануть в лету. Станьте автором нашего портала — сохраните историю своей семьи, своих друзей и знакомых для будущих поколений. Делитесь своими воспоминаниями, рассказами о своих близких, фотографиями и прочими документальными свидетельствами минувшей эпохи [Ваш год рождения 1922—91].*

Русский язык уже не имеет такой значимости и охвата, как раньше, но молодые люди, которые общаются с помощью современных технологий, находятся на общих интернет-платформах, обмениваются контактами. Вышеуказанные инициативы характерны для поколения, которое еще помнит СССР, выросло в нем, и к тому же достаточно хорошо разбирается в механизме современных коммуникационных технологий. Без сомнения, реинтеграции в контексте всей русскоговорящей диаспоры способствует владение русским языком на уровне, достаточном для установления и поддержания контакта.

Новой России необходима сейчас и будет необходима в будущем своя специфическая постсоветская диаспора, а также позитивный имидж в мире. Современная Россия последнее время начала использовать этот потенциал. Наличие русского языка и русской культуры в постсоветском пространстве фиксируется специальными структурами, если не новыми в мировом масштабе, то все же новыми для российской культуры^[8].

Особую роль в этом направлении играет основанный в 2007 г. фонд «Русский мир», который по сути представляет собой правительственное агентство с задачей поддерживать влияние и значимость русского языка в традиционных областях его функционирования. В деятельности этой организации хорошо просматривается политическая программа и идея реинтеграции вокруг России и русского языка: *Все пласты Русского мира — полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного — объединяются через осознание причастности к России [Фонд «Русский мир»].*

К регионам, которые могут попадать в сферу интересов Фонда, безусловно относится Израиль, ставший рекордсменом среди стран за пределами бывшего Советского Союза, в которых охотно заходят на русскоязычные сайты. Основными инициаторами данного особого поворота к Рунету на Ближнем Востоке являются новые репатрианты из России и других стран бывшего Советского Союза. Среди основных причин, которые обуславливают популярность Рунета в Израиле, следует отметить ностальгию, желание приобщиться к российской культуре и общаться на русском языке.

В свете вышесказанного интересно следующее определение: *Русский мир — это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигран-*

ты, выходцы из России и их потомки. Это еще и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует ее будущее... [Там же].

Благодаря современной электронике и информационным технологиям, в первую очередь динамике развития Рунета с его надпространственными свойствами, сформулированные фондом «Русский мир» идеалы сейчас ближе к реализации, чем когда бы то ни было.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Приднестровье (в Молдавии) и Нагорный Карабах (автономия между Арменией и Азербайджаном) являются так называемыми парагосударствами.

[2]. Из числа 14 бывших союзных республик только половина из них граничит с Россией. Это (в алфавитном порядке): Азербайджан, Беларусь, Эстония, Грузия, Казахстан, Латвия и Украина.

[3]. Один из самых ярких примеров того, к чему привел этот тип этнической инженерии позднего СССР, — судьба Джохара Дудаева, единственного генерала Красной армии чеченского происхождения, который в 1989—1991 гг. был командиром 326-й тяжелой бомбардировочной дивизии, дислоцированной в эстонском Тарту, белорусской Орше и российских Сольцах. Судьба генерала Дудаева после 1991 г. связана с его малой родиной — Кавказской Республикой Ичкерией (Чечня), которая также благодаря ему стремилась к независимости от постсоветской Российской Федерации.

[4]. Российские чиновники, работающие в Министерстве иностранных дел, которое реализует программу по возвращению соотечественников в Россию, считают, что граждан, связанных с Российской империей и бывшим СССР, которые пользуются русским языком и могли бы претендовать на российское гражданство, в мире около 25 млн [Зарубежная битва русского языка].

[5]. Подобной новой диаспорой считает себя часть русскоязычных жителей эстонского Таллина. Такое мнение озвучила в неофициальной беседе с автором этой статьи одна из преподавательниц Таллинского университета, отвечая на вопрос про статус русского языка в Эстонии: «Мы в диаспоре». Анализ центра «Ethnologue», который исследует распространение языков в мире, показали, что носителей русского языка в этой маленькой европейской стране более 345 тыс. [Estonia]. Личные наблюдения автора за функционированием русского языка в повседневной жизни в Эстонии в 2013 г., кажется, подтверждает эти оценки.

[6]. Одним из наиболее популярных подобных проектов является ежедневное ток-шоу под названием «Рожденные в СССР». Канал был запущен 4 ноября 2004 г. и входит в базовый пакет цифровой платформы «НТВ Плюс» и кабельных сетей России, стран бывшего Советского Союза. Для других стран канал ретранслируется через спутник под измененным названием «Русский мир». Девизом канала является фраза «У нас есть, что вспомнить».

[7]. Советский гарнизон в Бжеге состоял из около 10 тыс. человек, а в самом городе солдатские семьи жили в нескольких точках, в том числе на ул. Дзержинского (ныне Пилсудского), Свободы, Хотинской, в Красных и Серых казармах, а также в двух зданиях на ул. Ханки Савицкой (ныне — Иоанна Павла II). Последние дома из-за формы называли Рейхстагом и Пентагоном. Школа была расположена за стенами Серых казарм, которые представляли собой наполовину открытый комплекс жилых зданий, магазинов и советских учреждений.

[8]. Забота об имидже государства, а также культуры и языка как иностранного осуществляется государственными (или близкими к государству) органами по всему миру, такими как Французский институт, Британский совет, Институт Гёте, Институт Сервантеса, Институт Конфуция. Россия только в 2007 г. расширила своим проектом этот список.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авиация Северной группы войск* : интернет-форум. URL: <http://www.sgvavia.ru/forum/10-4-> (дата обращения: 17.03.2014).
2. *Ваш год рождения 1922—91* : информационно-исторический портал. URL: <http://www.22-91.ru> (дата обращения: 17.03.2014).
3. *Город наших снов*. Северная группа войск. Бжегская средняя школа № 28. URL: <http://brzeg28.sgw.narod.ru/> (дата обращения: 17.03.2014).
4. *Зарубежная битва русского языка* // Russkie.org : сетевой центр русского зарубежья. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=23653> (дата обращения: 17.03.2014).
5. *Музей «20й век»*. Назад в СССР. Ностальгия по прошлому и нашему детству. URL: <http://20th.su>.
6. *Фонд «Русский мир»* : сайт. URL: <http://www.russkiymir.ru/> (дата обращения: 17.03.2014).
7. *Ctrl+Shift. Public and Private Usages of the Russian Internet* / red. H. Schmidt, K. Teubener, N. Kondradova. — Norderstedt : Books on Demand GmbH, 2006.
8. *Estonia* // Ethnologue : Languages of the World. URL: <http://www.ethnologue.com/country/EE/languages>.
9. *Guedes B., Cammerts B., Carpentier N.* Media alternatywna. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012.
10. *Kreschatik*. Перекресток : сайт. URL: www.kreschatik.nm.ru/ (дата обращения: 17.03.2014).

Статью рекомендует к публикации проф. Г. В. Пшибинда.

УДК 811.111'27
ББК Ш143.21-006.3

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.04

О. Ю. Гукосьянц О. Y. Gukosyants
Пятигорск, Россия Pyatigorsk, Russia

**К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
МАРКЕРАХ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖЕНЩИН В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЧАТАХ
И БЛОГАХ И МЕХАНИЗМАХ
САМОПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНЩИН
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
КОМПЬЮТЕРНО ОПОСРЕДОВАННОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Аннотация. Выделяются основные лингвистические маркеры, характеризующие гендерную идентичность личности в англоязычных чатах и блогах, рассматриваются механизмы самопрезентации женщин в блогосфере и чат-коммуникации. Действие этих механизмов объясняется как психологическими особенностями, так и техническими условиями общения (необходимость мгновенной реакции, краткость реплик, отсутствие времени на их обдумывание в чатах). Коммуникация у женщин характеризуется фатической направленностью. Реплики и вопросы они воспринимают не как источник информации, а как средство для продолжения разговора. К механизмам женской самопрезентации в блогах относятся не прямое побуждение, сокращение дистанции и создание красочного высказывания, в чатах — установление дружеского контакта.

Ключевые слова: гендерная идентичность; гендерный маркер; чат; блог; механизм самопрезентации; женская речь; мужская речь.

Сведения об авторе: Гукосьянц Ольга Юрьевна, аспирант 3-го года обучения кафедры западно-европейских языков и культур.

Место работы: Пятигорский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: 357500, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9.
e-mail: Gukosjants@mail.ru.

**REVISITING SOME
LINGUISTIC GENDER MARKERS
OF THE WOMAN'S SPEECH IN ENGLISH
CHAT COMMUNICATION AND BLOGS
AND MECHANISMS OF WOMEN
SELF-PRESENTATION IN THE ENGLISH
COMPUTER-MEDIATED
COMMUNICATION**

Abstract. The main linguistic features which determine the person gender identity in English chats and blogs are singled out, some mechanisms of women's self-presentation in blogs and chats are studied. The work of these mechanisms is explained by both psychological peculiarities and technical conditions of communication (the necessity of immediate reaction, shortness of replies, lack of time for thinking over the answer in chats). Female communication is phatic. The replies and questions are not the source of information for them, but a means of continuing the conversation. The mechanisms of female self-presentation in blogs are indirect motive, shortening of the distance and creation of a bright statement, in chats it is establishment of friendly contact.

Key words: gender identity; gender marker; chat; blog; mechanism of self-presentation; women's speech; men's speech.

About the author: Gukosyants Olga Yuryevna, 3rd year Post-graduate Student, West European Languages and Cultures Department.

Place of employment: Pyatigorsk State Linguistic University.

Гендерная идентичность — это результат сложного взаимодействия биологических, социальных и психологических (собственно личностных) факторов, при котором по мере становления и реализации гендерной идентичности усиливается регулирующая и смыслообразующая роль самой личности. Реализация гендерной идентичности личности связана с выработкой определенных способов социокультурной презентации своих биологических свойств в той форме, которая отвечает собственным личностным смыслом. Гендерная идентичность личности — многокомпонентное образование, включающее гендерные представления, гендерную самооценку и гендерные планы и структуры поведения. Различное сочетание и смысловое наполнение данных компонентов определя-

ют индивидуальный вариант гендерной идентичности личности [Ожигова 2006: 14] и соответственно закономерности ее вербальной самопрезентации. Некоторым закономерностям вербальной самопрезентации женщин в англоязычной интернет-коммуникации на примере чатов и блогов и посвящена настоящая статья.

В рамках компьютерно опосредованной коммуникации гендерная самопрезентация личности во многом осуществляется через речевое поведение пользователя, собственно **дискурс**.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что гендерные маркеры женской речи в чат-коммуникации и блогосфере, равно как и механизмы самопрезентации женщин в блогосфере и чат-

коммуникации еще не становились предметом комплексного анализа.

Мы рассмотрели порядка 750 мужских и 750 женских контекстов из англоязычных блогов и чатов, аккумулярованных сплошной выборкой.

Проведенный анализ позволил сделать ряд выводов касательно **гендерных маркеров**, характерных для женской речи в англоязычных чатах и блогах. Сгруппировав маркеры, мы также выявили основные механизмы самопрезентации женщин.

Анализируя лингвистические средства, дифференцирующиеся по степени предпочтительности различными гендерами, мы прежде всего перечислим ряд традиционных особенностей женской речи, выделяемых ведущими лингвистами-гендерологами, и сравним, насколько каждое из указанных различий актуально для реально протекающей компьютерно опосредованной коммуникации.

Типичными для «женской» речи считаются:

– **рифмованные прилагательные** [Gorshko 1999: 9; Lakoff 1975]: *pretty-witty, itsy bitsy, lubby-dubby*.

Следует отметить тот факт, что рифмованные прилагательные были обнаружены в речи женщин в чатах. В блогах рифмованных прилагательных, по данным нашей выборки, нет. Однако, поскольку их количество в чатах было весьма незначительным, данный фактор не может рассматриваться как гендерный маркер;

– **наречия, оканчивающиеся на -ly** [Furfe 1944]:

- (1) *My lovely boyf supports me **beautifully**. He listens **sympathetically** when I want to talk about it. And when I'm **properly** tangled up in angst, he will ask if he can make a suggestion, and sometimes **gently** tease me to see a different way of **looking** at things [Comments].*

В данном примере можем наблюдать и использование **герундия**, который, как показывает исследование, является **одним из гендерных маркеров женской речи** в рамках компьютерно опосредованной коммуникации. Герундиальные конструкции достаточно частотны в речи женщин в блогосфере. В чат-коммуникации, где предпочтение отдается простым грамматическим конструкциям, употребление герундия наблюдается гораздо реже. Тем не менее практически во всем анализируемом материале герундиальные конструкции встречались именно в женских контекстах. Это позволяет нам рассматривать данную речевую особенность как типичную для женщин и в блогах, и в ча-

тах. Приведем примеры из чат-коммуникации:

- (2) FEMALE — **sugarbee**: *Doctor_Faurisson: **Saying** bye is intolerance :([Spinchat].*

- (3) FEMALE — **+Blaze+**: *Yes it will Sandra .. **looking** forward to that day [Spinchat].*

Рассмотрим еще ряд примеров женских высказываний из блогов с наречиями, оканчивающимися на -ly:

- (4) *I **personally** believe it's **extremely** important to raise kids around people that are tolerant, have different morals, ideas, blah blah blah [Fletcher 2013].*

- (5) *The coolest thing about the US is that you can **literally** find almost every type of climate and ecosystem on the planet, all in a single first-world, English-speaking, **culturally** diverse country [Fletcher 2013].*

Отметим, что употребление в женской речи наречий, оканчивающихся на -ly, столь популярное в рамках блогосферы, *практически не наблюдается в чат-коммуникации:*

- (6) FEMALE — **msrogue**: *Walker: that sounds **heavenly**...I am **officially** jealous [Spinchat].*

Следовательно, применительно к чатам данная закономерность узуса не может считаться гендерным маркером;

– **модальные слова (clearly, obviously, apparently, certainly, surely, well, only, simply)** [Henley, Thorne 1975]. Рассмотрим для начала несколько примеров из блогосферы:

- (7) *Yes **obviously** there are very dangerous places in South Africa. Let's just get this clear and leave it at this [Fletcher 2013].*

Предложенное высказывание содержит также элемент непрямого побуждения, характерный для дискурсивной самопрезентации женщин, — *let's* и разговорное *just* (подробнее об этом см. ниже).

- (8) *Whoever wrote about Miami has **obviously** never lived here [Fletcher 2013].*

- (9) *Sorry but I think you went to the wrong island...**surely** not Malta :) [Fletcher 2013].*

В данном примере, помимо модального слова *surely*, наблюдаем употребление *I think* и *Sorry*, которые, как будет описано ниже, являются гендерно маркированными элементами и также характеризует данную фразу как женскую.

Обратимся к примерам употребления модальных слов в чат-коммуникации:

- (10) FEMALE — **Girl-from~tomorrow**: *In-to_the_wild: **Apparently** you guys live*

in Europe so your morality and values are a bit changed than that of mine or good_and_silent_girl's [Spinchat].

(11) FEMALE — **Angelina**: *not exactly what I asked, **clearly** you are adamant on ignoring my question* [Spinchat].

(12) MALE — **Quirkyzzz**: *actually, I sympathize with germans and finns not wanting to pick up the bill for greek tax evasion and italian corruption. What about you, fant? what country are you in this story, anyway?* [Spinchat].

(13) MALE — **Tamlin**: *obviously you dont know what 'closed shop' means* [Spinchat].

Как можно заметить, модальные слова в чат-коммуникации не являются некоторой «типичной» особенностью мужской или женской речи и не могут служить гендерным маркером;

– **претеритные формы модальных глаголов (might, could, would)** [Goroshko 1999: 11]. Как показывают проанализированные примеры дискурсивной самопрезентации женщин и мужчин, в рамках нашей выборки данная особенность речи не может рассматриваться как преимущественно женская или мужская и не является гендерным маркером ни в рамках блогосферы (примеры 14, 15), ни в чат-коммуникации (примеры 16—19):

(14) MALE — *I think we **might** disagree on how morally repulsive it **would** be- excluding a particular religion might make sense in a confessional state, for example, but not in secular America* [McIntoch].

(15) FEMALE — *Eventually i **would** like to travel more and maybe live elsewhere. Ideally if i had enough money i **would** like to travel the world, with my kids and husband when there schooling has finished!* [Fletcher 2013].

(16) FEMALE — **qwertz**: *others **might** wear rings in other fingers but bite me wears it in the pinky* [Spinchat].

(17) MALE — **tranquil**: *Quirkyzzz: caste system discussion **couldnt** be as boring as THIS!!* [Spinchat].

(18) MALE — **moseph**: *I **should** at least get dressed and make coffee..* [Spinchat].

(19) MALE — **Into_the_wild**: *alisha!: yeah, if it will be too annoying, I **would** parcel them to Pakistan to my parents, they **could** come back when they would be 18 :D* [Spinchat].

– **оценочные прилагательные** [Goroshko 1999: 9; Eckes 1994], например:

(20) *Last week, my husband lost his job in senior management, after 32 years with*

*the same firm. It is a **wrongful unfair dismissal case*** [The art of manliness].

(21) *Very **sad** and **terrifying**, this is an **incomprehensible** and **hateful** blow to all women, working or not* [VanBuren 2011].

(22) *If more people blogged so **honest** and **fresh**, the blogosphere wouldn't be the **rank toilet bowl** it currently is* [Fletcher 2013].

Метафоры, используемые авторами, представляют собой одну из особенностей женской речи и **могут быть рассмотрены в качестве гендерного маркера**:

(23) *I see blogging as an enormous **buffet table, or smorgasbord**. There are many different types of dishes: **appetizers, entrees, side dishes, and desserts**. Each blogger puts out a dish, refilling it as resources allow. (I guess the porn sites would be like an **open bar?**)* [Juggling frogs].

Приведем примеры употребления оценочных прилагательных в чатах:

(24) MALE — **Tom***: *Daawa: you are **innocent, cute, handsome and shy..what else?*** [Spinchat].

(25) MALE — **Tom***: *fried_rice: , we have a **beautiful, nice , caring and lovable nurse here...**(Nurse~Khate)* [Spinchat].

(26) FEMALE — **midi85**: *that's why you're **the best lemuria**, you're **efficient** and noone can moke u!!* [Spinchat].

(27) FEMALE — **Lemuria**: *Daawa: that was **rude and disrespectful*** [Spinchat].

(28) MALE — **Doctor_Faurisson**: *These **shitty** films destroy the childrens' brains* [Spinchat].

Как видно из примеров, использование оценочных прилагательных популярно и в чат-коммуникации, и в блогосфере. Однако в рамках чатов мужчины прибегают к употреблению оценочных прилагательных так же часто, как и женщины, что не позволяет нам в данной области рассматривать эту особенность речи в качестве гендерного маркера. В рамках же англоязычной блогосферы оценочные прилагательные являются маркером женской речи;

– **выражения “I mean”, “I think”, “Sort of”, “Well”, “Just”, “I suppose”, “You see”, “You know”** [Goroshko 1999: 11; Holmes 1986]:

(29) *I was reading the article about Brazil — I **just have to say** that you have been gravely misinformed...* [Fletcher 2013].

(30) FEMALE — ***carolyn***: *Aliney: I **think** I need a plan like that...I went to bed at 530 am up at 645am went to meeting and haven't gone back to bed* [Spinchat].

(31) FEMALE — **Girl~from~tomorrow: alisha: Just washing and cleaning is enough :P** [Spinchat].

(32) FEMALE — **Hyena: Doctor_Faurisson: I think its better to let make kids mistakes sometimes to some level. Failing is a better learning** [Spinchat].

Последние два примера содержат **герундий**, который, как было сказано выше, является **гендерно маркированным элементом женской речи и в чатах, и в блогах**.

Отметим, что конструкция *I think* встречается периодически в речи мужчин в чатах и блогах. Однако у мужчин эта конструкция имеет иной семантико-прагматический заряд. Если женщины используют *I think*, сигнализируя о возможности к размышлению, о высказывании предположений, с которыми можно потенциально спорить и не соглашаться, то для мужчин *I think* — это выражение категорического постулирования:

(33) MALE — **I think the best piece of advice for people who think to go to college: have a reason. Have a goal for when you get out** [The art of manliness];

– **конструкциям “I wonder if”, “It seems to me”, “My impression is”, “I wouldn’t mind”** [Goroshko 1999: 11; Holmes 1986], например:

(34) **I wonder if the writer has ever travelled to other parts of Africa to make such bogus claims** [Fletcher 2013].

(35) **To me it seems like maybe you shd just add a little cardio to your plan since your still unhappy with your weight (which happens to be a number I myself would turn sideways and disappear if obtained lol) it shd do the trick** [Ferriss].

(36) FEMALE — **giZmo: I wonder if the stadia will even be ready on time, Yumechan** [Spinchat].

Как видим из примеров, использование коммуникантами-женщинами конструкций *I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn’t mind* наблюдается и в блогах, и в чатах, что позволяет рассматривать данную речевую особенность в качестве гендерного маркера женской речи;

– **частично десемантизированные интенсификаторы, способствующие гиперболизации высказывания: awfully pretty, awfully jolly, terribly nice, terribly tired** [Goroshko 1999: 9]:

(37) **You can never get bored there, since there is so much to do! Miami is terribly wonderful!** [Fletcher 2013].

(38) **Please do not break all of SA down — that would be horribly unfair and ignorant** [Fletcher 2013].

(39) We have **extremely abusive taxes** and we get shit in return, especially health care! [Fletcher 2013].

(40) FEMALE — **juggalolz: I’m awfully sorry to have kept you waiting so long, angelheart** [Spinchat].

В представленных примерах из женских контекстов блогов и чатов наблюдаем употребление слов *terribly, horribly, extremely, awfully*, семантика которых стерта или почти стерта. При этом данные слова не теряют собственной коммуникативной значимости, выступая в функции уточнения, усиления влияния на коммуниканта. Использование частично десемантизированных интенсификаторов характерно для речи женщин в чатах и блогах, что дает нам право считать данную речевую особенность гендерным маркером женской речи;

– **глаголы в пассивном залоге** [Smith P. 1985; Куницына 2011]:

(41) **Hi dear, i love ur publication. however i need ur advice, i want to travel to brazil through the sporsor of my mentor but am very confused and worried about the type of life and business that flourish in brazil and beside am been set back by my friends on the fact that mine going there is only to go and do drug business and it very dangerous, pls help me am confused** [Fletcher 2013].

Обратимся к примерам из чатов:

(42) MALE — **kevinug: ~ShehrBano~: disney/pixar and dreamworks animated movies r screened in cinemas even at night** [Spinchat].

(43) MALE — ***Luca: I am entering that dark phase of humanity , that is known as the pre-grocery shop state :(** [Spinchat].

(44) FEMALE — **DARKALEXA: Doctor_Faurisson: this place is created already if u dont like it just go** [Spinchat].

Пассивные конструкции, преобладающие в речи женщин в блогосфере, в чат-коммуникации встречаются в равном соотношении и в речи мужчин, и в речи женщин. Следовательно, как показатель гендера в чатах пассивные конструкции рассматриваться не могут;

– **средства семантической гиперболизации речи** [Куницына 2011]:

(45) **I definitely think so, really enjoying using my lipstick** [Cunningham].

(46) **I think I’d actually die for this polish** [Cunningham].

(47) **Totally agree with you Saul. Cape Town is a very special place and in my opinion one of the safest places I’ve been to** [Fletcher 2013].

Помимо употребления частично десемантизированных интенсификаторов в функции гиперболизации, уточнения, усиления влияния на коммуниканта, речь женщин наполнена и иными средствами семантической гиперболизации, что наглядно демонстрируется в приведенных выше примерах из блогосферы. Обратимся к примерам из чатов:

(48) FEMALE — **Salasosin**: *Seamus_O'Malley: nah, it was just to say that I am so **completely flattered** ;)* [Spinchat].

(49) FEMALE — **Salasosin**: **Angelina: funny thing is that I dont actually like candys and chocolates much :D but its just **very very sweet** of her :)* [Spinchat].

Как можно заметить, семантическая гиперболизация характерна для речи женщин и в блогах, и в чатах, соответственно является гендерным маркером;

– **эллиптические конструкции** [Goroshko 1999; Куницына 2011], в частности в блогосфере:

(50) *Selfish, and totally inappropriate* [Tina Fey...].

(51) *Maybe not an apt or fair comparison but...anecdotally* [Heffernan].

(52) *Wow, just watched Hot Coffee, learned quite a bit about our judicial system....quite scary to say the least, always knew money meant power but this show REALLY shows how high it reaches! This show is a must see...* [VanBuren 2011].

В чат-коммуникации эллиптические конструкции также весьма популярны:

(53) FEMALE — ***carolyn***: *want to go to the fair with me tonite Mr.Weekday?* [Spinchat].

(54) MALE — **s_space**: *Still don't know what they're talking about* [Spinchat].

(55) FEMALE — **Girl~from~tomorrow**: *alisha!: Sounds awesome .. hope you would look pretty in it* [Spinchat].

(56) FEMALE — **DARKALEXA**: *DreamDetective: hope u wont hit on me :P* [Spinchat].

Рассматривая примеры женских высказываний из блогов и чатов, отметим, что, как правило, опущению в речи женщин подвергается именно субъект, подлежащее, причем подлежащее в форме местоимения первого лица. Редуцироваться также могут и вспомогательные глаголы, в частности глагол-связка. В безличных предложениях наблюдаем опущение конструкции *It is*, что характерно для речи женщин и в чатах, и в блогах. Отметим, что эллиптические конструкции в чатах встречаются и в мужской речи, но их ко-

личество значительно меньше, вследствие чего мы обозначаем данную особенность как гендерный маркер женской речи блогов и чатов;

– **сочинительная связь, корректное употребление структур сложного предложения** [Smith 1985; Goroshko 1999]:

(57) MALE — **Tom**: *Well, *carolyn*, Michigan does have a sort of an isolation factor to it as a state. I have been there and I am still trying to fully process and to put my finger on what it is about Michigans* [Spinchat].

(58) MALE — **Lion-Rampant**: *the worst that can happen is you lose everything, then you're in the beautiful position of having nothing left to lose and everything to gain :D* [Spinchat].

(59) FEMALE — *I live in São Paulo and I know Rio de Janeiro very well as I was born there. I agree that Brazil is a good place to live and retire, but please get better informed about cost living in the big cities here* [Fletcher 2013].

Как было сказано ранее, данная особенность речи не характеризуется как мужская или женская в рамках нашей выборки и, следовательно, не может являться гендерным маркером. Анализ выборки показывает, что употребление сочинительной связи характерно и для женской, и для мужской речи в блогосфере и чатах;

– **разделительные вопросы, вопросительные конструкции для выражения побуждения к действию с отсутствием собственно глагола в повелительном наклонении** [Goroshko 1999]:

(60) *I don't think it is necessarily during the run, is it? More after? I had a long period of not believing in it. But then it suddenly started* [Comments].

В приведенном примере, помимо вопросительных конструкций, отмечаем употребление *I don't think* как средства выражения неуверенности, а также герундия, что характеризует данное высказывание как принадлежащее именно женщине.

(61) *90% more than the rest of the world combined — makes you think why they want our country so much **doesn't it!!!!*** [Fletcher 2013].

Рассмотрим примеры употребления разделительных вопросов в чатах.

(62) FEMALE — **Sprinkles**: *makes you feel small doesnt it MrSixString :(* [Spinchat].

(63) MALE — **Quirkyzzz**: *well, things are more or less going well in NL at the moment, aren't they?* [Spinchat].

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что разделительные вопросы в чат-коммуникации наблюдаются в речи и мужчин, и женщин, а это говорит о невозможности рассмотрения данного лингвистического средства в качестве гендерного маркера в чатах.

В связи с этим рассмотрим выражение побуждения в женской речи в чатах и блогах и вопросительные конструкции как один из способов выражения непрямого побуждения.

(64) FEMALE — *If you are struggling to finance your education, why wouldn't you try to pick a public university that isn't so expensive?* [Cross 2014].

(65) FEMALE — *Don't you think it's a good idea to send real, touchy-feely good-old-fashioned handwritten letters sometimes?* [Smith S.]

В приведенных примерах наблюдаем употребление утверждений в форме отрицательных вопросов, характерных для женской речи в блогосфере.

Заметим, что в современном чате в речи женщин достаточно частотны прямые повелительные конструкции. Поэтому трактовка скрытого побуждения как более характерной для женской речи формы побуждения не подтверждается на материале англоязычной чат-коммуникации.

(66) FEMALE — *Girl~from~tomorrow: good_and_silent_girl: Tell your sis i am the best girl in the town :P* [Spinchat].

(67) FEMALE -*Salasosin: *Angelina: take out your excercice diary now and make a report :P* [Spinchat];

– вежливые слова, извинения, просьбы [Куницына 2011]:

(68) *Excuse me for entering your manly world but I have a question. How do I stay on the road AND avoid hitting the car in front of me or do I have to choose?* [The art of manliness].

(69) *I agree with some of what you say, except that Texas is a socialist state.* [VanBuren].

Женщины выражают несогласие достаточно вежливо. Его цель — высказать собственное мнение, избежав при этом возможного конфликта.

(70) *For those who don't know, the brain controls nearly all of the body's functions* [Pro-lifers don't care...].

Незнание собеседниками общеизвестных фактов не акцентируется умышленно и не становится объектом насмешек. Говорящий только повторяет информацию, не вызывая при этом агрессивной реакции.

(71) *Hi Terra! First of all, I want to congratulate you for your article! I haven't been*

in most of those places, but I really want to go to Amsterdam, Cape Town and Paris. And the cost of living isn't too low either. As for Brazil, it is a wonderful country too (I know, I was born and raised there)! However, I have to disagree with a few things you said there. The health care system unfortunately isn't that great [Fletcher 2013].

Рассмотрим некоторые примеры чат-коммуникации:

(72) FEMALE — *Sandra: I do appologize I was multitasking* [Spinchat].

(73) FEMALE — **Angelina: spica Im sorry...Im so sorry...forgive me, will you?* [Spinchat].

(74) FEMALE — *DARKALEXA: hugs kevinug so so so tight* [Spinchat].

(75) FEMALE — *sugarbee: Mr.curious: I should be very thankful to you if you portray a nicer and decent image of Pakistani guys here* [Spinchat].

(76) FEMALE — *ToxicFlower: And super-sorry to hear about your car; trust me, I know how that is!* [Spinchat].

Как можно заметить, вежливость присуща женщинам и в чатах. Более того, для усиления значения и придания конструкции большей эмоциональности извинения дополняются вспомогательным глаголом *do*, отдельные элементы конструкций извинения, вежливой просьбы и т. п. дублируются, что также акцентирует вежливый характер просьбы, извинения.

Помимо описанных выше гендерных маркеров женской речи, проводимый нами анализ показал необходимость выделить еще один маркер женской речи, характерный для чат-коммуникации. Согласно нашим наблюдениям, *манипуляции с графической формой текста* в чатах как способ придания большей эмоциональности высказыванию характерны именно для женской речи и могут считаться гендерным маркером.

(77) FEMALE — **Malissa*: hEL-LooOooOooOooOooOO.*

(78) FEMALE — *I_don't_exist: hugggggggssssss.*

(79) FEMALE — *Jeannie: ozgun: hii.*

(80) FEMALE — *goodfriend703: waaaaaaaaahhhhhhhhhh good-girllllllllll chartiiiiiii mariiiiiiiiiii.*

(81) FEMALE — *Salasosin: *Angelina: not really. I probably won't have myself sold for slavery, but my russian is not very great despite of yeaaaaaaars of learning (no real practice)* [Spinchat].

(82) FEMALE — *Mona2.: hi hi hugssss gipsy_granny and a flying kisss :))* [Spinchat].

Графическое варьирование текста в рамках чат-коммуникации, являясь средством выражения интенсивности оценки, имеет в большей степени контактоустанавливающий характер, направлено на сокращение дистанции между коммуникантами, выражение солидарности.

Подытоживая проведенный анализ контекстов чатов и блогов, сгенерированных коммуникантами-женщинами, на предмет наличия лингвистических средств гендерной самопрезентации, обозначим те из них, которые можно рассматривать как гендерные маркеры в чатах и блогах.

В чат-коммуникации процент употребления рифмованных прилагательных оказался весьма незначительным. В блогосфере рифмованные прилагательные вообще отсутствовали. Данная речевая характеристика не рассматривается нами как гендерный маркер.

В блогосфере в 86 % выбранных женских контекстов были употреблены оценочные прилагательные; 73 % контекстов содержат в себе формы герундия; 53 % фраз являются эллиптическими конструкциями. Оценочные прилагательные, герундий и эллипсис на основании нашей выборки должны рассматриваться как гендерные маркеры женской речи в блогосфере.

В чат-коммуникации роль оценочных прилагательных как маркера женской речи не подтверждается, тогда как эллиптические конструкции и герундий, как и в блогосфере, сохраняют значение гендерных параметров женской речи.

Подтвердился факт того, что в блогосфере модальные слова (*clearly, obviously, apparently, certainly, surely, well, only, simply*) представляют собой гендерный маркер женской речи. В чат-коммуникации модальные слова маркером гендерной идентичности не являются.

Случаи употребления претеритных форм модальных глаголов (*might, could, would*) и у мужчин, и у женщин наблюдались одинаково часто как в чатах, так и в блогах. Данная речевая особенность в рамках нашей выборки не была признана маркером гендерной идентичности ни в блогах, ни в чатах.

Частично десемантизированные интенсификаторы, столь часто наблюдаемые в речи женщин и в чатах, и в блогах, у мужчин практически полностью отсутствуют, равно как и гиперболизация. Данные речевые особенности являются маркерами гендерной идентичности женской речи в блогах и чатах.

Выражения *I mean, I think, I suppose, You know*, конструкции *I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn't mind* не исключаются

из мужской речи, хотя и встречаются не так часто. В то же время *Well, Just* можно рассматривать в некоторой степени как слова-паразиты в речи женщин как в блогосфере, так и в чат-коммуникации.

В речи женщин и в чатах, и в блогах наблюдается использование вежливых слов, извинений, просьб, что рассматривается нами как важный параметр гендерной идентичности.

Спорным моментом является преимущественное использование женщинами сложных предложений с сочинительной связью, а мужчинами — сложных предложений с подчинительной связью. Эта тенденция не подтверждается данными нашей выборки и в рамках блогосферы, и в чат-коммуникации.

Кроме того, в чат-коммуникации гендерными маркерами женской речи не могут считаться наречия, оканчивающиеся на *-ly*, пассивные конструкции, метафоры, разделительные вопросы. В то же время в блогах данные особенности характерны именно для речи женщин и являются гендерными маркерами.

В дополнение к сказанному следует отметить, что мы выявили возможность маркирования гендерной идентичности коммуниканта в чат-коммуникации манипуляцией с графической формой текста.

Говоря об общем характере построения женской речи, необходимо отметить следующее. Обращает на себя внимание исключительная фатическая направленность коммуникации у женщин, возможность принятия участия одновременно в нескольких дискуссиях. Женщины легче переключаются, «меняют» роли в акте коммуникации, проявляя большую психологическую гибкость. На пример:

(83) **gipsy_granny**: *whateverworks1: I know that where I live we think very differently about friendship than where u live I thought that amazing when I was in your country*

whateverworks1: *gipsy_granny: How do y'all think about it? :)*

gipsy_granny: *purplebutterfly: what do u think of coming with me to icequeen's place for some months?*

purplebutterfly: *sounds awesme gipsy_granny when do we leave ?*

icequeen: *to be honest gipsy_granny n purplebutterfly i wdnt mind meeting you 2 lovely people in real :))*

gipsy_granny: *whateverworks1: this is not only how I think . We know lots of people which we are aquainted with, which we like to spend time with but there are only few people that we*

choose to be close with, and this in many cases for a life time

gipsy_granny: *icequeen: and again u ignored the space of time I was thinking of hahahaha*

gipsy_granny: *hi TakeTheNightFromMe*

icequeen: *a year now gipsy_grannylollll*

TakeTheNightFromMe: *hey gipsy_granny*

whateverworks1: *gipsy_granny: That is actually how I am too. In real life, I have about two very close friend and the rest are kind of just people I have fun with.*

gipsy_granny: *icequeen ... u do know me, I was about to talk about 9 months first*

gipsy_granny: *whateverworks1: the difference is that we call 'friends' only the close ones, about the others we say 'nice people I know' [26.04.2014]*

Как можно заметить, в данном примере общительная девушка *gipsy_granny* одновременно беседует с несколькими людьми. Она обсуждает понятие дружбы с *whateverworks1*, вместе с подругой *purplebutterfly* собирается навестить *icequeen*, приветствует вновь вошедшего в чат *TakeTheNightFromMe*. Постоянное переключение внимания несколько не обременяет *gipsy_granny*, параллельное общение с разными людьми на различные темы для нее, как практически для любой женщины, вполне естественно.

Мужчины, наоборот, если выбирают конкретную тему для разговора и конкретных собеседников, то не обращают внимания на постороннее, «не слышат» того, что говорят рядом:

84) **nor:** *4thatonegirl hi man*

4thatonegirl: *nor: i am lazy*

supersonicsteamtrain: *4thatonegirl: a true friend gives you the freedom to be yourself*

nor: *4thatonegirl, he likes you chat with him*

4thatonegirl: *nor: who?*

nor: *read*

nor: *supersonicsteamtrain:*

4thatonegirl: a true friend gives you the freedom to be yourself

supersonicsteamtrain: *and not so much as a "thank you".*

4thatonegirl: *nor: he was translating it for me*

nor: *supersonicsteamtrain told you the meaning 4thatonegirl: a true friend gives you the freedom to be yourself [04.04.2014].*

В представленном примере наблюдаем начало диалога между двумя мужчинами — *nor* и *4thatonegirl*. Общаясь с другом, герой *4thatonegirl* не замечает реплики *supersonicsteamtrain* до тех пор, пока *nor* не обращает на данную фразу его внимание.

В связи с отмеченными особенностями женщины предпочитают общение в публичных чатах, комментарии в открытых блогах, тогда как мужчины отдают предпочтение приватным страницам. Это частично объясняет биология: у женщины работают с одинаковой степенью оба полушария мозга, тогда как у мужчин наиболее активно только одно [Палмер Д., Палмер Р.].

Речь женщин в целом имеет контактоустанавливающий настрой, выражает поддержку, понимание.

Как отмечает Е. И. Горошко, при ведении диалога для мужчин характерно интерпретировать речь собеседника и сообщаемую ему информацию, чаще перебивать собеседника, в особенности если им является женщина, чаще дискутировать и оспаривать мнение собеседника, игнорировать его комментарии, стараться доминировать в беседе, выражать свои намерения прямо. Реплики мужчины длиннее, и их количество больше по сравнению с женскими репликами, вопросы рассматриваются как источник информации, а не средство для продолжения разговора, в отличие от женщин [Goroshko 1999: 18].

Неконфликтный характер женской речи подтверждается в рамках чата частым апеллированием к администраторам в случае провокации скандала со стороны других участников (как правило, мужчин), в блогосфере — игнорированием сообщений подобного рода.

(85) **Birdman:** *Silly insulting rough crass Beauty19*

Beauty19: *op... Birdman called me rough and crass*

Beauty19: *that is insulting*

Beauty19: *and insulting is against the rules*

Beauty19: *i demand op take action [12.08.2013].*

В целом у женщин и мужчин различается сам стиль ведения беседы: «общение ради общения» у женщин и «общение ради получения информации и самоутверждения» у мужчин.

Выделенные лингвистические маркеры в речи пользователей чатов и блогов могут быть сгруппированы в гендерно маркированные механизмы самопрезентации, используемые в дискурсе.

К женским механизмам самопрезентации в блогах отнесем:

– **механизм «непрямого побуждения», смягчения категоричности высказывания:** маркеры — наречия, оканчивающихся на *-ly*; модальные слова (*clearly, obviously, apparently, certainly, surely, well, only, simply*); выражения *I mean, I think, Sort of, Well, Just, I suppose, You see, You know*; конструкции *I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn't mind*; глаголы в пассивном залоге; разделительные вопросы, вопросительные конструкции для выражения побуждения к действию с отсутствием собственно глагола в повелительном наклонении;

– **механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта:** маркеры — эллиптические конструкции; вежливые слова, извинения, просьбы; герундий;

– **механизм создания красочного высказывания:** маркеры — оценочные прилагательные; метафоры, фразеологизмы; средства семантической гиперболизации речи; частично десемантизированные интенсификаторы, способствующие гиперболизации высказывания;

– **механизм избегания конфликта** — игнорирование собеседника.

В чатах ситуация выглядит несколько иначе. Женскими механизмами самопрезентации являются:

– **механизм сокращения дистанции с собеседником, установки дружеского контакта:** маркеры — выражения *I mean, I think, Sort of, Well, Just, I suppose, You see, You know*; конструкции *I wonder if, It seems to me, My impression is, I wouldn't mind*; частично десемантизированные интенсификаторы, способствующие гиперболизации высказывания; герундий; средства семантической гиперболизации речи; эллиптические конструкции; вежливые слова, извинения, просьбы; манипуляции с графической формой текста;

– **механизм избегания конфликта** — апеллирование к администратору.

На наш взгляд, это обусловлено особенностями чатов как специальных форм коммуникации. Скорость набора сообщения, анонимность, возможность безнаказанно высказываться в адрес окружающих, желание выразить собственное мнение, привлечь любыми способами внимание к себе позволяет участникам чата пренебрегать правилами приличия, нарушать общепринятые правила и нормы поведения, смело высказываться, открыто приказывать, даже оскорблять коммуникантов и стирает большинство гендерных различий речи коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А. Областная модель концепта BEAUTY, вербализуемая коммуникантами-женщинами // *Lingua mobilis*. 2009. Т. 17, № 3. С. 36—53.

2. Алимуратов О. А., Каратышова М. А. Гендерные и когнитивно-прагматические принципы комплиментарного речевого поведения (на материале современного английского языка) // *Изв. Юж. федерал. ун-та. Филологические науки*. 2010. № 4. С. 101—115.

3. Куницына Е. И. *Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011.*

4. Лату М. Н. Когнитивные аспекты образования синонимии в терминологии (на примере англоязычной и русскоязычной терминологии программирования) // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2011. № 24. С. 84—86.

5. Ожигова Л. Н. *Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — Краснодар, 2006.*

6. Палмер Д., Палмер Л. *Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens*. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/palmer/03.p hp (дата обращения: 15.08.2013).

7. Раздубев А. В. Сравнительно-сопоставительный анализ семантики, структуры и динамики русского и английского подязыков сферы нанотехнологий // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2011. № 24. С. 167—170.

8. Хаперская Д. В. Исследование интегративных пологендерных портретов юношей и девушек с высоким и низким уровнем конкурентоспособности // *Вестн. Пятигор. гос. лингвистического ун-та*. 2013. № 3. С. 223—226.

9. Chernyshenko A. G., Alimuradov O. A. Linguistic Parameters of the Mediation Discourse // *Middle East Journal of Scientific Research*. 2013. Т. 15, № 8. P. 1092—1096.

10. *Comments* // *Guardian discussion*. URL: <http://discussion.theguardian.com/discussion/p/3yzyg8> (дата обращения: 19.01.2014).

11. Cross J. Testing Out: How to “Moneyball” Your Way to a Debt-Free College Degree // *The art of manliness*. 2014. 14 Jan. URL: <http://www.artofmanliness.com/2014/01/14/testing-out-how-to-moneyball-your-way-to-a-debt-free-college-degree/#comments> (дата обращения: 23.01.2014).

12. Cunningham J. Deborah Lippmann 99 Luftballons Swatch // *British Beauty Blogger*. URL: <http://www.britishbeautyblogger.com/2014/02/deborah-lippmann-99-luftballons-swatch.html#comments> (дата обращения: 22.01.2014).

13. Eckes Th. Features of Men, Features of Women: Assessing Stereotypic Beliefs about Gender Subtypes // *British Journ. of Social Psychology*. 1994. № 3. — P. 107—123.

14. Ferriss T. How to Lose 20 lbs. of Fat in 30 Days... Without Doing Any Exercise // *The Blog of Tim Ferriss*. URL: <http://www.fourhourworkweek.com/bl og/2007/04/06/how-to-lose-20-lbs-of-fat-in-30-days-wi>

thout-doing-any-exercise/comment-page-10/ (дата обращения: 25.01.2014).

15. *Fletcher T. L.* Top Ten Places to Live in the World // Directory Journal. 2013. 22 May. URL: <http://www.dirjournal.com/info/top-ten-places-to-live-in-the-world/comment-page-1/#comments> (дата обращения: 26.03.2014).

16. *Furfey P. H.* Men's and Women's Language // American Catholic Sociological Review. 1944. № 5. P. 218—223.

17. *Goroshko O.* Differentiation in Male and Female Speech Styles. — Budapest : Open Society Institute, 1999.

18. *Heffernan L.* Returning to Work After a Career Break: The GOOD News // Grown & Flown. URL: <http://grownandflown.com/returning-to-work-after-a-career-break/> (дата обращения: 09.11.2014).

19. *Henley N., Thorne B.* Sex Differences in Language, Speech and Nonverbal Communication: An Annotated Bibliography // Language and Sex: Differences and Dominance / B. Thorne, N. Henley (ed.). — Rowley, MA : Newbury House Publ., 1975.

20. *Holmes J.* Functions of *you know* in women's speech // Language in Society. 1986. № 15. P. 1—22.

21. *Juggling frogs.* URL: <http://blog.jugglingfrogs.com/2007/05/my-blog-is-smorgasbord-come-and-eat.html> (дата обращения: 22.05.2011).

22. *Lakoff R.* Language and Woman's Place. — New York : Harper & Row, 1975.

23. *McIntosh Peggy.* The Male Privilege Checklist // Alas! : a blog. URL: <http://amptoons.com/blog/the-male-privilege-checklist/> (дата обращения: 26.03.2014).

24. *Pro-lifers* don't care about kids after they are born? // Eternity Matters. URL: <http://4simpsons.wordpress.com/2010/07/24/pro-lifers-dont-care-about-kids-after-they-are-born-3/> (дата обращения: 26.01.2014).

25. *Smith P. M.* Language, the Sexes and Society. — Oxford : Basil Blackwell, 1985.

26. *Smith S.* Dear Sharideth, So, internet dating... URL: <http://sharideth.com/2013/07/30/dear-sharideth-so-internet-dating/http://sharideth.com/2013/07/30/dear-sharideth-so-internet-dating/> (дата обращения: 02.08.2013).

27. *Spinchat.* URL: www.spinchat.com (дата обращения: 05.04.2014).

28. *The art of manliness.* URL: <http://www.artofmanliness.com/> (дата обращения: 23.01.2014).

29. *Tina Fey & Her Lovely Little One Are A Stylishly Sophisticated Duo At The SAG Awards* // CocoPerez. URL: <http://perezhilton.com/cocoperez/2014-01-18-sag-awards-2014-tina-fey-red-carpet/#comments> (дата обращения: 19.01.2014).

30. *VanBuren V.* Jury Reaches Verdict in Jamie Leigh Jones v Halliburton/KBR // Disputing. 2011. 9 Jul. URL: <http://www.disputingblog.com/jones-v-halliburtonkbr-jury-reaches-verdict/> (дата обращения: 25.01.2014).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук И. С. Пирожкова.

УДК 811.111"271
ББК Ш143.21-55

ГСНТИ 16.21.61

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04; 10.01.03

Б. Б. Ерманова
Павлодар, Казахстан

B. B. Yermanova
Pavlodar, Kazakhstan

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
И ТАКТИКИ ПРЕРЫВАНИЯ РЕЧЕВОГО
ОБЩЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ**

**COMMUNICATION STRATEGIES
AND TACTICS OF INTERRUPTION
IN ENGLISH COMMUNICATIVE CULTURE**

Аннотация. В рамках английской коммуникативной культуры описываются стратегии и тактики прерывания речевого общения. Рассматриваются такие тактики, как тактика извинения, намек, ложного согласия (кооперативная коммуникативная стратегия), неприятия темы разговора, отсылка, возмущения, оскорбления (конфронтационная коммуникативная стратегия). Англичане стремятся избегать конфликтных речевых ситуаций, огромное значение в английской лингвокультуре имеет речевой этикет. В связи с этим выбор конфронтационной стратегии не является нормативным и обусловлен рядом параметров — полом, возрастом, условиями сферы общения, степенью близости собеседников, их психологически особенностями.

Abstract. In the frameworks of English communicative culture strategies and tactics of interruption are described. Such tactics as tactic of apology, hint, false consent (cooperative communicative strategy), rejection of the topic of conversation, reference, indignation, insult (confrontational communicative strategy). The English try to avoid verbal conflicts, speech etiquette plays an important role in English linguo-culture. Thus the choice of confrontational strategy is not typical and may be caused by a number of parameters — sex, age, condition of the communicative sphere, relations between the interlocutors, their psychological characteristics.

Ключевые слова: прерывание речевого общения; национальная коммуникативная культура; коммуникативная стратегия; речевая тактика.

Key words: interruption of communication; national communicative culture; communication strategy; verbal tactics.

Сведения об авторе: Ерманова Бакытгуль Болатовна, магистр филологии, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков и перевода.

About the author: Ermanova Bakhytgul Balatovna, Master of Philology, Senior Lecturer in "Theory and Practice of Foreign Languages and Translation" Department

Место работы: Инновационный евразийский университет (Казахстан, Павлодар).

Place of employment: Innovative University of Eurasia (Kazakhstan, Pavlodar).

Контактная информация: 140003, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. М. Горького 104/2, корп. 4, к. 510.

e-mail: yermanova_bb@mail.ru.

Успешность речевого общения определяется слагаемыми прагматического характера и достижением говорящим стратегической цели в условиях бесконфликтного речевого общения. С развитием общества, с усложнением общественных потребностей в речевую коммуникацию вовлекается широкий круг лиц, имеющих различный социальный статус, уровень образования и т. п.

Характерной особенностью процесса общения является диалогический принцип построения, который предполагает распределение инициативы между партнерами, выполнение коммуникантами попеременно роли говорящего и слушающего. Нарушение мены коммуникативных ролей в процессе общения может привести к коммуникативной неудаче. В результате в речевой коммуникации наблюдается такое явление, как «прерывание речевого общения». Прерванная речевая коммуникация представляет собой намеренное прекращение одним из комму-

никантов речевого контакта, противопоставленное завершённой речевой коммуникации, которая характеризуется соблюдением конвенциональных правил при окончании речевого взаимодействия. Участник речевого общения, например не желая продолжать разговор на определенную тему, может прервать речевую коммуникацию.

По мнению зарубежного лингвиста Дженнифер Коутс, прерывание речевой коммуникации представляет собой асимметричную модель речевого общения, нарушение в мене коммуникативных ролей между коммуникантами, в результате чего прерывание приводит к конфронтации по отношению к адресанту [Coates 2004]. Прерывающий выполняет функцию конкурентоспособности, господства и желания занять лидирующую позицию в речевом общении по отношению к прерываемому.

С. А. Аристов характеризует прерывание как попытку коммуниканта прервать другого,

когда последний совершает свой речевой вклад, в точке, не являющейся точкой потенциального перехода, а его речевой вклад не выполняет функцию сигнала слушающего [Аристов 2000]. Прерывание разговора рассматривается как невежливое речевое действие, скорее враждебное, но оно также может носить и вежливый характер.

Речевая коммуникация имеет множество вариантов, когда решение коммуникативной задачи может быть выполнено с использованием нескольких коммуникативных ходов [Темиргазина 2002]. Коммуниканты корректируют свои речевые действия в зависимости от ситуации, сложившейся во время речевого общения. Такое регулирование и корректирование коммуникативных ходов осуществляется в ряде коммуникативных стратегий и тактик.

В настоящем исследовании мы попытаемся определить наиболее типичные стратегии и тактики, характерные для ситуации прерывания общения. Эмпирической базой для исследования послужили 120 речевых ситуаций прерывания коммуникации, отобранных из художественных произведений английских авторов XIX—XX в.: О. Хаксли («Brave new world»), А. Конан Дойла («The hound of the Baskervilles»), Б. Шоу («The superman»), Ш. Бронте («Jane Eyre»), Дж. Остин («Pride and prejudice»). Таким образом, мы рассматривали вторичные модели реального речевого общения.

В контексте прагмалингвистического подхода речевая стратегия определяется как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев 2002], как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [Иссерс] (существуют и другие определения).

Разные исследователи предлагают различные классификации речевых стратегий, основанные на тщательных наблюдениях и анализе коммуникативных ситуаций. О. С. Иссерс в зависимости от степени «глобальности» намерений выделяет общие речевые стратегии, направленные на достижение более общих социальных целей (установление статуса, проявление власти и др.), и частные, характеризующие конкретный разговор с конкретными целями (обращение с просьбой, утешение и т. д.). Исследователь выделяет основные (семантические: дискредита-

ция, уговоры, угроза и т. д.) и вспомогательные (прагматические, диалоговые, риторические) стратегии.

Е. М. Лазуткина пишет о том, что речевые стратегии соединяют в диалоге элементы игры и ритуального речевого поведения (традиционные реплики, паузы, дежурные темы и др.) [Культура русской речи 1999].

По мнению И. И. Гулаковой, выбор стратегии речевого поведения происходит под влиянием психологической установки, которая включает когнитивные, мотивационные и моральные аспекты. Выделяя установку на партнера по коммуникации, против него и на игнорирование партнера, исследовательница разделяет стратегии на конфронтационную, активно-нейтральную, пассивно-нейтральную и кооперативную, которые могут быть представлены определенными тактиками [Гулакова 2004].

Как отмечает З. К. Темиргазина, в речевом общении проявляются две разнонаправленные психологические тенденции: тенденция к сближению и тенденция к отдалению, — так как люди, с одной стороны, хотят контакта, тепла, эмоциональной и духовной близости, а с другой — не хотят раствориться в других, стремятся сохранить свое «я», не раскрывают своего внутреннего мира никому, и для этого дистанцируются от окружающих [Темиргазина 2002].

Принимая во внимание существование двух фундаментальных установок, лежащих в основании любого коммуникативного взаимодействия, а именно установки на кооперацию и конфронтацию, применительно к ситуациям прерванного речевого общения мы выделяем две стратегии, определяющие характер речевого поведения коммуникантов — стратегию кооперации и конфронтации. Каждая стратегия эксплицируется набором определенных речевых тактик прерывания речевого общения. Речевые тактики производны от национальной культуры того или иного народа. На их выбор особое влияние оказывают системы ценностей, убеждений, социальных норм, конвенций, составляющих в совокупности диспозицию личности, а также различные коммуникативно-психологические установки адресанта.

Выделенная на нашем материале кооперативная стратегия противопоставляется конфликтной, поскольку ориентирована на поиск компромисса, согласия и др. Стратегия кооперации реализуется говорящим в нескольких речевых тактиках, отличающихся исходными коммуникативными интенциями и рядом прагматически релевантных параметров. В нашем материале эксплицируются речевые тактики извинения,

намека, ложного согласия, особенности которых будут рассмотрены ниже.

Тактика извинения основана на демонстративной вежливости, являющейся неотъемлемой чертой коммуникативного поведения англичан. Данная тактика имеет две иллюкативные цели: функцию признания вины и контактоустанавливающую. Адресант стремится нейтрализовать возможный ущерб для отношений, поддержать гармонию и сохранить перспективу дальнейших отношений с собеседником. Событие, обуславливающее извинение за прерванное общение, адресант оценивает как отрицательное для адресата, из-за чего желает сгладить вину. Представитель английской коммуникативной культуры тактично и вежливо прерывает общение, используя такие экспрессивные выражения, как *goodness, sorry...; sorry, I must go...; I beg your pardon; excuse me* и др. Ниже приведены иллюстрирующие ситуации.

1. Разговор происходит между двумя коммуникантами — представителями гетерогенной коммуникации (мужчина и женщина), в неформальной сфере общения. Разговор протекает в гостиной. Один коммуникант — падчерица, другой — отчим. Отчим ждет падчерицу в гостиной, в это время падчерица находится в комнате своего брата, который болен. Затем она заходит в гостиную и происходит небольшой диалог.

Half an hour later Susila re-entered the sitting room.

"Well?" her father-in-law questioned. "Any success?"

She nodded.

"I talked to him about a place in England" she said. "He went off more quickly than I had expected. After that I gave him some suggestions about his temperature ..."

"And the knee, I hope."

"Of course."

She looked on the clock on the wall. "Goodness, sorry, I must hurry. Otherwise, I will be late for my class at school."

Девушка посмотрела на часы, находящиеся на стене, вспомнила, что ей нужно бежать на уроки в школу. Она приносит свои извинения за то, что вынуждена прервать разговор с отчимом. Выбор **речевой тактики извинения** за прерванный разговор обусловлен константными статусными ролями коммуникантов: по родству (отчим — падчерица) и по возрасту (старший — младший). Языковым маркером прерывания речевой коммуникации является этикетное выражение извинения: **Sorry, I must hurry.**

2. Речевое общение происходит в больничной палате. Коммуникантами являются больной по имени Will, посетитель (друг

больного) Mr. Bahu и медсестра, ухаживающая за ним. Медсестра измеряет больному температуру, затем делает ему инъекцию.

The spirit lamp was lighted out and, while the needle was being boiled, little Nurse Appu took her patient's temperature.

"Ninety-nine point two."

"Does that mean I have to be banished?"

Mr. Bahu enquired.

"Not so far as he is concerned," the girl answered.

"So, please, stay," said Will.

The little nurse gave him injection of antibiotic, then, from one of the bottles in her bag, stirred a tablespoonful of some greenish liquid into half a glass of water.

"What is it?" Will asked.

"It helps people stop worrying," the little nurse explained. "I am sorry I've got to go and see about my patient's lunch."

Медсестра прерывает речевое общение, так как ей нужно исполнять дальше служебные обязанности, например, узнать о ланче для пациента. Языковым маркером прерывания речевой коммуникации в данной ситуации является этикетное выражение **I am sorry**, типичное для представителей английской лингвокультуры. Статус коммуникантов (пациент — врач) носит асимметричный характер. Прерывающий также использует **тактику извинения**. Указание причины, по которой продолжение коммуникации становится невозможным, способствует созданию ненапряженной атмосферы общения в подобных ситуациях. Этот эффект от использования речевой тактики очень важен, так как сам акт прерывания речевого общения носит деструктивный характер, последствия которого могут быть весьма негативными.

Следующая выделенная нами речевая тактика, реализующая стратегию кооперации, — это тактика намека. **Тактика намека** является характерной чертой эмотивной англоязычной коммуникации. Основной задачей этой тактики является регулирование степени эмоционального воздействия на собеседника, сглаживание «острых углов» при прерывании общения посредством снижения значимости высказывания. Для представителей англоязычной коммуникативной культуры характерна контролируемая демонстрация эмоционального отношения. Согласно сложившемуся стереотипу, англичане являются вежливыми, галантными, учтивыми, даже чопорными, но при этом сдержанными, невозмутимыми, равнодушными ко всему. Приведем ситуации.

1. Речевая коммуникация происходит в ресторане. Коммуникантами, мужчина и женщина, обсуждают свои отношения.

— *I am serious, my dear. People should love each other more in simple ways, I've always felt this. Why can't we comfort each other? One tends to live at a sort of level of anxiety and resentment where one is protecting oneself all the time. Climb above it, climb above it, and feel free to love! I want a special relationship with you.*

— *You've got it!*

— *I wish I could hold you to some sort of seriousness, you are so terribly sort of slippery today. Bradley, this matters so much — you will love me, you will be faithful?*

— *Yes!*

— *I don't know — thank you — all right — **You are looking at your watch, you must go to your lunch date. I'll stay here and think-and-drink.***

У мужчины назначена встреча, и он постоянно поглядывает на часы, тем самым намекая женщине, что ему нужно уйти. Женщина, заметив это, позволяет ему уйти. Прерывание речевой коммуникации происходит конвенциональным путем, без нарушения стратегии вежливости. Коммуникант использует невербальные элементы оптико-кинестической подсистемы (взгляды) в речевой тактике намека.

2.— *What do you do? I asked.*

— *I'm a dentist.*

— *Good for you! I laughed. Fancy, this charming girl is a dentist!*

— *You've told Priscilla about us, of course? said Roger, sedate.*

— *Yes, yes.*

— *Julian?*

— *Julian Baffin, the daughter of a friend of mine ...*

— ***The car will arrive for us in ten minutes.***

— *Oh, you must go, my children, I said.*

Отношения коммуникантов асимметричны по возрасту: пожилой человек и молодая пара. Сын знакомит отца со своей девушкой. Разговор происходит в общественном месте. Сын прерывает отца во время разговора, намекая, что за ними должна приехать машина. Отец положительно реагирует на намек. **Речевая тактика намека**, использованная в этом случае, не нарушает принцип вежливости.

Выделенная нами речевая стратегия кооперации в прерывании речевого общения может реализоваться **тактикой ложного согласия**. Представители английской коммуникативной культуры избегают споров. Для англичанина является дурным тоном неумеренно проявлять свою эрудицию, безапелляционно утверждать какой-либо факт. Адресат может согласиться с адресантом, чтобы не вступать в спор, может прервать

коммуникацию, используя речевую тактику ложного согласия. Это иллюстрируют следующие ситуации.

1.— *The old man hiccupped twice and said plaintively:*

— *"There is a squall coming."*

Mr. Blore said, "No, no, it's a lovely day."

The old man said angrily, "There's a squall ahead. I can smell it.

— ***"Oh, you are right,"** said Mr. Blore **pacificaly.***

Речевая ситуация происходит в поезде. Коммуниканты — старик и молодой человек. Ситуация асимметрична, участники принадлежат к разным возрастным категориям. Они обсуждают погодные условия. Старик убеждает молодого человека в том, что надвигается вихрь. Но молодой человек пытается ему возразить, говоря, что погода прекрасная. Раздражение старика от того, что ему возражают, описывается наречием **angrily**. Молодой человек во избежание конфликта с представителем старшего поколения решает прервать разговор с ним и больше не спорить, используя при этом тактику ложного согласия с коммуникантом, выраженную в предложении **Oh, you are right**.

2. ...

— *Yes; and that is why I expose myself and her to your ridicule by telling you what passed.*

— *No, dear Tavy, not ridicule, on my honor! However, no matter. Go on.*

— *Her sense of duty is so devote, so perfect, so ...*

— ***Yes, yes, I know.** (leaving the room)*

Коммуникантами речевой ситуации являются два приятеля — Октавиус и Таннер. Октавиус рассказывает о своих чувствах к девушке. Другу эта тема разговора начинает надоедать, и он решает прервать общение, используя речевую тактику ложного, намеренного согласия с помощью утвердительно-го предложения **Yes, I know**. Он не ставит своей целью разрушить дальнейшие отношения с приятелем и сохраняет свое лицо, применяя **тактику ложного согласия**.

При анализе фактического материала мы также выделили конфронтационную стратегию прерывания общения. Многими исследователями конфронтационная стратегия рассматривается как конфликтный и агрессивный тип речевого поведения. Как показывает наш анализ, конфронтационная стратегия в ситуациях прерванного речевого общения может реализоваться адресатом через тактики неприятия темы разговора, отсылы, возмущения, оскорбления. Проиллюстрируем их конкретными ситуациями.

Тактика неприятия темы разговора релевантна для тех коммуникативных ситуа-

ций, в которых происходит нарушение конвенциональных норм речевого поведения. Такая тактика основана на нежелании адресата продолжать коммуникацию по причине неприятия темы беседы, отсутствия интереса к ней.

Her exclamation expressed harsh, almost vulgar, disgust.

— *Never, she said, never, never. Oh, I am so unhappy.*

The whimpering and the spilling tears began again. Her face was flaming hot.

— *Stop, please. You must rest. Do take some aspirins. Try to sleep a little. I'll get you some tea, would you like that?*

— *I'm just as clever as he is. He wouldn't let me take a job. I obeyed him, I've always obeyed him. I haven't any private things. He owns the world. It's all his, his, his. I won't save him at the end. I'll watch him drown. I'll watch him burn.*

— *Rachel, don't, don't, don't, I won't listen, you don't mean any of this rigmarole. Don't say such things to me. You'll regret it later.*

Разговор происходит между двумя коммуникантами: Рейчел является хозяйкой дома, а Стивен — ее гость, знакомый семьи. Рейчел жалуется на своего мужа за то, что он не позволял ей работать, хотя она такая же умная, как и он, и что она всегда его слушалась. Стивен не выдерживает ее слез, ему неприятно смотреть на ее страдания, и просит в категорической форме, чтобы она прекратила говорить о муже, используя повтор глагола в императивном наклонении: *don't, don't say such things*. В данной ситуации второй коммуникант использует речевую тактику категоричного неприятия темы разговора.

Тактика отсыла основана на нежелании коммуниканта продолжать разговор с собеседником, характерна для ситуаций, в которых происходит нарушение правил эффективной коммуникации. Это иллюстрирует следующий пример.

Ситуация происходит в гостиной дома одного из коммуникантов.

— *Oh God! I said, Get out, will you? The idea of my prising money out of Christian for her delinquent brother struck me as unusually lunatic even for Francis.*

— *And, you know, I was knocked when I heard she was back, it's a shock, it changes a lot of things, I wanted to come and chew it over with somebody, for human interest like, and you were natural*

— *I say, is there any drink in the house?*

— **Just go, go away.**

Разговор происходит между хозяином дома и его гостем. Гость начинает рассказывать о бывшей жене хозяина дома. Хозяин

не желает говорить о ней, эта тема его раздражает. Он требует прекратить разговор. Прерывание речевого общения здесь происходит с нарушением коммуникативных и этических норм. Возникает ситуационная несовместимость, и коммуникант использует тактику категоричного отсыла: **Go away**, выпроваживая гостя.

Тактика возмущения, характерная для конфронтационной стратегии прерывания общения, основана на нарушениях правил коммуникации. Она типична для речевых ситуаций, в которых происходит нарушение этических правил ведения беседы, мена коммуникативных ролей коммуникантов. Коммуникант прерывает разговор, если он недоволен, возмущен или раздражен речевыми действиями собеседника, ходом разговора.

1. A — *"He is already married, dear, it is not a good choice..."*

J — *"He is not at least he doesn't love her, he told me, that was his forced solution."*

A — *"It is too risky..."*

J — *"I love him, nobody is going to change it... Why do you tell it to me?!" (She leaves).*

Алиса Фейрфакс, экономка в доме господина Рочестера, хорошо относится к Джен Эйр и дает ей совет не влюбляться в него. Джейн отказывается от совета. Она возмущена и больше не хочет разговаривать на эту тему. Прерывание речевого общения обусловлено таким прагматическим параметром, как влияние статусных ролей коммуникантов. Джейн нарушает общение неконвенциональным способом, используя тактику возмущения, эксплицированную в специальном вопросительном предложении: **Why do you tell it to me?!**

2....

— *But Jack...*

— **Don't call him Jack under my roof** (*throwing the book violently down on the table*).

Разговор происходит между двумя приятелями в кабинете, сфера общения — неформальная. Гость начинает рассказывать об их общем знакомом, но хозяин раздражен и недоволен и решает прервать разговор, употребив предложение в повелительном наклонении **Don't call him Jack under my roof** и используя речевую тактику возмущения. Как отмечают многие исследователи, англичане кажутся сдержанной и невозмутимой нацией. Со своими «застегнутыми на все пуговицы» эмоциями и непоколебимым самообладанием они представляются надежными и последовательными. Но наличие таких коммуникативных ситуаций, где причиной прерванного общения может быть раздражение, возмущение, недовольство чем-либо показывает, что представители англий-

ской коммуникативной культуры также подвержены влиянию сильных эмоций: гнева, возмущения, ярости и т. д.

Для тактики оскорбления характерно выражение крайне неодобрительного отношения к поведению партнера по коммуникации.

— *Why are choosing me?*

— *Don't you really want to know?*

— *Yes, you should choose someone from another ...*

— *May be, but you are not a bad choice...*

— *Hm?..... You are so disgusting!* (*She leaves him*).

Ситуация происходит на балу. Разговор происходит в неофициальной сфере общения. Элизабет знакомится с другом Бингли — красивым и высокомерным мистером Дарси. Между ними возникает психологическое противостояние, результатом которого может стать как любовь, так и ненависть. Элизабет неприятен мистер Дарси, но он в нее влюблен. Однако его гордость и высокомерие не позволяют ему признаться в своих чувствах к девушке. Элизабет догадывается об этом, она разгневана, недовольна ответной репликой Дарси (*you are not a bad choice*), и поэтому прерывает речевую коммуникацию, применив тактику оскорбления.

Выше мы попытались проанализировать и описать наиболее существенные прагматические особенности прерывания речевого общения среди представителей английской коммуникативной культуры с точки зрения его стратегического и тактического воплощения. Англичане, являясь вежливой, галантной, учливой и воспитанной нацией, стараются избегать конфликтных речевых ситуаций, поэтому речевой этикет играет огромную роль в английской коммуникативной среде. Поскольку прерванное речевое общение характеризуется как нарушение коммуникативных и этических норм, то именно вежливая форма прерывания речевой коммуника-

ции является эффективным инструментом в гармонизации общения и подтверждении положительных перспектив дальнейших взаимоотношений коммуникантов.

Корректировка речевых действий коммуникантов в той или иной коммуникативной ситуации реализуется через определенные речевые стратегии и тактики. Выбор кооперативной коммуникативной стратегии и речевых тактик носителями английского языка при прерывании речевого общения характеризуется национально-культурной спецификой. Нетипичная для англичан конфронтационная стратегия, реализующаяся в тактиках неприятия темы разговора, возмущения, оскорбления, отсылка, обуславливается такими прагматическими факторами, как возраст, пол, симметричный и асимметричный характер коммуникации, условия сферы общения, степень знакомства коммуникантов, их психологические характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов С. А. Ситуированная модель мены коммуникативных ролей // Тверской лингвистический меридиан : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2000. Вып. 4.
2. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2004.
3. Иссерс О. И. Коммуникативные стратегии и тактики в русской речи. — М., 2003.
4. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. — М., 2002.
5. Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. — М. : Норма — Инфра М., 1999.
6. Темиргазина З. К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. — Павлодар, 2002.
7. Coates Jennifer. Gender, status and power in discourse behavior of men and women. 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. З. К. Темиргазина.

УДК 821.161.1-3(Карамзин Н. М.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,44

ГСНТИ 16.21.33; 17.82.10

Код ВАК 10.01.01; 10.02.19

А. Н. Кудреватых А. N. Kudrevatykh
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ОБРАЗ МАРФЫ-ПОСАДНИЦЫ
КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА
В ПОВЕСТИ Н. М. КАРАМЗИНА
«МАРФА-ПОСАДНИЦА,
ИЛИ ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА»**

**THE IMAGE OF MARFA THE MAYORESS
AS A POLITICAL LEADER
IN THE STORY “MARFA THE MAYORESS,
OR THE FALL OF NOVGOROD”
BY N. M. KARAMZIN**

Аннотация. Анализируется повесть Н. М. Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода». Рассматривается образ Марфы Борецкой как политического лидера. Особо оговариваются расхождения между трактовкой одних и тех же событий в историческом сочинении («Истории государства Российского») и повести. По мнению ряда исследователей, в повести Марфа одерживает моральную победу, хотя и терпит политическое поражение. Особое внимание уделено ее речи, обращенной к народу. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что героиня использует в своей речи приемы демагога, в то время как ее противник обращается к доводам разума и логики. Этим объясняется поражение Марфы в борьбе с царем Иоанном.

Abstract. The story “Marfa the Mayoress, or the Fall of Novgorod” by N.M. Karamsin is analyzed. The image of Marfa Boretskaya is the image of a political leader. The difference of interpretation of the same events in the historical novel (“History of the Russian State”) and the story (“Marfa the Mayoress, or the Fall of Novgorod”) are pointed out. Many scholars say that Marfa gains a moral victory in the story, although suffers political defeat. Special attention is paid to her address to people. The analysis makes it possible to conclude that Marfa uses demagogue tricks while her opponent appeals to common sense and logic. This explains the defeat of Marfa in her struggle against Tsar Joann.

Ключевые слова: Карамзин; повесть; демагогия; Новгород; война; народ.

Key words: Karamsin; story; demagogue; Novgorod; war; people.

Сведения об авторе: Кудреватых Анастасия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской и зарубежной литературы, Институт филологии, культурологи и межкультурной коммуникации.

About the author: Kudrevatykh Anastasia Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology, Culture Study and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.
e-mail: folkloristica@yandex.ru.

Повесть «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1803) является одним из последних художественных произведений в прозе, написанных Н. М. Карамзиным. Логика ее сюжета определяется развитием исторического конфликта между Московским государством и Новгородом. Повесть рассказывает о великой драме смиряемого русским самодержавием города, о вольности и непокорстве, олицетворенном в образе названной в заглавии героини — сильной и властной женщины, величие которой проявилось в самые тяжкие дни как ее собственной жизни, так и жизни новгородцев.

В литературоведении нет единого мнения о степени глубины карамзинского историзма.

Так, по мнению Г. А. Гуковского, Карамзину не удалось выявить историческую обусловленность человеческого характера [Гуковский 1941: 74]. Персонажи «Марфы-посадницы» мало похожи на реальных нов-

городцев, они больше напоминают античных героев, республиканскими доблестями которых Карамзин восхищается в эстетическом плане: отвлеченная красавица героиня увлекает его сама по себе.

Иначе рассуждает Д. Д. Благой. С его точки зрения, произведение Карамзина с полным правом можно назвать исторической повестью, поскольку основное внимание уделено не изображению частной, личной жизни, но историческим событиям, политической проблематике, в произведении доминирует героический пафос [Благой 1955: 425].

В. И. Федоров не столь категоричен, он считает, что историзм в повести носит условный характер, поскольку история используется Карамзиным как «средство решения общественно политических вопросов современности» [Федоров 1957: 109—129]. Позиция этого исследователя близка С. Е. Подлесовой, по мнению которой, основной в повести является проблема характера, его

объяснения с помощью изображения исторических событий [Подлесова 2000: 160].

Одна из причин отмеченных нами нозогласий в интерпретации художественного замысла «Марфы Посадницы» заключается в том, что, с одной стороны, исторические события действительно играют в сюжете важную роль. Писатель изначально акцентирует свою установку на их изображение во вступлении, написанном от имени издателя, где читаем следующее: «В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и — сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный... Все главные происшествия согласны с историею» [Карамзин 1964: 690].

С другой стороны, вопреки утверждениям вступления, изображены эти события не достоверно. Особенно заметна авторская субъективность при сравнении повести с соответствующими главами «Истории государства Российского». П. А. Орлов подробно рассмотрел расхождение между изложением исторических фактов в повести и в историческом сочинении Карамзина [Орлов 1977: 244—245]. Так, он заметил, что различна трактовка общественной жизни Новгорода в последние годы его вольности. В «Истории государства Российского» показана борьба между двумя партиями, из которых одна вполне открыто симпатизировала Москве, другая поддерживала сепаратистские планы Борецких. В «Марфе Посаднице» все выглядит иначе. Новгородцы показаны как дружный воинский стан, сплотившийся вокруг Марфы. Лишь по мере нарастания трудностей, когда на город обрушиваются и военные неудачи, и голод, люди, слабые духом, начинают требовать присоединения к Москве.

В «Истории...» Карамзин неоднократно пишет о тайных переговорах, которые вела Марфа с Литвой с целью окончательного разрыва с Москвой. Текст этого соглашения приводится в примечаниях к VI тому. В повести Борецкая гордо отвергает льстивые предложения литовского посла, предпочитая остаться без помощи, но не запятнать свою совесть изменой. В «Истории...» дважды приводятся примеры вероломства новгородцев в войне с Москвой, когда они, направляя к Иоанну послов для мирных переговоров, внезапно напали на его войска. В повести военные действия Новгорода отличаются благородством и прямоотой. В «Истории...» пятитысячная московская рать одержала победу над сорокатысячным новгородским войском. В повести — совершенно иное соотношение: войско Иоанна значи-

тельно превышает силы новгородцев. Карамзин знал о том, что Иван III не казнил Марфу, а заточил ее в монастырь. В «Истории...» указаны и место ее заключения, и год ее вполне мирной кончины. В повести Борецкая погибает на плахе, обнаруживая при этом большое самообладание. Описание казни насыщено эффектными подробностями. Последние слова Марфы — «Подданные Иоанна! Умираю гражданкою Новгородскою!..» [Карамзин 1964: 727] — звучат укором растерявшим республиканские доблести новгородцам.

По мнению С. Е. Подлесовой, все эти изменения продиктованы авторской задачей: «Писатель не только сумел героизировать Марфу, он стремился объяснить ее характер» [Подлесова 2000: 160]. Психологический анализ в повести, по мнению исследовательницы, оказывается тесно связан с изображением обстоятельств. Драма Марфы обусловлена объективной логикой истории, и чем обаятельнее внутренний облик героини, тем убедительней звучит итоговый вывод: через систему событий, через конфликт и логику развития художественного действия писатель проводит мысль о необходимости сильной, справедливой государственной власти. Однако Марфа одерживает моральную победу, несмотря на то, что потерпела политическое поражение: «В образе Марфы Карамзиным воплощена идея патриотизма, осознаваемая как верность идеалам свободы Новгорода, политические проблемы борьбы „вольного Новгорода“ с Москвой (республика или монархия) и гибель Марфы на эшафоте обретают в повести этический смысл...» [Сигида 2004: 327—344]. В связи с этим возникает вопрос о художественных средствах, позволяющих писателю решить поставленную задачу.

Исторический конфликт между республиканским Новгородом и самодержавной Москвой выражен в повести прежде всего в противопоставлении двух сильных характеров: Марфы и Иоанна. С самого начала заявлено моральное и этическое равновесие борющихся сторон: «Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, так Марфа в Новгороде воспаляла умы и сердца» [Карамзин 1964: 718]. Однако личного влияния оказывается недостаточно. Персонажи понимают, что для победы им необходима народная поддержка. Поэтому за народное мнение всё время ведется борьба, одним из главных способов которой становится ораторская риторика. Судя по комментарию издателя во вступлении, Марфа проиграла противнику не только как политик, но и как оратор: «И летописи и старинные пес-

ни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катонем своей республики» [Карамзин 1964: 680—681]. Нам данное замечание представляется принципиально важным для понимания художественной концепции характера Марфы. Марк Порций Катон Старший вошел в историю Древнего Рима не только как крупнейший политический деятель, сумевший завоевать огромный моральный авторитет среди сограждан благодаря последовательному и строгому следованию собственной четкой программе, но и как блестящий оратор, один из создателей теории красноречия, автор первой римской риторики. Его речи, получившие высокую оценку Цицерона, были популярны не только у современников, но обильно цитировались в более позднее время (вспомним хотя бы знаменитое «*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*» — «Карфаген должен быть разрушен»). Итак, Марфа попыталась сыграть в жизни Новгородца роль Катона, но неудачно. В чем же причина ее поражения? Ответ на наш вопрос дает сопоставительный анализ двух публичных выступлений, данных в самом начале повести, — князя Холмского (представителя Иоанна) и Марфы. Каждый из говорящих стремится и логикой, и красноречием, и гражданской страстностью склонить на свою сторону народ, и после каждой речи Карамзин сообщает о реакции слушателей.

Князь Холмский в своей речи обращается к разуму и логике новгородцев. Он приводит аргументы в пользу законной власти и величия князей русских: «Великий Новгород всегда был десницею князей великих, когда они славили делами имя русское. Олег под щитом новгородцев прибил щит свой к вратам цареградским. Святослав с дружиною новгородскою рассеял, как прах, воинство Цимисхия, и внук Ольгин вашими предками был прозван Владетелем мира...» [Карамзин 1964: 683]. Но Холмский говорит не только о прошлом. Он подтверждает величие Иоанна его нынешними делами и подвигами: «Иоанн возбудил от сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших. Дуга мира и завета воссияла над могилами князей Георгия, Андрея, Михаила. Небо примирилось с нами и мечи татарские иступились... Дмитрий, поразив Мамаю, не освободил России; Иоанн все предвидит, и, зная, что разделение государства было виною бедствий его, он уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской... Такому ли государю не славно

повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров?» [Там же: 685—686]. В своей речи боярин аргументированно, с опорой на конкретные факты доказывает политическую перспективность власти Иоанна, цель которого — стремление объединить страну для укрепления ее силы и освобождения от внешнего врага.

Появляется его оппонент — Марфа. И облик, и поведение Борецкой отражают ее внутреннюю силу и величественность: «Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: „Марфа! Марфа!“ Она всходит на железные ступени, тихо и величаво; взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует... Важность и скорбь видны на бледном лице ее... Но скоро осененный горестию взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала...» [Там же: 687]. Такой мы впервые встречаем ее в повести.

Какие же средства выбирает героиня, чтобы нейтрализовать воздействие Холмского на души и умы новгородцев? Оказывается, что выбор весьма примечателен.

Во-первых, она вроде бы, как и Холмский, обращается к исторической памяти слушателей. Но если ее оппонент оперирует конкретными фактами, достоверность которых задокументирована, то Марфа апеллирует к полуполюгендарным временам, образам, память о которых плохо сохранилась, а потому есть возможность весьма субъективной их интерпретации: «Вадим! Вадим! Здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю небо и тебя в свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан, что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моей кровью. Жена дерзает говорить на вече, но предки мои были друзья Вадимовы, я родилась в стане воинском под звуком оружия, отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот мое право быть защитницей вольности! Оно куплено ценою моего счастья...» [Там же: 687]. Как известно, в русских летописях сохранились весьма скудные сведения о Вадиме, суть его конфликта с Рюриком не ясна, а потому возникает возможность придать ему практически любой смысл, а при соответствующей подаче эмоции слушателей могут быть весьма сильно возбуждены. Фактически Марфа таким образом манипулирует сознанием аудитории: «Но когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим храбрый звал его пред суд народа. „Меч и боги да будут нашими судиями!“ — отвечивал Рюрик, — и Ва-

дим пал от руки его, сказав: „Новгородцы! На место, обгаренное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие — и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стенах ваших...“» [Там же: 688]. Никто из слушателей не был свидетелем гибели Вадима, были ли сказаны им те слова, которые приписывает ему Марфа, — неизвестно, ни доказать, ни опровергнуть данный аргумент невозможно.

Таким образом, мы обнаружили в речи героини прием, который специалистами классифицируется как демагогический. Сошлемся на его характеристику, данную в работе Ю. Л. Нестеренко: «Самый „солидный“ способ „доказательства“ реально бездоказательных утверждений — это приведение ссылок на источники. Источники могут быть неконкретными („иностранцы специалисты доказали“), ненадежными („мой сосед говорил“, публикации в бульварной прессе, мнения специалистов в других областях), устаревшими <...> или, в наиболее наглом и злонамеренном случае, просто выдуманными (сюда же относится и ситуация, когда сам источник реален, но якобы цитируемой информации не содержит)» [Нестеренко]. Марфа все свои «исторические» аргументы строит на примерах из древних времен. Свидетелями этих событий не был ни один из присутствующих людей, документальных сведений о них не сохранилось, поэтому доказать или опровергнуть эти факты невозможно.

Еще одна особенность речи Марфы, заметная в процитированном отрывке — стремление воздействовать не столько на разум, сколько на эмоции слушателей. Она стремится побудить народ к протесту против посягательств на независимость, желание отстоять свою вольность. Каким образом она это делает?

Во-первых, она довольно открыто льстит согражданам, подчеркивает достоинство новгородцев и славу их предков: «Потомки славян великодушных! Вас называют мятежниками!.. За то ли, что вы подъяли из гроба славу их? Они были свободны, когда текли с востока на запад избрать себе жилище во вселенной, свободны подобно орлам, парившим над их главой в обширных пустынях древнего мира...» [Карамзин 1964: 687].

Возбуждению аудитории способствует активное использование эмоционально окрашенных терминов: «О воины *великодушные!* Вы идете спасти отечество и навеки утвердить благие законы его...» [Там же: 709]; «Не мы, о *россияне несчастные*, но всегда любезные нам братья! Не мы, но вы нас оставили, когда пали на колена пред гордым ханом» [Там же: 690]. Как отмечает

Ю. Л. Нестеренко, данный прием позволяет создать у аудитории предвзятое мнение о доводах противника (реже — о своих собственных) путем использования уничижительных (восхваляющих) терминов вместо нейтральных: «В принципе, все дискредитационные приемы так или иначе основаны на апелляции к эмоциям вместо разума, но приемы этого вида реализуют это в наиболее явной форме: напрямую утверждается, что согласиться с аргументами оппонента нельзя по чисто эмоциональным причинам» [Нестеренко].

Еще один прием, позволяющий оценить речь Марфы как демагогическую, — запугивание слушателей последствиями: «В этом случае демагог обычно даже не пытается отрицать истинности аргументов оппонента — он лишь упирает на то, что признание этой истинности будет якобы иметь неприемлемо тяжелые последствия» [Там же]. Марфа очень эмоционально обрисовывает ужасную картину последствий потери независимости новгородской: «Но если Иоанн говорит истину, если и в самом деле гнусное корыстолюбие овладело душами новгородцев, если мы любим сокровища и негу более добродетели и славы, то скоро ударит последний час нашей вольности, и вечевой колокол, древний глас ее, падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!.. Тогда мы позавидуем счастьем народов, которые никогда не знали свободы... Но знай, о Новгород! Что с утратой вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изошряет серпы и златит нивы... Померкнет слава твоя, град великий, опустеют многолюдные концы твои, широкие улицы зарастут травой, и великолепие твое, исчезнув навеки, будет баснею народов» [Карамзин 1964: 692—693].

Такая перспектива вызывает бурную гневную реакцию новгородцев, звучат возгласы: «„Нет, нет! Мы все умрем за отечество! — восклицают бесчисленные голоса. — Новгород государь наш! Да явится Иоанн с воинством!“» [Там же: 693].

Чтобы усилить эмоциональный эффект своей речи, героиня подкрепляет его выразительными действиями: «Марфа, стоя на Вадимовом месте, веселится действию ее речи. Чтобы еще больше воспалить умы, она показывает цепь, гремит ею в руке своей и бросает на землю: народ в исступлении гнева попирает оковы ногами, взывая: „Новгород — государь наш! Война, война Иоанну!“» [Там же: 693].

По сути Борецкая обрисовывает только два возможных варианта развития событий — либо Новгород остается вольным городом,

либо потеряет свою свободу под властью Иоанна и тем самым опозорит себя и будет уничтожен. В данном случае она использует некорректную дихотомию: «Чаще всего некорректная дискретизация <...> встречается в наиболее простой (и, соответственно, „доходчивой“) форме дихотомии — разбиения лишь на две альтернативы <...> из всего множества возможных альтернатив отбираются две, как правило — крайние („или полная вседозволенность — или тоталитарная тиранья“») [Нестеренко].

Наконец, Марфа применяет еще один прием демагога — некорректное следствие: «Самый простой вариант некорректного следствия — это конструкция „если А, то Б“, в которой на самом деле Б вовсе не следует из А. Например, „если не будет религии, ничто не удержит людей от аморальных поступков“ (в то время как мораль — социальный институт, совершенно не обязательно завязанный на религию)» [Там же]. Если Новгород подчинится Иоанну, то город ожидают ужасные беды, оскудение, и померкнет слава его.

Таким образом, наш анализ позволил квалифицировать речь Марфы как демагогическую. На определенное время оратор достигает своей цели, воодушевляя новгородцев. Однако заканчивается всё для героини весьма печально: потеряв поддержку сограждан, она терпит поражение в своей борьбе с Иоанном.

Почему же народ оставляет именно того персонажа, дело которого исторически бесперспективно? Ответ на данный вопрос дается в духе просветительской идеологии. Народ, по мысли Карамзина, большая сила, но такая, которая требует постоянного руководства; это исполин, наделенный детской душой и детским разумом. К данной мысли писатель неоднократно возвращается в своей повести. «Народ слаб и легкомыслен, — поучает Марфу ее муж Исаак Борецкий, — ему нужна помощь великой души в важных и решительных случаях» [Карамзин 1964: 703]. На непостоянство и неблагодарность новгородцев жалуется и сама Марфа. «...Давно ли, — думает она, — сей народ славил Марфу и вольность? Теперь он увидит кровь мою и не покажет слез своих...» [Карамзин 1964: 724]. И действительно, когда московское войско вошло в Новгород, «народ, всегда любопытный, забыл на время судьбу Марфы: он спешил навстречу к Иоанну» [Там же: 724].

Причина поражения Марфы в том, что она использует в своей борьбе за народную поддержку весьма сомнительные средства. Фактически Карамзин показывает нам два

типа политиков: демагога (Марфу) и рационалиста-практика (Холмского). Приемы демагога (Марфы) оказываются действенными только сиюминутно, находят поддержку аудитории на эмоциональном уровне, но народ отворачивается от такого политика, когда под влиянием новых впечатлений старые эмоции вытесняются новыми, когда в силу вступает разум. Новгородцы, столкнувшись с голодом и смертью, забывают о чувствах, возбужденных в их сердцах пламенной речью Марфы. Посадница оказывается без поддержки горожан и погибает. Почему же эта сильная, яркая, безусловно героическая личность обращается к демагогии? Думается, ответ кроется в объективной логике обстоятельств. Политика Иоанна исторически перспективна. Позиция Марфы исторически проигрышная, героиня вынуждена оперировать сомнительными средствами, поскольку безжалостная логика событий противоречит ее политической позиции. Катоны только тогда становятся духовными лидерами, когда их субъективные усилия совпадают с вектором исторического процесса, но в этом случае они не нуждаются в демагогических приемах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII в. — М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1955.
2. *Гуковский Г. А.* Карамзин и сентиментализм // История русской литературы. — М.; Л.: АН СССР, 1941. Т. 5.
3. *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. — М.; Л.: Худож. лит., 1964.
4. *Нестеренко Ю. Л.* Демагогия. Классификация демагогических приемов с примерами и советами по противодействию. URL: http://fan.lib.ru/n-nesterenko_j_l/text_0610.shtml (дата обращения: 28.01.2014)
5. *Орлов П. А.* Повесть Н. М. Карамзина «Марфа-Посадница» // Русская литература. 1968. № 2. С. 199—200.
6. *Орлов П. А.* Русский сентиментализм. — М.: Изд-во МГУ, 1977.
7. *Подлесова С. Е.* Исторические повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода»: особенности жанра, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2000.
8. *Сигида Л. И.* Об истоках разочарования и скепсиса героев Карамзина // XVIII век: искусство жить и жизнь искусства. — М.: Экон-информ, 2004. С. 327—344.
9. *Федоров В. И.* Историческая повесть Н. М. Карамзина «Марфа-посадница» // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина / под ред. А. И. Ревякина. — М.: МГПИ, 1957. Т. 47, вып. 6. С. 109—129.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. А. Ложкова.

УДК 821.161.1-3(Глинка Ф. Н.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,44

ГСНТИ 17.07.29; 16.21.33

Код ВАК 10.01.01; 10.02.01

Т. А. Ложкова Т. A. Lozhkova

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

«ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА»

Ф. Н. ГЛИНКИ В КОНТЕКСТЕ

ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЫ

НАЧАЛА XIX ВЕКА

Аннотация. Проанализированы особенности организации повествования в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки. Делается вывод о художественном значении ассоциативного фона, возникающего благодаря вписанности произведения в ораторский дискурс начала XIX века. Показывается, что Ф. Н. Глинка синтезировал различные жанры — письма, путевые заметки, дневник, воспоминания и жанры ораторской прозы. Обращение к последним связано с историческим фоном — эпохой Наполеоновских войн. Автор использует такие приемы, как принцип контраста, этическое противопоставление врагов и русских, ассоциации с известными образцами ораторской прозы. Выстраивается художественный образ мира, в центре которого — противопоставление войны, разрушающей привычный порядок, и людей, понимающих истинные ценности, стремящихся к гармонии.

Ключевые слова: Ф. Н. Глинка; «Письма русского офицера»; ораторский дискурс.

Сведения об авторе: Ложкова Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.
e-mail: lozhkova@eka-net.ru.

“LETTERS OF A RUSSIAN OFFICER”

BY F. N. GLINKA WITHIN THE CONTEXT

OF THE EARLY XIX CENTURY

ORATORICAL PROSE

Abstract. After analyzing the characteristics of the narrative organization in “Letters of a Russian Officer” by F. N. Glinka, the author comes to the conclusion about the artistic value of associative background arising due to the inclusion of this text in the oratorical discourse of the XIX century’s beginning. It is shown that F.N. Glinka combined several genres – letter, travel notes, diary, memoirs and genres of oratorical prose. The reference to the latter is connected with the historical background – the epoch of Napoleon wars. The author uses such means as contrast, ethic contrast of enemies and the Russians, associations with the famous images of oratorical prose. The artistic image of the world is created, the centre of which is the opposition of war destroying the usual way of life and people who understand real values, seeking harmony.

Key words: F. N. Glinka; “Letters of a Russian Officer”; oratorical discourse.

About the author: Lozhkova Tatyana Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of the Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

В «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки впервые проявилась одна из важнейших для русской литературы тенденций, которую позже будет принято обозначать термином «военная проза». Основу произведения составили дневники и путевые заметки, в которых отражены впечатления автора — участника военных кампаний 1805—1806 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. Ф. Глинка начал публиковать свои заметки в 1808 г., однако по окончании Отечественной войны основательно их переработал и издал в 1815—1816 гг. в восьми частях уже фактически как новое произведение. Все последующие публикации представляют собой, как правило, сокращенный вариант издания 1815—1816 гг. Длительность работы над текстом «Писем» — знак особой сложности замысла, потребовавшей от автора поиска соответствующей художественной формы. В итоге получилось произведение,

не поддающееся однозначному жанровому определению. Так, явно выраженное автобиографическое начало служит Е. Е. Приказчиковой основанием для определения «Писем...» как мемуаров в эпистолярной форме «ретроспективно обработанного дневника» [Приказчикова 2006: 209]. Между тем, по мнению Г. А. Галина, повествование в «Письмах...» не обладает необходимой для мемуаров степенью дистанцированности от предмета повествования: «Написанные буквально по следам событий, очевидцем которых довелось быть автору, они в какой-то мере являются для нас еще более достоверным источником, более близким к событиям войн с Наполеоном, чем созданные несколько позже произведения мемуарного характера» [Галин 1990: 8].

Общим местом в литературоведении стало включение «Писем русского офицера» в прочно утвердившуюся в русской и мировой литературе жанровую традицию путе-

шествия: название произведения явно отсылает читателя к «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина. Однако, как справедливо указывает В. Г. Базанов, использование традиции не всегда означает слепое следование за ней [Базанов 1953: 80]. Сам автор в одном из начальных писем предостерегает от чересчур прямолинейных сближений: напомнив о шутливой классификации путешественников, которую дает Стерн в своем знаменитом «Сентиментальном путешествии», он заявляет, что не относит себя «ни к одному из сих отделений, ибо путешествовал по обязанности, а не от праздного или пустого любопытства» [Глинка 1990: 23]. Внимательный анализ дает исследователям основания для выводов о том, что писатель заметно модифицирует традиционную жанровую форму. Так, В. Г. Базанов, тщательно проанализировав идейно-содержательный уровень «Писем...», считает возможным говорить о новаторском подходе Ф. Н. Глинки к жанровому канону [Базанов 1953: 78—101]. К аналогичным выводам приходит и Г. А. Галин: «Уже сама тематика — отражение больших всемирно-исторических событий, важнейшим из которых была освободительная Отечественная война 1812 года, описание военных будней и кровопролитных боев — сильно раздвинула каноны и рамки этого жанра» [Галин 1990: 10].

Мы полагаем, что отмеченное В. Г. Базановым и Г. А. Галиным расширение тематики, усложнение мотивной структуры является не единственным способом модифицирования традиционной жанровой формы. Важное значение имеет и стремление писателя к синтезированию различных жанровых традиций в рамках единого сложного художественного целого. В частности, по мнению Н. Д. Кочетковой, помимо названных выше форм дневника, письма, воспоминаний мемуарного характера, Ф. Глинка широко опирается и на возможности жанров ораторской прозы. Исследовательница замечает, что повествование в «Письмах...» отличается «особой приподнятостью тона, пафосом, характерным более для публичной речи, чем для дружеского письма или дневниковой записи» [Кочеткова 1975: 109].

Русская ораторская проза имеет прочные и глубокие традиции, восходящие еще к античной и древнерусской литературе. Особое значение она обретает в XVIII в. Е. М. Матвеев убедительно показывает, что вплоть до 60-х гг. XVIII в. она фактически была единственным развивающимся в русской литературе видом прозы [Матвеев 2007]. Доминирующей жанровой формой в этот период был панегирик (похвальное слово), как светский, так и церковный. Осо-

бенно активно ораторская проза функционировала в период царствования Елизаветы Петровны [Афанасьев 2003: 623].

Новый всплеск русского красноречия отмечается в начале XIX в. — в период Наполеоновских войн. Подробную характеристику ораторской культуры первой трети XIX в. мы находим в монографии Н. И. Михайловой. Исследовательница обращает внимание на особую авторитетность ораторского слова в данный период: «В пушкинское время ораторское слово звучало на поле брани и в учебной аудитории, на площади и во дворце, в церкви и гостиной. Ораторское слово поднимало на бой и вдохновляло на борьбу. Оно радовало в торжествах и утешало в бедствиях. Оно учило, проповедовало, забавляло. Войны и революции, государственная и частная жизнь, религия и культура — в пушкинское время все было связано с ораторским словом, воплощалось в ораторском слове» [Михайлова 1990: 17]. Особенно востребована ораторская проза была в условиях Отечественной войны 1812 г. Н. М. Михайлова обращает внимание на характерное для этого периода обращение к приемам ораторской речи даже в текстах, казалось бы, чисто служебных, профессиональных. В корпус ораторских текстов вошли не только такие привычные формы, как манифест, воззвание, торжественная речь, надгробное слово или церковная проповедь, но и приказ по армии, военная реляция, высочайший указ. Авторами ораторских текстов были император Александр I, военачальники (М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, П. И. Багратион), писатели и ученые (А. С. Кайсаров, В. А. Жуковский, А. С. Шишков), деятели церкви (епископ Августин, митрополит Амвросий, архиепископ Филарет) [Михайлова 1990: 17—19]. Вот, например, отрывок из рескрипта Александра I М. И. Кутузову «О запрещении использовать в настоящий момент резервные войска» от 24 августа 1812 г.: «...Мнение же ваше, полагающее донесение о состоянии неприятельских сил в 165 000 увеличенным, оставляет меня в приятной уверенности, что вышеозначенное число усердных русских воинов под предводительством опытного и прозорливого полководца поставит преграду дальнейшему вторжению наглого врага и, увенчав вас бессмертною славою, передаст имя ваше потомству как избавителя Москвы, а вверенное вам воинство украсится вечными лаврами» [М. И. Кутузов. Сборник документов 1954: 138—139]. Высокий торжественный стиль превращает рескрипт в образец ораторского слова.

Н. И. Михайлова, опираясь на тщательный анализ большого числа конкретных тек-

стов, убедительно доказывает, что, несмотря на жанровое и стилевое разнообразие, ораторскую прозу 1812 г. можно рассматривать как единый текст, отличающийся специфическими особенностями: «Единым текстом делает ораторскую прозу 1812 года общая цель, которую преследовали ее создатели — пробудить чувства патриотизма и ненависти к врагу, объединить все силы нации и поднять их на борьбу с неприятелем. Именно эта цель определяет образную систему, типологические особенности поэтики всех ораторских жанров» [Михайлова 1990: 42]. К этим особенностям исследовательница относит следующие:

- антитетичность образной системы, группирующейся вокруг двух полюсов: России, родной земли, которую следует защищать, и врага, который подлежит уничтожению, вследствие чего контраст становится не просто стиливым приемом, но ведущим поэтическим принципом, определяющим основные параметры художественного образа мира;

- четкое противопоставление двух рядов ценностных категорий, закрепленных в конкретных семантических и лексических комплексах: святая вера, честь, слава россиян и безверие, бесчестие, бесславие галлов; борющиеся за свободу России и Европы русские и поработители-французы; освободитель Александр I и тиран Наполеон; победа России и поражение Франции;

- активное использование риторических конструкций (обращения, восклицания, вопрошания) как способа выражения внутренней экспрессии высказывания.

Таким образом, мы, очевидно, можем говорить о процессе формирования вполне определенной, социально обусловленной организации речевой системы, призванной репрезентировать реальность, сложившуюся в конкретный исторический момент. Согласно наблюдениям Н. И. Михайловой, она обладает внутренней целостностью, жанровой и стиливой оформленностью и вписанностью в конкретный социокультурный контекст, т. е. всеми признаками дискурса — текста, являющего определенным образом мира.

В поле данного дискурса притягиваются и литературные произведения, причем на какой-то момент становится возможным стиливое сближение текстов, принадлежащих авторам, придерживающимся самых различных, порой прямо противоположных политических позиций. На это обстоятельство обратил в свое время внимание Г. А. Гуковский. Анализируя вышедший в 1814 г. двухтомник «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», исследователь пытается несколько ослабить впе-

чатление отмеченного нами стиливого единства, утверждая, что «реакционеры» и «вольномудцы» вкладывали в общие стиливые формулы разный смысл: «Слова „отечество“, „отчизна“ вызывали биение сердца именно больше всего у свободолюбцев. Реакционное правительство вовсе не стремилось к превращению войны с французами в народную войну. Мощный призыв народа к оружию и к мести насильникам — это был лозунг именно народной войны, лозунг вооружения народа. Так пошло и далее. Официальная литература если и призывала громы войны, то в плане уничтожения французов, как народа бунтарей и нечестивцев, — а более всего проповедовала тишину и спокойствие, надеясь на социальное успокоение. Наоборот, радикальная поэзия проповедовала упоение боев, славу оружия, мужество войны, пробуждая тем самым священную тревогу в сердцах граждан и воспитывая в них воинов свободы» [Гуковский 1965: 205]. Очевидно, у Г. А. Гуковского есть все основания для подобных утверждений, однако вряд ли можно отрицать, что обращение и «консерваторов», и «властей», и «церковников», и будущих «революционеров» к единым стиливым приемам, использование единых словесных формул, риторических фигур создавало сильное ощущение единства переживаний во всех слоях русского общества, осознавшего себя национальным целым. В ораторском дискурсе выражал себя тот дух исторической эпохи, который так мощно прочувствует А. С. Пушкин [Михайлова 1986: 278—288; Юхнова 2011: 4].

Организация повествования в «Письмах русского офицера», на наш взгляд, позволяет говорить о явной вписанности произведения в данный дискурс. Чтобы увидеть это, достаточно простого сопоставления текста произведения с ораторскими высказываниями самого разного типа. Покажем это на конкретных примерах.

Ф. Глинка активно использует характерные риторические приемы. Вот фрагмент из «Воззвания Александра I к жителям Москвы с призывом организовать ополчение» от 6 июля 1812 г.: «Итак, да распространится в сердцах знаменитого дворянства нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет бог и православная наша церковь, да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширной России» [Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года 1962: 46].

Приведем и фрагмент из Манифеста Александра I, адресованного «всем верноподданым», с призывом о создании опол-

чения от 6 июля 1812 г.: «Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему Москве, а ныне взываем ко всем нашим верноподанным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единокровным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем отечества. Святейший синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русской! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют» [Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года 1962: 15].

А вот текст «Писем русского офицера»:

17 июля. Смоленск

Мой друг! настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный, после двухсотлетнего сна, пробуждается, чуя угрозу военную [Глинка 1990: 56];

Августа 8. Село Цуриково

Пусть разрушаются грады, пылают села, истребляются дома, исчезает спокойствие мирных дней, но пусть эта жертва крови и слез, эти стоны народа, текущие в облако вместе с курением пожаров, умилостивят, наконец, разгневанные небеса! Пусть пострадают области, но спасется Отечество! Вот общий голос душ, вот искренняя молитва всех русских сердец! [Там же: 61].

Выстраивая художественный образ мира в своем произведении, Ф. Глинка широко использует принцип контраста:

18 июля, 1812. Село Сутоки

Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений [Там же: 57];

Мая 10, 1812. Село Сутоки

*Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление, — прорвется — и наводнение будет неслыханно! — О, друг мой! Ужели бедствия **нашествий** повторятся в дни наши?.. Ужели покорение? Нет! Рус-*

ские не выдадут земли своей! Если недостанет воинов, то всяк из нас будет одной рукой водить соху, а другой сражаться за Отечество! [Там же: 55].

Особенно заметно у Ф. Глинки отмечавшееся Н. И. Михайловой стремление этически противопоставить врагов и русских, представить Наполеона собранием всех мыслимых нравственных пороков: он характеризовался в ту эпоху как «властолюбивый, ненасытный, не хранящий клятв, неуважающий алтарей враг», «бесчеловечнейший из врагов», «дерзкий и лютый», «гордый и злобный», «бич рода человеческого». Портрет врага, написанный плакатно одной лишь черной краской, вызывал негодование и ненависть, желание сразиться с неприятелем и победить [Михайлова 1999: 46—47].

Аналогичные плакатные портреты находим у Ф. Глинки:

Августа 8. Село Цуриково

*Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. **Злодеи** тотчас исполнили приказ **изверга*** [Глинка 1990: 60].

В произведении Ф. Глинки есть прямые ассоциации с конкретными и общеизвестными ораторскими текстами. Так, например, описание оставляемого русскими Смоленска выдержано в стиле аналогичного описания московских бедствий в процитированном Н. И. Михайловой «Слове в Высочайшего Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора и Самодержца Всероссийского Александра I и по освящении Московского большого Успенского собора, говоренного Преосвященным Августином, Епископом Дмитровским, Викарием Московским, и Ордену Св. Александра Невского и Св. Анны I класса Кавалером, в означенном Успенском соборе 1813 года, августа 30 дня»:

Что я вижу? — Первопрестольная, древняя Столица Российской державы в пламени! Огромные и величественные здания, жилища исполинов колеблются, разрушаются, превращаются в пепел. Стогны, вместо ликов празднующих, наполнены стенаниями и воплями. Несчастные обитатели, одетые прежде серебром и золотом, облечены в ретищем и ужем препоясаны [Михайлова 1999: 51].

Ф. Глинка едва ли не буквально повторяет церковного оратора в своем описании горящего Смоленска:

Августа 8. Село Цуриково

Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем — и все, что может гореть, — запылало!.. Опламененные окрестности, густой разно-

цветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, падающий на колени с воздетыми к небу руками: вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь; одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными... [Глинка 1990: 60].

Такие сопоставления могут быть продолжены. Однако нас занимает не простой поиск стилевых параллелей, а несколько другой вопрос. Ф. Глинка выстраивает в своем произведении ассоциативный ряд, позволяющий читателю воспринимать его произведение в контексте вполне конкретного дискурса. Каков художественный смысл данного приема?

Думается, что многое становится понятным, если обратить внимание на специфику художественного образа мира, выстроенного Ф. Глинкой. Первое, что бросается в глаза — его катастрофичность: война разрушает все причинно-следственные связи, весь естественный порядок вещей: *Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений* [Глинка 1990: 57]; *Войска перешли Колочу, впадавшую, здесь же, в селе Богородице, в Москву-реку, и установились на протяженной холмов, омываемых слиянием этих двух речек. Стало войско — и не стало ни жатв, ни деревень: первые притоптаны, другие снесены. „Война идет и метет!“ Так говорится издавна в народе. Может ли быть бедствие лютеее войны?..* [Глинка 1990: 69]. Ощущение катастрофичности усиливается за счет особой организации хронотопа. Пространство в «Письмах...» дискретно, оно буквально деформируется, разламывается на куски. Данный эффект достигается благодаря подневному принципу записей, между которыми нет прямых смысловых связей: каждая запись представляет собой внутренне завершённую микроновеллу, ограниченную топографически и хронологически, со своей микрофабулой, своим составом действующих лиц. Война нарушает нормальное течение времени, оно словно бешеное несется вперед, события развиваются молниеносно, автор просто не успевает о них написать: переправа французов через Неман 24 июня, отступление русской армии — все это остается за рамками повествования. Одной лаконичной фразой Ф. Глинка передает стремительный характер вторжения — армия Наполеона, словно лавина, растекается по русской земле: *Получили известие,*

что неприятель уже близ Орши [Глинка 1990: 56]. Быстрота перемещения армии обнаруживается в маркировках писем: *17 июля. Смоленск; 18 июля 1812. Село Сутоки.* События становятся непредсказуемыми: *...все корпуса, армию нашу составляющие, проходя различными путями к одной цели, соединились в чрезвычайно укрепленном лагере при Дриссе и ожидали неприятеля. Полагали, что он непременно пойдет на то место, чтоб купить себе вход в древние пределы России ценой сражения с нашими войсками; ибо как отважиться завоевывать государство, не разбив его войск? Но дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимо войство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего* [Там же: 56]; *Неприятель, сосредоточив где-то великие силы, ворвался вчера в Красное; и между тем как наши смотрели на Рудню, он полетел к Смоленску, чтоб овладеть им внезапно. Дивизия Неверовского принесла сегодня французов на плечах; а храбрый генерал Раевский встретил их с горстью войск и не впустил в город* [Там же: 59—60].

Ощущение кошмара усиливается лейтмотивами. Всё пространство, доступное взору героя, постоянно окрашено в темные и багровые тона: *Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу* [Там же: 61]; *Каждая ночь освещается заревами пожарищ. Полнеба рдеет, как раскаленное железо* [Там же: 62]. Нашествие вражеской армии постоянно сравнивается с огромной грозовой тучей, стремительно закрывающей солнце — мир быстро погружается в сумрак, разрываемый вспышками губительного огня: *Неприятель, совокупляя силы свои, каждый день с большею дерзостью надвигает. Силы его несметны!.. Они ширятся вправо и влево и темнеют, как дремучие леса, или ходят, как тучи, из которых, по временам, стреляет гром!..* [Там же: 69]; *Неприятель, как туча, засинел, сгустившись, против левого нашего крыла и с быстротой молнии ударил на него, желая все сбить и уничтожить* [Там же: 70].

Герой с ужасом видит, как стремительно уменьшается пространство свободной русской земли: *Странствую по сгорающей земле, под небом, не внимлющим жалобам смертных. Всякий день вижу уменьшение отечества нашего и расширение власти врагов. Каждая ночь освещается заревами пожарищ* [Там же: 62].

Война разрушает границы между обычной реальностью и иными, потусторонними сферами бытия: *Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни*

взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! [Там же: 67—68]. Кажется, что еще немного, и мир распадется, рухнет, не выдержит чудовищного напряжения.

Но бешено несущееся время вдруг начинает замедлять свой ход. Если в начале письма датировались с заметными длительными промежутками во времени, то начиная с 15 августа они пишутся сначала ежедневно, а затем и по несколько писем за один день: *24 августа; 24 августа. Поздно вечером; 25. Утро; 25. Сумерки; С 25 на 26. Глубокая ночь.* Время, словно гигантская пружина, поначалу стремительно сжимавшаяся, теперь движется вперед со всё возрастающим усилием. Нет в этих письмах и пометы, касающейся местонахождения автора: все они написаны в одном селе. Быстро перемещавшаяся русская армия остановилась, огромные пространства охваченной огнем и опустевшей русской земли теперь стянулись в одну точку под названием Бородино.

Критический характер момента, хронологически связанного с несколькими августовскими днями, обнаруживается и в том, что молниеносно захватывавший русскую землю враг вдруг словно потерял направление движения и заколебался, а где-то вдали вдруг начало проясняться небо, так давно закрытое черными тучами: *Многочисленное неприятельское войско колеблется: кажется, в нерешимости. Вот пошатнулось было влево и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых своих высот. Пыль, взвизывая до небес, уседается. Даль яснее. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим к чему...* [Там же: 70]. Маленькое русское село вдруг разрастается в масштабах, опорными координатами становятся «мост», «средина», «левое крыло», «дорога», «главная батарея» — именно здесь, в этих узловых точках решается судьба мира, критическую ценность получает самый крошечный клочок пространства: *...мужество наших войск было неописанно. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до*

десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Седые облака клубились над левым нашим крылом и заслоняли середину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило мало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее [Там же: 72—73]. В полную силу сияющее на правом фланге русской армии солнце — символ надежды, согревающей душу автора. Бородинское сражение оказывается не только кульминационной точкой Отечественной войны, но и той критической точкой, пройдя через которую, сюжет разворачивается по принципу зеркального отражения начальных эпизодов: время движется со скоростью отпущенной и стремительно распрямляющейся пружины, снова письма пишутся с перерывами в несколько дней, снова автор не успевает за событиями и сообщает о них весьма кратко *post factum*, мир снова пришел в движение, молниеносно расширяется русская земля, освобожденная от захватчика, и опорными точками пространства становятся уже не «мост» или «дорога», но Тарутино, Вязьма, Дорогобуж, Березина, Борисов, Вильна, Гродно. Ненастье и последовавшие за ним морозы теперь становятся угрозой для врага. Ясное небо сияет над головами русских воинов: *Теперь можем мы вздохнуть спокойно!.. Меч, висевший над головами нашими, исчез. Тучи, ходившие по русскому небу, быстро несутся назад. Мы видим над собой ясную лазурь безмятежного свода, отколе всевышний благословляет оружие правых на славном поприще его побед* [Там же: 99].

На освобожденных территориях начинает восстанавливаться нормальный порядок вещей, жизнь возвращается в мирное русло. Почему это стало возможно? Нам думается, что ответ заключен в самой сюжетно-композиционной структуре произведения. Она жестко полярна: образу врага, олицетворяющему собой войну, несущую всему живому разрушение и гибель, противопоставлен образ России и русских. Включив свое произведение в современный ораторский дискурс, Ф. Глинка выстроил мощный ассоциативный фон, вызывающий в сознании читателя другое, близкое и понятное ему представление о реальности, обладающее нерушимой целостностью, помогающее сохранить душевные и духовные силы в самых трагических обстоятельствах. Именно это представление и помогает русскому народу выстоять в жестокой битве, восстановить разрушенные войной мировые скрепы и опоры. Ф. Глинка выстраивает сложный ху-

дожественный образ мира, суть которого — в бескомпромиссной борьбе между войной как воплощением всего разрушительного, противоестественного, и миром людей, сила духа которых зиждется на глубоком понимании истинных ценностей — основ бытийной целостности и гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка Ф. Письма русского офицера. — М.: Правда, 1990.
2. Афанасьев Э. Л. Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726—1762). — М., 2003. Вып. 2.
3. Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. — М.: ГИХЛ, 1953.
4. Галин Г. А. «Письма русского офицера» и их автор Федор Николаевич Глинка // Письма русского офицера / Ф. Н. Глинка. — М.: Правда, 1990. С. 5—20.
5. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. — М.: Худож. лит., 1965.
6. Кочеткова Н. Д. Ораторская проза декабристов и традиции русской литературы XVIII века // Лите-

ратурное наследие декабристов. — Л.: Наука, 1975. С. 100—120.

7. М. И. Кутузов. Сборник документов. В 5 т. Т. 4, ч. 1. — М.: Воениздат, 1954.

8. Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века: панегирик в светской и духовной литературе : дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2007.

9. Михайлова Н. И. Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 278—288.

10. Михайлова Н. И. «Витийства грозный дар...». А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. — М.: Русский путь, 1999.

11. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года : сб. документов. — М.: АН СССР, 1962.

12. Приказчикова Е. Е. Русская мемуаристика XVIII — первой трети XIX века: имена и пути развития. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006.

13. Юхнова И. С. Поэтика диалога и проблемы общения в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Н. Новгород, 2011.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская.

УДК 821.112.2(436)-4(Мюллер Р.)
ББК ШЗЗ(4Авс)6-8,444

ГСНТИ 17.07.31; 17.07.51; 16.21.33

Код ВАК 10.01.03

И. Г. Мальцева I. G. Maltseva

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**АМБИВАЛЕНТНОСТЬ
КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ РОБЕРТА МЮЛЛЕРА:
ЭССЕ «БОЛЬШЕВИК И ДЖЕНТЛЬМЕН»**

Аннотация. В своем известном политическом эссе, наглядно отражающем амбивалентность его культурно-политического мышления, Роберт Мюллер рассматривает большевизм как активистский феномен, выходящий за рамки политической формы, противопоставленный материалистическому миру капитализма и имплицитно несущий в себе диффамацию демократии. Демократия и капитализм, по мнению Р. Мюллера, препятствуют культурному и антропологическому развитию человека, приводят к апатии общества. Культурный революционер, как утверждает Р. Мюллер, должен полностью исключить из размышлений экономические соображения. Утвердившаяся при большевизме форма общественного порядка описывается как прототип того, к которому должно стремиться человечество.

Ключевые слова: Роберт Мюллер (1887—1924); культурно-политическое мышление; активизм; большевизм; капитализм; демократия; культура; государство.

Сведения об авторе: Мальцева Инга Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранных языков.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 464.
e-mail: inmalzeva@mail.ru.

**THE AMBIVALENCE
OF ROBERT MULLER'S POLITICAL
AND CULTURAL THINKING:
ESSAY "BOLSHEVIK AND GENTLEMAN"**

Abstract. In the well-known political essay by Robert Muller the ambivalence of his political and cultural thinking is clearly reflected. There the Bolshevism as the activist phenomenon beyond the limits of the political form, that the implicitly the defamation of the democracy contains, is considered and to the materialistic world of the capitalism is opposed. Democracy and capitalism, according to R. Muller, hinders cultural and anthropological development of a person, they lead to society apathy. Cultural revolutionary, as R. Muller states, must exclude economical ideas from his mind. The form of social order established in the period of bolshevism is described as a prototype of the order that the humanity should strive to.

Key words: Robert Muller (1887—1924); political and cultural thinking; activism; Bolshevism; capitalism; democracy; culture; state.

About the author: Maltseva Inga Gennadyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of German Philology of the Institute for Foreign Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Австрийский писатель Роберт Мюллер (1887—1924) относился к совершенно забытым именам классического модернизма вплоть до выхода в свет в 1990 г. нового переиздания его сочинений в издательстве «Igel» под редакцией Гюнтера Хельмеса. Благодаря этому изданию современному немецкоязычному читателю стали доступны произведения этого разностороннего и противоречивого автора, привлекавшего в свое время достаточно много внимания. Такие критики, как Франц Бляй, Альфред Дёблин, Герман Гессе, Макс Крель, Отто Флаке и Курт Хиллер, отчасти восторженно, а отчасти беспомощно-пренебрежительно высказывались о его творчестве.

Роберт Мюллер, центральный представитель активистского авангарда в Вене, с 1914 г. стал известен в литературных кругах немецкоязычной Европы как рассказчик, драматург и эссеист. Самая продуктивная

фаза его творчества началась после окончания Первой мировой войны. В это время он не только интенсивно занимается литературной деятельностью, но и пытается реализовать честолюбивые издательские проекты в «американском стиле», к сожалению завершившиеся банкротством. Именно неудачи в издательской деятельности и стали, по мнению большинства исследователей творчества Роберта Мюллера [Ср.: Expressionismus — Aktivismus — Exotismus 1981], причиной рокового выстрела 27 августа 1924 г.

Некролог, написанный другом и коллегой писателя Робертом Музилем и опубликованный после самоубийства Роберта Мюллера в газете «Prager Presse» («Прагер Прессе», «Пражская пресса»), наглядно демонстрирует то почтительное уважение, которое он вызывал у своих современников [Musil 1978].

Сегодня литературные и критические произведения Роберта Мюллера по праву

относятся к ведущим произведениям классического модернизма. В современном немецкоязычном литературоведении особое внимание завоевали два романа Роберта Мюллера — «Tropen» («Тропики», 1915) и «Camera obscura» («Камера-обскура», 1921), считающиеся его самыми интересными и значительными произведениями.

В содержательном плане эти романы представляют собой своеобразный калейдоскоп самых разнообразных экзотических, магическо-мистических, утопических, криминалистических, психологических и философских элементов, иногда кажущихся в высшей степени наигранными, а иногда раздражающе самодовольными и тривиальными.

В формальном плане оба романа продолжают традиции экспрессионистского литературного эксперимента, получившего здесь развитие в рамках специфической активистской эстетики автора.

В публицистических произведениях Роберт Мюллер с самого начала проявляет себя не только как политический комментатор — он отображает в них свои художественные и литературно-теоретические убеждения. При этом биолого-антропологический образ человека как существа духа и инстинктов становится основой как его политических, так и деятельно-эстетических позиций.

Теоретическим обоснованием данных позиций наполнены все его культурно-критические эссе, очень многочисленные и разнообразные по структуре и тематике. Эссе Роберта Мюллера можно представить как смесь социально-революционных, духовно-элитарных, расово-типологических и даже фашистских идей в стремительно разворачивающихся и зачастую противоречивых концепциях, у которых почти невозможно установить единый идейный стержень.

Сегодня, как и критики в свое время, исследователи затрудняются дать какую-либо единообразную оценку творчеству Роберта Мюллера. Это проявляется в восприятии его фигуры либо как первого идейного вдохновителя мультикультурного общества [Ср.: Нескнег 1992], либо в его критике как представителя расистской и фашистской идеологии [Ср.: Helmes 1981].

Мы, в свою очередь, придерживаемся мнения, что творчество Роберта Мюллера настолько многогранно, что открывает перспективы для любого анализа, так как именно в его произведениях наиболее ярко отразились все турбулентности его времени. Крушение эстетических, политических и идеологических систем девятнадцатого века, связанная с этим дезориентация, а также последовавшие затем прорывы десятых и

двадцатых годов нашли непосредственное отражение в его текстах, которые должны анализироваться именно в своей гетерогенности и противоречивости.

Напряженные идейные диспозиции того времени отразились в текстах Роберта Мюллера гораздо сильнее, чем в последующих, дистанцированных во времени романах («Человек без свойств» Роберта Музиля, «Лунатики» Германа Броха или «Марш Радецкого» Йозефа Рота и др.), именно потому, что он в своем стремлении вперед пытался от них освободиться.

Тем не менее постоянные пересмотры идей, новые концепции, опровержения и возвращения к какой-либо мысли или идее делают почти невозможной конкретизацию претензий и требований автора и существенно затрудняют формулирование какого-либо общего вывода о взглядах Роберта Мюллера на политику, государство и общество.

Эту постоянную тягу к переориентации Гюнтер Хельмес, один из первых исследователей творчества Роберта Мюллера, суммирует в своем чрезвычайно метком высказывании следующим образом: «Идеи формулируются беспрестанно, они комбинируются с другими, затем отбрасываются, подхватываются вновь в других контекстах, и так далее. То, что остается неизменным — это несокрушимая воля думать о мире как о целом и создавать проекты, ориентируясь на будущее» (здесь и далее перевод наш. — И. М.) [Helmes 1986: 226].

Данный вывод Г. Хельмес делает в связи с эссе Роберта Мюллера «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен», 1920). Данное эссе можно определить как наглядный пример установленных Г. Хельмесом парадигм. Большевизм восхваляется автором эссе как новый «воплощающий в жизнь» [Müller 1920: 54] и прославляется как созидательный принцип, в то же время он имплицитно несет в себе диффамацию демократии.

В эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен») Роберт Мюллер тесно связывает свои цивилизационно-критические размышления с политическими и культурно-политическими вопросами, непосредственно касающимися будущего Германии и Австрии. При этом столкновение с цивилизационными проблемами в революционные 1917—1919 гг. становится основой политической и культурной утопии, сформулированной в данном эссе.

В рассматриваемом эссе Роберт Мюллер в основном ссылается на распространявшийся в России политический большевизм, однако его понимание этой политиче-

ской системы выходит за рамки политической формы: *Большевизм — это не коммунизм. Большевистской является аргументация: люди страдают, так действуй! <...> Не что, а чтобы что-то происходило — вот что имеет решающее значение: и это и является большевистским* [Müller 1920: 57].

Провозгласив большевизм активистским феноменом, Роберт Мюллер объясняет его с активистской позиции. По мнению Г. Хельмеса, причиной обращения Роберта Мюллера к большевизму стала невозможность реализации его прежних культурно-империалистических целевых установок. Именно поэтому в большевистской России Роберт Мюллер увидел политический фарватер, в котором его империализм немецкого духа способен продолжить движение. При этом большевизм в представлении Роберта Мюллера всегда мыслится в своем эвфемистическом преображении [Helmes 1986: 217].

«Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен») можно назвать самым выразительным и значительным политическим эссе Роберта Мюллера. Важность этого эссе заключается в первую очередь в том, что здесь автор совершенно ясно высказался против материалистического мира капитализма, который непосредственно связывает с демократией. При этом капиталистическому Западу выносится уничтожающий приговор, вызванный той формой демократии, при которой честная конкуренция больше невозможна.

По мнению Роберта Мюллера, демократия направлена на то, чтобы растерзать саму себя. Она сжимается до производящей селекцию инстанции, не предусматривающей равенство возможностей. В рамках западной «плутократии» [Müller 1920: 14], позорные правительства которой больше похожи на «карнавальные игрища» [Там же: 11], царит «изначально находящаяся в невыгодном положении конкуренция» [Там же: 14].

В восприятии Роберта Мюллера демократия и капитализм становятся синонимичной парой и симптомами большого общества. При этом автор эссе идет дальше, обвиняя капитализм, а тем самым и демократию, в том, что они препятствуют культурному и антропологическому развитию человека. По этой причине он и обращается с завистью к востоку, где большевизм открывается для него в первую очередь как шанс для нового социально-антропологического порядка.

Роберт Мюллер утверждает, что *такое общество, как западное, которое полноценным считает лишь эгоистичный экономический гений, должно как экономический спартанизм вести к застою и инертности*

[Там же: 16]. Тем самым он заявляет, что обращение к демократии одновременно ведет и к апатии общества, в котором прогрессивные влияния не находят никакого отклика [Там же: 11—16].

Высказывания Роберта Мюллера в эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен») можно назвать в какой-то мере прогрессивными для него в смысле той выразительности и четкости, которая раньше у него не наблюдалась. Для Роберта Мюллера — активиста большевизм становится воплощением «действия» [Там же: 60]. *Пробудившиеся всего мира, также и здесь, на Западе, смотрят на Россию. То, что это больше предвидимое, чем планомерное, больше гениальное, чем наработанное опытом, что это действительно активистское, доказывают быстрые великодушные активные действия в защиту мира, которые у любого бюро по западному образцу потребовали бы год работы. В России думают, делают, пытаются* [Там же: 13].

Эта фраза — «думают, делают», и прежде всего «пытаются», — показывает, что Роберт Мюллер увидел в России новый вид активизма. Опираясь на эту установку, он включает в размышления концепцию диктатуры. Диктатура в качестве «исправительной меры» [Там же: 20] становится легитимной, ведь она служит лишь средством для уничтожения преимущества плутократии: *Возможно, это должна сделать система диктатуры Советов* [Там же: 42].

При всей очевидной симпатии Роберта Мюллера к принципам диктаторского режима, в особенности к большевизму, он также дает понять, что данная форма общественного устройства всего лишь временный прототип того порядка, к которому должно стремиться человечество как тип.

По этой причине Роберт Мюллер не классифицирует большевизм как законченную государственную форму в плане безупречного общества: *Веру мечтателей, что улучшение условий жизни уже само по себе облагораживает людей, опровергает тот факт, что состоятельный бюргер может быть негодяем, как и какой-нибудь бедняк. Но при этом забывают, что он как раз вследствие своей благоприятной ситуации имеет возможность для свободного времени и жизни, оторванной от материи, однако капиталистическая атмосфера со своим тщеславием многообладания никогда не позволит ему успокоиться. Лишь когда этот идейный яд и все его носители будут удалены из общества, улучшение может действовать и эволюционно. Это состояние должна обеспечить диктатура. Она*

является временным связывающим процессом, благодаря которому воздух должен очиститься от капиталистической бациллы, и никоим образом, если я правильно понимаю Маркса и Ленина, она не является конечной целью или идеалом [Там же: 19—20].

По мнению Штефани Хекнер, в дифференцировании диктатуры и демократии проявляется один нераскрытый тезис, которой удивительным образом не опровергается и самим автором эссе: «Вопрос, как согласно активистской общественной теории Мюллера из диктаторской (воспитательной) государственной формы снова должна или может появиться форма демократическая, остается открытым. Здесь кроется проблема, поставленная аналогичным образом и основателями Мюнхенской Республики Советов. Как привести политически незрелый народ диктаторским путем к осознанию своей ответственности?» [Hekner 1991: 104].

Таким образом, в конечном итоге и диктатура, и демократия должны перейти друг в друга, чтобы из творческого принципа создать что-то новое. Несмотря на то что демократический принцип в полемике Роберта Мюллера еще представлен в самом черном свете и стилизован как бич капитализма, он должен сохраниться. «Целью является не сохранение обеих систем рядом друг с другом или постепенное уничтожение одной из них, а их соединение» [Schardt 1993: 214], — предполагает Михаэль Шардт в своем послесловии к эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен»).

Роберт Мюллер, очарованный мыслью о том, что большевизм является прототипом идеала, прославляет его как нечто загадочное: *Большевик — это туман и миф, еще не обращенный вовне тропический ландшафт* [Müller 1920: 24]. Эту финальную необъяснимость можно попытаться понять с помощью критики его современников, выразивших свое мнение в рецензиях на процитированное эссе.

Так, Рихард Николаус Куденхове-Калерги в литературном журнале «Die Neue Rundschau» («Ди нойе рундшау», «Новое обозрение») в 1920 г. написал по поводу данного эссе следующее: «Автор, в неполитическом смысле, является одновременно и большевиком и джентльменом; в политическом смысле он не является ни коммунистом, ни демократом. Он не хочет ни диктатуры пролетариата, ни диктатуры буржуазии, и соответственно капитала, а хочет — диктатуры живого духа над мертвыми формулами и формами. По этой причине он противостоит как застывшему марксизму, так и стерильному парламентаризму. <...> „Боль-

шевик и джентльмен“ является более чем европейским и более чем актуальным: с пространственной точки зрения, его перспектива планетарная, со временной точки зрения — миллениарная. Его тема — концепция большевистского человека будущего, одновременно и философское рассмотрение, и поэтический эскиз — смелые мысли в ослепительной форме» [Coudenhove-Kalergi 1981: 287—288].

Возвращаясь к политическому мышлению Роберта Мюллера, можно отметить отсутствие в 1920 г. в структурном плане каких-либо существенных изменений. На всех фазах всё начинается с безоговорочного желаяния, затем из этого желаяния формулируется более или менее четкая культурно-политическая программа, которая затем объединяется с существующими или мнимо существующими политическими направлениями и группировками, и, после исключения любых вопросов о возможности реализации, разрабатывается культурно-политический образ будущего мира.

Тем не менее в содержательном плане изменения наблюдаются. Если в своих размышлениях на ранних этапах творчества Роберт Мюллер всегда ставил создание нового культурного круга в зависимость от существования завершённой технической и экономической системы и в совершенстве организованной государственности, то в эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен») очевидна новая позиция писателя.

В данном эссе Роберт Мюллер подчеркивает, что культурного революционера отличает именно исключение из размышлений экономических соображений. Он требует решительного уничтожения капитализма. Но на вопрос о том, что должно занять его место, для видимости дается расплывчатый ответ «социализм». В действительности же за этим ответом скрывается полная незаинтересованность Роберта Мюллера в животрепещущих общественных вопросах.

Его критика политико-экономической реальности почти во всех требованиях имеет лишь негативный характер. Для него в основном речь идет исключительно о «культуре» и «немецком духе», который необходимо нести в мир. Содержание этого «немецкого духа» так и остается неопределённым.

Роберт Мюллер рассматривает исключительно то, как и в каких условиях «культура» может возникнуть из «немецкого духа», а именно то, как индивид, независимо от всех объективных условий, несет во внешний мир то, что присутствует в нем неосознанно. В результате ограничения описанием

и оценкой лишь условий культурного производства, а не реальных продуктов культуры, культурно-политическое мышление Роберта Мюллера приобретает ту амбивалентность, которая находит свое выражение в эссе «Bolschewik und Gentleman» («Большевик и джентльмен»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Coudenhove-Kalergi R. N.* Rezension zu Robert Müller, „Bolschewik und Gentleman“. 1920 // *Expressionismus — Aktivismus — Exotismus: Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887—1924)* / Helmut Kreuzer ; Günter Helmes (Hrsg.). — Göttingen, 1981. S. 287—288.

2. *Expressionismus — Aktivismus — Exotismus* : Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887—1924) / Helmut Kreuzer ; Günter Helmes (Hrsg.). — Göttingen, 1981.

3. *Heckner S.* Die Tropen als Tropus. Zur Dichtungstheorie Robert Müllers. — Wien ; Köln, 1991.

4. *Heckner S.* Eine Einführung // *Rassen, Städte, Physiognomien: kulturhistorische Aspekte* / Robert

Müller / Stephanie Heckner (Hrsg.). — Paderborn, 1992. S. 7—23.

5. *Helmes G.* Katholischer Bolschewik in der „Schwäbischen Turkey“. Zum politischen Denken Robert Müllers // *Expressionismus — Aktivismus — Exotismus : Studien zum literarischen Werk Robert Müllers (1887—1924)* / Helmut Kreuzer ; Günter Helmes (Hrsg.). — Göttingen, 1981. S. 178—216.

6. *Helmes G.* Robert Müller. Themen und Tendenzen seiner publizistischen Schriften (1912—1924): mit Exkursen zur Biographie und zur Interpretation der fiktionalen Texte. — Frankfurt am Main ; Bern ; New York, 1986.

7. *Müller R.* Bolschewik und Gentleman. — Berlin, 1920.

8. *Musil R.* Robert Müller // *Gesammelte Werke in neun Bänden* / Adolf Frisé (Hrsg.). — Hamburg, 1978. Bd. 8 : *Essays und Reden*. S. 1131—1137.

9. *Schardt M. M.* Nachwort // *Irmelin Rose (Erzählung) und andere verstreute Texte ; Bolschewik und Gentleman (Essay)* / Daniela Magill (Hrsg.), Michael M. Schardt (Hrsg.). — Paderborn, 1993. S. 209—216.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Пестова.

Л. А. Мардиева
Казань, Россия

L. A. Mardieva
Kazan, Russia

**КОДЫ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ
ФЕНОМЕНЫ В СОСТАВЕ СЕМИОТИЧЕСКИ
ОСЛОЖНЕННЫХ ТЕКСТОВ
СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

**CODES OF VISUAL
BEHAVIOR AND PRECEDENT VISUAL
PHENOMENON IN THE SEMIOTICALLY
COMPLICATED MASS MEDIA TEXTS**

Аннотация. Представлен новый взгляд на проблему семиотически осложненных текстов. Автор рассматривает те случаи, когда иконический или вербальный коды выступают в роли переводчиков или трансляторов кодов других семиотических систем — кодов визуального поведения (зрительно наблюдаемые знаковые формы невербального поведения; семиотически значимые визуально наблюдаемые результаты действий человека над своим телом, лицом; вещный мир, которым человек окружает себя и при помощи которого осознанно или неосознанно передает определенную информацию), кодов тех или иных видов искусства (ярким примером подобного рода включений являются прецедентные визуальные феномены).

Abstract. This research presents a new view of the problem of multi-code texts. The author examines the cases where the iconic or verbal codes act as translators (mediators or interpreters) of the codes of other semiotic systems — visual codes of behavior (forms of non-verbal behavior; semiotically important results of the human activity with one's body or face; world of things, which a human being surrounds himself with, and with the help of which communicates certain information consciously or unconsciously), codes of various kinds of art (a vivid example of such inclusions can be precedent visual phenomenon). The article states that any text with effecting orientation is generally inhomogeneous from the semiotic point of view.

Ключевые слова: би- и поликодовые тексты; тексты СМИ; прецедентные визуальные феномены; невербальные знаки; невербальное поведение.

Key words: multi-code texts; mass media texts; precedent visual images and phenomena; non-verbal signs; non-verbal behavior.

Сведения об авторе: Мардиева Ляйля Агьдасовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и методики преподавания, отделение русской филологии им. Л. Н. Толстого, Институт филологии и межкультурной коммуникации.

About the author: Mardieva Laila Agdasovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and the Methods of Teaching, Division of Russian Philology, Institute of Philology and Intercultural Communication.

Место работы: Казанский федеральный университет.

Place of employment: Kazan Federal University.

Контактная информация: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2, к. 415.
e-mail: layka66@mail.ru.

Приблизительно с середины прошлого века в зоне пристального внимания ученых оказываются *креолизованные* [Иванов 1961; Сорокин, Тарасов 1990; Анисимова 1996; Вашунина 2007; Ворошилова 2013 и др.], *поликодовые* [Ейгер, Юхт 1974; Большаянова 1987; Сонин 2006; Большакова 2011; Сонин, Мичурин 2012 и др.] (а также *синкретические* [Якобсон 1985: 327], *изовербальные* [Михеев 1987; Бернацкая 1987], *визуально-словесные* [Макаренко 1989], *мультимодусные* [Минаева 2000 и др.], *гетерогенные* [Рогозина 2003, Ищук 2009 и др.], *мультимедийные* [Засурский 2005, Ежова 2010 и др.] и т. п.) тексты, смысл которых рождает синергия семиотически неоднородных структурных элементов.

Анализ специальной литературы показывает отсутствие единого мнения относительно не только терминологии, но и определения количества и вида составляющих таких текстов. Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт,

давая определение поликодовым текстам, указывают, что подобного рода тексты являются результатом сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы — изображением, музыкой и т. п. [Ейгер, Юхт 1974: 106—107]. При этом учеными не оговариваются какие-либо ограничения в количестве, семиотической природе составляющих поликодового текста. По мнению Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова, семиотически осложненными являются тексты, «фактура которых состоит из двух (выделено нами. — Л. М.) негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180—181]. То есть в качестве составляющих семиотически осложненного текста, наряду с естественным языком, могут выступать любые не-словесные знаковые системы, но общее количество взаимодействующих систем огра-

ничивается. В работах Е. Е. Анисимовой семиотически неоднородные тексты также понимаются как сложные текстовые образования, в которых две составляющие — вербальные и иконические высказывания — «образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, оказывающее комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 1996: 75]. А. П. Сковородников, основываясь на признаке однородности — неоднородности и учитывая количество объединяемых семиотических систем, с одной стороны, разграничивает тексты полисемиотической (кинотексты, телетексты и т. д.) и бисемиотической (изовербальные, музовербальные и т. д.) контаминации, а с другой — предельно расширяет границы семиотически неоднородных текстов, рассматривая в их ряду и тексты, построенные на смешении двух и более естественных языков, а также тексты, построенные на контаминации жанров и стилей [Сковородников 2006]. Сложно не согласиться с мнением А. П. Сковородникова о том, что семиотическая неоднородность и комбинация образующих разного вида буквально пронизывает нашу письменную и устную речь, а взаимодействие в одном текстовом пространстве вербальных и невербальных компонентов лишь один из видов семиотической контаминации. И всё же мы не склонны смешивать кодовую неоднородность с неоднородностью стилистической организации кодов одной семиотической системы, которую, к примеру, В. Е. Чернявская [Чернявская 2008: 109] называет намеренным монтажом текстовых форм разной стилистической направленности, а также предпочитаем отграничивать факты внутресемиотической (би- и полилингвальной) контаминации от смыслового взаимодействия в одном текстовом пространстве семиотически разнородных составляющих.

Следующая систематизация семиотически осложненных текстов основана на канале восприятия информации индивидуумами. М. А. Ищук называет тексты, в которых сопряжены вербальный и рисуночный компоненты, *одноканальными* и предлагает закрепить за ними термин «креолизованные», к текстам, при восприятии которых оказывается задействованным также слуховой канал, применять термин «мультимедийные», а термин «гетерогенный (текст)» считает возможным использовать в качестве недифференцированного родового [Ищук 2008: 177—178]. (Вместе с тем заметим, что феномен мультимедийности предполагает не только одновременное использование вербальной и невербальной (а именно визуаль-

ной и аудиальной) форм представления и восприятия информации, но и интерактивное взаимодействие с подобной информацией [См.: Сонин 2003: 45; Ежова 2010: 28 и др.]) По сути, в указанном направлении движется и Л. С. Большакова [Большакова 2008: 49—50], когда разграничивает тексты монокодовые, креолизованные (двухкодовые) и поликодовые.

СМИ не в состоянии представить репрезентируемый ими фрагмент мира во всей его чувственно-перцептивной целостности. Вместе с тем ясно, что чем больше сенсорных каналов в состоянии задействовать тот или иной медийный канал, тем более близкой к непосредственному восприятию действительности представляется аудитории смоделированная реальность. Совершенно резонно исследователи признают, что ресурсы любого медийного канала связаны с актуализацией только двух перцептивных анализаторов — слухового и зрительного, поэтому визуальный и акустический слои восполняют «ущербность» любого медийного канала в плане передачи ощущений, связанных с тремя незадействованными перцептивными модусами: осязательным, обонятельным, вкусовым» [Ежова 2010: 28]. Что касается печатных СМИ, то они способны задействовать только один канал восприятия информации читателя — зрительный: в распоряжении отправителей сообщений символы естественного языка, способные переводить звучащую речь в письменную форму, и иконические знаки. Эти различные по своей природе компоненты единого текстового образования представляют собой лишь разные перцептивные модальности зрительного восприятия, никакие другие каналы при чтении таких текстов не задействуются. И так, в текстах печатных СМИ мы имеем дело с сообщениями, включающими «гетерогенные по своей семиотической природе составляющие, которые воздействуют на реципиента в рамках одной модальности восприятия — обычно зрительной» [Сонин, Мичурин 2012: 165].

Возьмем за основу для дальнейших рассуждений два рассмотренных выше признака семиотически осложненных текстов печатных СМИ — гетерогенность составляющих и их количество.

Гетерогенность составляющих. В газетные тексты СМИ тем или иным образом «вплетены» коды различных семиотических систем, в том числе *коды визуального поведения* (т. е. зрительно наблюдаемые знаковые формы невербального поведения; семиотически значимые визуально наблюдаемые результаты действий человека над своим телом, лицом; вещный мир, которым че-

ловек окружает себя и при помощи которого осознанно или неосознанно передает определенную информацию [См.: Мардиева 2014]) и семиотические образования особого рода — *коды прецедентных визуальных феноменов* [См.: Мардиева 2011; Ворошилова 2013; Садуов 2013].

Количество составляющих. Введение кодов вторичных семиотических систем в тексты СМИ осуществляется при помощи естественного языка и языка иконического.

В том случае, если в роли транслятора указанных кодов выступает естественный язык, он берет на себя функцию переводчика. При этом, как правило, используется два способа перевода — семантический и описательный. Соотнесенность с кодом первоисточника в этих случаях нивелируется, семиотическая неоднородность не бросается в глаза. Но сама процедура перевода, кажущаяся практически невозможной в силу структурных кодовых различий, приобретает в этом случае особую значимость. Возникающие в результате такого перевода «незакономерные» сближения дают толчки для возникновения новых смысловых связей и принципиально новых текстов» [Лотман 1981: 9], что и дает основание относить такого рода сообщения к особому скрытому виду семиотически осложненных текстов. При этом обращает на себя внимание тот неоспоримый факт, что большая часть художественных текстов, а также текстов СМИ с воздействующей направленностью (следовательно, развивающих в себе художественное начало) включает в себя тем или иным образом приспособленные к принимающей их кодовой системе семиотически разнородные составляющие.

Коды визуального поведения и некоторые из кодов прецедентных визуальных феноменов (в данном случае мы имеем в виду только те из них, что не были изначально воплощены в иконической форме) могут быть представлены и в иконической составляющей поликодового сообщения, которая выполняет роль транслятора, посредника, если она передает те или иные знаки, входящие в систему кодов визуального поведения, и роль переводчика, если в чувственно-данной форме воспроизводит тот или иной прецедентный визуальный образ, генетически восходящий к художественным произведениям словесного творчества. Тексты, иконическая составляющая которых осложнена либо кодами визуального поведения, либо кодами прецедентных визуальных феноменов, мы и называем поликодовыми. Это действительно поли-, а не бико-довые образования.

Исследователи медиакommunikации в первую очередь обращают внимание на то, что тексты, в составе которых присутствует изображение, представляют собой более эффективный способ представления информации, поскольку а) сами иконические коды требуют от пользователей минимальных навыков дешифровки, а в визуальном дифференцированном и структурированном информационном потоке легче осуществляется навигация [См.: Колосов 2006: 82]; б) образительные материалы минимизируют количество возможных интерпретаций содержания вербального текста, способны передавать большие объемы информации, облегчают и ускоряют восприятие и переработку медиаинформации [Рогозина 2003: 177]; в) они оказываются более эффективной формой воздействия на адресата [Большакина 1987: 167], в том числе и потому, что способны актуализировать сенсорно-эмотивную аргументацию наряду с рациональной [Ежова 2010: 28] (т. е. непосредственно воздействуют на чувственную ткань образа сознания); г) визуальные сообщения способствуют созданию эффекта достоверности [Багиров 1973: 207; Рогозина 2003: 177].

Поликодовые тексты, осложненные кодами визуального поведения и кодами прецедентных визуальных феноменов, рассчитаны на большую, по сравнению с обычными вербально-визуальными сообщениями, активность сознания и подсознания, поскольку предполагают сравнение непосредственно данного образа с образом памяти, разворачивание репрезентируемого иконическим кодом фрагментарного образа в целостное представление. Кроме того, некоторая часть поликодовых текстов рассматриваемого типа динамична: адресат на основании запечатленного на фотографии пика артикуляции того или иного жеста автоматически мысленно воспроизводит это действие в его временной и пространственной протяженности. Задача рассматриваемого нами типа сообщений не только и не столько в том, чтобы представить денотат в его перцептивно-чувственной данности. Восприятие иконической составляющей, осложненной кодами визуального поведения и кодами прецедентных визуальных феноменов, сопровождается процессами возбуждения «образа психического состояния» — сложной ментальной структуры, объединяющей в целое знания (в том числе и внутренние ощущения), переживания и отношения [Прохоров 2009: 181].

Многокодовость, способствующая передаче большего объема информации, специ-

фика самих кодов визуального поведения и кодов прецедентных визуальных феноменов, способных насыщать текст дополнительными смысловыми обертонами и вызывать необходимые чувственные реакции, позволяет утверждать, что поликодовые тексты рассматриваемого типа характеризуются смысловой емкостью и компактностью. В рамках данной статьи мы лишь обратили внимание на неоднородность поликодовых (креолизованных, вербально-визуальных и т. п.) текстов, перечислили самые общие и существенные их особенности. Какие когнитивные и психологические процессы запускаются в процессах восприятия и осмысления подобного рода текстов, в чем специфика их функционирования в СМИ и как взаимодействуют различные семиотические системы в пределах одного целого — на эти и многие другие вопросы еще только предстоит ответить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова Е. Е.* О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. № 5. С. 74—83.
2. *Багиров Э. Г.* О знаковой природе и своеобразии языка телевидения как средства массовой коммуникации // Предмет семиотики: теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций : материалы науч. симпозиума. — М., 1973. С. 196—215.
3. *Бернацкая А. А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение : специализированный вестн. / под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2000. Вып. 3 (11). С. 104—110.
4. *Большакова Л. С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2008. № 49. С. 48—51.
5. *Большакова Л. М.* Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка : сб. науч. тр. — М., 1987. С. 167—191.
6. *Вашинина И. В.* Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. — Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 2007.
7. *Ворошилова М. Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013.
8. *Ежова Е. Н.* Медиа-рекламная картина мира: структура, семиотика, каналы трансляции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Воронеж, 2010.
9. *Ейгер Г. В., Юхт В. Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы науч. конф. — М., 1974. Ч. 1. С. 103—110.
10. *Засурский Я. Н.* Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики : сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. — М. : Флинта : Наука, 2005. С. 7—12.
11. *Иванов Вяч. Вс.* Язык в сопоставлении с другими средствами хранения и передачи информации // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. — М., 1961. Вып. 7. № 3.
12. *Ищук М. А.* Гетерогенный текст: функции его составляющих // Вестн. ТвГУ. Сер.: Филология. 2008. Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация» № 13. С. 176—182.
13. *Лотман Ю. М.* Риторика // Труды по знаковым системам. — Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1981. Вып. 12 : Структура и семиотика художественного текста. С. 8—28.
14. *Колосов А. В.* Визуальные коммуникации в социально-политических процессах // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2006. № 1 (6). С. 81—87.
15. *Макаренко Е. А.* Экспрессия визуально-словесного комплекса в газете (о соотношении фотоснимка и текста: оценочный аспект) // Фотография в прессе: проблемы истории, теории и фотожурналистского мастерства : тез. докл. Всесоюз. науч. конф. — Киев : КГУ, 1989. С. 16—18.
16. *Мардиева Л. А.* Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3 (15). С. 202—207.
17. *Мардиева Л. А.* Коды визуального поведения и ассоциированные с ними смыслы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 — 1 (33). С. 126—130.
18. *Минаева Л. В.* Мультимодусность текстов печатных СМИ и рекламы // Вестн. МГУ. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 4. С. 26—32.
19. *Михеев А. В.* О некоторых типах взаимодействия изображения и текста // Типы коммуникации и содержательный аспект языка : сб. науч. тр. — М., 1987. С. 191—199.
20. *Прохоров А. О.* Рефлексивный и бытийный слои психического состояния // Вестн. Рос. гуманитарного научного фонда. 2009. № 3 (56). С. 176—185.
21. *Рогозина И. В.* Медиа-картина мира: когнитивно-семиотические аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. — Барнаул, 2003.
22. *Садуов Р. Т.* Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 221—230.
23. *Сковородников А. П.* О типологии контаминированных текстов (к проблеме терминологии) // Русский язык за рубежом. 2006. № 5. С. 43—48.
24. *Сонин А. Г.* Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 43—56.
25. *Сонин А. Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2006.
26. *Сонин А. Г., Мичурин Д. С.* Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2 (16). С. 164—183.

27. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М. : Наука, 1990. С. 180—186.

28. Чернявская В. Е. Какие текстовые границы нужны лингвисту? Поликодовые и гибридные

тексты // Стил. 2008. С. 105—120. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/09Cernjavska.pdf> (дата обращения: 09.04.2011).

29. Якобсон Р. О. Избр. работы / пер. с англ., нем., фр. языков ; сост. и общ. ред. д-ра филол. наук В. А. Звегинцева. — М. : Прогресс, 1985.

Статью рекомендует к публикации проф. А. А. Аминова.

УДК 821.161.1-3(Сорокин В.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,44

ГСНТИ 16.21.51; 16.21.33; 17.82.31 Код ВАК 10.02.19; 10.01.01

Д. В. Питолин D. V. Pitolin

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИАДЫ
«СВОЙ — ЧУЖОЙ» В РОМАНЕ
В. СОРОКИНА «ТЕЛЛУРИЯ»**

**METAPHORICAL MODELING
OF THE CONCEPTUAL DYAD
“ONE’S OWN — ALIEN” IN THE NOVEL
“TELLURIA” BY V. SOROKIN**

Аннотация. Рассматривается метафорическое моделирование концептуальной диады «свой — чужой» в романе В. Сорокина «Теллурия». Методика исследования основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теории метафорического моделирования (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов) и теории концептов В. И. Карасика. Выделены основные виды метафор, представляющие в тексте оппозицию «свой — чужой» (зооморфная, фитоморфная, религиозная — со сферой-источником «сверхъестественное»). Выявляются исторические прототипы пропаганды, представленной в книге. Они связаны с жанром романа — антиутопической политической сатирой.

Abstract. In this article the matter of metaphorical modeling of the conceptual dyad “one’s own — alien” in the novel “Telluria” by V. Sorokin is considered. Basic types of metaphors that represent opposition “one’s own — alien” and historical prototypes of fictional propaganda of the book are found. The methods used in the research are based on the theory of conceptual metaphor worked out by G. Lakoff and M. Johnson, theory of metaphorical modeling (N. D. Arutyunova, E.S. Kubryakova, A. P. Chudinov) and the theory of concepts of V. I. Karasik. The main types of metaphors are singled out, which represent the opposition “own - alien” (zoomorphic, phytomorphic, religious – with the source domain “supernatural”). Historical prototypes of the propaganda shown in the book are revealed. They are connected with the fact that the novel is written in the genre of anti-utopia political satire.

Ключевые слова: концептуальная метафора; дихотомия «свой — чужой»; современная русская литература.

Key words: conceptual metaphor; dichotomy “own – alien”; contemporary Russian literature.

Сведения об авторе: Питолин Данил Викторович, аспирант, ассистент кафедры перевода и переводоведения.

About the author: Pitolin Danil Victorovich, Assistant Lecturer, Post-graduate Student of the Department of the Translation Studies.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов 26, к. 459.
e-mail: danilpitolin@gmail.com.

Данная статья посвящена изучению метафорического моделирования концептуальной диады «свой — чужой» в романе В. Сорокина «Теллурия». Методика предлагаемого исследования основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теории метафорического моделирования (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов) и теории концептов В. И. Карасика, которые обеспечивают выделение основных метафорических моделей.

Метафорическая диада «свой — чужой» представляется одной из базовых бинарных оппозиций в языковой картине мира. Рассматриваемая нами концептуальная диада «свой — чужой» относится к базисным мифологемам ценностной картины мира. В архаической модели мира члены «своей» социальной группы («люди») противопоставлялись «чужим» («не людям»). С развитием общественного сознания группа «не людей»,

или «чужих», приобретает статус социальной. Выделяя социальный характер концептуальной диады «свое — чужое», Ю. С. Степанов отмечает, что она «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2004: 126]. Кроме того, групповые социальные понятия «друг — враг» (варианты: «свои — чужие, «мы — они») предшествуют становлению категории личностной идентификации — «я» [Кон 1978: 128; Поршнева 1977: 95].

Концептуальная диада «свой — чужой» служит универсальным принципом концептуализации реальности. Она может выступать макрокоррелятом действительности, трансформируясь в прочие биполярные категории. Она может расширяться до доменов географического пространства согласно принципу трансформаций по аналогии, выработанному

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Питолин Д. В., 2014

в структурной антропологии: свое — дом — ферма — поле — отдаленное [Leach 1964: 36].

В целом исследования оппозиции «свое — чужое» в русле лингвокультурологической проблематики позволяют сделать наиболее обобщенные выводы о ее универсальных или обусловленных национальной спецификой свойствах, статусе в различных культурах, связи с другими концептуальными диадами (M. Bamberg, 2004; J. Fabian, 1996; E. Leach, 1964; В. И. Карасик, 2002; В. В. Красных, 2003; С. Л. Сахно, 1991; А. Н. Серебренникова, 2005; Ю. С. Степанов, 2004; Т. В. Цивьян, 2005 и др.).

Роман Владимира Сорокина был издан осенью 2013 г. и обратил на себя внимание как рядовых читателей, так и многих литературных критиков. Моментально он вошел в списки номинантов сразу нескольких престижных литературных премий, таких как «Нацбест» и литературная премия им. Александра Пятигорского. Вслед за предыдущим романом писателя, называвшимся «День опричника», «Теллурию» относят к жанрам антиутопии и политической сатиры. Два этих романа объединены не только жанрово, их действие разворачивается в одной художественной реальности, лишь с разницей во времени. Герои «Теллурии» живут в «Новом Средневековье». Читателю предстают раздробленные Европа и Россия, которых в привычном нам понимании уже не существует: войны сильно изменили политическую карту, и теперь на ней появились Государство Московское, Рязанское Княжество, Лангедок (государство тамплиеров на юге нынешней Франции), СШУ (Соединенный Штаты Урала) и некоторые другие. Роман разбит на 50 глав, действие которых происходит в разных новообразованных государствах с практически всеми возможными системами управления. У каждой из этих глав свой протагонист, язык, стиль повествования, однако, поскольку роман, по мнению многих, является «коллекцией современных страхов» [Грозный] в политике, то риторика, особенно в том, что касается оппозиции «свой — чужой», чаще всего восходит к образам пропаганды одной из самых страшных эпох человечества — середины XX в.

Вслед за «эталонными» образцами пропаганды, одним из преобладающих видов метафоры в романе Сорокина является зоометафора. Согласно исследованиям швейцарского профессора Д. Вайса, такой вид метафоры был особенно характерен для представления образа врага в сталинский и хрущевский периоды [Вайс 2008: 189]. Таким образом, в «Теллурии» «чужие» представленными классическими образами, начиная с самого об-

щего: «чужой — это зверь». *Руки этих зверей двуногих по локти в крови*. Особенно много подобного рода метафор встречается в 5 главе романа, «Очерк о командире уральских партизан капитане Исанбаеве», которая стилизована под газетную заметку военной хроники: *Под его командованием партизаны совершили 213 боевых операций... против режима бешеной собаки Кароп... и даже против монгольских империалистов, дотянувших свои кровавые щупальца и до земли уральской*. Разными, но неизменно «чуждыми» метафорами описаны противники партизанского отряда. В то время как правитель Кароп представлен в образе больного, но относительно понятного животного — собаки, «монгольские империалисты», очевидно, куда менее понятны партизанам, и более опасны, так как облечены в неких холодных моллюсков или членистоногих из глубин океана. В других главах романа «чужие» становятся волками, которые, нападая однажды на человека, должны быть истреблены, пока не захотят вновь отвеждать человеческой крови: *Ежели волк единожды человеческой крови наелся — наестся и вдругоредь*. Однако, если речь о «чужих» ведется уже не с позиции силы, когда, несмотря на опасность и дикость хищника, охота на него осуществляется людьми разумно и обща, а с позиции жертвы, разделение на «своих» и «чужих» происходит с помощью других зооморфных метафор — уже и протагонист, и антагонисты становятся животными: *Бегущего-то зайца собакам забавней травить*. Так, используя образ охоты, описывает свое незавидное положение княгиня Семизорова, которая, попав в опалу, убегает из Москвы, страшась ареста и казни.

Еще одной природной метафорой чужеродности, популярной в дискурсе советской пропаганды середины XX в., является метафора растения, а точнее сорняка [Вайс 2007: 200]. Слово «сорняк» и однокоренные «сор», «засорять» противопоставлялись «чистоте». Сорокин воспроизводит и эту систему образов в 7 главе романа, «Рязанское царство. Охота рязанского князя и московского графа». Несмотря на то что разговор происходит в государстве победившей монархии, автор стилизует сам диалог в соответствии с историческими образцами уже двадцатого века: *Тотальный геноцид народа русского за шестьдесят лет не восполнишь. Большевики истребляли цвет нации, расчищая поле для жидовских репьев да быдлярской лебеды. Вот она и дала потомство, лебеда-матушка! Ее с корнем трудненько выдернуть!* Подобная реплика с незначительными изменениями вполне вписалась бы

в контекст любой радикальной пропаганды того времени.

Одним из излюбленных образов врага в дискурсе двух главных тоталитарных идеологий прошлого века считают образ нечисти. Этот собирательный образ включает в себя несколько отличающиеся в немецком и русском языках сущности, тем не менее пользовался неизменной популярностью у пропагандистов. Вслед за авторами политических текстов прошлого, автор «Теллурии» «оживляет» различных упырей и вампиров в своем романе: *Восемьсот мертвых упырей! — потрясал кулачками Зоран*. Именно так описывает своих будущих поверженных врагов один из героев, осматривая оружие. Однако к подобному образу «чужого» в этой книге прибегают не только будущие революционеры, но и самые обычные герои, своего рода «люди из народа», рассуждающие о положении дел в государстве и его главе: *А Он последний год токмо кровию подданных своей жив, упырь. Пил, пьет и будет пить кровь нашу, пока в могилу не отвалится*. Независимо от того, внутренний враг или внешний, он неизменно вытягивает жизнь, пьет кровь народа. При том что роман состоит из описания множества противоборствующих идеологий, метафора «нечисти» представляется одной из наиболее употребимых. Подобные примеры можно найти и в исторических хрониках прошлого века, когда к этому образу для обозначения «чужести» обращались прямые идеологические противники: *Узурпатор, захвативший власть в родном Подольске вьет вашу кровь*.

Также в поле сверхъестественного находится еще одна из излюбленных пропагандистских метафор — религиозная. Исследователи метафорики Гитлера указывают на то, что в «Майн кампф» он неоднократно пытался дать божественное подкрепление своим безумным идеям [Мусолфф 2007: 235]. Уместно провести аналогию и с риторикой пропаганды в рассматриваемом романе: *Доколе смиряться с колдовством и бевсовским обморачиванием? Хотя «своесть» в «Теллурии» не связана с божественными сущностями, «чужесть» зачастую отождествляется с бесами, колдунами и прочими ре-*

лигиозно противными образами. В христианском мировоззрении абсолютным злом предстает, конечно же, Сатана. Безусловная «чужесть» весьма очевидна в подобном образе. *Воистину сам Сатана помогал этим извергам, прикрывающимся крестами и партбилетами*. Итак, несмотря на смешение идеологий и размывание некоторых истин, абсолютное христианское зло в этом антиутопическом мире по-прежнему отождествляется с Люцифером.

Таким образом, анализ способов метафорического моделирования концептуальной диады «свой — чужой» в романе Владимира Сорокина «Теллурия» показывает, что в рассматриваемом романе из-за выбранного стиля повествования, копирующего многие значимые метафоры пропаганды XX в., большое значение имеют фитоморфные и зооморфные метафоры, а также метафоры со сферой-источником «Сверхъестественное», что является стилистической особенностью данного романа, входящего в цикл произведений антиутопической политической сатиры автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайс Д.* Паразиты, падаль, мусор: образ врага в советской пропаганде // Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. С. 188—200.
2. *Грозный П.* Навальный, Прохорова и Крылов читают «Теллурию» // Изд-во «Corpus» : сайт. URL: <http://www.corpus.ru/press/navalny-prokhorov-and-krylov-read-tellurja.htm> (дата обращения: 29.03.2014).
3. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс. — М. : Гнозис, 2004.
4. *Кон И. С.* Открытие «я». — М. : Политиздат, 1978.
5. *Мусолфф А.* Политическая терапия посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн Кампф» // Зарубежная политическая метафорология : моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008. С. 234—237.
6. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. — М. : Наука, 1977.
7. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. — М. : Академический проект, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

И. В. Соловей I. V. Solovey
Ижевск, Россия Izhevsk, Russia

**ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
В ПОЛЕ РИТОРИКИ ВЛАСТИ**

Аннотация. Исследуются риторические стратегии власти, в каждой из которых действие власти рассматривается в аспекте языкового высказывания, через соотношение «слова» и «действия». В структурах языка стратегии власти представляются дискурсами обещания и решения, открывающими пространство перформативного и констатирующего высказывания, задающих перспективное и ретроспективное видение социальных проблем. Устанавливается дискурсивный предел стратегий власти, который соотносится с обещанием «худшего», не оправдывающим естественное стремление общества к благополучию, социальной стабильности и безопасности. Обещание «худшего» оказывается формальным поводом для появления социального недовольства. В условиях отсутствия обещаний решения власти приобретают характер технической деятельности, которая приводит к возникновению непреднамеренных последствий, нарушающих социальную стабильность и безопасность. Выявляется значение политических утопий в дискурсивных стратегиях власти.

Ключевые слова: дискурсивное действие; обещание; решение; перформативное высказывание; риторика; политические утопии.

Сведения об авторе: Соловей Ирина Викторовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии коммуникаций, Институт социальных коммуникаций.

Место работы: Удмуртский государственный университет (г. Ижевск).

Контактная информация: 426076, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4.
e-mail: soloveyIV1@mail.ru.

Движение социальной философии в область языка и языкового конструирования инициирует возникновение «лингвистического поворота», в результате которого язык оказывается точкой пересечения философии и политики. В современной социальной философии обращение к языковым основам открывает возможность рассматривать политическую деятельность как автономную сферу политического «праксиса» [Касториядис 2003]. В сфере «праксиса» «слово» (λεξις) и «действие» (πραξις) оказываются равнозначными основаниями политической деятельности, направленной на преобразование и реорганизацию общества. Политическая деятельность содержит в себе проект как некое знание, задающее перспективное направление политической деятельности. Смысл политического проекта определяется

**DISCOURSE STRATEGIES
IN THE RHETORIC FIELD OF POWER**

Abstract. The article deals with rhetoric strategies of power, where actions of power are considered in terms of language utterance, and correlation between “words” and “actions”. In language structures strategies of power are represented by discourse of promise and solution that open the space of performative and constitutive utterances, giving prospective and retrospective visions of social problems. The limits of strategies of power correlate with the promises of “worse” that make allowances to natural striving of the society for well-being, social stability and security. The promise of “worse” turns out a formal excuse for social disaffection to appear. In the conditions of lack of promises decisions of power assume technical character, which causes unintended consequences destroying social stability and security. The significance of political utopia in discourse strategies of power is elicited.

Key words: discourse action; promise; decision; performative utterance; rhetoric; political utopia.

About the author: Solovey Irina Victorovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Communications, Institute of Social Communications.

Place of employment: Udmurt State University (Izhevsk, Russia).

в дискурсивных стратегиях обещания и решения, посредством которых власть актуализирует и конкретизирует цели и задачи проекта. «Проект — это элемент praxis'a (как и любого действия вообще). Это praxis нашедший свое определение, рассмотренный с учетом его связей с реальностью, в конкретизирующем уточнении задач, в спецификации своих определяющих элементов. Это ясно выраженное намерение трансформации реальности, определяемое представлением о смысле этой трансформации, принимающее во внимание реальные условия, при которых последняя возможна. Это praxis, ставший источником вдохновения для деятельности» [Там же: 90].

Дискурс обещания традиционно рассматривают как дискурсивную стратегию власти, характерную для предвыборного политиче-

ского дискурса [Стексова 2011]. Само выражение «я обещаю, что...» является *перформативным высказыванием*. К сущности перформативного высказывания, происходящего от обычного глагола «perform» в значении «исполнять, выполнять, делать, осуществлять» и существительного «action» — «действие», относится то, что «действие» здесь производится речевым актом [Остин 1986: 27]. В дискурсе обещания со-общаемость «слова» и «действия» устанавливается на уровне речевого акта, посредством которого власть принимает на себя обязательства совершить определенный акт «действия». В этом смысле акт обещания подразумевает, что «S намерен с помощью высказывания T связать себя обязательством совершить A» [Серль 1986]. Обязательство связывает «слово» и «действие» таким образом, что в условиях перформативности превращает обещание в осознанное намерение, демонстрирующее готовность. Обязательство накладывает *ответственность* на власть, которая отвечает не только за собственные «слова», но и за «действия», которые *еще не совершены*, но о которых уже объявлено актом высказывания. В этом смысле дискурс обещания является «чисто» декларативным актом, базирующимся на силе убеждения, способности говорящего завоевать общественное доверие.

Общественное доверие является кредитной операцией, в основе которой находится вера социальных индивидов, ожидающих исполнения обещанного. Установление доверительных отношений возможно только тогда, когда обещание оказывается предложением, которое соответствует определенным желаниям/потребностям общества. Дискурс обещания как бы возвращает желание обществу в форме перформативного предложения как «отсроченного» «действия». «Для обеспечения корректности обещания обещаемое должно быть чем-то, чего слушающий хочет, в чем он заинтересован или что считает предпочтительным и т. п.; а говорящий должен сознавать, полагать или знать и т. п., что это так» [Там же: 164].

Политическое обещание является оправданным тогда, когда оно оказывается актом предсказания «будущего», т. е. представляет собой проект, ориентированный на перспективное направление политической деятельности. В силу своей изначальной неопределенности «будущее» открывает неограниченные возможности (то, что может быть) для дискурса обещания. В акте предсказания «будущего» обещание переносит «из-быточную» полноту намерения «действовать» из «настоящего»

в «будущее». «При обещании должен предсказываться некоторый акт говорящему, и этот акт не может относиться к прошлому. Я не могу обещать, что уже нечто сделал, равно, как и не могу обещать, что кто-то другой нечто сделает» [Там же: 162]. Обращенный к «будущему» дискурс обещания задает траекторию движения общества, очерчивающего пространство политического «действия» в перспективе «настоящее — будущее». Предлагая обществу «то, что может быть», дискурс обещания становится политическим «словом», открывающим прогрессивное движение общества. Неопределенный характер «будущего» позволяет выстраивать в первую очередь «долгосрочные» перспективы общественного развития.

Предвыборные программы партий содержат общие представления о «будущих» перспективах общественного развития: *модернизация экономики, системы образования, модернизация здравоохранения, укрепление судебной системы, развитие современной внешней политики [Единая Россия], возрождение Вооруженных Сил и военно-промышленного комплекса России, национализация ключевых отраслей промышленности (металлургия, авиастроение, машиностроение, электроэнергетика), возрождение российской деревни, наращивание интеллектуального потенциала нации, укрепление семейных ценностей, демократизация политической системы и повышение её эффективности, преодоление бедности и социальной деградации [КПРФ], изменить государственное устройство страны, провести свободные и честные выборы, провести полномасштабную индустриализацию, удалить коррупцию, обеспечить граждан работой, справедливо распределить доходы, поддержать региональную экономику, снизить процентные ставки, изменить кадровую политику, сделать более комфортной жизнь, обеспечить граждан яслями и детсадами, защитить отечественного покупателя, позаботиться об экологии, покончить с безработицей, повысить рождаемость, сохранить бесплатную медицинскую помощь, навести порядок в здравоохранении, развивать массовый спорт, остановить рост преступности, укрепить армию и органы безопасности [ЛДПР]*. Возникает своеобразная закономерность: чем более значительны политические обещания — *превратить Россию в ведущую мировую державу [Единая Россия], возродит Россию, сделает её подлинно единой, укрепит позиции страны на международной арене [КПРФ], сплотить народ на базе общерусской солидар-*

ности [ЛДПР], — тем более желательным и необходимым обещанное представляется обществу и тем большее пространство для альтернативных возможностей «действия» раскрывает дискурс обещания.

В этом случае обещание как бы отвечает естественному желанию общества двигаться в направлении к более совершенному состоянию, означающему улучшение условий социальной жизни. В перформативе глаголы служат особой цели эксплицирования сущности того «действия», которое осуществляется произведенным высказыванием. Высказывание «мы обещаем, что...» подразумевает под собой «мы сделаем...» — *модернизируем, изменим, возродим, разоведем, повысим, защитим, укрепим, сохраним, сплотим*. Перформатив задает «действие» в режиме «отсроченного времени», т. е. устанавливает временную дистанцию между «настоящим» и «будущим». Существование временной дистанции открывает пространство высказывания, в котором «действие», представленное «словом», начинает дискурсивовать во временной перспективе от «настоящего» к «будущему». Политические обещания структурируют неопределенное «будущее»: *за 2 года фонд заработной платы в здравоохранении вырастет на 30 процентов [Единая Россия]; в течение 2 лет переориентировать законодательство России на удовлетворение потребностей граждан, в течение 3 лет мы увеличим финансирование отечественной науки не менее чем вдвое [КПРФ]; следует в 10 раз снизить ставки арендной платы по всей стране и освободить от всех налогов на ближайшие 2 года, что будет способствовать быстрому развитию малого и среднего бизнеса [ЛДПР]; за 5 лет мы должны построить в России не менее 1 тысячи новых школ, и за эти же 5 лет у нас не должно остаться ни одной школы в аварийном состоянии, в ближайшие 5 лет мы обеспечим практически полную независимость страны по всем основным видам продовольствия, в ближайшие 5—10 лет мы также должны практически полностью перевооружить нашу армию и флот, модернизировать оборонно-промышленный комплекс, задача на ближайшие 20 лет — кардинально обновить или создать не менее 25 млн современных рабочих мест в промышленности и в бюджетном секторе [Единая Россия].*

В дискурсе обещания «слово» выступает инициатором начала «действия». Перформативная автономность языка предъясняется в его способности производить бытие в акте высказывания, тем самым демонстрируя, что политическое бытие является «эф-

фектом речи»: «Бытие есть факт высказывания: это означает просто-напросто, что не существует никакой додискурсивной реальности. Всякая реальность основывается на дискурсе и определяется в нем» [Кассен 2000: 153]. Здесь «слово» не отсылает к действительности, а указывает на состояние языка. Высказывание, упраздняющее действительность, является «чисто» риторической конструкцией, произведенной «словами» языка. В риторическом пространстве сущность политической деятельности заключается в искусстве красноречия как собственно политическом искусстве.

Риторика устанавливает надъязыковые правила, ограничивающие свободу высказывания пределами техники (*tekhnē*) построения политической речи. Политическая речь, начиная с греческой философии, относится к *эпидейктическому* (*epideixis*) стилю дискурса, который противопоставляется как диалогической традиции, характерной для сократической диалектики, так и аподиктическому (*apodeixis*), или аналитическому стилю дискурса, базирующемуся на системе доказательств. Эпидейктическим (*epideixis*) стилем со времен Аристотеля обозначается один из родов красноречия, который существует наряду с совещательным и судебным. Если совещательная (*sumbouleutikon*) речь обращается к собранию с тем, чтобы порекомендовать или отсоветовать нечто, а судебная (*dikanikon*) речь адресована членам суда ради защиты или обвинения, то эпидейктическая (*epideixis*) речь обращена исключительно к публике (*theoros*), следовательно, результатом такой речи будет не решение члена собрания или приговор судьи, но просто суждение зрителя о *dunamis* — силе и возможностях «говорящего». В эпидейктическом стиле красноречия «*deixis*» означает искусство показывать без «слов», а слово «*epideixis*» означает искусство «показывать» (*deiknumi*) «перед» (*epi*) публикой как искусство выставления напоказ «еще» чего-либо. Это говорит о том, что «*epideixis*» раскрывает возможность «еще», «сверх» (таково одно из значений *epi*) показать/продемонстрировать мастерство или искусство «говорящего» обращаться со «словами» языка. «Дело здесь, прежде всего, в том, что выступающий с показательной речью использует предмет своего показа, как пример или парадигму, с помощью самого предмета он показывает „еще“ (*epi*) нечто о предмете; важнее, однако, то обстоятельство, что эпидейктический оратор, помимо прочего, должен показать, как именно он умеет обращаться с избранным предметом, показать „сверх того“, „вдобавок“ себя самого и свой

талант» [Там же: 80]. Риторические приемы доводят политическую речь до статуса искусства. Эпидейктическая речь, демонстрирующая искусство красноречия, оказывается вариантом искусства политики. Здесь политика максимально сближается со сферой «пойэсиса». Искусство политики заключается в способности убеждать, которая зависит не столько от степени аргументированности, сколько от искусства красноречия. Чем виртуознее говорящий владеет искусством красноречия, тем быстрее он способен убедить слушающих и тем сильнее он попадает в зависимость от правил риторики. Выразительность политической речи определяется не смыслом того, что говорится/высказывается, а особым рода риторическими приемами. Риторические приемы, связанные с усилением изобразительности политической речи, основываются на фигурах речи — фигурах прибавления, базирующихся на речевых повторах, фигурах убавления и фигурах размещения.

Общее структурное свойство фигур прибавления состоит в повторении в речевой деятельности единиц плана выражения. Общее изобразительное свойство фигур прибавления заключается в том, что они демонстрируют неизменность и постоянство чувства, которое овладевает говорящим [Хазагеров 2002]. Самой распространенной фигурой прибавления становится лексический повтор полнозначных «слов»: *и учет, учет всего нашего богатства...* [Жириновский], а также двукратный повтор того или иного «слова» (геминация): *а когда все рухнуло, то сегодня мы имеем то, что имеем...* [Жириновский]; *очень важно, очень важно, чтобы как бы нам трудно не было, мы были абсолютно едины в выполнении своих обязательств...; это свидетельствует о крахе либерализма, о крахе того курса и той политики, которую проводили в нашей стране под диктовку американских специалистов и местных нуворишей...; воссоединение всех наших соотечественников со своей матерью-Родиной, развитие русского ядра, русской культуры, русского духа для нас является исключительно важным...* [Зюганов].

При построении фигур прибавления используется упорядоченный повтор «слов» в начале смежных отрезков речи (анафора): *нормальная власть никогда бы этого не сделала. Нормальная власть давно бы села за стол переговоров...* [Зюганов]; *ведь мало того, что деньги впустую уйдут, мы еще подготовим будущих предателей, подготовим тех, кто против нас повернет оружие...* [Жириновский], в конце смежных от-

резков (эпифора): *вот вам национальные меньшинства — предают нас во время войны, до войны, после войны...; вот он — первый президент независимой Украины — ни Украины нет, ни независимости нет, порядка нет, экономики нет, есть только добрая русская душа...* [Жириновский], на границе смежных отрезков (анадиплозис): *не надо строить оборонные заводы на тех территориях, а всё делать в центре России. Не надо строить оборонные заводы на тех территориях, которые могут оказаться враждебными нам...; и потом хотите, чтобы кто-то уважал нашу страну, когда трамбуете русский народ уже 100 лет, ровно 100 лет будет в 2017 году* [Жириновский]. В анафоре актуализируется общая посылка рассуждений, эпифора актуализирует следствие, а стык, или анадиплозис, демонстрирует последовательность рассуждений. Когда повторяются два элемента, которые при повторе располагаются в обратном порядке, то образуется такая фигура речи, как *хиазм (заблуждение говорит, что кто-то сидит на нефтегазовой игле. Полное заблуждение* [Жириновский]). Упорядоченный повтор инициирует возникновение *целного повтора*, который демонстрирует причинно-следственную обусловленность, создающую эффект смыслового нарастания: *Мы будем голосовать „За“, прежде всего потому, что идет процесс воссоединения с исторической родиной Крыма и Севастополя... Мы будем голосовать „За“, ибо для каждого из нас Россия является главным. Без сильной, умной, хорошо развитой России на европейском пространстве в ближайшее время не будет ни мира, ни покоя... Мы будем голосовать „За“ и потому, что русские оказались самым крупным в мире разделенным народом... Мы будем голосовать „За“, поскольку так восстанавливается историческая справедливость* [Зюганов]. Фигуры упорядоченного повтора не только способны передавать ритм чувств говорящего, но и своим синтаксическим расположением описывают траекторию какого-либо «действия».

В политической речи повторяются могут также отдельные части «слова». К повторам относится повтор морфем (*гомеология*) — приставок (*потому что недосмотрели, недодумали, в том числе и Государственная Дума* [Жириновский]), корней, суффиксов и окончаний (*гомеотелевтон: все сделать, чтобы наши связи укреплялись и наращивались; процветают только коррупционеры: чем громогласнее власть с ними борется, тем обильнее они множатся* [Зюганов]). В данном случае приставки и суффик-

сы выражают определенное грамматическое значение, и их повтор должен усиливать это значение.

Можно говорить о том, что риторический повтор не добавляет к сказанному ничего нового, но лишь «удваивает» высказывание. Повторяющиеся лексические элементы расширяют пространство высказывания таким образом, что порядок выражения и порядок смысла начинают различаться между собой. Присутствие в политической речи двух порядков приводит к исчезновению семантической функции языка — выражения смысла. В результате те «слова», которые прежде употреблялись в дескриптивном, логическом и семантическом плане, теперь должны демонстрировать чувства и эмоции говорящего, который стремится вызвать непосредственный эффект у слушателей как бы минуя их сознания, т. е. на уровне бессознательного.

Фигуры убавления противоположны фигурам прибавления. Общее структурное свойство фигур убавления состоит в том, что в них какие-то единицы плана содержания остаются без соответствующего плана выражения. Политическая речь должна обращать на себя внимание пропуском каких-либо языковых элементов. Фигуры убавления создают впечатление поспешности, быстроты, готовности, энергичности: «Эти фигуры, предназначенные для демонстрации решительных действий, они создают ощущение, что говорящий вот-вот перейдет от слов к делу» [Хазгеров 2002: 108]. Здесь практикуется пропуск членов предложения — чаще всего сказуемого (*эллипсис*). Пропущенный компонент эллипсиса восстанавливается не из контекста, а из самой языковой конструкции, превращающей высказывание в лозунг: *У нас нет времени на раскачку... надо принимать очень ответственные решения... Они обязательно будут. Но надо, чтобы это наступило как можно раньше* [Зюганов], внезапный обрыв высказывания (*апосиопезис*): *поэтому, если будет наведен порядок здесь... Это, конечно, усиление роли государства* [Жириновский]; *Я это видел в Праге, видел в Белграде, видел, как душили Югославию, видел это в Киеве, в Грузии, все один к одному* [Зюганов], пропуск первой половины высказывания (*просиопезис*): *Или еще. Вроде бы известны все приоритеты* [Зюганов]. В пространстве риторики фигуры убавления оставляют за пределами высказывания нечто не-высказанное. Смысл политической речи располагается между сказанным и невысказанным, т. е. начинает «разбегаться» в двух противоположных направлениях, тем самым превращает политическую речь в двусмысленное высказывание.

Структурной особенностью фигур размещения является то, что элементы плана выражения размещаются в них с нарушением порядка следования — появляется перестановка «слов» (*инверсия*), нарушение обычного порядка высказывания (*гиперба-тон*): *половину продовольствия завозим чужого, лекарства и всё остальное* [Зюганов], употребление вставок, разрывающих высказывание (*парцелляция*): *Говорили, что 90 миллионов тонн зерна соберут — ничего они не соберут. Если 75 миллионов соберут, будет хорошо* [Зюганов], пропуск членов предложения (*эллипсис*): *пенсионная реформа — от нее бедные становятся беднее, а богачи еще богаче; вслед за Сирией заполыхает Ливан. Дальше Иран. А следующими будем мы* [Зюганов], повтор (*полисиндетон*), пропуск союзов (*асидентон*): *предатели, воры, коррупция, всегда это будет; всё искажено, извращено* [Жириновский]; *сегодня считаются в мире с сильными, умными, успешными* [Зюганов].

Риторика позволяет практиковать различного рода вариации с языком на уровне «букв» как предельной единицы «слова» в виде повторов согласных (*аллитерация*) и гласных (*ассонанс*) внутри высказывания, произведения звукоподражательных «слов» (*ономатопеи*), создания *каламбуров*, сочетающих «слова» на основании общности звучания: *20 лет катались в Парагвай, Уругвай... [Жириновский]; неужели модернизация и новые технологии и дальше будут доверены „выдающемуся дефолтнику“ Кириенко и „главному приватизатору“ и разрушителю единой энергосистемы страны Чубайсу?; ведь он исчисляется с учетом высоких зарплат „белых воротничков“ из числа сырьевиков и финансистов, услуги дерипасок, абрамовичей, вексельбергов и чубайсов* [Зюганов], использования «слова» в несвойственной ему грамматической форме (*аллеотета*): *правительство, способное поддержать те ростки нового курса, которые сегодня проросли во внешней политике, и которые поддерживаются абсолютным большинством граждан страны; господин Ливанов и его команда вытравливают понятия науки и инноваций из повседневной жизни ученых и специалистов* [Зюганов]. Обращение с языком на уровне мельчайших элементов — «букв», «слов», «фраз» — в пределе приводит к исчезновению смысла политической речи. Исчезновение смысла речи древние греки рассматривали как предел политической риторики, который они называли *асхематон*ом, что переводится как «бесфигурье».

Стремление построить технически правильную речь в пределе оборачивается по-

явлением «пустой речи», из которой исчезает смысл. Чем более перспективное движение, ориентированное на «будущее», задает дискурс обещания, тем больше риторических приемов используется и тем меньше остается возможностей обществу понять смысл обещания власти. В «пустой речи» «слова» языка ничего не объясняют, что противоречит смыслу «говорения» как субъективной деятельности. Дискурс обещания модифицируется и превращается в «жанр политического лозунга и саморепрезентации» [Стексова 2011: 66].

Дистанция между «настоящим» и «будущим» увеличивается настолько, что это приводит к «разрыву» со-общаемости «слова» и «действия». Дискурс обещания оказывается речевым актом, лишенным потенциала «действия». В состоянии «бездейственного слова» дискурс обещания превращается в демагогию, открывающую пространство риторических вопросов: *почему скачут тарифы на услуги ЖКХ, а цены растут гораздо быстрее, чем зарплаты, пенсии и стипендии? Кто будет нести ответственность за десять миллионов безработных? Как происходит, что вся страна против ЕГЭ, но его всё равно навязывают выпускникам? Почему, несмотря на благоприятную цену на нефть, жизнь большинства россиян становится все тяжелее? Куда подевались приоритетные национальные проекты? Почему вместо помощи в решении жилищной проблемы гражданам предлагают брать ипотеку и обогащать банки? В чем причины того, что невиновных сажают в тюрьму, а преступники откупаются и гуляют на воле? Зачем тратят миллионы на перелицовку милиции в полицию, если взяточники продолжают чувствовать себя вольготно? Почему самолеты, вертолеты и ракеты падают всё чаще? Зачем правительство одной рукой отправляет нефтегазовые доходы за границу, а другой манит зарубежных инвесторов? Почему село брошено на произвол судьбы, а народ кормят импортными отбросами? [КПРФ]; Почему СССР развалился? Почему с экологией не очень хорошо у нас обстоит? Мы же всем давали свободу, всем помогали, и где благодарность? [ЛДПР].* Если обратиться к этимологии слова «демагог», то в переводе с греческого языка «δημαγωγός» буквально означает «предводитель народа». Современная трактовка происходит из греческого понимания: здесь «демагогом» называют «политикана», старающегося создать себе популярность среди народа недостойными средствами — «пустыми» обещаниями, высокопарными рассуждениями и риторическими вопросами, прикрывающими частный ин-

терес власти. Сущность риторических вопросов заключается в том, что они не предполагают ответа и не требуют его, поскольку по своей форме являются «чистым» утверждением. Ответ становится из-быточным, но он снимает *ответственность* с того, кто задается риторическими вопросами. Демагогия возникает тогда, когда власть не имеет намерения выполнять обещание. Демагог «говорит» так, чтобы «ничего не сказать». Отсутствие намерения совершить то или иное «действие» вносит противоречие в дискурс обещания, поскольку в высказывании «я обещаю сделать X, но не намерен это сделать» обещание утрачивает перформативную силу «действия», что лишает акт речи вообще какого-либо смысла [Серль 1986].

Отсутствие намерения совершать «действие» указывает на то, что власть «закрывает» на самой себе, т. е. начинает существовать «сама ради себя». Представители власти начинают жить не столько «для политики», сколько «за счет политики», т. е. используют свое положение в частных, чаще всего экономических интересах, которые всегда являются за интересы государственные. Поскольку принадлежность к власти является гарантированным источником дохода, постольку сохранение власти становится самоцелью.

Формируется предельная форма политического обещания, а именно обещание «худшего», которое не предполагает вообще совершение какого-либо «действия». Обещание «худшего» представляет собой высказывание, которое становится неким «самоосуществляющимся пророчеством» (self-fulfilling). Акт высказывания предсказывает *социальное неравенство, демографическую катастрофу, развал экономики, посаженной на сырьевую иглу, утрату обороноспособности и потерю ключевых союзников, духовно-нравственную деградацию, безудержный рост государственного долга [КПРФ], рост бедности [ЛДПР]*. Обещание «худшего» представляет дальнейшую невозможность (то, чего не может быть) прогрессивного движения: *Сегодня три опасности вплотную подступили к нашей стране. Это социальное неравенство, обострение национальных проблем и слом международного баланса сил, сложившегося после второй мировой войны [КПРФ]*. Здесь любой непосредственный акт «действия», направленный на предотвращение пророчества, приведет к осуществлению предсказанного, что и составляет суть «эдипова эффекта». В то же время сам факт обещания «худшего» не оправдывает естественное стремление общества к благополучию, социальной стабильности и безопасности, а значит, не отвечает потребностям общества:

«Обещание некорректно (defective), если обещают сделать то, чего не хочет адресат обещания; оно тем более некорректно, если обещающий не убежден, что адресат обещания хочет того, чтобы это было сделано, поскольку корректное обещание должно быть задумано как обещание, а не угроза или предупреждение» [Серль 1986: 163].

Обещание «худшего» становится формальным поводом для появления социального недовольства. Вера общества в силу политической власти сменяется уверенностью в неспособности власти выполнить обещание. Социальное недовольство инициирует переход власти от демагогического потока «слов» к «действию», открывающему «обратную перспективу» из «будущего в настоящее». Возвращение к реальности «настоящего» реализуется в дискурсе решения как констативном высказывании, утверждающем и/или подтверждающем акт «действия». Дискурс решения способствует сокращению временной дистанции между «настоящим» и «будущим». Возвращение из «будущего в настоящее» становится регрессивным (от лат. *regressus* — движение назад) движением, ограничивающим деятельность власти пределами «настоящего». Сокращение временного интервала между «настоящим» и «будущим» позволяет власти выстраивать «краткосрочные» перспективы общественного развития, которые увеличивают общаемость между «словом» и «действием».

Обещание власти ориентировано на удовлетворение непосредственных потребностей/желаний общества, которые существуют «здесь и теперь». В связи с тем, что такие потребности являются одномоментными, и обещания власти представляются совершенно незначительными и касаются исключительно социальных проблем: *снизить ипотечные ставки, удвоить объем жилищного строительства, передать федеральные земли под кооперативную жилищную стройку для бюджетников, повысить денежное довольствие военнослужащих Вооруженных Сил и внутренних войск, а также сотрудников органов внутренних дел, увеличить пенсии в среднем в 1,5 раза всех военных пенсионеров вне зависимости от ведомственной принадлежности* [Единая Россия], *изменить закон о банках и банковской деятельности, по которому предлагается полностью возвращать вкладчикам их вклады, увеличить количество бюджетных мест для студентов, законодательно ограничить родительские выплаты в детских садах* [КПРФ], *предоставить права на материнский (семейный) капитал семьям, в которых родился (усыновлен) первый ребен-*

нок, установить административную ответственность за непредоставление места в детском дошкольном учреждении, предоставить ежегодный отпуск женщине, имеющей ребенка (детей) в возрасте до 14 лет, в удобное для нее время, усилить ответственность за изготовление и оборот порнографической продукции, отменить внутрироссийский роуминг [ЛДПР]. Чем сильнее сокращается временная дистанция между «настоящим» и «будущим», тем менее значительными становятся политические обещания и тем меньшее пространство раскрывается для принятия политических решений.

Констативное высказывание подтверждает акт «действия», которое направлено на оперативное решение таких текущих проблем, как *водоснабжение урочища Красуха, ремонт памятников к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, поддержка ветеранов Великой Отечественной войны, приобретение школьной и спортивной одежды учащимся общеобразовательных учреждений из многодетных семей, единовременная социальная поддержка малоимущих семей* [Единая Россия], *продление срока приватизации жилых помещений государственного и муниципального жилищного фонда, освобождение налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, от обязанности ведения бухгалтерского учета, определение фиксированного размера страхового взноса по обязательному пенсионному страхованию для индивидуальных предпринимателей, не производящих выплат и иных вознаграждений физическим лицам, установление административной ответственности за нарушение правил продажи табачных изделий, курение в неустановленных местах, рекламу и спонсорство табака* [ЛДПР]. Такие решения представляют собой систему «безотлагательных действий» [Жижек 2010: 9]. Возникает парадоксальная ситуация: чем более безотлагательным становится «действие» власти, тем менее обоснованными и обдуманными оказываются ее решения и тем больше непреднамеренных последствий такие «действия» производят. Власть формально не обязана нести ответственность за непредусмотренные и непреднамеренные последствия собственных решений. Однако безответственность власти становится источником нарушения социальной стабильности и безопасности, что приводит к появлению непредсказуемых ситуаций. Исчезновение социальной стабильности обозначает предел регрессивного движения. Утрата четкого представления о целях указывает на истощенность политического проекта власти.

В сфере политического «праксиса» переход от одного политического проекта к другому представляет собой своего рода «символическую революцию», происходящую в поле политической науки. Здесь «чисто» техническая деятельность возвращается к самой себе как «τέχνη», открывающая пространство субъективной деятельности мышления. Обращаясь к греческому слову «τέχνη», М. Хайдеггер выделяет два его значения. С одной стороны, «τέχνη» понимается как искусность, мастерство и может относиться не только к ремеслу, но и к художественным искусствам, высшим проявлением которых является словесное искусство как искусство «слова»: «Такая τέχνη относится к про-из-ведению, к ποιήσις; она есть нечто „поэтическое“» [Хайдеггер 1993: 225]. С другой стороны, слово «τέχνη» в греческом языке находится в близком отношении к слову «ἐπιτήμη», которое понимается как знание. В этом случае техника как про-из-ведение может представляться в качестве произведенного знания, открывающего поле бытия «идей» как пространство мыслительного конструирования.

Сущность мышления заключается в том, что в концептуальном пространстве оно представляет само себя через «идею», лежащую в «истоке» концептуального произведения политического бытия. В «идеях» получают выражение цели политической деятельности. В концептуальном пространстве бытия «идей» общество представляется как совершенное бытие, или совершенное полное, завершенное в смысле совершенства. Поле бытия «идей» содержит в себе множество различных представлений о «благой жизни», «справедливом обществе», каждое из которых является по своей сути *политической у-топией*. В этом смысле политические у-топии являются мыслительными конструкциями, происходящими из деятельности мышления как «чистого» вы-мысла. Каждое общество формирует собственные социальные идеалы — политические у-топии, которые являются продуктом деятельности мышления. Лишенные связи с практикой, политические у-топии позволяют осознать несовершенство социальной действительности, т. е. представить то, чего не «хватает» социальному бытию конкретного общества. Политическая у-топия открывает перспективное представление из «настоящего в будущее». Выбор политической перспективы становится осознанным решением, которое возникает на пределе «из-быточной» полноты социальных идеалов как теоретических конструкций. Дискурс обещания, очерчивающий пространство политического

«действия», оказывается представлением, базирующимся на осмысленном выборе «будущего».

Таким образом, дискурсивные стратегии власти базируются на политическом проекте, степень реализации которого предъясняется дискурсами обещания и решения. Если дискурс обещания является актом речи, открывающим перспективное направление политической деятельности из «настоящего в будущее», то дискурс решения открывает «обратную перспективу» из «будущего в настоящее». Дискурс обещания, постоянно увеличивающий «разрыв» между «словом» и «действием», на пределе переходит в демагогию, сущность которой заключается в преднамеренно «пустых» обещаниях. Формой такого «пустого» обещания оказывается обещание «худшего», бессмысливающее сам акт политического «действия». Дискурс решения, ориентированный на сокращение «разрыва» между «словом» и «действием», в пределе разворачивается в систему «безотлагательных действий», которые власть обосновывает ретроспективно. Демагогия и «безотлагательное действие» демонстрируют предел политического проекта существующей власти.

ИСТОЧНИКИ

1. *Единая Россия*. URL: <http://er.ru/news/116189/>.
2. *Фракции «Единая Россия» в Государственной Думе РФ*. URL: <http://er-duma.ru/pubs/63302>.
3. *КПРФ*. URL: <http://kprf.ru/>.
4. *ЛДПР*. URL: <http://ldpr.ru/>.

ЛИТЕРАТУРА

5. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни*. — СПб.: Алетейя, 2000.
6. *Делёз Ж. Логика смысла*. — М.: Академия, 1995.
7. *Жижек С. О насилии*. — М.: Европа, 2010.
8. *Кассен Б. Эффект софистики*. — М.: Университетская книга; СПб.: Культурная инициатива, 2000.
9. *Касториадис К. Воображаемое установление общества*. — М.: Гнозис: Логос, 2003.
10. *Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике*. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов.
11. *Рансьер Ж. На краю политического*. — М.: Параксис, 2006.
12. *Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике*. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов.
13. *Стексова Т. И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика*. 2011. № 4.
14. *Хазазеров Г. Г. Политическая риторика*. — М.: Никколо-Медиа, 2002.
15. *Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие / М. Хайдеггер*. — М.: Республика, 1993.

Статью рекомендует к публикации д-р филос. наук, проф. О. Н. Бушмакина.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'27

ББК Ш100.62

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

О. В. Барабаш O. V. Barabash

Пенза, Россия Penza, Russia

М. Б. Ворошилова M. B. Voroshilova

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ЯЗЫК. ПРАВО. ОБЩЕСТВО:

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ

Аннотация. Освещены актуальные вопросы в сфере взаимодействия языка и права, обсужденные учеными и практиками на II Международной научно-практической конференции «Язык. Право. Общество» 9—10 апреля 2014 года в Пензенском государственном университете. Доклады конференции распределялись по следующим основным темам: проблема правовых дефиниций (в том числе в историческом аспекте), толкования правовых актов, терминологической точности в законодательных актах; практические вопросы лингвистической экспертизы; язык и юридический дискурс в различных аспектах (правовом, культурном); речевая манипуляция в СМИ; проблема повышения речевой компетенции юристов.

Ключевые слова: язык; право; общество; правовая коммуникация; юридический язык; правовой документ; лингвистическая экспертиза.

Сведения об авторе: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной педагогики и психологии.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

e-mail: olphil@mail.ru.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, оф. 221.

e-mail: shinkari@mail.ru.

LANGUAGE. LAW. SOCIETY:

INTEGRATIVE APPROACH TO RESEARCH

Abstract. Topical problems in the sphere of correlation of language and law are described, which were discussed by the scientists at the II International Conference "Language. Law. Society" on 9-10 April 2014 in Penza State University. The main topics for discussion were the following: the problem of legal definitions (including historical aspect), interpretation of legal acts, terminological accuracy in legislative acts; practical questions of linguistic expertise; language and legal discourse in different aspects (legal, cultural); verbal manipulation in mass media; the problem of improvement of verbal competence of lawyers.

Key words: language; law; society; legal communication; language of jurisprudence; legal document; linguistic expertise.

About the author: Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Professional Pedagogy and Psychology.

Place of employment: Penza State University.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

9—10 апреля 2014 г. в Пензенском государственном университете состоялась уже вторая Международная научно-практическая конференция «Язык. Право. Общество», по-

священная проблемам взаимодействия языка и права.

На конференции было около 100 участников. Ее гостями стали ученые из Москвы,

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

© Барабаш О. В., Ворошилова М. Б., 2014

Екатеринбурга, Кемерово, Саратова, Ульяновска, Сердобска. Ученые и практики из Миасса, Сыктывкара, Нижнего Новгорода, Батайска, Мурманска, Краснодара участвовали заочно, их доклады опубликованы в сборнике материалов конференции [Язык. Право. Общество 2014]. Также статьи в сборник трудов конференции были присланы авторами из Герцогства Люксембург, Польши, Украины и Белоруссии.

Соорганизаторами конференции выступили Законодательное собрание Пензенской области, правительство Пензенской области и Управление Федеральной антимонопольной службы по Пензенской области.

С целью обсуждения актуальных вопросов места и роли языка в контексте правовой коммуникации в современном государстве и обществе к участию в конференции были приглашены не только ученые, преподаватели, аспиранты, работники образовательных и научных учреждений, но и представители судебной системы, органов государственной власти и местного самоуправления. Таким образом, была создана возможность интегративного подхода к изучению проблем, возникающих в сфере взаимодействия языка и права.

Пленарное заседание открылось видеоконференцией с Кемеровским государственным университетом, в ходе которой прозвучало выступление основателя отечественной юрлингвистики — доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, академика Международной академии наук высшей школы Н. Д. Голева. В своем докладе «Юридический язык как единство и борьба противоположностей» ученый обратился к вопросу о функциональной антиномии юридического языка. По мысли Н. Д. Голева, двойственность природы юридического языка заключается в том, что он, «с одной стороны, является специализированным языком, призванным обслуживать взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти, а с другой стороны, он обслуживает диалог власти с народом» [Голев 2014: 86]. Соблюдение требований юридической техники — четкости, правильности, ясности, доступности, понятности текста закона — отчасти снимает указанное противоречие. Однако, как справедливо отметил Н. Д. Голев, «на практике „понятность“ на низовом уровне остается чаще всего недостижимым (и недостижимым) идеалом, а правовая коммуникация замыкается на диалоге законодательной и законоприменительной ветвей власти» [Там же: 87].

Проанализировав сложившиеся в мировой практике пути решения данной коллизии,

Н. Д. Голев пришел к выводу о том, что наиболее актуальной стратегией, повышающей эффективность правовой коммуникации по линии «народ — власть», является стратегия адаптации, подчеркнув при этом особую роль обыденного филологического толкования текста законов. Идея создания текстов для специалиста и обывателя не нова, подобная стратегия адаптации широко используется в иных сферах нашей жизни. Например, в сфере бытовой техники существует два самостоятельных документа: технический паспорт, написанный для специалистов, и инструкция пользователя.

Поставленный Н. Д. Голевым вопрос нашел живой отклик у участников конференции; большой интерес он вызвал у юристов, что еще раз подчеркнуло его актуальность и особую практическую значимость. Для кого должен быть написан закон: для специалиста или обычного человека? Вопрос, действительно, важный, надеемся, что в следующем году мы сможем не только продолжить дискуссию, но и прийти к некоему решению.

Обсуждение проблем толкования нормативных правовых актов и их проектов продолжил в своем выступлении кандидат филологических наук, доцент Пензенского государственного университета ответственный секретарь конференции О. В. Барабаш. В докладе на тему «Юридико-лингвистические предпосылки порождения коррупциогенности текста правового документа» О. В. Барабаш отметила, что в настоящее время юридико-лингвистические и собственно языковые предпосылки порождения коррупциогенности текста официального документа остаются недостаточно изученными: не систематизированы антикоррупционные требования к языку и стилю официальных документов, не детерминированы критерии выявления юридико-лингвистической неопределенности на всех уровнях правового текста.

Опираясь на анализ текстов нормативных правовых актов и их проектов как федерального, так и регионального уровня, О. В. Барабаш обосновала выводы о том, что уточнения требует и сам термин «юридико-лингвистическая неопределенность», границы которого должны быть расширены за счет включения в него такой категории, как двусмысленность языковых формул, обусловленная особенностями формально-логического, грамматического и пунктуационного оформления текста правового документа [Барабаш 2014: 23—28].

Также на пленарном заседании конференции прозвучали доклады, затрагивающие иные, не менее актуальные проблемы юрлингвистики. Так, вопросы языкового выра-

жения и юридического статуса топонимов были освещены в выступлении кандидата филологических наук, доцента кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Т. П. Соколовой на тему «Функционирование русского языка в ономастическом пространстве Подмосковья». Возможности лингвистической экспертизы процессуальных документов обсуждались в докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и культуры речи Академии Государственной противопожарной службы МЧС России Е. Н. Бондаренко. Начальник правового управления, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета К. Б. Филиппов выступил с докладом об экономической безопасности организации в контексте формирования Федеральной контрактной системы.

В докладе доктора филологических наук, заведующей кафедрой английского языка Пензенского государственного университета Т. В. Дубровской была поднята проблема плагиата в академической среде в этическом, юридическом и лингвистическом аспектах. Данный доклад вызвал особый интерес среди участников — представителей образовательных учреждений, что обусловлено отчасти современными требованиями образовательного и научного дискурса, а отчасти и этической составляющей данного вопроса.

Но практическая ценность данного доклада заключалась в том, что Т. В. Дубровская, справедливо отмечая неоднозначность юридической стороны проблемы плагиата: «...закон не устанавливает четких и унифицированных критериев плагиата» [Дубровская 2014: 124], предложила список лингвистических критериев (признаков) плагиата в научном тексте, которые, безусловно, будут востребованы лингвистами-экспертами.

На основе тем, заявленных в докладах участников, работа конференции «Язык. Право. Общество» была распределена по секциям.

В секцию № 1 «**Лингвистические аспекты юридической техники и толкования правовых актов. Проблема правовых дефиниций**» были включены доклады, посвященные проблемам терминологической точности в законодательных актах. Участники конференции вновь вернулись к вопросу, поставленному в самом начале конференции, о «гармонии обыденного и правового сознания», что лишним раз подчеркивает его актуальность.

Так, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского

языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного университета Г. И. Канакина еще раз обратила внимание ученых на проблему языкового оформления нормативных актов, подчеркнув, что «от внимания авторов не должно ускользать и грамотное, стилистически правильное оформление текстов правовых документов» [Канакина 2014: 149].

Целый ряд докладов был посвящен вопросу функционирования правовых дефиниций в различных аспектах.

Юридические дефиниции как прием юридической техники были рассмотрены в работе А. А. Скорофатовой, кандидата филологических наук, доцента Луганского государственного университета внутренних дел имени Э. А. Дидоренко (Украина). Автор проанализировал «способы законодательного конструирования дефиниций в действующем украинском законодательстве, рассмотрел разновидности дефиниций и традиционные каноны их правильности» [Скорофатова 2014: 328].

В историческом аспекте была рассмотрена проблема правовых дефиниций в материалах Л. В. Поповой — кандидата филологических наук, доцента Миасского филиала Челябинского университета. Л. В. Попова представила результаты анализа исторических типов правовых дефиниций на материале законодательных текстов, доказав, что «исторические способы формирования правовых дефиниций отражают когнитивные механизмы правовой коммуникации... Развитие протодефиниций обусловлено эволюцией и взаимодействием типов правового мышления» [Попова 2014: 281].

Крайне интересными были доклады, посвященные анализу конкретных правовых дефиниций. В частности, в докладе кандидата юридических наук Н. А. Санисаловой и С. Н. Ермаковой было рассмотрено понятие такого нового вида ограничения вещных прав, как «узурфрукт» [Санисалова, Ермакова 2014: 311—317]. Различные подходы к определению понятия «инжиниринг» были представлены в материалах кандидата экономических наук И. Н. Джазовской и аспиранта А. Б. Фроловой [Джазовская, Фролова 2014: 119—122]. Практика употребления понятия контрафакта в судебных решениях по административным делам о незаконном использовании товарного знака проанализирована в материалах кандидата социологических наук С. А. Агамагомедовой [Агамагомедова 2014: 9—13].

В итоге дискуссии филологи, юристы, экономисты пришли к единому мнению о необходимости юридико-лингвистического со-

вершенствования действующих нормативных правовых актов путем их языкового и стилистового редактирования, а также уточнения содержания ряда правовых терминов.

В секцию № 2 «**Правовые аспекты лингвистической экспертизы текста**» вошли доклады, посвященные практическим вопросам реализации лингвистической экспертизы самых различных видов.

«В современной экспертной практике нередки случаи, когда для анализа по одному делу предоставляется большое количество фонограмм (аудиофайлов). Тот факт, что фонограммы поступают на исследование в рамках одного дела, чаще всего подразумевает, что они имеют одну тематику, связаны контекстуально и коммуникативно. Выявление тематического, контекстуального единства и коммуникативной связи может сделать работу экспертов более эргономичной и эффективной. Так, если экспертам удастся обосновать, что те или иные фонограммы обладают связностью, то у них будет возможность объединить эти фонограммы в массив и исследовать их как единое целое. Это в свою очередь может помочь при анализе фонограмм короткой длительности, которые также могут быть включены в состав массива» [Хоменко 2014: 404]. Именно проблеме многообъектных исследований в судебной фоноскопической экспертизе посвящены материалы А. Ю. Хоменко, Д. Е. Зиновьева, А. А. Цыганова и В. В. Калинина. Особая практическая значимость данных материалов обусловлена тем, что авторы приводят полную редакцию методики подобных исследований по трем классическим позициям: аудитивной, лингвистической и инструментальной.

Участниками конференции были обсуждены вопросы, возникающие в случае коллизии прав на товарные знаки, фирменные наименования и другие средства индивидуализации. В работе доктора юридических наук, доктора филологических наук, академика РАЕН Е. И. Галяшиной были представлены возможности судебной лингвистической экспертизы с целью установления сходства до степени смешения противопоставленных обозначений, а также самостоятельности, оригинальности и творческой самобытности словесных элементов, составляющих средства индивидуализации, при их совпадении с произведениями или их частями, охраняемыми авторским правом [Галяшина 2014: 73].

Ряд общих вопросов, связанных с лингвистической экспертизой в сфере рекламы, был освещен в докладах доктора филологических наук, профессора кафедры журнали-

стики Пензенского государственного университета Е. Н. Сердобинцевой «Манипулирование в рекламных текстах, адресованных молодежи»; кандидата исторических наук, доцента кафедры коммуникационного менеджмента О. В. Милаевой и студентки М. А. Бемхарт «К вопросу о тенденциях развития информационного пространства рекламы» [Милаева, Бемхарт 2014: 215—223] и старшего преподавателя О. С. Воячек «Рекламный текст и особенности его правового регулирования» [Воячек 2014: 61—65].

В статье Е. А. Чубиной описана совокупность общих признаков рекламной информации, отличающих ее от других видов информации, что особенно актуально в последние годы, когда все чаще недобросовестные рекламодатели пытаются маскировать рекламную информацию о товарах и услугах, рекламирование которых запрещено или ограничено, под информацию нерекламного характера [Чубина 2014: 418—423].

Фоносемантический анализ как инструмент экспертизы экстремистского текста стал предметом обсуждения в докладе кандидата филологических наук, доцента Уральского государственного педагогического университета М. Б. Ворошиловой.

Проблема воздействия звука на сознание человека в последние годы становится крайне актуальной, особенно в рамках судебной психолого-лингвистической экспертизы, в которой нередко встает вопрос о выявлении признаков оказания психологического воздействия на сознание личности в процессе восприятия «звучащего» текста. Поскольку существующие методики точной диагностики такого воздействия зачастую затратны, так как требуют проведения целой серии экспериментальных исследований, то на практике для решения подобных вопросов всё активнее используется фоносемантический анализ текста, тем более что для проведения данного анализа в последние десятилетия было создано несколько доступных компьютерных программ, позволяющих легко и быстро выполнить исследование подобного рода.

В рамках доклада М. Б. Ворошилова представила сопоставительное исследование фоносемантического и лингвистического анализов песенного текста, в заключение отметив, что хотя «полученные результаты подтверждают правомерность использования фоносемантического анализа, мы не должны забывать о том, что звуковой символизм в современном научном дискурсе традиционно оценивается как относительная единица, так же как и результаты фоносемантического анализа, скорее, носят веро-

ятностный, субъективный характер» [Ворошилова 2014: 60].

Обсужденные на секции самые различные вопросы лингвистической экспертизы, бесспорно, имели важное практическое значение, были особенно интересны действующим лингвистам-практикам, обменивавшимся опытом проведения тех или иных экспертиз.

Секцию № 3 **«Язык и правовая коммуникация. Юридический дискурс как культурный феномен»** представили доклады, в которых язык и юридический дискурс были рассмотрены с самых различных точек зрения и в различных аспектах.

Правовым аспектам языковой политики США было посвящено выступление кандидата педагогических наук, заведующей кафедрой иностранных языков Пензенского государственного университета Н. А. Павловой.

В статье польской исследовательницы из Университета Николая Коперника (г. Торунь, Польша) Агнешки Совиньски был рассмотрен «ряд прагмалингвистических ресурсов, используемых для выражения ценностей в политическом дискурсе, в частности: проксимизация, основанные на утверждениях схемы, последовательности „тезис — антитезис“, эпистемическая модальность, средства выражения очевидности, указание на источник информации, а также метафора» [Совиньска 2014: 349—356]. Все эти средства автор иллюстрирует примерами из отрывка Послания президента США Джорджа Буша конгрессу в 2005 г.

В работе юриста-лингвиста, переводчика в Совете Европейского союза Колина Робертсона «Язык для специальных целей и юридический язык Евросоюза» были проанализированы проблемы, связанные с юридическим языком ЕС. Автор выявил ряд характеристик, сближающих и отличающих юридический язык Евросоюза и национальный юридический язык, и отметил, что, «получая статус языка ЕС, язык помещается в определенные рамки. Тексты ЕС требуют применения эквивалентных терминов во всех языках. Если их не существует в национальных языках, то они должны быть созданы» [Робертсон 2014: 293—303]. Кроме того, К. Робертсон обозначил проблемы, возникающие в сфере многоязычного законодательства ЕС, а также в связи с переносом информации из контекста ЕС в национальный контекст. В частности, по мнению ученого, в первую очередь изучения требуют проблемы понимания юридических текстов и языка ЕС; вопросы создания эффективных текстов, учитывающих связи между национальным правом и языком, а также проблема

подготовки специалистов. Свое внимание автор заострил на перспективах развития языков для специальных целей.

Выступление магистра филологии консультанта администрации губернатора Ульяновской области Т. А. Слепцовой было посвящено проблемам цитации в текстах законодательного дискурса. «Интертекстуальность является универсальной категорией любого текста, а для текстов законодательного дискурса она особенно важна и необходима: без нее невозможен законодательный дискурс в принципе, так как его специфика состоит во взаимосвязи и преемственности правовых норм и положений, содержащихся в тексте нормативно-правовых актов, которые невозможно рассматривать изолированно от других текстов законодательного дискурса, от правового пространства, социально-экономического состояния в стране, эпохи [Слепцова, Гудилова 2014: 335]». В своем докладе Т. А. Слепцова представила и проанализировала такие виды интертекстуальной связи в текстах нормативных правовых актов, как ссылка, цитата, аппликация, аллюзия и умолчание.

В рамках секции была также обсуждена актуальная в мировой правовой практике проблема переводов юридических текстов. В частности, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета А. В. Александрова в своем докладе рассмотрела ряд проблем, с которыми приходится сталкиваться переводчику юридических текстов: «...неточное толкование юридических терминов, отсутствие единообразия при переводе нормативных положений разными авторами, сложности перевода вновь образованных научных терминов, необходимость правильного построения текста, а также подбора слов, наиболее подходящих по значению в заданном контексте» [Александрова 2014: 14—18]. В материалах кандидата педагогических наук, доцента кафедры английского языка Пензенского государственного университета М. В. Головушкиной представлены лексические и грамматические проблемы перевода английских коммерческих контрактов [Головушкина 2014: 95—99], в работе доцентов кафедры перевода и переводоведения Пензенского государственного университета кандидата педагогических наук Е. Ю. Ожеговой и кандидата педагогических наук Е. Г. Соболевой выделены основные грамматические и лексические трудности, возникающие при переводе юридических текстов с немецкого языка на русский [Ожегова, Соболева 2014: 250—253].

Целый ряд разнообразных теоретических и практических вопросов, связанных с функционированием языка в средствах массовой коммуникации, был обсужден участниками секции № 4 «**Речевые манипуляции в СМИ**».

«В настоящее время стремительное развитие общественно-политических отношений и информационной среды вызвали неспособность отдельного человека сознательно контролировать воздействующие на него информационные потоки, что часто приводит к изменению состояния и поведения человека помимо его воли и желания. Российское общество непрерывно подвергается идеологическому воздействию по внедрению целевых для кого-то или чего-то ценностей», — отметила в своем выступлении О. В. Новикова [Новикова 2014: 243].

В докладе «К вопросу о манипулировании общественным сознанием в современной России» О. В. Новикова предприняла попытку рассмотреть основные методы и технологии манипулирования.

В ходе дальнейшей дискуссии активно обсуждалась проблема освещения деятельности судов, правоохранительных, контрольных и надзорных ведомств в российских СМИ. В частности, в докладе доцента Пензенского государственного университета Т. Н. Островской была рассмотрена роль СМИ в формировании имиджа правоохранительных, контрольных и надзорных ведомств [Островская 2014: 254—262]. Приведенные ею примеры из сообщений, опубликованных в печатных изданиях и размещенных в сети Интернет, свидетельствует об актуальности поднятых вопросов, а представленные рекомендации о том, как грамотно подать те или иные сведения, — о практической значимости представленного исследования.

Отметим, что все доклады по данной тематике имели ярко выраженную практическую направленность. Например, в докладе старшего преподавателя Н. С. Данковой была представлена репрезентация ритуальных компонентов судебной системы в дискурсе СМИ как эффективное средство конструирования имиджа судебной власти [Данкова 2014: 115—118]. В материалах же пресс-секретаря Арбитражного суда Пензенской области В. К. Удавихиной была поднята тема недостоверности в освещении деятельности арбитражных судов средствами массовой информации [Удавихина 2014: 379—386].

В целом исследователи отметили, что недостоверность информации, представленной в российских и зарубежных СМИ, негативно сказывается на имидже органов судебной и правоохранительной власти,

провоцирует недоверие граждан к правосудию, способствует снижению уровня правовой культуры в обществе.

О манипулятивной функции современных СМИ говорила в своем выступлении кандидат филологических наук заведующая кафедрой английской филологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Т. В. Харламова. Она представила результаты изучения дискурсивных средств, отражающих основные способы и средства формирования образа российской власти в зарубежных СМИ [Харламова 2014: 397—403].

Одним из основных способов формирования определенного образа с точки зрения современной лингвистики является когнитивная метафора. Механизм ее работы был продемонстрирован в докладе кандидата филологических наук, доцента Уральского государственного педагогического университета Л. Е. Весниной «„Живой товар“: метафорическая репрезентация темы миграции в СМИ». В заключении автор отметил: «В целом осмысление образа миграции в СМИ категориями экономики, представления о живых людях как о „товаре“ не делают чести российским СМИ, не вписываются в политику толерантности и усугубляют без того сложное положение дел в области миграционной политики страны и отношения к мигрантам» [Веснина 2014: 44].

Особое внимание на конференции было уделено проблемам повышения речевой компетенции юристов (секция № 5 «**Формирование лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов**»), а также вопросам профессиональной этики (секция № 6 «**Этика делового общения для специалистов**»). Без сомнения, современный юрист в условиях постоянно возрастающего объема актов правового регулирования нуждается в знаниях, умениях, навыках, позволяющих эффективно осуществлять толкование правовых норм, давать квалифицированные заключения относительно конфликтных текстов при рассмотрении дел о защите чести и достоинства, создавать правоприменительные акты с учетом специфики юридического подстиля. В связи с этим постановка проблемы формирования юрислингвистической компетенции, дающей специалисту возможность решать профессиональные задачи, возникающие в зоне пересечения языка и права, представляется актуальной.

В ходе конференции участниками были обсуждены самые различные методы и методики подготовки юристов. Например, доктор педагогических наук, профессор Мур-

манского государственного технического университета А. В. Коренева описала основные этапы обучения профессиональному языку [Коренева 2014: 168—175]; методические подходы к формированию общего представления будущих юристов о судебной риторике на примере изучения рассказов А. П. Чехова «Случай из судебной практики» и «В суде» описаны в статье кандидата педагогических наук, доцента кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета Л. П. Перепелкиной [Перепелкина 2014: 263—266]. Оригинальная методика реализации принципа контекстного обучения на занятиях по литературе при подготовке будущих юристов предложена в материалах кандидата педагогических наук, профессора кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета Г. В. Пранцовой «От литературной игры — к выбору профессии (об изучении детективных произведений будущими юристами)» [Пранцова 2014: 283—287].

В заключение отметим, что уже второй год конференция «Язык. Право. Общество» привлекает и объединяет *практиков* — специалистов, связанных с использованием языка права в своей деятельности; *ученых*, изучающих теоретические и прикладные аспекты взаимодействия языка и права; *законодателей*, непосредственно участвующих в создании правовых норм; *представителей судебной власти*. На наш взгляд, подобная научно-практическая консолидация позволяет с разных точек зрения приблизиться к решению многообразных проблем, возникающих в сфере взаимодействия языка и права. Полагаем, что продолжение сотрудничества в предложенном формате является не только полезным, но и необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамагомедова С. А. Использование понятия контрафакта в судебных решениях по административным делам о незаконном использовании товарного знака // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 9—13.
2. Александрова А. В. Проблемы перевода юридических текстов // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 14—18.
3. Барабаш О. В. Юрико-лингвистические предпосылки порождения коррупциогенности тек-

ста правового документа // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 23—28.

4. Веснина Л. Е. «Живой товар»: метафорическая репрезентация темы миграции в СМИ // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 38—44.

5. Ворошилова М. Б. Фоносемантический анализ текста как инструмент экспертизы экстремистского текста // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 56—60.

6. Воячек О. С. Рекламный текст и особенности его правового регулирования // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 61—65.

7. Галышина Е. И. Возможности лингвистической экспертизы в случаях коллизии прав на средства индивидуализации и результаты интеллектуальной деятельности // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 73—85.

8. Голев Н. Д. Юридический язык как единство и борьба противоположностей // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 86—94.

9. Головушкина М. В. Лексические и грамматические проблемы перевода юридических документов // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 95—99.

10. Данкова Н. С. Репрезентация ритуального характера судебного дискурса в российских СМИ // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 115—118.

11. Джазовская И. Н., Фролова А. Б. Инжиниринг: подходы к определению понятия // Язык. Право. Общество : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук.

Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 119—122.

12. *Дубровская Т. В.* Плагиат в академической среде как этическая, юридическая и лингвистическая проблема // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 123—130.

13. *Канакина Г. И.* Языковое оформление нормативных правовых актов (на материале Пензенского региона) // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 149—154.

14. *Коренева А. В.* Обучение студентов специальности «Юриспруденция» профессиональному языку в курсе «Русский язык и культура речи» // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 168—175.

15. *Милаева О. В., Бехмарт М.* К вопросу о тенденциях развития информационно-коммуникационного пространства рекламы // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 215—223.

16. *Новикова О. В.* К вопросу о манипулировании общественным сознанием в современной России // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 243—249.

17. *Ожегова Е. Ю., Соболева Е. Г.* Грамматические и лексические трудности перевода юридических текстов (на материале немецкого языка) // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 250—253.

18. *Островская Т. Н.* Роль СМИ в формировании имиджа правоохранительных, контрольных и надзорных ведомств // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 254—262.

19. *Перепелкина Л. П.* Рассказы А. П. Чехова как средство формирования лингвистической компетенции студентов юридического колледжа // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-

практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 263—266.

20. *Попова Л. В.* Юридические протодефиниции XV—XVII веков в когнитивно-коммуникативном аспекте // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 277—282.

21. *Пранцова Г. В.* От литературной игры — к выбору профессии (об изучении детективных произведений будущими юристами) // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 283—287.

22. *Робертсон К.* Язык для специальных целей и юридический язык Евросоюза // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 293—303.

23. *Санисалова Н. А., Ермакова С. Н.* Значение и содержание понятия «узуфрукт» как вида ограниченного вещного права // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 311—316.

24. *Скорюфатова А. А.* Юридические дефиниции как прием юридической техники (на материале украинских нормативно-правовых актов) // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 328—334.

25. *Слепцова Т. А., Гудилова С. В.* Интертекстуальность в законодательном дискурсе // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 335—341.

26. *Совиньска А.* Выражение ценностей в политическом дискурсе // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 349—356.

27. *Удавихина В. К.* Проблема недостоверности в освещении деятельности арбитражных судов средствами массовой информации (на примере Арбитражного суда Пензенской области) // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. фи-

лол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 379—386.

28. *Харламова Т. В.* Конструирование образа российской власти в зарубежных СМИ // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 397—403.

29. *Хоменко А. Ю., Зиновьев Д. Е., Цыганов А. А., Калинина В. В.* Многообъектные исследования в судебной фоноскопической экспертизе // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук.

Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 404—417.

30. *Чубина Е. А.* К вопросу об определении рекламного характера исследуемой информации // *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 418—423.

31. *Язык. Право. Общество* : сб. ст. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под ред. канд. филол. наук. О. В. Барабаш, д-ра филол. наук. Т. В. Дубровской, канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

РАЗДЕЛ 5. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111'271

ББК Ш143.21-5

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Альфонсо Герриеро-мл.

Нью-Йорк, США

Пер. с англ. Н. А. Красильниковой, Ю. К. Саниной,

О. И. Михневич, А. С. Березовской

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЯЗЫК МАФИИ

Аннотация. Рассмотрены примеры влияния словотворчества журналистов, работающих в рамках мафиозного дискурса, на разговорный английский язык в США в целом и на язык представителей мафии в частности. Обзор материалов книг, статей из газет и журналов, интервью и телепередач, посвященных мафии и событиям в гангстерских кругах, обнаруживает процессы яркой языковой игры и взаимообогащения дискурсов журналистики и определенной социальной группы.

Ключевые слова: мафия; итальянцы; имидж; язык; стереотип; прозвища.

Сведения об авторе: Альфонсо Герриеро-младший.

Место работы: Барухский колледж Городского университета Нью-Йорка.

Сведения о переводчике: Красильникова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, директор филиала УрГПУ в г. Новоуральске, ведущий кафедрой общепрофессиональных дисциплин.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 624130, г. Новоуральск, ул. Победы, 18, к. 307.

e-mail: n.krasilnikova@mail.ru.

Сведения о переводчике: Санина Юлия Константиновна, студентка, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 282.

e-mail: n.krasilnikova@mail.ru.

Сведения о переводчике: Михневич Ольга Игоревна, студентка, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 282.

e-mail: n.krasilnikova@mail.ru.

Сведения о переводчике: Березовская Алиса Сергеевна, студентка, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 282.

e-mail: n.krasilnikova@mail.ru.

Alfonso Guerriero, Jr.

New York, USA

Translated by N. A. Krasilnikova, Yu. K. Sanina,

O. I. Mikhnevich, A. S. Berezovskaya

THE MEDIA'S INFLUENCE ON MOB LANGUAGE

Abstract. the article considers examples of influence of linguistic creativity of journalists covering mob life style and characters on spoken American English, on the whole, and on mob language, in particular. The review of books, newspaper and magazine articles, of interviews and TV shows dedicated to mob reveals processes of interaction and mutual enrichment of media and certain social group discourses.

Key words: mob; Italians; image; language; stereotype; nicknames.

About the author: Alfonso Guerriero, Jr.

Place of employment: Baruch College, The City University of New York.

About the translator: Krasilnikova Natalia Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of Novouralsk Affiliate of the Ural State Pedagogical University, Head of the Chair of Professional Subjects.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

About the translator: Sanina Yulia Konstantinovna, Student, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the translator: Mikhnevich Olga Igorevna, Student, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

About the translator: Berezovskaya Alisa Sergeevna, Student, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Публикация в СМИ историй об известных гангстерах оказала влияние на язык

журналистики и привела к появлению неологизмов. Новый язык журналистики в дейст-

© Герриеро-мл. А., 2014

© Красильникова Н. А., Санина Ю. К., Михневич О. И., Березовская А. С., перевод на русский язык, 2014

вительности вовсе не нов и не связан с ведением блогов или использованием таких социальных сетей, как «Твиттер», но на него влияют бандитский сленг и фильмы. Журналисты искусно играют словами в заголовках, прежде всего именами собственными, которые ассоциируются с аргументами организованных преступных группировок и фильмами про бандитов. Авторы стремятся привлечь интерес читателей и, конечно, увеличить объемы продаж газет. В процессе создания метких и популярных имен и названий многие газеты публикуют всё больше и больше броских заголовков и статей про предполагаемых криминальных авторитетов, тем самым расширяя возможности языка журналистики. В ходе исследования мы выясним, как СМИ влияют на язык через образы гангстеров и их жаргон, используя журналистские эпитеты. В данной статье мы попытаемся определить, как лексическое значение этих имен собственных, созданных журналистами, формирует и укрепляет стереотипическое восприятие италоамериканцев среди населения.

Социолингвистике знакома такая форма журналистики. В книге «Принимая журналистику всерьез: новые веяния и классический подход» Барби Зелизер объясняет: «...главный функциональный подход к языку традиционно рассматривал взаимосвязи между языковыми особенностями и аспектами социального контекста» [Zelizer 2004] (здесь и далее цитаты даются в переводе на русский язык. — пер.). В данном случае под социальным контекстом понимается то, как определенные слова популяризируются посредством СМИ. Существуют стереотипные образцы журналистских эпитетов, которые употребляются в статьях про мафию. За последнее столетие жанр бандитского кино, который привлекает так много американцев, приобрел особое влияние.

За несколько десятилетий влиятельные режиссеры, продюсеры и актеры Голливуда поведали американской публике о многих скандально известных героях, появившихся в фильмах «Маленький Цезарь», «Крестный отец», «Казино», «Бронкская история», «Донни Браско» и телесериале «Клан Сопрано», транслируемом на канале Эйч-би-оу. По словам автора книги «Эффект „Крестного отца“: как он изменил Голливуд, Америку и меня» Тома Сантопьеро, «в своём романе Марио Пьюзо создал термин „крестный отец“ для выражения уважения к мафиози; спустя 40 лет после выхода романа даже ФБР пользуется этим термином для описания глав бандитских группировок; создание этого художественного образа и принесло М. Пьюзо признание еще при жизни»

[Santopietro 2012]. Мы видим, какое влияние оказал автор на разговорный язык, создав художественный термин, который, в конце концов, стал частью американского варианта английского разговорного языка даже в правоприменительной практике.

Есть два имени собственных, которые постоянно используются в американских СМИ для освещения каких-либо историй, связанных с мафией. Они были созданы бандитами и в итоге попали в язык журналистики. Один пример, ставший частью разговорного американского варианта английского языка, происходит из жанра бандитского кино и встречается в фильме Мартина Скорсезе «Славные парни» (снят по роману Николаса Пиледжи «Умник», напечатанному в 1986 г.). Фильм рассказывает правдивую историю Генри Хилла, члена мафиозной группировки, который попал в программу защиты свидетелей и умер в 2012 г. Генри Хилл использовал выражение «made man», отраженное в заголовках. Американский уличный сленг в определенных частях страны демонстрировал использование слова «made» в качестве глагола. В этом случае лексическое значение слова «made» было связано с ситуацией, когда чья-то личность или местонахождение были установлены или раскрыты, например: *He was made by the police. / Полиция его раскрыла.*

Однако в мафиозной культуре слово «made» используется как существительное и обозначает, что кто-то прошел через официальный и тайный процесс посвящения другими членами мафии и дал клятву верности. По сообщениям достоверных источников, правоохранительные органы считают, что в процессе посвящения используется изображение святого, которое кладется на ладонь будущего члена группировки, в то время как его указательный палец протыкают и он подписывается кровью и произносит клятвы. В конце изображение святого сжигается прямо в ладони, пока не превратится в пепел. Когда процесс инициации заканчивается, посвященный становится полноправным членом определенной организованной преступной группировки и должен безоговорочно служить ей. До сих пор нет свидетельств, которые бы указывали, насколько значение слова «made», используемое в американском уличном сленге несколько десятилетий назад, связано с его нынешним значением. Есть бесчисленные примеры употребления: например, в популярном журнале звездных сплетен «TMZ» и телевизионных программах. В 2011 «TMZ» поведал историю о Виктории Готти и ее под броским заголовком с использованием термина «made guy»: *The*

Gotti Bros. Get Made Into Men. / Братья Готти прошли процесс посвящения в мужчин. Более того, автор журнала «Энтертеймент уикли мэгэзин» Деген Пенер [Penner 1994: 24] написал статью под названием «A Made Guy» («Посвященный») про неумелого гангстера, которого сыграл Хью Грант в фильме «Голубоглазый Микки». В издании «Филадельфия инквайер» статья на первой полосе от 9 августа 2012 г. про местного бандита из Филадельфии была озаглавлена так: «Another Made Man Pleads Guilty» («Еще один посвященный гангстер признал свою вину») [Another Made Man Pleads Guilty 2012].

В интервью с писателем Николасом Пиледжи Генри Хилл упоминает и другое слово, синонимичное «made guy» и часто используемое как имя собственное — *wiseguuy* (умник). Это наименование тоже приобрело популярность в нашей письменной и устной речи из-за того, что, как Генри Хилл объяснил Пиледжи, гангстеры используют слово «wiseguuy» для того, чтоб описать других бандитов. В настоящее время понятие «wiseguuy» используется в газетных заголовках и в разговорной речи намного чаще, чем когда-либо. Однако в американском уличном сленге у слова другое значение — «умник, выскочка», например: «What are you, a wiseguuy?» («Ты что, самый умный?»). Приведем некоторые примеры заголовков, в которых иные информационные организации упоминали про гангстеров или коррупцию, используя слово *wiseguuy*. В «Нью-Йорк таймс» от 8 апреля 2007 г. статья об одном из женских характеров из сериала «Клан Сопрано» озаглавлена «Mrs. Wiseguuy» («Самая умная») [Vinciguerra 2007]. В «Бостон глоуб» от 11 февраля 2008 г. находим заголовок «Wiseguys, Wannababes» («Подражатели умников») [Cullen 2008]. «Нью-Йорк пост» от 31 мая 2012 г. напечатал две статьи на схожие темы о подозреваемых гангстерах: «The Joke's on Wiseguuy» («Сыграть шутку с умником») [Golding 2012] и «Wiseguuy Graveyard, 'Buried'» («Кладбище умников. Похоронен»). На первой полосе «Дейли ньюс» от 15 марта 2012 г. можно увидеть такой заголовок «Wiseguuy of the Month: Thug honored by law enforcement group» («Умник месяца: бандит, почитаемый правоохранительными органами») [Wiseguuy of the Month... 2012]. Использование бандитского жаргона, псевдонимов и выражений популяризировалось СМИ в письменной речи; теперь эти понятия употребляются в разговорной речи.

СМИ прославляют и увековечивают меткие псевдонимы гангстеров и их грубый и жесткий образ. Образ мафиози продолжает представлять интерес, что видно по бандит-

ским прозвищам и коду языка в поп-культуре, по передовицам газет. Гай Адамс, журналист британской газеты «Индепендент», — один из тех репортеров, которые придумали прозвище для предполагаемого босса нью-йоркской мафии Томаса Джиозэли. Его заголовок гласит: «The Blogfather — He's Settling Scores Online» («Отец блогов — он сводит счета онлайн») [Adams 2012]. По-видимому, социальные сети приобрели такую популярность, что это даже привлекло внимание предполагаемых преступников. Статья в номере от 1 апреля 2012 г. показывает, как Томас Джиозэли использует мир блогов, чтобы объяснить суть таких «широких понятий, как религия, политика и уголовный кодекс». Когда СМИ создает прозвище (например, основанное на игре слов: «Blogfather» по аналогии с названием фильма «Godfather»), оно называется журналистским эпитетом.

Некоторые модели журналистских эпитетов используются для обозначения членов гангстерской организации. Таблоидная газета «Нью-Йорк дейли ньюс» прославилась созданием таких интересных и хорошо продуманных прозвищ. 21 марта 2012 г. в статье под заголовком «Criesguuy» («Плачущий парень» — по аналогии с названием фильма «Умник» о Томасе Джиозэли) был описан бандит, жалующийся на то, как СМИ представляет его образ, хотя его реальная кличка — Tommy Shots («Томми Выстрел») [Criesguuy 2012]. Другие известные преступники также не избежали журналистских эпитетов; имя Франка Диматтина было связано с таким заголовком в «Дейли ньюс» (27 марта 2012 г.): «Oopsfellas No Honors For Felon — New Jersey Legion» («Нет уж, парни! Никакой чести преступникам — легион Нью-Джерси») [Oopsfellas... 2012], а один из охранников Джона Готти — Чарльз Карнеглия — был упомянут на первой полосе (16 марта 2012 г., с. 1) как «Sobfella» («Хныкалка») [Sobfella 2012]. Оба прозвища, данные СМИ, заимствованы из фильма «Славные парни» («Good Fellas»).

Кроме того, в мафиозном жаргоне появились некоторые существительные и глаголы, которые в итоге используются в разговорной речи. Согласно корреспонденту «Нью-Йорк дейли ньюс» Джону Марзулли [Marzulli 2012: 10], подозреваемый младший босс Сальваторе Витале «дал консультацию о жаргоне мафии во время дачи показаний» против Томми Выстрела. Преступные сообщества имеют свой собственный язык. Сальваторе Витале, будучи правительственным осведомителем, прослушивался и был записан на пленку. Он объяснил присяжным значение некоторых слов, используемых членами преступных сообществ и ставших популяр-

ными в печати. Одно из выражений бандитского жаргона — «Mad hatter» («Безумный Шляпник») — вышедший из-под контроля бандит, который совершает преступные действия без разрешения босса. Знаменитого в 1950-х гг. бандита Альберта Анастасия СМИ прозвали *безумным шляпником* из-за его буйного нрава, который в конечном счете и привел преступника на скамью подсудимых. Витале объяснил несколько непонятных для присяжных слов, таких, как *chase (гонимый)* — бандит, высылаемый очень далеко от Нью-Йорка за дурные действия или нарушения бандитских законов — и *weak (слабак)* — бандит, готовый стать предателем.

Лексика преступного мира всегда использовалась разными видами СМИ. Язык мафиозного сообщества защищался и охранялся членами этого сообщества до тех пор, пока понятия криминальной организации не стали более доступны благодаря СМИ. Согласно Джорджу де Стефано, автору «Предложения, от которого невозможно отказаться», Джозеф Валачи в 1963 г. «представил новый, неизвестный термин в национальном дискурсе об италоамериканской организованной преступности» — «Cosa Nostra» («Семейные дела») [De Stefano 2006]. В огромном количестве заголовков использовался термин «*семейные дела*», а в 2003 г. вышла криминальная драма под названием «This thing of ours» («*Это дело семьи*»). Использовались и такие термины мафиозных структур, как *capo (босс)*, *capo di tutti capi (босс всех боссов)* и *consiglieri (консультант)*. Случаи появления мафиозных терминов не ограничиваются Валачи в 1960-х гг.

На СМИ лежит ответственность за создание устойчивых кличек для мафиози. Корни этого явления мы находим в «*ревуших*» 20-х и 30-х годах. Именно так легендарный гангстер Аль-Капоне получил свое прозвище, которое ненавидел — «*Лицо со шрамом*». Найджел Рис и Вернон Нобель утверждали [Rees, Noble 1985: 152]: «Шрам на левой щеке — след бритвенного пореза, который был получен в драке Бруклинской банды, в молодости... Он разрешал своим близким друзьям называть его „Snorky“ („Щеголь“) — жаргонное слово со значением „элегантный“».

Джерри Капеки, бывший журналист газеты «Нью-Йорк дейли ньюс», который почти десятилетие вел колонку под названием «*Большая земля*», согласился с этим и подчеркнул, что «СМИ способствуют присвоению кличек преступникам» (из телефонного интервью, март 1998 года) [Caraci 1998].

В этом интервью Капеки сообщил, что «Кармайн Персико был известен в преступ-

ном мире как „Junior“ („Джуниор“), но СМИ прозвали его „The Snake Persico“ („Змеем Персико“) за его способность выкручиваться из многих судебных дел» [Там же]. Также СМИ создали клички Энтони „Тони Утка“ Коралло и Джозеф „Джо Бананас“ Бонанно. Недавно Рита Джиганте (дочь последнего босса Винсента Джиганте, которого пресса прозвала „*чокнутым отцом*“) вместе с Наташей Стойнофф написала книгу под заголовком «*Дочь крестного отца*» [Gigante, Stoyloff 2012]. Рита сообщила о другом журналистском прозвище, созданном для ее отца — *Daffy Don (Чокнутый Дон)*, содержащем игру слов, которая использовалась в той же таблоидной газете для другого криминального босса, Джона Готти, ставшего известным как *Dapper Don (Щеголеватый Дон)*. Джон Готти, к удовольствию бульварной прессы, любил внимание. Благодаря СМИ и собственным качествам Готти стал знаменитостью и образцом для криминальных персонажей, так хорошо знакомым нам по гангстерским фильмам. Его изготовленным на заказ костюмам за 2200 долларов, тщательно причесанным волосам и важному виду позавидовал бы любой актер, играющий гангстера, что привело к созданию в СМИ прозвища *The Dapper Don (Щеголеватый Дон)*.

Позже журналисты изменили это прозвище на *Don Teflon (Тефлоновый Дон)* из-за того, что Генеральная прокуратура трижды безуспешно пыталась осудить преступника. Он был осужден только с четвертой попытки, в 1992 г.

Отбывая пожизненный срок в федеральной тюрьме, Джон Готти высказал свое мнение по поводу некоторых кличек. Например, во время свидания с родственниками в федеральной тюрьме он, комментируя разочарование из-за обвинений своего сына, Джона *Младшего* Готти, говорил родным, что «никогда не слышал о поделщиках своего сына и смеялся над привычкой правительства использовать клички гангстеров в судебных документах, изобретая новые клички» [Caraci, Mustain 1999: 2]. Со злобно-насмешливой интонацией недавний бандит упоминал сочиненные правительством клички, имеющиеся в судебных документах: «Зигмунд Морской Монстр», «Тони Однорукий Лепреконе», «Филли скакун через лунный забор». Хотя Готти и высмеивает правительство за приписывание гангстерам кличек, пресса, несомненно, оказала влияние на историю американских гангстеров. Готти по-прежнему фигурирует на первых полосах газет, хотя после его смерти в 2002 г. прошло уже много времени.

Несмотря на то что он умер в тюрьме, наследие Готти осталось в прессе. В начале

2012 г. «Нью-Йорк пост» опубликовала историю Джона Траволты, работающего над образом Джона Готти в фильме, который должен быть выпущен в 2013 г. Во время работы над образом «Тефлонового Дона» Траволта, пытаясь добиться максимальной правдоподобности, изучал жизнь Готти и посетил его вдову в Ховард-Бич, Куинз. В статье по этому поводу сообщается, что голливудский актер искал одобрения у матери семейства, откуда заголовок: «*Крестная мать!*» — и подзаголовок, гласящий: *Траволта просит благословения у вдовы Готти на съемку фильма про мафию* [Fasick 2011].

Правоохранительные органы сходятся во мнении, что Голливуд и внимание прессы исказили «образ жизни мафиози» и привели к появлению далекого от реальности изображения жизни и деятельности важного члена организованной преступности. Агент Брайан Тейлор, координационный директор отдела ФБР по борьбе с организованной преступностью Нью-Йорка, в телефонном интервью 16 января 1998 г. подтвердил, что «СМИ романтизируют и укрепляют мифы о гангстерах. Со времен „Крестного отца“ общественность имеет ложное представление о том, что эти преступники являются неким подобием Робин Гудов. Не будем заблуждаться по поводу данных личностей, они крайне опасные люди» [Taylor 1998].

Бывший мэр Нью-Йорка Рудольф Джулиани осуждал решение журнала «Тайм» в 2000 г. включить Лаки Лучано в список «самых влиятельных деловых гениев XX столетия». Питер Карлсон в «Вашингтон пост» утверждал: «...организованная преступность имеет свои недостатки, но даже жесточайшие критики не могут оспорить тот факт, что это дало Америке несколько великих прозвищ» [Carlson 1998]. Примерами могут служить прозвища *Вильям Вилли Картошка Даддано*, *Сэм Колеблющийся Баттаглиа*, *Льюис Ленивый Принц Драгна*, *Джо Ха-ха Айула*, *Томас Томми Карате Питра*, *Альфредо Слепая свинья Росси*, *Винсент Винни Аспирин Конгисти* и *Пол Кря-кря Монделло*. Последний обязан своей кличкой пристрастием к лопанию жвачки [Genzlinger 2012].

Клэр Лонгриг в книге «Женская мафия» подчеркивает, что, когда СМИ сообщают о мафии, главное для них — это «дать прозвище боссу, и чем смешнее оно, тем лучше» [Longrigg 1998: XII]. Обычно, чтобы поднять продажи газет, редакторы печатают фотографию холеного преступника с его прозвищем, выделенным жирным шрифтом, над снимком, либо публикуют фото мафиози, отражающее его личные качества или

репутацию, которые закреплены в прозвище. СМИ увлекаются историями появления тех или иных прозвищ. По словам Джозефа «Джо Собаки» Януззи, некогда работавшего на мафию, «у каждого должно быть прозвище» [Januzzi 1993] (он получил такое прозвище от босса мафии, потому что любил заключать пари на собачьих бегах во Флориде). Все истории, стоящие за именами, вымышленными или нет, исполнены юмора, и все они были опубликованы в газетах.

Прозвище Джозефа «Джо Кексика» Ургитано возникло в заголовке, опубликованном прошлым летом — «*Заключенному передают кексики*». В статье с данным названием описывается акт насилия, якобы совершенный мафией, и содержатся следующие слова: «Потерпевший рассказал полиции, что увидел несладкую сторону „Джо Кексика“» [Fisher 2012: 7]. В данном случае заголовок в очередной раз демонстрирует, что во многих статьях внимание репортеров сконцентрировано на языке мафии.

Другой аспект мафиозной культуры, а также языка мафии, проявляется в музыкальной индустрии: черные и латиноамериканские художники и артисты заимствуют мафиозные образы и темы начиная с 1970-х гг. Примерами могут служить такие знаменитости, как Джеймс Браун, называющий себя «*крестным отцом соула*», ведущий музыкант в стиле сальсы Вилли Колон, который назвал свой альбом «*Cosa Nuestra*» («*Наше дело*»), а также певица LP, появившаяся на обложках в образе мафиози [De Stefano 2006: 75].

Образы и прозвища мафии не обошли вниманием и деятели хип-хоп-гангста-рэп-индустрии. Образ жизни мафии и истории про нее легли в основу гангста-рэпа. Группа «Kool G Rap» в 1988 г. в хите «Road to the Riches» («*Дорога к богатству*») пела: «Be like John Gotti and drive Maseratti» («*Быть как Джон Готти и водить „Мазератти“*»).

Продюсер Мастер Пи собрал группу рэперов, которых называет «Семья Гамбино». Один из членов команды зовет себя «Готти», а также «Лил Италия». Вот список других рэп-исполнителей, на которых повлиял Джон Готти : Большой Готти, Дон Готти, Хуан Готти, Базука Джо Готти, Йо Готти и Ирв Готти. В 2004 г. Лил Ким, американская хип-хоп-исполнительница, записала альбом «La Bella Mafia» («*Красивая Мафия*»), а группы «MOBB DEEP» («*Глубоко в мафии*») и «MURDERER INC.» («*ОАО „Убийца“*») названы в честь мафиозной группировки Альберта Анастасии [De Stefano 2006: 75]. Глагол «swag» в названии группы «Swag Mob» («*Вальяжная мафия*»), согласно онлайн-сло-

варю городского сленга, означает «кататься, раскачиваясь в своей машине, слушая музыку, в поиске проституток» [Urban Dictionary]. Наконец, певец Snoop Dogg называет себя «Dogfather» («Отец собак») и часто черпает вдохновение в образах мафии, а Snoop Green, один из участников проекта «Голос» на канале Эн-би-си, состоит в команде «Goodie Mob» («Клан Гуди») [De Stefano 2006: 75].

В конечном счете общественность забывает истории, связанные с личностью мафиози, но прозвища запоминаются надолго. Опираясь этими прозвищами, СМИ придумывают причудливые заголовки, чтобы повысить продажи газет. Живя в обществе, мы обращаем внимание на личности этих преступников, так как боимся того, что они делают. Специальный агент ФБР Ричард Сандерс в Вашингтоне записал телефонное интервью от 16 января 1998 г., в котором говорилось, что фильмы про гангстеров вызывают всеобщий интерес и любопытство в американском обществе, «потому что имеют дело с деньгами, властью, славой, опасностью, планами и угрозами» [Taylor 1998]. Даже последний двукратный обладатель премии Академии актер Энтони Квин отмечал в своей биографии: «...парней в моей работе всегда привлекали роли таких парней, как Фрэнк (Костелло), поэтому и у меня возник интерес к большому количеству мафиозных персонажей» [Quinn, Palisner 1995: 396].

Большинство студентов, которые посещают Школу фильмов при Нью-Йоркском университете, убеждены, что «гангстерские фильмы — самые популярные из всех жанров современного кино» [NYU School of film 1995]. Популярность этого жанра объясняется «давней традицией существования гангстерских фильмов в Америке» [Там же]. Кино про мафию «стали ценным американским клише, таким же романтичным, как „Стрелки старого запада“» [Там же]. Кроме того, гангстерские фильмы собрали огромное количество денег в прокате, даже несмотря на то что некоторые из них на самом деле восхваляли преступников.

Голливуд настолько прославил этих персонажей, что сами преступники следили за фильмами про мафию и даже пытались вести себя в реальной жизни так же, как вымышленные герои. Прослушивание в ФБР помогло поймать членов семьи Декальваканте (печально известная семья преступников из Нью-Джерси, история которой послужила импульсом к созданию популярного сериала на канале Эйч-би-оу «Сопрано» — «The Sopranos»). На записях преступники, чьи биографии легли в основу сюжета, хва-

лили игру актеров этого шоу. Было слышно, как один неизвестный человек говорил: «Какие актеры! Прекрасная игра».

Сериал шел с 1997 по 2007 г. и за это время завоевал множество поклонников от Америки до Европы, а персонажи и реплики из шоу стали очень популярны и узнаваемы. Многие репортеры, такие как Джон Марзулли из «Нью-Йорк дейли ньюс», а также редакторы, до сих пор вспоминают «Сопрано» за использование метода журналистского эпитета. 17 января 2013 г. Марзулли написал статью [Marzulli 2012: 6] про известного преступника Бенджамина «Козот» Кастелло, а именно про его бедное существование, и редактор озаглавил материал «So-Proranos» («Такой бедный»), сообщив, что на трейлере преступника было написано: «Мы живем на талоны на питание...» [So-Proranos 2013].

В рамках мафиозной культуры гангстерский жанр всегда был самым любимым. Рита Гиганте упоминает, как ее отец «смотрел сцену из „Крестного отца“; когда продюсер фильма обнаружил кровавую голову лошади в своей постели, отец указал на телевизор и сказал: „Я помню, когда это на самом деле произошло“» [Gigante, Stoyloff 2012: 112]. Знаменитый наемный убийца Сальваторе „Бык Сэмми“ Гравано деле признал, что «„Крестный отец“ оказал влияние на то, как он вел дела» [Santopietro 2012: 74]. Кроме того, во время интервью для документального фильма подозреваемый в совершении заказных убийств Альфонсо «Маленький Эл» Д'Арко (также известный как «Профессор») объяснял, что когда Вик Амусо поднялся до босса Нью-Йоркской криминальной семьи в 90-х гг., он начал вести себя и одеваться как герой, роль которого исполнил Аль Пачино (Майкл Корлеоне) в «Крестном отце».

Влияние образов и языка СМИ и кино на мафию отражается в стереотипах об итальянцах американского происхождения. Этот имидж укреплялся благодаря различным телевизионным реалити-шоу. Шоу «Жены мафиози» началось пару лет назад и стало очень популярным. В первом сезоне «Жен мафиози» принимали участие жены, бывшие жены, а также отпрыски признанных мафиози из Нью-Йорка. Год спустя к ним присоединились жены мафиози из Чикаго и Филадельфии. «Большой Энг» — другое телевизионное шоу, похожее на шоу «Жены мафиози». Оно основано на жизни Анджелы Райолы, племянницы последнего преступника Сальваторе «Остроумной собаки» Ломбарди.

Гангстеры получают прозвища также из-за своей внешности, как, например, было в случае с Анджелой Райолой. Создатели

шоу используют ее прозвище, которое она получила среди гангстеров, будучи подростком, и таким образом влияют на формирование у зрителей представлений о людях, связанных с организованной преступностью. Например, в названии телевизионного реалити-шоу «Большая Андж» («Big Ang») продюсеры использовали запоминающееся прозвище, данное героине в юности, демонстрирующее, как получают свои клички члены преступных группировок. И просто чудо, что зрители в наше время смотрят передачу «Большая Андж Райола» («Big Ang Raiola»). Продюсеры могли бы придумать другое прозвище, которое сейчас лучше характеризует ее внешность, к примеру, «Огромные губы» («Lots of lips»), «Большой рот» («Big Mouth»), «Буфера» («Big Boobs») или просто «Зверь» («The Beast»).

Другое телевизионное реалити-шоу, которое не имеет ничего общего с гангстерской культурой, но вызывает, хотя бы на пару секунд, с ней ассоциации, — это передача «Босс тортов» («Cake Boss», в российском прокате — «Король кондитеров»). Зрители по кабельному телевидению могут смотреть это шоу о кондитере Бартоло «Бадди» Валастро, который специализируется на изготовлении фирменных тортов. Если присмотреться к названию шоу — «Босс тортов», — то, даже несмотря на то что магазин персонажа называется «Пекарня у Карло» («Carlo's Bakery»), мы можем заметить журналистские эпитеты, созданные не журналистами, а телевизионными сценаристами и продюсерами. Конечно, художественный псевдоним создан с опорой на заголовки газет о лидерах преступных кланов.

Большинство газет Соединенных Штатов, рассказывая про гангстеров, являющихся боссами преступных кланов, нередко использует такие заголовки, как «Подозреваемый босс мафии признан виновным» («Alleged Mob Boss Convicted»), «Подозреваемый босс мафии найден мертвым» («Slain Mob Boss Found Dead»). В то же время псевдоним «Босс» с подачи СМИ может ассоциироваться с италоамериканцами, даже если они являются официальными политиками.

Примером этого может служить первая полоса «Таймс» от 21 января 2013 г. с фотографией губернатора штата Нью-Джерси Криса Кристи. Хотя губернатор — большой поклонник творчества уроженца Нью-Джерси рок-музыканта Брюса Спрингстина, которого называют «Боссом» («The Boss»), редакторы журнала использовали черно-белое фото, напоминающее снимок мафиози, со словом «Босс» («The Boss»), занимающим всю обложку, без каких-либо отсылок к известному

певцу. Более того, губернатор также заметил в интервью, что на фотографиях он похож на Тони Сопрано (персонаж сериала «Семья Сопрано» канала Эйч-би-оу), и многие италоамериканские организации спросили мнение журнала. Использованный термин появился много лет назад под влиянием итальянского слова «саро», которым называли главарей мафиозных кланов. Оказалось, что когда этот термин употребляется в языке журналистики, то обычно относится к италоамериканцам. Многие из подобных слов встречаются в печатных изданиях, в теле- и радиопрограммах. Они укрепляют определенные стереотипные представления об италоамериканцах. Такие искаженные образы чаще всего транслируются через СМИ.

Многие СМИ наживаются на эксплуатации гангстерского образа жизни. В 2012 г. продюсеры выпустили сразу две программы на кабельном телевидении: «Я вышла замуж за гангстера» («I Married a Mobster») — про бывших жен и любовниц известных мафиози, а также снятый кинокомпанией «Фокс» («Fox») телесериал «Доктор мафии» («Mob Doctor»), основанный на истории женщины-доктора, которая вынуждена работать у мафии врачом, чтобы спасти своего брата от расправы. Пытаются заработать даже на амишах (консервативное религиозное движение в Северной Америке), так как их закрытый образ жизни ассоциируется с гангстерами, или мафией. На сайте телеканала «Дискавери» 12 декабря 2012 г. появилось сообщение, что «новые серии „Мафии Амишей“ („Amish Mafia“) впервые дают нам возможность своими глазами увидеть жизнь людей, которые защищают и поддерживают мир и порядок внутри общины амишей [в Ланкастере, штат Пенсильвания] [Discovery Channel 2012]. Шоу стали показывать осенью 2012 г. Атмосфера в нем была жутковатой, ведь абсолютно реальный глава амишей изображал из себя Вито Корлеоне (только без скрипучего голоса Марлона Брандо), а исполнители его воли из движения меннонитов претворяли в жизнь его приказы и решения.

Спустя 40 лет после выхода на экраны обеих частей «Крестного отца» («The Godfather I & II») члены медиасообщества получают прибыль, продавая сам концепт «Мафия» («The Mob»), который вдохновляет на создание броских заголовков газет и фильмов, старающихся по привлекательности сравняться с «Крестным отцом». Джордж Анастэйжа, репортер газеты «Филадельфия инкуайрер», пишущий об организованной преступности, процитировал Стива О'Коннела (креативного директора маркетинговой ком-

пани в Филадельфии): «Мафия стала брендом... Это не то, чем в действительности является организованная преступность, а то, что о ней думают люди» [Anastasia 2011].

В наше время мафия и ее члены стали продуктом, пользующимся спросом, подобно многим незаконным действиям самих гангстеров. Авторы готовы немного поиграть с языком, потому что это их работа. Зрители, однако, должны понять, что игра слов, к которой прибегают журналисты, рождается не в телевизионных студиях и редакциях газет, которые скандальны и популярны. Поэтому всё больше и больше медийных партнерских компаний собирают своих редакторов и репортеров за одним столом, пытаясь найти различные варианты использования образа мафиози в языке. Существует целый список бестолковых телевизионных реалити-шоу о гангстерах, в которых рассказывают про родственников членов мафии. По сути мафиози создают ложный образ самих себя, который вызывает у нас сочувствие, поскольку общество всегда жаждет какой-то драмы. Многие заголовки, используя журналистские эпитеты, делают язык более гибким и непредсказуемым и при этом пользуются реалиями настоящей жизни (а иногда — произведениями художественной литературы и фильмами о гангстерах) как основным источником вдохновения.

ИСТОЧНИКИ

1. *Adams G.* The Blogfather — He's Settling Scores Online // *The Independent*. 2012. 1 Apr. P. 14.
2. *Anastasia G.* The Mob as a Brand // *The Philadelphia Inquirer*. 2011. 10 Apr. P. 2.
3. *Another Made Man Pleads Guilty* // *The Philadelphia Inquirer*. 2012. 9 Aug. P. 14.
4. *Capeci J.* Telephone interview. 1998. Mar.
5. *Capeci J., Mustain G.* Don: What's the mob coming to? // *Daily News*. 1999. 2 Aug. P. 6.
6. *Carlson P.* A Short History of Nicknames // *Washington Post*. 1998. 21 Apr. P. D 7.
7. *Criesguy* // *New York Daily News*. 2012. Mar.
8. *Cullen K.* Wiseguys, wannababes // *The Boston Globe*. 2008. 11 Febr. P. 6.
9. *De Stefano G.* An Offer We Can't Refuse. The Mafia in the Mind of America. — New York : Faber & Faber, 2006.
10. *Discovery Channel*. 2012. 12 Dec. Online.
11. *Fasick K.* Travolta: "Bless me, mamma Gotti" // *New York Post*. 2011. 23 Sept.
12. *Fisher J.* Jail gets delivery of "Cupcakes" // *Daily News*. 2012. 13 Oct. P. 7.
13. *Genzlinger N.* Code of Silence Finds its Voice on Reality TV // *New York Times*. 2012. 22 July. P. B 14.
14. *Gigante R., Stoyloff N.* The Godfather's Daughter. An Unlikely Story of Love, Healing and Redemption. — New York : Hay House, 2012.
15. *Goldling B.* The Joke's on Wiseguy // *New York Post*. 2012. 31 May. P. 6.
16. *Hardt Jr. R.* Rudy Raps Gangster on Mag's List // *New York Post*. 1998. 1 Dec. P. 5.
17. *Iannuzzi J.* Joe Dogs: The Life and Crimes of a Mobster. — New York: Simon & Schuster, 1993.
18. *Longrigg C.* Mafia Women. — London : Vintage Publ., 1998.
19. *Mafia Cookbook* / ed. Bob Drury. — New York : Simon & Schuster, 1993.
20. *Marzulli J.* Underboss Salvatore Vitale // *Daily News*. 2012. 21 Mar. P. 10.
21. *NYU School of Film*. 1995.
22. *Oopsfellas* No Honors For Felon — New Jersey Legion // *Daily News*. 2012. 27 Mar. P. 7.
23. *Pener D.* A Made Guy // *Entertainment Weekly*. 1999. 13 Aug. P. 24—32.
24. *Quinn A., Paisner D.* One Man Tango. — New York : Harper Paperbacks, 1995.
25. *Rees N., Noble V.* A Who's Who of Nicknames. — London : Allen & Unwin, 1985.
26. *Santopietro T.* The Godfather Effect: Changing Hollywood, America, and Me. — New York : St. Martin's Pr., 2012.
27. *Sobfella* // *Daily News*. 2012. 16 Mar. P. 12.
28. *So-Pooranos* // *Daily News*. 2013. 17 Jan. P. 6.
29. *Taylor B.* Telephone interview. 1998. 16 Jan.
30. *Urban Dictionary*. Online.
31. *Vinciguerra T.* Mrs. Wiseguy // *New York Times*. 2007. 8 Apr. P. B4.
32. *Wiseguy* of the Month: Thug honored by law enforcement group // *New York Daily News*. 2012. 15 Mar. P. 1.
33. *Zelizer B.* Taking Journalism Seriously: News and the Academy. — Thousand Oaks (Ca) : Sage Publications, 2004.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.111.1'27(09)
ББК Ш143.21-0

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Э. В. Будаев E. V. Budaev

Нижний Тагил, Россия Nizhniy Tagil, Russia

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

METAPHORICAL IMAGE OF RUSSIA'S FUTURE IN POLITICAL DISCOURSE

Аннотация. Рецензия на монографию: «Солопова, О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: монография / О. А. Солопова. — Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2014. — 175 с». В книге сопоставляются метафорические представления будущего России в политическом дискурсе США, Британской империи и Российской империи. Для сравнения когнитивно-дискурсивных сценариев будущего (последовательности событий, логически приводящих к вероятному будущему) предлагается мета-модель вероятного будущего.

Abstract. This is a review of the monograph "Solopova O.A. Cognitive and Discursive Retrospect: the Study of the Models of Future in Political Discourse: monograph / O. A. Solopova. — Chelyabinsk : Publishing House of South Ural State University, 2014. — 175p." Metaphorical representation of the future of Russia in political discourse of the USA, the British Empire and the Russian Empire is compared. Meta-model of probable future is suggested for comparing cognitive and discursive versions of the future (the sequence of events leading to the probable future).

Ключевые слова: будущее; Россия; метафора; политический дискурс.

Key words: future; Russia; metaphor; political discourse.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages.

Место работы: Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Place of employment: Russian State Vocational Pedagogical University.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
e-mail: aedw@rambler.ru.

В современной метафорологии относительно мало работ, посвященных политической метафоре прошлых эпох, а монографических работ, в которых прорабатывается пространное теоретико-методологическое обоснование для практических исследований подобного рода, еще меньше.

Контраст между сотнями публикаций в области современной политической метафоры и немногочисленными исследованиями политической метафоры в исторической перспективе [Пшенкин 2006; Шадаева 2006; Kövecses 1994; O'Brien 2003] обусловлен несколькими причинами.

Во-первых, для изучения исторических метафор нужно корректировать сложившийся метаязык описания. К примеру, столь привычное для большинства отечественных лингвистов понимание дискурса как «речи, погруженной в жизнь», не рекомендуется автором определения для изучения источников, непосредственно не связанных с современностью [Арутюнова 1990: 137]. Вторых, исследования, основанные на современном материале, могут представляться их авторам более актуальными. Наконец,

тексты вековой давности менее доступны, чем современные источники, что делает процесс формирования корпуса текстов для изучения метафорики прошедших эпох более трудоемким.

На этом фоне появление монографического исследования О. А. Солоповой «Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе», осуществленного на материалах XIX — начала XX в., представляется значимым событием.

Цель рецензируемой монографии — сопоставить метафорическое представление о будущем России в политическом дискурсе США, Британской империи и Российской империи.

Книга состоит из одной теоретической и двух практических глав.

Первая глава посвящена разработке теоретико-методологических оснований для когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего в политическом дискурсе. В этой части работы дается детальная характеристика понятия будущего с философских, политологических и лингвистических

Рецензия подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-04-00268а — «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»).

© Будаев Э. В., 2014

позиций. Это позволяет говорить о том, что в данной книге впервые в эксплицитном виде разработан комплексный подход к когнитивно-дискурсивному анализу метафорики, представляющей концепт будущего.

Важный результат теоретической главы — разработка методики когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего в политическом дискурсе США, Российской и Британской империй. Методика реализуется в несколько этапов.

Первый этап — отбор аналитических статей, опубликованных в политологических журналах и периодической печати. На следующем этапе осуществляется периодизация текстового материала по трем временным отрезкам (прошлое, настоящее и будущее).

Третий этап исследования заключается в обнаружении в сформированном тестовом корпусе метафорических и иных стилистических средств, нацеленных на создание образа грядущего России, их систематизацию. На этом же этапе осуществляется статистическая обработка материалов и фиксация наиболее частотных лингвистических единиц.

Задачей четвертого этапа является разработка «метамодели» вероятного будущего, которая «служит основой для формализованного представления частных моделей, созданных для каждого хронологического среза, выбранного для анализа, в российском и британо-американском дискурсе. Все остальные операции по составлению частных когнитивно-дискурсивных моделей (статических и динамических матриц) являются, по сути, преобразованием ее параметров» [Солопова 2014: 20].

Частные когнитивно-дискурсивные модели служат основой когнитивно-дискурсивных сценариев будущего, анализ которых является задачей пятого этапа предложенной методики. Когнитивно-дискурсивный сценарий описывает последовательность событий, логически приводящих к вероятному будущему.

На шестом этапе реализуется «когнитивно-дискурсивная ретроспекция» (взгляд на «будущее глазами прошлого»). Ретроспекция включает в себя рассмотрение истории объекта прогнозирования и «прогнозного фона» в представлении СМИ с целью их классификации и выявления тенденций развития.

Седьмой этап представляет собой когнитивно-дискурсивный анализ «будущего глазами настоящего». На данном этапе создается функциональная типология стилистических средств, актуализированных для описания образа будущего России.

Два заключительных этапа посвящены сопоставлению статических (восьмой этап) и динамических (девятый этап) моделей образа будущего, реализующихся в российском, британском и американском политических дискурсах. Практические главы монографии преимущественно посвящены реализации двух последних этапов.

Вторая глава «Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: статические матрицы „Будущее России“ в политическом дискурсе Российской империи, США и Британской империи середины XIX века — начала XX века» разделена на три параграфа.

В первом параграфе проведен анализ концептуализации будущего российской внешней политики. Анализ осуществлялся по так называемым индикаторам. Так, внешняя политика рассматривается через индикаторы «Отношения со странами Европы», «Отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона», «Отношения с США», «Отношения со странами ближнего зарубежья».

Анализ показал, что в трех странах представления о европейской политике России объединены вектором соперничества и противостояния. В американском дискурсе констатируется доминирование Российской империи на европейском пространстве, ожидается территориальная экспансия страны на запад и военные конфликты. В российских источниках вероятность столкновений со странами Европы объясняется прежде всего защитой собственных национальных интересов. В британском дискурсе Российская империя рассматривается как потенциальный источник опасности.

Схожая картина наблюдается при анализе внешней политики России в азиатско-тихоокеанском направлении. В дискурсе США и России считается оправданным вероятное расширение Российской империи на восток, тогда как для британцев Россия представляется вероятным захватчиком колониальных владений Великобритании.

Второй параграф посвящен изучению метафор, связанных с прогнозом внутривнутриполитического развития России. При исследовании закономерностей образа будущего России рассматриваются индикаторы «Народонаселение», «Политико-экономическая ситуация», «Вооруженные силы», «Природные ресурсы».

В отличие от ситуации с прогнозированием внешней политики России, авторы политических текстов обнаруживают большее сходство взглядов при оценке ее внутренней политики.

К примеру, самый частотный индикатор «Народонаселение» освещается в амери-

канском и российском политическом дискурсе в негативном ключе. Предполагается, что огромные пространства будут тормозить развитие страны. Еще более категоричны британские авторы, допускающие вероятность распада Российской империи на несколько славянских государств.

Также во всех трех странах совпали оценки будущего российских вооруженных сил, которые представляются мощной и организованной внешнеполитической силой, способной обеспечить безопасность и дальнейшее развитие Российской империи, с перспективой вывести Россию в ряд ведущих морских держав.

В политическом дискурсе трех стран констатируется тот факт, что Российская империя, обладающая значимым природным потенциалом, обеспечит себе стабильное будущее за счет своих ресурсов.

Автор обнаружил, что при моделировании будущего России в политических текстах трех стран внешняя политика привлекает большее внимание, чем внутренняя, что объясняется закономерной заинтересованностью зарубежных СМИ в прогнозировании международных аспектов политической деятельности Российской империи и ее вероятных взаимоотношений с Великобританией и США.

В завершающем параграфе О. А. Солопова рассматривает систему метафорических моделей в политических дискурсах Российской империи, США и Британской империи середины XIX — начала XX в. Наиболее метафоричным оказался британский дискурс, насчитывающий 17 метафорических моделей. В проанализированных О. А. Солоповой корпусах текстов США и Российской империи зафиксировано соответственно 16 и 14 метафорических моделей. Вместе с тем американский политический дискурс оказался более насыщенным свежими, авторскими метафорами.

К наиболее частотным в дискурсе трех стран относятся метафоры со сферами-источниками «Путь» и «Болезнь». Для политических текстов Великобритании и США характерно совпадение двух наиболее частотных сфер метафорической экспансии — криминальных и зооморфных образов. Предсказуемое активное использование «медвежьих метафор» в политическом дискурсе США и Великобритании контрастирует с отсутствием данного образа в российском дискурсе.

К специфике метафорической репрезентации будущего Российской империи О. А. Солопова относит активное использование фитоморфных метафорических единиц в российском дискурсе, функционирование метафори-

ческих моделей игровой и религиозной сфер в англоязычном дискурсе, наличие монархических образов в американском дискурсе, спортивной и артефактной метафорики в политическом дискурсе Британской империи.

Третья глава «Метафорический сценарий будущего России в политическом дискурсе Российской империи, США и Британской империи середины XIX века — начала XX века» структурируется на иных основаниях. Вместо понятия «индикатум» используются привычные для когнитивной метафорологии термины «фрейм» и «слот».

При анализе метафорического сценария будущего автор выделяет фреймы «Участники», «Локально-пространственная ось», «Последствия». В свою очередь фреймы подразделяются на слоты, названия которых неожиданно формулируются в виде вопросов. Например, фрейм «Участники» подразделяется на слоты «Кто союзник?», «Кто враг?», «Кто строит будущее?», «Кто тормозит?», а фрейм «Последствия» включает слоты «Каковы вероятностные позитивные последствия преобразований?» и «Каковы вероятностные негативные последствия преобразований?»

Богатый иллюстративный материал (общее количество анализируемых контекстов составило около 9,5 тыс. единиц) позволил продемонстрировать, что международные отношения Российской империи разделены на отношения соперничества и отношения сотрудничества, при этом США и Великобритания занимают крайние позиции на шкале идеальных образов соответственно «Союзника» и «Врага». В переходной зоне расположились Франция и Германия.

При анализе метафорических слотов «Кто строит будущее?», «Кто тормозит?» зафиксировано неразличение образов монарха и правительства в англоязычных дискурсах и их дискретная концептуализация в российских политических текстах. Российскому дискурсу присущи позитивно окрашенные метафоры при концептуализации монарха, но при создании образа российского правительства доминируют метафоры с пейоративными коннотациями.

При репрезентации образа российского народа американский и российский политические дискурсы изобилуют мелиоративными оценками, что совсем не характерно для британского политического дискурса, в котором основной чертой российского народа считается «варварство».

Сходство в оценочных суждениях обнаруживается между российскими и американскими авторами при концептуализации образа «светлого будущего». В американском

политическом дискурсе рисуется блестящее будущее Российской империи: страна «идет по пути» всестороннего развития и представляет собой уникальную цивилизацию, предназначенную для выполнения великой миссии в будущем.

В российском политическом дискурсе метафоры и оценочные векторы совпадают со сферами метафорического притяжения, типичными для политического дискурса США. Вместе с тем для отечественного дискурса также характерны образы, описывающие светлое будущее в понятиях, акцентирующих необходимость единства нации (метафоры строительства, физиологии и растительного мира).

В британских текстах залогом успешного будущего считается внутривнутриполитическая деятельность российского правительства, направленная на обустройство страны, и отказ от экспансионистских намерений.

В практической части монографии многоплановая инвентаризация концептуальных метафор сочетается с наблюдениями экстралингвистического характера, что позволяет автору в полной мере реализовать постулируемый в теоретической части когнитивно-дискурсивный подход.

Особенно интересны факты, свидетельствующие о том, что во второй половине XIX — начале XX в. представления о России в США и Российской империи обнаруживали больше сходства между собой, чем с британскими представлениями того же периода. Эти данные резко контрастируют с наблюдаемой в наше время тенденцией к универсализации англосаксонской картины мира, отме-

чаемой исследователями современного политического дискурса.

Монография О. А. Солоповой представляет собой значимый шаг в реализации когнитивно-дискурсивного подхода к анализу политических метафор прошлых эпох, открывая широкие перспективы для продолжения исследований в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева — М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136—137.
2. Пшенкин А. А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX — начала XXI веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Пшенкин Алексей Александрович. — Барнаул, 2006.
3. Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе: моногр. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2014. 175 с.
4. Шадаева Л. И. Когнитивные и дискурсивные особенности метафоры в аргументативе современного английского языка (на материале речей А. Линкольна): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шадаева Лада Иннокентьевна. — Иркутск, 2004.
5. Kövecses Z. Tocqueville's Passionate "Beast": A Linguistic Analysis of the Concept of American Democracy // *Metaphor and Symbol*. 1994. Vol. 9 (2). P. 113—133.
6. O'Brien G. V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // *Metaphor and Symbol*. 2003. Vol. 18, № 1. P. 33—47.

УДК 81'42

ББК Ш100.621+Ш105.51

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.03; 10.02.04; 10.02.05

М. В. Гаврилова **M. V. Gavrilo**

Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

**(RE) КОНСТРУИРУЯ СТАТУС НАЦИИ
В «(НЕ)ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЕ»
СЕГОДНЯ?****(RE) CONSTRUING NATIONHOOD
IN “(UN)DOING EUROPE”
TODAY?**

Аннотация. Обзор международной научно-практической конференции «Политическая лингвистика — III», прошедшей в Варшаве (Польша) 8—10 мая 2014 г. Участники анализировали дискурсивные (тексты, жанры, метафоры и др.) и семиотические (артефакты, образы, символы и др.) средства воплощения национальной идентичности. В центре обсуждения были проблемы взаимодействия национального компонента с другими социальными измерениями и категориями, укрепления, замалчивания или переопределения современными дискурсами европейской интеграции (и дезинтеграции) национальных особенностей устного языка, роли идеологий и политики мультикультурализма в дискурсивном конструировании Европы. Отмечается рост интереса к креолизированным текстам.

Abstract. This is a review of the international conference “Political Linguistics III” held in Warsaw university (8—10 of May 2014, Warsaw). The participants analyzed discursive (texts, genres, metaphors etc.) and semiotic (artifacts, images, symbols etc.) means of national identity embodiment. In the centre of discussion were the problems of interaction of the national component with the other social categories of reinforcing, covering up or reconsideration of European integration (and disintegration), national features of spoken language, the role of ideology and politics of multiculturalism in the discursive structuring of Europe. The interest to creolized texts is rising.

Ключевые слова: политический дискурс; национальная идентичность; межкультурная коммуникация.

Key words: political discourse; national identity; intercultural communication.

Сведения об авторе: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной политологии.

About the author: Gavrilo Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Applied Political Science.

Место работы: научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург.

Place of employment: National Research University Higher School of Economics, Saint-Petersburg.

Контактная информация: 198099, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 14А, ауд. 309, отделение прикладной политологии.

e-mail: mvlgavrilo@gmail.com.

8—10 мая 2014 г. в Варшавском университете в Институте прикладной лингвистики состоялась международная конференция «Политическая лингвистика — III». Конференция была организована Варшавским университетом, университетом польского города Лодзь (Łódź) при участии университета великобританского города Ноттингем (Nottingham). Конференция является совместным научным проектом двух ведущих польских университетов, проходила в третий раз и была посвящена различным дискурсивным (ре)конструкциям национальной идентичности в Европе.

Участники конференции анализировали дискурсивные (тексты, жанры, метафоры и др.) и, более широко, семиотические (артефакты, образы, символы и др.) средства воплощения национальной идентичности. Конференция была призвана выяснить, как сегодня объединенная Европа создается или не создается при помощи различных аспек-

тов и стилей интердискурсивности и диалогизации различия (в терминах М. Бахтина).

В центре обсуждения стояли следующие вопросы. Как национальный компонент взаимодействует с другими социальными измерениями и категориями, особенно теми, которые основаны на региональных, глобальных, политических, профессиональных, гендерных, возрастных признаках? Как, где и почему современные дискурсы европейской интеграции (и дезинтеграции) укрепляют, замалчивают или переопределяют национальные особенности устного языка в (полу)публичной речи? Какова роль идеологий, политики мультикультурализма, политики занятости, расы и иммиграции в дискурсивном конструировании Европы? Как национальная (и националистическая) аргументация сочетается с параметрами социального разнообразия (в сфере экономики и образования, с элитарным и уравнивательным подходами)?

В конференции приняли участие около 100 ученых из Великобритании, Азербайджана, Кипра, Польши, Швеции, Чехии, России, Германии, Латвии, Грузии, Италии, Македонии, Испании, Бразилии, Белоруссии, Португалии, Австрии, Франции, Украины, Литвы, Голландии, Греции, Люксембурга. Россию представляли два участника: проф. М. В. Гаврилова (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) с докладом «Конструирование национальной идентичности в выступлениях российских президентов» и аспирант И. Фомин (ИНИОН, Москва) с докладом «Репрезентация Косово, Абхазии и Южной Осетии в российском политическом дискурсе».

Следуя принципу культурного разнообразия, организаторы объявили рабочими языками конференции польский, английский и немецкий. Каждый день проходили и пленарные, и секционные заседания. Тематика секционных заседаний, проводившихся на английском языке, была такова: «Политический дискурс в Европейском союзе», «Идентичность в Европе», «Статус нации и дискурсы правых», «Риторика, описывающая „Другого“», «Дискурсивные маркеры идентичности», «Россия и постсоветская реальность», «Дискурсы кризиса», «Миграция и интеграция», «Идентичность и коллективная память», «Медиа и идентичность», «Дискурсы конфликта», «Идентичность и идеология», «Репрезентация и фрейминг», «Выбор лексических средств в (европейском) дискурсе», «Разное». Тематические заседания, проходившие на немецком языке, были посвящены дискурсу и политике, категориям «Мы» и «Они», дискурсу и идентичности, межкультурному измерению дискурса. На польском языке обсуждались следующие темы: «Лица патриотизма», «Транснациональные влияния на идентичность».

Анализируя дискурсивные практики, исследователи использовали преимущественно следующие методики: дискурс-анализ, критический дискурс-анализ, методы лингвистической прагматики и неориторки, системно-функциональный подход, теорию жанров, теорию когнитивной метафоры, нарративную теорию, этнографию, социальную семиотику и другие подходы к изучению устных и письменных текстов.

Пленарный доклад итальянского профессора Карло Рузза (Carlo Ruzza) был посвящен отношению между языком и политикой в современной Европе. Автор говорил о роли языка в процессе национального и государственного строительства, о языковой политике Европейского союза в отношении языка национальных меньшинств. Особое внимание ученый уделил *lingua francas*

(в прошлом — французскому языку, сейчас — английскому языку) и процессам политизации языка. Автор подчеркнул, что политические изменения в мире привели к установлению английского языка в качестве ведущего мирового языка, языка власти. При этом английский язык ассоциируется с современностью, космополитизмом, прогрессом, образованием, а местные языки актуализируют территориальные корни. В политике популизма нелитературный язык (антиэлитарный язык) используется как средство построения национальной идентичности. Для обозначения этого явления существует термин «*Le Sarkoberlusconisme*». Язык продолжает являться средством формирования идентичности, создания границ, символическим механизмом, используемым для того, чтобы создавать и поддерживать процессы исключения и принятия «Другого».

Пленарный доклад шведского профессора Питера Берглеза (Peter Berglez) представлял собой ответ на вопрос, может ли «глобальный взгляд» уменьшить расстояние между Европейским союзом и входящими в него нациями. Выступающий представил свою книгу «Глобальный журнализм: теория и практика» (2013), в которой говорится о необходимости выработки кросс-культурной компетенции у журналистов. С точки зрения автора, такой «глобальный взгляд» должен сократить дискурсивные барьеры между странами, входящими в Европейский союз, поскольку сегодня существует мнение о том, что европейская публичная сфера существует не для простых людей, а для (европейской) элиты. И, как следствие, для граждан Польши или Ирландии европейское пространство является синонимом чего-то чужого и далекого. В связи с этим автор подчеркивает, что политическая дискурсивная связь между национальной и европейской идентичностью должна предполагать глобальный компонент. Национальным СМИ необходимо показывать, что нация находится под влиянием экстраевропейских процессов, будь то изменение климата или финансовый кризис. Методологическим основанием теории глобального журнализма является культурный марксизм и постструктурализм, теория космополитизма, «методологический национализм», исследования СМИ.

В пленарном докладе английского ученого Христофера Харта (Christopher Hart) при помощи методов когнитивной лингвистики описывались визуально-лингвистические измерения в представлении политических протестов. Выступающий говорил о том, что представление в СМИ многочисленных уличных протестов играет важную роль

в признании их (не)законности. В лингвистическом и визуальном измерении дискурса протестов решающую роль имеет точка зрения наблюдателя, его тела, точки наблюдения в концептуальном пространстве. Важен угол камеры, (не)подвижность камеры, расстояние между оператором и участниками события и др. Эти приемы «визуальной грамматики» позволяют создать альтернативную идеологически нагруженную интерпретацию событий.

Польский исследователь Лежек Корпорович (Leszek Korporowicz) в своем пленарном выступлении говорил о культурных правах в межкультурном пространстве, которое становится фактом повседневной жизни, способность использовать который будет скоро ключевой компетенцией для каждого работника, гражданина, а также сообществ и наций. Уже сегодня межкультурное пространство определяется не только физическими, но и концептуальными параметрами (особенно важны переходные периоды из одного состояния в другое во время взаимодействия с «Другими»). Важно понять, что можно использовать для развития общества в результате такого межкультурного взаимодействия и как превратить это в инновационную форму создания новых культурных сообществ. В то же время автор подчеркивает, что процессы глобальной миграции и мобильности повышают значимость культурного разнообразия как последствия глобализации. В связи с этим необходимо признавать и уважать культурные права отдельных сообществ, особенно там, где существует необходимость взаимодействия, кооперации и, естественно, коммуникации.

Михаил Кржижановский (Michał Krzyżanowski), выступая на пленарном заседании, описывал вклад критического дискурс-анализа в изучение дискурсов, концептов и организационных практик в конструировании европейских идентичностей. Автор подчеркнул, что критический дискурс-анализ продолжает играть большую роль в изучении и деконтекстуализации дискурсивных паттернов европейской идентичности. Основные методологические принципы критического дискурс-анализа (интердискурсивность или реконтекстуализация), а также многоуровневый холистический подход помогают выявить сходства и различия между различными траекториями идентичности в Европе. Однако для анализа динамики изменения идентичности целесообразнее применять

дискурсивно-концептуальный анализ, основанный на критическом дискурс-анализе и концептуальной истории. Кроме того, необходимо использовать дискурсивно-этнографический подход, который основан на критическом дискурс-анализе и критической этнографии, для анализа дискурсивных и организационных практик в европейских супранациональных институтах.

Следует отметить политизированность некоторых докладов. Примером может служить выступление В. Левтуха под названием «Мой Майдан: лингвистика сердца» (Украина). Присутствующие на конференции увидели презентацию, состоящую из трех частей: 1) «Я и мои студенты на Майдане» (приводились фотографии Майдана различных лет); 2) данные социологических опросов об участниках Майдана (с выборочной интерпретацией количественных показателей); 3) «Мои друзья — зарубежные ученые, поддерживающие идеи Майдана в своих блогах». В докладе не был представлен языковой материал, за исключением заключительных восклицательных предложений: *Please, help us! (Пожалуйста, помогите нам!)* *Please, support us! (Пожалуйста, поддержите нас!)*. Несмотря на отсутствие лингвистического материала и, следовательно, его анализа, ведущий секции поблагодарил В. Левтуха за «эмоциональный блестящий кейс».

Показательно, что материалом исследования все чаще становятся креолизованные тексты. Это продемонстрировали, например, доклад Марты Бржежинской (Marta Brzezinska) о визуальной риторике и политическом изменении в фильмах (на примере немецких кинолент 1989 г. о падении Берлинской стены), доклад Фабианны Вайбер и Марии Константиноу (Fabienne Baider & Maria Constantinou) о визуальном конструировании национальной идентичности посредством аватаров, псевдонимов, аргументации сторонников крайне правых партий в Греции и во Франции.

По итогам конференции планируется издать коллективную монографию.

В заключение следует сказать, что проведение научных конференций способствует институционализации политической лингвистики как научного направления, а также помогает понять сходство и различие тематических областей и методов исследования политического дискурса у российских и зарубежных ученых.

В. И. Коньков V. I. Konkov
Санкт-Петербург, Россия St. Petersburg, Russia

ИСТОРИЯ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Рецензия на монографию В. Е. Чернявской и Е. Н. Молодыченко «История в дискурсе политики: лингвистический образ своих и чужих» (М.: УРСС, 2014). Авторам удалось описать языковое выражение исторической реальности в национальном политическом дискурсе. В первой части работы анализируется базовая оппозиция политического дискурса «свои — чужие», во второй — плюрализм исторического описания как заданный гуманитарным знанием и как результат идеологически противоположных точек зрения. Материалом исследования служат выступления американских президентов (1960—2008), тексты современных украинских историков о Великой Отечественной войне, тексты современных общественно-политических деятелей Армении и Азербайджана. Анализ речевого материала предусматривает пять уровней: отдельный коммуникативный акт, отдельный текст, глубинный макросемантический анализ смысловой структуры текста, над- и околотекстовый анализ, межтекстовый дискурсивный анализ.

Ключевые слова: политическая лингвистика; стилистика; язык и идеология; политико-идеологический дискурс; идеологические обусловленные интенции.

Сведения об авторе: Коньков Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации факультета журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

Контактная информация: 199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26.
e-mail: v.konkov@mail.ru.

HISTORY IN DISCOURSE OF POLITICS

Abstract. This is a review of the monograph "History in Discourse of Politics: Linguistic image of own and alien" by V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko (M.: URSS, 2014). The authors managed to describe verbal manifestation of historical reality in national political discourse. In the first part the basic opposition of political discourse "own - alien" is analyzed, in the second – pluralism of historical description as set by humanitarian knowledge and as a result of ideologically confronting opinions. The material for research is the addresses of the American presidents (1960 – 2008), texts of contemporary Ukrainian historian about the Great Patriotic War, texts of contemporary social and political activists in Armenia and Azerbaijan. The analysis of linguistic material consists of five levels: separate communicative act, text, deep macrosemantic analysis of semantic structure of the text, over- and around-the-text analysis, intertextual discursive analysis.

Key words: political linguistics; stylistics; language and ideology; political and ideological discourse; ideologically determined intentions.

About the author: Konkov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Speech Communication, Faculty of Journalism, Higher School of Journalism and Mass Communication.

Place of employment: St. Petersburg State University.

Обращаясь к теме политической коммуникации, автор публикации находится в сложной ситуации в силу узнаваемости предмета исследования. Политический дискурс сегодня востребован у исследователей, и начинающих, и опытных. Многие из предлагаемых подходов, однако, теряются в потоке публикаций, воспринимаются как мозаичные, эклектичные, поверхностные.

Книга В. Е. Чернявской и Е. Н. Молодыченко не стала «еще одной работой» о политическом тексте. Выход в свет книги можно оценить как значимое текстовое событие, поскольку в ней дается глубокий анализ ключевых категорий современного дискурсивного анализа, формулируются вопросы, требующие разрешения с учетом нового знания и новых фактов речевой деятельно-

сти общества, и, что особенно важно, предлагаются ответы на эти вопросы, позволяющие политической лингвистике продвинуться в объяснении своих фундаментальных понятий. В монографии обозначен новый формообразующий контекст современных рассуждений об историческом тексте в рамках идеологии. В. Е. Чернявская и Е. Н. Молодыченко, используя категориальную систему стилистической науки, изучают политический дискурс и получают при этом результаты, которые представляют интерес как для теории политической коммуникации, так и для стилистической науки как таковой.

Ключевыми понятиями, определяющими содержание монографии, являются язык и идеология, историческое знание в идеологическом контексте, политический и истори-

ческий дискурс. Авторы поставили и успешно решили исследовательскую задачу — описать языковое выражение исторической реальности в национальном политическом дискурсе.

Политический дискурс рассматривается в его возможном широком толковании как совокупность высказываний/текстов, принадлежащих политике как общественно значимой сфере общения, и в узком смысле — как высказывания/тексты, создаваемые в институциональной обстановке авторами, профессионально занимающимися политикой.

При подходе к историческому дискурсу существенно разграничение истории как последовательности событий и истории как описания некоторой последовательности событий. Специалисты знают, что вопрос о границах собственно истории и интерпретации событий, фактов как исторического прошлого, исторического настоящего, прогнозируемого будущего остается открытым. Возможен подход к истории как совершаемой «на наших глазах», «истории как современности», что затрагивает проблемы идентификации личности, народа, государства. В соответствии с таким подходом, исследовательский взгляд на историю возможен только и именно ретроспективно как на исторический дискурс, т. е. совокупность коррелирующих с соответствующей исторической и политической практикой текстов/высказываний. Он реализован в монографии как единство двух частей.

Первая глава «Политический дискурс как сфера столкновения „своих“ и „чужих“» вводит в анализ оппозицию «свои — чужие» как базовую оппозицию политического дискурса. Вторая глава «Политический дискурс как сфера столкновения конкурирующих интерпретаций истории» посвящена исключительно сложной проблеме плюрализма исторического описания, плюрализма, заданного самим гуманитарным знанием, и плюрализма как следствия конфликтных идеологически противоположных точек зрения.

Материал исследования носит комплексный характер в подлинном смысле этого слова: это публичные выступления американских президентов с 1960 по 2008 г. (период холодной войны и «нового мирового порядка»); тексты украинских историков, освещающие события Великой Отечественной войны в сегодняшний период общественно-политического развития на постсоветском пространстве; тексты общественно-политических деятелей Армении и Азербайджана в связи с геополитической ситуацией и территориальным спором о принадлежности Нагорного Карабаха. Следует согласиться с ав-

торами, что такой текстовый корпус является наиболее показательным и эвристически ценным для выявления, с одной стороны, специфики языка политики и языка истории, с другой — трансформации национального политического дискурса в националистический. Выбор материала для анализа и его комплексность обеспечивают фундаментальность исследования и создают основу для убедительности выводов.

В монографии реализован когнитивно-дискурсивный подход, известный специалистам по другим работам В. Е. Чернявской. Текст предстает как отражение, с одной стороны, когнитивных структур, с другой — операциональных коммуникативно-прагматических приемов. В центре внимания оказывается прагматика коммуникации. Дискурс понимается авторами как «совокупность тематически соотнесенных текстов», образующих «принципиально открытую систему». Соответственно понятие дискурсивности предполагает отношение к тексту «не как к изолированной единице, но как к составной части метатекстового единства». Таким образом, если речевой материал рассматривается как дискурс, то внимание исследователей направлено на «языковое выражение (языковой коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность».

Принципиально значимым представляется актуализация в исследовании положения, согласно которому дискурс как типологически предзаданный способ мышления и коммуникативно-речевой практики связан с осуществлением социальной власти.

Монография предлагает четкую непротиворечивую методику анализа речевого материала. Авторами предусмотрены пять уровней анализа: отдельный коммуникативный акт; отдельный текст; глубокий макросемантический анализ смысловой структуры текста; над- и вокругтекстовый анализ; межтекстовый дискурсивный анализ.

Считаю возможным подчеркнуть, что концепция исследования носит универсальный характер и может быть использована при анализе различных типов идеологически значимого речевого материала. Методологический потенциал этой концепции продемонстрирован в первой главе на основе анализа дискурса двух выделяемых историками и политологами периодов — периода холодной войны и периода «нового мирового порядка». Мы видим, как происходит моделирование образа врага в дискурсе гло-

бального антагонизма «США и чужие». Анализ дискурса двух периодов позволяет выделить тактические приемы и средства прагматического фокусирования комплексного образа врага, реализующие в своей совокупности три частных стратегии: стратегию созданием круга «чужих», стратегию создания фантомной угрозы, стратегию демонизации врага. Выявлены, систематизированы и описаны как типичные лингвистические средства, так и регулярно повторяющиеся приемы моделирования образа врага.

Примечателен вывод, что в разные периоды «репродуцируется один и тот же тип дискурса как способ видения мира — дискурс глобального антагонизма». Это свидетельствует о том, что существуют универсальные персуазивные механизмы моделирования образа врага в текстах американского политического дискурса, используются идентичные стратегии и тактики, актуализируются одни и те же оценочные смыслы. Это представляет собой инструментарий осуществления власти дискурса, о котором пишут авторы.

Особый ракурс исследованию задает введение в исследовательскую перспективу лингвистов категории *истории*, ибо именно это и делает работу актуальной и социально значимой. Объектом анализа здесь становятся прошлые события, ретроспективное освоение которых открывает нам исторический характер современности. Для идеологической среды, в которую входит и политико-идеологический дискурс, принципиально важен тот факт, что современное образуется из прошлого, выполняет свою миссию и тоже становится прошлым. Для обычного человека, для массовой аудитории история, и это также принципиально важно, дана в непосредственном ощущении как течение личной жизни, включенной в общественный процесс. Только история наполняет время человеческой жизни смыслом, и календарное время начинает приобретать содержательную определенность. Человек начинает соотносить себя как личность с содержанием и течением исторического процесса. Всё сказанное свидетельствует о том, насколько значим для современной исследовательской ситуации в лингвистике выбранный авторами материал.

Авторы последовательно проводят мысль, что история в политике не сводима к фальсификации, диффамации, демагогии и пропаганде. Главный результат исследования и его ключевой вывод состоит в том, что перед нами сложный многоуровневый феномен, показывающий производность фак-

тов от их описания и оценки, а самого описания — от идеологически обусловленных интенций автора. Здесь в основе множественности интерпретаций действительности лежит бинарная оппозиция «свой — чужой», которая и вынесена авторами в название работы.

Значительный интерес в плане реализации исследовательской концепции представляет вторая глава «Политический дискурс как сфера столкновения конкурирующих интерпретаций истории». Она анализирует ту коммуникативно-речевую практику, которая отражает геополитическую ситуацию в Кавказском регионе в постсоветский период, связанную с армяно-азербайджанским конфликтом. Исследовательский пафос заключается в том, что идеологическая ангажированность способна привести к подмене национального политического дискурса националистической дискурсивной практикой. Эта часть коллективной монографии принципиально значима в общеметодологическом плане.

Изучение лингвистических аспектов вербализации исторического знания говорит нам о том, что контакты между исследованиями чисто стилистического плана и сферами знаний других наук чрезвычайно плодотворны для стилистической науки, но не замыкаются в ней.

Ключевой вопрос главы формулируется следующим образом: «Что делает конфликт протяженным и неоконченным — неустранимые, существующие как данность в данной ситуации соседство христиан и мусульман, интересы великих держав или же провоцирующая коммуникативно-речевая практика, постоянно возвращающая соседние народы в состояние противопоставления?» Предложенный анализ и выводы дают специалисту в области теории речевого воздействия, политологии, конфликтологии рекомендации по противостоянию фальсификации истории и предотвращению провокаций политических конфликтов.

Монография в целом и отдельные ее части не вызывают принципиальных возражений. Однако если авторы решат продолжить работу над темой, то хотелось бы увидеть в исследовании фрагмент, посвященный категории *образа*, которая является в монографии одной из базовых и поэтому требует содержательного наполнения и истолкования.

Рецензируемая книга написана в соавторстве. Часто приходится констатировать, что соединенные под одной обложкой главы, написанные разными учеными, согласуются лишь условно. Книга В. Е. Чернявской и Е. Н. Молодыхенко — удачный образец под-

линного соавторства. Она предстает как действительно заметное событие, поскольку перед нами *со-бытие*, *со-мышление* двух ученых, объединивших различные подходы и точки зрения в единую концепцию.

Книгу можно безусловно рекомендовать не только лингвистам, но и специалистам в области теории коммуникации, теории речевого воздействия, политологии, так как это исследование отвечает на вызовы современности как в общественно-политическом контексте, так и в системе лингвистических тенденций и приоритетов.

Е. А. Нахимова E. A. Nakhimova

А. П. Чудинов A. P. Chudinov

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВОПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПЕРСОНОЛОГИЯ**

**CONTEMPORARY LINGUISTIC
PERSONOLOGY**

Аннотация. Рецензия на монографию Н. В. Вагенляйтнер и Л. Б. Никитиной «Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века», изданную в Омском государственном педагогическом университете (2014 г.). Монография выполнена в рамках Омской школы лингвистической персонологии, ориентированной на исследование образа человека в языковой картине мира и ее частных дискурсивных вариантах. По сути представлено первое монографическое исследование, посвященное языковому образу политика в аспекте взаимодействия публицистического и политического дискурсов. Анализируется языковой образ-концепт «политик», представлена его иерархическая структура, включающая профессионально-деловые, интеллектуально-речевые, морально-правовые качества и внешние проявления.

Abstract. A review of the monograph "Linguistic Image of a Politician According to the XXIst Century Russian Printed Press" by N.V. Vagenleitner and L. B. Nikitina published in Omsk State Pedagogical University (2014). The monograph follows the traditions of Omsk school of linguistic personology, which aims to research the image of a person in the language world picture and its particular discursive variants. This is the first monograph devoted to the linguistic image of a politician in the aspect of interaction of mass media and political discourses. The linguistic image-concept "politician" is analyzed, the hierarchic structure is presented including professional, intellectual and verbal, moral qualities and their manifestation in the language.

Ключевые слова: лингвистическая персонология; языковой образ политика; политическая лингвистика; медиалингвистика; портретная индивидуализация; портретная агитация; характеристика политика.

Key words: linguistic personology; linguistic image of a politician; political linguistics; media linguistics; portrait individualization; portrait agitation; characterization of a politician.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью.

About the author: Nakhimova Elena Anatoliyevna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Advertising and PR.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности.

About the author: Chudinov Anatoliy Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Исследовательское внимание к человеку политическому, характерное для ряда гуманитарных наук (история, философия, политология, социология и др.), отражает непреходящий интерес к феномену власти и ее субъектам. Современная политическая лингвистика с опорой на идеи междисциплинарности и комплементаризма плодотворно изучает специфику политического дискурса, речевое поведение политических персон, содержательный аспект политических тек-

стов, процессы и результаты метафоризации мира политики.

Достижения как политической лингвистики, так и антропоцентристской семантики создали весомые предпосылки для специального комплексного исследования образа политика как объекта языковой концептуализации и одного из фрагментов современной русской языковой картины мира.

Рассматриваемая монография [Вагенляйтнер, Никитина 2014] продолжает лучшие

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Нахимова Е. А., Чудинов А. П., 2014

традиции Омской школы лингвистической персонологии — научного направления, ориентированного на исследование образа человека в языковой картине мира и ее частных дискурсивных вариантах, на разноаспектное описание «глобального образа человека» [Никитина 2004; Одинцова 1994; Орлова 2005 и др.].

Н. В. Вагенляйтнер и Л. Б. Никитина сосредоточились на изучении языкового образа политика. При таком подходе идеи и методы современной политической лингвистики органично сочетаются с традиционными подходами к исследованию языка массовой коммуникации, а методология антропоцентристской семантики, ориентированной на системное и многоаспектное описание образа человека в языке, получает свое дальнейшее развитие. Это по существу первое монографическое исследование, посвященное языковому образу политика в аспекте взаимодействия публицистического и политического дискурса.

С целью семантического моделирования образа человека политического авторы проанализировали тексты российских центральных и региональных печатных СМИ начала нынешнего столетия (2000—2013 гг.), которые изобилуют разнообразными характеристиками политических деятелей. Названные темпоральные рамки характеризуются относительной стабильностью и открытостью политической ситуации в России, поспособствовавшими активной позиции СМИ по отношению к происходящим в стране политическим процессам и субъектам политической деятельности, что обеспечивает адекватность языкового представления политических персон реалиям общественной жизни.

Н. В. Вагенляйтнер и Л. Б. Никитина обосновывают целесообразность избранного метода семантического моделирования, отмечая его ориентацию на комплексный подход к объекту изучения. Этот метод предопределил анализ исследуемого феномена в разных аспектах: лексико-синтаксическом, семантико-синтаксическом, прагматилистическом, а результатом его реализации стало представление языкового образа человека-политика по данным современных печатных СМИ как сложного семантического конструкта, имеющего разноуровневую языковую структуру и ярко выраженную экстралингвистическую обусловленность.

Авторами подробно описано лексико-семантическое пространство образа-концепта «политик», представленное наименованиями, отражающими характерную для общественной жизни современной России динамичность политической жизни, сменяемость

ее политических лидеров, изменение их статуса (семантическая триада «бывший — настоящий — будущий»): *бывший (экс-) министр образования, будущий премьер, вчерашний единоросс* и т. д.; наименованиями, конкретизирующими «тип» политического деятеля, его функции и переходные ипостаси: *политический менеджер, политик-хозяйственник, полулиберал* и т. д. Отдельное внимание уделяется наименованиям с диффузным значением, актуализирующим свой смысловой потенциал в контексте, например: *чиновник* — это а) находящийся на государственной службе член политической партии; б) «чистый» исполнитель, лишенный политических пристрастий; в) бюрократ, демонстрирующий пренебрежение к нуждам людей в угоду формальностям. Исследователями установлено, что наименования человека политического в современных СМИ носят по преимуществу неочечный характер; среди оценочных преобладают отрицательно-оценочные, являющиеся результатом метафоризации и языковой игры (например, *политическая проститутка, всласть имущие* и др.).

Предпринятое авторами монографии детальное описание доминантных структурно-семантических моделей характеристики политических лидеров позволило показать характерную для современных российских СМИ смысловую насыщенность языкового образа политика. В частности, отмечается, что политик предстает исполнителем разнообразных действий, профессиональных и так называемых общечеловеческих (ср.: *управляет городским хозяйством, разрабатывает закон, выполняет указы избирателей — читает книги, воспитывает детей, разводится с женой*); ему присущи самые разные признаки-характеристики, как непосредственно связанные с политической деятельностью (позиция по тому или иному общественно-политическому вопросу, выступление, посвященное изложению этой позиции, и т. д.), так и косвенно определяющие политическое лицо субъекта (личностные качества, черты характера, различные человеческие проявления).

Выделяя из возможного разнообразия сущностных признаков и функций человека («человек внешний», «человек эмоциональный», «человек разумный», «человек говорящий», «человек этический») один сегмент — «человек политический» — и рассматривая его как фрагмент русской языковой картины мира, Н. В. Вагенляйтнер и Л. Б. Никитина показывают, что исследуемый языковой образ-концепт «политик», в свою очередь, также сегментирован и представляет собой ие-

рархическую структуру, составленную из элементов портрета политика: его профессионально-деловых, интеллектуально-речевых, морально-нравственных качеств и разнообразных внешних проявлений.

Принципиально важным является для исследователей установление корреляции между языковыми субобразами человека в пределах семантико-концептуального пространства «человек политический» и взаимообусловленности семантических доминант языкового образа-концепта «политик», и, в конечном счете, построение иерархической структуры исследуемого феномена. Иерархию данного образа-концепта помогают осмыслить рассмотренные в монографии оппозиции образов «внутренний — внешний политик», «идеальный — реальный политик».

В монографии оригинально представлены гендерные аспекты образа политиков, в том числе существенные особенности представления женщин, добившихся политических успехов, а также оценки внешней привлекательности мужчин-политиков и того, в какой мере эта привлекательность способствует политическому успеху.

Авторы показывают, что вторжение современных СМИ в личный мир политиков разрушает традиционно свойственную власти дистанцированность. Исследование содержит многочисленные примеры повышенного внимания СМИ к внешним атрибутам политического деятеля (его гендерно обусловленным характеристикам, состоянию здоровья, одежде, предметам пользования и т. д.), что, по мнению авторов, способствует существенной трансформации представлений о незаурядности, избранности человека, приходящего во власть: политик предстает не только как часть механизма власти, но и как живой человек. В то же время наблюдения над тем, что современные СМИ нередко детально пишут о таких аспектах жизни политика, которые не имеют прямого отношения к его политической деятельности, приводят к размышлениям о правомерности вмешательства СМИ в частную жизнь политической персоны.

Описанные в монографии закономерности по существу «учат» политиков и их копирайтеров тому, какую информацию следует, а какую не следует делать общедоступной.

Заслуживает внимания модель идеального политика, созданная на основе анализа и сопоставления оценочных высказываний и высказываний, содержащих семантику долженствования. Исследователи показывают, как данная модель, регулярно воспроизводимая публицистами в период избира-

тельных кампаний, реализуется в речевом жанре портретной агитации.

Многочисленные частные наблюдения и выводы, сопровождающие представленный в монографии процесс семантического моделирования языкового образа политика по данным российских печатных СМИ начала XXI в., позволили авторам определить специфику исследуемого феномена, которая, по их мнению, связана с наличием специальных лексических средств его репрезентации; с частотностью семантико-синтаксических конструкций, в которых человек, занимающийся политикой, представлен как действующий субъект, а также конструкций с семантикой установления причинно-следственной связи между индивидуальными качествами политика и его действиями; с отраженными в газетных текстах смысловыми расхождениями представлений о поведенческих нормах, о морали и нравственности, внешней атрибутике человека-политика и человека вне политики; с повышенной персонализированностью и индивидуализированностью портретных описаний; с запрограммированностью оценок, связанной с конкретной политической ситуацией или мероприятиями, касающимися выбора обществом политического курса; в целом с преобладанием отрицательно-оценочных смыслов.

Монография будет интересна и полезна широкому кругу специалистов. Лингвисты не оставят без внимания оригинальную и перспективную методику семантического моделирования языкового образа политика в печатных СМИ, которая может быть в дальнейшем усовершенствована и апробирована на новом языковом материале.

Результаты рецензируемого монографического исследования могут быть использованы при изучении политической и медийной коммуникации в системе профессионального филологического и политического образования, а его материалы могут найти применение в лексикографической практике при составлении специального словаря политического портретирования.

Специалисты по политической рекламе, политическим технологиям и связям с общественностью могут воспользоваться результатами исследования во время пиар-кампаний для формирования общественного мнения относительно того или иного общественного деятеля, для выработки конкретных предложений по улучшению речевого имиджа политика, стратегий и тактик его речевого поведения. Детальное осмысление лингвистических средств репрезентации политических лидеров в публицистике дополнит уже существующие описания мас-

совой коммуникации и одновременно поможет лучше понять факторы, определяющие представления о политических лидерах.

При характеристике перспективы дальнейшего исследования проблем политической лингвополитологии авторы справедливо отмечают важность сопоставительного исследования репрезентации образов политиков в различных национальных дискурсах и на различных исторических этапах развития общества, а также сопоставления закономерностей представления образов политика в различных средствах массовой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагенляйтнер Н. В., Никитина Л. Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014.
2. Никитина Л. Б. Категориальные семантические черты образа «*homo sapiens*» в русской языковой картине мира. — Омск, 2004.
3. Одинцова М. П. Человек как вселенная: образ «целого» и «части» в языковой картине мира // Человек. Культура. Слово: мифопоэтика древняя и современная. — Омск, 1994.
4. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). — Омск, 2005.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Дополнительная специальность: 24.00.00 — Культурология

22.00.00 — Социологические науки

12.00.00 — Юридические науки

23.00.00 — Политология

07.00.00 — Исторические науки и археология

Издательство: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научно-го цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом не более 300-350 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5-10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»

Кафедра риторики и межкультурной коммуникации
Редакция журнала «Политическая лингвистика»

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

С 26 по 28 августа 2014 года Уральский государственный педагогический университет проводит уже традиционную осеннюю международную научную конференцию с элементами научной школы «Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления».

Приглашаем принять в ней участие филологов и политологов, социологов и культурологов, историков и психологов, всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

В рамках данной конференции будут обсуждены вопросы следующих тематических блоков:

1. Современные школы политической лингвистики.
2. Политическая метафорология.
3. Межкультурная коммуникация: способы адаптации.
4. Образ России: способы репрезентации.
5. Информационно-психологические войны.
6. Стратегии и тактики воздействия.
7. Экстремистский текст и деструктивная личность.

Материалы конференции будут изданы в виде сборника научных трудов, обладающего ISBN (Международный стандартный книжный номер), УДК, ББК. Материалы конференции будут представлены в Электронной научной библиотеке (РИНЦ), а также размещены в свободном доступе в электронном виде на сайте *politlinguist.ru*.

Сборник трудов будет опубликован до начала конференции.

Лучшие материалы также будут опубликованы в журнале «Политическая лингвистика», входящем в перечень ВАК.

Конференцию планируется провести на базе отдыха в живописных окрестностях Екатеринбурга. Участники конференции без дополнительной оплаты обеспечиваются проживанием в двух-, трехместных номерах. За дополнительную плату возможно проживание в более комфортабельных номерах.

Для участия в конференции необходимо до 20 июля 2014 года прислать по электронному адресу (shinkari@mail.ru) в одном файле (название файла должно состоять из фамилии и инициалов по образцу: ВорошиловаМБ.doc):

- заявку (приложение № 1);
- тезисы выступления (приложение № 2).

Оргкомитет по результатам экспертизы материалов оставляет за собой право решения вопроса о публикации доклада в сборнике материалов конференции.

Приложение 1.

Форма заявки на участие в конференции (оформляется на русском и английском языке)

1. Фамилия, имя, отчество (полностью).
2. Ученая степень, ученое звание.
3. Место работы и должность.
4. Почтовый рабочий адрес и электронный адрес, контактный телефон.

Для заочных участников: почтовый адрес для рассылки материалов конференции.

5. Тема выступления.
6. Форма участия: личное участие или стендовый доклад в заочной форме.

Приложение 2. Требования к оформлению тезисов

1. Объем — 4-10 печатных страниц, 12 кегль, полуторный интервал (по 40 строк на странице), поля — 2 см сверху, снизу, справа, слева.
2. Обязательно на русском и английском языках: название статьи, аннотация и ключевые слова.
3. Электронный вариант в формате *Word* или *RTF*.
4. Нежелательны сложные для воспроизведения таблицы, схемы, рисунки и т. п.
5. Оформление списка литературы и сносок (если они требуются) по правилам, принятым в журнале «Политическая лингвистика» (см. сайт *politlinguist.ru*).

Адреса и телефоны для справок:
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, каб. 221
тел. 8-922-6128661
e-mail: shinkari@mail.ru
Ворошилова Мария Борисовна

тел. 8-343-3361592
e-mail: ap_chudinov@mail.ru
Чудинов Анатолий Прокопьевич

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2014. ВЫПУСК 2 (48)

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 23.06.2014. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 30,4. Усл. печ. л. — 34,8. Тираж 500 экз. Заказ 4401.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru